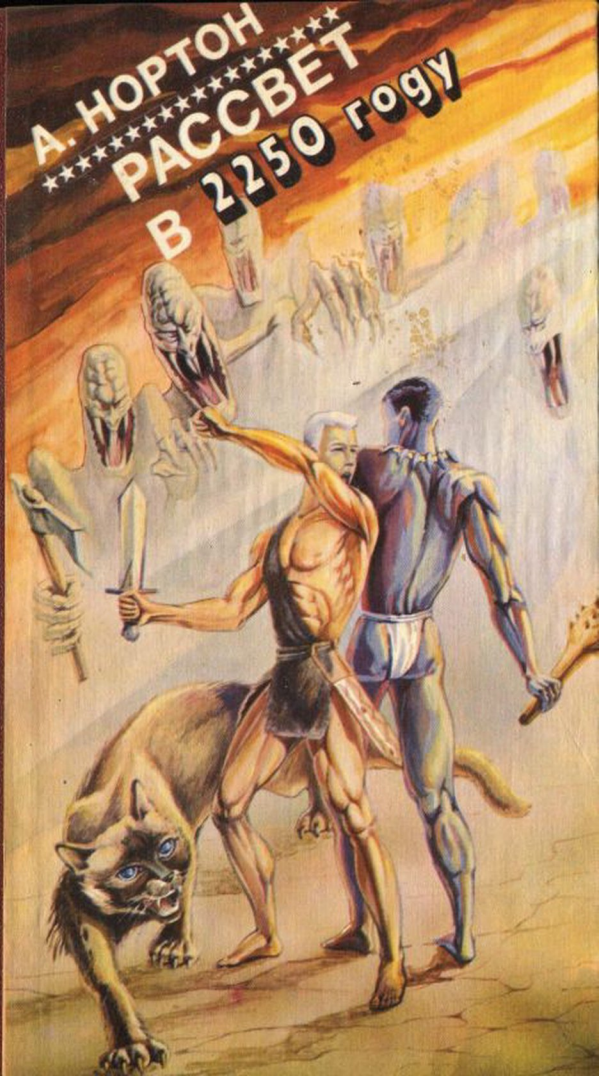
ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА



Рассвет в 2250 году

Андрэ Нортон

Аннотация
Андрэ Нортон. Рассвет в 2250 году
Рассвет в 2250 году
Звездная стража
Последняя планета
Сокровище таинственной расы
Звездный охотник

Аннотация

Без издательской аннотации. Серия Зарубежная фантастика, вып. 17.

Содержание:

РАССВЕТ В 2250 ГОДУ
ЗВЕЗДНАЯ СТРАЖА
ПОСЛЕДНЯЯ ПЛАНЕТА
СОКРОВИЩЕ ТАИНСТВЕННОЙ РАСЫ
ЗВЕЗДНЫЙ ОХОТНИК

Андрэ Нортон
Рассвет в 2250 году

Рассвет в 2250 году

I.

Ночной туман густой непроницаемой пеленой все ещё окутывал большую часть Айри. Капельки росы оседали на голых руках и кожаной куртке наблюдавшего. Он слизнул с губ влагу. Но он не сделал ни шагу к укрытию, а продолжал сидеть там же, где провел все эти долгие часы темноты. Яростный гнев привел его на вершину скалы возле деревни его племени. И что-то очень похожее на настоящее отчаяние удерживало его там.

Он уперся скуластым подбородком сильным раздвоенным и упрямым — на ладонь грязной руки и пытался разглядеть прямоугольные постройки в разлившемся внизу тумане. Прямо перед ним, конечно же, был Звездный Зал И когда он изучал грубые каменные стены, его губы изогнулись, словно в беззвучном рычании Быть одним из Звездных Людей, почитаемых всем племенем, посвятить свою жизнь сбору и хранению знаний, прокладывать новые тропы и исследовать затерянные земли — он, Форс из клана Пумы, никогда не мечтал ни о какой другой жизни.

Вплоть до того часа Совета-у-Костра прошлой ночью он продолжал надеяться, что ему будет дано право вступить в Зал. Но он был ребенком или идиотом, если надеялся на это. Пять лет его пропускали в отборе юношей, словно его вовсе не существовало. Почему же его достоинства вдруг показались бы ослепительно яркими на шестой раз? Да хотя бы потому, — его голова упала, а зубы стиснулись, — что наступил последний год, самый последний для него. На следующий год он перейдет предельный для неофита возраст.

Может быть… если бы его отец вернулся из той экспедиции, если бы он сам не носил столь явного клейма… его пальцы вцепились в густые волосы на голове, он больно дернул их, словно хотел вырвать их с корнем. Его волосы были самым худшим. Они могли забыть о его нокталопии и чересчур остром слухе. Он мог скрыть это, как только узнал, насколько это опасно — отличаться от других. Но он не мог спрятать цвет своих коротко подстриженных волос. И это стало его проклятием с того дня, когда отец привел его сюда У других его соплеменников были каштановые или черные или, в худшем случае, выгоревшие на солнце желтые волосы. У него же они были серебристо-белые и показывали всем

людям, что он мутант, отличный от остальных людей его клана Мутант! Мутант! Больше двухсот лет, с тех черных дней хаоса, последовавшего за Великим Взрывом, атомной войной, этого слова было достаточно, чтобы приговорить его без суда. Страх диктовал это сильный инстинктивный страх всей расы перед кем-либо о меченным проклятием иного телосложения или не обычных способностей О том, что случилось с мутантами, с теми несчастными, кто родился в первый год после Взрыва, рассказывали страшные сказки В те дни некоторые племена предприняли решительные шаги, чтобы позаботиться о сохранении в чистоте или почти в чистоте человеческой расы Здесь, в Айри, далеко в стороне от разбомбленных и зараженных секторов, мутации были почти неизвестны. Но у него, Форса в жилах текла кровь равнин зараженная и нечистая и с тех пор как он вообще себя помнил, ему не позволяли забыть об этом. Пока жил его отец, было не так уж и плохо. Другие дети дразнили его и затевали драки. Но уверенность в нем отца как-то помогала даже это считать естественным. И вечерами, когда они уединялись от остального Айри, он подолгу читал и писал, учился составлять карту и наблюдать, заучивал сведения о верхних и нижних слоях,

следах. Даже среди Звездных Людей его отец был мастером по инструктажу. И Лэнгдон никогда не сомневался, что его единственный сын Форс последует за ним в Звездный Зал. Поэтому, даже после того, как отец не сумел вернуться из путешествия в Нижние Земли, Форс был уверен в своем будущем. Он сделал себе оружие: длинный лук, лежащий сейчас рядом с ним, короткий острый меч, охотничий нож все своими собственными руками, согласно Закону. Он изучил следы и нашел Люру, свою большую охотничью кошку выполнив таким образом все условия для Избрания. Пять лет он каждый сезон подходил к Костру, само собой разумеется, питая все уменьшающую надежду, и каждый раз его игнорировали, словно его вообще не существовало А теперь он был уже слишком взрослым, чтобы отложить попытку Завтра, нет, сегодня он должен будет сложить свое оружие и подчиниться диктату Совета Вердикт предопределен его будут терпеть и это все, на что может рассчитывать мутант, работая на одной из скрытых в пещере гипроферм. Больше никакого обучения, никаких пятнадцати или двенадцати лет скитаний по Нижним Землям с предвкушаемыми в дальнейшем почетными годами жизни в качестве инструктора и храни-

теля знаний. Звездного Человека, исследователя диких мест повсюду, где Великий Взрыв сделал окружающее враждебным для человека. Он не будет принимать никакого участия в поисках старых городов, где могли быть найдены и доставлены в Айри забытые знания, в нанесении на карту дорог и троп, помогая принести свет во тьму Он не мог отдать эту мечту на волю Совета!

Из темноты донесся знакомый вопросительный звук, и он рассеянно ответил мысленным согласием От кучи камней отделилась тень Она подкралась к нему на бархатистых лапах, волоча по мху покрытый мягким мехом живот Затем мохнатое плечо, почти такое же широкое, как и его собственное, толкнуло его, и он опустил руку, чтобы почесать за ушами Люре не терпелось Своими широкими ноздрями она чуяла все запахи дикого леса и рвалась на охотничью тропу. Рука на голове удерживала ее, и она полунегодовала на это. Люра любила свободу. Служила она по собственному выбору, так требовал обычай ее рода. Форс был горд два года назад, когда самый прекрасный меченый котенок из последнего помета Канды выказал предпочтение его обществу. Однажды сам Ярл — Звездный Капитан — заметил его гордость! Как это подняло надежды Форса! Но

из них ничего не вышло, у него осталась только сама Люра. Он потерся горячей щекой о поднявшуюся к нему горячую голову. Она снова издала легкий вопрошающий звук, донесшийся из глубины ее горла. Она понимала его несчастье.

...Не было никаких признаков рассвета. Вместо него над лысой вершиной Большой Шишки собирались черные облака Значит, днем будет гроза, и люди внизу будут прятаться в укрытия. Влажный туман перешел в морось, и Люра была явно недовольна его нежеланием идти в дом. Но если он сейчас войдет в любое здание Айри, это будет капитуляцией капитуляцией и утратой той жизни, вести которую он был рожден — капитуляцией перед всеми перешептываниями, знаком позорного провала, капитуляцией перед клеймом мутанта, отличающего его от всех остальных людей. А он не мог этого допустить, не мог!

Если бы Лэнгдон был там, когда он стоял перед Советом прошлой ночью... Лэнгдон! Он так хорошо помнил своего отца, его высокое, сильное тело, гордо поднятую голову с яркими, беспокойными, ищущими глазами над плотно сжатым ртом и острыми скулами Только цвет волос у Лэнгдона был безопасно темным. Свои слишком светлые волосы Форс получил от своей неизвест-

ной матери-степнячки, его и заклеймили перед всеми как чужака.

Наплечная сумка Лэнгдона с его звездным знаком висела теперь в хранилище Звездного Зала. Она была найдена около его изувеченного тела на месте последней битвы. Бой с Чудищами редко кончался победой для горцев. Убили Лэнгдона, когда он напал на след затерянного города. Не «голубого города», еще запретного для людей, если они хотели жить. Это было безопасное место без всякой радиации, которое можно было обчистить для блага Айри. Форс в сотый раз прикидывал, была ли верна теория отца относительно обрывка, оторванного от карты: находился ли где-то к северу, на краю огромного озера, безопасный город, готовый для жизни, и только ждущий человека, достаточно удачливого и настойчивого, чтобы отыскать его.

— Готовый и ждущий, — Форс повторил эти слова вслух, Затем его пальцы почти со злобой вцепились в мех Люры. Она предупреждающе зарычала в ответ на его грубость, но он не слышал этого.

Черт побери, ответ был у него под носом! Наверное, лет пять назад он не смог бы сделать такой попытки, наверное, эти постоянные ожидания

и разочарования были, в конечном счете, к лучшему. Потому что теперь он был готов, и он знал это! Его сила и способность ею пользоваться, его знания и его смекалка, все было готово.

Внизу еще было по-прежнему темно. Облака закрывали небо всю ночь. Но благоприятное для задуманного время было очень коротким, ему придется действовать быстро! Лук, полный стрел колчан и меч были спрятаны между двух камней. Люра проползла между ними и в ожидании улеглась рядом с ними, его невысказанное предположение совпадало с ее собственным желанием. Форс прокрался по извилистой тропе вниз, в Айри и подошел к задней стене Звездного Зала. Помещения охраны Звездных Людей находились в передней части здания, склад — дальше за ними. Удача была благосклонна к нему, как никогда раньше, потому что тяжелые ставни оказались не заперты и даже полностью не закрыты — это он обнаружил, ощупывая их пальцами. В конце концов, никто никогда и не думал непрошеным забраться в Звездный Зал. Двигаясь так же бесшумно, как и Люра, он перемахнул через высокий подоконник и, тяжело дыша, остановился в мерцающем полумраке. Для обычного обитателя Айри в комнате была почти полная

темнота. На сей раз нокталопия мутанта Форса оказалась полезной. Он без труда смог различить длинный стол, скамейки, разглядеть контуры висящих на противоположной стене сумок. Они-то и были его целью. Его рука безошибочно нашла ту, которую он много раз помогал упаковывать. Но когда он снял ее с крюка, то отделил пришпиленный к ее ремню блестящий кусочек металла. На бумаги и принадлежащие отцу вещи он мог предъявить какие-то, пусть сомнительные права. Но на эту Звезду он не имел никакого права. Его губы изогнулись в горькой гримасе, когда он положил знак на край длинного стола, прежде чем выбраться наружу, в сырость и тьму. Теперь, когда сумка была переброшена через его плечо, он открыто пошел к складу и забрал хранящиеся там наготове легкое одеяло, охотничью флягу и мешочек с зерном, предназначенные для путешественников. Потом, забрав свое оружие и нетерпеливую Люру, он отправился в путь — не к узким горным долинам, где всегда они охотились, а к запретным равнинам. От озноба, вызванного скорее возбуждением, чем порывами поднимающего ледяного ветра, кожа покрылась мурашками, но его поступь была твердой и уверенной. Он легко отыскал тропу, которую не

обнаружил бы целый авангард разведчиков.

Много раз, собравшись по вечерам вокруг костров, айринцы разговаривали о Нижних Землях и странном мире, ощутившем на себе силу Великого Взрыва и превратившемся в страшную ядовитую ловушку для любого, кто не знал его порядков. Да ведь и то сказать, за последние двадцать лет даже Звездные Люди нанесли на карту только четыре города, и то один из них был «голубым», его надо было избегать. Они знали традиции старых времен. Но как всегда настаивал Лэнгдон, даже повторяя эти рассказы Форсу, они не могли судить, сколь многое из этой информации было искажено временем. Как они могли быть уверенными, что оставались одной расой с теми, кто жил до Взрыва? Лучевая болезнь, которая сократила число выживших в Айри больше, чем наполовину за два года после войны, с таким же успехом могла изменить и будущие поколения. Разумеется, уродливые Чудища тоже были когда-то людьми, хотя всякий, кто видел их теперь, с трудом мог в это поверить. Но они придерживались старых городов, а там могли произойти самые сильные перемены. У айринцев имелись записи, которые доказывали, что их праотцы были маленькой группкой тех-

ников и ученых, занятых какими-то секретными исследованиями, отрезанной от мира, который исчез так быстро. Но были и степняки с широких равнин, тоже свободные от чудовищных изменений, которые выжили и теперь кочевали со своими стадами. А могли быть и другие.

Кто начал атомную войну, было неизвестно. Форс видел однажды старинную книгу, содержащую короткие отрывки радиограмм, уловленных автоматами из эфира в течение того ужасного дня. И обрывки этих посланий сообщали только о гибели мира. Это было все, что горцы знали о последней войне. И хотя они непрерывно боролись за сохранение в неприкосновенности древних навыков и знаний, было много такого, чего они уже не понимали. У них были древние карты с заботливо расчерченными розовыми и зелеными, голубыми и желтыми лоскутами. Но розовые и зеленые, голубые и желтые районы не имели никакой защиты против огня и смерти с воздуха и поэтому перестали существовать. Только теперь люди могли рискнуть выбраться из своих безопасных убежищ в неизвестность и принести обратно обрывки знаний, которые предстояло сложить в. Историю.

Форс знал, что где-то в пределах мили от из-

бранной им тропы был участок довзрывной дороги. И осторожный человек мог пройти по ней примерно день пути на север. Он видел и имел дело с разными трофеями, принесенными его отцом и товарищами его отца, но сам никогда не путешествовал по старым дорогам и не дышал воздухом Нижних Земель. Он ускорил шаг и почти побежал вприпрыжку, даже не чувствуя дождя. Вода струилась по его телу, приклеивая к нему промокшую одежду. Люра протестовала при каждом прыжке, который она делала, чтобы не отставать от него, но не повернула назад. Возбуждение, которое заставило его двигаться так неосторожно быстро, распространилось и на чувствительный мозг огромной кошки, и она, грациозно изгибаясь, прокладывала себе путь через подлесок. Когда он наткнулся на старую дорогу, та почти разочаровала его. Бывшую когда-то гладкой поверхность время, заброшенность и дикая сила растительности разломали и разбили. Тем не менее, при ближайшем рассмотрении это было чудо для того, кто никогда раньше не видел такой дороги. Люди некогда ездили по ней, закрывшись в железных машинах. Форс знал это, он видел фотографии таких машин, но как их создавать — теперь стало тайной. Айринцы зна-

ли о них все факты, с большим трудом добытые из старых книг, принесенных вместе с другой добычей из городов, но теперь нечего было и надеяться приобрести материалы и горючее для их производства и эксплуатации.

Люре дорога не понравилась. Она осторожно попробовала ее лапой, понюхала задравшийся край плиты и снова вернулась на твердую почву. Но Форс храбро зашагал по тропе Древних, хотя иногда легче было пробираться через кустарник. Движение по тропе придавало ему странное чувство силы. Этот слой под его сапогами из шкур был создан самыми мудрыми, сильными и учеными из предков. И задачей людей его расы было вновь обрести эту утраченную мудрость. Хей, Люра!

Кошка остановилась на его ликующий призыв и повернула к нему темно-коричневую морду. Затем она жалобно замяукала словно выражая мысль, что с ней очень дурно обращаются, устроив эту экскурсию в сырой и чрезвычайно неприятный день. Она была по-настоящему прекрасна. Ощущение свободы, доброй воли и счастья передавалось Форсу, когда он смотрел на нее. С тех пор как он оставил за собой последнюю пядь горной тропы, он первый раз в своей

жизни не беспокоился о цвете своих волос и не чувствовал, что он, должно быть, хуже других. Он прочно запомнил все, чему его научил отец, а в свисающей с его плеча сумке был величайший секрет его отца. У него был длинный лук, который не мог согнуть никакой другой юноша его возраста, лук, который он сделал сам. Его меч был остер и сбалансирован, подогнан только к его руке. Перед ним были все Нижние Земли, а в ногу с ним шел лучший из спутников Люра лизнула свой мокрый мех, и Форс уловил ментоимпульс. Было ли это мыслью или просто эмоцией? Никто из жителей Айри не был в состоянии определить, как большие кошки могут поддерживать связь с людьми, которых они выбирали, чтобы удостоить чести вместе с ними жить. Некогда рядом с человеком жили собаки — Форс мечтал о них. Но странная лучевая болезнь оказалась фатальной для собак Айри, и их порода вымерла навсегда. В результате той же самой лучевой болезни изменились и кошки. Неприручаемые до конца, независимые маленькие домашние животные произвели на свет потомство более крупное, чем они сами, с более острым умом и более сильное. Смешение с дикими представителями семейства кошачьих с зараженных равнин породило новую

мутацию. Существо, которое теперь терлось о ногу Форса, было размером с горного льва времен до Взрыва, но его густой мех был темно-кремового оттенка, темнеющий на голове и хвосте до шоколадно-коричневого — набор цветов их сиамского предка, впервые привезенного в горы женой инженера-исследователя. Глаза Люры были темно-сапфировой голубизны настоящего самоцвета, когти ее были невероятно остры, и она была великолепной охотницей. Желание охоты и возобладало в ней, когда она привлекла внимание Форса к клочку влажной почвы, где глубоко отпечатался след оленя. След был свежий, пока он изучал его, несколько песчинок свалились с края по впадину следа. Мясо оленей было вкусным, а запасов он взял немного. Может быть, стоило свернуть в сторону. Ему не нужно было ничего говорить Люре, она уловила его решение и сразу же устремилась по следу. Он осторожно двинулся за ней бесшумным шагом охотника, которому научился столь давно, что уж не мог и вспомнить всех уроков. След под прямым углом уходил от остатков древней дороги через линию обвалившейся стены, где из куч земли и кустарника выпирали старые потрескавшиеся столбы из кирпичей Вода с листьев и ветвей окатывала

обоих охотников, приклеивая домашней выделки лосины Форса к его ногам и просачиваясь в сапоги. Он был озадачен. По всем признакам, олень мчался, спасая свою жизнь. Кто же ему угрожал? Форс не боялся ничего. Он никогда не встречал ни одного животного, которое могло бы выстоять под ударами его стрел со стальными наконечниками или с которым он постарался бы избежать встречи лицом к лицу, имея в своих руках короткий меч Между горцами и кочевниками-степняками был заключен договор. Звездные Люди часто подолгу жили в палатках пастухов, обмениваясь знаниями об отдельных местах с этими вечными скитальцами. Конечно, между родом человеческим и скрывающимися в руинах городов Чудищами шла война не на жизнь, а на смерть. Но последние никогда не осмеливались выбираться далеко из своих сырых, дурно пахнущих нор в развалинах зданий, и разумеется, нечего было бояться встречи с ними в такой открытой местности. Поэтому он последовал за Люрой с уверенностью и безрассудной пренебрежительностью к опасности. След внезапно оборвался на краю небольшого оврага Ниже, футах в десяти, вокруг заросших зеленым мхом камней пенился набухший от дождя ручей Люра

легла на живот, подтягивая свое тело к краю оврага. Форс упал наземь и спрятался за кустом Он знал, что лучше не мешать Люре, умело подкрадывающейся к своей жертве. Когда кончик ее коричневого хвоста вздрогнул, он стал следить за трепетанием боков Люры, которые сигнализировали о ее готовности к прыжку. Но вместо этого шерсть на хвосте вдруг встала дыбом, а плечи ее изогнулись, словно для того, чтобы затормозить движение уже напрягшихся для прыжка мускулов. Он уловил ее послание замешательства, отвращения и даже страха. Он знал, что зрение у него лучше, чем почти у всех жителей Айри, это он доказывал уже много раз. Но то, что остановило Люру, прекратило свои угрозы, исчезло. Только выше по течению один из кустов все еще покачивался, словно кто-то протиснулся через него. Но шум воды заглушал все звуки, и он, напрягая свой слух и зрение, ничего не увидел и не услышал. Уши Люры были плотно прижаты к ее черепу, а глаза превратились щелки, пылающие яростью. Но под этой яростью Форс уловил еще одну эмоцию — почти испуг Большая кошка наткнулась на что-то такое, что показалось ей очень странным и к чему следовало относиться с презрением. Приведенный в чувство ее посла-

нием Форс спустился через край оврага. Люра не сделала никакой попытки остановить его. Что бы там ни встревожило ее, теперь оно исчезло, но он твердо решил посмотреть, какие следы могло там оставить это нечто. Зеленоватые, замшелые камни речного берега были гладкими и скользкими от брызг, и ему дважды приходилось хвататься за кусты, чтобы не упасть в ручей. Он встал на четвереньки, чтобы перебраться через один из камней, и наконец оказался у того самого колыхавшегося куста. Красная лужа, клейкая, но уже разбавленная дождем и брызгами, заполняла впадину в глине. Он обмакнул в нее кончик пальца и попробовал на вкус. Кровь. Вероятно, того оленя, которого они все время преследовали. Потом, позади углубления, он увидел и след охотника. Он четко отпечатался в глине и был глубоким, словно оставившее его существо какое-то мгновение балансировало под тяжестью, возможно, туши оленя. И был слишком четок, чтобы ошибиться — это был отпечаток босой ноги. Никакой житель Айри, никакой степняк не мог оставить этого следа. Он был узок, одной и той же ширины от пятки до носка, словно оставившее его существо было абсолютно плоскостопым. Пальцы его были слишком длинны и очень тонки. Там, где

они кончались, были следы — не ногтей, а того, что должно было быть настоящими когтями! У Форса по коже поползли мурашки. Существо было опасным — именно это слово пришло на ум, когда он рассматривал след. Он был рад — а потом устыдился этой радости — что не встретился с этим охотником лицом к лицу. Мимо него протиснулась Люра. Она попробовала кровь языком, а затем лакнула раз-другой, прежде чем подойти и осмотреть его находку. Снова уши прижались к черепу, рычащие губы сморщились — она показала свое отношение к исчезнувшему охотнику. Форс приготовил лук и стрелы к бою. В первый раз он почувствовал холод дня. Он задрожал, когда поток воды окатил его, плеснув на камни. С большой осторожностью они вернулись назад, поднявшись вверх по склону. Люра не показывала никакого желания идти по следу, который мог оставить неизвестный охотник, и Форс не предлагал ей делать этого. Этот дикий мир был родным домом Люры, и не раз жизнь Звездного Человека зависела от инстинктов его охотничьей кошки. Если Люра не видела никакой причины рисковать своей шкурой, идя вниз по течению ручья, он будет твердо придерживаться ее выбора. Они вернулись на дорогу. Но теперь Форс

использовал охотничьи приемы и тщательно скрывал свой след, как это делают в городских руинах — в тех населенных призраками местах, где смерть все еще поджидала в засаде, чтобы нанести свой удар неосторожному путнику. Дождь перестал, но тучи не рассеивались. К полудню он подстрелил жирную птицу, поднятую Люрой из кустарника, и они поровну разделили сырое мясо дичи. Приближались сумерки, темнота из-за грозы наступала рано, когда они вышли на холм над мертвой деревней, в которую и вела древняя дорога.

2.

Даже в дни до Взрыва, когда он был обитаем, городишко, должно быть, не выглядел ни большим, ни впечатляющим. Но для Форса, который никогда прежде не видел никаких зданий, кроме построек Айри, он был весьма странным и даже немного пугающим. Дикая растительность заполонила все вокруг, и разрушенные дома теперь были только буграми, поросшими зеленью. Одна источенная водой свая у берега реки, разделявшей городок, отмечала, что здесь был давным-давно рухнувший мостик. Несколько долгих минут Форс, колеблясь, стоял наверху. В этой перепутанной буйной растительности внизу

было что-то запретное, из окаймляющих впадину руин с вечерним ветром поднималась какая-то заплесневелая прогорклость. Ветер, гроза и дикие животные слишком долго делали там все, что хотели. Вдоль дороги лежала куча проржавевшего металла, которая, как он подумал, была останками машины, одной из тех, которые люди древних времен использовали для перевозок. Даже тогда она, должно быть, была уже устаревшей. Потому что как раз перед Взрывом Древние создали другие машины, приводимые в движение атомным мотором. Иногда Звездные Люди находили их почти невредимыми. Он обогнул обломки и, придерживаясь ниточки разбитой дороги, спустился в город. Люра рысью бежала рядом с ним, высоко подняв голову и вынюхивая запах каждого достигающего их ветерка. Скрылся в высокой траве перепел, и где-то прокричал фазан. Дважды на фоне зелени мелькнул кроличий хвост. В этой путанице зелени были и цветы, защищающие себя крючковатыми шипами, несущие их растения переплетались, перепутывались между собой и образовывали барьер, сквозь который он не мог пройти. И вдруг на одно мгновение пробившийся сквозь облака луч солнца осветил алые лепестки цветов в этой угрожающей рас-

тительности. Застрекотали в траве насекомые. Гроза кончилась. Путешественники выбрались на открытое пространство, со всех сторон окруженное осыпающимися холмиками руин зданий. Откуда-то донесся шум воды, и Форс проложил себе путь сквозь заросли растительности туда, где струйка ручейка впадала в созданный человеком пруд. Вода в Нижних Землях всегда была под подозрением — он это знал. Но чистый ручей перед ним был не много аппетитнее, чем затхлое содержимое его фляги, весь день висевшей у него на поясе. Люра безбоязненно лакала воду из ручья, мотая головой, чтобы стряхнуть с усов капли. Поэтому он осмелился зачерпнуть пригоршню и осторожно выпил воды. Пруд находился прямо перед уродливым образованием из камней, которые могли быть когда-то свалены в кучу, чтобы создать пещеру. И слой листьев, накопившихся там, внутри, был сухим. Он прополз внутрь. Наверняка заночевать здесь будет безопасно. Ни в каких старых домах, конечно, никогда не спали. Никогда нельзя знать, не сохранились ли еще в их гнили призраки древних болезней. Люди погибали, если были настолько беззаботны. Но здесь среди листьев он увидел белые кости. Какой-то другой охотник — четвероногий — уже

пообедал здесь. Форс выбросил останки и пошел поискать дерево, не слишком намокшее, способное гореть. Среди скопления камней были места, где ветер намел кучки хвороста, и он вернулся к пещере с одной из них, затем принес сначала две, а потом и три охапки, которые свалил неподалеку от пещерки. На равнинах костер мог быть с одинаковым успехом и врагом, и другом. Во враждебной стране он мгновенно становился предателем. Поэтому, даже когда Форс выложил маленький круг из поленьев, он заколебался, с кремнем и трутом в руке. Ведь существовал тот таинственный охотник — что, если он притаился теперь в лабиринтах разрушенного города? И все же и он, и Люра продрогли и промокли под дождем. Улечься спать в холоде значило подцепить простуду. И, хотя он мог переварить сырое мясо, когда это было необходимо, он все же предпочитал вареное. В конце концов именно мысль о мясе победила его осторожность, но даже когда из кучки дров поднялась тоненькая ниточка дыма, его рука все еще медлила, готовая в любой момент загасить костер. Потом Люра подошла посмотреть на пламя, и он понял, что она не была бы так спокойна, если бы им угрожала какая-то опасность. И глаза и нос Люры были намного

чувствительнее, чем его собственные. Позже, замерев в неподвижной позе охотника, у пруда ему удалось подбить двух кроликов. Отдав одного из них Люре, он ободрал и сварил второго. Заходящее солнце было красным, и по старым приметам он мог надеяться, что завтра будет ясный день. Он облизал пальцы, сполоснул в воде руки и вытер их о пучок травы. Затем в первый раз за весь день он открыл сумку, украденную им в Звездном Зале Он знал, что было внутри, но это было впервые за многие годы, когда он держал в руках пачку хрупких бумаг и читал слова, заботливо выведенные на них мелким, ровным почерком отца Да — он напел про себя отрывистый мотивчик — он был здесь, кусочек карты, которым так дорожил его отец — тот, на котором был изображен город на севере, город, который, как надеялся отец, был безопасен и к тому же достаточно велик, чтобы там можно было найти много полезного для Айри. Но читать шифрованные записи отца было нелегко. Лэнгдон делал их для себя самого, и Форс мог только гадать о значении таких ориентиров, как «змеиная река к западу от пустошей», «на северо-восток от обширного леса» и всех остальных. Ориентиры, указанные на древних картах, теперь исчезли или же так изменились от вре-

мени, что человек мог пройти мимо поворотного пункта и никогда не обнаружить его. Форс, хмурясь над обрывком карты, из-за которой погиб его отец, начал немного понимать огромность стоящей перед ним задачи. Ведь он даже не знал всех безопасных троп, проложенных за долгие годы Звездными Людьми, кроме как понаслышке. И если он заблудится… Его пальцы сомкнулись, зажав свиток драгоценных бумаг. Заблудиться в Нижних Землях! Бродить вне троп!.. Шелковистый мех прижался к нему, и округлая голова ткнулась ему в ребра. Люра уловила этот внезапный укол страха и по-своему отвечала на него. Легкие Форса медленно наполнились воздухом. В сыром воздухе Нижних Земель отсутствовали энергичные порывы холодных горных ветров. Но он был свободен, и он был человеком. Вернуться в Айри — означало признать поражение. Что же если он и заблудится здесь, внизу, тут есть обширные земли, чтобы их освоить! Да, он может идти и идти через них, пока не достигнет соленого моря (которое, как гласила легенда, лежит на краю мира) И все эти земли ждали исследователя! Он порылся в глубине сумки, лежащей у него на колене Кроме записок и обрывка карты он обнаружил компас, который он и надеялся

найти, маленькую деревянную коробочку, в которой находились карандаш, пакет бинтов и мазь для ран, два маленьких хирургических ножа и грубо сработанная записная книжка — дневник Звездного Человека. Но к его огромному разочарованию, записи в ней были всего лишь регистрацией расстояний. Он импульсивно занес на одну из пустых страниц отчет о своем собственном путешествии за день, постаравшись изобразить рисунок странного следа. Затем он снова упаковал сумку. Люра вытянулась на подстилке из листьев, и он улегся рядом с ней, натягивая на себя и на нее одеяло. Уже смеркалось. Он подтолкнул дрова к центру костра таким образом, чтобы израсходовать несгоревшие концы. Мягкое кошачье мурлыканье, под аккомпанемент которого Люра вылизывала свои лапы, заставило его веки отяжелеть. Он перебросил руку через ее спину, и она выказала ему свою благосклонность, лизнув своим языком. Рашпиль, прошедшийся по коже, усыпил его окончательно. Утром прилетели птицы, целая стая, и они не одобряли присутствия Люры Их бранчливые крики и разбудили Форса Он протер глаза и сонно выглянул в серый мир Люра сидела у входа в пещеру, не обращая ни малейшего

внимания на хор голосов у нее над головой Она зевнула и с некоторым нетерпением оглянулась на Форса. Он вылез, чтобы присоединиться к ней и стащил свою заскорузлую, высохшую одежду, прежде чем умыться в пруду. Было достаточно холодно, чтобы его зубы начали выбивать дробь, и Люра отступила на безопасное расстояние. Птицы черной стаей улетели прочь. Форс оделся, зашнуровав свою кожаную куртку-безрукавку, потом тщательно застегнул сапоги и пояс. Более опытный исследователь не стал бы терять зря время на этот забытый богом городишко. Любая полезная добыча, которая могла быть здесь, давным-давно была взята или превратилась в хлам. Но это было первое мертвое поселение, увиденное Форсом, и он не мог покинуть его, хотя бы поверхностно не изучив. Он прошел по дороге вокруг площади Только Одно здание было еще настолько неповрежденным, чтобы в него можно было войти. Его каменные стены буйно поросли плющом и мхом, а пустые окна слепо глядели на окружающее Он зашагал по сухим листьям и траве, скрывающей широкую лестницу, ведущую к большой двери. Из листвы донеслось стрекотание потревоженных кузнечиков, пролетая мимо, прогудела оса. Люра ткнулась лапой во что-то,

лежащее прямо в дверях. Оно вкатилось в полу мрак внутреннего помещения, и они последовали за ним Форс остановился, чтобы проследить указательным пальцем за буквами на бронзовой дощечке:

«ПЕРВЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ БАНК ГЛЕНТАУНА»

Он прочел эти слова вслух, и его голос глухо разнесся по длинному помещению, через пустые клеткообразные кабинки вдоль стены.

— Первый национальный банк, — повторил он.

Что такое банк? Он имел об этом лишь смутное представление какого-то рода склад. А этот мертвый город, должно быть, Глентаун — т. е. некогда он был Глентауном.

Люра снова нашла свою округлую игрушку и покатила ее по потрескавшемуся полу. Она остановилась, ударившись об основание одной из клетушек как раз перед Форсом. Круглые глазницы обвиняюще уставились на него из полуразбитого черепа Нагнувшись, он поднял его и поставил на каменную полку. Густым клубком поднялась пыль. Кучка монет рассыпалась и полетела в разные стороны, металлически позвякивая. Здесь было много монет, на всех полках за фасадами клетушек. Он набрал их в

пригоршню и покатил по полу, чтобы позабавить Люру. Монеты не имели никакой ценности. Кусок хорошей нержавеющей стали стоило бы взять с собой — это же нет. Темнота начала угнетать его, и куда бы он ни поворачивался, чувствовал себя неловко, ощущая на себе безмолвный взгляд того пустого черепа. Он вышел, позвав Люру с собой. В центре этого города было сыро, воздух здесь имел привкус древнего тлена, смешанный с более свежим запахом гниющего дерева и палой листвы. Он сморщил нос от этого запаха и стал пробираться дальше по улице, карабкаясь по кучке щебня и направляясь к реке. Эту реку надо было каким-то образом пересечь, если он хотел направиться прямо к цели, намеченной его отцом. Ему было бы легко переплыть поток этой коричневой воды, все еще мутной от грозы, но он знал, что Люра по доброй воле не пойдет на это, а он, разумеется, не собирался оставлять ее. Форс двинулся на восток вдоль берега, шагая над потоком. Нужен был какой-нибудь плот, но ему придется удалиться от развалин для того, чтобы найти деревья. И его раздражала эта вынужденная потеря времени. День сегодня был ясный. Солнце карабкалось вверх, вода рябила от пятнышек света. Посмотрев назад, Форс все еще

мог видеть подножье гор, а за ним — голубоватые вершины, с которых он спустился двадцать четыре часа назад. Но он оглянулся только раз, все его внимание теперь сосредоточилось на реке. Через полчаса он наткнулся на находку, которая сберегла ему много часов изнурительного труда. Острый разрыв берега обозначал узкую бухточку, в которой во время половодья поднялась вода. Теперь она была наполовину забита плавником, от огромных бревен до аккуратных высохших прутиков, которые он легко мог сломать двумя пальцами. Ему нужно было только нагнуться и выбрать. К полудню у него был плот, грубый и, разумеется, не предназначавшийся для долгого плавания, но он должен был помочь им переправиться на другой берег. У Люры были свои основания не доверять такой хлипкой платформе. Она влезла на плот, осторожно пробуя его лапой перед каждым шагом. И только на середине плота она со вздохом уселась на задние лапы. Форс с силой навалился на свой шест и оттолкнулся Это ненадежное сооружение стало кружиться, и он должен был с этим бороться А однажды его шест воткнулся в илистую отмель, и его чуть было не выдернуло из рук. Соленый пот жалил его губы и обжигал покрывшиеся волды-

рями руки Он видел, что хотя поток и нес их вниз по течению, они все же медленно приближались к противоположному берегу. Солнечные лучи, отражавшиеся от воды, согревали и вызывали у них жажду. Люра издавала слабые мяукающие стоны, жалея сама себя. И все же она довольно скоро привыкла к этому новому способу путешествовать, села и стала внимательно следить, когда вынырнет рыба, чтобы проглотить зазевавшуюся. Однажды они проплыли мимо кучи распавшихся обломков, которые, должно быть, были останками судна, и дважды они проплывали между быками давно исчезнувших мостов. До Взрыва это была густонаселенная территория. Форс попытался представить себе, на что это было похоже, когда в городках жили, дороги были забиты транспортом, по реке плавали суда… Поскольку течение несло приблизительно туда, куда им надо было, на восток, он не старался как можно быстрее достичь другого берега. Но когда часть их ненадежного плота вдруг отломилась начала отдаляться, пустившись в свое собственное плавание, он сообразил, что такая беззаботность может доставить неприятности, и заработал шестом, чтобы вырваться из объятий течения и достичь берега. Вдоль реки тянулись

обрывы, и он с беспокойством пытался найти бухточку или песчаную отмель которые позволили бы им высадиться. Ему пришлось довольствоваться маленькой выемкой, где берег обвалился и два дерева образовали небольшую преграду Он с большим трудом подвел к ним плот Тот задрожал под напором потока воды и остановился Люра не стала ждать, а одним прыжком достигла древесных стволов. Форс подхватил свои вещи и последовал за ней. И как раз вовремя, потому что плот раскололся, закружился и его обломки понеслись дальше по течению. С трудом вскарабкавшись вверх по вязкому глинистому берегу, они снова вышли на открытую местность. Трава здесь была высока, по земле пыльными заплатами раскинулись кусты, и то тут, то там виднелись скопления молодых деревьев, снова покрывши древние поля. Но здесь дикая растительность в общем-то еще не полностью заполнила землю, веками обрабатываемую плугом и жаткой.

Люра дала ему знать, что они последний раз обедали довольно давно и она намерена позаботиться о пополнении их продовольственных запасов. Она пересекла нечеткую границу древних полей с мрачной целеустремленностью в каждом движении, с кошачьей грацией. Из-под

ног у нее выпорхнула куропатка, и повсюду бегали кролики, но она с пренебрежением отворачивалась от такой мелкой дичи, устремившись дальше, к склону, поросшему деревьями, почти настоящим лесом. Форс изрядно отстал от нее. На полпути она остановилась. Кончик ее хвоста затрепетал, меж зубов ее на мгновение показался красный язык. Затем она снова исчезла, растаяв в высокой траве, столь же бесшумно и без усилий, словно была всего лишь мимолетным ветерком. Форс шагнул назад, в тень высокого дерева. Это была охота Люры, и он не должен был вмешиваться. Он осмотрел колышущуюся траву Кажется, это была какая-то зерновая культура, еще не совсем созревшая, потому что у нее только что сформировался колос Небо было голубое, с плывущими по нему небольшими белыми облаками, словно их никогда не рвали буйные ветры, хотя у ног его лежала ветка, сорванная и сломанная вчерашней бурей Хриплый рев вывел его из полудремы. Он застыл с луком в руках Затем последовал пронзительный визг, это был боевой клич Люры. Форс побежал на звук вверх по склону. Но осторожность охотника удерживала его в зоне укрытий, какие ему удавалось найти в поле, так что он опрометчиво не выскочил на поле боя.

Люра взяла-таки крупную дичь! Он уловил блики солнечного света на ее рыжевато-коричневом меху, когда она отпрыгнула от неподвижного красно-коричневого тела как раз вовремя, чтобы избежать нападения огромного зверя. Дикая корова! И Люра задрала ее теленка! Стрела Форса взвилась в воздух. Корова снова взревела от боли и вскинула свою рогатую голову Она, спотыкаясь, побежала к телу своего теленка, храпя в бешеной ярости. Затем на ее широких ноздрях выступила алая пена, и она, споткнувшись, упала на колени и свалилась набок. Над зарослями густой травы мгновенно появилась округлая голова Люры, она выскочила к своей добыче. Форс вышел из-за деревьев, за которыми он укрывался. Будь это в его власти, он бы эхом откликнулся на довольное мурлыканье Люры. Стрела его вошла точно в цель. Жалко, что приходилось бросать все это мясо. Тут его было достаточно, чтобы неделю кормить три семьи в Айри. Он с сожалением пнул корову носком ноги, прежде чем начать свежевать теленка. Он мог, конечно, попытаться завялить мясо, но не был уверен в своем умении и все равно не смог бы унести его с собой. Поэтому он начал заниматься приготовлением того, что смог бы захватить с собой на следующие дни, по-

ка всласть попировавшая Люра спала под кустом, время от времени вздрагивая, сгоняя собравшихся на ней мух. На ночь они разбили лагерь через два поля от места охоты, в углу у старой стены. Кучи битого камня превратили ее в убежище, которое можно было защитить, если в этом вдруг возникла бы нужда. Но никто из них не спал по-настоящему. Свежее мясо, оставленное ими позади, привлекло ночных хищников. Раздался визг, потом другой, по-видимому, издаваемый дикими родичами Люры, и она рыкнула в ответ. Затем, перед самым рассветом, раздался лающий вскрик, который Форс был не в состоянии идентифицировать, как ни сведущ он был в лесных науках. Но Люра, услышав его, зафыркала от ненависти, шерсть у нее на спине встала дыбом.

Рано утром Форс двинулся в путь, пробираясь по открытым полям, следуя показаниям своего компаса. Сегодня он не искал никакого укрытия и не был так осторожен. В этих заброшенных полях он не видел никакой угрозы. Что это там, в Айри, так много говорили об опасностях, подстерегающих человека в Ближних Землях? Конечно, человеку надо было держаться подальше от «голубых» районов, где даже после всех этих прошедших лет радиация по-прежнему была

убийственной. И всегда надо было опасаться Чудищ — разве Лэнгдон погиб не от их рук? Но, насколько знали Звездные Люди, эти кошмарные твари жили в развалинах древних городов, и в открытой местности их нечего было опасаться. Наверняка эти поля так же безопасны для человека, как и горные леса, окружающие Айри. Он сделал небольшой поворот и неожиданно увидел зрелище, заставившее его онеметь. Здесь была дорога — но какая! Раскрошенная бетонная полоса была раза в четыре шире любой, когда-либо виденной им. На самом деле это были две дороги с полоской земли между ними, две гладкие дороги, идущие от горизонта к горизонту. Но примерно в двухстах ярдах от того места, где он стоял, разинув рот, дорога была перекрыта грудой ржавого металла. Барьер из разбитых машин заполнял ее от кювета до кювета. Форс медленно приблизился к завалу. В этой чудовищной путанице было что-то запретное — даже при всем том, что он знал, что она простояла так, наверное, уже лет двести. Из травы перед завалом выпрыгнули черные кузнечики, и пробежала по бетонному полю мышь. Он обогнул груду разбитых машин. Они, должно быть, ехали по дороге колонной, когда смерть неожиданно нанесла по ним удар.

Она нанесла удар так, что некоторые из машин врезались в другие или превратились в кучу бессмысленных обломков. Другие машины стояли в отдалении, словно умирающие водители сумели остановить их в безопасном месте, прежде чем умереть. Форс попытался определить контуры машин и сравнить с тем, что он видел на древних фотографиях. Вот… это, конечно, был «танк», одна из движущихся бронированных крепостей Древних. Его пушка все еще вызывающе целилась в небо. Он стал считать: два, четыре, пять… а потом сдался. Колонна машин перед гибелью растянулась почти на милю. Форс пробирался рядом с ней по пояс в траве, росшей по краям дороги. Он испытывал странное отвращение при мысли о том, чтобы подойти к мертвым машинам, и не испытывал никакого желания прикоснуться к мертвым кускам ржавого металла. Тут и там он видел машины, движущиеся при помощи атомной энергии и казавшиеся почти нетронутыми. Но они тоже были мертвы. Все они умерли ужасной смертью. Он испытывал странное чувство гадливости даже от того, что находился поблизости от них. Из движущихся крепостей торчали пушки, которые были все еще подняты и готовы к стрельбе, и там были люди, сотни людей. Он мог

видеть их белые кости, перемешанные с ржавым металлом и пылью, нанесенной за много лет ветрами и штормами… Пушки и люди — куда все это двигалось, когда наступил конец? И какой был конец? Тут не было ни одного кратера, которые, как говорили ему, должны были находиться в тех местах, куда упали бомбы — были просто разбитые машины и люди, словно смерть пришла как туман или ветер Пушки и люди на марше — может быть, они собирались отразить нападение вторгшихся захватчиков? Драгоценная книга записей радиограмм раз или два говорила о захватчиках, пришедших с неба — врагах, которые нанесли удар с невероятной быстротой. Но, должно быть, в свою очередь, что-то случилось с этими захватчиками — иначе почему эта земля не стала их собственностью? Ответа на этот вопрос он, вероятно, никогда не получит.

Форс достиг конца мертвой колонны. Но он продолжал идти по земле, поросшей травой, до тех пор, пока не миновал подъем и не смог больше видеть останки древней войны. Только тогда он снова решился идти по дороге Древних. Примерно через полмили дорога исчезла в тени леса. У Форса стало немного легче на сердце, когда он увидел его. Эти открытые поля были слишком чуждыми

для человека, рожденного хотя и в горах, но под густой завесой деревьев вроде тех, что стояли теперь перед ним, и среди них он чувствовал себя как дома. Он пытался вспомнить обозначения на большой карте, висевшей на стене Звездного Дома, карте, к которой после возвращения всякого исследователя-бродяги добавлялась крошечная пометка. Эта северная дорога пересекала клин территории, которой владели свободные степняки. А у степняков были лошади — бесполезные в горах и поэтому не приручаемые его народом, но необходимые в этой стране обширных плоских полей и дальних расстояний. Если бы у него сейчас была лошадь… Лесная прохлада окутала его, и он сразу же почувствовал себя дома, так же, как и Люра Они бесшумно двинулись дальше, их шаги издавали легчайший шорох. Вдруг порыв ветра донес до них запах, заставивший их вздрогнуть… Дым горящего дерева! Мысли Форса встретились с мыслями Люры и пришли к согласию. Она некоторое время постояла, исследуя воздух своими чуткими ноздрями, а затем свернула в сторону, протиснувшись между двух берез. Форс полез за ней. Ветер исчез, но он почувствовал запах еще чего-то. Они приближались к водной поверхности — но не к текущей воде, иначе ее журчание

было бы слышно.

Впереди в листве деревьев показался разрыв. Он увидел, что Люра распласталась на поверхности камня, который был почти такого же цвета, как и ее собственная кремовая шкура. Она распласталась и поползла. Он пригнулся и последовал за ней. Твердые камни отбивали ему колени и ладони, когда он пополз рядом с ней.

Они лежали на выступе скалы, нависшей над поверхностью окруженного лесом озера. Неподалеку, вытекая из озера, струилась ниточка ручейка, и он заметил два островка, ближайший из которых соединялся с берегом цепочкой выступающих над водой камней. На берегу этого островка согнулся некто, занятый приготовлением еды на костре. Чужак был не горцем, это уж наверняка. Во-первых, его широкоплечее, мускулистое бронзовое тело было голым до пояса, и кожа его по цвету была раз в пять темнее, чем у самых загорелых жителей Айри. Волосы его были черные и сильно вьющиеся. У него были резкие черты лица, широкогубый рот и плоские скулы, его огромные глаза были широко расставлены. Его единственным одеянием была юбка, удерживаемая на теле широким поясом, с которого свисали украшенные темляком ножны. Сам

нож, почти восемнадцать дюймов голубоватой стали, сверкал в его руке, когда он энергично чистил только что пойманную рыбу. Неподалеку от его плеча в землю были воткнуты три копья с короткими древками, на конце одного из них висело одеяло из грубой красноватой шерсти. Дым поднимался от костра, разложенного на плоском камне, но было неясно, остановился ли чужак только для того, чтобы перекусить, или же он разбил здесь лагерь. Занимаясь делом, рыбак напевал тихую монотонную мелодию, которая, когда Форс прислушался к ней, странно повлияла на него, вызвав у него неприятную дрожь. Это был не степняк. И Форс был уверен также, что он следил не за одним из Чудищ. Немногие горцы, пережившие встречу с ними, рисовали совсем иную картину — Чудища никогда не занимались мирным рыболовством и у них никогда не было таких умных, приятных лиц. Этот темнокожий пришелец был совсем другой породы. Форс положил подбородок на сложенные руки и попытался определить по имеющимся у него данным прошлое предков этого чужака — это было долгом исследователя. Отсутствие одежды — сейчас это означало, что он привык к более теплому климату. Так ходить можно здесь только до на-

ступления осени. У него были эти копья и… да, вот за ними лежит его лук и колчан со стрелами. Но лук его был намного короче, чем у Форса, и, похоже, сделан не из дерева, а из какого-то темного материала, отражавшего свет солнца. Он, должно быть, прибыл из страны, где его раса была всемогущей и ей нечего было опасаться, потому что он разбил лагерь в открытую и пел, готовя рыбу, словно его не заботило, что он привлекает этим внимание. И все же он делал это на острове, который было легче защитить от нападения, чем берег. Как раз в это время рыбак насадил очищенную рыбу на заостренный прут и начал печь ее, потом встал на ноги и швырнул леску с наживкой обратно в воду. Форс моргнул. Человек на острове, очевидно, был дюйма на четыре-пять выше самых высоких жителей Айри, и шапка стоящих торчком волос могла прибавить не больше двух дюймов к его росту. Когда он стоял там, все еще напевая про себя и умело поводя рукой леску удочки, он представлял из себя картину силы и мощи которая могла, бы нагнать страху даже на Чудище.

До них донесся запах рыбы. Люра издала слабый, почти неслышный звук, учуяв его. Форс заколебался: следует ли ему окликнуть темноко-

жего охотника, сделать знак мирных намерений и попытаться установить с ним дружеские отношения или… Этот вопрос решили за него. Темнокожий охотник скрылся — так быстро, что Форс от удивления раскрыл рот: копья, одеяло, лук, колчан и вареная рыба исчезли вместе с ним в кустах. Только костер горел на пустынном галечном пляже. Ветер донес до них крик, подкрепленный глухим топотом, и на берег озера рысью влетел табун лошадей, по большей части, кобыл, каждая с бегущим рядом с ней жеребенком. Их погоняли двое всадников, пригнувшихся почти к самым холкам своих лошадей, чтобы избежать низко нависающих хлещущих веток деревьев. Они подогнали лошадей к воде и стали ждать, пока они напьются. Форс почти забыл о темнокожем охотнике. Лошади! Он видел их на картинках. Но живые лошади! Вековая мечта его расы заполучить одну из них в свое распоряжение вызвала странный зуд в его бедрах, словно он уже вскочил на одну из этих гладких спин. Один из табунщиков спешился и теперь вытирал ноги своей лошади сорванным на берегу пучком травы. Он, несомненно, был степняком. Его зашнурованная на груди кожаная безрукавка была почти такой же, какую носил Форс. Но его лосины

были сшиты из шкур и отполированы многими часами верховой езды. Волосы его достигали плеч как знак свободного рождения, и им не давала спадать на глаза широкая лента, на которой был изображен символ его семейного клана и племени. Длинная пика, бывшая страшным оружием в руках всадников, висела на петлях у его седла, и вдобавок ко всему на поясе у него висел кривой, предназначенный для рубки, меч, являющийся отличительным признаком степняков.

Форс во второй раз прикинул, не стоит ли ему начать с ними переговоры. Но на этот вопрос он тоже быстро получил ответ Из леса выехали еще двое всадников, это были мужчины постарше. Один из них был вождем или вторым по рангу в клане степняков, потому что солнце отразилось на металлическом значке его налобной ленты. Но другой… Тело Форса дернулось, словно стрела попала ему меж лопаток. И Люра, уловив его испуг, издала одно из своих беззвучных рычаний.

Это был Ярл! Но Ярл был Звездным Капитаном, освобожденным от путешествий в Нижние Земли. Он уже два года не занимался изысканиями. Его долгом было оставаться в Айри и распределять задания между другими Звездными Людьми. Но он был тут, скачущий бок о бок с

пождем степняков, словно своим учеником. Что привело Ярла в Нижние Земли вопреки всем правилам и обычаям? Форс моргнул — ответ на это был. Святилище Звездного Дома никогда раньше не нарушалось. Должно быть, это его преступление заставило Ярла спуститься с гор. И если его, Форса, возьмут в плен — какая будет кара за такую кражу? Он не имел понятия об этом, но его воображение выдало ему целую кучу разных вариантов. И все суровые В то же время он только мог оставаться там, где был, и молиться, чтобы его не заметили, прежде чем уйдут степняки. К счастью, большинство лошадей уже напились до отвала и повернули прочь от озера. Форс с тоской следил за ними. Одолжи он у одной из лошадей ее четыре ноги и сберегая свои две, он вполне мог оказаться вне досягаемости Ярла прежде, чем Звездный Капитан узнает о его присутствии здесь. Он был слишком высокого мнения об умении Ярла, чтобы думать, что этот житель Айри не сможет обнаружить его след в ближайшие два-три дня.

Другой пастух отогнал от воды последних двух кобыл, пока его товарищ садился в седло, но Ярл и вождь все еще сидели, беседуя и глядя на другую сторону озера. Форс молча сносил укусы мух,

которые сопровождали табун лошадей, но Люра снова тихо заворчала. Она хотела убраться отсюда, отлично зная, что если не пожелает оставлять за собой следов, то их и не останется. Сам Форс не мог надеяться на такие результаты, поэтому он колебался до тех пор, пока нетерпение кошки или какая-то перемена в направлении ветра не донесла запах Люры до этого мирно пасущегося табуна. В течение нескольких секунд возникла дикая сумятица. Лошади пронзительно заржали, кобылы очумели от страха за своих жеребят, бегая по берегу и прорываясь между всадниками — мчась впереди, чтобы убраться прочь от этого опасного места. Степняки были захвачены врасплох. Одного из них увлек табун, и он старался восстановить свою власть над своим собственным конем, другой мог лишь скакать за сорвавшимся с места табуном. С пикой в руке вождь поскакал следом за ними. Но Ярл некоторое время оставался на месте, осматривая сузившимися глазами берега озера. Форс распластался на камне, посылая строгое приказание Люре сделать то же самое. К счастью, Ярл находился на противоположной стороне озера, но какова была острота зрения Ярла, он не знал. Едва смея дышать, кошка и юноша медленно отползли назад. Ярл оставался на ме-

сте, настороженный, следящий. Затем раздался стук копыт, как раз в то время, когда ноги Форса коснулись земли. Он устремился вперед самым быстрым шагом, возможным в лесу, направляясь на север, прочь от лагеря степняков, который, должно быть, находился где-то на другой стороне озера. Ему хотелось иметь лошадь, он нуждался в лошади, но не настолько, чтобы набраться храбрости встретиться с Ярлом и заполучить ее. Форс испытывал самое искреннее почтение к способностям Звездного Капитана.

Быстро уходя прочь, он гадал, что же делал тот охотник на острове и не уходил ли он теперь тоже прочь от лагеря степняков. По крайней мере, он-то имел возможность взять с собой свою жареную рыбу.

Форс на ходу пожевал сушеного зерна из своего неприкосновенного запаса и несколько ломтей копченого мяса, отдав остальное Люре, которая уничтожила все это одним глотком. Полусозревшие ягоды, сорванные на ходу с кустов, были своего рода десертом. Но в его желудке все еще оставалось чувство пустоты, усиливающееся по мере того, как тени становились длиннее. Они воспользовались впадающим в озеро ручьем в качестве ориентира, но деревья вокруг них

становились все реже, и появлялось все больше открытых полян, где деревья перемежались с густой травой. Форс понял, что конец леса был близок. Он остановился и попытался составить план. В лесу он был у себя дома и знал, как здесь уничтожить свои следы. С другой стороны, на открытой местности, на некогда обрабатываемых полях можно было сберечь больше времени и пройти еще много миль, прежде чем окончательно наступит ночь. Степняки — охотники, всегда на конях, и любую погоню будет легко заметить. И тут было множество отдельных групп деревьев и зарослей кустарника, чтобы в случае чего найти в них убежище. Он решил рискнуть. Коричневое животное с черной маской вокруг глаз внимательно наблюдало за ним с кучи камней и молниеносно исчезло, когда из зарослей высокой травы показалась Люра. Это было единственное живое существо, увиденное ими, пока они не обогнули догнивающие бревна фермы, лишь случайно не свалившись в полуоткрытый погреб. В ответ на восклицание Форса раздался какой-то звук, и, услышав его, юноша потянулся к рукоятке своего меча. Он резко обернулся, обнажив клинок. Уродливое голое розовое рыло, все еще в пятнах земли и грязи, высунулось из спутанных

кустов. Блеснули страшные клыки. Форс отшвырнул от себя сумку и лук и полупригнувшись ждал нападения одного из самых опасных животных — дикого кабана. Тот бросился вперед со всей дикой свирепостью, как Форс и ожидал от него, стремясь пропороть клыками ноги юноши. Он нанес удар, но эта тварь увернулась, хотя вдоль ее головы и плеча и появилась красная линия, показалась кровь. Он громко хрюкнул и получил ответ. У Форса пересохло в горле — он оказался лицом к лицу с целым стадом свиней. Позади него лежала куча гнилых бревен, бывших когда-то стеной небольшого здания, но, сгнив, они превратились в труху, и стенка опасно наклонилась над погребом. Если он прыгнет, вполне может провалиться.

Из кустов раздался визг боли и ярости. Кабан вскинул свою клыкастую голову и стряхнув пену. Его глаза на черно-белой морде были красными и злыми. Со стороны стада донесся визг, и на этот раз вслед за ним последовало ответное рычание. Форс не удержал вздоха благодарности. Люра держала стадо под наблюдением. Благодаря ее острым когтям те, что помладше и послабее, наверняка будут сломлены и рассеяны. Но только не этот старый вожак. Он был хитер, и на его шкуре

было достаточно шрамов и проплешин, чтобы понять, что он выходил победителем из многих битв. Он всегда побеждал и поэтому был уверен в победе и сейчас. И — снова атака!

Форс отскочил влево, рубанув кабана и уходя от опасности. Этот удар пришелся поперек ухмыляющейся дьявольской морды кабана, отрубив ему ухо и выбив один из его красных глаз. Он затряс головой, истекая кровью и завизжав от боли и ярости. От болевого шока он потерял свою хитрость, желая теперь только распороть и растоптать пляшущую перед ним фигуру — уничтожить врага… Когда Форс увидел, как напряглись массивные плечи кабана, он сделал шаг назад, нащупывая твердый упор для маневра. И пока он делал это, его каблук застрял, и нога его словно попала в капкан. Он все еще пытался высвободиться, когда кабан в третий раз бросился в атаку. Все попытки освободиться лишили его равновесия, и он почти упал вперед, прямо на спину обезумевшей твари. Его ногу пронзила острая боль, а ноздри забила вонь. Он дико взмахнул мечом и почувствовал, как сталь ударила по кости и вонзилась глубоко под драную шкуру кабана. Кровь брызнула фонтаном, а потом, меч вырвался из его скользкой от крови руки. Кабан

прошел несколько шагов с выступающей из его мощных плеч рукоятью меча и тяжело упал. Форс раскачивался взад и вперед, лицо его исказилось от боли. Обильно кровоточил порез на наружной стороне левой ноги, выше колена. Из кустов вышла Люра, на ее обычно чистой шкуре были видны какие-то неопрятные пятна, и она казалась очень довольной. Проходя мимо кабана, она зарычала и ударила тушу передней лапой.

Форс вытащил каблук из гнилой доски, в которой он застрял, и подполз к Звездной Сумке. Сейчас он нуждался в воде — но ее разыщет Люра. Самое худшее заключалось в том, что он мог на некоторое время охрометь. Жаль, если ему придется задержаться тут на день-два. Люра нашла воду, родник позади фермы. И юноша со стонами боли подполз к нему. Из сухих прутиков он разжег костер и поставил на огонь кастрюльку чистой воды. Теперь он был готов к самому худшему — клыки кабана были очень грязными и смертельно опасными. Стиснув зубы от боли, он оторвал кусок от лосин и оголил кожу вокруг все еще кровоточащего пореза. Он бросил в кипящую воду немного бальзама для ран из Звездной Сумки. Секрет этого бальзама был известен только Целителю племени и Звездному Капитану. Это

была мудрость древних дней, спасшая немало жизней. Смазанная бальзамом рана не гноилась. Форс остудил воду, а затем вылил больше половины в тот рваный порез в коже и мышцах. Его пальцы дрожали, когда он сунул их в оставшуюся в кастрюльке воду, продержал их там с минуту, прежде чем открыть пакет с бинтами, концом этого мягкого материала он обмыл порез и осторожно обтер его. Затем он намазал на него немного неразогретой пасты и туго прибинтовал к порезу прокладку. Кровотечение почти прекратилось, но рана горела, как в огне, почти до кости, и в глазах у него потемнело. Он действовал, следуя инструкциям, которые ему вдалбливали со времени первой же его охотничьей экспедиции.

Наконец он затушил костер и тихо лег. Люра вытянулась рядом с ним, положила свою бархатную лапу ему на руку. Она утешающе мурлыкала, проводя своим шершавым языком по его коже. Жжение в ноге ослабло или же эта боль становилась для чего привычной. Он уставился на небо. Его расчерчивали широкие розово-золотистые полосы. Должно быть, скоро наступит закат. Ему надо было найти укрытие. Но двигаться было трудно, словно нога окостенела. Он встал и начал подтягиваться вперед, цепляясь за кусты, но пере-

двигался очень медленно. Люра спустилась вниз по склону, и он поковылял за ней, радуясь, что большую часть склона покрывала только трава. Она направилась к ферме, но он не окликнул ее. Люра искала укрытие для них обоих, и она найдет его, если оно существует. Она привела его к самому крепкому дому, который они встретили с тех пор, как покинули Айри, однокомнатному зданию с каменными стенами. Форс понятия не имел, для какой цели оно построено. Но там была только одна дверь, никаких окон, и часть крыши еще была на месте. Убежище легко защитить и оно послужит неплохим укрытием.

Мелкие звери уже занялись трупами свиней, с наступлением темноты запах крови привлечет и более грозных хищников. Он не забыл о битвах над трупами коровы и теленка. Поэтому Форс соорудил из камней перед дверью нечто вроде баррикады и решил развести костер. Стены укроют его от всех, кроме пролетающих над ними птиц.

Форс поел сушеного зерна из своих припасов. Люра перепрыгнула через баррикаду и пошла охотиться для себя, рыща в сумраке позднего вечера. Форс подкладывая топливо в свой маленький костерчик и пристально вглядывался

в сгущающуюся темноту. Над раскидистыми ветвями древних садовых деревьев пляшущими искорками роились светлячки. Он наблюдал за ними, прихлебывая воду из фляги. Боль в ноге теперь стала пульсирующей, она ударяла ему в голову и затихала где-то в макушке — тук-тук-тук… Затем Форс внезапно сообразил, что этот постоянный ритм порожден не болью и лихорадкой, а звуками, раздающимися в ночном воздухе. Низкие, хорошо слышимые размеренные ноты не имели ни малейшего сходства со всеми слышанными им ранее естественными звуками. Что-то в них было похожее на странную тихую песню того рыбака. Нечто похожее на ту песню выстукивалось сейчас на барабане. Форс рывком поднялся на ноги. Лук и меч были у него наготове. Ночь, которая для него никогда не была такой темной, как для других, казалась мирной и пустынной — за исключением этого отдаленного сигнала. Затем ом стих, внезапно, почти на середине ноты, как будто навсегда. Он понял, что не услышит его вновь. Но что это могло означать? Звук хорошо был слышен в этих Нижних Землях — даже если у других слушателей не было остроты слуха Форса. Отправленное при помощи такого барабана сообщение могло быть легко услышано за много

миль. Ногти Форса впились в его ладони. Снова послышался этот звук, доносившийся издалека, с юга — столь слабый, что он мог быть всего лишь порождением его воображения. Но он не верил в это. Барабанщик получил ответ. Форс себе под нос отсчитывал секунды — пять, десять, пятнадцать, а затем снова тишина. Он попытался обдумать свои впечатления об этом рыбаке — и снова пришел к тому же выводу. Тот не был уроженцем Нижних Земель и это означало, что он, вероятно, был разведчиком лазутчиком с юга. Кто или что сейчас двигалось в эти Земли?

3.

Еще до рассвета пошел дождь, непрерывная, постоянная морось, которая могла продлиться не один час. Рана Форса затянулась, и он постарался переползти в угол хижины, где проломленная крыша все еще давала некоторую защиту. Люра прижалась к нему, и тепло ее мохнатого тела было единственным утешением. Но Форс не мог больше провалиться в тот беспокойный, с обрывочными сновидениями сон, в котором он провел большую часть ночи. Покой его отравляла мысль о предстоящем ему дневном путешествии. Долгая ходьба вновь открыла бы его рану, и он считал, что у него начались приступы лихорадки.

И все же он должен был найти пищу и лучшее убежище. И тот барабанный бой… Будучи неспособным драться, он хотел убраться отсюда — и побыстрее.

Как только достаточно рассвело для того, чтобы различить черную линию на белой бумаге, он достал обрывок карты, пытаясь определить свое теперешнее положение — если это место вообще значилось на старом клочке бумаги. Между соответствующими точками были изображены крошечные красные цифры — расстояния в милях Древних, обозначенные вдоль дорог По его подсчетам, он мог находиться еще в трех дня пути от города — если, конечно, он находился именно там, где и предполагал. Три дня пути — это для сильного и не знающего усталости путешественника, а не для хромого калеки. Была бы у него сейчас лошадь… Но воспоминание о Ярле и о табунщиках спугнуло эту мысль из его головы. Если он отправится в лагерь степняков и попытается сторговаться, то Звездный Капитан прослышит об этом. А новичку украсть коня из хорошо охраняемых табунов было почти невозможно, даже если бы он и владел всеми своими конечностями. Но он не мог избавиться от своего желания — даже повторяя этот аргумент, полный

здравого смысла.

Люра отправилась поохотиться. Она принесет свою добычу Форс подтянулся, поднимаясь на ноги, стиснув зубы от боли, вызванной этим движением во всем левом боку. Ему понадобится какой-то костыль или трость, если он хочет идти дальше. В пределах его досягаемости среди дров есть ствол молодого деревца, почти прямой. И он отсек ветви и обтесал его ножом. С помощью этого импровизированного костыля он смог передвигаться, и чем больше он двигался, тем больше пропадала в ноге одеревенелость. Когда вернулась Люра, волоча в зубах жирного индюка с розовыми перьями, он был в приподнятом состоянии духа и готовым съесть свой завтрак.

Но темп, с которым они двигались дальше, был отнюдь не скоростным. Форс шипел сквозь стиснутые зубы, когда его вес время от времени слишком сильно перемещался на левую ногу Он инстинктивно свернул на то, что некогда было подъездной дорогой, связывающей ферму с автострадой, и теперь протискивался между выросших на ней кустов, тяжело опираясь на свою палку. Дождь превратил каждый открытый клочок земли в мягкую грязь, и он боялся поскользнуться и упасть. Люра продолжала

постоянно выть, жалуясь на погоду и медлительность их передвижения. Но она не убежала вперед одна, как могла бы сделать, будь она предоставлена самой себе. И Форс все время разговаривал с ней. Подъездная дорога вывела их к автостраде, и он свернул на нее, поскольку она шла в нужном ему направлении. На бетон нанесло землю, образовавшую слой почвы, на котором пустили корни, колючие растения. И все-таки старая дорога лучше подходила для передвижения хромого, чем раскисшая земля. Люра бежала впереди, разведывая дорогу, шныряя по кустам и в высокой траве вдоль края древней автострады, нюхая ветер в поисках чужих запахов, то и дело энергично мотая головой и тряся лапами, чтобы стряхнуть с них осевшие капли воды. Неожиданно она выскочила из кустов к Форсу, толкая его всем своим телом, мягко вынуждая его отступить к кювету. Он уловил ее настоятельное предупреждение и пополз в укрытие со всей возможной для него скоростью. Когда он привалился к стенке обрывчика из липкой красной глины, упершись в дно руками, он почувствовал содрогание земли задолго до того, как услыхал звук копыт, вызвавших это содрогание. Затем в поле его зрения появился бежавший легкой рысью

по древней дороге табун лошадей, мгновение-другое Форс искал взглядом табунщика, а затем понял, что ни на одной из лошадей не было пятен яркой краски, которой степняки отмечали свою собственность. Эти лошади скорее всего были дикие. Там было несколько кобыл с жеребятами, храпящий жеребец со следами боевых шрамов на плечах и еще несколько свободно бегающих молодых лошадок. За ними бежала одна кобыла без жеребенка. Ее грубая необъезженная шкура была гнедой, а усаженные репьями хвост и грива черными. Она то и дело отставала, останавливаясь, чтобы набрать полный рот травы, за что, наконец, заработала от жеребца болезненный укус. Она взвизгнула, проворно лягнулась копытами, а затем быстро поскакала, вырываясь перед остальным табуном. Форс с сожалением смотрел, как она убегала. Имей он две здоровые ноги, она, возможно, стала бы его пленницей. Но сейчас об этом было бесполезно думать.

Затем табун свернул за поворот и скрылся из виду. Форс на мгновение передохнул, прежде чем вылезти обратно, на дорогу. Люра бежала впереди, вытирая передние лапы о травяной ковер и пристально глядя вслед исчезнувшим лошадям. По ее мнению, не было никакой разницы между

одним из этих жеребят и задранным ею теленком. Они оба были мясом и, таким образом, годились в пищу. Она очень хотела пойти по следу такого обилия пищи. Форс не стал с ней спорить. Он все еще думал о кобыле, которая бегала так свободно и повиновалась только своим желаниям.

Не прошло и часа, как они догнали табун. Дорога неожиданно начала спускаться в долину почти чашеобразной формы. На дне ее высоко поднималась густая трава, и табун пасся там, а на полпути вверх по склону стоял на страже жеребец. Но Форсу бросился в глазах еще и остов здания, находившийся почти на самом дне долины. Пожар так повредил его, что остались только крошащиеся кирпичи наружных стен. Он внимательно изучил это здание, а потом попытался рассмотреть пасшихся за ним лошадей. Кобыла паслась в стороне от табуна, неподалеку от здания. Форс облизнул губы кончиком языка. У него был шанс — очень маленький шанс. Теперь все будет зависеть от действий Люры. А она его еще никогда не подводила. Он повернулся к большой кошке и постарался воссоздать мысленную картину того, что надо было сделать. Он медленно обдумал каждый пункт, дважды проделал это, а затем Люра пригнулась и исчезла в траве. Форс вытер

со лба пот и капли дождя и в свою очередь начал спускаться вниз, пробираясь через лабиринт куч разбитых кирпичей. Они не смогли бы остаться незамеченными, если бы ветер не дул в нужную им сторону, но удача пока была на их стороне. Он вскарабкался на уступ над самой широкой брешью в каменной стене и смотал с пояса легкую прочную веревку, которую носили все горцы. На ее конце была тяжелая петля, которую он держал в руке. Хорошо, дождь не подмочил ее. Теперь… Он свистнул чистым призывным свистом одной из полевых птиц Айри. И он скорее понял, чем увидел, что Люра заняла позицию и приготовилась выполнять его замысел. Если бы только этот ветер продержался еще немного… Вдруг кобыла вскинула голову, захрапела и с подозрением уставилась на кусты. В то же время жеребец заржал и устремился вперед в яростном вызове. Но его отделяла от кобылы почти вся долина, и он остановился, чтобы послать остальной свой гарем подальше от опасности, прежде чем броситься на помощь подруге. Кобыла хотела последовать за табуном, но невидимая угроза теперь явно находилась между ним и свободой. Она повернулась и поскакала назад, к развалинам, где ее поджидал Форс. Она дважды пыталась прорваться к своим

подругам, но оба раза была вынуждена вернуться назад, на прежний курс. Форс намотал веревку на локоть. Ему оставалось только ждать и довериться умению Люры. Но секунды, которые он провел за этим занятием, показались ему неимоверно долгими. Наконец кобыла с побелевшими от ужаса глазами пронеслась сквозь брешь в каменной кладке. Форс заарканил ее и, не теряя времени, обмотал веревку вокруг ржавой стальной балки, выступающей из кирпичной стены. Сердцевина металла была еще достаточно прочна, чтобы выдержать даже бешеные рывки перепуганной лошади. Визг разъяренного жеребца, с грохотом несущегося на выручку, потряс Форса. Он мало знал о лошадях, но мог себе представить, что сейчас он в опасности. Но жеребец так и не добрался до развалин. Из кустов прямо ему на голову прыгнула Люра, и вцепилась острыми когтями. Жеребец заржал, как бешеный, кусая зубами и брыкаясь копытами. Но Люра была словно молния из светлого меха, скрывающего стальные пружины мускулов, и ее никогда не оказывалось там, куда жеребец наносил удар. Еще дважды она попадала в цель грозной, снабженной острыми когтями лапой, прежде чем жеребец сдался и помчался обратно в долину, вслед за табуном.

Кобыла жалобно заржала ему вслед. Он было повернул назад, но Люра была тут как тут, и ее предупреждающее рычание снова заставило его скакать прочь, орошая траву своей кровью.

Форс слабо прислонился спиной к куче щебня. У него была кобыла, что и говорить! Но с веревкой вокруг шеи, с веревкой, которая держала ее, несмотря на все рывки и брыкания. Это была не домашняя лошадь, уже объезженная и приспособленная для верховой езды. А как он, с больной ногой сможет покорить обезумевшее от страха животное? Он закрепил веревку, уныло глядя на ободранные ладони. Как раз сейчас-то он и мог приблизиться к ней. Может быть, было бы неплохо дать ей часок-другой, чтобы привыкнуть к своему пленению, попытаться завоевать ее доверие. Но избавится ли она когда-нибудь от своего страха перед Люрой? Это было еще одной проблемой. Она должна была быть решена, он не мог дальше двигаться на одной ноге и, разумеется, не собирался просить приюта в лагере степняков, чтобы таким образом попасть в руки Ярла. Он верил, что сам мог проложить свою дорогу в Нижних Землях, и теперь пришло время доказать это.

Через некоторое время кобыла прекратила

попытки освободиться и стояла с опущенной головой, по ее покрытым потом конечностям и бокам пробегала нервная дрожь. Форс оставался там, где был, но теперь он начал говорить с ней, используя мурлыкающий тон, которым он подзывал Люру. Затем он решился приблизиться к ней на несколько шагов. Она вскинула голову и захрапела. Но он продолжал говорить с ней ровным и монотонным голосом. Наконец он подошел достаточно близко, чтобы коснуться ее грубой шкуры, и, когда он сделал это, он чуть не подскочил. На ее шкуре был виден мазок-другой почти стертой краски! Значит, это была лошадь какого-то степняка Значит, это была лошадь из прирученных табунов. Форс трудом сглотнул. Такая удача показалась ему сверхъестественной Теперь, видя это, он осмелился погладить ее по морде. Она задрожала от его прикосновения, затем издала тонкое, почти вопросительное ржание. Он похлопал ее по плечу, и тогда она игриво ткнула его носом. Форс засмеялся и потянул ее за свисавшую между глаз потрепанную челку.

— Так значит, ты все вспомнила, старушка? Пай-девочка!

Оставалась еще проблема с Люрой, и ее надо было разрешить как можно быстрее. Он отвязал

веревку и мягко подтянул кобылу. Та достаточно охотно последовала за ним, грациозно выбирая себе дорогу среди куч битого кирпича. Почему она не учуяла запаха кошки на его одежде? Может быть, его смыл дождь… Но она не показывала никакого страха, когда он управлял ею. Он вторично свистнул по-птичьи, после чего обмотал повод вокруг небольшого дерева. Ответ на его призыв донесся из нижней части долины. Люра явно преследовала табун. Поджидая ее, Форс стоял и разговаривал со своей пленницей. Наконец он рискнул отереть ей бока пучком травы. Затем он почувствовал, как она дернулась и задрожала. Он обернулся. Люра сидела на открытом месте, аккуратно обмотав хвост вокруг передних лап. Она зевнула, высунув свой острый красный язык и зажмурив глаза, словно ее очень мало интересовала кобыла, с которой ее товарищу по охоте вздумалось так глупо нежничать.

Кобыла рванулась назад, на всю длину веревки, глаза ее снова побелели. Люра не сочла нужным заметить этот открытый ужас. Она неторопливо поднялась и потянулась, а затем направилась к лошади. Кобыла задрожала и испустила пронзительный визг Форс попытался побудить Люру отступить. Но большая кошка обошла пленницу

кругом, оценивающе оглядывая ее со всех сторон Кобыла снова опустилась на все четыре ноги замотала головой, поворачиваясь, чтобы все время следить кошкой. Казалось, что она была очень озадачена, когда нападение, которого она ожидала, не произошло.

Может, между животными тогда произошел какой-то обмен мыслями. Форс так никогда и не узнал этого. Но когда Люра закончила свой осмотр, она безразлично отвернулась, и кобыла перестала дрожать. Однако прошло больше часа, прежде чем Форс соорудил из веревок уздечку, а из одеяла — подобие седла. Он залез на кирпичи и сумел перебросить свою здоровую ногу через спину кобылы. Она была великолепно обучена степняками, которым когда-то принадлежала, и ее шаг был таким ровным, что как бы ни был Форс неуклюж и неопытен в верховой езде, он смог удержаться в седле. Он направил кобылу на дорогу, которая привела его в долину, и они снова выехали на раскинувшиеся вокруг поля. Несмотря на покалывание и зуд в ране, Форса охватило ощущение экзальтации и счастья. Он обезопасил себя от жителей Айри, ограбив Звездный Дом Он посмел вторгнуться в Нижние Земли, провел одну ночь в центре развалин маленького город-

ка, пересек реку, благодаря своему собственному умению, успешно наблюдал за происходящим лесного озера, встретился лицом к лицу с жестоким кабаном, от которого иногда бежали даже самые лучшие охотники-горцы, а теперь под ним была лошадь, в руках — оружие, а перед ним — открытая дорога. Он сочтен непригодным для Звезды, отброшен в сторону Советом, да? Его ровные зубы блеснули в усмешке, несколько похожей на боевой оскал Люры. Ну, они увидят, что сын Лэнгдона, Беловолосый Мутант, так же великолепен, как и лучшие из них! Он докажет это всему Айри.

Люра пристроилась позади них, и кобыла сделала шаг в сторону, словно она все еще была не слишком довольна тем, что большая кошка смела подходить к ней так близко. Форс, погрузившийся в свои грезы, теперь обратил свое внимание на окружающее. Среди кустов были разбросаны кучки щебня, скелеты старых зданий, и, совершенно неожиданно, копыта кобылы стали издавать звуки другого рода. Она выбирала себе дорогу по плитам, на которых были установлены длинные прямые линии ржавых рельсов. Форс потянул за узду. Руины впереди становились все плотнее и выше. Городишко, может даже и довольно

большой. Что-то в этих руинах обеспокоило его Фермы, заросшие кустарником, что-то ему напоминали. Он снова испытал то неприятное чувство, которое поразило его, когда он оказался на дороге, рядом с останками колонны разбитых машин. Теперь он вытер руки о жесткую гриву кобылы, словно ему хотелось стереть с них что-то неприятное.

Но он еще ни к чему здесь не прикасался. Тут были миазмы зла, пробивающиеся подобно туману даже сквозь ровный моросящий дождик.

Туман. Это был настоящий туман! Он увидел, как перед ним плыли грязно-белые спирали, окутывая перемешанные кучи гниющего дерева, кирпича и камня от обвалившихся стен. Землю накрывал плотный туман, более густой, чем у них в горах, густой и какой-то пугающий. Его пальцы оставили гриву лошади и погладили больную ногу. Последовавший за этим укол боли заставил его непроизвольно вскрикнуть. Этот туман, как он считал, означал конец его сегодняшнему путешествию. Теперь ему нужно было найти безопасное место, где он мог бы разжечь костер и приготовить еще одну порцию лекарства для своей раны. И он хотел укрыться на ночь от дождя.

Ему не нравились эти руины, но сейчас в них

могло находиться то, что его интересовало, в чем он нуждался, и было разумнее углубиться в них. Но он заставил кобылу двигаться медленным шагом и правильно сделал. Потому что скоро перед ними в мостовой разверзся провал — зияющая черная дыра, обрамленная рваными зубцами сломанного бетона. Они пошли в обход, держась на таком расстоянии от осыпающегося края провала, как им позволяли развалины. Форс начал жалеть, что покинул тот сарай на ферме. Он не мог больше не обращать внимания на постоянную боль в ноге. Наверное, было бы лучше отдохнуть там денек-другой. Но если бы он это сделал, то не ехал бы сейчас верхом на кобыле. Он тихо свистнул и пронаблюдал, как ее уши встали торчком в ответ на это. Нет, чтобы иметь такую лошадь, стоит даже перетерпеть эту сверлящую боль.

Еще дважды мостовую пересекали провалы, и последний из них был таким огромным, что был похож на небольшой кратер. Когда Форс медленно объехал его кругом, он пересек полосу глинистой, плотно примятой земли, выброшенной из его темного нутра. Она была, похоже, хорошо утоптанной, здесь явно проходила тропа. Люра понюхала ее и зарычала, затем шерсть у нее

на загривке встала дыбом, и она, сплюнув, громко зашипела. Кто бы там ни проложил эту тропу, она считала его врагом. Любое существо, которому Люра, не побоявшаяся сразиться с дикой коровой, со стадом бродячих свиней или жеребцом, давала такое определение, Форс не хотел бы встретить в своем нынешнем состоянии калеки. Он отпустил повод и позволил кобыле идти быстрее.

На некотором расстоянии от кратера они достигли небольшого холма, на котором стояло здание из белого камня с крышей. На склоне холма не было ничего, кроме низких кустов, и из здания, как считал Форс, можно было наблюдать почти за всей прилегающей территорией, самому оставаться незамеченным. Он разочаровался, обнаружив, что крыша покрывала только часть здания, а центр его был открыт всем стихиям — это был маленький амфитеатр, в котором ряды широких сидений спускались к квадратной платформе. Однако по периферии этого амфитеатра имелись небольшие комнаты под крышей, и в одной из них он и устроился. Он привязал кобылу к одному из столбов, образующих подход со склона холма, и, кроме того, угостил ее из своего запаса сушеным зерном, которое ей очень понравилось. Ее можно было стреножить и пустить пастись,

но Форс вспомнил о той утоптанной тропинке у кратера и не стал этого делать.

Вода от дождя скопилась в выбоинах мостовой, и Люра жадно напилась из одной из таких луж, в то время как кобыла шумно пила из другой. Из застрявших среди столбов-колонн нанесенных ветрами веток Форс развел костер, устроив его за стеной таким образом, чтобы его нельзя было увидеть снизу Вода в котелке закипела, и он, мучась от боли, начал перевязывать рану на ноге. Бальзам действовал, потому что, хотя плоть и была пораженной, но чистые, без следов нагноения края раны уже затягивались, хотя, несомненно, шрам останется навсегда.

Люра не сделала ни шагу, чтобы поохотиться, хотя она должна была уже проголодаться. С того времени как они обогнули кратер, она держалась к нему поближе и теперь лежала рядом с костром, задумчиво глядя на пламя. Он не заставлял ее идти на охоту. Люра была более приспособлена для дикой жизни, чем любой из людей, и если она решила не охотиться, значит для этого у нее была веская причина. Форс хотел лишь узнать, кого она так ненавидела и чего так боялась. Эти ненависть и страх доходили до него, когда они обменивались мыслями, но существо, которое

возбудило в ней такие эмоции, оставалось неизвестным.

Они легли спать голодными, потому что Форс твердо решил использовать оставшееся зерно для того, чтобы еще крепче привязать к себе кобылу Форс поддерживал небольшой огонь. Некоторое время он прислушивался, надеясь услышать бара банный бой, который слышал прошлой ночью. Но было тихо. Дождь наконец перестал, и юноша услышал шорох насекомых в траве снаружи дома. Послышался шелест ветерка в листве деревьев на склоне холма. Он обеспокоил Форса, этот легкий, печальный шелест. Люра тоже не спала. Он почувствовал, что она встревожена, прежде чем услышал поступь ее лап и увидел, что она двинулась к двери. Он пополз за ней, стараясь не тревожить больную ногу. Люра остановилась на наружном портике здания и смотрела в черноту руин разрушенного городка. Затем он увидел то, что привлекло ее внимание — крошечную красную точку на севере, выдававшую мерцание пламени костра. Так, значит, здесь были и другие жители! Степняки, как правило, держались подальше от развалин, помня о прежних днях, когда радиация была смертельной. А Чудища — разве они владели тайной огня? Никто не знал,

насколько они были глупы или умны и была ли у них какая-нибудь, хотя бы и извращенная, цивилизованность.

Ему ужасно захотелось привести кобылу, сесть на ее спину и преодолеть расстояние до того костра. Костер и товарищ в этом беспокойном месте мертвецов — как их хотел иметь сейчас Форс! Но прежде чем он успел наполнить свои легкие воздухом, он услышал… низкий хор из тявканья, лая, воя, который поднимался все выше и выше, пока не стал озвученным бедламом. Шерсть на спине Люры под его рукой встала дыбом. Она шипела и рычала, но не трогалась с места. Крики были слышны на некотором расстоянии — в направлении огонька. Какой бы зверь ни издавал эти звуки, он ими привлекал других. Форс содрогнулся. Он ничем не мог помочь тому, кто развел этот костер. Конец наступит задолго до того, как он доберется туда через руины. А теперь… теперь уже там, внизу, была только чернота! Приветливое красное мерцание огонька исчезло.

Форс выполз на утреннее солнце. Спал он плохо, но был доволен тем, что рана его затягивалась. Впервые после того, как он встал на ноги, ему стало лучше, и он без особых усилий мог вывести кобылу попастись на склоне холма. Люра заня-

лась делом еще до того, как он поднялся, на это указывала тушка жирного индюка. Он сварил ее и съел, понимая, что теперь он должен сесть на кобылу и проехать через развалины городка к тому месту, где горел костер, исчезнувший в ночи. А ему не хотелось ехать туда. И потому, что ему не хотелось этого делать, он быстро подготовился, поспешно собрав свои припасы. Люра вернулась и уселась на солнышке, вылизывая свой мех. Но она немедленно встала на ноги, когда Форс влез на кобылу и повернулся к центру руин. Под цокот копыт они въехали в выжженный район, где когда-то бушевал всепожирающий огонь. Там, среди закопченных камней, росли цветы: желтые, белые, голубые. А сорняки с рваными красными листьями оккупировали подвалы и старые погреба. Кошка и лошадь медленно пробирались через это запустение, пробуя почву при каждом своем шаге. На противоположной стороне выжженного пространства они увидели последствия ночной битвы. Черные птицы выпархивали почти из-под их ног. Птицы пировали на останках, доставшихся им от более могучих хищников. Форс спешился и захромал по притоптанной траве, нехотя осматривая место, на котором все это произошло. На запятнанной

кровью земле лежали две хорошо обглоданные кучи костей. Но черепа в этих кучах не принадлежали человеку. Таких длинных узких голов с ужасными желтыми зубами он никогда раньше не видел. Тут перед его глазами блеснул металл, и он поднял сломанное копье. Древко его было обломлено неподалеку от наконечника. Но это копье он видел раньше! Оно принадлежало рыбаку с островка. Форс обошел все поле боя, но, за исключением копья, не нашел никаких других следов охотника. Люра выказывала к этим костям сильное отвращение, словно исходивший от них запах в высшей степени оскорблял ее. А теперь она встала на задние лапы и вопросительно обнюхала верхнюю часть кучи кирпичей и камней. Теперь он понял, что здесь произошло. Охотник не был захвачен врасплох нападением из темноты. У него было время забраться туда, где эти ночные твари не могли атаковать его все разом, и был в состоянии отбиваться от них сверху, а убитых и раненых разрывали зубами и когтями их собственные сородичи А он, должно быть, уцелел, поскольку его костей здесь не было.

Форс последний раз попинал кирпичи, просто так, для уверенности. Из-под носка его ноги выкатилось что-то круглое. Он поднял маленький,

хорошо отполированный барабан, сделанный из черного дерева, с натянутой поверху шкурой, отполированной почти до металлического блеска. Сигнальный барабан! Форс машинально постучал по его поверхности, и его поразил низкий, пульсирующий звук, разнесшийся эхом по руинам городка.

Он поехал дальше, захватив барабан с собой. Для чего — он сам не знал. Просто он был заворожен этим сигнальным устройством, неизвестным его народу.

Через полчаса руины остались позади. Форс рад был снова выбраться на открытую местность. Все утро лошадь шла ленивым шагом, и Форс высматривал следы, которые мог оста вить охотник. Он был уверен, что этот человек направлялся на север; так как барабан был потерян, он не ждал больше никаких сигналов.

Следующие два дня прошли без особых происшествий Ничто не указывало на то, что степняки когда либо забредали на эту территорию земля изобиловала дичью и была раем для охотника Форс не тратил зря ни одной драгоценной стрелы, а предоставил охотиться Люре, которая наслаждалась мгновениями такой охоты. А сам он разнообразил свою диету ягодами и созрев-

шим зерном, росшим на запущенных древних полях Они обошли еще два маленьких городка стороной при первом же взгляде на раз валины. Сырые, заплесневелые руины мало привлекали их, и Форс подумал, что могло бы случиться с ними той ночью, если бы неведомые животные застигли на открытом месте его, покалеченного. Он бы не смог залезть так высоко, как тот неизвестный Теперь нога его болела меньше, и он каждый день понемногу продвигался пешком, разрабатывая мускулы. Зуд в основном прошел, и скоро он будет в состоянии двигаться так же свободно, как и всегда. На утро четвертого дня они вышли к пустынным песчаным дюнам и увидели огромное озеро. Серо-голубым просторам воды не было конца — озеро, наверное, было почти таким же огромным, как и далекое море. Вдоль берега лежали высокие кучи выгоревшего плавника. Должно быть, недавно здесь разыгралась буря, потому что на берегу лежали также и мертвые рыбы. Форс сморщил нос, пробороздив песок. Кобыла, следуя за ним, глубоко погружалась в этот песок. Люра, изучающая рыбу, отстала от них на несколько ярдов.

Значит, во всяком случае, хоть это-то было правдой — легендарное озеро. И где-то на его

берегу должен был находиться город, который разыскивал его отец Направо или налево, на восток или на запад — вот в чем заключался вопрос Форс укрылся от ветра за дюной, присев на корточки, чтобы еще раз просмотреть обрывок карты. Когда они обходили последний из маленьких городов, они отклонились на запад так что теперь им надо было идти на восток. Они пойдут вдоль берега и найдут… Идти по песку было трудно, и через некоторое время Форс сдался и отошел от берега на более твердую почву. Через пару ярдов он оказался на дороге! И, поскольку дорога шли вдоль берега, он держался ее. Вскоре показались кучи обломков. Но это ни в коем случае не были останки маленького городка. Даже его небольшой опыт подсказал это. Далеко впереди он увидел освещенные утренним солнцем поднимавшиеся в небо поврежденные башни. Это был один из городов, великих городов с огромными башнями, упирающимися в небо! И город этот к тому же не был «голубым». Он бы увидел ночью на небе признаки заражения. Его город — только его! Лэнгдон был прав: это была нетронутая сокровищница, ждущая, чтобы ее открыли для выгоды Айри. Форс позволил кобыле двигаться не спеша, он пытался вспомнить правила, кото-

рым его обучали. Библиотеки — вот что нужно было искать, и магазины, особенно те, в которых имелись склады скобяных изделий или бумаги, или еще чего-нибудь подобного. Нельзя было прикасаться к пище, даже если она находилась в герметически закрытых контейнерах. В прошлом попытки такого рода слишком часто приводили к смерти от отравления. Ценнее всего были запасы в госпиталях, но их должен был отбирать знающий человек. Опасность заключалась также и в неизвестных лекарствах. Самым лучшим для него было бы прихватить только образцы того, что следовало искать книги, письменные принадлежности, все что может служить доказательством, что он знает и умеет подбирать вещи А на кобыле он может увезти довольно много.

Здесь тоже были следы пожара Он ехал через выжженное пространство, и земля под ногами у него была сплошь покрыта черным пеплом. Но башни высоко вздымались в небо, и непохоже было, что они сильно повреждены. Если бы этот город бомбили, устояли бы они вообще? Может быть, он пришел на одно из тех мест, которые вымерли от последующих за военными действиями эпидемий? Может быть, город постепенно вымер от все убывающего числа людей, населяющих

его, а не от внезапного взрыва бомбы?

Дорога, по которой они ехали, превратилась теперь в узкое ущелье между высоких руин разрушенных зданий. Верхние этажи некоторых из них обвалились и загромоздили почти всю улицу. Здесь были многочисленные наземные автомобили, в которых с комфортом разъезжали Древние. И здесь также были кости. Тот единственный череп, найденный им в старом банке, несколько потряс его, но здесь было огромное количество человеческих костей, и скоро он вообще перестал их замечать, даже тогда, когда кобыла наступала на хрупкие ребра или пинком откатывала в сторону черепа. Да, теперь было совершенно ясно, что люди умерли от эпидемии или от газов, или от лучевой болезни. Но солнце, ветер и животные очистили скверну, оставив только кости, не способные причинить какой-нибудь вред. Пока еще Форс не пытался исследовать пещеры, бывшие некогда нижними этажами зданий. Сейчас он хотел пробраться в самое сердце этого города, к основаниям тех башен, к которым шел все утро. Но прежде чем он смог достичь своей цели, на его Дороге внезапно возникло препятствие. Там была разрезавшая город надвое глубокая долина, в центре которой протекала

извилистая река. Ее пересекали мосты Он вышел к одному из таких мостов, и ему стали видны два других. Но перед ним оказалась фантастическая стена из перепутанных ржавых обломков. Это были машины — не одна-две или даже десять, а сотни — плотно сомкнутых друг с другом, они должно быть, столкнулись и стиснулись вместе, управляемые людьми, спасавшимися от какой-то опасности, настигшей их. Машины, должно быть, мчались с сумасшедшей скоростью. Мост превратился в гигантское скопище машин Форс, может быть, и сумел бы пробраться через них, но кобыла этого сделать не смогла. Лучше всего было бы спуститься в долину и пересечь реку там, потому что, насколько он мог видеть, и другие мосты тоже были забиты изъеденным ржавым метал лом К реке спускалась одна боковая дорога, и ее тоже заполняли машины. Люди пошли по этой дороге, когда закупорило мосты. Но они трое — лошадь, кошка и человек — сумели проложить себе путь и добраться до уровня реки. Там ржаво-красными линиями протянулись рельсы, и на них стояли поезда первые поезда, которые он когда-либо видел. Два из них столкнулись, локомотив одного поезда врезался в другой. Тем, кто из города пытался выбраться поездом, по-

везло не намного больше, чем их собратьям в застрявших наверху автомобилях. Форсу трудно было представить себе, каким был тот последний день панического бегства. Поезда, машины — он знал о них только из древних книг. Но ребятня в Айри иногда ворошила гнезда черных муравьев и наблюдала, как они кишели и носились там взад и вперед. Так, должно быть, кишел и этот город — но немногие тогда сумели выбраться оттуда. А те, кому это удалось — что с ними стало потом? Что могло помочь кучке охваченных паникой беглецов, рассеянных по сельской местности и, наверное, падающих замертво от заразы во время бегства? Форс дрожал, выбирая себе дорогу рядом с обломками поездов. Но ему повезло, он нашел узкую тропку через эту мешанину. На реке скопились баржи, они отплыли от берега и затонули, образовав ненадежный мост. Лошадь, человек и кошка начали пробираться по нему, пробуя дорогу перед каждым своим шагом Посредине реки был разрыв, через который струилась вода. Но кобыла понуждаемая каблуками Форса, бьющими о ее ребра, перепрыгнула через него, и Люра перемахнула со своей обычной легкостью. За рекой они вышли на новые темные улицы с пустыми глазницами окон в зданиях, а затем на дорогу

ведущую круто вверх. Они стали подниматься по ней и скоро наконец оказались неподалеку от башен Птицы кружились над их головами крича резкими тонкими голосами, и Форс мельком заметил коричневатое животное, скрывшееся из виду в проломленных дверях Потом он вышел к стене, частично состоявшей из стекла чудом уцелевшего, но с годами настолько запачканного пылью и нанесенной ветрами грязью, что он не мог разглядеть, что находится за ним. Он спешился и прошелся мимо стекла, проведя руками по этой странной поверхности. Секрет изготовления такого превосходного стекла был утрачен вместе со многими другими секретами Древних. То, что он увидел за стеклом, чуть было не заставило его отпрянуть, пока он не вспомнил рассказы Звездных Людей. В затененной пещере стояли не сами Древние, а их чучела, которые они выставили в магазинах для демонстрации одежды Он прижался носом к стеклу и во все глаза уставился на трех высоких женщин и все еще обволакивающие их драпировки из сгнившей ткани. Он знал, что любая ткань рассыплется от малейшего его прикосновения. Она всегда превращалась в пыль в руках любого пытавшегося взять ее разведчика..

Вокруг него были и другие пещеры витрин, но

все они были без стекол и пусты. Через них можно было попасть в помещения магазинов. Но Форе еще был не готов отправляться туда на поиск, и, вероятно, там было немного того, что стоило бы увезти Здание слева от него было увенчано высокой башней, устремившейся в небеса выше любой другой поблизости от нее. С ее вершины человек мог бы увидеть весь город, узнать его размеры и осмотреть прилегающую к нему местность. И он знал, что у Древних в таких зданиях были подъемные машины энергия для которых давно иссякла Там могло не оказаться никаких лестниц, а если они и были, его охромевшая нога все еще была не готова для таких восхождений Может быть, перед тем как покинуть город это было бы великолепно, сделать набросок города, каким он был виден с этой башни Получился бы великолепный доклад, который намного бы увеличил его надежды на будущее в Айри Он мечтал встать перед старейшинами Совета и доказать, что отвергнутый мутант совершил то, для чего других учили всю их жизнь. Когда он думал об этом, у него теплело внутри Новый город тот, который искал его отец — весь нанесенный на карту и исследованный, готовый для систематических поисков айринцами — что мог попросить

в награду человек, сообщивший об этом? Да почти все, чего он хотел…

Форс медленно продвигался дальше, теперь пешком, ведя кобылу позади, и с Люрой, бежавшей в разведке, впереди. Ни одно животное не проявляло желаний забредать сюда. Звуки катившихся камней, крики птиц все еще жутко разносились по пустым зданиям Впервые Форсу захотелось иметь товарища одной с ним породы. В том месте, где были одни лишь мертвые, неплохо было бы услышать голос живого человека Солнце висело над головой, отражаясь от полки в передней части одной из лавок. Форс перемахнул через полосу вделанного в бетон железа, чтобы обследовать эту лавку Там лежали кольца, целые ряды их, сложенные блестящими белыми камешками вверх — бриллианты, — догадался он Он выбрал их из пыли и сора. Большинство из них были слишком малы, чтобы он смог надеть их на любой из своих пальцев, но он решил взять с собой четыре самых больших кольца с камнями — смутно надеясь удивить ими молодежь в Айри. Среди них было одно кольцо с более широким ободком и темно-красным камнем. Это кольцо он надел на свой безымянный палец, и оно настолько хорошо подошло, словно было сдела-

но специально для него. Форс повернул его на пальце, недовольный темно-бордовым оттенком камня. Казалось хорошим предзнаменованием найти это кольцо, которое умерший мастер сделал словно специально для него. Он будет носить его на счастье. Но пища была бы для него более полезной, чем вновь заигравшие на солнце камни. Кобыле нужно есть, а здесь пастбища им не найти. В этом районе были только дикие руины. Он должен направиться к краю города, если хочет найти подходящее место для лагеря. Но только не возвращаться через долину поездов. Лучше будет исследовать протяженность города, попытавшись добраться до его противоположной стороны если он успеет сделать это до ночи. Форс не останавливался, чтобы обследовать еще какие-нибудь магазины, но он мысленно отмечал те, в которые следовало бы нанести визит Пробираться по зава ленным улицам приходилось медленно, жара струилась от стен зданий, пот капал с его лица, Одежда приклеивалась к телу Он вынужден был снова сесть на лошадь, начала болеть нога, и беспокоила пустота в желудке.

Через три часа непрерывного путешествия они достигли края очаровательного леса, или по крайней мере, он показался им таким Это был

оазис зелени, пробившейся сквозь безжалостную жару и бесплодие развалин. Некогда это был парк, но теперь он превратился в настоящий лес, который Люра приветствовала радостным, восторженным мяуканьем. Кобыла тонко заржала, ломясь сквозь кусты, пока не вышла на то, что, несомненно, было звериной тропой, ведущей вниз, по пологому склону. Форс спешился и позволил кобыле идти дальше, и та перешла на рысь. Они достигли конца тропы, которая упиралась в озеро. Кобыла зашла по колено и уткнула нос в зеленую воду. Длинная красно-золотистая рыбина уплыла прочь от кобылы, замутившей воду Форс опустился на широкий камень и стащил сапоги, чтобы окунуть горящие ступни в прохладную воду. С озера подул ветерок, обсушивший его влажное тело, и поднял опавшие листья кустарника, росшего вокруг озера. Форс посмотрел на другой берег. Напротив него шли вверх широкие белые ступени, потрескавшееся и заросшие мхом, и он заметил чуть виднеющееся здание, куда вела эта лестница. Но все это он мог обследовать и позже. Сейчас ему хотелось просто посидеть на холодке. Кобыла вышла из озера и набила полный рот длинной сочной травой Утка закрякала и вылетела из-под ее копыт, села на

воду и быстро поплыла к лестнице.

Вечер был долгим, но сумерки вокруг того укрытого озера были короткими. Пока еще света было достаточно, чтобы видеть, Форс рискнул зайти в высокое здание с колоннами наверху лестницы и обнаружил, что ему все еще везет. Это был музей — одна из тех сокровищниц, которые очень высоко котировались в списке находок, разыскиваемых Звездными Людьми Он бродил по комнатам с высокими потолками, его сапоги оставляли грязные следы на светлой пыли, иссеченной следами мелких животных. Он стряхнул пыль с ящиков и попытался прочитать по буквам замазанные и расплывшиеся надписи. Гротескные головы злобно и слепо глазели сквозь мрак из изъеденных червями рам — все это некогда было картинной галереей. Но темнота погнала его к убежищу во внешнем дворе. Завтра у него будет время оценить то, что находилось внутри здания. Завтра… да у него же было неограниченное время для обнаружения и анализа всего, что находилось в этом городе! Он пока даже и не начинал исследования.

Было тепло, и он позволил своему костерку прогореть, пока не осталась только кучка углей. Лес оживал. Он узнал лай рыскавшей в поисках

пищи лисицы, печальный зов ночных птиц. Он мог почти представить себе, как на городских улицах собираются толпы голодных призраков, ищущих то, что исчезло навсегда. Но здесь, где человек никогда не жил, было очень мирно и похоже на долины его собственной горной страны. Действительно ли был Лэнгдон здесь до него и не на обратном ли пути из этого места был убит его отец? Форс надеялся, что это было так — что Лэнгдон познал радость доказательства верности своей теории, что его карта привела его перед смертью именно сюда.

Люра появилась из темноты, легко шлепая по замшелым ступеням у края воды. И кобыла вошла без понукания, ее копыта звенели по разбитому мрамору, когда она поднималась к ним. Это было похоже — Форс выпрямился, все внимательнее вглядываясь в опускающуюся ночь — похоже на то, словно их пугал чуждый мир, и пугал настолько, что они искали компаний, чтобы защититься против него. И все Же он не испытывал беспокойства, которое охватило его в тех, других развалинах — этот кусочек леса не содержал никаких ужасов. Тем не менее, он поднялся и пошел, чтобы собрать столько хвороста, сколько ему удастся найти, и он работал во все большей

спешке, пока не стало слишком темно, чтобы он вообще мог видеть что-нибудь. Он соорудил из обломанных веток и плавника нечто вроде баррикады, чтобы защититься от нападения. Люра следила за ним — и за него — сидя настороже на верхней площадке лестницы. И кобыла тоже не сделала ни шага, чтобы снова выйти на открытое пространство. Наконец руками, слегка трясущимися от усталости — странный порыв все еще побуждал его к какого-то рода действиям — Форс натянул лук и положил его рядом, под рукой, потом высвободил из ножен меч. Ветер стих. Было очень душно. Даже птицы перестали кружиться над водой. Раздался внезапный удар грома, и вспышка фиолетовой молнии рассекла южную сторону неба Короткая молния, а приближалась еще большая гроза Это-то, вероятно, и наэлектризовало воздух. Но Форс не стал обманывать себя Что-то помимо грозы нависало в этой ночи. Дома, в Айри, когда они смотрели зимние представления с песнями, как раз перед тем, как убирали большой занавес и начиналась пьеса, у него возникало подобное странное чувство. Своего рода взволнованное ожидание — вот что это было. Но теперь его ожидало что-то еще, чуть затаив свое дыхание, он завертелся на месте.

Его воображение — он был наделен проклятием слишком живого воображения! Кое-что в этом было неплохо. Лэнгдон всегда говорил, что воображение было полезным инструментом и ни один Звездный Человек не был бы полноценен без него. Но когда оно у человека было слишком живое — тогда оно питало темные страхи глубоко внутри и было дополнительным врагом, с которым приходилось сражаться в любой ситуации. Но сейчас размышления о Лэнгдоне не изгнали его странного чувства. Снаружи было что-то, темное и бесформенное, стерегущее и следящее следящее за крошечным Форсом рядом с искоркой слабого огонька — следящее для того, чтобы потом что-то предпринять. Он со злостью помешал дрова в костре. Он становился глупым, словно окосевший в полнолуние лесной житель! Должно быть, какое-то безумие притаилось в засаде в этих мертвых городах, чтобы заполнить мысли человека и отравить его. Это был намного более тонкий яд, чем те, которые создали Древние, чтобы использовать их в своих губительных войнах. Он должен выиграть эту схватку в своем мозгу — и сделать это как можно быстрее!

Люра следила за ним через пламя костра, ее голубые глаза в отблесках пламени горели то-

пазами. Она хрипло и громко замурлыкала, стараясь разуверить его. Форс чуть-чуть ослабил свою постоянную настороженность. Настроение Люры было противоядием. Он достал из Звездной Сумки дневник и полностью переключил на него все свое внимание: четким почерком он стал записывать наблюдения, которые сделал за весь сегодняшний день. Если этот дневник когда-нибудь будет прочитан Ярлом, его должны будут оценить по общему стандарту таких записей. Темнота образовала черный круг там, куда не доставал свет от костра.

5.

День обещал быть знойным. Форс проснулся, донимаемый тупой головной болью и смутными воспоминаниями о неприятных снах. Его нога болела. Но когда он осмотрел затянувшуюся рану, она не оказалась загноившейся, чего он боялся. Ему хотелось искупаться в озере, но он не смел делать этого, пока кривой шрам не зарастет полностью. Он был вынужден удовольствоваться тем, что поплескался на мели. Воздух в музее был мертвящим, и в коридорах витал слабый дух тлена. На стенах висели незрячие маски, и, когда он попробовал некоторые из висевших там мечей и ножей, они разбивались на мелкие осколки,

настолько были хрупки. В конце концов, он взял с собой очень мало — многое из выставленного там было слишком громоздким. Он выбрал несколько крошечных фигурок из ящика, где грязная табличка говорила что-то насчет «Египта», а также неуклюжий перстень с вырезанным на нем жуком, который лежал на соседней полке. Самой последней вещицей была маленькая лоснящаяся черная пантера, гладкая и холодная на ощупь, в которую он сразу же влюбился и не мог вынести расставания с ней.

Он не стал заходить в боковые крылья здания, потому что его ждал целый город. Но музей был безопасным местом. Здесь не было никаких падающих стен, а ниша, в которой он провел ночь, была превосходным убежищем. Прежде чем отправиться на вылазку, он свалил все свои запасы в углу.

Кобыла не хотела покидать лес и озеро, но Форс все время тянул ее за повод и наконец привел ее к краю развалин. Они двигались медленным шагом, так как он хотел посмотреть, что лежало там, за острыми, как копья, осколками стекла, все еще державшимися в разбитых рамах витрин. Все эти здания некогда были магазинами. Сколько товаров, все еще стоящих того, чтобы их взять,

уже утащили оттуда, он мог только догадываться. Но он разочарованно отвернулся от тканей, изъеденных насекомыми и сгнившими от времени.

В четвертом здании магазина, которое он посетил, было нечто намного более нужное. Неразбитая стеклянная витрина скрывала сокровище, даже более ценное, чем весь музей. Закрытые от пыли и большей частью избежавшие разрушительного действия времени, там находились коробки с пачками отдельных листов, а также карандаши! Конечно, бумага была хрупкой, пожелтевшей и легко рвалась. Но в Айри ее можно будет превратить в пыльцу и переработать в годные для письма листы А карандаши! Для них было маловато хороших заменителей В третьей открытой им коробке они были даже цветными! Он заточил два из них охотничьим ножом и нарисовал славные красно-зеленые линии на пыльном полу Все это он должен был взять с собой В задней части магазина он нашел металлическую коробочку, которая казалась еще достаточно прочной, и в нее он запихал все, что смог. И это только из одного магазина! Каких же богатств можно было ждать от всего этого города! Да ведь айринцы могли бы годами исследовать его и Набирать здесь добычу, прежде чем исто-

щатся все запасы того, что можно было найти. Единственные безопасные города, открытые ими раньше, были известны другим племенам и обобраны почти дочиста. Или же они удерживались Чудищами и были небезопасны для посещения.

Форс пошел дальше, осколки стекла хрустели у него под ногами, он огибал кучи обломков, через которые не мог перелезть. Такие кучи целиком забаррикадировали некоторые магазины или же потолки были небезопасны. Он побывал в некоторых помещениях неподалеку от писчебумажного магазина, прежде чем обнаружил другой легкодоступный вход. Это был еще один магазин, торговавший некогда кольцами и камнями. Но все кругом было в диком беспорядке, словно его уже грабили раньше. Витрины были разбиты, и стекло смешалось на полу с металлом и камнями Форс стоял в дверях — потребовалось бы много времени, чтобы разобрать весь этот кавардак, да в этом и не было никакой необходимости Только когда он уже отворачивался, перед его глазами мелькнуло на полу нечто, что заставило его повернуться снова. Там был ком грязи, засохшей и твердой, как камень. И в нем, словно в гипсе, запечатлелся глубоко вдавленный отпечаток ступни. Он уже видел похожий отпечаток раньше, рядом

с лужей свежей крови оленя. Эти длинные узкие следы пальцев с отпечатками когтей нельзя было забыть. Тот, другой отпечаток был свежим. Этот был старым. Он мог быть сделан месяцы или даже годы назад. Грязь, сохранившая его, рассыпалась от толчка его пальца. Форс вышел из магазина и встал спиной к ветхой стене. Инстинкт, заставивший его сделать это, заставил также осмотреть улицу напротив. В разбитых окнах здания напротив него гнездились птицы, влетавшие и вылетавшие по своим делам. А менее чем в десяти футах от него на куче кирпича сидела большая серая крыса, вылизывавшая свой мех и смотревшая на него с почти разумным интересом. Это была очень большая крыса и исключительно бесстрашная. Но никакая крыса не могла оставить такого следа.

Форс позвал рыскающую по округе Люру. С кошкой, которая вела для него разведку, он будет чувствовать себя более уверенным перед лицом любых нападающих. Но он все еще принимал во внимание то, что здесь было множество мест, где могла притаиться смерть: за стенами, в перегородивших улицы кучах обломков, в открытых пещерах витрин.

За следующий час он преодолел около мили,

придерживаясь главной улицы и посещая только те здания, которые Люра посчитала безопасными. Кобыла была навьючена странным ассортиментом узлов, и он понял, что не может и надеяться перевезти очень много образцов всего этого изобилия. Он должен припрятать часть своих утренних находок в музее, взяв с собой только наиболее ценные из них. Теперь, когда этот город был открыт, жители Айри будут «работать» над ним очень эффективно, посылая знающих людей разбирать и выбирать то, в чем они больше всего нуждались и могли лучше всего использовать. Так что, чем скорее он двинется в обратный путь с полученными им знаниями, тем больше у них будет времени поработать здесь, прежде чем придет осень и установится плохая погода.

Стало теплее, и из щелей в камнях начали вылетать и больно кусаться большие черные мухи, доводя кобылу до такого бешенства, что он едва мог управлять ею. Лучше всего теперь было отправиться назад, к островку зелени и озеру и рассортировать там свою добычу. Но, когда они проходили мимо писчебумажного магазина, он зашел туда, чтобы в последний раз проверить то, что приходилось оставлять здесь. Луч солнца прочертил яркую полосу на полу, осветив начер-

ченные им там, на полу, карандашные линии. Но — он был уверен, что не пользовался ни желтым, ни синим карандашом, хотя их тут было несколько. Теперь же желтые и синие линии пересекали оставленные им красные и зеленые, и это было почти вызывающим. Коробки карандашей, сложенные им, с целью унести их позднее, были открыты, а две из них исчезли!

Он мог видеть следы, отпечатавшиеся в пыли на полу Отпечатки своих собственных каблуков сапог и пересекавшие их более бесформенные контуры. А в углу у двери кто-то выплюнул вишневую косточку.

Форс свистом подозвал Люру. Она изучила следы на полу и ждала инструкций. Но она не продемонстрировала такого отвращения, с которым исследовала тот, более ранний след. Этот след мог быть оставлен степняком, исследовавшим город по собственному почину. Если это так, то Форсу следовало действовать быстро. Он должен вернуться в Айри и возвратиться сюда с подмогой, прежде чем какое-нибудь другое племя выдвинет законные притязания на богатства, хранящиеся здесь. Раз или два горцы были разочарованы подобным образом. Теперь не могло быть и речи о том, чтобы захватить

большую часть собранной им здесь добычи. Он должен припрятать ее в музее и путешествовать по возможности налегке, чтобы выиграть время. Нахмурившись, он вышел из магазина, ускоряя свои шаги, и рванул кобылу за повод.

Они вошли в лес, двигаясь через прогалину по направлению к музею. Кобыла всхрапнула, когда они проходили мимо края озера. Форс потянул ее за собой, ведя вверх по лестнице, чтобы там освободить ее от груза. Он сложил узлы в комнате, которую считал теперь своей собственной, и пустил кобылу пастись. Люра посторожит ее, пока у него не появится время для того, чтобы привести все в порядок. Но когда Форс разложил на полу свою утреннюю добычу, он обнаружил, что выбирать необходимое — дело очень трудное. Если он возьмет это, тогда не сможет увезти то, а то могло произвести большее впечатление на жителей Айри и специалистов. Он разложил все в стопки и три-четыре раза полностью переложил все их содержимое. Но в конце концов он упаковал тюк, который, как он надеялся, лучше всего продемонстрирует клану горцев качество его находок и послужит хорошим доказательством таланта его в выборе вещей. Остальное можно будет легко спрятать в обширных залах этого здания, пока

он снова сюда не вернется. Он вздохнул и начал приводить в порядок отбракованное. Столько всего приходилось оставлять — но ведь ему понадобился бы караван вьючных лошадей, такой, какие использовали степные племена, чтобы перевезти все это добро. Покатился барабан, и он поднял его, потирая пальцами его верх, чтобы снова услышать этот пульсирующий странный звук. Затем он слегка постучал по нему ногтями, и звук жутковато разнесся по залам. Это, должно быть, был тот самый барабан, который звучал в ночи после его схватки с кабаном. Сигнал!.. Он не мог удержаться от того, чтобы не постучать по нему еще раз — а затем попытался выбить на нем ритм одной из своих собственных охотничьих песен. Но эта мужественная музыка была еще более мрачной, чем музыка любой флейты или трех-четырех струнных арф, известных его народу. Когда это пугающее громыхание замерло, в комнату влетела Люра, глаза ее пылали сверхъестественным светом, каждый волосок на ее голове выражал поспешность и неотложность. Он должен идти с ней сейчас же. Форс выронил барабан и потянулся за луком. Люра стояла у двери, стегая себя кончиком хвоста.

Она в два прыжка опустилась по лестнице, и

он бросился за ней, не щадя своей ноги. Кобыла невозмутимо стояла на мелководье озера. Люра скользнула дальше, между деревьями и кустами в густые глубины леска. Форс следовал за ней более медленным шагом, будучи не в состоянии столь же быстро продираться сквозь заросли растительности. Но прежде чем он потерял озеро из виду, он услышал звук — слабый стонущий вскрик, почти вздох, проникнутый настоящим страданием. Звук начался с глухого хрипа, складываясь в приглушенные слова, которых он не понимал. Но их произносили человеческие уста, в этом он был уверен, Люра не повела бы его к одному из Чудищ. Бормотание чужих слов потонуло еще в одном стоне, раздавшемся, казалось, прямо из-под земли перед ним. Форс отступил от пространства, которое было у его ног. Люра легла на живот, вытянув вперед переднюю лапу и осторожно ощупывая почву перед собой, но не выходя на небольшую полянку.

«Одна из ям, которые были рассеяны по всему городу, — было первой мыслью Форса, — по крайней мере, какого-то рода отверстие в земле.» Теперь на противоположной стороне этой полянки он увидел яму. Он начал огибать ее по выступающим корням деревьев и кустов, крепко

держась за все, что выглядело более или менее надежным. Из рваного отверстия в ковре сухой травы поднималась тошнотворная вонь. Стараясь щадить свою ногу, он опустился на колени, вглядываясь в темноту ямы То, что он там увидел, заставило его желудок подкатиться к горлу. Это была подлая, скрытая ловушка — искусно сконструированная, умело скрытая ковром из травы и листьев. И она удерживала свои жертвы. Олененок был мертв уже не один день, но другое тело, которое он увидел, когда глаза его привыкли к полумраку, слабо корчилось и, должно быть, лежало здесь не так уж и давно. Кровь еще сочилась из его раненого плеча. На дне ямы в землю были воткнуты заостренные колья, направленные вверх, чтобы пронзить и удерживать упавшего на них, пока тот умирал мучительной смертью. И человек, полувисевший, полулежавший там сейчас, был от смерти менее чем на шесть дюймов. Он старался высвободиться, об этом свидетельствовала зияющая рана на его теле, но вся его сила не помогала ему в этом. Форс на глаз измерил пространство между кольями, а затем огляделся в поисках нужных размеров дерева. Это будет нелегко… Чтобы размотать то, что осталось от его веревки, предназначенной для лазания по

скалам, и сделать из нее петлю, не потребовалось много времени. Человек в яме остекленевшими глазами смотрел вверх. Мог ли он видеть или понять то, что планировал его спаситель, Форс не знал. Он привязал конец веревки к стреле и пустил ее через ветку, находящуюся ближе всего к ловушке. На то, чтобы прикрутить конец веревки к дереву, потребовалось всего мгновение. Затем, зажав другой конец в руке, Форс осторожно опустился через край ямы, используя локти, чтобы затормозить свой спуск к грязным кольям. Черные мухи отвратительной тучей поднялись вверх, и ему пришлось отмахиваться от них, когда он протянул руку к пленнику ямы. Пояс на талии у этого парня был достаточно тугим, и он привязал к нему веревку. Выбраться из ямы было труднее, поскольку ее создатели старались как можно сильнее затруднить эту операцию. Но обвал на одном конце ямы дал кое-какую опору для ног, и Форс выбрался наверх. Было ясно, что кто бы ни устроил эту яму, он долгое время не проверял ее, и Форс оставил Люру сторожить.

Это была очень неприятная работа, но и единственная возможность спасти попавшего в яму человека. Он отвязал конец веревки от дерева, намотав его на свое запястье. Люра подошла к

нему без единого напоминания и схватила зубами болтающийся кончик веревки. Они вместе рванули изо всех сил, раздался дикий крик боли. Но Форс с Люрой продолжали тянуть за веревку, отступая шаг за шагом назад. Из черной дыры показалась откинутая голова и окровавленные плечи чужака. Когда он перевалился через край, Форс закрепил веревку и поспешил к яме, чтобы оттащить безвольное тело подальше от края этой дьявольской ловушки для человека. Его руки стали скользкими от крови, прежде чем он высвободил потерявшего сознание человека. Он не мог нести этого парня на себе из-за своей больной ноги. Парень, должно быть, весил фунтов на сорок больше, чем Форс. Теперь, когда он лежал на свету, Форс узнал в тем темнокожего охотника с острова. Но его рослое тело было беспомощным, а лицо зеленовато-белым под коричневым пигментом, покрывающим его. Но, по крайней мере, кровь больше не хлестала из раны — не была задета ни одна артерия. Он должен был доставить этого чужака в музей, где он сможет осмотреть и обработать его страшную рану…

Затрещали кусты. Форс метнулся к луку, лежавшему там, где он его бросил. Но из кустов выбралась Люра, гоня перед собой кобылу. За-

пах крови заставил кобылу выкатить глаза и повернуть назад, но Форс не мог терпеть сейчас никаких глупостей, и Люра была того же мнения. Она подошла к лошади и несколько раз утробно зарычала. Кобыла с побелевшими глазами застыла на месте, покрывшись потом. Но она не бросилась прочь, когда Форс кое-как перекинул чужака через спину.

Вновь вернувшись под крышу музея, он издал вздох облегчения и положил чужака на одеяло. Глаза парня снова открылись, и на этот раз в их темно-карих глубинах зажегся огонь разума. Охотник был очень молод. Ему было не намного больше лет, чем самому Форсу — несмотря на его рослое тело и широкие, мускулистые плечи. Он лежал, с бесконечным терпением следя за тем, как Форс развел костер и приготовил бальзам, но ничего не сказал даже тогда, когда Форс начал обрабатывать его рану своими грубыми хирургическими приемами. Кол рассек кожу плеча, образовав рваную борозду, но, как с облегчением заметил Форс, он не сломал ни одной кости. Если не разовьется заражение, чужак выздоровеет. Обращение Форса с этими разорванными мускулами, должно быть, причиняло чужаку мучительную боль, но он не издал ни звука, хотя,

когда Форс наконец закончил, на нижней губе чужака появились красные пятнышки. Он указал здоровой рукой на сумку у себя на поясе, и Форс расстегнул ее. Он достал мешочек из белого материала и толкнул его в руку своего спасителя, показав большим пальцем на кружку с водой, которой Форс пользовался во время своей хирургической операции. В мешочке находился грубый коричневый порошок. Форс налил свежей воды, разболтал в ней часть содержимого мешочка и поставил кружку на огонь. Его пациент кивнул и улыбнулся. Затем он ткнул себя в грудь указательным пальцем и произнес:

— Эрскин…

— Форс, — произнес горец, а потом указал на кошку и добавил: — Люра.

Эрскин кивнул головой и произнес несколько предложений глубоким, почти раскатистым голосом, в котором звучали барабанные нотки. Форс нахмурился. Некоторые из этих слов были похожи на его собственные слова. Но акцент, однако, был чужой — налицо было слияние соответствующих звуков. Он, в свою очередь, произнес:

— Я — Форс из клана Пумы с Дымящихся Гор, — он по пытался передать значение своих слов

жестами.

Но Эрскин вздохнул. Лицо его было истощенным и усталым, глаза утомленно закрылись. Он явно не мог сейчас говорить связно. Форс оперся подбородком на ладонь и уставился на огонь. Все это круто меняло его планы. Он не мог уйти и оставить Эрскина одного, не способного позаботиться о себе А этот великан не сможет путешествовать еще не один день.

Кипящая вода начала испускать ароматный запах — необычный для его ноздрей, но соблазнительный. Он понюхал пар от ставшей коричневой воды. Когда жидкость стала совсем темной, он рискнул снять кружку, чтобы охладить ее. Эрскин пошевелился и повернул голову. Он улыбнулся при виде поднимающейся от воды струйки пара и жестом дал понять Форсу, что когда раствор будет готов, он его выпьет. Должно быть, это было лекарство его народа. Форс подождал, попробовал осторожно кончиком пальца, а затем приподнял темную голову чужака на согнутой руке, держа кружку у его искусанных губ. Половина жидкости исчезла во рту прежде, чем Эрскин сделал знак, что с него хватит. Он предложил попробовать и Форсу, но одного горького глотка хватило, чтобы удовлетворить любопытство горца. Вкус у этого

напитка был намного хуже, чем запах.

Весь остаток полудня Форс был занят. Он пошел с Люрой на охоту и принес лучшие части туши оленя, захваченного ими врасплох у края озера, а также несколько поднятых Люрой из травы перепелок. Он притащил большое количество хвороста к тому, что у него уже было, а также ягоды, которые он нарвал с колючих кустов. И когда наконец он уселся рядом с костром и вытянул зудящую ногу, то смертельно устал. Но теперь у них были запасы на несколько дней. Кобыла была склонна к бродяжничеству, так что он запер ее на ночь в одном из коридоров музея.

Эрскин очнулся после провального сна уже в полдень и стал следить, как Форс готовил перепелок к варке. Он поел, но не так много, как думал Форс. Горец беспокоился. На этих кольях в ловушке мог быть яд. А у него не было никакого противоядия. Он снова подогрел горькую коричневую воду и заставил Эрскина выпить ее до последней капли. Если в этом снадобье была какая-то сила, то великан сейчас нуждался в ее помощи. Когда стемнело, пациент Форса снова заснул, а его лекарь согнулся у костра, несмотря на то, что вечер был теплым. Все его мысли занимала эта ловушка для человека. Верно, все

указывало, что те, кто соорудил ее, давно не навещали ее. Попавший в нее олень был мертв уже много дней, и там был еще один скелет, дочиста обглоданный насекомыми и птицами, который находился в другом конце ямы. Но что-то или кто-то затратил много труда на ее постройку, и она была создана умом хитрым и жестоким. Он никогда не слышал, чтобы кто-либо использовал этот искусный метод охоты, и это, конечно, было не в обычаях жителей Айри Ловушка была неизвестна и Эрскину, иначе тот бы не попал в нее Так что это означало, что кто-то другой — не с равнин, не с гор, не из племени Эрскина — находился в этом городе по своей воле А в городах издавна жили только Чудища! У Форса пересохло во рту, он потер ладонями колени Лэнгдон погиб от метательных дротиков и ножей Чудищ. И другие Звездные Люди встречались с ними — и никогда не возвратились больше домой У Ярла на предплечье был кривой красный шрам, который был результатом его столкновения с одним из их разведчиков. Они были ужасными, чудовищными нелюдями. Форс был мутантом — да. Но все же он был человеком. И именно из-за Чудищ так боялись мутантов. Он впервые начал понимать это. В этой ненависти к мутантам была своя цель.

Но он же был человек. А Чудища — нет! Он никогда не видел ни одного из них, а Звездные Люди, которые видели и при этом уцелели, никогда не болтали о них с простолюдинами в Айри. Легенда рисовала их демонами тьмы — великанами-людоедами — отвратительными ночными тварями. Что если Эрскин попал в ловушку Чудища? Тогда, значит, Чудища должны жить здесь. В развалинах тысячи укромных мест, и они могли найти там убежище. И только инстинкт в охотничьих навыках Люры да его собственные глаза и уши, лук и меч могли уберечь их. Глаза и уши, лук и меч, когти и зубы — может быть, всего этого будет недостаточно?

6.

Четыре дня Эрскин лежал в прохладном зале музея, пока Форс охотился для их пропитания или осматривал лес поблизости, никогда не рискуя отходить слишком далеко от белого здания. А по вечерам у костра они изучали речь друг друга и обменивались рассказами о своем прошлом.

— Наши Древние были летающими людьми, — раскатывался по комнате глубокий голос Эрскина После последней Битвы они спустились с неба на свою родину и обнаружили, что она выжжена начисто Тогда они повернули свои машины и по-

летели на юг, а когда машины больше не смогли держать их в небе, приземлились в узкой пустынной долине И через некоторое время они взяли в жены женщин той страны Так появилось мое племя. На краю пустыни жизнь очень тяжела, но мой народ научился использовать пустыню для того, чтобы она смогла что-нибудь дать человеку, и позже у них стало много хорошей земли. И было так еще дважды двенадцать лун назад, а потом земля вздрогнула и затряслась так, что человек не мог стоять на ногах. С гор на нашу землю на юге пришел огонь и множество плохих запахов. Телу Длиннобородый и Мак Трехпалый умерли от кашля в опустившемся на деревни тумане смерти. А утром мир с первыми лучами рассвета затрясся снова, и на этот раз горы извергли из себя горящие камни, потоками хлынувшие вниз, чтобы поглотить самые лучшие из наших с трудом отвоеванных у пустыни полей и пастбищ. Поэтому мы собрали все, что смогли, и бежали от этих камней, все племя целиком, гоня наших овец и взяв с собой только то, что можно было увезти на телегах, запряженных пони, и на своих спинах. Мы направились на север и обнаружили, что в других местах земля тоже была разрушена. Так, на востоке море вгрызлось в землю, и нам

пришлось бежать от поднявшихся вод, как бежали мы от огня. Казалось, что нигде мы не сможем найти места, которое могли бы назвать своим. До тех пор, пока мы не вступили на территорию, где некогда жило много Древних. Тогда несколько молодых воинов, и я в том числе, были направлены на разведку, чтобы найти древние поля для засева и место, чтобы заново построить Деревню Птиц. Это прекрасная страна, — Эрскин показал рукой на юг. — Я видел многое, и мне следовало бы вернуться со своими новостями, но зайдя так далеко, я не мог остановиться, пока не увижу как можно больше чудес этой страны. Я тайком следил за передвижением степняков, но они не такие, как мой народ. Им по сердцу жить в домах из шкур, которые можно установить в любом месте, где им понравится, а затем снова собрать их, когда это место надоест. Твоего рода — горцев — я не знаю, мы не очень-то любим возвышенные места с тех пор, как наши горы принесли нам гибель. Эти города мертвых по-своему полезны. Здесь можно найти различные сокровища — ты и сам это хорошо знаешь. Но здесь также есть и плохое, — он коснулся повязки на своем плече. — Я не думаю, что мой народ будет испытывать тягу к городам. Теперь, когда я снова смогу ходить,

я должен буду вернуться и доложить обо всем племени. И, может быть, все кончится тем, что мы поселимся в какой-нибудь речной долине, где почва черна и тучна. И там мы снова распашем древние поля для того, чтобы засеять их зерном, и пустим наших овец и коз пастись на склонах холмов. Тогда Деревня Птиц снова пустит корни на прекрасной и плодородной земле. — Он вздохнул.

— Ты назвал себя воином, — медленно произнес Форс. — Против кого вы ведете войну? В ваших пустынях тоже есть Чудища?

Эрскин мрачно улыбнулся.

— В дни Великого Взрыва Древние обратились к магии, с которой они не смогли совладать. Наши мудрецы не знают этой тайны и верят только преданиям о наших предках, летающих людях. Но эта магия была странной и ужасной. В пустыне водились существа, которые были прирожденными врагами человека, чешуйчатые твари, очень жуткие на вид. Магия сделала их также хитрыми и быстрыми. Между ними и всем человечеством началась война не на жизнь, а на смерть. Но они тогда казались немногочисленными, и, наверное, раскаленные камни с гор уничтожили их всех. Потому что мы больше не видели их с тех пор,

как покинули горы.

— Радиация, — Форс поиграл рукояткой короткого меча. — Радиационные мутации. Но иногда это срабатывало очень неплохо. Вид Люры произошел в результате такой магии!

Темнокожий южанин посмотрел на кошку, удобно разлегшуюся позади них.

— Это была хорошая, а не плохая магия. Хотел бы я, чтобы у моего народа были такие друзья, чтобы защитить нас в странствиях. Потому что нам приходится много сражаться против зверей и людей. Степняки не стали нашими друзьями. Надо всегда следить, не прячется ли где опасность. Однажды ночью, когда я был в одном мертвом городке, на меня напала стая кошмарных тварей. Не сумей я оказаться вне пределов их досягаемости и хорошенько поработать своим ножом, они обглодали бы меня до костей.

— Я это знаю, — Форс принес барабан и вложил его в руки юноши. Тот негромко вскрикнул от восторга.

— Теперь я смогу поговорить с Мастером разведчиков! — его пальцы начали было выстукивать сложный мотив, но рука Форса метнулась вперед и сжала его запястье.

— Нет! — горец вынудил пальцы юноши от-

пустить барабан. — Это может подать сигнал и другим не только твоему народу. Ту ловушку выкопало существо, которого я не знаю.

Нахмуренные черные брови Эрскина выпрямились, лицо его разгладилось, и Форс продолжил:

— Я считаю, что это работа Чудища. И если они все еще прячутся в этом городе, то твой барабан укажет им наше местоположение…

— Ловушка была старая…

— Да. Но мы никогда еще не находили Чудищ, живущих на одном месте. Тот, кто устроил эту ловушку, может находиться по другую сторону этих развалин. Это большой город, и всех жителей Айри не хватило бы, чтобы обыскать его как следует.

— Твой язык так же прям, как и твои мысли, — Эрскин отложил барабан. — Мы покинем место, населенное тварями, прежде чем я попробую поговорить со своим племенем. Завтра я выйду на тропу. Давай отправимся с первыми лучами солнца. В этих древних городах прячется какое-то зло, которое, кажется, так и бьет в нос. Мне больше нравится чистая открытая земля.

Форс связал часть городской добычи в небольшой узелок, припрятав остальное во внутренних помещениях. Рана на его ноге полностью затя-

нулась, и через день-два Эрскин мог ехать на кобыле. Горец с сожалением посмотрел на кучу своих находок, прежде чем припрятать их, но, по крайней мере, у него были сделанная им самим карта и дневник его изысканий, упакованные в Звездную Карту вместе С несколькими цветными карандашами и фигурками из витрин музея.

Большую часть дня Эрскин бродил по зданию, чтобы размять свои ноги, как он сказал, но его также интересовало и то, что там находилось. Теперь он вернулся с широкой полоской обработанного золота на одном запястье и массивной дубинкой с усаженной шипами головкой, которую он нашел в зале музея, посвященном воинам. Его метательные копья и лук были вытащены из недр ямы-ловушки, но древки копий обломаны, и он не мог натянуть лука, пока не зажило плечо.

Зной прошлых дней еще не кончился, когда они проглотили свой последний завтрак в музее и на рассвете затоптали костер. Эрскин протестовал против того, чтобы ехать верхом, но Форс его переспорил, и они тронулись в путь по той тропе, которую горец нанес на карту и которая привела его в город. Они не делали привалов, двигаясь самым быстрым шагом по захламленным улицам среди скопления высоких башен, которые и были

целью Форса в первый день пребывания в этом городе. Если фортуна и дальше не изменит им, он был уверен, что к ночи они смогут выбраться из развалин этого города. Эрскин прикрывался ладонями от солнца и с благоговейным удивлением взирал на возвышающиеся, словно башни, здания, среди которых они двигались.

Горы, созданные человеком, — вот что мы видим здесь. Но почему Древние любили жить в такой тесноте? Боялись ли они своей собственной магии настолько, что должны были жить бок о бок со своими собратьями, чтобы она не пожрала их самих, когда вырвется на свободу — как и случилось? Ну, они в конце концов погибли от нее, бедные Древние. И теперь жизнь у нас лучше, чем у них.

— Разве? — Форс пнул одиноко лежащий камень. — У них были такие знания — мы разыскиваем во тьме только жалкие крохи того, что знали они…

— Но они же не использовали все свои знания на благо! — Эрскин развел руками и указал на руины. — Этот город создан их мозгами, а потом он был уничтожен тоже ими. Они строили только для того, чтобы потом снова все разрушить. Я думаю, что лучше строить, чем разрушать.

Когда шелест его слов замер, Форс резко повернул голову. Он уловил отзвук — легкий топот. И… он увидел или нет? Отвратительный силуэт раздутого крысиного тела, скользнувший в разбитое окно. Среди камней послышались звуки, словно какое-то существо — или существа — следовали за ними. Уши Люры были плотно прижаты к голове, а глаза превратились в щелки в ее боевой коричневой маске. Она стояла, упираясь передними лапами в упавшую колонну, уставясь назад, на дорогу, по которой они шли. Кончик ее хвоста трепетал. Эрскин уловил беспокойство человека и кошки.

— Что там?..

Сперва Форс подумал, что визг, раздавшийся в ответ на этот полувопрос, вырвался из горла какой-то птицы А затем кобыла вскинула голову и издала второй дикий вопль. Эрскин бросился наземь как раз в тот момент, когда она встала на дыбы, чтобы рухнуть спиной на камни. Тогда-то Форс и заметил в разорвавшей ей горло ране выступающий дротик.

— Туда, — сомкнувшаяся вокруг его запястья рука Эрскина толкнула его в похожее на пещеру отверстие в фасаде самой высокой башни. Пока они мчались туда, воздух разорвал боевой клич

Люры, от которого кровь стыла в жилах. Но, секунду спустя, она тоже устремилась вместе с ними в темный центр здания. Они остановились на спуске, ведшем в мрачную темноту. Под землей тоже были этажи. Форс видел их. Но Эрскин указал на пол. В пыли у засохшей грязи была проложена утоптанная тропинка со множеством следов — следов очень узких ступней — и с когтями! Люра, плюясь и шипя, отступила от этой тропинки. Так значит, они не убежали, а попали в самое логово врага! И, чтобы это подтвердилось, не нужно было победоносного крика снаружи, донесшегося с визгливой нечеловеческой экзальтацией.

Но тропа вела вниз — а они могли еще подняться наверх! Люра и Эрскин разделяли намерения Форса, поэтому оба они побежали налево по коридору, шедшему параллельно улице. Вдоль по коридору были расположены тяжелые двери, и как бы сильно они их ни толкали, ни одна не поддавалась. Только дверь в самом конце коридора была открыта, и они остановились перед ней, глядя в шахту внизу, в полную темноту. Но Форс заметил еще кое-что.

— Держи меня за пояс! — приказал он Эрскину. Там, слева, что-то есть…

Пальцы южанина вцепились в его пояс, и он

осмелился нагнуться над краем отверстия. Он был прав. Из стены выступала лестница, сделанная из полос металла. И когда он посмотрел наверх, то увидел в вышине квадрат тусклого света, который должен был означать, что там была еще одна открытая дверь, может быть, этажами двумя-тремя выше. Но смогут ли Эрскин с Люрой забраться по этой лестнице? Эрскин поиграл мускулами рук, когда Форс объяснил, что он собирается делать. Юноша испытывал свое плечо.

— Насколько высоко расположено это отверстие? — спросил он.

— Наверное, этажа на два выше…

Пока они колебались, Люра подобралась к краю шахты, измерила на глаз расстояние до лестницы, а затем исчезла, прежде чем Форс смог остановить ее. Они услышали скрежет ее когтей по металлу — звук, поглощенный другими шаркающими звуками множества ног. Обитатели нижних этажей выходили на охоту. Эрскин испытал темляк, которым была привязана к поясу его боевая палица. Затем он улыбнулся, хотя и немного кривовато.

— На два этажа сил у меня должно хватить, мы можем попробовать, друг мой.

Он прикинул расстояние так же, как это сделала

кошка, а затем махнул на лестницу. С бьющимся сердцем Форс стоял на месте и ждал, не смея посмотреть, как Эрскин карабкается наверх. Но звука, который он больше всего боялся услышать, — звука падающего тела — не последовало. Он вставил стрелу в лук и стал ждать. И ожидание его было недолгим. Сероватая тень в дальнем углу коридора послужила ему хорошей мишенью. Он выстрелил, пришпилив серую тварь к стене стрелой со стальным наконечником. Что-то завизжало и попыталось освободиться. Но прежде чем тому это удалось, Форс перебросил лук через плечо и оттолкнулся по направлению к лестнице. Полосы металла не поддались — он опасался, что после того, как полосы примут на себя тяжесть тел кошки и Эрскина, они начнут отваливаться Он бешено стал карабкаться наверх, дыхание со свистом вырывалось из его легких, в ушах шумело. Он быстро поднялся сквозь темноту и нашел Люру и Эрскина, с беспокойством поджидавших его. Они находились во втором коридоре, в который тоже выходили ряды дверей, и некоторые из них были открыты. Эрскин исчез в ближайшей из них, а тем временем Форс лег на живот, свесив голову в отверстие шахты, и прислушивался к звукам, долетавшим снизу. Вой раненого им су-

щества прекратился, но шаркающие шаги стали громче, и послышалось ворчание, которое могло быть, но могло и не быть речью Пока что те твари внизу не понимали, как ускользнула их дичь. Форс поднялся на ноги и ухватился за дверь, которая закрывала вход в шахту — она выступала из стены на несколько дюймов. Под его напором она немного поддалась со слабым скрежетом. Горец напряг все свои силы и выиграл еще фут. Но этот скрежет, должно быть, и выдал их. Снизу раздался крик, из шахты вылетел дротик и, закружившись, без всякого вреда упал обратно вниз. Подошел Эрскин, толкая перед собой ворох поломанной мебели. Из шахты доносились странные звуки, но Форс и не подумал еще раз взглянуть через край. Он продолжил свою молчаливую борьбу с дверью. Эрскин начал помогать ему. Они вместе сражались с упрямым металлом, соленый пот ел им глаза и капал с их подбородков.

Звуки в шахте стали громче. Еще несколько дротиков мелькнули в лучах света и упали обратно. Один, нацеленный с большим умением или большой удачей, процарапал пол между ногами Форса. Эрскин повернулся к нагромождению мебели которую он приволок, и сильно толкнул ее, опрокинув всю эту кучу вниз, В ответ раздался

ужасающий вопль и отдаленный треск. Эрскин обтер тыльной стороной ладони свой подбородок, с которого капал пот.

— Клянусь Рогатой Ящерицей, один из них никогда больше не полезет сюда!

Теперь они закрыли дверью уже половину отверстия, ведущего в шахту. И вдруг раздался щелчок, и сопротивление двери исчезло и они оба чуть не свалились в шахту Форс победоносно закричал, но слишком рано. Фут, вот и все, что им удалось выиграть. Места оставалось еще вполне достаточно, чтобы можно было пролезть. Эрскин отступил и некоторое время рассматривал дверь, прикидывая, что к чему. Затем он ударил по ней ладонью, вкладывая в этот удар всю свою силу. Дверь снова поддалась и продвинулась еще на несколько дюймов. Но в шахте снова послышались звуки. Охотников испугала судьба их сородича. Что-то высунулось из темноты, опустившись у самой ноги Форса. Это была рука — тонкая, как кость скелета, и покрытая серовато-морщинистой кожей. Она скребла кривыми ногтями, ища, за что бы зацепиться, и казалась скорее крысиной лапой, чем человеческой рукой. Форс поднял ногу и ударил, вдавив каблук сапога, подкованный гвоздями, чтобы лазить по скалам,

в самую ладонь этого урода. В ответ из проема шахты донесся визг. Они бросились в последнюю атаку на дверь, ломая ногти и обрывая кожу о металл — и дверь поддалась. Она с щелчком зашла в паз на противоположной стене. Некоторое время они стояли, прислонясь к стене коридора, тяжело дыша и держа перед собой свои израненные кровоточащие руки. Кулаки нападающих колотили по двери с той стороны, но она не поддавалась.

— Эта дверь останется закрытой, — наконец смог выдохнуть Эрскин. — Они не могут висеть на лестнице в шахте и давить на нее. Если наверх нет никакого другого пути, мы в безопасности — по крайней мере, на некоторое время.

Люра двинулась направо по коридору, попутно заглядывая в комнаты вдоль него. Там им ничего не угрожало. Они могли передохнуть. Если только они не попали в такую же жестокую ловушку, подобную той, в которую попал Эрскин в лесу около музея. Южанин повернулся к фасаду здания, и Форс последовал за ним к одному из высоких окон, давным-давно лишенному стекла, из которого им была видна улица внизу. Они видели тело кобылы, но тюк, который был навьючен на нее, был сорван, и было нечто странное в том, как она лежала.

— Так, значит, они плотоядные…

При этих словах Эрскина Форс разинул рот. Кобыла превратилась в мясо, и, может быть, и они могли стать мясом! Он поднял глаза, его мутило, он увидел, что та же мысль пришла в голову и рослому южанину. Но рука Эрскина лежала на палице, взятой им из музея.

— Прежде чем это мясо попадет в их котел, его еще предстоит добыть. А охота за ним потребует от них много усилий. Это именно те Чудища, о которых ты говорил?

— Я думаю, что это они. И они считаются очень хитрыми…

— Тогда нам тоже надо быть хитрыми. Ну, раз мы теперь не можем спуститься вниз — давай посмотрим, что находится над нами.

Форс следил за голубями, которые кружились среди развалин. Пол у них под ногами белел от птичьего помета.

— У нас нет крыльев..

— Да, нет — но мои предки некогда летали, — ответил Эрскин с особым юмором, украшающим его речь. — Мы найдем отсюда выход, по которому эта падаль внизу не сможет последовать. Давай же поищем его!

Они переходили из одного коридора в другой,

заглядывая по пути во все комнаты. Здесь были только жалкие остатки мебели и кости. В третий коридор выходили двери другой шахты, но все они были закрыты. Потом в дальнем углу одного из последних коридоров Эрскин толкнул крайнюю дверь, и они вышли на лестницу, которая вела и вверх и вниз. Люра прошмыгнула мимо них и бросилась вниз, бесшумно исчезнув, как она умела это делать. Они присели в тени и стали ждать результатов ее разведки. Лицо Эрскина было сероватого цвета, и это не было результатом отсутствия света. Сражение на лестнице и борьба с дверью не прошли бесследно для его самочувствия. Эрскин вскрикнул и очень осторожно прислонил свое раненое плечо к стене. Форс нагнулся вперед. Теперь, когда все стало тихо, его уши могли сослужить ему службу, он слышал шорох, это могли быть шаги Люры по щебенке, где-то потревоженной ее лапами. Не было никаких признаков того, что Чудища пользовались этой лестницей. Но вот Люра остановилась! Форс закрыл глаза, уйдя в свои собственные мысли, как никогда раньше стараясь уловить эманацию ума большой кошки. Ей не грозила какая-либо опасность, но она была сбита с толку. Путь перед ней был закрыт, она не могла пробраться дальше.

И когда ее коричневая голова снова появилась над верхней ступенькой, Форс уже знал, что по этой дороге уйти они не смогут. Он объяснил это Эрскину.

Высокий южанин, слабо вздохнув, поднялся на ноги.

— Так. Тогда давай поднимемся выше, но не будем спешить, друг. Эти лестницы Древних вышибают из человека дух.

Форс перекинул руку Эрскина через свое плечо, взяв на себя часть веса более рослого южанина.

— Не будем спешить. У нас впереди еще целый день…

— И, наверное, ночь тоже, и еще несколько дней. Ну, пошли, друг.

Пятью этажами выше Эрскин осел, потащив, за собой Форса. А горец и сам рад был отдохнуть. Они поднимались не спеша, но теперь его нога болела, Дыхание вырывалось со свистом, и ком боли застрял под нижними ребрами. Некоторое время они просто сидели, глубоко дыша и переводя дух. Форс с тревогой заметил, что пятна солнечного света на полу тают. Сквозь неровные зубцы разрушенных зданий он видел воды озера и далеко на западе заходящее солнце. Должно быть, уже наступал вечер. Эрскин немного встряхнулся при

этом известии.

— Теперь перед нами встал вопрос о пище, — заметил он. — И, наверное, мы слишком часто освежались из твоей фляги.

Вода! Форс забыл об этом. А где они в этом лабиринте найдут пищу и воду? Но Эрскин был уже на ногах и шел через дверь, которая, должно быть, вела к другим помещениям, расположенным на этом этаже. Птицы — Форс вспомнил, что они гнездятся здесь — это и было ответом — птицы! Они вошли в длинную комнату, где под их ногами лежала какая-то ткань. Тут было множество столов, расставленных рядами по всей длине помещения, и вокруг каждого стола стояли стулья. Форс уловил блеск металла, в полном порядке разложенного на ближайшем из столов. То, что он взял, безусловно, было вилкой!

Значит, это было местом питания Древних. Но пища — любая пища должна была уже давно исчезнуть. Он произнес это вслух только для того, чтобы Эрскин отрицательно покачал головой.

— Это не так, друг. Я бы скорее сказал, что нам выпала такая удача, которая приходит очень и очень редко. Когда я путешествовал на север, мне повезло наткнуться именно на такое место: в комнатах поменьше я нашел множество банок с

пищей, оставленной Древними, но еще хорошей. Тем вечером я попировал так, как не пируют и вожди, когда начинаются Осенние Танцы…

— Есть пищу, найденную в древних городах — значит подвергаться смертельной опасности. И даже — обрекать себя на смерть. Это закон! — упрямо повторил Форс. Но он поплелся следом за Эрскином, когда тот целеустремленно направился к двери в другом конце помещения.

— Бывает пища разных видов. Одно я могу сказать — содержащий ее контейнер должен быть без изъяна. Даже я, у которого нет знаний об этих мертвых городах, могу догадаться об этом. Но я жив, не так ли? Хотя ел оставленную Древними пищу Мы все же должны поискать ее здесь.

Эрскин, умудренный прежним опытом, вошел в комнату, где по стенам были подвешены полки. Стеклянные банки и металлические контейнеры были расставлены по ним рядами, и Форс подивился их изобилию. Южанин медленно двигался по комнате, рассматривая стеклянные банки и не обращая внимания на порыжевший от ржавчины металл. Наконец он вернулся с полудюжиной узкогорлых банок в руках и поставил их на стол в центре комнаты.

— Смотри хорошенько на макушки, друг. Ес-

ли ты увидишь, что там нет никаких дефектов, вскрывай крышки и ешь!

Десять минут спустя они обсасывали липкие пальцы, жадно проглотив фрукты, заготовленные за много поколений до их рождения. Сок утолил их жажду, и Форс прислушался к звукам, доносившимся из комнат дальше по коридору. Люра тоже попировала — множество птиц гнездились здесь. Эрскин воспользовался своим ножом, чтобы снять крышку еще с одной банки.

— Нам больше нет нужды беспокоиться о пище. А завтра мы постараемся найти выход отсюда. На сей раз Чудища мертвых городов натолкнулись на равных себе!

И Форс, сытый и довольный, так же был уверен в этом, как и его друг.

7.

Той ночью они прекрасно выспались на кучах истлевшей ткани, которую они натаскали, и, поднявшись, снова поели и выпили из запасов на складе. Затем они снова двинулись вверх по лестнице, пока та не закончилась платформой, которая некогда была окружена огромными застекленными окнами. С нее во всей своей увядшей красе открылся город. Форс узнал дорогу, по которой он впервые въехал в город, и указал на

нее. И Эрскин сделал то же самое. Его дорога была на востоке.

— Теперь нам надо отправиться на юг — прямо на юг.

Форс коротко рассмеялся, услышав это замечание.

— Мы же еще не выбрались из здания, — возразил он. Но на это у Эрскина был готов ответ.

— Идем! — огромной рукой он потащил Форса к пустому окну, выходящему на восток. Далеко внизу была широкая крыша соседнего здания, ее край почти касался наружной стороны башни, в которой они находились.

— У тебя есть это, — Эрскин дернул конец горной веревки, опоясывающей талию Форса. — Мы должны спуститься к тем окнам, прямо над крышей соседнего здания и перемахнуть на нее. Видишь, по крышам можно пройти на юг, и по ним мы сможем передвигаться некоторое время. Эти Чудища, может быть, и хитрые, но, возможно, они не уследят за этим воздушным путем бегства. На мой взгляд, во время своего передвижения, они предпочитают держаться земли…

— Говорят, что они больше всего способны лазить по норам, — подтвердил Форс. — И наверное, не слишком-то любят солнечный свет…

Эрскин указательным и большим пальцем прищемил свою губу.

— Ночные витязи, а? Ну, тогда, значит, день — самое подходящее для нас время. И свет солнца нам на руку.

Они с полегчавшим сердцем проделали долгий путь вниз. Одним этажом выше крыши соседнего здания они нашли в центре коридора окно, открывавшееся в нужном направлении, вытащили несколько осколков стекла, торчащих, как кинжалы, в раме, и высунулись, чтобы провести рекогносцировку.

— Веревка может нам и не понадобиться, — заметил Эрскин. — Это легкий спуск, — он покрепче ухватился за оконную раму и напряг мускулы.

Форс перешел к следующему окну и вставил стрелу в тетиву лука. Но, насколько он мог видеть, молчаливые пустые окна и крыша внизу ничем им не угрожали. Только он не мог взять под прицел их все. А смерть могла вылететь из любой из сотен черных дыр — выше, ниже… Но тут был их самый лучший и, может быть, единственный шанс на спасение. Эрскин крякнул от боли в плече, а затем вылетел, свалившись на плоскую крышу внизу. Так же быстро он совершил еще один прыжок и скрылся за парапетом

внизу. Какое-то время они, замерев, прождали. Затем кремово-коричневой молнией пронеслась Люра, прыгнув более грациозно. Пока что все шло хорошо. Форс освободился от колчана, Звездной Сумки и лука, швырнув их в направлении Эрскина. Затем он поднялся на подоконник и прыгнул. Он услышал предупреждающий крик Эрскина как раз в то время, когда оторвался от подоконника. Удивленный, он не успел подготовиться к приземлению и упал жестко. Удар потряс его. Извернувшись, он перевернулся на спину. В раме окна, там, где только что была его рука, дрожал дротик. Он перекатился в безопасное место за парапет и с силой ударился о колени Эрскина.

— Откуда он вылетел?

— Оттуда! — южанин показал на ряд окон в здании через улицу. — Из одного из них…

— Давай убираться…

Распластавшись на животе, Форс по-змеиному стал пробираться к противоположному концу крыши. Они не могли теперь вернуться — пробовать залезть обратно в то окно, из которого выбрались, значило бы сделать из себя мишень, по которой не промахнулся бы даже самый скверный копьеметатель. Охота уже началась, и теперь им с боем придется пробираться по

лабиринту, который враг знал отлично, а они не знали вовсе… Лабиринт этот мог быть усеян ловушками более хитроумными и жестокими, чем та, в которую попал Эрскин… Где-то позади них воздух прорезал свист, словно от детской камышовой свистульки. Форс догадался, что это было именно то, чего он больше всего боялся услышать — сигнал, что добыча покинула убежище и теперь ее надо преследовать в открытую. Эрскин пробирался вперед. И так как казалось, что южанин знал, что им делать Дальше, Форс принял его главенство. Они подобрались к углу парапета между восточной и южной сторонами крыши. Люра уже перемахнула через него, она тихо звала их снизу.

— Теперь мы должны положиться на удачу, друг, — на милость фортуны. Быстро перескакивай в тот момент, когда я сделаю первый шаг. Может быть, если мы предоставим им две мишени, они не успеют выбрать ни одной. Ты готов?

Да!

Тогда — пошел!

Форс протянул руку и ухватился за край парапета одновременно с Эрскином. Их тела вместе перелетели, и они покатились по второй крыше, болезненно обдирая при этом кожу. Здесь кры-

ша была не чистой. Блоки, упавшие со здания повыше, образовали барьер, который Эрскин встретил восклицанием удовлетворения. Оба они скрылись за этими грудами щебенки, присев на корточки и прислушиваясь. Снова зазвучал свисток, на этот раз повелительно. Эрскин стер с рук пыль.

— За этим домом находится еще одна улица, а ниже та речная долина, которую ты пересек.

Форс кивнул. Он тоже помнил то, что они видели из окна башни. Долина реки делала изгиб, поворачивая в этом месте прямо на восток. Он на мгновение закрыл глаза, чтобы представить себе подъездные пути древних домов, скопления зданий…

— Ну, — произнес Эрскин. — Если мы дадим им больше времени, они смогут лучше подготовиться и поприветствовать нас таким способом, который может нам не очень понравиться. Поэтому мы все время должны двигаться. Сейчас, когда они рассчитывают найти нас на крышах, может быть, будет мудрее спуститься на улицу…

— Посмотри-ка сюда, — Форс изучал хлам, валяющийся вокруг них. — Это не упало сверху. — Он покопался в куче щебня. В крыше находилась наклонная дверь. Эрскин радостно бросился к

ней. Они копали яростно, как белки осенью, пока не отрыли ее всю. Затем они потянули ее на себя и заглянули в затхлую темноту, из которой поднимались дурные запахи. Там была лестница, и она была почти отвесной. Они ей и воспользовались. Показались длинные коридоры и еще лестница. Хотя двигались они все трое бесшумно, как лесные охотники, но все же на всем пути их преследовали легкие глухие стуки и старческие вздохи. Время от времени они останавливались и прислушивались. Но Люра не проявляла никаких признаков беспокойства, и Форс не слышал ничего, кроме стука падающей штукатурки и скрипа древних досок, потревоженных их ногами.

— Подожди! — Форс поймал Эрскина, когда тот начал было уже спускаться на последний лестничный пролет.

Размахнувшись рукой, Форс слегка ударил по двери в стене, и что-то в последовавшем за этим ударом глухом звуке показалось им многообещающим. Он открыл дверь. Они вышли на своего рода козырек, нависший над огромной пещерой помещения.

— Клянусь Великой Рогатой Ящерицей! — Эрскин был потрясен, а Форс ухватился за ограждавшие платформу перила.

Они смотрели на то, что некогда, видимо, было гаражом для тяжелых грузовиков, используемых Древними для перевозки различных грузов. Десять-пятнадцать этих чудовищ стояли рядами, ожидая своих давно исчезнувших хозяев. А у некоторых из них были запломбированы моторы, последние изобретения Древних Похоже, они не были повреждены временем и находились в превосходном состоянии, готовьте для использования Одна из машин почти уткнулась носом в широкую закрытую створку ворог, которые, как мгновенно понял Форс, должны выходить на улицу. В его голове зародилась дикая идея. Он повернулся к Эрскину:

— Там была дорога, ведущая в Долину Поездов, — дорога, по большей части спускающаяся, с крутым уклоном…

— Верно…

— Видишь ту машину — которая у ворот? Если мы сможем завести ее, она покатится по этой улице, и ничто не сможет остановить ее!

Эрскин облизнул губы:

— Машина эта, вероятно, мертва. Если мотор не заработает и мы не сможем сдвинуть ее…

— Может быть, толкать ее нам и не понадобится. И не будь так уверен, что ее мотор не

заработает. Ярл, Капитан Звездных Людей, однажды вел машину с запломбированным мотором целых четверть мили, прежде чем она снова умерла. Если эта машина выведет нас только на верх склона, то нам хватит и этого. По крайней мере, мы можем попробовать. Это самый безопасный и легкий способ добраться до долины…

— Так ты говоришь, мы можем попробовать! — Эрскин запрыгал вниз по ступенькам и направился к грузовику.

Дверь в кабину была открыта, словно приветствуя их. Форс соскользнул по разрушающейся обивке, чтобы сесть за баранку — как будто он был одним из Древних, пользующийся этим чудом техники как самой обычной вещью. Эрскин протиснулся к нему и нагнулся вперед, изучая ряды приборов и кнопок перед ними. Он коснулся одной из них.

— Эта отпирает колеса…

— Откуда ты знаешь?

— У нас в племени есть ученый человек. Он разобрал много древних машин, чтобы узнать секрет их изготовления. Только у нас нет больше горючего, чтобы запустить их, и поэтому они бесполезны для нас. Но от Унгера я узнал кое-что об их устройстве и мощи.

Форс несколько неохотно уступил свое место и стал следить, как Эрскин осторожно пробовал управление. Наконец южанин ударил ногой по кнопке, находящейся внизу, и то, во что в глубине души они никогда не верили, произошло. Древний мотор ожил. Запломбированный мотор не умер!

— Ворота! — Лицо Эрскина под его коричневым загаром побелело, он вцепился в руль, ощущая настоящий страх перед пульсировавшей под ним ужасающей мощью.

Форс выскочил из кабины и метнулся к огромным воротам. Он потянул засов вниз, тот открылся, и он смог оттолкнуть тяжеленные створки. Он осторожно выглянул наружу, на свободную от обломков улицу. В нескольких футах от ворот один из [Громадных грузовиков развернуло боком, и он расплющил свой нос о стену здания на противоположной стороне. Образовалась весьма эффективная — баррикада. Изучив все это, он больше не медлил. Звук умирающего мотора позади него был ужасным — он скрежетал, доживая последние секунды своей жизни. Форс залез в кабину, затащив с собой Люру. Они с бьющимися сердцами пригнулись, и Эрскин повернул огромный руль. Последняя вспышка энергии в

двигателе привела грузовик в движение, и, когда они повернули, резина слетела с остатков шин. Мотор закашлял и умер, когда они выкатились из гаража и достигли спуска, но инерция влекла их дальше, и они все быстрее и быстрее неслись по склону холма вниз, в долину. Только по чистой случайности улица перед ними оказалась пустой. Не перегороди тот грузовик улицу в самом начале, они могли бы врезаться в обломки и погибнуть. Эрскин сражался с рулем, управляя машиной чисто инстинктивно, и та несла их по улице со скоростью, которая все увеличивалась, пока грузовик набирал темп. Форс дважды закрывал глаза только для того, чтобы заставить их открываться вновь. Его руки глубоко зарылись в мех повизгивающей Люры, которой очень не нравился этот способ передвижения. Но грузовик все ехал и ехал, и наконец они оказались на ровном месте, ударяясь о ржавые рельсы железной дороги. Грузовик замедлил ход и наконец остановился, зарывшись бампером в кучу угля. С минуту все трое оставались там, где были, потрясенные и ослабевшие. Потом они достаточно пришли в себя, чтобы вывалиться из кабины. Эрскин рассмеялся, но его голос окреп, и он сказал:

— Если кто-нибудь и последовал за нами, то

сейчас остался далеко позади. И мы должны стараться, чтобы это расстояние еще увеличилось.

Они использовали в качестве укрытия обломки на подъездных путях и быстрым шагом продвигались на юг, пока наконец речная долина снова не свернула в сторону от избранного ими направления. Тогда они поднялись по склону и отправились дальше, пробираясь через заросшие лесом развалины городских окраин. Солнце стояло высоко, поджаривая их головы и плечи. Ветерок, дувший с озера на сушу, доносил какой-то подозрительный запах. Эрскин с шумом понюхал его.

— Дождь, — было его заключение, — и мы не могли бы и надеяться на большую удачу. Он смоет наши следы…

Но Чудища не преследуют свою добычу вне города… или преследуют? Теперь они, должно быть, далеко выходят в поля — ведь был еще след, оставленный охотником на оленей. И отец Форса был убит стаей не в пределах города, а на краю большого леса. Нельзя было считать себя в безопасности лишь только потому, что они выбрались из развалин города.

— По крайней мере, мы опять путешествуем, но не обремененные таким тяжелым грузом, — за-

метил Эрскин некоторое время спустя, когда они остановились отдохнуть и выпить густого сока, которым Форс этим утром наполнил свою флягу.

Он с сожалением подумал о кобыле и добыче, которую она несла вчера. Оставалось очень немногое, чтобы доказать правдивость его истории — всего лишь два кольца на его пальцах и несколько мелочей в его Звездной Сумке. Но у него была возможность предъявить Совету карту и свой путевой дневник, когда наступит время свести счеты с Айри, которого он так ждал. У Эрскина оставалось даже меньше, чему Форса. Палица из музея была его единственным оружием, не считая ножа на поясе. В своей сумке он хранил кремень и кресало, два рыболовных крючка и обмотанную вокруг них леску.

— Если бы только у нас был барабан, — с сожалением произнес он. — Будь он у меня в руках, мы бы даже сейчас могли поговорить с моим народом. Без сигналов найти его можно будет только случайно, если мы не наткнемся на след какого-нибудь другого разведчика.

— Идем со мной в Айри! — импульсивно предложил Форс.

— Когда ты мне рассказывал свою историю, друг, разве ты не говорил, что сам сбежал от

своего племени? Будут ли они приветствовать твое возвращение, особенно если ты приведешь с собой чужака? В этом мире все еще существует ненависть. Позволь мне рассказать тебе о моем собственном народе — это история давних-предавних дней. Основавшие мое племя летающие люди были рождены в серой коже и поэтому в свое время много натерпелись от тех, у кого кожа была более светлая. Мы — мирные люди, но нас гнетет древняя боль, и она иногда шевелится в нашей памяти, отравляя ее горечью и злобой. Когда мы направились на север, мы старались завести дружбу со степняками — три раза, насколько я знаю, мы посылали к ним послов. И каждый раз нас встречали дождем боевых стрел. Так что теперь наши сердца ожесточились, и мы постоим за себя, если понадобится. Можешь ли ты пообещать, что твои горцы протянут нам руку дружбы, если мы придем к ним?

Горячая кровь ударила в щеки Форса. Он боялся, что ему известен ответ на этот вопрос. Чужаки были врагами — это было старое-престарое правило. И все же, почему должно быть именно так? Земля эта была обширна и богата, а люди немногочисленны. Наверняка земли хватило бы на всех — она простиралась до самого моря к другим

обширным землям. Он высказал все это вслух, и Эрскин быстро и сердечно согласился с ним.

— У тебя очень прямые мысли, друг. Почему между нами обоими должно быть недоверие только из-за того, что наша кожа разного цвета, а наши языки звучат по-разному? Мой народ живет тем, что обрабатывает землю, он сажает семена, и из них вырастает пища, он пасет овец, которые дают шерсть, из которой мы вяжем наши зимние плащи и ночные покрывала. Мы делаем из глины горшки и кувшины и обжигаем их до твердости камня, работая своими руками и радуясь этому. Слепняки — охотники, они приручают лошадей и пасут стада коров — они любят быть все время в движении, исследовать новые тропы. А твой народ…

Форс сощурился от света солнца.

— Мой народ? Мы всего лишь небольшое племя, состоящее из нескольких кланов, и часто зимой вынуждены ходить тощими и голодными, потому что горы — это суровое место. Но идем первые и превыше всего уважаем знания. Мы живем для того, чтобы обшаривать руины, чтобы попытаться понять и вновь научиться вещам, в свое время сделавшим Древних великими Наши врачеватели борются с болезнями тела, а наши учителя и

Звездные Люди — с невежеством ума…

— И все же те самые люди, которые борются с невежеством, сделали из тебя изгоя только потому, что ты отличаешься от них…

Щеки Форса покраснели во второй раз.

— Я — мутант. А мутантам доверять нельзя. Те… Те Чудища — тоже мутанты… — он не мог больше выжать из себя ни слова.

— Люра — тоже мутант.

Форс мигнул. Спокойные слова этого ответа означали большее, чем просто констатацию факта. Напряжение оставило его. Ему стало жарко. Не от стыда и не от палящего солнца, повисшего над ним. Это был добрый жар, которого он не ощущал никогда прежде… Никогда… Эрскин оперся подбородком о колено и посмотрел на перепутанные кусты и плющ.

— Мне кажется, — медленно произнес он, — что мы — словно части одного тела. Мой народ — это рабочие руки, создающие вещи, которые делают жизнь проще и приятнее. Степняки — это беспокойные, вечно спешащие ноги, вечно томимые жаждой новых троп и незнакомых вещей, которые могут находиться за горизонтом на востоке и на западе. А твой клан — это голова, думающая, вспоминающая, планирующая действия для ног

и рук. Все вместе…

— Вместе, — выдохнул Форс. — Мы сделались бы такой нацией, какой не видела эта земля со времени Древних!

Нет, не такой нацией, как те, Древние! — резко возразил Эрскин. — Они не были единым телом — потому что воевали. Если тело способно жить, то лишь благодаря тому, что каждая его часть, зная свою собственную ценность и гордясь ею, признает ценность и других частей тела. А цвет кожи, глаза или племенные обычаи какого-то человека должны означать для встречающихся чужаков не более чем пыль, которую они смывают с рук своих, прежде чем взять мясо со стола. Мы должны прийти друг к другу свободными от такой пыли… или же она поднимется и ослепит наши глаза, и то, что начали Древние, будет жить вечно и всегда будет отравлять землю.

— Если бы только так могло быть…

— Брат, — Эрскин в первый раз использовал это более интимное слово по отношению к Форсу, — мой народ верит, что за всеми действиями в этой жизни стоит какая-то направляющая сила. И мне кажется, что мы двое были приведены в это место для того, чтобы встретиться. И от нашей встречи, наверное, родится что-то более сильное

и могучее, чем все то, что мы знали раньше. Но сейчас мы задержались здесь слишком долго, смерть все еще может наступить нам на пятки. Но, по моему мнению, нас не сбить с предназначенной нам тропы.

Что-то в торжественной интонации голоса этого рослого южанина глубоко тронуло сердце Форса. У него никогда не было настоящего друга, его чужая кровь слишком сильно отделяла его от других в Айри А его отношения с отцом были отношениями ученика с учителем. Но теперь он знал, что никогда по доброй воле не допустит, чтобы этот темнокожий воин снова ушел из его жизни, и что куда пойдет Эрскин, туда последует и он.

Когда солнце поднялось почти над их головами, они оказались в глухом лесу, где надо было идти медленно, чтобы избежать зияющих провалов погребов и длинных сгнивших балок. В этом лабиринте Люра напала на след дикой коровы, и через час, убив ее, они уже варили свежее мясо. Завернув в сырую шкуру достаточно мяса еще примерно на два обеда, они отправились дальше, ведомые маленьким компасом Форса. Внезапно они вышли на окраину древней обители летающих людей. Настолько внезапно, что были

глубоко потрясены и чуть было не спрятались обратно, под защиту деревьев, когда увидели, что там находилось. Они оба уже видели изображения таких машин. Но здесь эти машины были настоящими, они стояли стройными рядами, по крайней мере, некоторые из них. А остальные представляли из себя кучу размолотого металла и ржавой трухи, полупогрузившиеся в воронки от снарядов.

— Самолеты! — глаза Эрскина заблестели, — летающие по небу самолеты моих отцов! Прежде чем бежать от дрожавших гор, мы в последний раз отправились взглянуть на аппараты, что доставили на эту землю первых людей из нашего клана, и они были похожи на некоторые из этих машин. Но здесь целое поле самолетов!

— Этих смерть настигла прежде, чем они успели подняться в небо, сказал Форс. В нем полыхало странное чувство возбуждения. Наземные машины, даже грузовик, который помог им выбраться из города, никогда не действовали на него так сильно. Эти крылатые чудовища… Какими великими, какими могущественными знаниями должны были обладать Древние! Они могли мчаться среди облаков на этих машинах, а их сыны теперь должны ползать по земле! Едва

понимая, что он делает, Форс вышел вперед и печально провел рукой вдоль фюзеляжа ближайшего самолета. Он был таким маленьким рядом с этой машиной… В ее брюхе некогда мог поместиться целый клан…

— Именно с таких машин, как эти, Древние и сеяли смерть по всему миру…

— Но мчаться в облаках, — Форс отказался разделять мрачное настроение Эрскина, — над землей… Они, должно быть, были подобны богам, эти Древние!

— Скажи лучше, подобны дьяволам! Смотри. Эрскин взял Форса за руку и провел его между двух стройных рядов машин на край поля, чтобы посмотреть на множество рваных, уродливых кратеров, превративших центр аэродрома в обгорелое месиво земли и бетона. — Таким образом смерть пришла с воздуха, и люди по доброй воле сбросили эту смерть на своих собратьев. Давай же запомним это, брат!

Они обошли обломки, следуя вдоль рядов разбитых самолетов, пока не подошли к зданию. Здесь было множество костей Множество людей погибло, пытаясь поднять машины в воздух — но слишком поздно.

Достигнув здания, они оба обернулись и по-

смотрели назад, на тропу среди обломков и на два ряда словно чего-то ждущих странно неповрежденных бомбардировщиков. Небо, в которое они никогда больше не поднимутся, было ясным и голубым, по нему строем плыли небольшие светлые облака. Но на западе собирались другие, более темные. Надвигалась гроза.

— Это никогда не должно повториться, — Эрскин показал на разбомбленное поле. — Каких бы вершин цивилизации ни достигли наши дети, они никогда не должны больше уродовать землю и воевать друг с другом. Ни они, ни мы. Ты согласен с этим, брат?

Форс твердо встретил взгляд его темных горящих глаз.

— Согласен. И все, что смогу сделать, я сделаю. Но там, где некогда люди летали, они должны полететь вновь! В этом мы тоже должны поклясться!

8, Форс склонился над столом, опершись локтями и едва смея дышать, чтобы драгоценные квадраты на матерчатой основе, которые он изучал, не рассыпались в мелкую пыль. Карты! О таком количестве карт он никогда не мечтал Он мог поместить кончик пальцев на голубую точку на краю Великого Озера и оттуда путешествовать

дальше, прямо к А-Т-Л-А-Н-Т-И-Ч-Е-С-К-О-М-У О-К-Е-А-Н-У. Да ведь это было то самое легендарное Море! Он нетерпеливо поднял глаза, когда к его сокровищам подошел Эрскин.

Мы здесь, вот в этом месте.

— И здесь, похоже, останемся навсегда, если не будем поторапливаться…

Форс выпрямился.

— Что?

— Я только что спустился с башни в конце этого здания. На противоположной стороне поля, где стоял самолет, движется что-то живое. Можно подумать, это только тени, но они движутся слишком целеустремленно, чтобы осторожный наблюдатель проглядел их.

— Олени, — сказал Форс, будучи уверенным, что это не так.

Эрскин издал отрывистый смешок, но в нем совсем не было юмора.

— Разве олень ползает на брюхе и подглядывает из-за угла, брат? Нет, я думаю, что наши друзья из города наконец все-таки нашли нас. И мне не нравится оставаться в этом месте, как в ловушке! Нет, это мне совсем не нравится!

Форс с сожалением оторвался от карт. Как бы восторгался ими Ярл! Но попытка свернуть их

была бы равна их уничтожению, и их придется оставить тут, как оставались они все эти бесчисленные годы. Он схватил колчан и проверил, сколько стрел там осталось. Их было всего десять. А когда кончатся и эти, у него останется только короткий меч и охотничий нож… Эрскин, должно быть, уловил эту мысль прямо из головы своего товарища, потому что он кивнул горцу.

Пошли, — он повернулся к лестнице, которая поднималась по спирали вверх, и они оказались на площадке, некогда полностью застекленной. — Видишь! Вон там! И что, по-твоему, это?

Южанин ткнул пальцем на юго-восток. Форс увидел на ковре растительности странный шрам, широкий клин земли, где ничего не росло. Почва там под лучами солнца приобрела странный металлический отблеск. Такой отблеск был характерен для ущелий и искусственно забетонированных поверхностей, созданных Древними, но тут было совсем другое. Хотя растительность заполнила всю землю вокруг, но ни одно растение не росло на этом клине голой земли.

— Пустыня, — вот и все, что мог предположить Форс.

— Ну уж нет. Вспомни, я родился в пустыне, а эта земля ничуть не похожа на ту пустыню, кото-

рую я знал. Это вообще не похоже ни на что, с чем когда-либо я сталкивался в своих странствиях.

— Тихо! — голова Форса резко поднялась. Он знал, что это за звук: отдаленный скрежет металла о металл. Его взгляд пробежал по рядам безмолвных машин. И на полпути ко второму ряду он заметил мимолетное движение! Он заслонил глаза рукой от солнца, встав на раму, в которой не было стекла. Под тенью распростершегося крыла самолета присело нечто черно-серое. И это нечто нюхало землю! Шепот Форса был чуть слышен сквозь быстрое хриплое дыхание Эрскина.

— Только одно…

— Нет. Посмотри вон за тот куст — направо…

Да, южанин был прав. На фоне зелени была видна звериная голова. Чудища почти всегда охотились стаями. Надеяться, что сейчас будет не так, означало ожидать от фортуны слишком многого. Форс положил руку на рукоять меча.

— Мы должны убираться отсюда!

Сандалии Эрскина уже стучали по лестнице. Но прежде чем покинуть башню, Форс увидел, как серая тварь метнулась вперед из-под крыла самолета. И еще две таких же твари отделились от деревьев вдоль разрушенной взлетной по-

лосы, находя себе укрытие среди машин. Стая приближалась.

— Мы должны держаться открытого места, — сказал Эрскин. — Если мы сможем держать дистанцию и не позволим им загнать себя в угол, у нас будет приличный шанс на спасение.

В здании была еще одна дверь, та, которая выходила на другую сторону поля. Здесь был лабиринт, образованный перемешанными обломками. Взлетные полосы были усеяны воронками, машины и орудия противовоздушной обороны тоже были сожжены. Беглецы обогнули нацеленное в небо дуло зенитки. И в то же время воздух разодрал ужасающий визг, на который ответило яростное рычание Люры. Боевая кошка и ее добыча выкатились чуть ли не под ноги им. Эрскин взмахнул своей палицей, это было своего рода искусство. Он с силой ударил. Тонкие руки-кости широко раскинулись и безвольно обвисли. Люра царапнула мертвое тело. Один из обломков, пущенный нападавшими, задел голову Форса, тот закрутился и повалился прямо на зенитку. Он споткнулся о тело, от которого исходил отвратительный смрад. Эрскин рывком поднял его на ноги и потащил обратно под высоко задранный нос самолета. Все еще мотая звенящей

головой, Форс позволил своему товарищу вести его, и они все время сворачивали в стороны и петляли. Один раз он услышал звон металла, в который ударил дротик Чудища. Эрскин толкнул его влево, и инерция этого толчка позволила им достичь укрытия.

— Они гонят нас, — задыхаясь, произнес Эрскин. — Они травят нас, как оленей…

Форс попытался высвободиться из цепкой руки южанина.

— Люра — вперед! — несмотря на оглушивший его удар, он уловил мозговой импульс кошки. — Там путь свободен…

Эрскину, видимо, не хотелось покидать укрытие, но Форс вырвался и стал пробираться через проход в обгоревшей земле и обломках машин. Казалось, что это продолжалось долго — эти петляющие гонки наперегонки со смертью. Но, в конце концов, они добрались до края того странного шрама голой земли, который увидели с башни. И тут Люра ощетинилась, губы ее приподнялись в рычании, ее хвост стучал по телу в ярости…

— В этот овраг — быстро… — Эрскин оказался в балке прежде, чем закончил свою фразу.

Странная земля хрустела под сапогами Форса.

Он выбрал этот единственный оставшийся у них путь для бегства. И Люра, завывая низким голосом от страха, махнула следом за ними. Здесь не было даже мха, и выступающие камни были покрыты стекловидной глазурью. Форс поеживался, когда своей кожей прикасался к чему бы то ни было здесь. Но звуки погони прекратились. Здесь было слишком тихо. Он вдруг понял, что звук, к которому привыкли его уши — это постоянное жужжание, всегда присутствующее в нормальной растительности безопасного мира. Местность, в которую они вступили, была чуждой, здесь не было привычных им зеленого и бурого цветов, не было обычных звуков, к которым так привыкли их уши. Эрскин остановился, и Форс, догнав его, задал вопрос, вертевшийся у него на языке:

— Что это за место?

Но южанин ответил встречным вопросом:

— Что ты говорил мне о Землях Взрыва?

— Землях Взрыва? — Форс попытался вспомнить немногие скудные упоминания о них в анналах Айри. Земли Взрыва те места, где атомные бомбы нанесли удар прямо по земле, где смерть проникла так глубоко, что должны смениться поколения, прежде чем человек снова

сможет пройти по ним… Его рот открылся и быстро закрылся. Он не должен был задавать свой вопрос. Он знал и холодок ужаса от того, что он знал был хуже, чем вонзившийся в его тело дротик Чудища. Не удивительно, что погоня прекратилась. Даже Чудища-мутанты знали, что сюда им лучше не соваться!

— Мы должны вернуться, — почти прошептал он, уже зная, что им не удастся это сделать. — Вернуться на верную смерть? Нет, брат, и это уже слишком поздно. Если старые предания говорят правду, мы уже сейчас ходячие мертвецы и несем в себе семена всесжигающей болезни. А если мы пойдем дальше, у нас есть шанс пробиться…

— Наверно, больше, чем шанс, — первоначальный ужас Форса прошел, когда он вспомнил давний спор жителей Айри.

— Скажи мне, Эрскин, в первые годы после Взрыва народ твоего племени страдал от лучевой болезни?

Прямые брови великана сошлись на переносице.

— Да. Тогда был год смерти. Все, кроме десяти человек нашего клана, умерли в течение трех месяцев. А остальные болели и навсегда остались слабыми. Лишь спустя поколение мы снова стали

сильными.

— Точно так же было и с жителями Айри. Люди моего клана, изучавшие древние книги, говорят что из-за этой болезни мы теперь отличаемся от породивших нас Древних. И, наверное, из-за этого отличия мы сможем пройти невредимыми там, где Древние были бы обречены на смерть.

— Но это утверждение еще не было проверено..

Форс пожал плечами.

— Теперь проверим. Я-то знаю, что я мутант. И вот мы увидим, верно ли это В то же время я подобен другим членам моего племени. Но это не значит, что мы такие же, как Древние. Произойдет ли все так, как мы надеемся, или нет мы уже вышли на эту тропу. А позади нас ждет верная и жуткая смерть. К тому же надвигается гроза. Нам лучше всего отыскать убежище. Это не та земля, чтобы бродить по ней во тьме!

Трудно было сохранять равновесие, идя по этой скользкой поверхности. Они придерживались краев пересекающих эту местность узких оврагов, ища пещеру или навес, которые могли бы послужить им хоть каким-нибудь убежищем. Темные облака превратились в мрачную серую массу, и на землю опустились преждевременные сумерки. Скверная ночь, плохо идти без огня по

открытой зараженной местности под моросящим дождем. Пурпурная молния разорвала небеса, и путники прикрыли глаза, когда она ударила неподалеку от того места, где они стояли. Последовавший за ней раскат грома чуть не порвал им барабанные перепонки. Затем дождь тяжелым удушающим занавесом сомкнулся вокруг них. Они прижались друг к другу, несчастные, все трое у края узкого оврага, поеживаясь, когда молнии снова и снова били вокруг них, а вода в ручье на дне оврага поднималась, смывая почву со стеклянистых камней. Форс пошевелился только один раз. Он отстегнул свою флягу и потянулся за фляжкой Эрскина. Тот отдал ее ему. Он поставил их под проливной дождь. Вода, бежавшая у его ног, была заражена, но дождь, который не успел коснуться почвы или камней, мог обеспечить их питьем. Форс решил, что Люра из них троих была самой несчастной: по их гладкой коже дождь стекал, очень немного воды задерживалось в набедренных повязках. Но мех Люры был спутан, и ей придется многие часы вылизывать его языком. Однако она не выказала своего неодобрения такого порядка вещей, как это обычно делала. С тех пор как мы пересекли границу выжженной атомным огнем земли, она вовсе не издавала никаких

звуков. Форс импульсивно попытался уловить ее мысли. Он легко делал это раньше — достаточно часто для того, чтобы быть уверенным, что мог связаться с ней, когда она того хотела. Но теперь он наткнулся только на пустоту. Мокрый мех Люры прижимался сейчас к нему, но сама Люра исчезла. И тут он вдруг понял, что она прислушивалась, прислушивалась так внимательно, что ее тело сейчас было одним огромным органом для улавливания звуков. Почему? Он положил лоб на скрещенные на коленях руки. Он нарочно отгородился от всех звуков вокруг него — барабанного стука дождя, дыхания Эрскина, клекота воды, струящейся у самых их ног. К счастью, раскаты грома прекратились. Он ощущал ток крови в своих ушах, звук собственного дыхания. Он отгородился от них, и насколько мог, полно. Это был трюк, которым он пользовался и раньше, но никогда еще он так не принуждал себя. Сейчас ему было крайне необходимо услышать — предупреждение могло прийти либо от Люры, либо из каких-то глубин внутри него самого. Он сосредоточился на том, чтобы отгородиться даже от мыслей, как это необходимо, потому что это тоже могло помешать. Раздался слабый звук шлепков по воде. Его разум быстро оценил его и

отверг, так как это был звук земли, подмытой и упавшей в порожденный ливнем ручей.

Он простер границы своего слухового восприятия дальше. И вот когда он начал испытывать странное головокружение, тогда-то и услышал его — звук, который не был порожден дождем или ветром. Люра вскочила на ноги. И когда он поднял голову чтобы встретиться с ней взглядом, она повернулась.

— Что? — обеспокоенно шевельнулся Эрскин, переводя взгляд с горца на большую кошку.

Форс чуть не расхохотался при виде полного замешательства в глазах южанина. Головокружение, возникшее в результате напряжения и сосредоточенности, быстро проходило Его глаза приспособились к темноте ночи и теням Он встал на ноги, отставил в сторону лук и колчан со стрелами, оставив при себе только пояс с мечом и ножом. Эрскин протестующе поднял руку, но он от нее уклонился.

— Там, позади нас что-то есть. Мне надо увидеть. Подожди здесь.

Но Эрскин тоже упорно пытался подняться. Форс увидел, как его рот перекосился от боли, когда он из-за невнимательности перенес свой вес на левую руку. Дождь, должно быть, проник

в затягивающуюся рану. И, увидев это, горец покачал головой.

— Послушай меня. Я — мутант, ты никогда не спрашивал, чем я отличаюсь от остальных. Тут дело вот в чем. Я могу видеть в темноте — даже эта ночь для меня немногим отличается от сумерек. И слух мой по остроте приближается к слуху Люры. Теперь пришло время, когда мои отличия сослужат нам добрую службу. Люра! — он резко обернулся и во второй раз посмотрел в ее удивительные синие глаза. — Ты останешься здесь — с нашим братом! Ты будешь охранять его, как охраняла бы меня!

Кошка переступила с одной лапы на другую, в глубине своего независимого ума возражая против его воли, не желая повиноваться ему. Но он настаивал. Он знал ее жажду свободы и волю к ее достижению, которая была ее врожденным качеством. Ее сородичи не признавали своим хозяином ни одного человека и жили сами по себе. Но Люра выбрала его, и от того, что у него не было друзей среди своей собственной расы. Они были очень близки по духу, наверное, намного ближе, чем какой-либо житель Айри со своим мохнатым охотником. Форс не знал, насколько она повиновалась ему, но теперь пришло вре-

мя противопоставить ей свою волю. Оставить Эрскина здесь одного, еще не поправившегося от ранения и не обладающего ночным зрением, было бы более, чем безрассудным. Но великан не мог пойти с ним. А ему надо было узнать, что породило этот звук. Голова Люры приподнялась. Форс протянул руку и почувствовал ее мокрый мех, когда она потерлась щекой о его кулак в своей самой интимной ласке. Он испытал прилив счастья от того, что она приняла его желание. Его пальцы нежно почесали ее за ушами.

— Оставайтесь здесь, — велел он им обоим. — Я постараюсь вернуться как можно быстрее. Мы должны узнать, что находится там, позади нас.

Еще не закончив эту фразу, он сорвался с места., не дав никому времени на протесты, зная, что через несколько футов дождь и темнота скроют его от глаз Эрскина и что Люра будет охранять южанина, пока он не вернется. Форс скользил и спотыкался, шлепая по мелким лужам и следуя по тому пути, которым они добрались сюда. Дождь стих, а когда он достиг кучи камней и снова увидел аэропорт, прекратился полностью. Форс мог различить разбомбленный участок и здание, в котором они нашли карты. Но его больше интересовало то, что было внизу, прямо под ним. Там не

было никакого костра, хотя он не мог ошибиться, что видел свет. Круг скорчившихся фигур был карикатурно похож на собрание старейшин в Айри. Чудища сидели на корточках, так что их тела казались только пятнами — чему Форс был рад. У него не возникало никакого желания видеть их четче. Но одно из них прохаживалось и бормотало в центре круга, и издаваемые им звуки доносились до Форса. Он мог различить гортанные звуки, которые, должно быть, были словами, но они для него ничего не значили. Язык Эрскина и его собственный язык имели некогда общую основу, и им было нетрудно выучить разговорную речь друг друга. Но в этом ворчании слышались такие звуки, которые невольно наводили на мысль, что либо уста, либо мозг, создавшие их, не были человеческими. К чему призывал вожак, он знать не мог, но важно было то, что могли сделать Чудища, побуждаемые своим вожаком. С годами они становились все смелее. Сначала они никогда не рисковали вылезать за пределы своих городов. Но теперь они идут по следу, и туда, где нет руин, и, наверное, они посылали своих разведчиков на открытую местность. Они были угрозой всем оставшимся в живых людям… Вожак внезапно кончил свое бормотанье. Теперь его

слишком тонкое тело повернулось, и он показал на радиоактивную пустыню, где скорчился Форс. Казалось, что он увидел наблюдавшего за ними горца. Его товарищи на этот жест ответили рычанием. Один-два из них поднялись и потопали к краю Земли Взрыва, их головы пригнулись к камням, словно они нюхали отравленную почву. Им не требовалось много времени, чтобы принять решение. Они разобрали свои пучки дротиков, лежащие на земле, построились в нечто, напоминающее походную колонну. Форс оставался на месте ровно столько, чтобы убедиться, что они действительно тронулись в путь и что какое бы табу ни существовало у них относительно этого места, оно больше не действовало. Затем юноша устремился вперед, легко скользя уверенным шагом лесного охотника туда, где он оставил Люру и Эрскина. Чудища, казалось, были не в особом восторге от начавшегося похода и сперва двигались медленно. Они шли так, словно ожидали, что под их ногами вот-вот разверзнется западня. Поэтому у преследуемых теплилась надежда, что они смогут вырваться вперед. Когда горец нашел Эрскина, тот с нетерпением ждал его, а Люра пригнулась на выступе скалы, и глаза ее пылали во тьме. Форс схватил брошенное им снаряжение и

выложил новости, которые ему удалось узнать.

— Я все думал, — прервал его спокойный и глубокий голос Эрскина. — Мы уже не понимаем оружия Древних, того, которое могло создать эту пустыню. Попала сюда только одна бомба или их было несколько? Но в середине такая местность должна быть более опасной, чем по краям. Если мы пойдем прямо через ее центр, то можем найти гибель, которую по традиции предрекают тем, кто вторгается в «голубые» места. Но если мы сделаем круг, нам, может…

— Тут все дело во времени. Говорю тебе, Чудища теперь преследуют нас по запаху. Как сбить их со следа? Ответ на это у нас под рукой.

Мокасины Эрскина пробороздили лужу, подняв фонтан брызг. Форс понял. Ручей мог их спасти. Но с тех пор, как дождь перестал, вода стремительно убывала, словно каменистая почва, по которой она текла, впитывала ее, как губка. Форс пошел впереди, его ночное зрение позволяло вовремя замечать ловушки и выбирать дорогу. Иногда он рукой поддерживал Эрскина. Великан спотыкался, но упорно шел дальше. Воздух с хрипом вырывался из его легких. Судороги сводили мускулы ног Форса, и он понимал, что чувствует его друг. Но они должны были как можно больше

оторваться от преследователей, пока те, еще не избавившись от недоверия к Земле Взрыва, двигались медленно. Потом, некоторое время спустя, Эрскин упал, и хотя Форс позволил себе и ему немного отдохнуть, он не смог снова встать на ноги. Голова его упала на грудь, и Форс увидел что он либо потерял сознание, либо спит, с дергающимся от приступов боли ртом. Но что было всего хуже, так это темные пятна, появившиеся на повязке, перевязывающей раненое плечо Эрскина Форс при жал ладони к своим горящим глазам. Он мысленно пытался вернуться назад — неужели только прошлой ночью они спали в городе в башне? Казалось, что с того времени прошла целая неделя. Они не могли долго двигаться с такой скоростью, это уж наверняка. Он расслабился, привалившись спиной к песчаному обрыву, и подумал, что у него не хватит сил подняться. Но надо держаться. И еще вставал вопрос о питании. Как велика эта земля? Что, если им придется идти по ней много дней? Они здесь умрут с голоду. Не лучше ли выбрать подходящее место и дать Чудищам последний бой? Он снова протер глаза, Не смея сейчас спать. Затем он вспомнил о Люре. Она улеглась на краю оврага немного выше их, вылизывая лапы. Время от времени она

прекращала это занятие, чтобы навострить уши и прислушаться. Люра тоже могла вздремнуть, но на свой лад: никто не мог подойти и напасть, пока она стерегла своих друзей. Голова Форса упала на безвольную руку Эрскина и он заснул.

9.

Пылающее солнце отражалось от маслянисто поблескивающей поверхности скал, вызывая у Форса боль в глазах. Трудно брести и брести, когда кишки твои грызет жуткий голод. Но они не видели никакой дичи в этой странной пустыне. И все же он страдал не так сильно, как Эрскин. Южанин бормотал что-то неразборчивое, глаза его остекленели, и необходимо было вести его за руку, словно уставшего ребенка. Красное пятно на его перевязанном плече покрылось коркой и засохло — по крайней мере, он больше не терял крови, ему только нездоровилось. Где же находился конец этой Земли Взрыва? Если они шли не по кругу, то должны были пройти мили по этим острым, как лезвие ножа, кромкам оврагов и каменистым плато. И все-таки по-прежнему каждый раз, когда они поднимались на очередную возвышенность, перед ними простиралась все та же выжженная пустыня.

— Воды… — язык Эрскина, распухший и покрас-

невший, протиснулся между потрескавшимися губами.

Все изобилие вчерашнего потопа исчезло, поглощенное почвой так, словно его никогда и не существовало. Форс для устойчивости прислонил великана к скале и потянулся за своей фляжкой Он делал это медленно, стараясь унять дрожь в своей руке Ни одна капля драгоценной влаги не должна быть пролита! Воду пролил Эрскин Его глаза вдруг сфокусировались на фляге, он схватил ее Вода плеснула через край его руки и вылилась во впадину, на камне Форс с тоской посмотрел на нее, но все же не посмел выпить жидкость, коснувшуюся здешней зараженной местности. Он позволил Эрскину сделать два глотка, а затем силой отнял у него флягу. К счастью, великан так ослаб, что Форс смог с ним совладать. Пристегивая флягу к поясу, Форс мельком взглянул на землю. То, что он увидел, намертво приковало его взгляд. Из отбрасываемой камнем тени к пролитой воде что-то двигалось. Оно было темно-зеленым, испещренным красновато-желтыми пятнами, и вековечное отвращение человека к рептилиям чуть не заставило Форса обрушить на него всю тяжесть ноги, обутой в подкованный сапог. Но он вовремя заметил, что по земле извивалась

не змея, а длинный мясистый стебель растения. Его расплющенный конец покрутился в воздухе и упал на капли воды, согнувшись под влагой. Теперь и остальная часть растения выдвинулась к влаге, и Форс увидел три жестких листа, окружавших высокий колос, на котором был красный бутон. Растение выпило воду, и всасывающий стебель поднялся и снова исчез в листьях. Потом это фантастическое растение отступило в тень, и Форс должен был гадать, было ли это на самом деле, или голод и жажда сыграли с ним скверную шутку. Только на камне остался влажный след, покрывавший углубление, где была вода. Так значит, и здесь была жизнь! От вида этого растения у Форса как-то полегчало на сердце. Правда, он привык к растительности, которая пускала корни, оставаясь на одном месте. Но на этой странной земле животные вполне могли оставаться на месте, в то время как растения разгуливали Он засмеялся эта мысль показалась ему очень остроумной и занятной, и когда они пошли дальше, он с гордостью повторил ее Эрскину. Но южанин ответил только невнятным бормотаньем. Их странствия продолжались и становились все кошмарнее. Форс двигался вперед, снова и снова поднимая Эрскина на ноги и направляясь к

ориентирам, засеченным им впереди Было легче продолжать движение, если выбрать впереди скалу или одну из дюн земли и придерживаться ее как ориентира. Потом, когда он достигал этого ориентира, впереди всегда был другой, за который можно было зацепиться взглядом. Иногда он замечал движение в иссиня-черных тенях, лежавших под скалами и каменными навесами. Там либо скрывались колонии жаждущих растений, либо другие обитатели пустыни, следившие за путниками. Он этого не знал и не интересовался. Все, что ему требовалось, это продолжать идти и надеяться, что когда-нибудь, когда поднимутся на очередной каменный гребень, они увидят обычную зелень нормального мира. Время от времени Люра скрывалась из виду, ее некогда гладкий мех стал грубым и сиу тайным, а ее бока впали и выступили ребра. Иногда она шла рядом с ними, а затем исчезала, уходя своей собственной дорогой, наблюдательная и готовая к неожиданностям. Если Чудища напали на их след и двигались за ними, они все еще не приблизились на дистанцию, пригодную для нападения. Станови лось все труднее удерживать Эрскина на ногах. Он дважды мог упасть на землю и растянуться во весь рост, если бы Форс не поддерживал его. Во

второй раз горец сам упал на колени. Именно тогда, пытаясь поднять своего товарища, он пролил последнюю воду. Он все-таки поднял южанина на ноги. Но его фляга опустела. Они пробирались через лабиринт узких оврагов. Но все они тянулись примерно в нужном направлении. Форс чуть ли не вдвое сгибался под тяжестью Эрскина. Вдруг он мельком уловил что-то, что мгновенно вдохнуло в его надежду и силы. Но ведь были уже почти сумерки, и его глаза могли сыграть с ним шутку… Нет, это был не обман! Это были макушки деревьев впереди, и никогда обычные ветки на фоне вечернего неба не казались ему такими прекрасными! Форс перекинул руку Эрскина через свое плечо, бросил лук, колчан со стрелами и Звездную Сумку, потом сделал последний рывок.

…Ему казалось, что он пролежал дни, недели, уткнувшись в мягкую Землю лицом, и ноздри его щекотал приятный залах прелых листьев. И он слышал свист ветра, шелест листьев, настоящих, зеленых и чистых. Наконец он поднял голову. Эрскин лежал чуть поодаль. Он перевернулся на спину, глаза его были закрыты, и он спал. Форс должен вернуться и забрать лук и сумку, прежде чем наступит ночь. Скрипя зубами, он попытался подняться на ноги. Странно — он впервые заме-

тил, что Люры не было нигде поблизости. Может быть, она охотится?.. Но он должен вернуться за сумкой. Там были все доказательства, что он преуспел в своих поисках. Ноги заплетались, голова кружилась, и все плыло перед ним. Но он все двигался по цепочке оставленных ими следов. Стенки первого оврага сомкнулись вокруг него. Когда он оглянулся, то увидел деревья, но не там, где лежал Эрскин. Темнело — он должен поспешить. Голова раскалывалась от боли. Он знал, что падает, и попытался выставить вперед руки, чтобы приостановить падение, но он только смутно почувствовал удар, когда упал на камни. Потом глубокая чернота нахлынула на него.

Сперва он почувствовал, что его грубо дергают, настолько грубо, что боль от этого прибавилась к взрывам боли в его голове. Затем он вынырнул из черноты, пытаясь сконцентрировать мысли. В конце концов он снова упал, больно ударившись о камни, потом снова покатился. Пинок под ребра остановил его. Его, должно быть, несли, потом бросили. И тошнотворная вонь вокруг подсказала ему, кто это сделал. Он безвольно лежал, не отваживаясь открыть глаза. Покуда они считали, что он без сознания, он мог на время оставаться в безопасности. Его связали: запястья были сведе-

ны меж лопаток, а голени скручены вместе. Руки уже онемели, и путы врезались в кожу. Он мог только слушать и пытаться угадывать, что делали его пленители. Они, похоже, располагались на ночлег. Он услышал изданное одним из них кряканье, потом поскребывание когтей по грубой шкуре Затем, сквозь вонь их тел, он уловил запах дыма и осмелился взглянуть через полуоткрытые веки. Да, они разводили костер, который поддерживали пучками жесткой травы, нарванной ими по обеим сторонам оврага Один из них вышел в круг света от пламени костра и бросил на землю охапку засасывающих растений все еще достаточно подвижных, чтобы попытаться уползти от костра. Но их быстро схватили, и красные бутоны у них на макушках оказались зажатыми между желтыми клыками. Чудища удовлетворенно зафыркали. Высосанные досуха растения кидали в огонь. Форс сглотнул пересохшим горлом — его очередь следующая. Но одно из Чудищ с нечеловеческой быстротой повернулось и вцепилось во что-то, что извивалось и пронзительно визжало. Оно вернулось, сжимая в каждой лапе по извивающейся добыче, потом стало колотить маленькие тела о камень и колотило до тех пор, пока они не обмякли и не стали неподвижными.

Успех охотника возбудил зависть его сородичей, и они все зашаркали лапами среди камней оврага, но повезло немногим.

Среди камней где-то позади себя Форс услышал быстрое движение, словно маленькие проворные существа старались как можно быстрее убраться в безопасное место. Самый медлительный из охотников вернулся к костру с пустыми руками, недовольно бурча. Когда пойманных существ разложили на камне, Форс увидел что это такое — ящерицы! Они походили на тех, которых он много раз видел прячущимися среди камней — но у этих головы были какой-то странной формы. Прежде чем он смог понять, в чем тут дело, тела ящериц были развешаны для поджаривания над огнем. Этим были заняты четыре Чудища. Или весь их клан не решился сунуться в Землю Взрыва, или же их отряд разделился. Но и эти четверо были достаточно ужасными. Он впервые четко разглядел их. Они, вероятно, были не выше, чем он, но их тощие тела сильно удлиняли их рост. Туго натянутая на остриях когтей сероватая кожа была какой-то зернистой почти чешуйчатой, и тела их были голыми за исключением набедренных повязок из грязного драного материала. Но их лица Форс заставил себя изучать, запоминать

все, что он увидел. Он попытался смотреть на все эти ужасные маски отвлеченно. По общим чертам они отдаленно напоминали человеческие. Но глаза, глубоко упрятанные в костяные впадины черепа, удлиненные челюсти нос над которыми был только двумя щелями… Челюсти с клыками хищного зверя… Острыми клыками, никогда полностью не прикрывавшимися тонкими подобиями губ… эти лица не были человеческими. Они были — он отшатнулся от возникшей в его уме картины — они были крысиными мордами! Форс содрогнулся и не смог справиться с дрожью в своем теле. Затем он напрягся. Позади него кто-то спускался вниз по склону не легким топотком ящерицы, а уверенной поступью знающего, что ему нечего бояться, и идущего, очевидно, на встречу с друзьями.

Мгновение спустя он почувствовал толчок, а затем прижавшийся к нему мягкий мех. Шаги послышались снова, теперь они удалялись. Рядом с ним лежала Люра, глаза ее были дикими от ярости, ее лапы туго стягивали ремни, а петля крепко связывала челюсти Она в бессилии била хвостом. Но когда ее глаза встретились с глазами Форса, она слегка успокоилась. Он же все еще не мог пошевелиться.

К четырем Чудищам у костра присоединились пятое и шестое. Они потребовали свою долю еды. Их приветствовали насмешками, пока одно из них не прорычало какой-то приказ, и с ними неохотно поделились мясом Они молча ели. Когда наконец вожак кончил, он небрежно вытер свои когтистые пальцы о грудь, прежде чем приступить к изучению предметов, лежащих рядом с ним. Форс узнал свой лук. Вожак с любопытством щелкнул тетивой, ударив себя по пальцу. С диким рычанием он переломил лук и бросил сломанное оружие в костер. За ним последовал колчан, но Чудище по достоинству оценило стальные наконечники стрел, отломив их и отбросив в сторону. Когда эта тварь взяла последнюю часть своей добычи — Звездную Сумку, Форс закусил нижнюю губу. Драгоценное содержимое Сумки было вывалено и предмет за предметом отправлено в огонь. Карты, дневник, все, кроме фигурок из музея, которые, казалось, заворожили Чудищ. Таким образом, изучив свою добычу, тварь перешла к пленникам. Форс лежал бессильно, приказывая всем своим мускулам расслабиться. Когтистые пальцы ног снова ударили его, откатив от Люры в круг света от костра. Он старался сдерживать свою ярость и тошноту, ко-

гда вонючие лапы содрали с него всю его одежду до последнего клочка и ощупали все его тело. Что будет дальше: нож, удар, достаточно сильный, чтобы проделать дырку в его гудящей голове? Но странное дело, его оставили в покое, пока таким же образом не осмотрели Люру. Затем когти захватили стягивающий его запястье ремень и его оттащили обратно, на прежнее место, до крови изодрав ему спину о гравий. Люра сильно билась. Она находила, что такое обращение ей не по вкусу. Теперь она была прижата к нему, ее связанные челюсти уткнулись ему в плечо. Через некоторое время Форс уснул. Когда он проснулся, уже рассветало. Одно из пленивших их Чудищ сидело, согнувшись у костра, клюя носом и время от времени подбрасывая топливо в костер. Остальные лежали в глубоком сне. Мозг Форса теперь был настороже. Он снова отчетливо услышал слабые звуки издаваемые ящерицами, бегающими по камням. Почему они рисковали, возвращаясь в опасную зону? — думал он. А затем он увидел то, что окружало стены оврага — террасы, сотни их, некоторые всего в несколько дюймов, а некоторые по несколько футов шириной. Стенки ущелья казались одной длинной лестницей. Каждая терраса была создана с искусством, каждая

была огорожена стенкой из камешков и гальки. На этих крошечных полях росла какая-то трава, которую Чудища подбрасывали в костер. Они уже обдирали дно оврага. Когда Форс впервые заметил террасы, дежурный вырвал с корнем охапку травы, ободрав еще два маленьких поля. Ящерицы и террасы… Неужто это ящерицы создали их? Эти террасы, с равными интервалами идущие вдоль верхнего края оврага, чем они были? Ответом ему послужило появление чешуйчатой головы — на ее лбу возвышался своего рода гребень. Она появилась у выхода одной из пещерок. Ее яркие, как бриллианты, глаза смотрели на долину и вторгшихся в нее врагов. Форс, зная теперь, что ему искать, окинул взглядом края оврага. Головы! Головы высовывались из дыр и пропадали в них, появляясь и исчезая со скоростью шустрых рептилий, и пропадая за камнями и краями террас, которые были повыше. Они всегда двигались почти беззвучно и были настолько близки по цвету и очертаниям к скалам и камням, что только знавший о них мог хотя бы догадываться — что они где-то здесь. Если прошлой ночью ящерицы, застигнутые врасплох превосходящими силами, бежали, то теперь они вернулись с подкреплением. Но они были в лучшем случае не больше

двадцати дюймов ростом и выступали против железной силы и огромного веса Чудищ, которые могли сломать им хребет двумя пальцами. Проклятье, да ведь под ногами этого врага могла бы пасть целая армия таких смельчаков! Но ящерицы, казалось, не испытывали особого страха перед превосходящими их силами, с которыми они столкнулись. По обеим сторонам оврага выступили вперед разведчики. Время от времени Форс замечал стройные силуэты, бросавшиеся от одного укрытия к другому и приближавшиеся к врагу. Затем он увидел еще кое-что и едва мог поверить своим глазам: из одной пещеры на противоположной стороне оврага храбро выступил небольшой отряд ящериц. Они не издавали ни звука, но и не предпринимали никаких усилий, чтобы скрыть свое выступление. Вместо этого они потопали вниз на еще не ободранные Чудищами поля. Они шли на задних ногах с осанкой, похожей на человеческую, и в более коротких передних лапках все они что-то несли. Спустившись на свои крошечные поля, они разошлись и принялись за работу. Форс уставился на них — они жали траву, срезая стебли и связывая их в копны. И они работали, не бросив ни единого взгляда на то, что происходило внизу, словно, как обычно,

занимаясь своими повседневными делами. Форс хотел предупреждающе крикнуть им, деловитым работникам, чтобы они уходили подальше, прежде чем их обнаружат эти скоты у костра. С другой стороны, он видел, что армия, мрачная и добивающаяся какой-то своей цели, бесшумно собирается на склоне. Затем он чуть-чуть начал догадываться об их планах и приподнял голову, чтобы лучше видеть. Приманка! Работавшие на полях ящерицы должны были послужить приманкой! Черт, в это трудно поверить. Эти… эти маленькие чешуйчатые существа превосходно знали, что они делали — это были герои их клана, вероятно, добровольно взявшиеся поработать на своих полях и послужить приманкой. Но даже теперь он еще не представлял себе, как далеко зайдет народ ящериц, чтобы спасти свою землю. Дежурный зевнул, рыгнул и потянулся. Затем он уловил движение наверху. Он оскалился, словно напоказ выставив свои неопрятные клыки и, протянув лапу, толчком разбудил одного из спящих. Тот сперва вознегодовал, но когда ему указали на фермеров, работающих наверху, он протер глаза ото сна и перешел к делу. Из гравия у себя под ногами он выбрал пригоршню камней размером с грецкий орех. И оба Чудища стали бросать их с

убийственной силой и точностью. Две ящерицы на полях погибли. Раздавшийся в результате этого победоносный крик охотников разбудил весь лагерь. Но ящерицы наверняка могли бы укрыться быстрее, чем они это делали! Форс со странным чувством боли следил, как фермеры, один за другим, гибли, не успев достичь безопасности в пещерах. Затем он понял — они и не собирались спасаться. Они отдавали свои жизни ради выполнения какого-то разработанного ими плана. Он не хотел больше смотреть на эту жестокую бойню и взглянул на противоположную сторону оврага. И как раз вовремя. Он увидел, как оттуда вылетел маленький круглый предмет и упал неподалеку от костра. Затем один за другим эти предметы стали падать вниз, словно вдруг пошел коричневый град. Едва они падали среди камней и гравия, их уже невозможно было заметить. И если бы один из них не подкатился к плоскому камню в пределах досягаемости Форса, тот никогда бы и не узнал, что это были за предметы. Маленький шарик, сделанный, может быть, из глины, вот и все, что он увидел. Но почему поверхность этого шарика со всех сторон была усеяна маленькими шипами? Если он предназначался для того, чтобы ранить противника, то зачем было стрелять ими

тогда, когда Чудища находились далеко от этого места? Форс все еще ломал себе голову над этим, когда вернулись победители, размахивая тушками ящериц и гордые своей добычей. Несмотря на свое отвращение, Форс не мог подавить приступов голода, когда в воздухе тяжело запахло жареным мясом. Он лишь смутно припоминал, когда он в последний раз ел — его желудок был одним огромным пустым дуплом. Но он также не хотел сейчас привлекать внимания тех, кто, словно волки, набросились на полупрожаренное мясо. Одно из Чудищ, потянувшись за жареной ящерицей, неожиданно вскрикнуло и выдернуло что-то из своей руки, отшвырнув его с миной обиженного человека. Оно укололось об один из шариков ящериц. Но Форс видел, что это не причинило ему чего-то большего, чем временное неудобство. Он внимательно следил за Чудищами и увидел, как еще две твари наступили на усеянные колючками шарики. Одно из них накололось, когда ушло за новым запасом водосодержащих растений. Обратно оно шло медленно, то и дело останавливаясь, чтобы помотать своей узкой головой, и один раз сильно провело рукой перед глазами, словно сметая с глаз какую-то завесу. Чудища напились из водосодержащих

растений, дочиста обглодали косточки ящериц и поднялись на ноги. Потом обратили свое внимание на пленников. Вот оно! Форс поморщился. Он увидел, как они жарили визжащих ящериц с переломанными костями. Чудища окружили пленников. Сначала они грубо веселились, шлепая и пиная Форса. Но они явно не собирались убивать его сейчас. Вместо этого вожак нагнулся, чтобы разрезать путы на голенях Форса, держа его собственный нож в своих лапах. Сталь ножа так и не коснулась ремней. Одна из тварей в кругу издала глухой рев и укусила свою собственную руку. В углах ее челюстей показались клочья белой пены. Она жестоко рвала свое собственное тело, а затем нетвердыми шагами бросилась бежать вниз, в овраг. Пораженно закрякав, остальные замерли на месте, следя, как их товарищ с визгом страшной боли согнулся пополам и упал в костер! Яд! Теперь Форс понял замысел ящериц и то, почему они принесли в жертву жнецов. Колючие шарики были отравленными! И яду нужно было время, чтобы сработать. Но… все ли Чудища отравлены? В конечном итоге, только вожак прожил относительно долго, сумев добраться до другого края оврага, скребя лапами по камням, словно пытаясь уволочь свое отравленное тело

из этого смертельного места. Но он с шумом упал обратно, дважды простонал, а затем замер так же неподвижно, как и остальные.

Форс слышал лишь топот ящериц, потом заметил, что склоны оврага ожили от них. Они красно-коричневым ковром двигались к месту бойни. Форс облизнул сухие губы. Не удастся ли ему связаться с ними, побудить их использовать лежащий неподалеку нож, чтобы перерезать его путы? Его руки онемели от омертвления, да и ноги тоже. Долгое время он колебался, а ящерицы тем временем столпились вокруг убитых, их тонкий свист эхом раздавался среди скал. Затем Форс решил издать хриплый звук, который только и были способны издать его пересохшее горло и еще более пересохший рот. В ответ на это произошло молниеносное движение, головы всех ящериц обернулись к нему, и холодные жестокие глаза стали оценивающе осматривать его. Он снова сделал попытку заговорить, а Люра беспомощно лягалась, стараясь освободиться. Несколько ящериц отделились от толпы, их украшенные гребнями головы пригнулись, когда они начали совещаться. Затем вперед двинулся отряд этих существ. Форс попытался приподняться. Затем настоящий ужас потряс его. В каждой из своих

передних четырехпалых лап они что-то несли — это были ветки, густо усеянные шишками!

— Нет! Друг! Я — друг! — дико бормотал он. Ящерицы не понимали этих слов, и их молчаливое угрожающее наступление продолжалось. Остановило же их нечто другое — шипение, раздавшееся с какой-то точки на склоне позади беспомощного горца. Словно там свернулся гигантский прадед всех змей, негодуя на то, что его потревожили. Для ящериц это шипение что-то значило. Они остановились чуть ли не в полушаге, их нитевидные языки сновали взад и вперед, их неровные гребни на головах застыли и поднялись, налившись темно-красным цветом. Загремели камни, катясь вниз. Форс отчаянно старался повернуть голову, чтобы увидеть, кто или что там идет. Старания Люры освободиться резко усилились, и он гадал, не может ли он перекатиться к ножу, который пока что находился вне пределов его досягаемости. Хотя руки его онемели, он, может быть, сумеет перепилить путы кошке. Одна из ящериц выдвинулась вперед, опередив других своих сородичей из стаи, все еще держа наготове свое копье из колючек. Ее чешуйчатое горло раздулось, и раздалось ответное шипение. Ответ на это пришел без промедления, а потом послыша-

лись три слова, от которых сердце горца бешено заколотилось.

— Ты можешь двигаться?

— Нет. И берегись! В шарики, которые лежат на земле, воткнуты ядовитые шипы.

— Я знаю, — спокойно ответил Эрскин.

Эрскин зашипел в третий раз. Ящерицы отступили, оставив своего вожака в одиночестве, подобравшегося и настороженного. Затем Эрскин оказался рядом, нагнулся, чтобы рассечь путы обоих пленников. Форс попытался приподняться на рычагах отказывающихся повиноваться ему омертвелых рук.

— Не… могу… этого… сделать…

Эрскин растер его опухшие и раздутые лодыжки. Пытку от того, что кровь начала снова циркулировать по рукам и ногам, с трудом можно было вынести без крика. Казалось, прошла всего лишь секунда, прежде чем Эрскин поднял его на ноги и подтолкнул к заднему склону оврага.

— Лезь туда…

В этом приказе слышалась настойчивость, которая заставила Форса лезть вверх, несмотря на его состояние. Люра тащилась впереди него. Он не смел терять времени на то, чтобы оглянуться. Он мог только вложить все свои силы в

задачу которую поставил перед собой: забраться наверх. Если бы подъем был круче, он не смог бы сделать этого. И так получилось, что Эрскин догнал его и тащил последние несколько шагов. С руки Эрскина свисал пояс Форса, нож и меч были в своих ножнах. Эрскин задержался, чтобы подобрать их. Никто из них не терял времени на болтовню, Форс был рад, что ощутил под своими ногами высокую траву, а затем он упал, и на его обожженную руку брызнула вода. Он не знал, сколько прошло времени, пока он пришел в себя, но понял, что Эрскин пытается влить в его горло какой-то отвар. Он жадно глотал его, пока глаза снова не закрылись и он не погрузился в сон против своей воли.

— Как ты сумел нас вытащить? — много часов спустя Форс лежал уже гораздо удобнее. Подстилка из папоротника и листьев деревьев под ним казалась ему невероятно мягкой, а Эрскин сидел по другую сторону костра, делая древко для короткого охотничьего копья.

— Это было довольно легко… когда исчезли Чудища. Я расскажу тебе все прямо и правдиво, брат, — зубы южанина бело и весело сверкнули на его темном лице. — Если бы они были еще живы, эта авантюра могла закончиться совсем

иначе.

— Когда я очнулся в этом лесу и обнаружил, что ты исчез, я сперва подумал, что ты пошел на охоту — на поиски воды, еды или чего-нибудь другого. Но в душе я не был в этом уверен. Я поел — здесь водятся кролики — жирные, глупые и непуганые А вон там течет ручей. Мое беспокойство все возрастало, так как я знал, что, имея поблизости еду и питье, ты бы не ушел от меня и не пропал на столь долгое время. Поэтому я вернулся обратно по нашему следу.

Форс изучал свои опухшие руки, лежащие на груди, руки, которые все еще были пурпурно-голубыми, и их очень кололо. Что бы произошло, если бы Эрскин не вернулся обратно?

— Идти по этому следу было очень легко. И там я нашел место, где прятались Чудища, чтобы наброситься на тебя. Они ничего не сделали для того, чтобы скрыть свои следы. По моему мнению, они боятся очень немногого и не считают нужным быть осторожными. Так я наконец и достиг Оврага Ящериц…

— Но как тебе удалось их остановить?

Эрскин рассматривал кучку камней, набранных им из ручья, взвешивая их на ладони и раскладывая на две кучки. Обструганное древко

копья он отложил в сторону.

— Народ Ящериц я встречал и раньше. В моей родной стране — или стране, где мы находились, прежде чем нас прогнали оттуда трясущиеся горы — была одна такая колония. Они однажды пришли толпой через пустыню с запада и устроили поселение в овраге в полудне пути от деревни моего народа. Нам было очень любопытно, и мы часто наблюдали за ними издалека. Под конец мы даже торговали — мы давали им кусочки металла в обмен на голубые камешки, вырытые ими из земли — наши женщины любят носить ожерелья. Я не знаю, что я сказал им своим шипением, я просто думаю, что моя имитация их речи так удивила их, что они позволили нам уйти. Очень хорошо, что мы убрались из этого места со всей возможной скоростью. Ядовитые шарики — их величайшее оружие. Я видел, как они используют его против койотов и змей. Они хотят только одного — чтобы их оставили в покое.

— Но… но они… почти… почти люди… — Форс рассказал о жнецах и о жертве, которую они принесли ради защиты своего клана.

Эрскин выложил три камня одинакового размера.

— Можем ли мы тогда отрицать, что у них есть

право на их овраг? Хотел бы я знать, способны ли и мы на такую смелость? — Он занялся тонкими полосками шкуры кролика, сплетая их в сеть и оплетая ими каждый камень. Озадаченный Форе следил за ним.

Прямо над их головой среди макушек деревьев горец увидел голубое небо и кусочек плывущего по нему белого облака. Но ветер этим утром был прохладен — лето уже кончилось. Он должен был как можно скорее вернуться в Айри… Потом он вспомнил, что случилось со Звездной Сумкой, и его распухшие пальцы вонзились в подстилку, на которой он лежал. Возвращаться в горную крепость теперь было бесполезно. Когда Чудище уничтожило его доказательства, оно уничтожило его шанс вернуться обратно в клан. У него не осталось ничего, кроме того, что Эрскин захватил для него из Долины Ящериц — его ножа и меча.

— Хорошо!

Форс был слишком погружен в свои мысли, чтобы повернуть голову и посмотреть, что вызвало такое восклицание у его товарища. Эрскину-то не о чем было беспокоиться. Он пойдет на юг и найдет свое племя, и снова займет свое место среди своих…

— Теперь у нас будет пища… брат…

Форс нахмурился, но оглянулся. Южанин стоял там, высокий и прямой, и крутил над головой свое странное изобретение, которое казалось горцу совершенно бесполезным. Три камня в сетках из кроличьих шкур были присоединены к кожаным ремням и связаны вместе одним центральным узлом. Эрскин этот узел зажал меж пальцев, а камни вращались по кругу. Испытав свое оружие, он рассмеялся, видя замешательство Форса.

— Мы будем продвигаться на юг, брат, а на равнине это будет действовать великолепно, и я сейчас тебе это продемонстрирую. Ага, вот и обед.

К костру подошла Люра, таща, молодого поросенка. Она бросила свою ношу и с почти человеческим вздохом упала рядом со своей добычей, глядя, как Эрскин умело разделывает ее.

Форс поел жареной свинины и начал размышлять о том, а была ли его участь на самом деле столь безнадежной, как он думал. Чудища были мертвы. Он мог отлежаться, пока не восстановит силы, а потом вторично вернуться в город. И если он не будет там задерживаться, у него еще останется время добраться до Айри и привести туда экспедицию, прежде чем наступит зима. Он облизал пальцы от густого жира и стал строить

планы. Эрскин напевал мелодию с печальными нотками, которую Форс слышал от него на озере, где он рыбачил. Люра, мурлыкая, вылизывала свои лапы. Все вокруг было вполне мирно.

— Теперь перед нами стоит проблема, — сказал вдруг Эрскин, — где нам достать одежду для тебя…

— Она стоит передо мной, — поправил его Форс сонно. — К несчастью, мой гардероб остался в овраге, чтобы забавлять ящериц. И, как это ни странно, я не нахожу в себе ни малейшего желаний снова предъявлять им свои права на одежду…

Эрскин затянул узел на своем оружии из ремней и камней.

— Ты неправ, друг мой. Визит в Овраг Ящериц — если, конечно, держаться на безопасном расстоянии — может сослужить нам очень хорошую службу.

Форс сел.

— Каким образом?

— Там погибло пять Чудищ. А сколько их последовало за нами в Землю Взрыва?

Форс попытался вспомнить численность отряда, за которым он наблюдал. Как велик он был? Сейчас он не мог точно сказать, но у него было

подозрение, что их было гораздо больше, чем пять, и это расстраивало все его планы. Если это на самом деле так, почему же они оставались здесь так долго и близко к краю Земли Взрыва? Его ноги уже достаточно окрепли, чтобы он смог пройти несколько миль, оставив за собой эту несчастную пустыню, находящуюся сейчас всего в полумиле позади них.

— Ты думаешь, что ящерицы кое-что смогли добавить к своим запасам?

Эрскин пожал плечами.

— Теперь, когда они предупреждены, наверное, уже добавили. Но добыча, которую они взяли, нужна и нам. Твой лук пропал, но те наконечники для стрел были бы нам полезны…

— Полезны до такой степени, чтобы снова сунуться на их отравленные шипы?

— Может быть, — и Эрскин принялся допрашивать Форса относительно того, что из его снаряжения уничтожили Чудища.

— Все самое ценное для меня! — На Форса опять навалилось прежнее чувство беспомощности и непохожести на других. — Они на клочки разодрали Звездную Сумку и сожгли мои заметки. И может…

— Остались наконечники стрел, — не отставал

Эрскин. — Их они не сожгли.

Поскольку он, казалось, всерьез решился на эту экспедицию, Форс начал подумывать, что у южанина была какая-то собственная цель относительно всего этого. Сам же он не видел никакой причины для того, чтобы возвращаться в Овраг Ящериц. И он все еще внутренне сопротивлялся, когда они поднялись на вершину возвышенности, с которой Эрскин спустился, чтобы спасти его и Люру. Люра отказалась сопровождать их дальше, чем до края Земли Взрыва, и они оставили ее. Она бегала взад и вперед, прижав уши и махая хвостом. Таким образом она выражала свое несогласие со всем этим безумием. Они стояли, глядя вниз на сцену, от которой желудок Форса подкатился к горлу. Он сглотнул и сжал свои распухшие пальцы в кулаки, чтобы боль отвлекла его внимание. Ящерицы, может, и питались росшей на террасах травой, но, похоже, они также не брезговали и мясом, и сейчас убирали запасы, которыми их снабдил случай. Двое из Чудищ уже превратились в скелеты, и толпа обитателей оврага споро работала над другими, цепочка тяжело нагруженных носильщиков взбиралась ко входам в пещеры, в то время как их собратья внизу взмахивали крошечными ножами с таким

же умением, с которым жнецы раньше действовали своими серпами.

— Посмотри вон туда. — слева от того камня, — хотя прикосновение Эрскина вызвало у него боль во всей руке, Форс покорно посмотрел туда, куда указывал его друг. Там была куча всякого добра. Форс опознал остатки своих лосин и пояс, такой же, какие носили Чудища. Но блестки света за этой кучей добычи, сваленной в беспорядке, были интересней. Они находились в крошечной нише стены — три голубых брусочка, всего лишь с палец высотой… очень знакомые… Озадаченность Форса исчезла. Эти брусочки… это были те фигурки, которые он принес из музея в Звездной Сумке. Теперь их установили там — и в ногах у каждой из них была кучка подношений. И с внезапным просветлением он понял, почему народ ящериц чтил эти фигурки. Они были их богами.

— Эрскин! Эти фигурки — вон в той нише — это те, что я принес из музея… и они совершают им подношения… поклоняются нм!

Южанин потер челюсть ладонью знакомым Форсу жестом, означавшим озадаченность. Затем он порылся в дорожной сумке на своем поясе и достал четвертую фигурку.

— Разве ты не видишь, что они поклоняются

вот из-за этого, — Форс указал на маленькую головку резной фигурки. Хотя фигурка и была человеческой, у нее была голова хищной птицы с кривым клювом.

— У одной из фигурок там, внизу, голова ящерицы — по крайней мере, она похожа на голову ящерицы!

«Так. И поэтому… да… я понимаю!

Эрскин бросился вниз по склону, и из его уст вырвался тот же шипящий звук, который он издавал и прежде. Произошло мимолетное движение. Форс мигнул. Рабочие исчезли, спрятались в укрытиях за камнями, покинув овраг. Южанин ждал с терпением охотника, одну минуту, две, потом снова зашипел. Он держал на вытянутой руке между пальцев статуэтку с птичьей головой, и ее голубой блеск был четким и ясным. Наверное, он-то и выманил их вожака из укрытия. Они подошли, осторожно скользя между камнями, так что увидеть их мог только самый внимательный наблюдатель. И, как с опаской отметил Форс, они сжимали в лапах копья. Но Эрскин находился много выше того места, куда упали колючие шарики. И теперь он поставил голубую фигурку на землю и широким шагом отступил вверх по склону.

Именно статуэтка и привлекла их внимание. Трое из них подошли своей особой стремительной походкой. Когда они оказались на таком расстоянии, что могли коснуться фигурки, они остановились, их головы завертелись во все стороны, наклоняясь под странными углами. Они словно хотели убедиться, что это не какая-то ловушка с приманкой. Когда одна из ящериц положила свою лапку на фигурку, Эрскин двинулся вперед, но не к ним, а в направлении кучи их добычи. Он шел осторожно, изучая землю дюйм за дюймом и, казалось, вообще не обращая внимания на ящериц. Трое ящериц стояли, замерев на месте, только их глаза следили за людьми. Южанин старательно и методично перерыл все барахло, что там лежало. Вернувшись, он принес сапоги горца и то, что осталось от его одежды. Он прошел мимо ящериц так, словно их здесь не было вовсе. После того, как он прошел, вожак схватил голубую фигурку и юркнул за камень, его собратья чуть ли не наступали ему на хвост. Эрскин поднялся вверх по склону тем же неспешным шагом, но на лбу и щеках у него блестели капельки пота. Форс сел и натянул сапоги на свои натруженные ноги. Он поднялся и снова посмотрел на долину. Рабочие все еще прятались

в своих норах, но в скальном святилище теперь стояло четыре фигурки, а не три.

На следующий день они двинулись на юг, оставив далеко позади Землю Взрыва. И на второй день они уже далеко углубились в открытые поля, где зрели, колыхаясь под солнцем, пятна пшеницы-самосевки.

Форс остановился, наполовину перелезши через каменную стену, и прислушался. Звук, который он услышал, был слишком слабым и низкого тона, чтобы быть громом, и в нем прослушивался четкий ритм.

— Подожди!

Когда Эрскин остановился, Форс вспомнил, где он слышал такой звук раньше — это был голос сигнального барабана. Он сказал об этом Эрскину, и тот упал рядом с камнем, приложив ухо к земле. Но послание быстро оборвалось. Южанин, нахмурившись, снова поднялся на ноги.

— Что?.. — рискнул спросить Форс.

— Это был созыв. Да, ты прав, это барабан моего народа, и то, что он сообщил — очень плохо. Беда надвигается сейчас на них, и они вынуждены отозвать назад всех воинов, способных встать на защиту клана…

Эрскин заколебался, и Форс предложил сам:

— Я не копьеносец, а теперь даже и не лучник. Но у меня на поясе все еще висит меч, и у меня есть некоторый опыт» в обращении с ним. Мы идем? Как это далеко? — спросил он после нескольких минут молчания. Эрскин принял его предложение. Но бежать вприпрыжку, как пустился было Эрскин, было легче четырехногой Люре, чем Форсу.

— Могу только догадываться. Этот барабан был создан для того, чтобы созывать людей в пустынной местности. Здесь его можно слышать на гораздо большем расстоянии.

Они в тот день еще дважды слышали призывное громыхание, доносившееся из-за далеких холмов. Он будет звучать с интервалами, так сказал Форсу Эрскин. И до тех пор, пока не вернутся все разведчики. Той ночью юноши укрылись в леске, но костра разжигать не стали. И еще до рассвета они снова тронулись в путь. Форс не потерял своего чувства направления, но эта местность была ему неизвестна, он ничего не знал о ней из отчетов Звездных Людей. Переход от Земли Взрыва завел их так далеко от территории, обозначенной на любой когда-либо виденной им мелкомасштабной карте, что он совершенно заблудился. Про себя он начал гадать, сможет ли

вернуться обратно в Айри, как он планировал, или ему придется продолжать путешествие и не возвращаться по своим следам обратно в город. Земля эта была обширна, а известные ему тропы остались далеко в стороне. На третий день они вышли к реке, той самой, как считал Форс, которую он пересек раньше. Она разбухла от дождей, и они провели большую часть дня, сооружая плот для переправы. Течение унесло их на несколько миль в сторону, прежде чем они смогли выбраться на противоположный берег. На закате они снова услышали барабан, и на этот раз пульсация звука была подобна грому. Эрскин, казалось, успокоился, у него были свои доказательства, что они двигались в нужном направлении. Но когда он прислушался к раскатам барабанного боя, рука его потянулась в рукоятке ножа.

— Опасность! — читал он выбиваемые слова. — Опасность., смерть гуляет… опасность… смерть… в… ночи…

— Так говорит барабан?

Эрскин кивнул.

— Барабанный язык. Но я никогда раньше не слышал, чтобы звучали эти слова. Говорю тебе, брат, наши барабаны посылают предупреждение не из-за какой-то там обычной опасности,

Слушай!

Эрскину не нужно было поднимать руку, потому что Форс и так уловил другой звук раньше, чем его спутник заговорил. В ответ раздалось легкое постукивание, оно было слабее, чем клановый сигнал, но достаточно отчетливо.

И снова Эрскин прочел послание:

— Уран здесь… идем — это Уран Быстрая Рука, вожак наших разведчиков. Он отправился на запад, тогда как я ушел далеко на север. И…

— Балакан идет, Балакан идет. Теперь, — облизал губы Эрскин, — остается только Норатон, который еще не ответил. Норатон и я — который не может ответить!

Но, хотя они довольно долго стояли и ждали, не последовало вообще никакого ответа. Вместо этого после некоторой паузы снова раздался звук барабана клана, раскатываясь по бескрайним полям, и так с некоторыми интервалами продолжалось всю ночь. Он остановились только на рассвете, чтобы поесть, и пошли дальше быстрым шагом. Но теперь барабан молчал, и Форс счел эту тишину зловещей. Он не задавал вопросов. Эрскин теперь был нахмурен постоянно и чего-то ждал. Он, казалось, совсем забыл о тех, кто сейчас шел рядом с ним. Чтобы передвигаться как

можно быстрее, они выбрали одну из дорог Древних, которая шла в нужном им направлении, а когда она свернула в сторону, они двинулись по звериным тропам, перейдя вброд ручеек, который Люра перескочила одним прыжком. И теперь Форс увидел еще кое-что: кружившееся в небе черные силуэты. Один из них отделился от остальных и спланировал на землю Он вцепился в махавшую на ходу руку Эрскина.

— Птицы смерти! — Форс с трудом успокоил южанина. Там, где пировали птицы смерти, всегда была беда.

То, что они вскоре обнаружили в поле на истоптанной и запятнанной кровью, земле, не было приятным зрелищем. Эрскин опустился на колено у мертвого тела, пока Люра рычала и бросалась на птиц-трупоедов, протестовавших против такого вмешательства громкими визгливыми криками.

— Он мертв — проткнут копьем!

— Давно? — спросил Форс.

— Может быть, даже этим утром Ты знаком с такой работой? — Эрскин поднял сломанное древко, кончавшееся окровавленным листообразным острием.

— Это сделано степняками. И это — часть одной

из пик, а не копье.

Эрскин провел пучком травы по обезображенному лицу мертвеца.

— Норатон! — Он словно прикусил язык, и зубы его щелкнули. — Другой разведчик, тот, который не ответил на вызов.

Эрскин вытер руки о траву, жестоко раня их и словно не замечая, к чему они прикасались. Лицо его окаменело.

— Когда племя высылает вперед разведчиков, эти разведчики приносят клятву. Они не должны обнажать меч, если враг не нападет на них первым. Если это возможно, мы приходим с миром. Норатон был мудрым человеком, и у него был спокойный и ровный характер. Этот бой был спровоцирован не им…

— Ваш народ движется, чтобы обосноваться на севере, — медленно размышлял Форс. — Степняки — люди гордые, и у них горячий характер. Они могут увидеть в вашем приходе угрозу своему образу жизни, поскольку очень привязаны к старинным обычаям и традициям.

— Так значит, они хватаются за меч для того, чтобы разрешить разногласия? Ну, если они этого хотят… Да будет так! — Эрскин выпрямился.

Форс вынул меч, разрезал им торф. Они молча

работали вместе, пока не выкопали могилу. А потом, над этой могилой насыпали холмик, чтобы защитить усопшего. На вершине его Эрскин глубоко вонзил длинный нож, найденный у Норатона, и тень крестообразной рукояти легла на разрытую землю.

Теперь Они пробирались по миру, полному опасностей. Смерть сразила Норатона, и та же самая смерть могла встать между ними и племенем Эрскина. Они придерживались укрытий, жертвуя скоростью ради осторожности. Эрскин достал свое оружие из ремней и камней и приготовил его.

Их путешествию пришел конец, когда они обогнули огромное открытое поле. Чтобы воспользоваться укрытием, виднеющимся на его конце, нужно было свернуть далеко в сторону. Эрскин смело решил идти напрямик. Поскольку он спешил, Форс согласился с его решением, но был рад, что Люра бежала впереди, разведуя им дорогу. Трава и дикие злаки здесь были в пояс высотой и мешали бежать. Форс подумал о змеях, и как раз в это время Эрскин упал, попав ногой в незамеченную им нору кролика. Он быстро сел, морщась и растирая лодыжку. Горло у Форса перехватило. Из тени развалин к ним мчалась

группа всадников, скача диким галопом, сверкая остриями пик. Горец бросился на Эрскина, и они откатились как раз вовремя, чтобы не быть проткнутыми пиками с железными наконечниками и избежать копыт. Форс с трудом мог поверить, что его кожа уцелела. Когда Форс встал с мечом в руке, Эрскин вырвался из его захвата.

— Самое подходящее оружие против всадников, — мрачно подумал он.

Эрскин завертел над головой свое каменно-ременное оружие и повернулся, чтобы встретить врага. Набрав скорость, всадники ускакали слишком далеко и не смогли быстро развернуть своих коней. Но они играли в эту игру и раньше. Они рассмеялись, образовывая круг, чтобы взять свои жертвы в кольцо. Они смеялись и корчили рожи. Это придало Форсу решимости. Короток меч или нет, он прихватит с собой, по крайней мере, одного из них, когда придет его конец. Скачущие по кругу всадники заставляли свои жертвы поворачиваться к ним лицом с головокружительной быстротой. Но Люра испортила этот так хорошо выверенный маневр. Она поднялась из травы и провела лапой, полной острых когтей, по гладкому боку одной из лошадей. Со страшным визгом от боли и страха животное встало на дыбы и

воспротивилось воле своего всадника. Лошадь победила и умчалась прочь, унося на себе своего хозяина. Но остальные теперь были предупреждены, и когда Люра снова прыгнула вперед, она не только промахнулась, но и пострадала от удара нацеленной опытной рукой пики. Однако ее атаки дали Эрскину шанс, в котором он так нуждался. Его каменное орудие запело в воздухе и со сверхъественной точностью обвилось вокруг горла одного из всадников с пикой. Тот с глухим стуком беспомощно упал в высокую траву. Двое из восьми! Но они не могли бежать, даже если бы круг удалось прорвать. Такая попытка привела бы только к смерти, подобной той, какая постигла Норатона, к смерти от стали, пронзившей грудь и вышедшей из спины. Шестеро невредимых всадников перестали смеяться. Форс догадывался, что они теперь задумали. Они поскачут на врага, совершенно уверенные, что тот не уйдет. Эрскин взвешивал на ладони длинный нож. Всадники выстроились в линию колено к колену. Форс выбросил руку влево, и зубы южанина обнажились в невеселой усмешке. Он показал пальцем направо. Друзья стояли и ждали. Атака началась, и они следили за ней целую секунду, прежде чем двинулись сами. Форс бросился налево и

упал на колено. Он подсек ноги скакавшему к нему коню, подсек злобно и изо всей силы. Затем он снова поднялся, вцепившись одной рукой в лосины наносящего ему удар всадника. Он поймал удар на свой меч и сумел удержать его, хотя пальцы онемели от сотрясения. Всадник вылетел в его объятия, и пальцы Форса вонзились в его щеки как раз пониже глаз. Кое-какие приемы рукопашного боя Лэнгдон передал своему сыну. Форс оказался наверху и остался там по крайней мере несколько победных мгновений, пока краем глаза не заметил налетавшую слева тень. Он увернулся, но недостаточно быстро, и удар заставил его покатиться и выпустить тело своего противника. Он, уставившись в небо, моргнул от боли и приподнялся на локтях, когда вокруг его плеч обвилась кожаная петля, туго притянув его руки в телу. Так он тупо сидел на траве. Когда он слишком резко пошевелил своей звенящей головой, мир тошнотворно закачался перед ним.

— На этот раз без ошибок, Вокар. Мы взяли этих двух свиней — Верховный Вождь будет доволен…

Форс услышал эти слова откуда-то сверху. Протяжная, со сливающимися звуками речь степняков была странной на слух, но он без труда

понял ее. Он осторожно поднял голову и огляделся.

— …искалечил Белую Птицу! Да разорвут его в клочья ночные дьяволы и устроят над ним буйный пир!

От брыкавшейся на земле лошади, печатая шаг, к ним подошел человек. Он направился к Форсу и стал хлестать его по лицу с методичной силой, в которой было одно желание — причинить боль. Форс вперил в него взгляд и сплюнул кровь с разбитых губ. У этого парня было легко запоминающееся лицо — кривой шрам через весь подбородок был несмываемым клеймом. И если ему хоть сколько-нибудь повезет, он рассчитается с этим степняком за все удары.

— Освободи мне руки, — сказал Форс, радуясь, что голос прозвучал так твердо и ровно. — Освободи мне руки, могучий герой, и твои кости будут глодать те, кто похуже ночных дьяволов.

В ответ на это последовала еще одна оплеуха, но прежде чем степняк нанес второй удар, его схватили за запястье и удержали.

— Позаботься о своей лошади, Сати. Этот человек защищался, как умел и как было эффективнее всего. Мы же не Чудища из развалин, чтобы получать удовольствие, мучая пленных.

Форс заставил свою гудящую голову попяться выше на дюйм, чтобы видеть говорящего. Степняк этот был высок — должно быть, даже выше Эрскина, — но он был более хрупко сложен. Его связанные для верховой езды волосы были темно-каштановыми. Чувствовалось, что он не зеленый юнец на своей первой тропе войны, а воин со стажем. Его четко обрамленный рот окружали морщины, и он казался более добрым.

— Теперь и другой очнулся, Вокар.

При этих словах командир отвел свой взгляд от Форса.

— Приведи его сюда. Нам еще долго ехать, до самого заката.

Опытная рука ударом ножа прекратила мучения дергавшейся лошади. Но, выполнив эту задачу, Сати поднялся и мрачно посмотрел на обоих пленников.

Люра! Форс бросил быстрый взгляд на траву, не выдавая своего интереса или озабоченности. Большая кошка исчезла, и, поскольку его пленители не упоминали о ней, она наверняка была жива. Они бы быстро занялись ее шкурой в качестве трофея. Если Люра на свободе и готова действовать, у них даже сейчас был шанс на бегство. Он уцепился за эту надежду, когда

степняки крепко привязали его правую руку к его собственному поясу, а левую петлей прицепили к седлу одного из всадников. Не к Сати, как он рад был заметить. Сати вскочил на коня человека, которого Эрскин убил своим каменно-ременным оружием. Южанин нанес им еще потери. Потому что на нервничающих и беспокойных лошадей навьючили два тела. После короткого совещания двое из отряда отправились вперед, ведя за собой нагруженных лошадей. Охранник Форса ехал третьим в этой колонне, а Вокар с Эрскиным находились в самом конце. Форс оглянулся, но рывок за запястье толкнул его вперед.

Лицо южанина было в крови, и он шел с трудом, но непохоже было, что он серьезно ранен. Где же была Люра? Он попытался отправить ей мысленный призыв, но потом внезапно прекратил его.

Между Айри и степняками давно уже были прерваны всякие контакты. Но степняки могли знать о больших кошках и их отношениях с людьми. Самое лучшее — как можно подольше оставить Люру в покое. У него не было никакого желания увидеть, как Люра отдает свою жизнь за него, пришпиленная к твердой земле одной из смертоносных пик.

Колонна двигалась на запад. Это Форс заме-

тил механически, вынужденный продвигаться вперед бегом вприпрыжку, когда лошадь, к которой он был привязан, переходила в легкий галоп Солнце ярко светило им в лица. Форс изучал знаки собственности, намалеванные на гладкой шкуре лошади рядом с ним. Это были знаки, используемые племенем, неизвестным его народу. И речь этих людей была пересыпана незнакомыми ему словами. Еще одно кочующее племя, может быть, преодолевшее огромные расстояний. Наверное, как и народ Эрскина, они были изгнаны со своей земли каким-нибудь стихийным бедствием и теперь искали новую территорию — или, может быть, их гнала вперед только врожденная неугомонность рода. Если они были чужими в этой стране, то их враждебности всяким аборигенам нечего удивляться. Обычно без формального объявления войны нападали только на Чудищ — нападали без всяких переговоров. Если бы только у него была Звезда — тогда бы он имел возможность высказаться, встретиться с их Верховным Вождем. Звездных Людей знали — знали и в далеких землях, где они никогда не бывали — и никто никогда не поднимал меча против них. Форс почувствовал старую досаду. Он не был Звездным Человеком — он был

никем — беглецом, бродягой, который не смел даже просить о защите и покровительстве племени. Поднятая копытами лошади пыль покрыла его лицо и тело. Он закашлялся, не в состоянии защитить глаза и рот. Лошади спустились вниз по берегу и перешли через широкий ручей. На другой стороне они свернули на хорошо утоптанную тропу. Из кустов появился второй отряд всадников и прокричал вопросы, от которых зазвенело в голове у Форса. Форс был в центре внимания, и вновь прибывшие с любопытством рассматривали его. Они обсуждали его с прямотой, которую он пытался игнорировать, цепляясь за остатки своего хладнокровия. Он совсем не был похож на другого пленника — вот в чем была суть большинства замечаний. Они явно знали соплеменников Эрскина и не очень-то любили их. Но Форс с его странными серебристыми волосами и более светлой кожей заинтриговал их. Наконец, объединившись, обе группы всадников двинулись дальше, и Форс был благодарен им за эту небольшую передышку. Примерно через полмили они достигли лагеря. Форс был поражен панорамой далеко простиравшихся рядов палаток. Это был отнюдь не маленький семейный клан на марше, а целое племя или даже

нация. Он подсчитал флаги кланов, висевшие над палатками суб-вождей, когда его провели по дороге, разделявшей на две части это широко раскинувшееся поселение. Их было десять штук, и множество других развевалось вдали по той же центральной дороге. При виде мертвых женщины степняков затеяли ритуал оплакивания, визгливо завыли над покойниками, но они не сделали ни малейшего движения в сторону пленников, которых отвязали от седел, связали нм руки за спиной и затолкнули в маленькую палатку, находившуюся в тени в личном кругу Верховного Вождя. Форс повернулся набок лицом к Эрскину Даже при тусклом свете он видел, что правый глаз южанина распух, почти закрылся и что небольшой порез на его шее затянут коркой из засохшей крови и дорожной пыли.

— Ты знаешь это племя? — спросил Эрскин.

— Нет. Клановые флаги и метки на их лошадях мне тоже незнакомы. Я думаю, что они пришли издалека. Известные Звездным Людям племена не нападают без предупреждения, за исключением того, когда они нападают на Чудищ, против которых мечи всех людей всегда обнажены. Это целый народ на марше, я насчитал знамена десяти кланов, но я, должно быть, видел только

малую их часть.

— Хотел бы я знать, какая им польза от нас. — сухо сказал Эрскин. — Если бы они не видели выгоды в том, чтобы взять нас в плен, на нас бы сейчас пировали птицы смерти. Но зачем им понадобилось брать нас в плен?

Форс припомнил все, что он когда-либо слышал об обычаях степняков. Они очень высоко ценили свободу отказываясь осесть на любой земле и не позволяя никому сдерживать себя. Они не лгали — никогда и это было частью их кодекса законов. Но они также считали себя более развитыми, чем другие племена и отличались надменностью и гордостью. У них была склонность относиться с подозрением ко всему новому, и они были сильно связаны традициями — несмотря на все их разглагольствования о свободе. Слово данное степняком, было нерушимо он всегда выполнял свое обещание, независимо от того, что это могло повлечь за собой. И всякого, совершившего преступление против племени, торжественно провозглашали на Совете мертвым. С тех пор никто не должен был замечать его, и он не мог притязать ни на еду ни на жилье потому что для племени он переставал существовать.

Звездные Люди жили в их палатках. Его родной

отец взял себе в жены дочь одного из вождей. Но это случилось только потому, что Звездные Люди обладали чем-то, что, по мнению племени, дорого стоило — знанием окружающих их обширных пространств.

Его мысли прервали раздавшиеся вдруг дикие звуки, которые Становились все громче Это было пение воинов на марше:

«С мечом и пламенем пред нами
И пиками кланов за нашей спиною
Мы скачем равнинами и лесами
Где катятся валы войны!
Ешь, Птица Смерти, ешь!
На пиру, устроенном нами, тебе пировать!»

Флейта внесла свой рефрен в эту песню, в то время, как маленький барабан отбивал жесткое «ешь, ешь». Это был дикий ритм, заставляющий кровь слушателя быстрее мчаться по жилам. Форс ощутил его мощь, и она пьянила, словно ударяющее в голову вино. Его собственный народ был молчаливым. Горы, должно быть, вытянули из него все стремление к музыке, пение было оставлено женщинам, иногда мурлыкавшим

себе под нос за работой. Он знал только Гимн Совета, который тоже обладал подобной мрачной мощью. Но жители Айри никогда не ходили в бой с песней.

— Это поют бойцы! — шепот Эрскина откликнулся на его собственные мысли — Они приветствуют своего Верховного Вождя.

Но, если они таким образом приветствовали своего Верховного Вождя, то он не проявил пока никакого интереса к своим пленникам. Шли часы ожидания. Когда стало совсем темно, вдоль главной дороги, на равном расстоянии друг от друга зажглись костры, и вскоре после этого в палатку к пленникам вошли двое, освободили их от веревок и встали настороже, пока те растирали затекшие руки. Перед ними поставили чаши с тушеным мясом. Содержимое чаш было великолепно сварено, а пленники очень проголодались и уделили все свое внимание пище. Слизнув последний кусочек, Форс скривил свои губы, чтобы воспроизвести речь степняков, которой он научился у своего отца.

— Хо! Хорошей вам скачки, рожденные в степях. Теперь, оседлавшие ветер, нам следует поговорить с Верховным Вождем этого племени…

Глаза охранников расширились. Было ясно, что

самое большее, чего они ожидали от пленников, так это — услышать формальное церемониальное приветствие. Немного очухавшись, один из охранников рассмеялся, и его товарищ присоединился к нему.

— Тебя отведут к Верховному достаточно скоро, лесная падаль. И когда тебя приведут, встреча не доставит тебе никакого удовольствия!

Им снова связали руки и оставили в покое. Форс подождал, пока охранники не разговорились с двумя другими. Он подполз поближе к Эрскину.

— Накормив нас, они совершили ошибку. У всех степняков есть законы гостеприимства. Если чужак поест мяса, сваренного на их костре, и выпьет воды из их запасов, они не должны трогать его день, ночь и еще день. Они дали нам поесть вареного мяса и выпить воды. Храни молчание, когда нас выведут и я потребую защиты по их же собственным законам.

Ответный шепот Эрскина был совсем слаб.

— Тогда они должно быть, считают нас невежественными в их обычаях.

— Либо это так, либо кто-то в лагере дал нам шанс и теперь хочет посмотреть, хватит ли у нас ума ухватиться за него. Если этот охранник повторит мое приветствие, тогда, несомненно, этот

неизвестный поймет, что мы готовы к переговорам. Степняки часто посещают то одно, то другое племя. Здесь сейчас, может быть, находится по крайней мере один человек, который знает Айри и дает нам шанс спасти себя.

Может, охранник действительно рассказал о приветствии Форса другим. В любом случае, прошло очень немного времени, и сторожа вернулись в палатку. Подняв пленников на ноги, они погнали их меж рядов вооруженных воинов в высокую палатку со стенами из шкур, которая находилась в центре этого «города». Должно быть, забили сотни оленей и коров, чтобы обеспечить шкурами это помещение Совета. И в нем так плотно, что между их бедрами нельзя было просунуть и меча, сидели субвожди, вожди, воины и мудрецы всего племени. Форса и Эрскина толкнули в открытый проход, который тянулся от двери палатки к ее центру. Там горел церемониальный костер, и, когда в него подбрасывали сушеные растения и кедровые поленья, По шатру плыл ароматный дым. У костра стояли трое. Один, в длинном белом плаще, накинутом поверх его боевой одежды, был знахарем и занимался медициной. Он заботился о теле соплеменников. Его товарищ, носивший черный плащ, был хра-

нителем Анвалов — помнящим законы и обычаи — прошлого. Между ними находился Верховный Вождь.

Когда пленники вышли вперед, Вокар поднялся из толпы своих собратьев и отдал честь Вождю, приложив обе ладони ко лбу.

— Капитан Воинов, Вождь племени Ветра, Кормитель Птиц Смерти, эти двое — те, кого мы взяли в плен в честном бою, когда по твоему приказу находились в разведке на востоке. Теперь мы, из клана Бешеного Быка, отдаем их в твои руки, чтобы ты мог сделать с ними то, что пожелаешь… Я, Вокар, сказал.

Верховный Вождь принял речь с короткий кивком. Он смерил пленников внимательным взглядом, не упустив ничего. Форс столь же смело глянул на него в ответ. Он увидел человека среднего возраста, стройного и жилистого, с прядью седых волос, спадающих на его спину, словно гребень из перьев. Старые шрамы от многочисленных боевых ран виднелись под тяжелым церемониальным воротником, ниспадающим до половины его груди. Он, безусловно, был прославленным воином. Но, чтобы стать Верховным Вождем племени, он должен быть больше, чем простым бойцом. Он должен был

также обладать умом и способностью править. Только очень сильная и очень мудрая рука могла контролировать огромную массу степного народа, обладающего весьма буйным нравом.

— Ты, — обратился Вождь сначала к Эрскину, — из тех темнокожих, которые сейчас затевают войну на юге..

Единственный открытый глаз Эрскина не мигая встретил взгляд Вождя.

— Мой народ выходит на поле боя только тогда, когда его вынудят воевать. Вчера я обнаружил моего соплеменника, скормленного Птицам Смерти, и в его теле торчала пика степняков…

Но Вождь не ответил на это. Он уже повернулся к Форсу.

— А ты? Какое племя породило такого, как ты?

— Я — Форс из клана Пумы из племени Айри в Дымящихся Горах, — из-за того, что руки его были связаны, он не отдал честь свободного человека командиру всех этих палаток. Но он и не повесил голову, показывая, что считает себя абсолютно равным любому человеку этой компании.

— Я об этом Айри никогда не слыхал. И только далеко ускакавшие разведчики видели горы, что дымятся. Если ты не одной крови с темнокожими, то почему идешь с одним из них?

— Мы боевые товарищи он и я. Мы вместе дрались с Чудищами и вместе пересекли Землю Взрыва…

При этих словах на лицах у всех троих появилось выражение недоверчивости, а тот, который был в белом плаще, рассмеялся, и на его смех мгновение спустя откликнулся Верховный Вождь, а затем вся компания, пока их общий насмешливый хохот громом не разразился в ночи.

— Теперь мы, знаем, что твой язык лжив. Потому что на памяти людей — наших отцов и отцов их отцов никто не пересек Землю Взрыва и не дожил до того мгновения, чтобы похвастаться этим. Та Земля проклята, и страшная смерть ждет того, кто рискнет сунуться туда. Теперь говори правду, лесной бродяга, или же мы будем считать тебя столь же отвратительным, как Чудище, и годным только для того, чтобы проткнуть тебя острием пики — и говори быстрее!

Форс сдерживался от ответа, пока не спала горячка первого гнева. Потом он взял себя в руки и ровным тоном сказал:

— Называй меня, как тебе угодно, Вождь. Но, каким бы богам вы ни поклонялись, я поклянусь ими, что сказал только правду. Наверное, за годы, прошедшие с тех пор, как отцы наших отцов за-

ходили на Землю Взрыва и гибли там, произошло уменьшение заражения и…

— Ты назвал себя горцем, — перебил его Большой Плащ. — Я слышал о людях с гор, что забираются в пустые земли, чтобы вновь обрести утерянные знания. Эти говорят правду и не рассказывают ложных сказок. Если ты из их породы, тогда ты должен показать звезду, которую они носят при себе как знак их призвания. Тогда бы с радостью приняли тебя по обычаю и закону.

— Я с гор, — мрачно повторил Форс, — но я не Звездный Человек.

— Только отверженные и скверно живущие забредают так далеко от своих братьев по клану, — эти слова произнес Черный Плащ. — А они находятся вне закона и являются мясом для боевого топора любого человека. На этих людей не стоит зря тратить время…

Сейчас… сейчас он должен испробовать свой единственный аргумент. Форс посмотрел на Вождя в упор и перебил его древней, предревней формулой, которой научил его отец много лет тому назад.

— По праву Огня, Воды, Мяса и Палатки мы притязаем теперь на убежище под знаменем этого клана — мы ели ваше мясо и утолили жажду

здесь в этот час!

В огромном шатре воцарилась внезапная тишина. Все гудение, перешептывание замерло, и, когда один из часовых переступил с ноги на ногу так, что рукоять его меча ударилась о рукоять другого, звук этот был подобен призыву к бою.

Верховный Вождь засунул большие пальцы рук за свой широкий пояс и теперь барабанил по коже кончиками пальцев, выбивая дробь нетерпения. Черный Плащ неохотно сделал шаг вперед и сделал знак часовому. Сверкнул нож, и кожаные ремни упали с онемевших рук Форса. Он растер запястья. Он выиграл первый раунд, но…

— С того часа, как в ту ночь разожгут костры и до надлежащего часа, вы — гости. — Вождь повторил эти слова так, словно они были достаточно горьки, и его рот искривился. — Против обычая мы не идем, но, — заверил он, — когда кончится время милости, мы сведем с вами счеты…

Теперь Форс осмелился улыбнуться.

— Мы просим только того, что наше по праву вашего собственного обычая, Вождь и Капитан многих палаток, — и он, как положено, отдал честь обеими руками.

Глаза. Верховного Вождя сузились, и он махнул рукой двум своим сородичам.

— И по обычаю эти двое будут вашими опекунами, чужаки. Ночью они о вас позаботятся.

Таким образом, они вышли из шатра Совета свободными, пройдя сквозь толпу к другому, меньшего размера помещению со стенами из Шкур. На темных шкурах были нарисованы разные символы. Форс в свете костров смог разглядеть их. Некоторые из них он хорошо знал. Две змеи, обвившиеся вокруг посоха — это был универсальный знак целителя. А весы — означали правосудие, равное для всех. Жители Айри тоже пользовались этими эмблемами. Шар с цветком пламени, вырывающимся из его вершины, был новым для него символом, но Эрскин издал удивленное восклицание, остановившись и показав на пару раскинувшихся крыльев, поддерживающих заостренный предмет между ними.

— Это… это же знак Древних, которые были летающими людьми. Это знак вождя моего родного клана!

При этих словах степняк в черном плаще быстро обернулся и с некоторой яростью спросил:

— Что знаешь о Летающих Людях, ты, ползающий в грязи?

Но Эрскин улыбался, его избитое лицо просветлело, и он гордо поднял голову.

— Мое племя пошло от Летающих Людей, пришедших отдохнуть в пустыни юга после великой битвы, сразившей большинство их машин в воздухе и спалившей на земле поле, с которого они взлетали, — Это — наш знак, — он почти любовно коснулся кончика вытянутого крыла. — Сейчас Нат-аль-сал, наш Верховный Вождь, все еще носит на шее такой знак, сделанный из сверкающего металла Древних, каким он перешел из рук его отца и отца его отца и так далее, вплоть до первого и самого великого из летающих людей, вышедших из чрева мертвой машины в день, когда они нашли убежище в долине нашей маленькой речки!

В то время как он говорил, ярость исчезла с лица Черного Плаща. Теперь это был печальный и озадаченный человек.

— Вот так достаются новые знания — кусочками и обрывками, — медленно проговорил он. — Входите.

Форсу показалось, что Хранитель Анналов степняков потерял многое из своей враждебности. Он даже собственными руками поддержал откидную дверь, словно они и впрямь были почетными гостями, а не пленниками, получившими лишь временную передышку. Оказавшись внутри

шатра, они с любопытством огляделись вокруг. По центру тянулся длинный стол, сделанный из полированных досок и установленной на вбитых в землю кольях, а на нем упорядоченными кучками лежали вещи, которые Форс видел во время своих редких посещений Звездного Зала. Выдолбленный камень для дробления и растирания растений, используемых для приготовления лекарств; пестик лежал поперек этого камня; ряды ящиков. И кувшинов — это были вещи целителя. И сушеные пучки прутьев, ровными рядами, свисавшие со шнура, натянутого на опорных шестах, тоже принадлежали ему. Но книги из пергамента в переплетах из дерева, рог с чернилами и ручки, лежавшие наготове — это были вещи Хранителя Анналов. Он хранил Анналы Племени, там была история племени и все его обычаи. Каждая книга имела знак клана, вырезанный на ее обложке, каждая была хранилищем Сведений о семье.

Эрскин ткнул пальцем в кусок разглаженной кожи, туго натянутой на деревянную рамку.

— Широкая река?

— Да. Ты тоже знаешь о ней? — Хранитель Анналов оттолкнул в сторону кучу книг и принес кожу под висящую лампу, в которой горела пропитанная маслом пакля.

— Вот эту часть я видел собственными глазами, — южанин проследил неровную ленту голубой краски, извивавшуюся через весь лист. — Мое племя перешло через реку вот здесь. Нам потребовалось четыре недели, чтобы построить плоты. Два из них были унесены течением… — так что — мы никогда больше не видели тех, кто был на них. Мы также потеряли в потоке двадцать барабанов. Но здесь… мой брат вел разведку на севере и обнаружил еще один изгиб, вот такой… — Эрскин поправил линию пальцем. — А также, когда горы нашей земли извергли огонь и потрясали все вокруг себя, горькие воды моря пришли вот сюда и сюда, и нет здесь теперь больше никакой земли, только вода…

Хранитель Анналов нахмурился над картой.

— Так. Ну, мы прожили десять раз по десять лет на берегах этой великой реки и знаем все о ней — она много раз меняла свое русло и течет так, как ей заблагорассудится. Во многих местах вдоль нее есть следы работ Древних, они, должно быть, пытались удержать ее в одном русле. Но эту тайну мы утратили вместе с множеством других.

— Если вы шли от берегов великой реки, то вы зашли очень далеко, — заметил Форс. — Что же привело ваше племя в эти восточные земли?

— Что вообще ведет степняков на восток или на запад? В нас есть врожденное желание увидеть новые места. На север и на юг мы ходили от опушек великих лесов, где снега образуют капканы, ловящие за ноги наших лошадей, и только дикие звери могут прожить зимой сытыми — до болотистой местности, где в реках прячутся чешуйчатые чудовища, которые могут утащить неосторожно вошедшего в реку. Мы повидали земли. Два сезона назад умер наш Верховный Вождь, и его пика перешла в руну Кантрула, который всегда был разведчиком диких земель. Так что теперь мы идем новыми тропами и открываем миры на удивление нашим детям. Подержи…

Он снял лампу с державшего ее шнура и увлек Форса за собой, в другой конец шатра. Там были карты и картины, достаточно живые, чтобы заставить горца ахнуть от удивления. Они заключали в себе ту самую магию, при помощи которой Древние оживляли мир друг для друга.

— Вот эта была сделана на севере, зимой, когда человек должен ходить с кожаной паутиной на ногах, чтобы не утонуть в снегу, как в сыпучих песках. А вот, посмотри, это — один из лесных людей — они раскрашивают себе лица и носят на своих телах звериные шкуры, но они ходят гордо

и говорят, что они очень древний народ, который некогда владел всей этой землей. Вот и вот… — он перелистывал обрамленные пергаментные квадраты, на которых яркими чернилами были сделаны записи, рассказывающие об их странствиях.

— Эти… — Форс глубоко вздохнул. — Эти сокровища даже больше тех, что содержатся в Звездном Доме. Если бы только Ярл и остальные люди могли взглянуть на них!

Хранитель Анналов провел пальцами по гладкой рамке карты, которую он держал.

— Во всем нашем племени, наверное, лишь с десяток юношей смотрят на это, и в их сердцах и мозгах что-то шевелится. Остальные — они нисколько не заботятся о записях, о том, чтобы составить карту пути, по которому мы прошли за день. Жрать да воевать, скакать и охотиться, да еще вырастить сына вроде себя самого, который бы делал то же самое — вот и все желания этого племени. Но всегда, всегда есть те немногие, Которые еще стремятся снова пройти по древним дорогам, пытаются вновь найти то, что было утеряно в дни катастрофы. Мы находим клочки и обрывки, нить здесь и рваный клок там, и пытаемся создать из них целое.

— Если бы Мэрфи сказал сейчас всю правду, — вмещался в монолог Хранителя Анналов голос Целителя, — он бы сказал, что он родился только для того, чтобы искать знания. Все это, — он махнул рукой на разложенные богатства, — существует благодаря ему. Именно он начал собирать все это и он же учит тех, кто схож с ним умом и может видеть и записывать то, что увидел. Так повелось с тех пор, как он стал Хранителем Анналов.

Хранитель Анналов казался смущенным. Он робко улыбнулся и ответил:

— Разве я не сказал, что у нас в крови — стремление вечно охотиться за тем, что находится за горизонтом? Во мне это приняло такую форму. В тебе, Фаньер, это тоже есть, ведь ты готовишь свои смеси из листьев и травы и, если бы посмел, то ты разрезал бы нас на куски просто для того, чтобы посмотреть, что находится у нас внутри.

— Наверное, это так. Мне очень хотелось бы узнать, что находится внутри у этих двуногих, что пересекли Землю Взрыва и все же не проявляют никаких признаков сумасшествия…

— Я думал, что вы не поверите в эту историю, — быстро ответил Эрскин.

Фаньер посмотрел на него сквозь сузившиеся

веки, будто он, подумал Форс, уже вскрыл южанина для изучения.

— Это так… может быть, я в нее и не верю. Но если это правда, тогда это величайшее чудо, о котором я когда-либо слышал. Расскажи мне. Как это произошло?

— Ладно, — рассмеялся Эрскин. — Мы расскажем вам нашу историю. И клянемся, что это чистая правда. Но каждому из нас принадлежит лишь половина этой истории, и поэтому мы расскажем ее вместе.

Масляная лампа шипела над их головой, степняки и пленные сидели на круглых подушках. Пленные говорили, а степняки слушали. Когда Форс закончил, Мэрфи потянулся, встряхнулся, словно вынырнув из глубокой реки.

— Я думаю, что это правда, — спокойно произнес он. — И это мужественная история, годная для того, чтобы сложить о ней песню и петь о ней у ночных костров.

— Скажи мне, — Фаньер внезапно повернулся к Форсу, — ты, которого учили науке поиска, что больше всего поразило тебя в твоих странствиях?

— Что Чудища рискуют покидать свои города и выходить в открытую местность. Потому что, по

всем нашим наблюдениям, они не делали этого раньше на памяти людей. И это может означать надвигающуюся опасность…

Мэрфи посмотрел на Фаньера, и их взгляды встретились. Затем Целитель поднялся на ноги и быстро вышел наружу, в ночь. Короткое молчание нарушил своим вопросом Эрскин.

— Записывающий прошлое, почему ваши юноши охотятся на нас? Почему вы идете войной против нашего народа? Что произошло между нашими племенами, что мы не поделили?

Мэрфи прочистил горло. Казалось, ему хотелось выиграть время.

— Почему? Даже Древние так никогда и не ответили на этот вопрос. Ты сам можешь видеть это по руинам их городов. Твой народ идёт на север в поисках лучшей доли, мой — идет на восток или на юг по той же причине. Мы отличаемся обычаями, речью, одеждой. А человек, кажется, боится непохожего на него. Молодая кровь горяча — и вот уже ссора, убийство, из пролитой крови вырастает война. Но главная причина, как мне кажется, вот в чем. Мой народ — бродячий и он не понимает тех, кто строит жилища и пускает корни на одном каком-нибудь месте, в пределах ограниченного участка земли, которую они на-

зывают своей. И тут мы слышим, что в одном дне пути на юг в излучине реки растет городок. И этот городок построен людьми твоего племени. Наше племя обеспокоено и немного боится того, чего оно не знает. Среди нас многие говорят, что мы должны уничтожить то, что может нам угрожать в будущем…

Эрскин вытер ладони о рваные остатки своей одежды, словно обнаружил, что его ладони предательски вспотели.

— Мое племя никогда и никоим образом не может представлять никакой угрозы для будущего вашего племени Нам нужна только земля, в которую можно посадить семена и пастбища для овец. Если нам повезет, мы найдем глинистый берег который даст материал, нужный для работы наших горшечников. Мы безразличны к охоте — мы происходим из страны, где водится только мелкая дичь. Наши руки умелы, они могут послужить и другим, а не только нам самим.

— Верно, верно, — кивнул Мэрфи. — Это стремление к войне с чужаками — наше проклятие, наверное, то же самое, которым были наказаны Древние за их грехи. Но потребуется большее, чем усилия любого из нас, чтобы заключить мир сейчас… гремят барабаны войны, пики наготове…

— На сей раз ты говоришь полную правду, о, сочиняющий легенды!

К столу подошел Верховный Вождь. Не надевая шлема и плаща, положенных ему по должности, в одежде простого воина он мог незамеченным разгуливать по лагерю.

— Ты забываешь, что племя, в котором нет воинов, чтобы держать пики, будет проглочено. Лев задирает быка, если сможет избежать его рогов. Волки охотятся стаями. Убивать или быть убитыми, есть или быть съеденными — вот закон, действующий вернее всех других.

В горле Форса поднялось что-то горячее, и он резко ответил на сказанное. Его слова были рождены новой эмоцией.

— Лапы Чудищ направлены против нас всех — и никак иначе, Капитан Палаток. И они — не такой враг, с которым можно не особенно считаться. Обрати свои пики против них, если ты обязательно должен с кем-то воевать!

Сперва в глазах Кантрула появилось удивление, а затем его коричневые скулы покраснели от гнева. Его рука инстинктивно легла на рукоять меча. Руки Форса остались лежать на коленях. Ножны на его поясе были пусты, и он не мог принять вызова, который готов был бросить ему степняк.

— Наши пики движутся туда, куда мы хотим и когда захотим, чужак. Если мы пожелаем очистить гнездо живущих-в-хижинах-из-грязи-паразитов…

Эрскин не сделал никакого движения, но его единственный распухший глаз спокойно смерил взглядом Верховного Вождя с восхитившим Форса хладнокровием. Кантрул ждал ответа — предпочтительно, горячего. Когда ответ не прозвучал, Кантрул повернулся к Форсу и резко спросил:

— Ты говоришь, что Чудища идут войной?

— Нет, — поправил его Форс. — Я говорю, что они впервые на нашей памяти выходят без страха из своих городов и бродят по открытым землям. А они — хитроумные бойцы, наделенные силой, которую мы еще полностью не оценили. Они не люди, как мы, даже если отцы отцов их отцов и были нашей породы. Так что они могут быть опаснее чем мы, или нет. Откуда нам это знать? Но правда одна — и мы можем сказать это — мы, жители Айри, многие поколения воевавшие с ними, чтобы очистить от них города — они враги человечества. Мой отец погиб от их Клыков. Я сам был связан ими. Они не обычные враги, от которых можно отмахнуться без опаски, степняк.

— Вспомни, ведь есть еще одно обстоятель-

ство, — нарушил короткое молчание Мэрфи. — Когда эти двое бежали через Землю Взрыва, стая тварей взяла их след. Если мы отправимся на юг без предосторожностей, позади нас может оказаться враг так же, как и впереди. Мы можем попасть меж двух огней.

Кантрул выбивал пальцами боевой ритм на своем поясе, меж его тонких бровей пролегла резкая морщина.

— Мы вышлем разведчиков.

— Верно. Ты Вождь и опытен в военных делах. Ты прикажешь то, что нужно. Прости меня — я стал стар, и ведение Анналов иногда уводит человека от жизни. Столько ошибок совершает человек — иногда похоже на то, что он ничему не научится…

— На войне он научится или погибнет! Ясно, как день, что Древние не научились или не смогли научиться… ну, они и сгинули, не так ли? А мы живы — племя сильно. Я думаю, что вы слишком паникуете, вы оба — Фаньер тоже. Мы скачем во всеоружии, и нет ничего, что…

Его слова потонули в таком громовом раскате, что казалось, будто гроза разразилась прямо над палаткой, в которой они находились. И сквозь общий рев донеслись крики мужчин и более

высокие и пронзительные голоса испуганных женщин и детей. Те, кто находились в шатре, мгновенно пересекли его, толкая друг друга локтями, чтобы первыми оказаться у порога двери. Степняки проталкивались к выходу, а Форс оттащил Эрскина назад. Пока они суетились, грянул топот лошадей, в дикой панике несущихся по центральной дороге лагеря, огибая костры. Пространства для них было так мало, что палатки валились под их копытами. Позади лагеря, по всему горизонту встала колышущаяся стена золотистого света.

Рука Эрскина сомкнулась вокруг запястья Форса почти костоломным захватом, и он уволок горца обратно в палатку.

— Это пожар! Огонь, пожирающий траву прерии! — ему пришлось прокричать эти слова, чтобы их можно было услышать сквозь шум снаружи. — Наш шанс…

Но Форс уже понял это. Он вырвался из рук Эрскина и побежал вдоль стола, ища оружие. Маленькое копье — вот и все, что он обнаружил и смог прихватить с собой. Эрскин взял пестик из маленькой ступки, пока Форс использовал остриё копья, чтобы распороть противоположную сторону шатра.

Выбравшись наружу, они направились прочь от палатки вождя, петляя на бегу среди палаток и присоединившись к другим, бегущим во тьме людям. В развороченном муравейнике лагеря было легче легкого скрыться незамеченными. Но небо позади них становилось все светлее и светлее, и они понимали, что им надо как можно быстрее выбраться из лагеря.

— Он охватывает нас в кольцо, — Форс указал рукой на призрачную, но грозную пародию на дневной свет. На востоке и западе пожар образовал гигантскую открытую пасть, готовую проглотить лагерь. Бегущих теперь стало меньше, сумятица уменьшилась, и воцарился порядок. Беглецы обогнули последние палатки и оказались на открытом месте, выискивая кусты и деревья, в которых они могли бы укрыться. Затем Форе уловил отблеск чего-то, заставившего его резко остановиться. Перед ними стояло желтое полыхание, и оно светилось там, где ему совсем не полагалось быть. Отражение — но от чего? Мгновение спустя Эрскин подтвердил его подозрения. Это огненное кольцо!

Охотничий инстинкт Форса проснулся, когда языки пламени впереди лизнули небосвод.

— Вниз по склону! бросил он через плечо.

Он увидел утоптанную тропу, испещренную множеством следов копыт лошадей, которые шли на водопой, там, внизу, в конце склона была вода. И они побежали вниз по склону..

10.

Ветер сменился, и, ослепленные дымом, разъевшим им глаза и горло, они нашли ручей и упали в него. В его русле они были не одни. Масса кроликов и других мелких мохнатых существ, которые визжали и метались, выплескивалась из высокой травы и бежала вдоль края воды, издавая жалобные звуки страха и ужаса до тех пор, пока не погружалась в воду, перекрыв поток своими телами. Посредине ручья дым был не так густ. Ночное видение Форса приспособилось к мраку, и он взял руководство на себя, отправившись вниз по течению, подальше от стены огня. Шум суматохи в лагере степняков стих за поворотом реки, в зарослях ив. С треском через кусты ломился олень, в панике убегая, затем появился второй, третий — затем еще четыре. Русло речки углубилось. Нога Форса поскользнулась на камне, и он с головой ушел в воду. На мгновение его охватила паника, а затем искусство пловца, которому он научился в горных озерах, пришло на выручку, и он поплыл легко. Эрскин барахтался

рядом с ним. Так они выплыли на середину озера, которое замыкалось прямой линией плотины. Форс смахнул воду с глаз и увидел поднимавшиеся над берегом круглые кочки — хижины бобров! Он отпрянул в сторону, так как там барахталось огромное тело, вылезая к одному из домиков. Очень мокрая и очень сердитая огромная кошка присела, отплевываясь от той жидкости, которая спасла ей жизнь. Форс взбаламутил воду и оглянулся. Голова Эрскина то поднималась, то опускалась, словно великан тонул, и горец повернул назад. Спустя несколько минут они оба цеплялись за грубый край ближайшей хижины, и Форс с холодной расчетливостью обдумывал их будущее. Бобровое озеро было значительных размеров, и недавние дожди прибавили в нем воды. Строители хижин и плотины выгрызли большинство деревьев, росших вдоль берегов, оставив только кусты. Увидев это, горец успокоился. Удача привела их в единственное место, где они могли спастись. И не только он понимал это. Неподалеку ют них кругами плавал молодой олень, высоко подняв свою рогатую голову Существа поменьше приплывали дюжинами, карабкаясь друг через друга по крышам хижин, ища безопасное место. Эрскин издал громкое

негодующее восклицание и отдернул руку, когда по ней скользнула змея.

Когда пожар прокатился вдоль берега, по цвету превратив воду в кровь, существа в воде, казалось, съежились, неохотно вдыхая пахнущее дымом жаркое дыхание пламени. С неба упала птица и плюхнулась в воду, оставив после себя вонючий запах горелых перьев. Горец уронил голову на руки, приоткрыв свой рот и нос не больше, чем на дюйм, и держа их у самой воды Он ощущал на своих плечах мучительно жаркие удары раскаленного воздуха. Как долго они плавали, цепляясь пальцами за стенки хижины, было невозможно понять. Но когда треск пожара уменьшился, Форс снова поднял голову. Яркое зарево огня исчезло. То тут, то там все еще тлели пни и угли. Пройдет еще какое-то время, прежде чем беглецы смогут снова пройти по этой дымящейся земле. Им придется идти и дальше по воде. Форс оттолкнул тело оленя, слишком поздно добравшегося до убежища, и проложил себе путь к следующей хижине и так продвигался, до самой плотины. Здесь огонь прогрыз дыру, отхватив солидный кусок, так что вода свободно лилась в старый канал ручья. При свете тлеющих корней он мог разглядеть кое-что впереди.

Опля!

Мгновение спустя к нему присоединился Эрскин.

— Так значит, мы пойдем по воде, да? — воскликнул южанин. — После такого пожара мы можем не опасаться погони. Наверное, сегодня ночью фортуна находилась по правую руку от нас, брат мой.

Форс хмыкнул и вскарабкался на грубую поверхность плотины. Они снова могли идти пешком. Вода здесь была только до пояса. Но камни в русле речки скользили, и беглецу шли с трудом, боясь упасть и повредить ноги. Когда наконец огонь, освещающий небо, остался позади, Форс остановился и посмотрел на небо, разыскивая знакомые созвездия, которые он очень хорошо знал и которые служили его неизменными проводниками. Они направлялись на юг — но на запад от них простиралась неизвестная местность.

— Теперь мы услышим барабаны? — спросил горец.

— Не рассчитывай на это. Племя, вероятно, считает, что я так же мертв, как Норатон, и призыва больше не будет.

Форс задрожал, наверное, от того, что долго

находился в воде.

— Эта местность обширна, и без наводки мы можем пройти мимо твоего племени…

— Это тем более вероятно, что сейчас война и мой народ будет скрывать свой лагерь, насколько это возможно. Но, брат, я думаю, что мы не смогли бы так легко вырваться из плена на свободу этой ночью, не будь нам предначертана какая-то особая миссия. Направимся на юг и давай будем надеяться, что судьба будет благосклонна к нам и дальше. По крайней мере, твои горы не сдвинутся со своего места, и мы можем повернуть к ним, если нам не останется ничего другого…

Но Форс не ответил на это. Он все свое внимание обратил на звезды. Пока что им приходилось идти по ручью, спотыкаясь об источенные водой валуны и скользя по гальке. Долго ли, коротко ли, но они наконец вошли в овраг, склоны которого из серого камня сомкнулись над ними, словно они попали в какую-то западню. Здесь они присели на плоский выступ, чтобы отдохнуть. Форс беспокойно задремал. Москиты усеяли его тело и пили кровь, несмотря на то, что он осыпал себя шлепками. Но наконец его отяжелевшая голова склонилась, и он не смог больше бороться со сном, его тело было измотано, а ум отупел от уста-

лости, бурчание воды наконец разбудило его, и он полежал, прислушиваясь, прежде чем заставил открыться распухшие веки. Он растер зудящееся распухшее от укусов гнуса лицо и слепо сфокусировал свой взгляд на поросшем зеленым мхом камне и коричневой воде. Затем он рывком сел. Теперь, должно быть, уже позднее утро! Эрскин все еще лежал рядом с ним на животе, голова его покоилась на согнутой руке. На его плече было большое красное пятно — след от ожога. Туда, должно быть, ткнулось плывшее по воде горящее дерево. А дальше по течению Форс увидел другие следы пожара — полусгоревшие ветки, тело белки с обугливщимся на спине мехом. Эту белку Форс выудил прежде, чем вода унесла ее дальше. Полусгоревшая белка могла стать настоящим лакомством, поскольку живот человека свел слишком интимное знакомство с его позвоночником. Форс положил белку на камень и счистил шкурку острием другого. Завершив эту кровавую работу, он разбудил Эрскина. Великан, сонно протестуя, перевернулся на спину, с минуту полежал, уставясь на небо, а потом сел. В свете дня его избитое лицо было похоже на чудовищную маску, испещренную пурпурно-коричневыми пятнами. Но он сумел выдавить кривую улыбку,

когда протянул руку за предложенным ему Форсом кусочком полусырого мяса.

— Пища и ясное утро — все, что нужно для путешествия!

— Уже полдень, — поправил его Форс, измеряя высоту солнца и длину тени около них.

— Ну, тогда впереди полдня — но человек может пройти довольно много миль даже за полдня. А нас с тобой, кажется невозможно остановить…

Форс мысленно вернулся к невероятным событиям последних дней. Он давно уже потерял точный счет времени и никак не мог посчитать, сколько дней прошло с того времени, когда он покинул Айри. Но в том, что сказал Эрскин, было зерно истины — их еще не остановили ни Чудища, ни народ ящериц, ни степняки Даже пожар и Земля Взрыва не стали для них непреодолимыми барьерами…

— Ты помнишь, что я сказал тебе, брат когда ты стоял на поле летающих машин? Никогда больше человек не должен воевать с себе подобными, иначе человечество полностью исчезнет с лица Земли. Древние начали смертельным дождем с небес и если мы продолжим их безумие, то будем прокляты и погибнем!

— Я помню.

— У меня не идет из головы, — медленно продолжал великан, — те вещи, что нам с тобой показали. Эти степняки рвутся воевать с моим народом — и все же в них тоже есть тяга к знаниям, которой Древние по глупости своей пренебрегли. Они порождают таких искателей, как этот Мэрфи, с которым мне хотелось бы завести дружбу. Есть и такие, как ты, из племени горцев — ты ведь не испытываешь никакой ненависти ко мне или к степняку Мэрфи. Во всех племенах можно найти людей доброй воли…

Форс облизнул губы.

— И если бы такие люди доброй воли могли сесть вместе на общем Совете…

Избитое лицо Эрскина загорелось.

— Мои собственные мысли выражены твоими устами, брат! Мы должны избавить землю от войн или, в конце концов, перережем друг друга, и то, что было начато давным-давно зернами смерти, посеянными нашими отцами, будет закончено постоянно обагряемыми кровью мечами и копьями… Мы оставим Землю Чудищам. А в такую возможность я не могу поверить!

— Кантрул сказал, что его народ должен или сражаться или умереть…

Так ли это? Есть войны разного рода. В пустыне

мой народ сражался каждый день, но его врагами были песок и жара, и сама та бесплодная земля. Если бы мы не утратили древних знаний, то, наверное, смогли бы даже укротить огнедышащие горы! Да, человек должен сражаться, или он превратится в мягкотелое ничтожество, но пусть он сражается во имя созидания, а не во имя разрушения. Я вижу свой народ обменивающимся изделиями и знаниями с теми, кто рожден в шатрах, сидящим у Костров Совета с людьми из горных кланов. Теперь настало время, когда мы должны действовать, чтобы спасти человечество. Потому что, если народ из шатров пойдет войной на юг, он зажжет, такой пожар, который не сможем загасить ни мы, ни любой другой живой человек. И в этом пожаре мы будем подобны деревьям и степной траве — полностью сгорим.

В ответ Форс мрачно растянул кожу на лице, обсыпанном пеплом, и это ни в коей мере не походило на улыбку.

— Нас только двое, Эрскин, и я, несомненно, объявлен вне закона, если жители Айри вообще заметили мой побег. Мой шанс на то, чтобы меня выслушали на Совете, был уничтожен Чудищами, когда они сожгли все мои записи, сделанные в городе А что можешь ты?

Кое-что, брат Я сын Носителя Крыльев, хотя я самый младший и самый последний из семейного клана Так что, наверное, некоторые меня выслушают, хотя бы и недолго. Но мы должны добраться до моего племени раньше степняков.

Форс швырнул в воду обглоданную кость.

— Жаль, что придется снова пешком. Хотел бы я увести тех быстроногий скакунов из табунов степняков. Четыре ноги лучше двух, когда нужна скорость.

— Пойдем пешком, — но Эрскин не смог подавить восклицания боли, когда поднялся на ноги, и Форс увидел, что он оберегал бок с раненым плечом. Однако никто из них ни разу не пожаловался, когда они спрыгнули с выступа и побрели через овраг.

У Эрскина была мечта, и великая мечта, подумал Форс, почти завидуя ему. Он же натягивал тетиву лука против Чудищ без всяких церемоний и мог драться всеми ему известными способами, когда ставкой была его жизнь, как случилось, когда степняки загнали их в угол. Но, убивая, он не испытывал никакой радости — такого с ним никогда не бывало. Как охотник, он убивал только для того, чтобы наполнить свой желудок, или для общих котлов Айри. Ему не нравилась мысль

о том, что придется пустить стрелу в Мэрфи или стоять с обнаженным мечом против Вокара, не имея никакой другой причины, кроме жажды боя... Почему жители Айри всегда сторонились других людей? Он знал древние легенды — они гласили, что жители Айри произошли от избранных людей, которые были спрятаны в горах вместе со своими женщинами, чтобы избежать конца, постигшего всю их цивилизацию, растерзанную в кровавые клочья. Они были посланы туда, чтобы хранить знания людей. Но не стали ли они в результате считать себя высшей расой? Если бы его отец не нарушил неписаного закона и не женился на степнячке, если бы Форс сам был рожден чистокровным в стенах Айри, думал бы он так, как сейчас думает? Ярл — его отец любил Ярла — очень уважал его и выдвинул в. Капитаны Звездных Людей — мог бы говорить с Мэрфи, и это была бы беседа двух острых умов, жадная, напористая. Но Ярл и Кантрул не нашли бы общего языка Кантрул был иной породы. И все же он был человеком, за которым всегда последуют другие — не отрывая глаз от его высоко поднятой головы с выразительным плюмажем из седых волос, как от боевого знамени. Сам он был мутантом, существом смешанной породы. Мог ли он говорить от

имени кого-нибудь другого, кроме себя самого? Зато теперь он знал, чего хотел — следовать за мечтой Эрскина. Он не мог поверить, что эта мечта когда-нибудь станет явью. Но борьба за нее будет его борьбой. Прежде он хотел звезду для себя лично — серебряную звезду, держать ее в своих ладонях и носить как почетный знак, чтобы добиться уважения у отвергнувших его людей. Но теперь Эрскин показал ему нечто такое, что было величественнее любой звезды. Погоди… погоди, и увидишь! Ноги его легко вошли в ритм этих двух сдав. Ручей внезапно свернул, выйдя из оврага. При помощи кустов Эрскин вылез на крутой берег Форс забрался наверх одновременно, и они увидели на юге, в полуденном небе густой столб дыма. На минуту пораженный Форс подумал о пожаре в прерии. Но он же не мог добраться сюда, они много часов назад миновали границу выжженной земли. Другой пожар, и от него этот дым? Можно было пройти вдоль деревьев, справа от них, по дорожке, петлявшей в поле, заросшем кустарником, на котором висели тяжелые зрелые красные плоды, и добраться до источника дыма, не подставляя себя под удар. Форс чувствовал, как его кожу скребут колючки ягодных кустов, но он набивал рот терпко-сладкими плодами,

пачкая руки и лицо темно-красным соком. На полпути через ягодную поляну они наткнулись на следы борьбы. Под кустом лежала искусно сплетенная корзинка, из которой рассыпались ягоды и, растоптанные, превратились в кашу. Отсюда на другую сторону поля вел след из мятой травы и поломанных кустов. Эрскин освободил из густой хватки шиповника окрашенную в тускло-оранжевый цвет полоску ткани. Он медленно протянул ее между пальцев.

— Это изделие моего племени, — сказал он. — Женщины собирали здесь ягоды, когда.

Форс потрогал острие захваченного у кочевника копья. Он очень тосковал по своему луку, даже по ощущению рукоятки меча, отобранного у него степняками. Есть приемы фехтования, которые при некотором навыке великолепно служат человеку Залов в губах полоску ткани, Эрскин пополз дальше, не обращая ни малейшего внимания на раздиравшие его руки и плечи колючки. Теперь Форс услышал тонкий воющий звук, который не рос и не спадал, а раздражающе держался на одной и той же мучающей слух высоте Он, казалось, доносился к ним вместе с ветром и дымом Ягодная поляна закончилась полосой деревьев, и сквозь них они увидели заброшенное поле боя.

Маленькие двухколесные тележки образовывали круг или часть круга, потому что в нем теперь был большой разрыв. И на этих тележках, как на насестах, сидели Птицы Смерти, слишком насытившиеся для того, чтобы улететь отсюда. В стороне лежала куча серо-белых тел, густая шерсть на них свалялась и задубела от крови. Эрскин поднялся на ноги — там, где, не боясь, сидели Птицы Смерти, врага уже не было. Монотонный вой все еще заполнял уши, и Форс начал искать его источник. Эрскин вдруг нагнулся и что-то ударил поднятым с земли камнем. Крик затих, и Форс увидел, что его товарищ выпрямился над все еще трепещущим телом ягненка. Им предстоял еще один поиск, более страшный.

Они начали его, плотно зажав рты и с болью в глазах — страшась обнаружить то, что должно было находиться среди обгоревших фургонов и мертвых животных. Но именно там Форс обнаружил первый след врага. Он почти споткнулся о колесо фургона под ним-то и лежало тощее тело с вытянутыми руками, уставясь в небо незрячими глазами. Из его голой груди торчало древко стрелы, попавшей точно в цель. Форс коснулся искусно вделанных в стрелу перьев. Он знал эту работу — сам таким же образом прикреплял

перья. Хотя на стреле не было никакого личного знака владельца, ничего, кроме крошечной серебряной звезды, так глубоко вдавленной в древко, что она никогда не могла стереться.

— Чудище! — воскликнул Эрскин при виде трупа. Форс указал на стрелу.

— Эта стрела из колчана Звездного Человека.

Эрскин не проявил к этому особого интереса, он сделал свои собственные открытия.

— Это лагерь одного семейного клана. Четыре фургона подожжены, по крайней мере, еще пять скрылись. Люди с овцами не могли бежать — поэтому они перебили стадо. Я нашел тела еще четырех этих паразитов, — он коснулся Чудища носком своего мокасина.

Форс перешагнул через задние ноги мертвого пони, все еще лежавшею в упряжи, взнуздавшей его. Меж его ребер торчал дротик Чудища. Так как здесь валялись трупы Чудищ, Форс посчитал, что атака была успешно отбита и осажденные вырвались на свободу. Вторично обыскав этот кавардак, они нашли дротики, и Форс отломил древко стрелы, на которой была звездная метка. Какой-нибудь путешественник из Айри занял свое место в одном строю с южанином, чтобы отразить атаку. Значило ли это, что Форс мог

надеяться на встречу с другом — или врагом — когда он присоединится к народу Эрскина? Колеса телег прорезали глубокие колеи в мягком торфе, и рядом с ними были видны четкие следы ног. Когда Форс с Эрскиным двинулись дальше, Птицы Смерти снова уселись пировать. Эрскин тяжело дышал, и на его лицо вернулась мрачноватость, какая была на нем, когда они стояли над могилой Норатона.

— Четыре Чудища, — озадаченно размышлял Форс, удлиняя свои прыжки, чтобы поспеть за южанином. — А народ Ящериц убил пятерых. Сколько же их всего бродит тут… Раньше никогда не было такого наглого наступления этих тварей. Почему же…

— Я там в руке одного из Чудищ нашел сгоревший факел. Может быть, пожар в лагере степняков устроили они? Точь-в-точь как и здесь, они пытались поджечь телеги и выгнать клан чтобы истребить его.

— Но раньше они никогда не выходили из развалин. Почему же именно сейчас они сделали это?

Губы Эрскина шевельнулись, словно он хотел плюнуть… Наверное, они тоже ищут, земли, или войны, или всего лишь хотят смерти тем, кто не

из их породы Разве мы можем заглянуть к ним в душу? Ха!

Колея телеги, по которой они следовали, соединилась с другой, более глубокой и широкой. Эта дорога, очевидно, была протоптана ногами и колесами повозок народа на марше. В следующее мгновение Форс (установился так внезапно, что чуть не споткнулся о собственную ногу. Невесть откуда вылетела стрела, вонзилась глубоко в землю и замерла, слегка дрожа — надменная угроза и предупреждение. Ему незачем было изучать ее Он уже знал, прежде чем протянул к ней руку, что найдет вдавленную в ее древко звезду Эрскин не остановился, он бросился налево и скорчился в тени куста, с дротиками, которые он подобрал в сгоревшем лагере наготове Форс, наоборот, неподвижно застыл на месте и протянул вперед пустые ладони.

— Мы путешествуем с миром.

Раскатистые слова его родного горного клана показались странными для его уха после всех этих последних недель. Но он не удивился, узнав человека вышедшего из зарослей деревьев справа от тропы.

Ярл был импозантен даже в простом одеянии самого последнего из жителей Айри. В регалиях

же и мундире Звездного Капитана он гораздо величественней, чем Кантрул, — гордо подумал Форс. Гораздо величественней, чем Кантрул, несмотря на все его шлемы с перьями и церемониальные воротники. Когда он подошел к Форсу, солнце ярко сверкнуло на блестящей, как метеорит, звезде у него на шее, на хорошо отполированном металле пояса, на рукоятке меча и на ножнах ножа. Эрскин подтянул под себя ноги. Он, словно Люра, был готов к прыжку на добычу. Форс свирепо махнул ему. Ярл, в свою очередь, не выказал никакого изумления при виде тех, кто его ожидал.

— Так, сородич, — он взял свой лук, словно тот был церемониальным посохом советника. — Так вот, значит по какой тропе ты идешь?

Форс отдал ему честь. И когда Ярл не принял эту вежливость, он крепко прикусил нижнюю губу. Верно, Ярл никогда в прошлом не выказывал к нему никакого расположения, но Звездный Капитан ни словом, ни делом не показал, что тот хоть сколько-нибудь отличается от остальных юношей Айри. Из-за этого он давным-давно завоевал особое место в чувствах мальчика.

— Я путешествую с Эрскином из темнокожих, моим братом, — он щелкнул пальцами, вызывая

из кустов южанина. — Его народ сейчас находится в опасности поэтому мы присоединяемся к нему.

— Ты понимаешь, что теперь ты вне закона?

Форс ощутил на языке сладость крови, брызнувшей из прокушенной губы. После того как он покинул Айри таким образом, он не мог надеяться на меньшее наказание, на более мягкий приговор Тем не менее, когда Ярл упомянул об этом так спокойно, это заставило его немного поежиться. Он надеялся, что Ярл не заметил его разочарования. Айри не было для него счастливым домом. Со времени смерти Лэнгдона он никогда не был там особенно желанным. Воистину, они давным-давно объявили его вне закона. Но это было единственное ему известное прибежище.

— У костра племени Эрскина его брата всегда встретят с радостью!

Глаза Ярла, глаза исследователя Человека, переметнулись с Форса на его спутника.

— Скоро у темнокожих не будет ни костров, ни убежища, чтобы предлагать их. Ты опоздал со своим возвращением, член клана. Барабаны отзыва уже молчат много часов.

— Нас задержали против нашей воли, — ответил Эрскин с отсутствующим видом. Он, в свою

очередь, изучал Ярла и, кажется, тот пришелся ему не совсем по вкусу.

— И задержали, похоже, не особенно вежливо, — Ярл, должно быть, разглядел каждый порез и синяк на стоявших перед ним двух молодых людях. — Ну, бойцов перед битвой всегда встретят с радостью.

— Неужели степняки?.. — начал было Форс, по-настоящему пораженный. Чтобы Кантрул смог так быстро оправиться от такой сумятицы, в которой они его оставили, было почти невероятно.

— Степняки? — вопрос Форса, по-видимому обескуражил Ярла, — Здесь нет никаких степняков. Чудища вопреки своим обычаям вышли из логовищ. Теперь множество их движется сюда, чтобы воевать со всем человечеством.

Эрскин поднял руки к голове. Он устал до изнеможения, его губы побелели, опухоль искривила половину его рта. Не произнеся ни единого слова, он упрямо двинулся дальше, но когда Форс хотел последовать за ним, Звездный Капитан поднял руку и остановил его.

— Что это за лепет о нападении степняков?.

Форс рассказал историю их пленения и проживания в лагере степняков и побега из палаточного города Кантрула. К тому времени, когда он кон-

чил, Эрскин уже скрылся из вида. Но Ярл все еще не позволял Форсу уйти. Вместо этого он изучал рисунки, начерченные им в пыли концом длинного лука. Форс нетерпеливо переступил с ноги на ногу. Но когда Звездный Капитан заговорил, было похоже, что он высказывает его собственные мысли.

— Теперь я лучше понимаю события последних двух дней.

Он высоко и пронзительно свистнул сквозь зубы. Этот сигнал, как знал Форс, разносился очень далеко. В ответ на него из травы появились два гибких мохнатых тела. Форс не заметил черного, которое терлось о ноги Ярла — потому что он упал в траву, куда его уронила мощная радость другого существа. Он катался по земле и истерически смеялся, в то время как шершавый язык Люры облизывал его лицо, а ее лапы били его с тяжеловесной нежностью.

— Вчера Наг вернулся с охоты и привел ее с собой, — рука Ярла методично гладила за ушами огромного кота, чёрный мех которого, длинный и шелковистый, отливавший на солнце синевой, завивался в его пальцах. — У нее на голове шишка. Во время вашего боя ее, должно быть, стукнули, и она потеряла сознание. И все время,

с тех пор, как Наг привел ее, она пыталась побудить меня к каким-то действиям… это касалось, несомненно, спасения твоей персоны…

Форс поднялся на ноги, а Люра все металась вокруг него, тыкаясь головой ему в ноги со всей силой своего мускулистого тела.

— Трогательное зрелище…

Форс моргнул. Он знал этот тон у Ярла. У него был талант сбивать спесь с самого самоуверенного человека и притом мгновенно. Не делая Люре никакого предложения, он последовал по тропе вслед за исчезнувшим Эрскином. Хотя он не не оглядывался, но знал, что Звездный Капитан шел за ним легким, рассчитанным на преодоление многих миль шагом, которому автоматически повиновались и его собственные ноги. Ярл ничего не говорил, оставаясь столь же безмолвным, как и Наг, черной тенью скользивший по земле. Люра, громко мурлыкая, держалась поближе к Форсу, словно боялась, что последуй она своими обходными путями, он снова исчезнет.

Они обнаружили народ Эрскина разбившим лагерь на лугу, с трех сторон окруженном рекой. Двухколесные телеги деревянной стеной окружали лагерь снаружи, а в центре виднелись серые спины овец, серовато-коричневые шкуры

лошадей в коралях, огороженных веревками, и тянущиеся меж рядов палаток семейные костры. Форс подозревал, что, должно быть, прошел без пароля какую-то невидимую линию сторожевых постов благодаря тому, что его сопровождал Звездный Капитан. Найти Эрскина было легко. Его окружала группа мужчин и огромное кольцо женщин. Эта толпа так внимательно слушала доклад разведчика, что никто и не заметил прибытия Ярла и Форса. Эрскин разговаривал с женщиной. Она была почти такой же высокой, как и стоявший перед ней молодой воин, и черты ее лица были отмечены силой. Две длинные пряди черных волос ниспадали ей на плечи, и она то и дело поднимала руку, чтобы нетерпеливо откинуть их. Ее длинный плащ был выкрашен в тот же странный пыльно-оранжевый цвет, что и найденный ими на ягодном поле обрывок ткани, а на ее руках и шее блестели обрамленные в серебро камни. Когда Эрскин кончил свой рассказ, она с минуту подумала, а затем последовал поток распоряжений, произнесенных слишком быстро на языке южан со сливающимися звуками, чтобы Форс смог понять их. Эта речь заставила окружавших ее людей разойтись, и как мужчины, так и женщины отправились выполнять ее

поручения. Когда ушел последний из толпы, она увидела Форса, и глаза ее расширились. Эрскин обернулся, чтобы поглядеть, что ее так удивило. Затем его рука легла на плечо горца, и он выдвинул его вперед.

— Вот о ком я тебе рассказывал. Он спас мне жизнь в Городе Чудищ, и я назвал его братом…

В его голосе слышалась почти мольба.

— Мы темнокожий народ, — голос у женщины был низким, но в нем чувствовался какой-то ритм, словно она пела. — Мы — темнокожий народ, сын мой. Он не нашего рода…

Рука Эрскина поднялась в нервном жесте.

— Он — мой брат, — упрямо повторил он. — Если бы не он, я давно бы уже был мертв, а клан мой никогда бы не узнал, где и как я погиб.

— В свою очередь, — Форс заговорил с этой женщиной-вождем как равный с равной, — Эрскин встал между мной и еще более страшной смертью — он не рассказал вам об этом? Но, леди, вам следует это знать — я объявлен вне закона и, таким образом, являюсь желанной мишенью для копья любого человека…

— Да? Ну, это твое дело, твое и твоего клана — и чужие не должны вмешиваться в это. У тебя белая кожа, но в час опасности какое значение имеет

цвет того, что покрывает кости бойца? Грянет час, когда нам понадобится каждый, которому мы сможем отдать приказ, могущий согнуть лук и владеющий мечом, — она нагнулась и подняла щепотку песчаной почвы, взятой у ног, обутых в сандалии. Затем она вытянула руку вперед, ладонью вверх, с этой щепоткой земли. Форс коснулся кончиком указательного пальца губ, а затем этой почвы. Но он не пал на колени, чтобы закончить этот ритуал. Он дал клятву верности, но не попросил принять его в клан. Женщина одобрительно кивнула.

— У тебя прямые мысли, юноша. Во имя Серебряных Крыльев и тех, кто некогда летал, я принимаю твою боевую готовность до того часа, когда мы, по взаимному согласию, пойдем каждый — своей дорогой. Теперь ты удовлетворен, Эрскин?

Ее собрат по клану поколебался, прежде чем ответить. На лице его была странная твердость, когда он рассматривал Форса. Он, был явно разочарован отказом горца попросить зачисления в клан. Но наконец он сказал:

— Я надеюсь на него, как на члена моего семейного клана, и хочу, чтобы он сражался под нашими знаменами и ел у нашего костра…

— Да будет так, — женщина взмахом руки отпустила обоих. Она уже смотрела на Ярла, потом повелительно подозвала Звездного Капитана.

Эрскин петлял по лагерю, поспешно здороваясь с теми, кто попытался остановить его, пока не подошел к палатке, у которой стенами служили две телеги, а крышей — широкое полотно из шерстяной материи. Круглые щиты из грубой чешуйчатой шкуры висели в ряд на козлах у входа — четыре штуки а над этими щитами ветер развевал маленькое знамя. Форс во второй раз увидал изображение распростертых крыльев, а под ними — алую звезду-метеор. Маленькая девочка с серьезными глазами подняла на них взгляд, когда они подошли. Со слабым вскриков она выронила глиняный кувшин, который держала в руках, и, подбежав, крепко прильнула к Эрскину, спрятав лицо на его покрытом шрамами теле. Он издал торжествующий смешок и высоко поднял девочку на руках.

— Это самый маленький член нашего клана, брат мой. Ее зовут Розани-Яркие Глаза. Ну, маленькая, поздоровайся с моим братом…

Робкие детские глаза посмотрели на Форса, а затем маленькие ручки откинули назад прядь волос, которые через несколько лет смогут дли-

ной соперничать с волосами женщины-вождя, и повелительный голосок приказал Эрскину:

— Отпусти меня!

Как только ее ножки коснулись земли, она подошла к горцу, вытянув руки вперед. Полуугадав правильный ответ, Форс в свою очередь протянул ей руки, и она прижала свои маленькие ладошки к его большим.

— У огня в очаге, под крышей от ночи и грозы, во время еды и питья в этом доме тебя, брата моего брата, встретят с настоящей радостью, — она произнесла все это, очень довольная своей превосходной памятью, и с немалой гордостью улыбнулась Эрскину…

— Хорошо сказано, сестричка. Ты настоящая леди этого клана…

— Я принимаю твои приветствия, леди Розани, — Форс выказал больше вежливости, чем было в его приветствии женщине-вождю.

— Теперь, — Эрскин снова нахмурился, — я должен идти к своему отцу, Форс. Он обходит аванпосты. Если ты подождешь нас…

Розани продолжала держать Форса за руку и теперь подарила ему ту же широкую улыбку, которой приветствовала своего брата.

— Вот ягоды, брат моего брата, и свежий сыр и

свежеиспеченная лепешка…

— Пир! — улыбнулся он ей в ответ.

— Настоящий пир! Потому что вернулся Эрскин. Беси говорила, что он не вернется, и все время плакала…

— Да? — взрослый брат проявил очень большой интерес к ее замечанию. Затем он отошел широким шагом, пройдя меж рядов палаток. Розани продолжала:

— Да, Беси плакала. Но я нет. Я знала, что он вернется…

— А почему ты была так в этом уверена?

Маленькая ручка притянула его поближе к козлам со щитами.

— Вот… — пальчик ее коснулся последнего щита в ряду. — Вот этот сделан из шкуры громящерицы, и Эрскин убил ее в одиночку, сам. Мой отец даже позволил Певцу Легенд сложить об этом стихи на следующем Пении у Костра — хотя он много раз говорил, что сына вождя не нужно чтить выше других воинов. Эрскин очень сильный…

И Форс, вспоминая приключения их последних дней, согласился с ней.

— Он сильный, могучий воин, и он совершил некоторые другие подвиги, о которых должен

сочинить стихи ваш Певец Легенд.

— Ты не из нашего народа. Твоя кожа… она сравнила свою кожу рук с его, — светлая. А твои волосы — как ожерелье у Беси, когда на нем сияет солнце. Ты не из нас, темнокожих людей…

Форс покачал головой. В окружении людей с темно-коричневой кожей и черными волосами его собственная светлая кожа и серебристые волосы должны быть вдвойне заметнее.

— Я пришел с гор, которые далеко на востоке, — он махнул рукой к горизонту.

— Тогда ты, должно быть, из кошачьего народа!

Взгляд Форса последовал за ее указательным пальцем. Наг и Люра сидели вместе на приличном расстоянии от овец и крепких маленьких лошадок, им явно приказали сидеть там. Но, уловив приветственную мысль Форса, Люра подошла к нему, оставив Нага сидеть на месте. Розани в восторге засмеялась и обвила ручонками шею кошки, крепко прильнув к ней. В ответ послышалось громыхающее мурлыканье Люры, и ее шершавый язык лизнул запястье девочки.

— У всех вас, людей с гор, есть друзья — большие кошки?

— Не у всех. Этих кошек не так много, и они

сами выбирают, с кем они будут охотиться и дружить. Это — Люра, мой добрый друг и товарищ в скитаниях. А вон тот — Наг, он дружит со Звездным Капитаном.

— Я знаю… — Звездный Капитан, Ярл, тот, у которого добрые глаза. Он этой ночью будет беседовать с моим отцом.

— Добрые глаза, — Форс был поражен определением, столь отличным от его собственного впечатления и того, что он, по его мнению, знал. Хотя, конечно, Розани не видела, каким он представлялся мутанту и отверженному своего племени.

От ряда семейных костров поднимался дым и приносил с собой ароматы пищи. Форс не мог не принюхиваться к ним.

— Ты голоден, брат моего брата!

— Может быть, самую малость…

Розани покраснела.

— Извини. Я снова распустила свой язык и не вспомнила о Трех Правилах. Поистине, мне позор..

Ее пальчики охватили его руку, и она потянула его под входной полог палатки.

— Садись!

Пятки Форса уперлись в кучу толстых ковриков,

он покорно подогнул свои длинные ноги и сел. Пока Розани суетилась вокруг них, Люра улеглась рядом с ним. Прежде чем Форс смог разобрать рисунки на драпировке, на стенах, Розани вернулась, неся перед собой широкий металлический таз с водой, от которого поднимался пар и разносился какой-то приятный запах растений. Через руку у нее было перекинуто полотенце из грубого материала, и она держала его наготове, пока Форс мылся. Затем появился поднос с ложкой и чашкой, наполненной тем горьким напитком, который он варил по рецепту Эрскина. Пшенная каша, сваренная с кусочками жирного мяса, и стимулирующий аппетит напиток мгновенно оказались у него в желудке. После этого, он, должно быть, задремал, потому что, когда он встал, снаружи была уже ночь, и малиновое пламя костра вместе со светом лампы боролось с тенями. Его разбудила положенная ему на лоб рука. Эрскин стоял рядом с ним на коленях, и с ним было двое мужчин. Форс приподнялся на локтях.

— Что… — он все еще был в полусне.

— Мой отец желает поговорить с тобой…

Форс собрал все свои мысли. Один из стоявших перед ним мужчин был копией Эрскина, только намного старше. У второго на шею была надета

пара серебряных крыльев, висящих на цепочке из того же материала. Вождь был меньше своих сыновей ростом, и его темная кожа была в морщинах и трещинах от знойных ветров и палящего солнца. Через его подбородок тянулся рваный шрам. Он то и дело потирал его указательным пальцем, словно тот все еще беспокоил его.

— Ты Форс из клана горцев?

Форс поколебался.

— Я был из этого клана. Но теперь я вне закона.

— Леди Нефата дала ему землю…

Единственный острый взгляд отца заставил замолчать Эрскина.

— Мой сын рассказал мне кое-что о ваших странствиях. Но я хотел бы побольше услышать об этом лагере степняков и о том, что там с вами приключилось…

Форс во второй раз повторил свой рассказ о том, что с ними произошло. Вождь окинул его тем же нагоняющим страх пылающим взглядом, который несколько минут назад так резко оборвал высказывание его сына. Но Форс решительно встретил его.

— Ты, Рэнс, — вождь повернулся к юноше, стоящему рядом с ним, — сообщи об этом развед-

чикам и каждый час обходи западные аванпосты. Если начнется атака, на круглых холмах должны быть зажжены сигнальные костры. — Ты это должен твердо вбить в головы воинам…

— Видишь, странник… — вождь говорил через плечо, обращаясь к тени около двери, и Форс впервые заметил там четвертого присутствующего. — Мы идем на войну не будто на пирушку, как это делают степняки! Но если это необходимо, мы умеем драться! Мы, которые лицом к лицу встречались с разъяренными гром-ящерицами и снимали с них шкуры, чтобы натягивать на свои церемониальные щиты…

— И не испытываете большого страха перед пиками степняков, они всего лишь люди, — похоже, что Звездного Капитана это слегка позабавило. — Наверно, ты прав, Лэнард. Но не забывай, что Чудища тоже бродят повсюду, а они меньше, чем люди — или больше!

— С тех пор, как я приказывал боевым барабанам бить столько раз, сколько лет моему младшему сыну, я никогда не забываю об этом, чужеземец! Никогда не забываю об одной опасности, когда сталкиваюсь с другой!

— Прошу прощения, Лэнард! Только дурак пытается учить выдру плавать. Да будет война

предоставлена воинам…

— Воинам, которые слишком долго сидели в праздности! — отрезал вождь. — Всем разойтись по постам!

Эрскин и его брат вышли, вождь нетерпеливо потопал вслед за ними. Форс хотел было последовать туда же.

— Подожди!

В этом слове послышался щелчок кнута. Форс напрягся. Ярл не имел никакого права командовать им — у него не было ни малейшей власти над тем, кого лишили клана, кто был вне закона. Но он положил руку на голову Люры и ждал.

— Эти люди, — продолжал Ярл так же отрывисто, — могут быть разбиты, попав между двух врагов. Отступать не в их правилах, и в их родной стране они были непобедимыми. Теперь они пришли на эту новую территорию и дерутся на чужой земле против тех, кто хорошо знает ее. Они столкнулись с гораздо худшим, чем полагают, но если им открыть эту истину — они не поверят.

Форс ничего не ответил на это и минуту спустя, Звездный Капитан продолжил:

— Лэнгдон всегда был моим добрым другом, но он был опрометчив и не всегда ясно видел дорогу…

При этой критике его отца Форс встрепенулся, но снова ничего не сказал.

— Ты же, хоть и юн, нарушил закон клана, пойдя своим собственным путем в гордыне и упрямстве…

— Я не прошу ничего, что может дать Айри!

— Может быть, оно и так. Я дважды выслушал твой рассказ — ты, я думаю, привязался к этому Эрскину. И у тебя есть глаза и талант для того, чтобы влезть в шкуру другого человека. Этот Мэрфи… может быть, это тот, кого нам следует хорошенько запомнить. Но Кантрул боец, и он другой породы. Дай ему с кем-нибудь сражаться, и он скорее прислушается к мыслям других, если перед ним будет победа. Отлично, наша задача — дать ему с кем сражаться — с кем-нибудь другим, а не с этим племенем!

— Что?.. — Форс в огромном изумлении смог произнести только это слово.

— Чудища. След с хорошей приманкой может привести их на север к лагерю степняков.

Форс начал догадываться, что имел в виду Ярл. Он сглотнул, его горло и рот вдруг пересохли. Быть приманкой для Чудищ, бежать на север, опережая на шаг-другой самую отвратительную смерть, которую он только знал…

— Такая задача может быть по силам только нам..

— Ты имеешь в виду — не говорить об этом Лэнарду?

— Лучше всего не говорить. Сейчас этот план в их глазах не имеет никаких достоинств. Ты — отверженный чужак, у которого, вполне может быть, совсем нет желания сражаться не за свое дело. Если бы ты дезертировал из лагеря, сбежал…

Ногти Форса вонзились в ладони, когда он сжал кулаки.

Показать перед Эрскином себя трусом, спасающим свою шкуру — просто потому, что Ярл придумал этот дикий план… И все же какая-то часть его ума признала правильность рассуждений Звездного Капитана.

— Если степняки и это племя передерутся, вполне может статься, что Чудища прикончат и тех, и других.

— Ты не должен убеждать меня, что один плюс один будет два, — сплюнул Форс.

Где-то напевал детский голосок. И брат этого ребенка вытащил его живым из Долины Ящериц…

— Когда мне выступать? — спросил Форс у Звездного Капитана, ненавидя его и каждое слово, которое произносил он сам.

11.

Форс снова был благодарен мутации, которая дала ему острое ночное зрение. Потому что он почти час полз по древнему придорожному кювету, не отставая от маленького отряда воинов, которых вел Эрскин. Избитая поверхность ближайшей дороги как сталь сверкала в лучах полной луны, но он твердо был уверен, что только он мог ясно видеть то, что происходило в густой тени. Он был рад снова ощутить тяжесть лука и колчана со стрелами на своих плечах — хотя лук был коротким оружием южан, с двумя тетивами, а не длинный, к которому он привык. Однако меч у него был похож на его старый меч и казался специально сделанным для Форса. Если бы он действовал не по плану Ярла, он мог бы быть по-настоящему счастлив в этот час. Следовать за Эрскином, как один из членов его племени… быть безо всяких вопросов принятым теми, кто его окружал… Но он поклялся положить конец всему этому своими собственными действиями… как только наступит подходящий момент. Ярл ушел в разведку на запад, его гнало то же стремление. Они могли снова встретиться после своего ухода из племени или же больше никогда не увидеть друг друга. Форс послал Люре без-

молвный призыв. Если они уже сегодня уйдут в дикую местность, ему придется полагаться на ее хитрость и инстинкт. — даже больше, чем на свои собственные. Древняя дорога изгибалась вокруг подножья возвышенности. Форс остановился… действительно ли он заметил быстрое движение в кустах на полпути вверх по склону этого холма? Его рука легла на голень человека перед ним, и он сильно надавил на нее, зная, что этот сигнал быстро пройдет по цепочке. Словно молния кремово-белого цвета, Люра пересекла дорогу и направилась вверх. То, что он мельком заметил, находилось намного выше. Люре предстоит выяснить, что это такое. Неожиданно на склоне возникла суета, и Форс увидел контур скорчившегося тела. Острая линия плеч этого существа была ему слишком знакомой Чудище!

Воздух прорезал визг Люры, заглушая предупреждение, которое выкрикнул Форс. Кусты дико закачались, когда она атаковала. Но у нее были свои инструкции, ей было сказано, чтобы она сейчас не убивала, а только пугала и гнала. Черная тварь выскочила из своего укрытия, молотя руками, как цепами, тогда как спутники Форса опустились на колени со стрелами в луках наготове. Вылетела туча оперенных стрел.

Большинство стрелков, как показалось Форсу, стояли слишком близко, и это было неудобно. Стрельба вверх по склону всегда была сложным делом. Чудище с отчаянием быстро удирало через вершину холма. И оно исчезло прежде, чем люди успели произвести второй залп. Эрскин прополз вдоль цепочки разочарованных спутников и присоединился к Форсу.

— Это был разведчик? — спросил он.

— Может быть. Раньше они всегда охотились стаями. Если это был разведчик, теперь он доложит о нас остальным.

Эрскин задумчиво покусал кончик большого пальца. Форс знал, что его мучило теперь. Засада — вот чего он боялся больше всего. Они немного знали о тактике Чудищ — но лежать в темноте и поджидать добычу — это, кажется, было в натуре столь грязных тварей. В разрушенных городах они всегда, когда могли, нападали из-за укрытия. В конце концов, Форс поступил именно так, как и задумал — дал сигнал пробираться дальше, пока они не дойдут до своего поста — небольшого холма, на котором несколькими днями раньше был сооружен из камней маяк. Поэтому они поползли дальше. Люра поползла сбоку от них. Они беспрепятственно достигли холма с маяком.

Оказавшись там, Эрскин сменил стоявшего на посту часового. Рассвет был уже близок. Серый полумрак придавал обычным деревьям и кустам странный вид, и казалось, что они отрезаны от реального мира каким-то тонким барьером. Тот, кто сооружал маяк, срубил или обрубил большинство кустов и молодых деревьев, так что вершина холма стала голой и местность хорошо просматривалась на большом расстоянии. Форс сначала рассмотрел лагерь у реки, а затем занялся рассматриванием других ориентиров, которые могли помочь ему держать правильный курс, если он в скором времени отправится на север. Люди, которых они сменили, довольно четким строем шли вниз по склону холма, готовые лечь под защиту дорожного кювета. И вдруг последний в этой цепочке беззвучно вскинул руки и упал. Ближайший его товарищ обернулся в этот момент и бросился ему на помощь. Но он захрипел и упал на колени, пытаясь вырвать дротик из своего горла. Люди рассыпались и побежали назад. Но прежде чем они смогли достичь жалкого убежища, каким являлся маяк, погибло еще двое — сталь Чудищ вонзилась в их гибкие тела. Только один смог прорваться к воинам наверху. И теперь они стояли наготове, ругаясь, что не в

состоянии стрелять в спрятавшегося врага.

Люра выскочила из укрытия внизу. Она приблизилась к Форсу, широко открыв свои голубые глаза. Получив от него вопрос, она качнула головой из стороны в сторону. Так значит, они окружены! Может быть, теперь уже поздно играть в игру, задуманную Ярлом. Но даже когда погасла эта надежда, он знал, что нет никакого другого выхода — что наступило как раз подходящее время для его ухода. Чудища наверняка пойдут по его следу. Он должен будет в открытую оставить Эрскина, даже бросив его на верную смерть!

— Мы окружены, — передал он то, что узнал от Люры.

Эрскин кивнул.

— Так я и подумал, когда она подошла к нам. Ну, теперь нас вынудили защищаться, — он повернулся к окружавшим его воинам. — Ложись! Всем ползти в кусты. Мы сейчас представляем для них великолепные мишени.

Но прежде чем этот приказ начали выполнять, человек рядом с ним вскрикнул от боли и схватился за руку, в которой торчал дротик. Все как один бросились искать какое-нибудь укрытие. Эрскин тащил на себе раненого соплеменника.

Но маяк был плохим укрытием. Самое худшее заключалось в том, что они не могли увидеть врага. Если бы они получили возможность отбиваться! Опытные и закаленные воины, они знали, что лучше не тратить стрелы на пустые лесные прогалины, где все было неподвижно. В этой битве решающее значение имело терпение. Форс еще раз послал Люру на разведку. Он хотел узнать, нет ли какого-нибудь разрыва в оцеплении, которое устроили Чудища. Если таковое было, следовало прорваться через него и двинуться на север. Если он сумеет прорваться. Чудища, наверное, подождут, чтобы посмотреть: не направился ли он к лагерю у реки, и уж потом они последуют за ним. Значит, он сначала должен показать им, что он сбился с пути, а потом азарт погони должен увлечь часть Чудищ по его следу. В это утро они потеряли еще двоих. Эрскин, перебегая от одного воина к другому, нашел одного из них убитым, пришпиленным дротиком к земле, и еще у одного была ранена нога, и он перевязал эту рану. Когда южанин вернулся к Форсу, он был очень серьезен.

— В полдень лагерь пришлет нам смену. Если мы зажжем маяк, чтобы предупредить их, они снимутся всем лагерем и могут попасть прямо в

засаду. Но Карсону пришло на ум, что он помнит кое-что из древнего разговора при помощи дыма, и он решил попробовать. Только те, кто будет сигналить, подставят себя под огонь врага, южанин нахмурился, глядя на безмолвный лес.

— Нас сейчас только пятеро, и двое из нас ранены. Если мы погибнем, а племя будет спасено, — цель будет достигнута.

Форс боролся с порывом вызваться добровольцем. Он болезненно отнесся к легкому колебанию, с которым посмотрел на него Эрскин, но ничего не ответил. Затем южанин повернулся и пополз к центру маяка. Форс пошевелился. Он мог бы поползти следом за своим товарищем, не улови он чего-то, что заставило его скорчиться в напряжении и приготовиться. Внизу на мгновение показалась голова Люры. Она нашла разрыв в цепи, который он послал ее искать. Теперь он тоже начал прокладывать себе путь вниз по холму. Он бегом рванется через открытое пространство и не должен допустить, чтобы его подбили, если сможет правильно вызвать стрельбу, которая иначе будет сосредоточена на воинах у маяка. Он облизнул сухие губы. Лук и колчан со стрелами придется оставить и взять с собой только меч и охотничий нож. Да, он не ошибся. Коричневые

уши Люры снова четким контуром показались на фоне заросшего зеленым мхом камня. Она ждала его. Он подобрал под себя ноги и, словно стрела, пущенная из лука, выскочил из укрытия и понесся зигзагами вниз по склону. Сзади него раздался единственный крик удивления, а затем он уже был в лесу, и Люра вместе с ним. Теперь он сосредоточился непосредственно на выполнении своей задачи. Он пронесся через ряд низкорослых деревьев, почти не стараясь скрыть свой след. Люра предупредила его, что их преследуют, и сердце его заколотилось. Сейчас… сейчас у него были только его собственные ноги, охотничий опыт и чувство направления — против всей хитрости врага. Он должен представляться лакомым кусочком, каждый раз только чудом ускользающим, от лап преследовавших его врагов, и все же он не должен был попадать в плен, и привести погоню на территорию степняков, так, чтобы Кантрул был спровоцирован на боевые действия. Когда Ярл все обрисовал ему, этот план показался столь же прост, сколь и смертельно опасен. Но сработает ли он?

В течение всего остального дна он изредка мог передохнуть, и всегда только после того, как Люра подтверждала, что его все еще преследуют.

Однажды он сам осмелился удостовериться в этом, вскарабкавшись на утес и перейдя ручей. Он задержался в небольшой расщелине наверху достаточно долго для того, чтобы увидеть вышедшие позади него из леса на расстоянии полумили три серые фигуры. Первая бежала на четвереньках, все время нюхая землю. Трое из скольких? Но люди на маяке, должно быть, уже предупредили лагерь. Сейчас он не должен думать ни о чем другом, кроме своей задачи. Если глаза и уши всегда хорошо ему служили, сейчас они должны служить ему еще лучше. Как бегун, обретающий второе дыхание, он теперь сможет проявить больше хитрости. Чудища должны поверить, что его погнал от маяка в степь страх. Но это не помешает ему проявить побольше осторожности. Он испробовал несколько трюков, не очень сложных, и подождал заключения Люры. Оно было благоприятным: погоня все еще продолжалась… За несколько часов до наступления темноты он повернул на запад, пытаясь пересечь дорогу, которая вела к озеру бобров и, стало быть, к лагерю Кантрула — если только пожар не заставил степняков покинуть это место. Он ел на ходу ягоды и пригоршни зрелого зерна, сорванного на древних полях, когда-то засеянных этим зерном. В старом

саду, через который он проходил, висели твердые полусозревшие груши, и он набрал их достаточно, чтобы поддерживать себя на ногах, запивая все это водой из речки. Ночью было хуже. Ему пришлось прилечь отдохнуть, забравшись на ветви дерева, достаточно близко к выступу скалы, чтобы спрыгнуть на него, если будет нужно. Люра чутко дремала на этом выступе, ее кремово-коричневый мех сливался с обветренным камнем. Он просыпался, чтобы размять затекшие мышцы, а потом снова дремал. До утра он дважды перемещался, уходя на расстояние мили от места прежнего отдыха и каждый раз выбирая такое, с которого можно было бы быстро отступить. Когда занялся серый рассвет, он лежал, растянувшись, на обрыве, нависшем над ручьем, который, как он был в этом уверен, вытекал из озера бобров. Куски обугленного дерева, застрявшие внизу среди валунов, тоже свидетельствовали об этом. Ручей обмелел: наверное, бобры начали ремонтировать проломленную плотину. Форс лежал над водой, каждый сустав его гудел, и каждый мускул протестовал против движения. Ему казалось, что он бежит уже много дней. С тех пор как они с Эрскином покинули разрушенный город, они все время двигались с небольшими остановками

на отдых или вообще без всякого отдыха. И в ближайшем будущем отдыха не предвиделось… Он встал лицом вниз по течению, глядя на воду, вокруг он увидел странное зрелище. Вверх по реке плыло животное, особым образом поводившее носом вдоль берега, и было похоже, что оно что-то искало. Наконец оно достигло того места между двух камней, где Форс опустился на колени, чтобы напиться. Прежде чем вскарабкаться наверх, оно вылезло из воды, присело на задние конечности, держа свои передние лапы около своего более светлого брюшка, высоко подняв голову и нюхая воздух вокруг себя. Это была крыса — одна из огромных, с серой шкурой, из той древнейшей породы, с которой человек вел вечную войну испокон веков. Крыса… Форс вспомнил солнечное утро возле развалин магазина древнего города, когда вот такой же точно зверь сидел, без всякой тревоги наблюдая за ним и Эрскином. Крысы процветали в городах — это знали все. Но даже там люди по большей части не видели их. Они жили под землей, в зловонных норах, они прорывали себе дорогу и переходили из подвала в подвал, пользуясь древней канализацией.

Крыса отряхнулась. Восходящее солнце блеснуло на ее шее, когда она подняла голову повыше.

Металлический ошейник! Наверняка это был металлический ошейник. Но ошейник на шее крысы… зачем?.. Кто его надел? Кто жил в городах? Кто мог приручать и использовать крыс? Он знал ответ. Но зачем? Одна крыса была не особенно опасной — не столь великолепный союз, как, например, Люра. Они были опасны только в стаях. Стаи!.. Крыса вспрыгнула на валун и начала насухо вылизывать себя, словно она только что успешно выполнила поставленную перед ней задачу и теперь у нее появилось время для себя лично. Да, Форс не был введен в заблуждение какой-нибудь игрой света — когда голова зверя дернулась и повернулась, ошейник стал четко виден. Он был сделан из плоских звеньев. Вдруг эта тварь прекратила заниматься своим туалетом и замерла совершенно неподвижно, ее глаза-бусинки уставились вниз по течению. Форс замер, как вкопанный. Он должен был увидеть, что тут произойдет. Те же самые мысли он уловил и от Люры, которая распласталась на скале в нескольких футах от него, ее зубы оскалились в безмолвном рычании.

Сперва они услышали всплеск, и для плеска воды этот звук был слишком регулярным. Если бы он смог уйти сейчас!

Неуклюжая фигура, шлепая по мели вокруг источенных водой камней, приблизилась к ним. Форма ее была странной, но Форс вглядывался в нее до тех пор, пока не понял, что горбатая спина этой твари в действительности была плетеной клеткой. Когда она приблизилась, крыса противно оскалила зубы, но не попыталась убежать. Чудище подошло, лениво протянуло свою длинную руку и подцепило крысу за ошейник. Та щелкала зубами к дико царапалась. С легкостью, приобретенной в результате долгой практики, хозяин крысы бросил свою пленницу через дверцу в клетку и снова захлопнул ее. Из последовавшего за этим дикого визга Форс заключил, что там находилась не одна крыса. Но Люра уже поднялась со своего наблюдательного пункта, и он знал, что она была права. Им самое время было уходить. Но и убегая, он продолжал недоумевать. Почему крысы? Наверное, Чудища ночью отдыхали и посылали крыс, чтобы выследить его. Если это правда, то его ночевки на деревьях, должно быть, сбили их с толку на некоторое время. Или крысы тоже лазили по деревьям? Ему хотелось больше узнать об их привычках. И почему никто из Звездных Людей не обнаружил такого использования крыс во время

своих столкновений с Чудищами? Не было ли это еще одним новым предзнаменованием прорыва нечеловеческих сил из их вечных убежищ, предпринятого с целью бросить вызов потомкам Древних? Все древние легенды о Чудищах промелькнули в его голове, пока он механически заметал после себя след, чтобы задержать, но не сбить погоню. Считалось, что Чудища были потомками обитателей городов, получивших полную дозу радиации, чьи дети так изменились внутренне и внешне, что совсем перестали быть людьми. Это было одно из объяснений. Но была также и другая гипотеза об их происхождении. И она состояла в том, что Чудища были потомками вторгшегося врага, солдат как мужского, так и женского пола, которые высадились, чтобы, оккупировать страну, а затем о них забыли, когда их собственная популяция исчезла под атомными бомбами возмездия. Солдаты были в замешательстве и совершенно растерялись, когда перестали приходить всякие приказы и упрямо цеплялись за позиции, которые их послали захватить. Они оставались там, несмотря на радиацию. Какая бы из теорий ни была правильной, Чудища, хотя они и возбуждали отвращение и инстинктивную ненависть к ним среди людей, тоже были

жертвами трагической ошибки Древних, так же разбившей их жизни, как и города людей.

Форс медленно вступил в первый клин земли, опаленной пожаром. Впереди простиралась черная и безлюдная пустыня И там не было почти никаких укрытий. Ему придется пойти на риск оказаться окруженным Чудищами, быть обнаруженным Чудищем-крысоносцем, но снова двинуться по берегу реки. В воздухе висел густой запах гари, вонь заставляла Форса откашливаться, пепел поднимался у него из-под ног. То тут, то там упавшие деревья продолжали еще тлеть. Наверное, лучше всего было идти по воде. Кашляя, протирая глаза, Форс пробирался через камни, и однажды ему пришлось плыть против течения.

Здесь вода была намного выше нынешнего уровня ручья. Это доказывало, что бобры, по крайней мере, частично, уже отремонтировали плотину. Затем он перелез через самую плотину. Перед ним было озеро, опоясанное черным пепелищем пожара. Если бобры не переселятся, им придется голодать. Пройдет целый год, прежде чем тут снова начнут прорастать молодые деревья, и несколько поколений, прежде чем деревца станут такими же высокими, какие здесь выгорели.

Форс, нырнул в воду. Даже здесь его не покидал запах дыма и гари. Повсюду плавали мертвые тела: оленя, дикой коровы и недалеко от противоположного берега — лошади, на раздутом боку которой был изображен знак степняков. Форс проплыл мимо нее и направился к впадающему в озеро ручью, по которому он и Эрскин вырвались на свободу. Но прежде чем покинуть озеро, он оглянулся. Через плотину бобров перелезала горбатая фигура крысоносца. За ней лезли три других. Они остановились на верху плотины, колеблясь, словно боясь или воды, или все еще дымившегося берега. Потом появилось еще пятеро Чудищ. Форс отпрянул назад, за полукруг камней. План Ярла удавался. У него не было никакого способа определить, сколько Чудищ находилось в засаде у холма с маяком, но следовавший за ним по пятам отряд был достаточно многочисленным, чтобы заинтересовать Кантрула. Чудища были жестокими и страшными бойцами, и они никогда не ходили в открытую атаку. То, что сейчас они шли так открыто, показывало, насколько они его презирали. Форс следил за ними и увидел, как вместе с крысиной клеткой крысоносец вошел в озеро. Один из его товарищей оторвал от плотины кусок бревна,

чтобы сделать из него плот для перевозки клетки. Затем все они поплыли, неуклюже, но уверенно, по очереди толкая перед собой клетку.

Форс пустился прочь, тормозя каблуками на покрытых илом камнях, вода в ручье поднялась до пояса, и он тяжело пробирался по руслу и пытался увернуться от плывших по ручью бревен. Остров зеленой травы, который он увидел там, где ожидал увидеть только гарь и пепел, почти шокировал его. Перед ним плотной стеной высился неопаленный камыш. Глинистый берег над камышом был густо усеян следами копыт, некоторые из этих следов были еще совсем свежие. Значит, степняки все еще были тут. Следы Люры перемежались с другими следами, отпечатки ее когтей на глинистом обрыве были отчетливы. Форс ухватился за прочные жесткие корни куста и подтянулся. Он влез наверх и сделал два шага. Затем он споткнулся и покатился по земле, Ему сделали подножку И упав, он услышал визг злобного смеха. Рука его крепко сжала рукоять меча, и он обнажил его почти сразу же, как только вобрал в легкие воздух. Он встал с мечом в руке, он был готов и ждал.

Форс увидел именно то, что и ожидал — кольцо сомкнувшихся вокруг него жилистых серых

тел. Чудища, должно быть, скрывались в траве. Немного дальше Люра, тоже пленница, билась в туго сжимавшей ее шею петле, вырывая из земли большие клочья торфа в борьбе за свою свободу.

Следующий рывок аркана свалил его и поволок вперед под аккомпанемент нечеловеческого смеха. Теперь он смог сделать только одно. Не пытаясь вновь подняться на ноги или даже на колени, Форс на животе рванулся по земле к Люре. Казалось, что этот шаг застал врасплох его врагов. Никто из них не мог предотвратить взмаха меча, перерубившего веревку, душившую большую кошку. И в тот же миг его приказ молнией достиг сознания Люры.

Найди Нага и того, кто охотится с Нагом Найди!

Она скорее присоединится к другой кошке, чем подойдет прямо к Ярлу. Но там, где бегает этот черный кот, найдет ее и Звездный Капитан. Люра собрала под собой мощные лапы. Затем она прыгнула по огромной дуге, пролетев над головой одного из Чудищ. Вырвавшись из окружения, она полоской светлого меха мелькнула в траве и пропала. Форс воспользовался минутой замешательства, чтобы рассечь веревочные петли вокруг своих голеней и успел освободить

одну ногу, прежде чем Чудища снова пришли в ярость и сосредоточили все свое внимание на оставшемся пленнике. Теперь у Форса уже не было никакой надежды. Он гадал, сколько секунд ему осталось жить, прежде чем он упадет, проткнутый дротиками, которые метнут в него Чудища. Но, когда теряешь надежду — атакуй! Совет этот, некогда данный ему Лэнгдоном, заставил его как можно крепче сжать меч. Скорость… Причинить врагу как можно больше вреда. Не было никаких шансов остаться в живых, пока Люра не разыщет Ярла, но он мог прихватить с собой на тот свет нескольких из своих убийц. С энергией металлической пружины, так же, как и Люра, он прыгнул на одного из Чудищ, окружавших его. Меч его поднялся и крутанулся в яростном ударе, самом опасном из известных ему. И он бы нанес его, не останься одна нога в путах. Ему удалось только вспороть серую шкуру, не нанеся при этом глубокой смертельной раны, как он рассчитывал. Остался лишь мелкий порез, красной линией прочерченный поперек всего брюха одного из Чудищ.

Он нырнул под удар, нацеленный ему в голову, нырнул и снова сделал выпад. Затем его рука с мечом обмякла, меч выпал из его онемевших

пальцев, когда один из дротиков попал в цель. Удар кулаком, нацеленный ему в скулу, прежде чем он успел поднять свою левую руку, заставил его отшатнуться назад, перед глазами вспыхнуло красное пламя, потом он провалился в пустоту.

Боль возвращала его обратно, красная агония боли мчала по его жилам, как огонь. Огонь же начинался от его раненой руки. Он попытался чуть подвинуться и обнаружил, что его лодыжки и запястья остались неподвижны, он был привязан, распят на вбитых в землю кольях. Ему трудно было открыть глаза, левое веко приклеилось к его щеке. Но теперь он смотрел на небо. «Так, значит, я еще не мертв», тупо подумал он. И, поскольку дерево в поле его зрения было зеленым, он все еще должен был находиться недалеко от того места, где его взяли в плен. Он попытался приподнять голову, на мгновение осмотрелся вокруг мутным взглядом, а потом его так затошнило, что он снова уронил ее и закрыл глаза, чтобы не видеть этого кружащегося неба и колеблющейся земли. Потом начался шум, который звенел у него в голове, пока он снова не заставил свои глаза открыться. Чудища гнали еще одного пленника. Судя по прическе, это был степняк. И его свалили наземь одним ударом и привязали к ко-

льям рядом с Форсом. Чудища одарили его парой пинков, от которых затрещали ребра, а потом ушли, делая жестами намеки, не оставлявшие надежды на будущее. Голова Форса казалась ему толстой и тупой, он не мог собраться с мыслями, и туман окутывал его мозг. Оставалось просто лежать, не двигаясь, и насколько можно, терпеть боль в руке. Пронзительный визг вытолкнул его из тумана боли и тошноты Он повернул голову и в нескольких футах от себя увидел корзинку с крысами. Несшее ее Чудище издало вздох облегчения, сбросив свою ношу и присоединившись к трем или четырем собратьям, отдыхавшим под ближайшим деревом. Их гортанные приветствия ничего не значили для Форса. Но он вообразил, что сквозь щели в корзине видит искры красноватого света — маленькие подлые глазки наблюдали за ним. У этих крыс был какой-то жуткий разум. Крысы вдруг как-то сразу притихли, только иногда та или иная из них коротко взвизгивала, словно делая замечание своим товаркам. Как долго крысы и Форс следили друг за другом? Времени в обычном понимании для горца больше не существовало. Но вот Чудища развели костер и стали жарить рваные куски мяса, все еще покрытые лошадиной шкурой. Когда запах

жареного мяса дошел до крыс, они словно взбесились: бегали по клетке, пока та не закачалась, и визжали во всю мощь своих отвратительных тонких голосов. Но никто из хозяев не сделал ни малейшего движения, чтобы поделиться с ними конским мясом. Когда одно из Чудищ наелось, оно подошло к клетке и потрясло ее, что-то крича. Крысы затихли, их глаза снова показались в щелях клетки, и теперь они глядели только на пленников — красные, сердитые, голодные глаза. Форс попытался убедить себя, что навоображал лишнего, что из-за своих мук он просто не смог справиться с воображением. Конечно же, Чудище не обещало крысам того, во что Форс осмеливался поверить, чтобы не потерять всякого контроля над своим разумом и волей. Но красные глаза следили и следили за ним. Он видел острые когти, пролезающие между плетеных прутьев, и блеск зубов, и слегка слезящиеся глаза..

По тому, как удлинились тени, он понял, что было уже далеко за полдень, когда в лагерь явился третий и последний отряд Чудищ. И с ними был вожак. Он был не выше других членов его племени, но соответствующая надменность, уверенность, осанка и походка делали его на голову выше прочих. Его безволосая голова была

узкой, с тем же носом-щелью и выступающими клыкастыми челюстями, но черепная коробка его была выпуклой, вполовину больше, чем у любого другого Чудища. В его глазах светился холодный ум, и в том, как он смотрел на окружающее, была некая особенность, которую Форс не пропустил. Это Чудище не было человеком — нет, но оно не было также и таким животным, из каких состояла его стая. Можно было почти поверить в то, что именно он и был той таинственной силой, которая вывела эту отвратительную банду из городов на открытую местность. Теперь вожак подошел и встал между пленниками. Форс отвернулся от клетки с крысами, чтобы твердо встретить взгляд этих странных глаз. Но горец не смог прочитать в них ничего понятного, а выступающие челюсти Чудища не выражали никаких эмоций, которые могли бы быть доступны человеку. Вожак Чудищ мог быть сильно возбужден, обижен или всего лишь полон любопытства, когда он уставился сначала на одного из привязанных пленников, потом на другого. Но следующий его шаг определенно был продиктован любопытством, потому что он вдруг сел между ними, скрестив ноги, и произнес первые настоящие слова, когда-либо слышанные Форсом от Чудищ из города.

— Ты — откуда? — он спросил у степняка, который не захотел или не смог ответить.

Когда тот не ответил, вожак Чудищ нагнулся и с расчетливостью, которая была столь же жестокой, как и сам удар, сильно хлестнул пленника по губам. Затем он повернулся к Форсу и повторил свой вопрос.

— С юга, — прохрипел Форс.

— Юга, — повторил вожак, странно искажая это слово. — Что за юг?

— Люди — много, много людей. Десять десятков десятков…

Но то ли эта сумма была вне пределов понимания этой твари, сидящей рядом с ним, то ли он не поверил в ее правдивость, потому что он закудахтал в жуткой пародии на смех и, протянув кулак, обрушил удар на раненую руку Форса. Форс потерял сознание, погрузившись в темноту, пронизанную болью.

Крик снова привел его в сознание. Эхо этого крика все еще звенело у него в ушах, когда он заставил свои глаза открыться, попытавшись разобраться в бешено пляшущих пятнах света и тени. Второй крик боли и ужаса привел его в себя. Вожак Чудищ все еще сидел между пленниками и на вытянутой руке держал извивающееся тело

одной из голодных крыс. На клыках этой твари было что-то красное, и еще больше красных капель упало на ее грудь и передние лапы, так как она изо всех сил сражалась с вожаком, не пускающим ее к пище.

Линия истекающих кровью ран на руке и боку степняка рассказала ему обо всем. Искаженное лицо степняка было маской мучительного отчаяния, и он ругался неразборчивыми словами, переходящими в пронзительный крик всякий раз, как только вожак Чудищ подносил крысу поближе. Но отчаянные рыдания пленника прервал крик ярости, изданный вожаком. Крыса изловчилась и куснула один из державших ее пальцев. Вожак Чудищ с рычанием перекрутил извивающееся тело. Раздался треск, и теперь уже неподвижная тварь была отброшена. У нее был сломан хребет. Вожак поднялся на ноги, сунув укушенный палец в рот. Отсрочка — но надолго ли? Чудища, казалось, чувствовали себя в безопасности в этом месте, где они разбили свой лагерь. Они не пошли вперед, на ночь глядя. Но как раз в то мгновение, когда Форс подумал об этом, сцена изменилась. Из кустов появились еще двое Чудищ. На себе они тащили изрубленное и растоптанное тело одного из своих. По этому по-

воду они провели поспешное совещание, а затем вожак пролаял приказ. Крысоносец поднял свою ношу, а четверо самых крупных из его собратьев подошли к пленникам. Они ножами рассекли путы, рывками и тычками подняли развязанных на ноги. Когда стало ясно, что ни один из них не может идти самостоятельно, последовало второе совещание. По жестам Чудищ Форс догадался, что некоторые из них были за то, чтобы сразу же убить их, но вожак был против. Двое Чудищ ушли и вскоре вернулись с крепкими молодыми деревцами, даже не очищенными от веток. И через минуту-другую Форс оказался привязанным к одному из них, вися лицом вниз, и двое Чудищ потащили его, идя обманчиво легким шагом.

Он никогда много не думал о той ночи. Несшие его Чудища время от времени менялись, но сам он качался в прострации, пробуждаясь только тогда, когда его больно бросали на землю во время пересменки. Они, должно быть, на какое-то время остановились, когда он услышал этот звук. Он лежал на земле, плотно прижавшись к почве ухом. И сперва подумал, что тот дробный стук, который он слышал, был шумом его собственной крови, струящейся по охваченному лихорадкой телу, или же он был еще одним мрачным Кошмаром.

Но он продолжался, звучал все время, живой и какой-то возбуждающий. Когда-то давным-давно он уже слышал такой звук — и он имел для него значение. Но значение было забыто. Сейчас он осознавал только свое тело, массу боли, которая как бы отделилась от его сознания. Форс мысленно удалился прочь — подальше от этой боли — а то, что от него осталось, не могло думать, оно могло только чувствовать и терпеть.

Вскоре эта отдаленная дробь была прервана другим, более близким стуком. И это звук он некогда знал. Но сейчас и он не имел никакого значения. Надо было следить за красными глазами, уставившимися на него сквозь щели в метке: голодные красные глаза горели от нетерпения, становясь все голоднее и требовательнее. И эти глаза будут все приближаться, а с ними, конечно, и зубы. Но и это не имело, особенно теперь, большого значения.

Где-то вдали послышался крик, вызвав у него в ушах звон, но не отразившись в их глазах, которые по-прежнему следили и ждали.

Дробь теперь наполняла воздух, билась в нем. Неожиданно грубые руки подняли его и стали удерживать на ногах. Он по-прежнему был крепко привязан — или ему так казалось, его

конечности слишком онемели, чтобы ощущать путы. Но он стоял достаточно прямо, глядя вниз, в гребень холма. И он видел накатывающийся на него сон, который не имел к нему, казалось, никакого отношения: там внизу неслись всадники, скачущие атакующей лавиной. Они все кружили и кружили. Форс прикрыл глаза от яркого света. Всадники проносились почти в ритме стука, почти, но не совсем. Стук исходил не от всадников. У него был другой источник.

Форс стоял безвольно, как бы висел. Но в его изломанном израненном теле мерцала крохотная искорка настоящего Форса. Он заставил открыть глаза, и в них еще оставались разум и осмысленность.

Всадники все так же продолжали скакать по кругу и на скаку швыряли копья вверх по склону. Но среди всадников теперь появились и другие, быстро бегающие люди с луками наготове. И стрелы тучей застлали солнце. Круг из людей и лошадей стягивался вокруг холма все плотнее и плотнее. Затем Форс вдруг понял, что тело его служило частью защитной баррикады для тех, кого здесь осаждали, его привязали в качестве щита, за которым осажденные могли скрываться и метать из-за него дротики. И эти дротики,

великолепно нацеленные, собирали внизу свою кровавую дань. Люди и лошади с криком падали, дрыгая ногами, а потом замирали неподвижно. Но это не останавливало круг осаждающих и не лишало силы выпущенные ими стрелы. Однажды раздался громкий визг боли, и из-за барьера, частью которого было его тело, выпало Чудище. Оно, спотыкаясь, бросилось вниз по склону, направляясь к одному из ближних лучников. Они встретились в яростной рукопашной схватке. Затем какой-то всадник свесился из седла и умело применил свою пику. Оба тела остались лежать неподвижно и он поскакал дальше.

Сбоку от Форса раздался тяжелый удар: глянув вниз, он забыл о бое. Его рука висела свободно, мертвым грузом, с перерезанным ремнем, все еще обвивавшем распухшее запястье. Этот ремень перерезали стрела или копье. Форс перестал испытывать к бою какой-либо интерес. Его мир в этот момент сузился до его собственной руки. Распухшая плоть не чувствовала ничего, он даже не мог пошевелить рукой. Поэтому он сосредоточился на пальцах: он должен пошевелить большим пальцем, переместить его хоть на долю дюйма — он должен это сделать! Вот! Он чуть не закричал от радости. Рука все еще была

безвольной и тяжелой, висящей у его бока, но он вонзил пальцы себе в бедро. Одна рука была свободна — и это была его правая, невредимая рука! Он повернул голову. Другое его запястье было прикручено к шесту, вбитому в землю. Но то, что Чудища использовали его как часть своих оборонительных укреплений, теперь было ему на пользу, левая его рука не была вытянута во всю длину. Если бы он мог поднять вверх правую руку и заставить пальцы работать, то, он был в этом уверен, смог бы отвязать и левую руку. Баррикада, частью которой он был, должно быть, скрыла его действия от его врагов — или же они были слишком заняты, чтобы проявлять к нему какой-либо интерес. Он сумел поднять руку и заставил свои пальцы вцепиться в путы на своем левом запястье. Но развязать веревку это было совсем другое дело. Его онемевшие пальцы не могли даже ощутить что-нибудь и продолжали скользить. Он сражался со своими собственными упрямыми, вышедшими из повиновения мускулами, сражался в битве столь же тяжелой, как и та, что бушевала вокруг него. Стрела ударила в нескольких дюймах от него, одно из копий заставило его охнуть от боли, когда древко ударило его по голени, но он приказал своей руке работать.

Боль от восстанавливающегося кровообращения была ошеломляющей, но он заставлял себя думать только о болящих пальцах и о том, что должен иметь смелость и терпение, чтобы заставить их сделать то, что нужно. Затем, как-то сразу, вдруг что-то подалось. Он сжимал конец свободного ремня, а его левая рука упала безвольно, и он скрипнул зубами от боли, вызванной этим внезапным освобождением. Но сейчас не было времени нянчиться с ней, и горец опустился наземь. Очень спеша, Чудища набросили вокруг его лодыжек только одну петлю. Он пилил ее наконечником стрелы до тех пор, пока она не лопнула.

Было безопаснее временно оставаться там, где он был. Чудища не могли добраться до него, не перелезая через барьер и таким образом, подставляя себя под удар. И, распластавшись на земле, он мог бы избежать града стрел снизу. Поэтому слишком ослабевший, чтобы двигаться или просто четко мыслить, он продолжал вжиматься в землю на том месте, где упал. Через некоторое время Форс услышал новый звук, доносившийся сквозь грохот боя. Он повернул голову на долю дюйма и лицом к лицу оказался перед крысиной клеткой. Ее тоже доставили к этому брустверу.

Пленные крысы метались в ней, их бешеный визг, рожденный страхом и ненавистью, был достаточно громок, чтобы его можно было расслышать в шуме боя. Вид этих грязных, жирных тел возбудил его так, как это не могло бы сделать ничто иное, и он пополз прочь от качающейся клетки.

Где находился второй пленник — степняк? Форс осторожно приподнялся на локтях и увидел на некотором расстоянии от себя его безвольное тело. Он снова опустил голову на руки. Теперь он мог двигаться… в какой-то мере… обе ноги и одна рука подчинялись ему… Он мог скатиться с холма… Но степняку все еще угрожала верная смерть… Форс пополз мимо клетки с крысами, мимо связанных фашин, перекошенного, поспешно воткнутого частокола из стволов молодых деревьев, мимо всего, что Чудища таскали и бросали в кучу, создавая себе укрытие от копий и стрел. Он проползал за один прием лишь несколько дюймов, и между этими приемами были длинные паузы. Но он все же двигался вперед. Дротик вонзился в землю как раз перед его вытянутой рукой. Чудища наконец заметили его и пытались прикончить. Но тот, кто в такой попытке подставил себя под удар, захрипел и упал обратно со стрелой

в горле. Глупо было предоставлять и лучникам внизу даже такую малозаметную мишень. Форс пополз дальше. Теперь он был уверен, что сможет добраться до степняка. И он не обращал никакого внимания на то, что происходило внизу или за частоколом. Он должен сберечь все свои силы и волю для этого путешествия. Затем он присел на корточки у двух связанных голеней, протягивая руку к узлам, которые удерживали запястья. Но руки его снова упали. Две стрелы пришпилили пленника надежнее, чем любая ременная петля. Степняку теперь уже не нужна помощь. Форс опустился на жесткую истоптанную землю. Гнавшая его вперед воля и целеустремленность покинули его, как вытекает сила жизни из смертельной открытой раны. Он чувствовал, как они сочатся из него, но это его не беспокоило. Он как бы выпал из реальности. Вокруг него выросли скалы, и по утесам развевались лохмотья серых флагов грозы. Он мог слышать вой ветра в одной из узких горных долин, видеть собирающиеся над ней черные грозовые облака. Хорошо было бы ему вернуться назад, под защиту Айри — назад к очагам и крепким каменным стенам — прежде чем задуют холодные зимние ветры и выпадет снег. Назад, в Айри. Он не знал, что уже был на

ногах. Он не знал также, что позади, него раздались крики ужаса и бешеной ярости, когда вожак Чудищ упал замертво, пронзенный шальной стрелой. Форс не знал, что он, спотыкаясь, брел вниз по пологому склону холма, руки его были пусты, а через баррикаду позади него хлынула орава обезумевших от бешенства длинноруких тварей, пытавшихся отомстить своими клыками и зубами за вожака, равнодушных ко всякой осторожности. Форс ощущал только, что он шел по горной тропе и Люра была рядом с ним. Она взяла его руку в свои зубы и повела его и это было разумно, потому что снег и ветер ослепляли его и ему было трудно удержаться на тропе. Но прямо перед ним было Айри, и Лэнгдон ждал его там. Сегодня вечером они вместе будут изучать тот крошечный обрывок карты — карты города, который находился на берегах озера. Лэнгдон в скором времени собирался проверить показанное на этой карте. И после того, как он, Форс, станет Звездным Человеком, он тоже последует по тропам, изображенным на старых картах — последует и найдет… Его рука неуверенно поднялась к голове. Люра торопила его. Ей был нужен костер и мясо. И было бы нехорошо заставлять ждать Лэнгдона. Потому что город, город

высоких башен и полных складов, магазинов, потрескавшихся дорог и забытых чудес, ждал его, в свою очередь. Он должен рассказать обо всем этом Лэнгдону. Город принадлежал Лэнгдону, а не ему. Сам он никогда не видел этого полуразрушенного города. Гроза, должно быть, вызвала у него головокружение. Он пошатнулся, одно из Чудищ, пробегая мимо, ударило его. Это Чудище мчалось вниз, чтобы присоединиться к толпе дерущихся внизу воинов.

Сколько камней… ему было трудно удержаться на ногах среди этих камней. Ему лучше сейчас быть немного поосторожней. Но ведь теперь он шел к себе домой. Там, впереди, горели костры… костры, ярко светящиеся в темноте ночи. И Люра крепко держала его руку в своих острых зубах… Вот если бы только ветер хоть немного утих… хоть на несколько минут… звук этого ветра был диким и странным… похожим на боевой клич сражающихся воинов. Но там было Айри… именно в том направлении…

12.

Было уже далеко за полдень. От церемониального костра поднимался в небо дым. Форс глянул вниз по склону, туда, где зеленая трава была истоптана и растерта множеством ног. И

это месиво было усеяно засохшими красными пятнами. Но люди внизу беззаботно сидели на земле, они глядели только друг на друга. Два ряда людей, повернувшихся лицом к костру, оружие в их руках было обнажено. Между этими рядами находились вожди племен. Форс забыл о своих синяках, следя за тем, как Эрскин занял место справа от своего отца. Женщина-вождь, давшая горцу права своего племени, тоже была там, ее плащ сверкал искрой яркого цвета среди однообразных кожаных курток и загорелых тел мужчин. А напротив стояли Мэрфи и его собрат в длинном плаще. Только Кантрул отсутствовал. Главы семейных кланов узурпировали место, которое следовало занимать Верховному Вождю.

— Кантрул?..

Стоявший рядом с Форсом Ярл ответил на этот полувопрос.

— Кантрул был воином… и как воин, он вступил на тропу вечности, как ему и полагалось, захватив с собой огромное количество врагов. Они еще не назначили на его место нового Верховного Вождя…

То, что хотел еще сказать Звездный Капитан, заглушил грохот говорящих барабанов, грохот, на который эхом ответили окружающие холмы.

И когда оно растаяло, Лэнард двинулся вперед, хотя ему и приходилось опираться на руку своего сына, чтобы не давить всем весом на ногу, которая была перевязана от колена до голени.

— Хо, воины! — его голос по силе был сравним с боем барабанов. — Мы принесли сюда копья на великую битву и устроили Птицам Смерти пир, какого не было на памяти отцов наших отцов! Мы шли с юга походом на эту войну, и победа теперь за нами. Наши стрелы ударили прямо в цель, а наши мечи по рукоять в крови. Не так ли, братья мои?

Из рядов воинов его племени позади него раздался низкий рев согласия. То тут, то там некоторые из воинов помоложе выкрикивали пронзительный боевой клич своего семейного клана.

Но вот из рядов субвождей в толпе степняков поднялся человек и ответил гордыми словами:

— Пики вонзались так же глубоко, как и мечи, и степняки никогда не знали страха в бою. Мы тоже сегодня отдали Птицам Смерти много мяса врагов. Нам нечего стыдиться перед лицом любого человека.

Кто-то завел боевую песню, которую Форс уже слышал среди палаток степняков. Руки потяну-

лись к лукам и пикам. Форс поднялся на ноги, вынуждая свое тело подчиняться. Он оттолкнул в сторону протянутую руку Звездного Капитана, который хотел его остановить.

— Здесь пробивается огонь, — медленно, произнес он. — Если он превратится в жаркое пламя, он пожрет нас всех. Дай мне выйти!..

Но когда он, хромая, двинулся вниз во склону к Костру Совета, он почувствовал, что Звездный Капитан идет позади него.

— Вы сражались!

Этот ясный, холодный голос прозвучал откуда-то изнутри его существа, по его собственной воле, как свежий ветер сквозь тлетворные испарения болота. Мысли, посеянные в его голове Эрскином, давно уже сформировались столь ясно, что он совершенно был уверен в их правильности и ценности.

— Вы сражались!

А-а-а-а! — этот звук был похож на вой Люры, которая вспомнила о своей последней охоте.

— Вы сражались, — повторил он в третий раз и убедился, что теперь он овладел их вниманием. — Чудища мертвы. ЭТИ ЧУДИЩА…

Подчеркнутые им слова привлекли всеобщее внимание.

— Вы осматривали убитых врагов — не так ли? Ну, а я побывал в их руках — и ужас, который я испытывал, был вдесятеро сильнее вашего. Но я говорю вам, что вы можете смотреть на свою победу как с гордостью, так и со страхом, потому что там, среди них, находится страшное предзнаменование. Отцы моих отцов сражались с этими тварями, когда они еще придерживались своих родных нор. Мой отец погиб от их когтей и клыков. Мы уже давно знаем их. Но теперь среди них появилось нечто большее… нечто, что угрожает нам, как никогда не угрожали старые Чудища, прячущиеся по своим норам. Спросите у них, что они нашли там, в куче мертвых тел за барьером — то, что может прийти снова, чтобы и в будущем угрожать нам. Расскажи об этом своему народу, о, Целитель Тел, — обратился он к степняку в белой одежде. — И ты, о, Леди, — обратился он к женщине-вождю, — что ты видела?

Первой ответила женщина.

— Я видела многое. Я всем сердцем надеюсь, что твои предположения ошибочны. Там, среди мертвых, лежало Чудище, которое было иным. И если судьба против нас, тогда такое же родится среди них снова — и они будут рождаться вновь и вновь. И знания у них будут обширнее, так что

они окажутся самой страшной угрозой для всех нас и для всего человечества. Поэтому, поскольку это может повториться, я говорю, что те, кто принадлежит к роду человеческому, должны объединиться и выставить все вместе стену мечей против этих тварей, порожденных древним злом городов, построенных Древними…

— Да, это правда, мутанты могут возникать и среди мутантов. — Белый Плащ заговорил после нее почти против своей воли. — И у этих Чудищ был предводитель, который вел их и распоряжался ими, как этого никогда прежде не было. Когда их странный вождь был убит, они были сломлены, словно все их знания были перечеркнуты одной этой единственной смертью. Если среди них появятся еще такие же, как этот, то они окажутся силой, с которой нам придется считаться. Мы очень мало знаем об этих тварях и не знаем, какой может быть их мощь. Как мы можем угадать сейчас, против чего нам придется выступать через год, десять лет, поколение спустя? Та земля обширна и таит в себе много такого, что может представлять угрозу для нашего народа.

— Земля обширна… — повторил Форс. — Что ищешь ты и твое племя, Лэнард?

— Родину. Мы ищем место чтобы построить

наши дома и вновь засеять наши земли, пасти своих овец и жить в мире. После того как горящие горы и трясущиеся земли выгнали нас из долины наших предков — священного места, куда спустились с неба их машины в конце Войны Древних — мы скитались много лет. Теперь в широкой долине вдоль реки мы нашли то что так долго искали… И никто — ни человек, ни зверь, не выгонит нас оттуда!

Когда он закончил, его рука лежала на рукоятке меча и он смотрел на ряды степняков.

Теперь Форс повернулся к Мэрфи.

— А что ищет твой народ, Мэрфи из степей?

Хранитель Анналов поднял глаза от земли, где все его внимание было сосредоточено на узоре из затоптанных стеблей травы.

— С начала тех дней когда погибли Древние мы, степняки, были бродячим народом Сначала мы были такими из-за злой смерти, носившейся в воздухе над многими районами земли, так что человек должен был перемещаться, чтобы избежать тех мест где его поджидали смертельные для него эпидемии и голубые огни. Теперь мы — охотники, бродяги пастухи и воины, которым неинтересно оставаться привязанными к какому нибудь одному месту. Нам по душе дальние

странствия поиски новых мест и вид новых гор, высоко поднимающихся в небо.

— Так, — Форс уронил это единственное слово в молчание израненных войной бойцов.

Прошло довольно долгое время, прежде чем он заговорил вновь.

— Ты, — указал он на Лэнарда, — хочешь поселиться в одном месте и строиться. Это твой образ жизни и твои обычаи. — Ты… — теперь он повернулся к Мэрфи, — передвигаешься с места на место, пасешь свои табуны и охотишься. Эти, — он с гримасой боли согнул онемевшую руку, чтобы указать на вершину холма, на ту неровную кучку земли и камней, под которой лежали тела Чудищ, — живут для того, чтобы уничтожить, если смогут, вас обоих. А земля обширна…

Лэнард прочистил горло — звук был резким и громким.

— Мы будем жить в мире со всеми, кто не поднимет меча против нас. В мире существует обмен, а в обмене благо для всех нас. Когда настанет зима, а урожай скуден, то обмен может спасти жизни племен.

— Вы — воины и мужчины, — вступила в разговор женщина-вождь, высоко подняв голову, глядя прямо, словно меряя взглядом строй чуда-

ков перед ней. — Война — это мясо и питье на столе мужчин, да, но именно война и привела Древних к гибели! Снова война, мужчины? Вы окончательно уничтожите всех нас, и мы будем пожраны ей и забыты так, словно человека никогда не было, он никогда не ходил ногами по этим полям, оставив мир в лапах этих, — она указала на курган Чудищ. Если мы сейчас обнажим мечи друг против друга, то в своем безрассудстве мы снова изберем злую участь, и лучше нам будет быстрее умереть, чтобы эта земля очистилась от нас!

Степняки притихли, а потом по рядам воинов пробежал ропот, распространившийся и туда, где собрались женщины. Голоса женщин стали громче и сильнее. Из их рядов поднялась, должно быть, хозяйка палатки вождя, поскольку в волосах у нее был золотой обруч.

— Пусть не будет никакой войны между нами! Пусть не будет больше воя Песни Смерти среди наших шатров! О, мои сестры скажем это во весь голос! — И призыв ее был подхвачен всеми женщинами чтобы как эхо разнестись повсюду, пока он не превратился в песню так же берущую за живое как и боевая песня:

— Никакой больше войны! Никакой больше

войны между нами!

* * *

И так чаша братства переходила от одного вождя к другому по всему полю, а ряды темнокожих воинов и степняков слились в один Этот ритуал символизировал, что больше никогда человек одного племени не поднимет меч против человека из другого племени.

Форс тяжело опустился на плоский камень. Сила, поднявшая его на ноги, ушла Он очень устал, и все происходящее дальше не имело к нему уже никакого отношения. Он не видел как слились вместе два племенных ряда и как смешались кланы и народы.

— Это только начало! — он узнал полный энтузиазма голос Мэрфи и медленно, с мрачным выражением на лице, оглянулся.

Степняк говорил с Ярлом, жестикулируя, сверкая глазами. Но Звездный Капитан, как обычно, оставался спокойным и сдержанным. Он был самим собой.

— Да начало, Мэрфи. Но нам еще нужно многим овладеть. Если бы я мог увидеть твои записи, сделанные на севере. Мы, из Звездного Зала, не проникали так далеко..

— Конечно. И… — Мэрфи, казалось, заколебался, прежде чем изложить свою просьбу. — Та клетка с крысами Я велел перенести ее в мою палатку. Три из этих крыс еще живы, и через них мы можем узнать…

Форс содрогнулся. Он не имел ни малейшего желания видеть этих крыс.

— Ты считаешь их своей военной добычей?

— Да, считаю, засмеялся Мэрфи И кроме этих паразитов мы попросим у вас еще кое-что. Это огромная просьба. Твой собрат, скиталец.

Он коснулся своими мягкими пальцами ссутулившихся плеч Форса. Горцу показалось, что Ярлу не удалось скрыть своего удивления.

— У этого парня есть способность к языкам и дальновидный ум. Он будет для нас проводником, — слова Мэрфи звучали так, словно теперь, когда он нашел родственную душу, которой можно довериться, он не мог больше скрывать свои мысли. — А в обмен на это мы покажем ему иные земли и дальние страны. Потому что в нем есть эта жилка скитальца, так же как и в нас…

Пальцы Ярла теребили нижнюю губу.

— Да, он родился скитальцем, и в нем течет кровь степняков. Если он…

— Ты кое-что забыл, — на сей раз улыбка Форса

была серьезной. — Я — мутант.

Прежде чем ему ответили, в разговор вступил Эрскин. На его лице все еще были следы боя, и он оберегал плечо, но он заговорил с авторитетностью и убежденностью, которых от него никто не ожидал.

— Мы собираем лагерь и выступаем. Я пришел за моим братом.

— Он идет с нами, — ощетинился Мэрфи.

В усмешке Форса не было юмора.

— Поскольку я не могу двигаться на своих двоих, в любом случае меня придется нести на себе.

— Мы запряжем пони в носилки, — быстро ответил Эрскин.

— У нас также есть и кони, и носилки, — ревниво подхватил Мэрфи.

Ярл пошевелился.

— Кажется, теперь ты должен сделать выбор, — бесстрастно сказал он Форсу. На мгновение молодому горцу показалось, что тут были только они двое, и ни Эрскин, ни Мэрфи не настаивали больше на своих просьбах. Форс приложил свободную руку к своей кружащейся голове В нем текла кровь степей матери, это правда. И свободная дикая жизнь бродяги-всадника привлекала его. Если бы он отправился с Мэрфи, никакие

секреты страны руин не укрылись бы от него, он мог бы многому научиться. Он мог бы составить такие карты о которых Звездные Люди не могли даже и мечтать, увидеть забытые города и изучать их в свое удовольствие, все время устремляясь к новым странам туда, за горизонт. Если же он примет предложение Эрскина, он получит обратно братство и тесные узы семейного клана и поедет строить новый городок, а, может быть, со временем, и город, такой, который Древние отняли у собственных потомков. Это будет трудная жизнь, но по-своему интересная и также полная приключений — хотя он никогда не зайдет так далеко, как с Мэрфи. Но был и третий путь. И он начинался с выбора, который был слишком хорошо известен. Когда он думал во время битвы, что умирает, его воображение ступило на этот путь против его воли. Он вел в разреженный холод горных вершин, в суровый холод наказания, боли и вечного упадка духа. Поэтому, когда он поднял голову, он не посмел взглянуть ни на Эрскина, ни на Мэрфи, но поймал и задержал на себе непреклонный взгляд Ярла. Потом он спросил:

— Это правда, что я вне закона?

— Тебя три раза вызывали к Костру Совета.

Форс признал эту истину и принял ее. Но у него

был еще один вопрос:

— Поскольку меня там не было, чтобы ответить лично, я имею право на отмену приговора в шестимесячный срок?

— Имеешь.

Форс взялся за перевязь, которой к его груди была привязана левая рука. Оставались шансы, что ее вылечат и она снова станет как прежде сильной. Целитель, прозондировав рану, пообещал ему это.

— Тогда я, — он почувствовал, что вынужден остановиться и подобрать слова, чтобы вновь овладеть своим голосом, — отправлюсь в Айри и буду притязать на это право. Шесть месяцев еще не истекли..

Звездный Капитан кивнул.

— Если ты сможешь ехать, через три дня ты будешь уже там и успеешь.

— Форс! — при этом возгласе Эрскина горец вздрогнул, но когда он повернул голову, голос его был все еще тверд.

— Именно ты, брат, сам однажды говорил о долге…

Рука Эрскина упала.

— Помни — мы братья, ты и я. Там, где находится мой очаг — всегда есть место для тебя, — он не

оглядываясь, вышел, и его поглотила толпа его соплеменников.

Мэрфи очнулся от задумчивости. Он пожал плечами. У него уже были другие планы, другие намерения. Но он задержался на некоторое время и сказал:

— Отныне, с этого часа, в моем табуне для тебя скачет конь, и в моей палатке есть место и мясо для тебя. Ищи Знамя Рыжей Лисицы, когда тебе понадобится помощь, мой юный друг, — его рука коротко отдала честь, потом он тоже зашагал прочь.

Форс повернулся к Звездному Капитану:

— Я поеду.

— Со мной. Мне тоже надо отчитаться перед племенем… мы поедем вместе.

Было ли это хорошей новостью, или наоборот? При иных обстоятельствах Форс не мог бы желать лучшего, чем путешествовать в обществе Звездного Капитана. Но теперь он был в некотором роде пленником Ярла. Он сидел, мрачно глядя на поле боя… Это только мелкая стычка, о которой Древние с их воздушными флотами и бронированными колоннами машин на земле не стали бы и упоминать. И все же здесь произошла настоящая война, и из нее родилась идея, и, наверное,

эта идея окажется поворотным пунктом для всех людей на земле. Им предстоит идти долгой и извилистой дорогой — по пути назад, к такому миру, каким его знали Древние. И, может быть, даже сыновья сыновей тех, кто здесь сражался, не доживут до того времени, когда можно будет увидеть слабые признаки начинающегося роста человечества. Или, может быть, грядущий мир будет лучшим из миров. Степняки и темнокожие южане были все еще подозрительны, остерегались друг друга. Скоро эти племена на какое-то время расстанутся. Но, наверное, месяцев через шесть отряд степняков снова забредет на юг, навестит излучину реки и удивленными глазами увидит стоящие там хижины. И один всадник обменяет хорошо выделанную шкуру на глиняное блюдо или ожерелье из цветных бус, чтобы подарить его своим женщинам. Потом придут другие, и со временем между племенами возникнут браки. А лет через пятьдесят это будет одна нация.

— Это будет единая нация, — Форс прыгнул в седло спокойной старой лошади, навязанной ему Мэрфи. Два дня прошли, но на утоптанной земле долго еще будут сохраняться шрамы этого боя.

Ярл бросил оценивающий взгляд на поле, которое они пересекли.

— И сколько лет пройдет, прежде чем произойдет такое чудо? — спросил он со своей обычной иронией.

— Пятьдесят… наверное, лет пятьдесят…

— Если ничего их не остановит… да… ты, может быть, прав.

— Ты думаешь о Чудище-мутанте?

Ярл пожал плечами.

— Я думаю, что он — предупреждение… могут быть и другие факторы, являющиеся препятствием на этом пути.

— Я — мутант, — Форс во второй раз сделал это горькое заявление и он снова произнес его перед единственным человеком, которого он мог не стесняться в этом признании.

Ярл не клюнул на это.

— Я подумывал, что мы все, возможно, мутанты. Кто теперь может сказать, что мы из той породы, что и Древние? И я верю, что пришло время всем нам посмотреть этому факту в лицо. Но вот другой факт Чудища, и он обрушил на Форса град вопросов, пока тот не рассказал ему все, что он увидел в плену у врага.

Два дня спустя они увидели на фоне неба четко вырисовывавшиеся перед ними горы. Форс знал что к ночи если они сохранят прежнюю

скорость движения они пройдут аванпосты Айри Он неуклюже пошарил одной рукой на поясе и вытащил из ножен меч. Когда Ярл приблизился, он протянул ему оружие рукояткой вперед.

— Теперь я твой пленник, — он не старался говорить равно душно, это у него получалось и так. Казалось, что его больше не волновало, что случится с ним в последующие несколько дней. Это был кусок его жизни, который должен быть завершен. Но теперь ему не терпелось покончить со всем этим, стать отверженным, исключенным из племени и снова уйти в дикие места он был готов к этому и не боялся. Ярл, не проронив ни слова, взял его меч, и Форс из-за Звездного Капитана взглянул на ожидавшую его Люру. Она тоже хотела увидеть горы, но по другой причине — в горах ее свобода! Он дал ей желаемое одним движением мысли, и она в то же мгновение исчезла. И потому, что он с такой готовностью отпустил ее, он знал, что она с такой же готовностью вернется, когда закончит свои собственные дела. После этого Форс ехал как во сне. Он не обращал внимания на жителей Айри, выходивших из своих укрытий на аванпостах, чтобы приветствовать Звездного Капитана. Они не заговаривали с ним, и у него не было никакого желания, чтобы они

делали это. В нем лишь все сильнее и сильнее разгоралось желание, чтобы суд начинался как можно скорее… Наконец он оказался в одиночестве во внутреннем помещении Звездного Дома, том же самом, в которое он самовольно забрался. Пустой крюк, где некогда висела Звездная Сумка Лэнгдона, был немым напоминанием о совершенном им преступлении. Итак, задуманное им предприятие полностью провалилось. Теперь он никогда не сумеет доказать правильность предположений своего отца. Но даже эта мысль не особенно угнетала его. Он мог отправиться туда вновь, но не по какой-то милости других людей.

На голом камне стены отражался свет от Костра Совета Старейшины собирались, чтобы судить его. Но решающий голос принадлежал именно Звездным Людям. Ведь он ограбил Звездный Дом, он надругался над Звездными таинствами и традициями. Услышав почти неслышные шаги в наружном помещении, Форс повернул голову. За ним пришел один из Звездных Путешественников-неофитов, Стивен из клана Ястреба. Форс последовал за ним в круг, освещенный огнем и опоясанный рядами белых пятен, то есть лишенных всякого выражения лиц. Все старейшины были здесь, все вместе. Целитель, Летописец,

Хозяин Полей, Командиры Охотников и Защитников. А за ними были земледельцы, охотники, разведчики и сторожа. На другой стороне находилась большая группа Звездных Людей с Ярлом во главе. Форс вышел на гладкий каменный выступ один, высоко подняв свою голову с серебристыми волосами, выпрямив спину и плечи.

— Форс из клана Пумы! — это был Харсфорд, Попечитель Айри.

Форс вежливо отдал честь.

— Ты стоишь здесь, потому что ты нарушил традиции Айри. Но твое основное преступление было совершено против Носящих Звезду. Поэтому Совет решил предоставить Звездным Людям высказаться против тебя, и они поступят с тобой так, как сочтут нужным.

Коротко, по существу. И достаточно честно — он ожидал иного. Так что же теперь сделают с ним Звездные Люди? Решать было Ярлу. Форс повернулся к высокой фигуре Звездного Капитана.

Но Ярл глядел мимо него на прыгающее пламя костра. И так они провели в молчании долгую почти бесконечную минуту. И когда Звездный Капитан заговорил, это не было оглашением приговора. Он хотел привлечь внимание всех, кто собрался тут.

— Мы, жители Айри, подошли к тому месту, где перед нами расходятся две дороги. И от выбора одной из них зависит будущее не только собравшихся здесь кланов, но также и всех настоящих людей в этой стране, а, может быть, и на всей Земле. И поэтому сегодня я нарушаю торжественную клятву и обеты, данные мной в юности, и раскрываю ту тайну, которая поставила особняком людей моего типа. Слушайте же все тайную историю наших Звезд.

Ныне мы, носящие их, разведчики забытых троп, искатели утерянных знаний. Но некогда это, — его рука подняла звезду, яркую в свете костра, которая висела у него на шее, — имело другое значение. Наши праотцы были отправлены в это потайное горное убежище потому, что им предназначалось стать истинными Людьми Звезд. Здесь они проходили тренировку для жизни, которая ждала их в других мирах. В наших Анналах говорится, что человек находился накануне освоения Космоса, когда на него обрушилось его же безумие и он потянулся к своему смертоносному оружию. Мы, которым было предназначено путешествовать к звездам, теперь бродим пешком по опустошенной земле. Но над нами все еще существуют те, другие миры, и они все еще влекут нас

к себе. И потому обещание все еще в силе. Если мы не допустим ошибок Древних, то со временем узнаем большее, чем ветры и тропы этой земли. Вот та тайна, которую мы сейчас открыли вам, и мы широко обнародуем ее, чтобы все люди смогли узнать, чего нас лишило безрассудство Древних, и чего мы сможем добиться, если в свою очередь, не совершим ошибок Древних.

Пальцы Форса сжались, и ногти его вонзились в ладони. Так вот, значит, что потерял человек! Та же тоска, которая терзала его на поле мертвых бомбардировщиков, вновь охватила — его. Они были такими великими в своих мечтах, эти Древние! Ну, а люди всегда должны о чем-то мечтать!

— Мы стоим перед развилкой двух дорог, мой народ, — медленно повторил Ярл. — И на этот раз мы должны сделать лучший выбор. Воля Звездных Людей состоит в том, чтобы Форс из клана Пумы — существо смешанной крови и сын нескольких кланов, не считался больше существом более низким, чем все мы, несмотря на законы наших отцов. Потому что теперь пришло время нарушить эти законы. С этого часа и впредь он будет отмечен на иной лад. Он понесет знания от одного народа к другому, связывая вместе все мечи, которые могут быть подняты

в братоубийственной войне. Мутант может обладать способностями, которые великолепно послужат всему племени. И поэтому мы призываем принять новый закон, чтобы мутант считался полноправным человеком. И если он родится в каком-нибудь клане, то он должен считаться членом этого клана. Кто из нас может доказать, — Ярл круто обернулся лицом к толпе, — что мы одной породы с Древними? Наши отцы предали мечту о звездах, помните это?

Ему ответил Целитель.

— По законам природы, если не человеческим, ты говоришь правду. Предполагается, что люди сегодня отличны от тех, какими они были некогда. Мутант… — он откашлялся в ладони. — Воистину, любой из нас, присутствующий здесь, в какой то степени может быть назван мутантом.

Харсфорд поднял руку, чтобы утихомирить всеобщий шум Его мощный голос грянул по всему кругу собравшихся.

— Важное дело было сделано сегодня здесь, братья. Звездные Люди нарушили верность прошлому. Можем ли мы сделать меньшее? Они говорят о двух дорогах — я же буду говорить о развитии. Мы пустили свои корни в каменистую почву. Мы упрямо держались за нее. Но теперь

приходит время, когда мы должны двигаться дальше или погибнуть. Потому что конец развития это смерть. И от имени Совета я избираю развитие. Если звезды однажды были обещаны нам — мы снова попытаемся достигнуть их!

Торжествующий крик раздался с той стороны, где стояли юноши. И этот крик подхватили другие голоса. Он усилился. Теперь люди поднялись на ноги, их голоса стали громкими, а глаза загорелись? Никогда эти серьезные сдержанные люди не казались столь похожими на своих степных родственников. Племя шло к новой жизни.

— Да будет так, — прорвался сквозь гам голос Ярла. Следуя его повелительному жесту, шум стих. — С этого часа мы пойдем новым путем. В память об этом выборе мы теперь даем Форсу звезду, которая непохожа ни на какие другие, которые носим мы. И в свою очередь, когда придет время, он вырастит тех, кто будет носить ее после него. Таким образом, среди нас всегда будут те, кто сумеет говорить с другими народами как друг, будет держаться нейтралитета во всем и обеспечит мир между всеми нациями!

Ярл подошел к Форсу, в руках он держал цепь, с которой свисала звезда, но не пятиконечная, как у других Звездных Людей, а многолучевая, как

будто она была компасной стрелкой, показывающей на все направления сразу. И цепь, холодно и гладко, легла на шею мутанта.

Затем племя издало крик, приветствовавший появление среди них вновь принятого Звездного Человека, который отличался от остальных. Потому что родилась новая Звезда. Этого не мог предвидеть ни один находившийся вместе с Форсом той ночью человек, даже он сам, принявший ее как знак надежды.

Звездная стража

Когда господствующая раса одной из девяти планет вращающихся вокруг желтой звезды, известной как Солнце и размещенной вблизи края Галактики, приобрела знания о космических полетах и появилась на наших трассах, возникла проблема, которую предстояло решить Центральному Контролю и решить быстро. Этих «людей», как они себя называют объединяют любопытство, отвага, техническое искусство с недоверием к остальным расам и видам и врожденной склонностью к конфликтам. Их реакция на любую проблему агрессивна Если бы это их свойство не было сразу понято и направлено в нужное русло, возможно, их влияние уничтожило бы мир на межзвездных линиях и вовлекло бы весь сектор в войну. Но немедленно были приняты соответствующие меры, и землянам была предоставлена роль, которая не только соответствовала их

природе, но давала благополучный выход для воинственных представителей системы, образующих нашу великую конфедерацию. После тщательного изучения и оценки психотехниками Центрального Контроля землянам была отведена роль наем ников Галактики, пока эти слишком независимые и агрессивные существа не станут менее опасными Так появились «орды» и «легионы», которые мы снова и снова встречаем в истории различных планет этого периода. Орды, состоящие из «арчей» и легионы «мехов» были к услугам любого правителя планеты, который с их помощью решал усилить свое влияние. Арчи, составляющие орды, предназначались для несения службы на примитивных планетах Они вооружены ручным оружием и сражаются в единоборствах Мехи вооружены боевой техникой, — но относятся к войне, как к игре, задача которой вынуждать противника признать себя побежденным без сражения. Новорожденные «люди» благодаря специальным тестам делятся на арчей и мехов. После усиленного

обучения они получают назначение к одному из полевых командиров Часть платы, получаемой командиром от нанимателя, переводится на Землю. Иными словами, Земля стала экспортером солдат и военных материалов. Спустя поколения земляне признали свою роль без всякого вопроса.

Триста лет спустя (прошу всех студентов обратиться к тому № 6, колонка 2; дата 3956 год соответствует земному летосчислению, мы используем ее, поскольку изложение основано главным образом на записях самих землян) небольшая орда была нанята восставшим туземным правителем на Фронне и изменила историю расы своей, а может быть, и всей Галактики. Пока еще не ясно, приведет ли это изменение к добру для всех нас.

Из лекции по Галактической истории, прочитанной в Галактическом университете Закона в 4130 году по земному летосчислению.

Поскольку он никогда раньше не был в Прайме, Кану Карру, мечнику третьего класса, арчу,

больше всего хотелось оставить свое узкое сиденье и смотреть в иллюминатор на башни, возносившиеся в бледно-голубое утреннее небо. Но сделать это — значит проявить себя зеленым новичком, и ему пришлось удовлетвориться беглыми взглядами. Больше чем когда-либо он негодовал на судьбу: явившись в штаб-квартиру на месяц позже своего класса, он был, вероятно, единственным новичком среди ожидающих назначения в зале найма. Само пребывание в Прайме действовало возбуждающе. Это была цель, к которой они направлялись десять лет упорных тренировок. Кана Карр опустил походный мешок и вытер влажные руки о ткань брюк: хотя стоял прохладный день ранней весны, он потел. Жесткий воротник новой зелено-серой куртки резал горло, бока шлема терли, а личное снаряжение весило больше, чем когда-либо раньше. Он остро сознавал обнаженность ремней, скрещивающихся на его плечах, и то, что шлем его был еще без верхушки. Его окружали ветераны, блестевшие многочисленными знаками отличия за успешно выполненные операции. Что ж, в который раз повторял он про себя, достичь такого положения — лишь вопрос времени. Каждая из этих сверкающих фигур когда-то тоже

была лишена знаков отличия и стояла в такой же неуверенности… Внимание Каны привлек другой цвет, ослепительно яркий среди волн серо-зеленого и серебряного. Губы его сжались, голубые глаза, поразительно живые на его смуглом лице, приобрели холодное выражение. У входа в здание приземлился мобиль. Из него выбрался приземистый человек, закутанный в ярко-алый плащ. За ним — еще двое, в черном и белом. И, как будто их прибытие послужило сигналом, солдаты-земляне расступились, образуя широкий проход к двери. Но это не знак почета, яростно напомнил себе Кана Карр. Земляне на своей планете не оказывали почестей галактическим агентам, разве что в таком стиле, который подчеркивал их неприязнь. Обязательно наступит время, когда… Сжимая кулаки, следил он, как красный плащ и сопровождающие его галактические патрульные исчезли в зале найма. Кана прежде не общался непосредственно с агентом. Негуманоидные существа, которые были его инструкторами после того, как выяснилось, что он способен усвоить чужие знания, принадлежали к совсем другим классам. Может, потому, что они были негуманоидами, он никогда не думал о них, как о членах Центрального Контроля, которые несколько

поколений назад так жизнерадостно назвали обитателей Солнечной системы «варварами», не пригодными для галактического гражданства, за исключением предоставленных им узких рамок.

Он сознавал, что далеко не все его товарищи так же негодуют из-за этого, как он. Большинство его соучастников, напротив, были вполне довольны уготованной им судьбой. Открытое неповиновение означало рабочие лагеря и никаких шансов на выход в космос. Только солдат, обученный военному делу, имел возможность отправиться к звездам. И как только Кана уяснил себе это, он решил стать образцовым арчем и даже на ходил в обучении утешение, которое смягчало его жгучую ненависть к тем, кто мешал ему занять достойное место среди звезд.

Резкий звук военного свистка вернул его на землю к насущным проблемам. Кана надел на плечи мешок и поднялся по ступеням, по которым только что прошел агент. Оставив мешок на полке у двери, он занял место в ряду людей. Мехи в своих серо-синих комбинезонах и пузырчатых шлемах превосходили по численности арчей в этой части зала Поэтому, даже окруженный своими, Кана чувствовал себя здесь таким же одиноким, как и на улице.

— Они пытались прикрыть крышку, но Фальфа отказался от назначения своего легиона, — говорил слева от него мех, человек лет тридцати, с десятью почетными нашивками, не делая усилий, чтобы приглушить свой громкий голос.

— Его занесут в список за отказ, — с сомнением ответил его собеседник. В конце концов, не всегда ему будет везти.

— Везти? Два легиона не вернулись с этого задания, а ты говоришь о везении! Я слышал, что начато расследование Знаешь ли ты, сколько легионов вычеркнули за последние пять лет из состава? Двадцать! И похоже ли это на простое везение?

Кана чуть не повторил изумленное восклицание слушателя 20 легионов, пропавших за последние 5 лет это уже слишком много. Если современные, вооруженные новейшими средствами легионеры, действующие только на цивилизованных планетах, так уничтожаются, то что сказать об ордах, которые служат лишь на варварских мирах? Неужели и их «удача» столь же плоха? Неудивительно, что в последнее время начались разговоры: плата, которую Земля отдает Центральному Контролю, слишком уж велика Человек перед ним неожиданно сдвинулся, и Кана

заторопился закрыть образовавшуюся щель. Они стояли у самого барьера. Кана подготовил свой браслет, чтобы показать его ожидавшему дежурному Эта полоска гибкого металла, вставленная в щель рекордера, автоматически сообщит всю необходимую информацию относительно Кана Карра, австрало-малайско-гавайского происхождения, 18 лет и 4 месяца, подготовка базисная, предыдущая служба нет. И когда полоска окажется в рекордере, возврата не будет. Дежурный взял браслет, взглянул на него с выражением тусклой скуки и пропустил Кану. Внутри было множество пустых сидений для мехов слева, для арчей справа Он занял ближайшее и осмелился оглядеться Прямо перед ним располагалось информационное табло, на котором все время загорались номера, и хотя Кана знал, что его номер не может появиться так быстро, он напряжением всматривался в бегающие огоньки Вызванные вставали и уходили вглубь в дальнем конце зала. Кана наклонился вперед, чтобы сосчитать людей на своей стороне. По крайней мере, двадцать мечников первого класса, среди них даже два мастера. И 50 или больше солдат второго класса. Но его глаза тщетно искали другие шлемы без крестов — он был один представитель третьего класса.

Новобранцы, которые вместе с ним заканчивали обучение, должно быть, уже получили свои назначения. Минутку… красный свет. Двое солдат второго класса встали, одергивая мундиры и подтягивая пояса. Но прежде чем они успели пройти в проход, произошло непредвиденное. Табло вспыхнуло белым цветом и совсем выключилось, когда на платформе в центре зала появилась небольшая группа людей. Вперед выступил офицер без скрещенных плечевых поясов полевого образца, но с четырьмя звездами на груди. Рядом с ним стоял галактический агент в красном плаще и патрульные. Кана узнал всех троих. Агент был с Веги-3, патрульные — с Капеллы-2. Об этом безошибочно свидетельствовала длина их ног.

— Солдаты! — прозвучал натренированный на парадах голос офицера. Наступила тишина. — Недавние события делают необходимым это объявление. Мы провели расследование с помощью средств Центрального Контроля — происшествие на Неверзе. Установлено, что наше поражение там — результат местных обстоятельств. Слухи об этом происшествии не должны повторяться никем в Корпусе под угрозой применения главного кодекса.

Во имя неба! Удивление Каны, возможно, и не

отразилось от крыто на маскоподобном лице, унаследованном от мальтийских предков, но мозг его напряженно работал. Сделать подобное объявление — значит просто напрашиваться на неприятности! Неужели офицер не понимает этого? Хмурое выражение Лица галактического агента свидетельствовало о его неудовольствии. Происшествие на Неверзе — он впервые слышал об этом. Но он был готов заложить половину своей первой зарплаты, если через 10 минут все в этом зале не будут усиленно выяснять, что это за слухи, которые так яростно опровергаются. Слухи будут распространяться, как масло по реке. Похоже, что агент не соглашался с офицером. Но он мог лишь советовать, а не отдавать прямые приказы. Да и поздно уже ликвидировать вред. Если офицер хотел уменьшить напряжение, то он, наоборот усилил его. С решительным жестом офицер двинулся по проходу, остальные последовали за ним. Снова на табло вспыхнули огни. Но как только двери за ним закрылись, в зале поднялась на стоящая буря.

Кана вовремя успел взглянуть на табло. На его стороне зала встало еще три человека, и следом за их номерами появилась знакомая комбинация, на которую он отвечал за последние 10 лет

и которая для него стала более привычной, чем имя, данное ему родителями. За дверью он пошел медленно, скромно держась за солдатами, ответившими на тот же вызов. Третий класс есть третий класс, ниже его разве что кадет, еще не закончивший обучения. Он самый младший из всех. Кана скромно вошел в лифт вслед за одним из ветеранов. Ветеран, судя по чертам лица, был афро-арабом, может быть с небольшой примесью европейской крови от той горстки беглецов, что спаслись на юге от атомных войн. Он был очень высок, а на его безбородом темном лице виднелись старые шрамы. Множество знаков отличия сверкало на его шлеме и поясе, и среди них — Кана прищурился, чтобы разглядеть, — не менее шести высшего ранга. А ведь ему не может быть больше тридцати лет. Арчи, ответившие на вызов, выстроились в линию в верхнем зале. Ветераны являли собой блестящее зрелище. Арчи и мехи привыкли носить все знаки отличия. Успешно выполненное задание означало еще одну драгоценность, усаженную на пояс или вделанную в шлем. В плохие времена эти драгоценности можно было продать или заложить. Такова была форма сбережений на всех планетах Галактики.

Спустя несколько минут Кана Карр вступил в помещение офицера, ведающего назначением. Это был мастер-мечник с пластиковой рукой, объяснявшей его нынешнее занятие. Кана доложил:

— Кана Карр, мечник, третий класс, первое назначение, сэр.

— Нет опыта… — пластиковые пальцы отбивали неторопливую дробь на столе, — но высшая степень подготовки — класс Х-три. Далеко ли вы продвинулись?

— Четвертый уровень, контакты с чужими культурами, сэр, — Кана гордился этим. Он единственный в своей группе достиг этого уровня.

— Четвертый уровень, — повторил мастер. Тон его свидетельствовал, что на него сей факт не произвел впечатления. — Что ж, это уже кое-что. Мы набираем людей для орды Йорка. Полицейская акция на планете Фронн. Обычные условия. Сегодня вечером вылетите на базу Секундуса, оттуда на Фронн. В пути около месяца. Условия найма сохраняются на протяжении всей акции Можете отказаться — это первый выбор, — он произнес официальную формулу усталым голосом, как человек, произносивший ее уже много раз.

Кана знал, что ему позволено отказаться

дважды, но делать это без достаточно веской причины — значило заработать черную отметку. И полицейская акция — хотя эти слова могли означать что угодно — была отличным способом приобрести опыт.

— Я принимаю назначение, сэр! — он вторично снял браслет и смотрел, как мастер вложил его в блок перед собой и нажал клавишу. Когда он получит его обратно, на нем появится звездочка, означающая успешное выполнение задания.

— Корабль стартует в пятом доке в семнадцать часов. Свободны!

Кана отсалютовал и вышел. Он хотел есть. Столовая была открыта, и так как он теперь находился на службе, то мог позволить себе больше, чем обычный рацион. Но нежелание тратить еще не заработанные деньги заставило его заказать обычную для арча пищу. Он склонился над едой, вслушиваясь в обрывки разговоров. Как он и ожидал, объявление в зале найма породило немало невероятных историй.

— Потеряно 50 легионов за 5 лет! — провозглашал мастер-мех. — Нам больше не говорят правды. Я слышал, что Лонгмид и Грот отказались от назначения.

— Шишки суетятся, — подхватил мастер-меч-

ник. — Видели, как разговаривал с нами старый Поалкен? Он с радостью вызвал бы патруль и прикончил бы всех. Говорю вам, что нам нужно делать… заняться планетой, которую я мог бы назвать. Это помогло бы… — наступило мгновение тишины. Говорящему не нужно было называть свою цель. Вся ненависть человечества к Центральному Контролю лежала за этим взрывом.

Кана не мог оставаться дальше. Он покинул гудящую столовую. Орда Йорка была небольшой воинской частью. Фитч Йорк, ее начальник лезвия, был молод и командиром стал всего четыре года назад. Но при молодом командире легче выдвинуться. Фронн — этот мир Кане не известен. Но это легко исправить. Кана проделал через множество коридоров путь к тихой комнате с рядами будок у стены. В конце комнаты находился контрольный щит с рядами кнопок. Он набрал нужную комбинацию и подождал запись. Катушка оказалась небольшой. Немного известно о Фронне. Кана прошел в ближайшую будку, вложил катушку в ожидающую машину и снял шлем, чтобы приладить к вискам ленту передачи образов. Секунду спустя он погрузился в сон, а информация из катушки стала поступать в клетки его памяти. Четверть часа спустя он очнулся. Так

вот каков Фронн — не особенно гостеприимный мир. В катушке были только основные данные. Но он теперь обладал всеми знаниями, которые хранились в архиве. Кана вздохнул — предстоит провести месяц пути в камере давления. Офицер, нанявший его, не упоминал об этом. Камера давления и водная акклиматизация. Впрочем, какая разница? Кана надеялся лишь, что выдержит все и не заболеет.

Возвращая катушку, Кана встретил стоящего у селектора меха — мех нетерпеливо насвистывал что-то сквозь зубы, поигрывая рукоятью своего бластера. Он был ненамного старше Каны, но держал себя с надменным высокомерием человека, выполнившего не менее двух заданий, у настоящих ветеранов такого высокомерия не было. Кана оглянулся на будки. Он был единственным посетителем. Чего же ждал мех? Кана положил катушку и пошел, но, выходя, увидел в полированной двери странное зрелище: мех схватил катушку с информацией о Фронне прежде, чем она исчезла в щели. Фронн примитивный мир, планета 5-го класса. Согласно правилам ЦК, здесь могут применяться только орды арчей, обученных для так называемой рукопашной: самое сильное их оружие — обычное ружье. На

Фронне механизированный отряд с бластерами, краулерами, скуттерами вне закона. Зачем же меху сведения об этой планете? Пустое любопытство относительно планет, на которых никогда не придется служить, не было распространено среди наемников. Требовалась лишь та информация, которую действительно можно было использовать. Теперь Кана жалел, что не бросил более пристального взгляда на тонкое лицо, затененное пузырчатым шлемом. Удивленный и слегка встревоженный, он отправился добывать предметы личного снаряжения, какие предсказывали его новые сведения о Фронне. Он задумчиво осмотрел спальный мешок из шелка озакланского паука, выложенный особым мехом, и отказался от него. А также от перчаток из кожи караба, которые пытался всучить ему торговец. Такая роскошь для ветеранов, у которых на поясе достаточно драгоценностей, чтобы позволить себе оргию покупок. Кана бережливо отобрал второсортный камбирийский спальный мешок, короткую куртку из шерсти засти, отороченную мехом, с капюшоном и прикрепленными перчатками — все очень скромное и легкое и без труда поместится в его тощем походном ранце. И когда заплатил за все это, у него оставалось еще четыре

кредита.

Торговец небрежно завернул его покупки.

— Похоже парень, ты направляешься в холодные края заметил он.

— На Фронн.

— Никогда не слышал о таком месте. Для меня все равно что никуда. Смотри чтобы в тебя не метнули копье из-за куста. Парни в таких далеких местах неласковы. Но и вы тоже, не так ли? — он задумчиво взглянул на мундир Каны. — Да уж я предпочитаю бластер и форму меха.

— Но тогда бы вам противостоял противник, тоже вооруженный бластером. — Кана взялся за пакет.

— Пусть будет по твоему, приятель, — торговец утратил к Кане всякий интерес — приближался сверкающий драгоценностями ветеран.

Кана узнал в нем человека, который перед ним вошел в помещение, офицера по найму. Неужели и он тоже получил назначение в орду Йорка на Фронн? Когда на прилавке распростерся спальный мешок, сверкая паучьим шелком и другие вещи, аналогичные выбранным Каной, но гораздо более роскошные, он понял, что его догадка верна. В 16.30 новобранец стоял со своим мешком в секции ожидания пятого дока. Пока он был

один, если не считать какого-то капрала в центре и двух космонавтов в дальнем конце, занятых работой. Прийти так рано — значит проявить себя зеленым новичком, но он был слишком возбужден, чтобы ждать где-то в другом месте. Без двадцати пять начали появляться его будущие товарищи по отряду. Еще 10 минут спустя они заполнили подвижные платформы, которые доставили их на грузовой корабль. Сверившись со списком, судовой офицер пропустил Кану. Через 5 минут он уже был в двухместной каюте, раздумывая, которая же койка принадлежит ему. За ним глухо прозвучало:

— Эй! Полезай вверх или оставайся внизу! Не время спать на часах рекрут! Никогда не летал прежде?

Кана прижался к стене, торопливо убирая свой вещевой мешок с дороги входящего.

— Тогда вверх! — с нетерпеливым фырканьем его сосед по каюте забросил вещмешок Каны на верхнюю койку. — Убери свои вещи в шкаф! Вот туда! — и коричневый палец указал на стенку каюты.

Кана всмотрелся в стену. Конечно, вот маленькая кнопка. Кана нажал ее: отодвинулась секция стены, а за ней оказалось углубление. Здесь будут

лежать его вещи. Глубокий звук гонга прервал его исследования. По этому сигналу ветеран снял шлем и пояс, отложив их в сторону, Кана торопливо последовал его примеру. Гонг — первое предупреждение… Он растянулся на койке и занялся пряжками крепления. Под его весом матрас поддался. Он знал, как переносить ускорение, — это был первый тест, которому подвергались рекруты на тренировках. И он был на полевых маневрах на Марсе и Луне. Но это его первый выход в глубокий космос. Он разгладил мундир и стал ждать третьего гонга, за которым следует взлет. Уже давно земляне вышли в космос. Триста лет назад состоялся первый зарегистрированный полет в Галактику. Но существовали легенды о кораблях, задолго до этого улетевших от атомной войны и последовавших за ней веков политического и социального смятения. Они были либо очень отчаянными, либо очень смелыми, эти первые исследователи, — посылая корабли в неведомое, сами спали, замороженные, и у них был, вероятно, один шанс из тысячи проснуться, когда корабль приблизится к другой планете. С использованием галактического сверхдрайва такой риск перестал быть необходимым. Но не слишком ли высокую цену заплатили люди за

быстрые перелеты от звезды к звезде? Хотя солдат не обсуждает открыто действия властей или существующее положение, Кана знал, что не он один недоволен ролью, отведенной землянам. Что было бы с его расой, если бы ее представители в первом историческом полете не встретились с устойчивой высшей силой Центрального Контроля? В соответствии с решением хозяев Галактики, мозг, тело и темперамент землян соответствовали лишь одной роли в тщательно организованной структуре мира. Появляющиеся на свет с врожденным стремлением к борьбе, люди должны были поставлять наемников на другие планеты. Психотехники ЦК считали, что земляне наилучшим образом подходят для схватки, и поэтому Земля была обречена на войны. И земляне приняли эту роль из-за обещания ЦК, — исполнение которого отодвигалось с каждым годом, — что когда земляне будут готовы к вступлению в галактическое гражданство, то оно будет предоставлено им. Но что если бы ЦК не существовал? Неужели повторяющиеся утверждения агентов оказались бы справедливыми? Неужели земляне, никем не остановленные, захватили бы планету за планетой в своей ожесточенной борьбе за власть? Кана был уверен, что это ложь.

Но сейчас, если землянин хотел увидеть звезды, если в нем горело стремление к новому и неизведанному, у него был только один путь — меч солдата.

Огромная рука прижала грудную клетку к сопротивляющимся легким. Кана забыл все в отчаянной борьбе за глоток воздуха. Они стартовали.

Должно быть, Кана потерял сознание, потому что, когда он вновь осознал свое окружение, товарищ по каюте уже прикреплял «космические ноги», приспособленные к низкому тяготению жилых секций корабля. Без шлема, в полураспахнутой тунике, обнажавшей широкую грудь, ветеран утратил часть своего пугающего ореола. Теперь он мог бы быть одним из тех жестколицых инструкторов, которых Кана знал большую половину своей короткой жизни. Космический загар на естественно смуглой коже делал его почти черным. Короткие волосы были пострижены кружком, как предпочитало большинство землян. Он двигался с кошачьей легкостью, и Кана решил, что не стоит скрещивать с ним мечи в схватке. Вдруг ветеран повернулся, как будто почувствовал на себе взгляд Каны.

— Ваше первое назначение? — спросил он. Кана

с трудом выбрался из ремней, удерживающих его на койке, и перебросил ноги через край, прежде чем ответил:

— Да, сэр Я только что закончил обучение..

— Боже, каких молодых теперь посылают, — заметил ветеран. — Имя и ранг..

— Кана Карр, сэр, мечник, третий класс.

— А я Триг Хансу, — объявлять свой ранг ему не было нужды: двойная звезда мастера-мечника сверкала на тунике. — Назначены к Йорку?

— Да, сэр.

— Верите в трудное начало, а? — Хансу извлек из стенного углубления пружинное сиденье и сел. — Фронн — не райский сад.

— Это начало, сэр, — коротко ответил Кана и встал на пол, не отпуская края койки.

Хансу сардонически улыбнулся.

— Ну, мы все герои, когда заканчиваем обучение. Пришлось позубрить, чтобы попасть к Йорку, а?

У Каны был наготове ответ.

— Офицер по найму искал новобранцев, сэр.

— Это может означать несколько вещей, юноша, и ни одна из них не в вашу пользу. Ну, например, мечник третьего класса обходится гораздо дешевле первого или второго. Впрочем,

не следует разрушать иллюзии молодых. Звонок на обед. Пошли?

Кана был рад, что ветеран пригласил его, потому что маленькая столовая была буквально заполнена сверкающими знаками отличия высших рангов. Тяготение было вполне достаточно для того, чтобы сидеть и есть цивилизованно, но желудок Каны совсем не радовался пище. А скоро это ощущение станет еще хуже, подумал он угрюмо, когда придется проходить адаптацию к условиям Фронна перед посадкой. С растущим отчаянием рассматривал он собравшихся. Орда делилась на отряды, а отряды — на пары. Если человек не сам находил себе пару, а ему назначал напарника командир, — немногие удовольствия и удобства полевой службы становились сомнительными и даже опасными. Твой напарник играет, сражается и живет рядом с тобой. Часто твоя жизнь зависит от его искусства и храбрости — точно так же, как его жизнь — от твоей. Пары служили совместно годами, переходя из одной орды в другую. А кто в этой сверкающей толпе выберет в напарники себе зеленого новичка? Очевидно, дело кончится тем, что его придадут ветерану, который будет недоволен его неопытностью и неумелостью, и начало у него будет

действительно трудным. Уф, да у него появилась космическая хандра! Надо подумать о чем-нибудь другом. Но неуверенность и беспокойство, преследовавшие его весь день, долгий и полный событиями, сохранились и дошли до предела в странном пугающем сне: он бежал изо всех сил по сумеречной местности, стараясь спастись от красного луча бластера меха. Кана проснулся с сжимающимся сердцем и, вспотев, лежал в темной каюте. Его преследовал мех — но мехи не воюют с арчами. Но все же… прошло немало времени, прежде чем он снова сумел заснуть.

Свет искусственного корабельного дня разбудил его поздно. Хансу не было, содержимое его полевого мешка валялось на пустой койке. Внимание Каны привлек игольный нож в ножнах, гладко отполированных от многолетних прикосновений к гладкой коже владельца. Его простая ручка была удобна в работе. А присутствие его среди вещей означало, что Кана делит каюту с человеком, владеющим самой смертоносной формой рукопашной схватки. Кана хотел взять оружие взвесить в руках, примерить к себе. Но он знал, что нельзя прикасаться к личному оружию без разрешения владельца. Это прямое оскорбление, ведущее к «встрече», с которой один из них

не вернется. Кана слышал достаточно рассказов инструкторов, чтобы быть знакомым с неписаным казарменным кодексом.

Он опоздал в столовую и с виноватой быстротой ел под нетерпеливыми взглядами стюардов. Потом прошел на прогулочную палубу, где проводили время солдаты. Здесь играли в карты, и обычная толпа нетерпеливых игроков окружала доску. Но Триг Хансу не включился ни в одну из групп. Он сидел на матрасе, скрестив ноги и держа портативный аппарат для чтения, внимательно всматривался в проекцию. Заинтересованный Кана миновал игроков, чтобы взглянуть на маленький экран. Он успел разглядеть какую-то местность, угрюмую, темную: поперек экрана двигались вьючные животные. Хансу, не поворачивая головы, сказал:

— Если интересно, садись, новичок.

Покраснев, Кана хотел смешаться с толпой, но Хансу на самом деле подвинулся и дал ему место.

— Видишь, наше будущее, — он ткнул пальцем в экран, когда Кана опустился рядом с ним. — Это Фронн.

Вьючные животные фроннианских равнин были четвероногими, их длинные ноги, казалось,

состояли из обтянутых кожей костей. С обеих сторон их чешуйчатых спин свисали тюки, костистая растительность покрывала все их тело, из черепа торчали рога.

Караван гуенов, узнал Кана. Должно быть, западные береговые равнины.

Хансу нажал кнопку, и экран погас.

— Вы специально изучали Фронн?

— В архиве, сэр.

— Молодость полна энтузиазма. Вы ведь только что из обучения? Специализация нож, ружье?

— Всего понемногу, сэр. Но специализация Х-три. В основном, связь с чужими культурами..

— Гм. Это объясняет ваше присутствие здесь, — Хансу говорил не очень ясно. — Х-три… Интересно, чем они вас теперь начиняют… — и он быстро разразился целой серией вопросов, очень похожих на те, что слышал Кана, прежде чем получил знак своей специальности. Когда он ответил на них, стараясь изо всех сил, — откровенно говоря, ему не раз приходилось отвечать: «Не знаю, сэр», — Хансу кивнул.

— Неплохо. Как только большая часть теории вылетит из вашей головы, а опыт научит тому, что действительно необходимо знать об этой игре, вы оправдаете по крайней мере половину

своего жалования…

— Вы сказали, что специализация Х-три объясняет мое назначение, сэр?..

Но ветеран, по-видимому, потерял интерес к разговору. Игра явно кончилась шумным и не очень добродушным спором, и Хансу хлопнул по плечу другой ветеран такого же ранга и увел в группу, образовавшуюся для нового кона. Не получив ответа на свой вопрос, Кана начал внимательно всматриваться в окружавших его людей. Здесь были не только ветераны, но и старослужащие, с большим количеством звезд. В разговорах упоминались знаменитые командиры орд. Но Фитч Йорк был сравнительно новичком, не обладающим достаточной известностью, чтобы привлечь этих людей. Не нормальнее было бы, если бы они отказались от назначения? К чему такая концентрация опыта и искусства в небольшой орде на неизвестной планете? Кана, например, был уверен, что Хансу сам выдающийся Х-три специалист. В течение следующих дней он редко видел ветерана, и посадка на Секундус после скуки путешествия наступила нескоро.

В качестве временного помещения орде Йорка назначили длинный зал, в одном конце которого размещалась столовая, а в другом конце расста-

вили койки. И сотня мужчин, перетаскивающих свои пожитки и личное вооружение, приветствующих старых друзей, делящихся солдатскими слухами и новостями, превратили зал в ураган шума и смятения. Кана, не зная куда идти, пошел за Хансу вдоль зала. Но когда мастер-мечник подошел к сверкающему кругу своих товарищей, новичок был предоставлен самому себе и отправился в темный угол, соответствующий его неопытности и общей зелености. Особого выбора у него не было. Третий класс располагался в самом неудобном месте у двери. И с чувством облегчения Кана заметил несколько мундиров, так же лишенных украшения, как и его собственный. Бросив мешок на койку, он показал, что занимает ее.

— Видел, кто нанялся? — спросил один из его соседей. Триг Хансу.

Низкий удивленный свист был ответом на его слова.

— Но он ведь высший класс. Что он делает в этой части? Он вполне мог бы наняться к Загрену Осмину или Франлану. Йорк из сил должен был выбиться, чтобы заполучить его хотя бы на один день!

— Да? Но я кое-что о нем слышал. Он готов от-

казаться от самого выгодного назначения, чтобы уйти с регулярных линий и попасть в новый мир. Давно мог иметь и собственную орду, если бы не выкидывал свои штучки. А не заметил ли ты, братец, кое-что странное в этой толпе? Здесь не только Хансу! — тут говорящий заметил мешок Каны и быстро повернулся, чтобы осмотреть его владельца. — Ага, кое-что новое на ракетном хвосте. Хорошенький новичок готов поймать удачу или умереть на поле славы. Как тебя зовут, новичок? — в его словах не было сарказма, да и сам говоривший не много превосходил Кану возрастом и службой.

— Кана Карр, третий класс…

— Мик Хамет, третий класс… а этот разиня, что там раскинул ноги, Рей Каласси, тоже нашего низшего ранга. Первое назначение?

Кана кивнул. Темно-рыжие волосы Мика Хамета были коротко подстрижены, его кожа скорее покраснела, чем потемнела от загара, а вокруг плоского носа разбегалась паутина веснушек. Его друг расправил свои длинные ноги и оказался ростом не менее шести футов двух дюймов. Лицо у него было сонное, но в маленьких серых глазках светился юмор и интерес.

— Нам не повезло. Пришлось отказаться от на-

значения в орду Остерберга четыре месяца назад. Так что мы с радостью согласились, хотя офицер, ведающий назначениями, смотрел на нас так, будто мы мучные черви.

— У вас есть пара, Карр? — хриплым голосом спросил Каласси.

— Нет, я задержался с окончанием обучения. А все, кто летел со мной с Прайма, были ветераны…

— Это плохо, — Мик перестал улыбаться. — Большинство из нас, третий класс, уже имеют пары, а тебе не захочется иметь парой Крософа или кого-либо еще.

— Я слышал, если приедешь в одиночку, то Йорк даст в пару ветерана, — вмешался Рей. — У него теория, что новичков надо спаривать с ветеранами…

— А это очень плохо, — продолжал его товарищ. — Не следует вступать в пару с кем-нибудь, пока не узнаешь его. На твоем месте, Карр, я бы как можно дольше оставался бы один. Если повезет, найдешь себе хорошего парня в партнеры. Держись с нами, пока не отыщешь себе пару…

— Хорошая возможность держаться подальше от этих разукрашенных… — Рей кивнул в сторону ветеранов. Он надел шлем и застегнул ремень. —

До утра ничего не произойдет, можем провести ночь в городе. Ты не видел, парень, настоящего веселья, если не побывал на Секундусе.

Кана радовался, пока не вспомнил о своем скромном кошельке. Четырех кредитов не хватит даже на хороший обед… он был в этом уверен. Но когда он покачал головой, пальцы Мика сомкнулись на его руке.

— Не волнуйся, парень. Мы долго пробыли в захолустье и совсем не хотим улететь, зажав кредиты в пальцах. Заплатим за тебя, а когда получишь первую звезду, ответишь нам тем же. А теперь быстрее, пока кому-нибудь не пришло в голову засадить молодое поколение за работу для блага его души.

За пределами казарм начинался типичный портовый город. Таверны, кафе, игорные дома, рассчитанные на все ранги и цены, от мастеров-мечников до новобранцев. Жмуря глаза от яркого света рекламы, Кана еще раз подумал, что сюда нечего соваться с четырьмя кредитами. К его смущению, намерения его проводников были отнюдь не скромными. Они миновали кафе, которое бы выбрал Кана, и втащили его в широкую дверь. Башмаки их погрузились в толстый четырехдюймовый ковер, который мог быть соткан

только на Саке. Стены были покрыты гобеленами с Сансифара. Кана замешкался.

— Слишком роскошно, — запротестовал он.

Но хватка Мика не ослабла, а Рей захихикал.

— Вне поля не существует рангов, — сардонически напомнил Мик. — Третий класс и мастер лезвия — все мы в одной шкуре. Только штатские заботятся об искусственных различиях.

— Конечно. Солдат имеет право идти куда ему угодно. А нам угодно идти сюда. Клянусь раздвоенным хвостом Бламанда, я бы все отдал, чтобы оказаться за одной из этих завес. А вот и официант.

К ним приближалась скелетоподобная большеголовая фигура туземца с Вульфа-2. Он приветствовал их профессиональной улыбкой, обнажив двойной ряд клыков, отчего земляне слегка занервничали.

— Ничего чрезвычайного, — сказал Мик. — Мы завтра улетаем. Обойдемся сами, Фрихпальт. Не беспокойся…

Волчий оскал стал еще шире, официант отошел. Когда они прошли в следующее помещение, Кана заметил:

— Вы здесь не впервые?

— Да. Знакомы с Фрихпальтом. Он вовсе не

плохой старина волк. Давайте поедим.

Они провели Кану через анфиладу роскошных помещений с экзотической обстановкой, чрезвычайно отличающейся друг от друга, и наконец пришли в комнату, вид которой вызвал у него удивленное восклицание. Они как будто вошли в джунгли. Огромные папоротники возвышались по сторонам, опуская у них над головами длинные листья, но не закрывая золотистое освещение, которое окутывало мягкие сиденья и резные столики. Среди зелени порхали разноцветные огненные пятна, которые могли быть только легендарными кротандами с острова внутреннего мира Цефаса. Кана, встретив ожившие рассказы путешественников, ошеломленно позволил товарищам посадить себя на скамью.

— Кротаиды? Но как?..

Костяшки пальцев Мика ударились о ствол ближайшего папоротника, и в ответ послышался металлический звук. Кана протянул руку, она, вместо грубой коры, встретила гладкую металлическую поверхность. Все это было искусственной иллюзией.

— Все делается при помощи зеркал, — пояснил Мик. — Но это одна из лучших выдумок Слонала. За всем присматривает Фрихпальт, но придумал

все его хозяин. А вот и еда.

На столе появились тарелки. Кана осторожно попробовал и принялся есть.

— Не скоро мы еще раз попробуем такую еду, — заметил Рей. — Я слышал, Фронн не очень приятная планета.

— Климат для нас холодный, а туземная культура на феодальном уровне, пояснил Кана.

— «Полицейская акция», — протянул Мик. — Полицейские акции не вяжутся с феодальным правительством Кто там наверху короли? Императоры?

— Короли — они называют их гатанусы — правят небольшими нациями. Но право наследства передается по женской линии. Наследником гатануса является сын его старшей сестры, а не собственный. Родственные связи с матерью и сестрами гораздо ближе, чем с отцом и братьями.

— Ты, должно быть, изучал все это..

— Я воспользовался записью на Прайме.

Рей казался довольным.

— Похоже, ты неплохое приобретение Мик, нам нужно держать его в лапах.

Мик проглотил огромный кусок.

— Конечно. Мне почему-то кажется, что этот

перелет будет нелегким, и чем больше мы знаем, тем лучше для нас.

Кана перевел взгляд с одного на другого, уловив тень беспокойства.

— Что случилось?

Мик покачал головой, а Рей пожал плечами.

— Пусть меня сожжет бластер, если я знаю. Но если побродить по свету и познакомиться поближе с «человеком», каким бы странным он ни был, начинаешь чувствовать. И мы чувствуем…

— Йорк?

Моральный дух любой орды зависит от характера ее мастера лезвия. Если Йорк не сумел внушить уверенность своим последователям..

Мик нахмурился.

— Нет, дело не в Фитче Йорке. По всем меркам он командир что надо. Много блестящих парней, кроме Хансу, подписали назначение уже это говорит о том, как ценится мастер лезвия. Какое-то чувство… что-то неопределенное… внутри, — большой рот Мика изогнулся в улыбке, нацеленной в самого себя. — Неплохие мы гадальщики, а? Читайте наше будущее гадание в кредит! Фронн не хуже многих планет, которые мне известны. Покончим с этим? И покажем новичку тайну Фрихпальта. Единственный слу-

чай, когда старый волк проявил воображение. И клянусь космическими летучими мышами, дело этого стоит!

Полет воображения Фрихпальта оказался игорным механизмом, который собрал вокруг себя большую группу солдат. В полу комнаты находился бассейн, разделенный на секции, окружающие центральную арену. В каждом из небольших, заполненных водой участков находилась рыба около пяти дюймов длиной, две трети ее тела занимала пасть, усаженная острыми зубами.

К ее хвостовому плавнику был прикреплен ярлычок. Рыбы были разного цвета. Они яростно кружили в клетках. Игроки собирались вокруг бассейна, изучая пленников. Когда двое или трое избирали своих бойцов и опускали кредитные фишки в щель у борта, открывались дверцы клеток, выпуская рыб на арену. Далее следовала жестокая схватка, прекращающаяся лишь тогда, когда только один боец оставался в живых. И ставивший на победителя собирал плату с тех, кто ставил на побежденного. Невозможно было придумать более привлекательную игру, чтобы вытягивать у солдат кредиты. Кана внимательно разглядывал плавающих бойцов, пока не выбрал дуэлянта с мощными челюстями и зеленым хво-

стом. Он купил у держателя банка кредитную фишку и наклонился, чтобы опустить ее в щель. Мощная волосатая лапа опустилась на его плечо, и он с трудом удержался от падения в бассейн.

— Вон отсюда, мальчишка! Это мужская забава…

— Что та… — Кана захлебнулся кашлем, и Мик кулаком ударил его в спину, а кто-то еще легко оттащил его от бассейна и от человека, занявшего его место. Тот злобно усмехнулся. Затем, утратив всякий интерес к новичку, повернулся к бассейну. Боец, освобожденный фишкой Каны, выплыл на арену. Все хорошее настроение Каны улетучилось. Рей старательно отводил взгляд, в то же время держа Кану хваткой, известной в борьбе без оружия. Кана знал, что против нее лучше не бороться.

— Уходим… немедленно… — сказал Мик.

— Что такое? — снова начал Кана. — Почему…

— Парень, ты чуть не выкопал себе здесь могилу. Это Богат, Запан Богат. У него на мече 20 дуэльных зарубок… он ест новичков на завтрак, когда может их заполучить, — Мик говорил шутя, Ир голос его звучал серьезно.

— Вы думаете, я испугался? — вспылил Кана.

— Слушай, парень, можно быть гордым и все же

не знать марсианскую песчаную крысу и не пинать ее в зубы. После этого героического поступка ты проживешь недолго. Ты слишком умен, чтобы связываться с Богатом. Когда-нибудь кто-то из больших — Хансу, Дик Миллз или еще кто-то — рассердится на Богата. И тогда — о, парни! — тогда вы сможете продать свое место возле схватки и будете миллионерами! Богат — это внезапная болезненная смерть на двух согнутых ногах.

— Кроме того, он лучший разведчик, когда-либо вынюхивавший след, — вмешался Рей. — Богат в игре и Богат на поле — это два разных человека. Мастера лезвия терпят одного ради другого.

Кана понял, что они правы. Было бы глупо возвращаться и задевать Богата. Но он еще протестовал, пока его не прервал Хансу. Ветеран в сопровождении двух полицейских подошел к ним.

— Люди Йорка? — спросил он.

— Да, сэр.

— Возвращайтесь в казармы, и побыстрее. Получен приказ о взлете… — и он прошел мимо, направляясь к следующей группе.

Троица быстрым шагом устремилась к казармам..

— Что теперь? — хотел бы знать Трот. — Я же

слышал, что мы отправимся завтра в полдень. Из-за чего такая спешка?

— Я тебе говорил, — заявил Мик, — что все это пахнет… не очень приятно. Мы только что пообедали… а тут взлет и камера повышенного давления! Мы очень пожалеем, что ели, очень!

Все еще слыша это ужасное пророчество, Кана взял с койки, которую он так и не успел испытать, свой мешок и вместе с Миком и Реем занял место на платформе, которая должна была отвезти их к транспорту. Когда их разделили на четверки, Кана обнаружил, что делит камеру давления со своими новыми знакомыми и солдатом, которому явно было скучно в молодежной компании. Они разделись до трусов и получили целый набор уколов. После чего не оставалось ничего другого, как лечь на койки и терпеливо переносить неприятные ощущения.

Следующие несколько дней были чем угодно, только не приятным времяпрепровождением. Их тела заставляли медленно привыкать к условиям Фронна, так как планета не собиралась привыкать к ним. Это был болезненный процесс. Но когда они высадились в холодном мире, то были готовы к действиям. Кана по-прежнему не имел пары. Он держался Мика и Рея, как они и сове-

товали, но знал, что рано или поздно их троица будет разбита, и он должен будет назвать своего партнера. Он сторонился ветеранов, а три или четыре солдата третьего класса, еще не имевшие пар, совсем ему не нравились. В большинстве это были старослужащие с большим опытом, чье неисправимое поведение держало их в низшем ранге. Умелые в поле, они были источниками беспокойства в казармах и переходили из одной орды в другую, и в конце каждого назначения их отпускали со вздохом облегчения. Кана продолжал надеяться, что ему не придется быть парой одного из них. Вид Фронна оказался для землян обескураживающим. Они высадились в сумерках и, поскольку Фронн не имел спутников, в темноте прошли к приземистому каменному зданию, которое должно было служить им временной казармой. В длинном помещении совсем не было мебели, и троица уселась на свои мешки, раздумывая, достать ли им спальные мешки или подождать указаний. Длинный нос Рея сморщился в отвращении, когда он передвинул башмаки с подозрительного пятна на грязном полу.

— Я бы сказал, что нас поместили во второсортные условия.

— Второй сорт? — переспросил Мик. — Скорее,

пятый. А раньше обитателями этого дома были животные. Это фроннианский коровник, если нос меня не обманывает.

И вот прозвучал приказ, которого больше всего боялся Кана — у стола мастера-мечника в дальнем конце помещения началась регистрация пар. Рей и Мик, сказав ему что-то одобрительное, встали в очередь. Кана колебался, не зная, что делать, когда услышал резкий звук нового голоса. От него поблизости стоял Богат и еще один солдат того же типа. А третий их партнер улыбался рядом с Богатом.

— Вот и новичок не знает, что ему делать. Бедный маленький новичок. Иди, Сим, и возьми его за руку. Ему нужна нянька…

Кана ощетинился. Подбадриваемый Богатом, Сим двинулся к нему, его грубое лицо было искажено подобием улыбки.

— Бедный маленький новичок, — повторил Богат, и половина очереди обернулась, чтобы посмотреть, что происходит. — Сим присмотрит за ним, верно?

— Конечно, Зап. Пошли, новичок, — и его волосатая рука ухватила Кану за рукав.

Последующее было чисто рефлекторным действием со стороны Каны. Отвращение, которое

он ощутил при этом прикосновении, заставило его двинуться. Кана резко выдернул руку, и Сим пошатнулся. Богат вышел из очереди, его маленькие глазки засверкали садистской радостью.

— Похоже, ты не понравился новичку, Сим. Что мы делаем с новичками, которые не понимают своего счастья?

Кана считал, что он настороже, но Сим все же застал его врасплох. Кана не думал, что Сим станет следовать казарменному кодексу. Удар по лицу был так силен, что Кана чуть не упал, а в глазах его появились слезы боли. Стараясь восстановить положение, Кана размышлял. Казарменная дуэль — именно этого хотят забияки — вещь настолько законная, что остальные не вмешивались. У него было единственное преимущество. Они ожидали, что он изберет обычное оружие — меч с закрытыми остриями. Но благодаря особенностям своего земного обучения, у него была возможность избежать отвратительного избиения. Теперь их с Симом окружала толпа ожидающих зрителей. Кана ощутил вкус крови на губах.

— Встреча? — он автоматически задал требуемый вопрос.

— Встреча.

— Дай мне твой меч, Сим. Я прикрою его кон-

чик, — громко сказал Богат.

— Не так быстро. — Кана обрадовался, что голос его звучит спокойно. — Я не говорил о мечах.

— Ружья запрещены, мы не в поле, новичок, — глаза Богата сузились.

— Я выбираю дубину, — ответил Кана.

Наступило молчание. Те арчи, которые дольше пробыли на Фронне, начали понимать, хотя Сим, очевидно, еще не сообразил. Когда он оглянулся на Богата в поисках указаний, в центр круга пробился Хансу. За ним шел другой человек, более молодой, но державшийся властно и уверенно.

— Ты слышал его слова, — сказал Хансу Симу. — Он выбрал дубины. И вы встретитесь здесь, и немедленно. Все должно кончиться до начала марша.

Сим по-прежнему недоумевал, и, видя это, Кана начал надеяться. Мечи с прикрытыми концами — одно дело: человек может быть ранен или даже убит в такой схватке, если встретится с искусным противником. Но вооруженный дубинкой, сделанной из ядовитого дерева, — его прикосновение к человеческому телу оставляет жгучий ожог, местные жители использовали их, чтобы подгонять своих упрямых животных, — он имеет шанс, и, может, даже неплохой. Кана расстегнул

ремень шлема, Мик тут же протянул руку, чтобы взять у него шлем. Рей помог ему снять перекрещивающиеся пояса.

— Ты знаешь, что делаешь, парень? — спросил он полушепотом, когда Кана снимал тунику.

— Надеюсь, лучше, чем Сим, — ответил Кана, стягивая рубашку.

Искра надежды постепенно перерастала в спокойную уверенность. Сим по-прежнему казался смущенным, а с отвратительного лица Богата исчезла наглая улыбка. Молодой человек, шедший за Хансу, исчез. Но прежде чем Кана успел ощутить холод неотапливаемого здания, он вернулся, неся в перчатках две дубины алого цвета. Те, кто знал Фронн, быстро расступились. Кана надел перчатки и взял одну из дубинок. Они были одинаковы по длине и по весу. И, когда круг зрителей расступился, давая им место, Кана с радостью убедился, что на лице Сима явно отразилась неуверенность. Они одновременно встали в позу, держа дубинки, как более привычный им меч. Но если дуэлянт должен опасаться лишь заостренного конца меча, то тут малейшее прикосновение причиняло жгучую боль. Они кружили, нападая и парируя удары. После третьей стычки Кана понял, что имеет

дело с первоклассным мечником, но он также предположил, что относительная легкость нового оружия беспокоит Сима и что его противник не вполне уверен в себе и опасается неизвестных возможностей оружия. Достаточно одного удара, чтобы закончить дуэль. Кана гадал, понимал ли это Сим. Режущий удар по мышцам руки — и она на несколько минут станет бесполезной из-за мучительной боли. Он решил добиться этого, и весь мир для него сузился до дубинки, которой он сражался, и раскачивающегося, прыгающего тела противника. Сим не стал нападать, а ограничился защитой, очевидно, предоставив экспериментировать Кане и тем самым проявив больше ума, чем ожидал Кана. Не потеряв уверенности, но более осторожно, Кана кружил, пользуясь традиционными выпадами и приемами парирования. Сим должен действовать открыто, поверив, что перед ним новичок. Что-то коснулось его груди. Боль была почти такая же сильная, как ожог бластера. Кана стиснул зубы, а Сим, ободренный этим успехом, перешел от защиты к нападению. И его атаку отразить было трудно. Кана был вынужден пятиться, уступать, но в мозгу у него была единственная цель — добраться вот до этого места на мускулистой руке. Дубинка Сима вновь

достигла цели, задев челюсть Каны. Молодой человек ошеломленно крутил головой, но успел все же отскочить в сторону и уйти от второго удара. Резкое отступление, должно быть, показалось Симу признаком того, что у него сдали нервы, и он разразился водопадом ударов. И тут наступил момент, которого и ожидал Кана: его дубинка попала в руку противника как раз ниже плеча. Менее подготовленный, чем Кана думал, его противник закричал, схватился за красный ожог на руке, дубинка его покатилась по полу к ногам Кана. Кана поднял свое оружие в формальном приветствии.

— Удовлетворены? — задал он традиционный вопрос.

От боли Сим лишился дара речи, он лишь кивнул, но в его глазах ненависть боролась с болью. Но так как он не мог держать оружия, то вынужден был сдаться, хотя, конечно, далеко не был удовлетворен.

Кана услышал гул голосов. Обрывки разговоров дали ему понять, что эти знатоки обсуждали со всех сторон и возможных точек зрения его победу. Он уронил дубину на пол и поднял руку к горящей челюсти.

— Не трогайте, вы, юный глупец! — услышал

он властный голос. Молодой человек, принесший дубины, отвел руку Кана и начал смазывать его ожог желтой мазью. Кана почувствовал, как огненная боль сменяется прохладой. Он терпеливо ждал, пока смазали и саднящий бок, а затем накинул протянутую Миком куртку.

— Ладно, ладно! — послышался сквозь гул густой бас Хансу. — Представление окончено.

Но когда остальные вернулись в очередь, мастер-мечник остался стоять между Каной и Симом, глядя на них обоих со стальным блеском в глазах.

— За ссору в казарме, объявил он, — будет штраф в размере трехдневной полевой платы! А если у кого-нибудь из вас появится мысль продолжить ссору, будете иметь дело со мной!

Кана, неспособный надеть шлем из-за больной челюсти, с готовностью согласился на мир, и Сим тоже пробормотал что-то в знак согласия.

— Вы, Лоту, отправляйтесь к Дау, — Хансу ткнул пальцем в конец очереди. Сим, поддерживая больную руку, послушно прошел мимо Богата и занял место рядом со смуглым и жилистым ветераном. Кана остался на месте.

— Я отвечаю за него, — проговорил молодой ветеран, и Кана понял, что это уже было решено

между ним и Хансу. Все еще не зная, кто его партнер, Кана пошел за ним.

— Миллз и Карр, — Хансу занес их в список отряда, которым сам будет командовать.

Миллз… в этом имени было что-то знакомое. Сворачивая спальный мешок, Кана пытался вспомнить, где он слышал это имя раньше. Но тут на него налетели удивленные и возбужденные Мик и Рей.

— Позволь дотронуться до тебя, — приветствовал его Мик. Может, и ко мне перейдет немного удачи. Мне она не помешала бы!

— Ты, должно быть, родился с мечом в руке и звездой во рту! — воскликнул Рей. — Как тебе нравится Дик Миллз в качестве пары, новичок?

Дик Миллз! Снова его имя прогремело как гонг, но он по прежнему не мог вспомнить.

— Великие лезвия! — глаза и рот Мика стали круглыми от изумления. — Мне кажется, он не понимает, что с ним произошло. Кто-то должен учить новичков, прежде чем они вступят в этот жестокий холодный мир. Дик Миллз, парень, это двойная звезда. Он теснит людей типа Хансу. Космос, он мог бы выбрать себе в пару любого из отряда, из всей орды! Он мог бы быть партнером Хансу, если бы Йорк не настоял, чтобы Триг ко-

мандовал отрядом.

Кана проглотил комок.

— Но почему… — во рту у него пересохло.

— Не из-за твоих прекрасных глаз, — ответил Мик. — У него не было пары, а тут вдруг подвернулся ты. Правило Йорка — делать пару из ветерана и новичка, если они до последней минуты сами не сделали выбор. Тебе повезло, что ты оказался на нужном месте в нужное время.

— Я бы лучше остался с вами, — Кана говорил правду. Быть парой такого известного бойца, как Дик Миллз, — этого он меньше всего хотел. Он все будет делать не так, и его ошибки будут казаться больше в такой великолепной компании. В этот момент он даже предпочел бы идти рядом с Симом.

— Веселей, — улыбнулся Мик. — Мы в том же отряде. А Миллз действует как помощник Хансу. Ты не очень часто будешь его видеть.

— Давайте кончим болтать, — предупредил Рей. — Вон там, у двери, Миллз. Не следует заставлять его ждать.

Кана схватил мешок и посмотрел в указанном направлении. Да, молодой ветеран стоял у двери, разговаривая с несколькими солдатами высших рангов. Кана заторопился, начиная жалеть, что

не воспользовался своим правом и не отказался от этого назначения.

Около полуночи по корабельному времени Кана присоединился к Миллзу. Снаружи виднелись тускло-голубые лучи, слабые и бледные для земного глаза. Кана понял, что вместо того, чтобы оставаться на ночь в вонючем коровнике, они выступают в полевой лагерь, разбитый первыми прибывшими на Фронн вблизи города. Улица была грубо вымощена, посредине ее двигалась вереница легких двухколесных тележек. Каждый тащил гуен, животные злобно огрызались на чужаков. Когда Кана, следуя при меру Миллза, бросил свой мешок на одну из телег, он впервые увидел фронниан ца во плоти. Это был ллор, представитель господствующей расы на континенте. Гуманоидный по внешности туземец достигал добрых семи футов росту. В климате, где земляне кутались в зимнюю одежду, ллор был обнажен по пояс. Но природа снабдила его покровом густых вьющихся волос, похожих по текстуре на овечью шерсть: от них исходил острый маслянистый запах. Волосяное покрытие на лице было тоньше — странное лицо для неллорских глаз, так как нос был представлен лишь двумя носовыми отверстиями, зато глаза выпучивались из круглых

глазниц, создавая впечатление пристального немигающего взгляда. Рот был маленький и круглый, и если ллор и обладал какими-то зубами, то они не были видны. Единственной одеждой туземца, если не считать ремней, поддерживающих меч и ружье, были набедренная повязка и сапоги, голенища которых доходили до колен. Носки увенчивались металлическими остриями.

Пока солдаты грузили свой багаж на телегу, ллор стоял, жуя конец своей дубинки, и время от времени шумно сплевывал. Когда на телеге оказалось шесть мешков, он распрямился, ударил фыркающего гуена дубинкой, телега со скрипом покатилась, солдаты пошли за ней. Синие лампы, укрепленные на стенах без окон, мимо которых они проходили, давали достаточно света, чтобы идти по улице, но поверхность улицы была неровной, и идти было нелегко.

— Это Тарк, главный город провинции Скоры, — голос Миллза перекрыл грохот металлических колес телеги. — Скора — правитель западных земель. А хочет быть гатанусом. Вот почему мы здесь.

— Офицер по найму сказал, что это будет полицейская акция, — заметил Кана.

Может, в этом и заключалось нечто тревожное,

которое почувствовал Мик на Секундусе. Существует большая разница между ликвидацией беспорядков ради законного правителя и поддержкой мятежного вождя, который претендует на трон.

— Поскольку Скора заявляет, что он законный наследник, это можно назвать и полицейской акцией.

Но Кане показалось, что он уловил сухую нотку в голосе Миллза. Неужели он допустил глупость, и его слова могут быть восприняты как критика по адресу Йорка и высших офицеров?

— Сестры гатануса Плоты были близнецами. Идет спор, кто из них старше. И у каждой из них есть сын. Следовательно, сейчас нет согласия о том, кто законный наследник. Плота умирает от трясучки, он не проживет больше трех месяцев. Партия Скоры не пользуется влиянием при дворе, и в последний спокойный сезон Скора был отослан отсюда. Он больше изгнанник, чем правитель-чорта. Но он заключил договор с «Интергалактик Трейдинг» относительно прав на разработку недр и собрал достаточно денег, чтобы иметь дело с Йорком. ИТ давно пытается проникнуть сюда: торговля с местными племенами — монополия центральной власти. Поэтому

они были очень рады поддержать Скору. Конечно, это надувательство, но, если Скора станет гатанусом, он заплатит вдвое больше, чем Йорк смог бы получить за это время в другом месте.

— Против кого мы боремся?

— Против С'Торка, второго племянника. Он не так расточителен, как Скора, и все консервативные дворяне и жрецы ветра на его стороне. Но он не боец, и у него нет собственных войск. Здесь армия строится на основе отрядов дворян. И если лорд не достаточно популярен, чтобы привлечь войско, у него нет армии. Очень просто. Скора считает, что при поддержке орды дело даже не дойдет до битвы, что противник сбежит с поля.

За стенами Тарка мостовая внезапно оборвалась, и телега погрузилась в глубокую пыль, которая была, по существу, караванной тропой. Между клыками спускной решетки они вышли из столицы на открытую местность. Торговцы со своими гуенами ждали прохода в Тарк. Кана заметил, что эти путешественники меньше ростом, чем гигант-ллор. К тому же они были совершенно укутаны в плащи с капюшонами и стояли в стороне, молчаливые и лишенные индивидуальных черт, как привидения, пропуская землян. Лагерь орды располагался в миле от города, желтые ла-

герные огни приветливо манили к себе во тьме безлунной ночи. При их свете Кана отыскал свою палатку, развернул спальный мешок и заполз в него, чтобы поспать несколько часов.

Последовала неделя утомительной муштры, чтобы сплотить вновь прибывшую орду в боевой отряд. За это время Кана был либо слишком занятым, либо слишком уставшим, чтобы размышлять о своем будущем. Но вот дней через десять они выстроились в походный порядок в предрассветных сумерках, которые на Фронне кажутся холоднее и мрачнее, чем на Земле. Орда должна была двигаться на восток, к отдаленному горному хребту, отделявшему западную провинцию от богатых центральных равнин, которые честолюбивый Скора тоже считал своими.

Кана должен был согласиться, что мятежный чорта представлял собой прекрасный образчик полуварварского военного вождя. Неоднократно в сопровождении кавалерийского отряда он проезжал через лагерь землян. Популярность его была велика, о чем свидетельствовали все новые и новые дворяне, ежедневно приезжающие со своими отрядами, увеличивая туземную армию, расположенную рядом с лагерем землян. Ежедневно также приходили караваны вьючных

гуенов с различными грузами.

В это утро Кана вместе с Реем шли в арьергарде на марше, когда на дороге появилась группа закутанных в плащи с капюшонами всадников, поднимая густую пыль. Встретившись с торговым караваном, орда свернула в поле, так что только Кана и Рей остались на дороге, рядом с торговцами. Кана закутал подбородок мягкой оторочкой воротника, радуясь, что выбрал подбитый мехом плащ с капюшоном, закрывавшим голову и уши. Утренний мороз на Фронне жесток.

— Вот и последний… — Рей поднял пистолет и выпустил в темноту красную ракету.

Положив ружья на сгиб руки, двое землян гибкой походкой солдат на марше двинулись по обочине дороги. Через несколько секунд они догнали последнего гуена и быстро настигли голову каравана, когда внимание Каны привлек один из закутанных всадников. Они никогда не видели этих торговцев без скрывающего фигуру одеяния, но знали, что они принадлежат к другой расе, чем волосатые ллоры, правившие континентом. Ллоры, возделывающие землю, жили в городах, подчиняясь феодальным правителям, и были бойцами. Но эти торговцы, державшие монополию как на доставку товаров, так и на продажу

их, принадлежали к другому племени. Родом с далеких морских островов, замечательные моряки и путешественники, они все время проводили в пути, никогда не селясь постоянно. Вентури — так здесь их называли — держались на материке обособленно и все дела совершали через одного из своих представителей, который, очевидно, мирился с неизбежной ролью посредника. Что касается землян, то для них вентури оставались анонимными и загадочными существами в своих капюшонах, неотличимыми друг от друга ни по росту, ни по скользящей походке. Но вот этот он отличался от остальных. Все торговцы скользили, этот же шел большими шагами. Он также не вел гуена, а шел в стороне от остальных с пустыми руками. Глаза Каны сузились, и он замедлил шаг, держась за незнакомцем. Похоже, что этот вовсе не вентури. Тут подошел Рей, и внезапно походка незнакомца изменилась и стала такой же, как и у остальных вентури. Кана заторопился, догоняя Рея. Они достигли вершины. Внизу тянулись заросли. Они должны были либо идти по дороге, либо сделать большой крюк. Кана еле слышно пробормотал:

— На север.

Рей удивленно взглянул на него, но ни о чем

не спросил. Он послушно свернул в сторону, и вскоре заросли отделяли их от каравана.

— Среди вентури незнакомец, — объяснил Кана. Рей повесил ружье и, присев на влажный дерн, снял с пояса передатчик.

— Доложу.

Кана пошел быстрым шагом, намереваясь догнать караван и следить за подозрительным туземцем Он пересчитал закутанные фигуры, чтобы убедиться, что незнакомец по-прежнему среди них, когда его догнал Рей.

— Сюда приближается кавалерия ллоров И если что-нибудь не так, они сами займутся этим. Нам нужно держаться в стороне от вентури.

Они продолжали идти рядом с караваном. Наступил день, и солнце окрасило небо в желтый цвет. Впереди всадники толпились у какого-то препятствия на дороге. Кана и Рей пошли быстрее, чтобы посмотреть, что происходит. В пыли лежал гуен, лягаясь и лязгая клыками на солдат ллоров, которые совещались над ним. Караван приблизился, и предводитель вентури один подошел к всадникам. На полпути его встретил командир отряда, и после недолгих переговоров торговец вернулся к своим, а другой вентури отделился от каравана и подошел к лежащему

животному. Ллоры разошлись, оставив у животного только своих офицеров. Некоторые, как заметил Кана, заняли такую позицию, чтобы находиться на одной линии с караваном. Должно быть, это была какая-то военная хитрость: открыто обыскивать караван и вентури они не решились. Неожиданно послышался крик одного из солдат. Он спешился, и его гуен, размахивая головой, вырвался и, брызгая слюной и зеленой пеной изо рта и ноздрей, понесся прямо к каравану. Всадник бежал следом, тщетно пытаясь схватить поводья. Испугавшись ярости обезумевшего кавалерийского гуена, тяжело груженные гуены каравана тоже начали вырываться, таща за собой вентури. Одна из закутанных фигур без всякого гуена побежала прямо к тому месту, где стояли Кана и Рей. Кана испытывал искушение схватить беглеца, но приказ был ясен: это работа ллоров. Всадники по обе стороны дороги поскакали, окружая бегущего торговца. Один из них взмахнул над головой блестящей петлей и набросил ее на беглеца. Несколько ллоров спешились и уверенно направились к беглецу, очевидно, не ожидая сопротивления. Торговец сел, и в следующее мгновение огненно-красная линия перерезала ближайшего солдата. Тот с криком

агонии упал.

— Бластер! — закричал Рей.

Земляне сдернули ружья, два выстрела прозвучали одновременно. Сидящий дернулся и упал снова на землю, тяжело ударившись: больше пуль не понадобилось. Ллор с офицерским полукругом на плаще дубиной придвинул к себе оружие беглеца тускло блестевший металл, которому не было дела на Фронне. После этого два солдата сняли с мертвеца плащ. Это был ллор, вьющаяся шерсть и выступающие глаза свидетельствовали об этом.

— Это… офицер дубинкой снова коснулся оружия. — Вы знаете, что это такое? — медленно проговорил он на торговом космическом языке.

— Огнестрельное оружие, очень плохое, — ответил Кана. — Мы таким не пользуемся.

— Тогда откуда же оно? — вполне резонно задал вопрос офицер.

— Этот… он не из ваших? — пожал плечами Кана.

Командир отряда пробился сквозь кольцо своих солдат и наклонился, всматриваясь в безжизненное лицо туземца. Потом сорвал с него пояс. На обратной стороне был оранжево-красный знак.

— Разведчик С'Торка, сказал он. И, перейдя на

туземный язык, отдал серию приказов. Солдаты завернули тело в плащ и взвалили на спину протестующего гуена. К удивлению землян, вентури ничего не было сказано. Дорогу расчистили, и караван двинулся дальше. Ни один из торговцев даже не взглянул на группу около шпиона… Бластер оставался в пыли, пока командир не подошел к землянам и не указал на него носком сапога.

— Возьмите…

Это был скорее приказ, чем просьба. Но он вполне устраивал Кану. Йорк должен был заняться этой проблемой. Что делает новейшее и самое смертельное оружие Галактического Патруля на Фронне в руках туземца-шпиона?

* * *

На перевернутом ящике от провизии, служившем мастеру лезвия столом, лежало очевидное доказательство. Фитч Йорк сидел на скатанном мешке, упираясь головой и плечами в узловатый ствол дерева. Его светлые волосы ярким пятном выделялись на фоне темной коры ствола. Он задумчиво жевал прутик и рассматривал бластер. Но Скора не намерен был так же спокойно воспринимать это происшествие. Он ходил взад и вперед по голубой глинистой почве, разбивая

сапогами бороздки, как будто затаил злобу против самой земли.

— Что ты сейчас скажешь? — требовательно сказал он. — Это не ваше. Но и не наше. Откуда же оно тогда?

— Я тоже хотел бы это знать, ваше высочество. Это против наших законов. Но ведь оружие нашли не в наших руках — его принес шпион врага.

— Да-а-а! — вырвалось из волосатой пасти и скорее напоминало рев голодного хищника, чем согласие. — Зло исходит от С'Торка — что еще можно было от него ожидать? Против этого — что против этого мечи, друзья? Что могут сделать ваши хваленые мечники против огня, который обжигает и убивает? Мы не сражаемся с огнем. Когда я со своими сокровищами прилетел на Секундус и спросил, кто может помочь мне в битве, мне сказали: обратитесь к такому и такому лорду-воину, но не к такому и такому: на Фронне могут сражаться лишь некоторые из них.

— Я отдал сокровища и вы пришли. И что же? У С'Торка оказываются среди воинов и такие, кто владеет огненным оружием! Это нечестная сделка, землянин. Мы, ллоры, не любим двойных языков. — Он остановился перед бластером и

самим Йорком. — К тому же, когда шпион был уже в наших руках и его можно было допросить, что происходит? Пули землян лишают его речи и отправляют в страну теней. Ты не хотел чтобы он ответил вопросы, мастер лезвия?

Йорк не принял вызова.

— Это, он указал на бластер, смертоносное оружие, ваше высочество. Если бы мои люди не убили шпиона, никто из ваших не выжил бы. Я сожалею, что мы не сможем допросить шпиона. Теперь ответ мы получим только в лагере С'Торка..

— Я уже принял меры. Если у этого труса действительно есть такое оружие, мы это узнаем, — И, не добавив ни слова, Скора сел на гуена и поехал из лагеря землян. Его личная охрана, как обычно, пустилась за ним вслед, пришпоривая животных остриями сапог.

Как только Скора исчез в облаке голубоватой пыли, из ниоткуда материализовались Хансу и Миллз, а Йорк забыл свою вялую позу.

— Ну? — Йорк вопросительно поднял бровь.

— Лучше было выяснить это сейчас, чем позже, — ответил Хансу. — Кто-то действовал здесь не менее сезона и пользовался сильной поддержкой. Эта штука из Галактического Патруля…

— Кто? — Йорк выплюнул кусочек прутика.

— Какой-нибудь невезучий мех или… — предположил Миллз.

— Или кто-нибудь, решивший соорудить собственную маленькую империю, — закончил за него Хансу. — Мы не узнаем, пока не вернутся шпионы Скоры.

— Оружие и люди — или только оружие? И это очень важно, — Йорк встал. Но и то и другое — плохо.

Хансу пожал плечами.

— Для нас лучше, если только оружие. Вы думаете, это демонстрация? Что ж, может быть может быть. Но если они думают испугать нас, им лучше пересмотреть свои планы. Возможно, что мы даже получим ответ на старый вопрос. Что будет, если арчи столкнутся с мехами? В таком мире, как этот, природа будет на нашей стороне. Легкое мобильное соединение против механизированного дивизиона… Ударить и уйти, прежде чем они сдвинутся, — он был как будто даже рад.

— Ну ладно — Хансу подобрал бластер. Тревожное выражение его лица не соответствовало вспышке энтузиазма его командира. — Может, у нас и будет возможность проверить на сколько мы хороши. Но никто не может читать будущее.

Йорк отошел и Хансу начал собственное расследование. Рей и Кана должны были в мельчайших подробностях пересказать события последних нескольких часов, с тех пор как Кана заметил шпиона в плаще.

— В следующий раз покажете, что вы умеете попадать в менее уязвимое место, — заметил Хансу, когда они закончили. — Я отдал бы месячную плату, чтобы получить несколько слов от этого шпиона. Вы свободны.

Бластер исчез, и в следующие дни не было упоминания об этом случае. Орда находилась у подножия гор, двигаясь по извилистым тропам, пробитым копытами гуенов. Гигантские черно-белые скалы еще более усиливали сумрак прохода, воздух, разреженный даже на равнинах, здесь становился еще разреженней. И хотя солдаты проходили усиленную подготовку к условиям Фронна во время перелета, каждый крутой подъем заставлял их долго отдыхать, отдуваясь. Днем небо приобретало желтоватый оттенок, а со снеговых полей на вершинах дул ледяной ветер. Переход в 7 фроннианских дней позволил им перевалить через вершину хребта. А впереди лежали склоны, ведущие к богатым восточным областям континента. Между вершинами гор и

морем лежали только эти области — если только повернешь к северу, то встретишь другой рукав хребта гор.

Было несколько стычек с королевскими постами. Но три крепости, господствовавшие над дорогой, были оставлены, прежде чем мятежники подошли к ним — это обстоятельство не способствовало успокоению землян. Долгие годы военной подготовки приучили их подозревать все и всех. И вдобавок шли бесконечные толки, что они могут попасть в западню. Случай со шпионом превратился в этих слухах в столкновение с целым отрядом мехов. А в ночных лагерях начали распространяться и более дикие слухи. Йорк и офицеры делали вид, что ничего не замечают, а солдаты держались в стороне от своих туземных союзников. Работа приобретала такие черты, что все они рады были бы скорее от нее избавиться. Однажды в полдень Кана сопровождал Дика Миллза в опасном подъеме на вершину утеса, откуда они могли бы рассмотреть дорогу впереди. Пока Миллз регулировал полевой бинокль, Кана сложил руки в перчатках, защищая глаза и пытаясь рассмотреть что-нибудь невооруженным глазом. Впереди что-то блестело. Так может блестеть только металл. И это что-то двигалось.

— Они ждут нас там, внизу, — согласился с ним Миллз, — Два-три королевских штандарта. А вон там движутся всадники Скоры. Погоди, они размахивают флагом! Переговоры?!

Кана видел лишь черные точки, сливающиеся в черное пятно.

— Йорк должен знать о переговорах. Расскажи ему о попытках переговоров. Похоже, что Скора склонен сдаться…

Кана соскользнул с утеса и обнаружил у его подножия Йорка. Тот изучал туземную карту, консультируясь с мастерами-мечниками. Услышав новость о переговорах, он сел на подаренного ему Скорой гуена и поехал к туземному авангарду, а Кана снова полез на скалу.

— Смотри! — Миллз сунул бинокль Кане Вон туда, налево. — Как по-твоему, что это?

Кана взглянул. Небольшой отряд мятежников-ллоров двигался навстречу горстке роялистов. Другая группа спешилась и тайно продвигалась вперед, обходя место переговоров.

— Засада? Но они встречаются под знаком перемирия!

— Именно так, — голос Миллза звучал сухо.

Долгое время внизу не происходило никаких действий. Совещающиеся предводители, сидя на

гуенах, оставались под развевающимся флагом перемирия. И тут ударили скрытые мятежники. Группа офицеров схватилась в сражении. Мятежники стаскивали сломленных роялистов с гуенов, оставляя одних неподвижно лежать на дороге, а других уводили за собой в скалы. А когда враг попытался преследовать, находившиеся в засаде прикрыли похитителей огнем из своих воздушных ружей, так что роялисты вынуждены были в беспорядке отступить. И вот флаг перемирия развевался в воздухе над одними мертвецами. Подействовали не столько неожиданность, сколько коварство. Двое землян, ошеломленные таким вопиющим нарушением кодекса, который они впитали в свою кровь с самого начала обучения, спустились со скалы.

— Что-то случилось? — спросил Мик, ощутивший их беспокойство.

Кана кивнул, но Миллз не остановился, чтобы объяснить. Никто не мог догадаться, что принесет землянам эта вспышка насилия. Может, последует даже полный разрыв со Скорой и быстрое возвращение на Секундус. Они вернулись на командный пункт спустя несколько секунд после возвращения Йорка. Его лицо представляло собой бесчувственную маску, но сжатый рот и блестя-

щие глаза выдавали тревогу. Миллз доложил, а когда он кончил, Йорк рассмеялся, хотя в его смехе не было веселья.

— Да, — голос его прорезал молчание собравшихся, — это правда. Хансу, Блур, — он поманил двух старших офицеров. Идемте. Время поговорить. Вы, — глаза его обежали круг мечников, — вы, вы и вы... — Когда же Миллз толкнул его в ребро, Кана неожиданно понял, что он был среди избранных мастеров лезвия вместе с Диком и Богатом. И вслед за офицерами они спустились с холма. Дик снял ружье с плеча, остальные повторили его жест. Хотя и у ллоров были хорошие воздушные ружья, они не могли сравниться в искусстве стрельбы с землянами. И если Йорку во время встречи со Скорой понадобится помощь и демонстрация военной силы, он сможет сделать это. Они нашли предводителя мятежников в скалистом дефиле, где караванная тропа превращалась в настоящую дорогу. Верховые и пешие ллоры окружили сцену на пыльной дороге. Три роялистских офицера, окровавленные, со связанными руками, стояли перед Скорой, который что-то говорил им на туземном языке. Увидев землян, он замолчал. Невозможно было для земного глаза уловить выражение его воло-

сатого лица, но было ясно, что его не обрадовало появление землян. Три мечника остановились, держа оружие на виду. Вполне возможно, что его придется использовать. Йорк остановил своего гуена рядом со Скорой. Ллоры расступились. Они достаточно часто видели, как стреляют земляне, и не хотели быть целью.

— Ваше высочество, что я вижу… так же нельзя вести войну.. — у Йорка не было ораторского голоса, но слышно его было хорошо.

— Я гатанус, а гатанус ведет войну как хочет. Они служили предателю С'Торку, — возразил Скора, — они убили моих людей, поэтому… — рука его двинулась в быстром жесте. Сверкнула сталь, и три роялиста упали, забрызгав кровью сапоги Скоры.

Рот Йорка был сжат в прямую линию.

— Это плохой поступок, ваше высочество. Зло порождает зло.

— Да? В своем мире можете поступать по своим обычаям. Здесь другие обычаи, чужеземец!

Предводитель ллоров был в своем праве. И Йорк не мог возразить. Одно из правил службы было не вмешиваться в споры туземцев между собой, ведущиеся по туземным обычаям. Возможно, на Фронне нарушения перемирия были

обычными во время войны. Но Кана слышал, как Богат пробормотал:

— Нет нам здесь счастья, нет счастья там, где флаг перемирия запачкан кровью.

Йорк повернул и поехал назад. Группа землян вернулась в свой лагерь. Но к постоянным подозрениям добавились новые тревожные мысли. Война, какой они ее знали, подчинялась определенным обязательным правилам. Если ее законы, которые они считали обязательными, нарушаются, то к чему это приведет? Состоялся военный совет, на котором присутствовали представители всех отрядов, а остальные солдаты приготовили оружие, теперь уже ожидая нападения не только со стороны роялистов, но и со стороны так называемых союзников. К рассвету было принято решение. Поскольку Скора сослался на обычай, их контракт остается в силе и они должны участвовать в сражении на стороне мятежников. Роялистов выбили из предгорий, и силы мятежников расходились длинными клещами. У Скоры была и пехота, но он предпочитал кавалерию, и немногие пехотные отряды образовывали фланги более сильно вооруженной земной орды. Им противостояла небольшая армия роялистов. Большинство

знатных ллоров равнин еще не сделали выбора. Быстрая победа над этой армией — по существу это были лишь домашние отряды С'Торка — заставит большинство дворян перейти на сторону мятежников, и все равнины попадут под власть Скоры, останется лишь посылать экспедиции для подавления отдельных ллоров, упрямо поддерживающих его двоюродного брата. Резкие звуки боевых труб звучали над холмистой местностью. Мятежники казались уверенными в своей победе. Небольшие пехотные отряды сближались с ордой, а кавалерия выехала навстречу врагу. Орда начала действовать. Исчезли все украшения. Солдаты надели серо-зеленые полевые мундиры, сливающиеся с почвой. Кана вытянул ноги вдоль небольшого пригорка и удобно устроил ружье на изогнутой ветке куста, который давал ему укрытие. Над головой стая летающих существ металась в воздухе, выдавая криками свой страх и негодование против вторжения в их мир. План битвы был простой, но классический по ллорианской традиции. Клещи кавалерии пытаются окружить врага и погнать его в центр, под опустошительный огонь арчей. И поскольку армия С'Торка была настолько глупа, что принимала сражение, то мятежники не видели, почему бы

их маневр не увенчался успехом. Единственным выходом для роялистов было отступление. Кана оглянулся, когда к нему подполз Миллз. Ветеран критически оглядел выбранную новобранцем позицию, а потом одобрительно кивнул и начал сам устраиваться в листве. Сквозь трубы слышался глубокий и низкий звук: ллоры выкрикивали свой боевой клич. Миллз улыбнулся Кане.

— Флаг поднят — начинаем!

Их поле зрения было ограничено. И довольно долго лишь отдаленные крики свидетельствовали о том, что сражение идет. Потом из небольшой рощи появилась группа всадников. Они неуверенно топтались на месте. Но цвет их обмундирования невозможно было спутать. Роялисты, попавшие в ловушку-челюсть, в которой зубами были земляне. Появилась еще одна группа, и в ней несколько животных бежало без всадников, дико отбиваясь от туземцев, пытавшихся их схватить за узду. Пеший ллор выбежал из леса, за ним ковылял другой, используя в качестве костыля копье. Колебавшиеся всадники разбились на две группы. Одна, меньшая, построилась и с обнаженными мечами двинулась назад в лес. Другая в беспорядке устремилась по равнине. Кана выбрал цель до того, как всадники прибли-

зились к зоне досягаемости. Не звучали трубы, не слышались боевые кличи, но линия укрывшихся стрелков напряглась. И когда всадники перевалили через пригорок, смертоносный шквал огня вырвал их из седел. Обезумевшие от страха гуены понесли. Несколько туземцев упало на землю. Ни один всадник не приблизился к землянам. Кана не мог закрыть глаза, хотя внутренности у него выворачивало наизнанку. Действительность сильно отличалась от стрельбы по гуманоидным роботам, тщательно выстроенным на огневом рубеже. А ведь раньше ему не приходилось стрелять по живым существам. Секунду назад он стрелял по избранной цели. Ллор, на котором сосредоточился его взгляд, не напоминал ему живое существо. Кана усиленно боролся с тошнотой. Но ему было дано слишком мало времени, чтобы размышлять над своими эмоциями, потому что вторая волна роялистов выкатилась из леса. На этот раз они смешались со своими преследователями. В стремительном танце смерти неслись они вперед, падая на землю, но дорого отдавая свои жизни: в рядах мятежников тоже виднелось немало животных без всадников.

— Скора!

Кане не нужно было это указание Миллза. Он

безошибочно узнал мятежного вождя, пробивавшего дорогу к предводителю роялистов. Этот офицер, такой же представительный внешне, как и будущий гатанус, воспринял схватку с такой же готовностью. И пока их подчиненные сражались вокруг, предводители обменивались сабельными ударами. У роялиста шла кровь из раны на плече, но это не оказывало воздействия на его фехтовальное искусство. А Скора был невредим. Кольцо, звеневшее металлом о металл, приближалось к землянам, но они не стреляли. Слишком велика была вероятность попасть в своего. Гуен роялиста пытался укусить животное Скоры. И в одной из таких попыток выбил из устойчивости своего всадника. Лезвие Скоры глубоко вонзилось в руку противника, из которой выпал бесполезный теперь меч. Скора уже поднял свое оружие, чтобы нанести смертельный удар, когда сам пошатнулся и, перевалившись через голову гуена, упал в пыль. Вероятно, только земляне увидели огненную полосу, вырвавшуюся из леса и поразившую вождя мятежников в момент его торжества. Ллоры, только что отчаянно сражавшиеся, застыли, глядя на Скору. Затем с диким воплем ужаса и отчаяния последователи Скоры набросились на своих противников, безжалостно

убивая их. Два роялиста спаслись в лесу, а остальные были мертвы.

— Это был бластер! — голос Каны был едва слышен в криках ллоров.

Ллоры подняли тело Скоры и положили в седло. Затем двинулись на север. Миллз, встав на колени, следил за ними.

— Это конец войны, — заметил он.

И как будто его слова послужили сигналом: послышался резкий свист, отзывающий солдат назад. В тревожном ожидании земляне ждали до полудня. Но слова Миллза оказались справедливыми. Смерть вождя деморализовала мятежников. Война подходила к концу, и ллоры избегали чужеземцев. Солдаты подозревали, что теперь мятежники попытаются вступить в переговоры с бывшими врагами. Будущее орды выглядело довольно мрачно. Но когда подобные происшествия случались в прошлом, ордам или легионам, поддерживающим побежденного, всегда давали свободный проход к транспортным кораблям и позволяли улететь с планеты. Солдаты консервативны, ими правит обычай, и поскольку обычай был на их стороне, рискованное назначение окончилось, в лагере орды вечером царило чувство облегчения. «Худшее

позади». Патрули обходили окрестности и количество патрулей не уменьшалось. Но смерть Скоры, не оставившего наследника, освобождала землян от обязательств. И вот в отпускном настроении они ждали скорого возвращения в Тарк, где их ожидали транспорты. Единственное, что омрачало их настроение, было сознание того, что кратковременность кампании отразится и на плате. Но Кана и некоторые другие чувствовали, что будущее может оказаться не таким светлым.

Кана заметил, что Йорк, три мастера-мечника и некоторые ветераны, включая Миллза, не разворачивали на ночь спальные мешки. А когда рано утром его разбудили на дежурство, он заметил, что в палатке, где собрались офицеру, все еще горел свет.

Скора был убит из бластера. Это означало, что по крайней мере еще один экземпляр незаконного оружия находился в руках врага. Кто принес это оружие на Фронн и зачем? Заняв пост, Кана принялся размышлять над этим. Тьма фроннианской ночи была заполнена звуками, которые могли означать что угодно, в том числе и опасность. Но кольцо сторожевых фонарей, установленных вокруг лагеря, создавало световой барьер. Летающие существа, привлеченные и ослепленные

светом, бились вокруг ламп, образуя воронку крылатых тел у самых линз. На охоту за этими оглушенными существами явились большие создания, некоторые на четырех лапах, некоторые на двух, а третьи тоже на крыльях. Начался пир, и вопли не прекращались. Неожиданно низко нависшие ветки кустов разошлись в сторону, на свет вышел человек и остановился, как бы желая, чтобы его узнали. Он не был фронниан-цем. Мгновенно ружье Кана взлетело на уровень груди незнакомца. Мех — и в полной форме! Кана свистнул, вызывая караул, и выпалил:

— Не двигаться!

Незнакомец рассмеялся.

— Не собираюсь делать по-другому. У меня сообщение для Йорка.

Несколько часов спустя Кану разбудил толчок в плечо. Над ним возвышался Миллз.

— Быстрее! — резко сказал он. — Мы выступаем.

Они действительно выступили, и с необычной поспешностью. Кана едва успел бросить свой мешок на телегу. На ходу он еще протирал глаза, прогоняя сон. Приказ гласил: «Марш по вражеской территории». С обеих сторон двигались разведчики. И гуенами, везущими багаж,

правили не туземцы, а земляне. По существу, по всей извивающейся колонне не было видно ни одного туземца. И двигалась колонна не к Тарку, а под прямым углом к их прежнему пути. На север вдоль гор. Новая дорога спустя милю превратилась в едва заметную тропу. Из разговоров окружающих Кана понял, что никто из солдат низших рангов не знает, куда они направляются и зачем. И снова до него доносились толки о неожиданных и загадочных происшествиях с другими ордами и легионами. Если так будет продолжаться и дальше, моральное состояние наемников, несмотря на их обычный фатализм, может быть сильно подорвано. Возможно, их новый поход — результат неожиданного появления меха ранним утром. Но уверенность, которую чувствовали земляне после смерти Скоры, быстро сменилась растущим беспокойством.

Тропа стала такой узкой, что приходилось бросать повозки. Появились два разведчика и с ними туземец, ллор младшего офицерского ранга, с окровавленной повязкой на голове и рукой на перевязи. По колонне пошли слухи.

— Впереди большая река… а моста нет…

Прежде чем эти слухи достигли хвоста колонны, послышался сигнал общего сбора. Из

передатчиков послышался резкий торопливый голос Йорка.

— Солдаты! Ситуация угрожающая! Нам сообщили, что на службе С'Торка находятся предатели-мехи. Сколько, мы пока не знаем. Разрешение на свободный проход нам не дали, а без него мы не можем двигаться к Тарку. Нужно выждать. Мы должны послать сообщение на Секундус…

— У кого же из нас вырастет ракетный хвост? Кто полетит в космос? — услышал Кана чей-то угрожающий голос.

— У нас имеется информация, — продолжал Йорк, — что к северу имеется еще один проход в горах. Мы можем пройти через него, если не придем к соглашению. Сейчас мы пытаемся договориться. Тем временем нельзя возбуждать вражду роялистов, давать им повод заявить, что мы продолжаем сражаться и после смерти Скоры. Ни при каких провокациях ни один солдат не должен применять оружие против ллора, пока не получит противоположный приказ. До дальнейших указаний продолжается положение: на вражеской территории, план три. Груз сиять с телег и навьючить на гуенов. С этого пункта мы можем использовать три легких повозки. На ночь лагерь будет разбит у реки…

Использовать сопротивляющихся гуенов в качестве вьючных животных было нелегко. И лишь в сумерках отряд, в котором шел Кана, таща и подгоняя огрызающихся животных, увидел освещенный лагерь, разбитый авангардом на берегу реки. Лагерь землян расположился на крутом берегу над темной маслянистой водой. Берег почти вертикально опускался в мощное течение. Можно было не опасаться нападения отсюда. Кана пошел вдоль берега, глядя на поток. По белым воротничкам пены вокруг торчавших из воды скал, он рассудил, что переправа будет нелегка. Провожая взглядом пузыри, плывущие вниз по течению, он увидел в черноте ночи какие-то огоньки на берегу дальше к востоку. Еще один лагерь? Значит, параллельно орде шли отряды ллоров. К счастью, орда несла с собой запас проводольствия. Туземцы, зависящие от природных продуктов своей земли, не могут сравниться в подвижности с армией, для которой проблема продовольствия решается небольшим количеством концентрированных пищевых таблеток и других концентратов; недельный запас таких продуктов солдат легко носил в своем вещмешке. Древняя тактика выжженной земли не оправдалась бы против землян — разве что их удалось бы

на несколько месяцев отрезать от баз.

— Тупоголовые придурки! — услышал Кана голос Сима, опускаясь на землю рядом с Миллзом и Миком.

— Неужели они думают, что могут…

— Это не волосатые морды, — отвечал Богат. — Не волосатая морда убила Скору. Я там был. Говорю вам, парни, его пронзило насквозь — точно и аккуратно! Я уже десять лет мечник и знаю — не стоит плевать в лицо бластеру!

— Бластер? — переспросил кто-то. — Но если у них есть бластеры, они могли бы перебить нас на месте. А ведь мы побеждали, пока жив был Скора.

— Послушай, — голос Богата прозвучал громче. — Я видел то, что видел! Прошлой ночью к нам в лагерь приходил мех. И он не просто наблюдатель. А что, если у С'Торка целый легион изменников?

— Ерунда! — отозвался один из его собеседников. — Целый спятивший легион — да они не могли бы сесть в корабль без того, чтобы об этом не, узнал Прайм!

Послышался сардонический хохот Богата:

— Существует миллион уловок, чтобы обмануть шишек на базе, вы сами это знаете. Раньше

такого никогда не было, но это не значит, что какой-нибудь хитрый парень не может проделать это. Мастер-мех вполне может захотеть отхватить этот мир для себя. Верно я говорю, Миллз?

Миллз отмахнулся от насекомого, привлеченного светом лампы.

— Совершенно верно, Богат! И ты прав в том, что нас ожидает сейчас. И если это так… он помолчал, а потом продолжил: — Если это так, мы должны быть готовы с боем уходить с планеты.

Раздалось несколько протестующих голосов, но их перекрыл бас Богата:

— У вас в головах, видно, не хватает мозгов. Поймите: если кто-то нарушил закон, то он сделает все, чтобы никто не болтал об этом. Мы возвращаемся на Секундус, начинаем рассказывать о мехах и бластерах, и тут же полицейский корабль отправляется прямиком на Фронн посмотреть, что же тут происходит. Думайте сами. У кого могут быть бластеры, какую поддержку имеют эти изменники мехи?

Напряженная тишина свидетельствовала о том, что люди начали размышлять, и результат им не понравился. Так как Хансу использовал Миллза как своего помощника, Кана все еще не очень хорошо знал своего напарника. Он держал-

ся Мика с Реем и встречался с Миллзом, только когда их сводили обязанности. Но сейчас он решился задать своему напарнику вопрос.

— А можно что-нибудь выяснить в Прайме?

Миллз не повернул головы. Секундой позже он спросил:

— Объясни свой вопрос.

Кана описал свою встречу с мехом в информационной библиотеке, подчеркнув, что, как ему кажется, мех ждал информационной катушки с Фронна.

— У него на шлеме не было значка легиона?

— Нет, сэр. Я думаю, что он только что подписал назначение. Но почему… — он замолчал, но мысли его были заняты.

Как может мех наняться для незаконной службы в Прайме? С'Торка, должно быть, поддерживает не только горстка измен ников.

— Да — почему и как, — шепот Миллза сделал более четкими опасения Каны. — Вот что значит идти в бой слепо. — Миллз встал, и Кана пошел за ним. Вскоре Кана понял, что они обходят местность вокруг лагеря. Когда привыкли глаза, Кана разглядел, что вопреки обычаям ллоры жгли факелы. Но они не делали попыток приблизиться к землянам. Одного взгляда оказалось достаточно,

чтобы удовлетворить Миллза. Он пошел на юг, время от времени останавливаясь и вслушиваясь в темноту. Вскоре они увидели огни точно на дороге. Ллоры отрезали им путь к отступлению. К западу начиналась горная стена. И ни одного пятнышка света не виднелось на ее высотах. Значит, лагерь землян еще не окружен — или ллоры считают, что зажали войско землян между горами, рекой и двумя своими лагерями. Миллз достиг последнего поста, но не повернул к лагерю.

— Хансу говорит, — внезапно начал он, — что у тебя подготовка к контактам с другими культурами. Что ты думаешь о ллорах и о всей ситуации? Они должны знать, что не зажали нас. Если мы захотим применить силу, мы пробьемся. Что-то у них есть в резерве, должно быть?

— Ничего нельзя сказать заранее о туземных феодальных цивилизациях. Скора склонен был переоценивать свою силу. Впервые наши силы появляются на Фронне, — Кана пожал плечами. — Знаете, временами этот наш Х-3 — контакт с туземцами — основан на сплошных догадках. Невозможно проникнуть в череп существа, у которого мысли развиваются совсем по иным законам. Мне кажется, что ллоры действительно то, чем кажутся, — простые варвары, либо…

— Либо, — подхватил Миллз, — что-то настолько сложное, что мы никогда не сможем понять их. Или же они пользуются советами и помощью…

— От легиона мехов?

— Не понимаю, как это могло случиться! Только одна проблема транспортировки на Фронн! Ни один корабль в целой Галактике не может уйти без запечатанной катушки с указанием цели и маршрута. И все же мех в Прайме собирал сведения об этой планете, там, где малейший слух погубит операцию с самого начала. Но какая им выгода в этом?

— А какими правами на разработку заплатил Скора за орду Йорка, сэр?

Миллз удивленно взглянул на Кану, будто обычный гуен обратился к нему на чистом космоязыке.

— Устами младенца… Права на разработку полезных ископаемых, на торговлю и, может быть, хороший шанс с помощью землян захватить все окрестности! Боже космический! Это, возможно, ответ на многие вопросы. Мехов можно было погрузить на торговые корабли, доставить бластеры, вообще все! — он задумчиво посмотрел на Кану. — Никогда не говори об этом, понятно? И так ходит достаточно слухов, нечего добавлять

еще один, да к тому же такой логичный, что в него можно верить.

— Значит, вы думаете, сэр, что против нас не просто изменники?

— Поведение чужаков — откуда нам знать, как работает их мозг. ЦК не понимает и не хочет понимать этого. Они там даже не хотят задуматься над нашей судьбой. Мы же для них слегка космические ребячливые наемники с сознанием, которое не соответствует установленным ими образцам. Они нас поместили в соответствующее место и постарались тут же о нас забыть. Мы поместились в уготованной для нас нише, и они перестали о нас думать. Они видят нас не такими, каковы мы на самом деле, а такими, какими им хочется нас видеть, а это совершенно разные вещи. Знаешь... — Миллз помолчал, вдумываясь в пришедшую ему в голову мысль, — а ведь в некотором смысле это позволяет нам маскироваться. Мы знаем такое, что удивило бы галактических агентов. Эти парни-торговцы — не земляне, конечно, земляне не торгуют — выпадают из аккуратной схемы, а ведь мы тоже принимаем в этом участие, но о нашей роли никто не думает. Мы лишь фигуры, которые можно передвигать по доске. Но что произойдет, если мы начнем

ходить сами по себе? Можно попробовать…

Кана застыл. Неужели Миллз располагает какой-то реальной информацией? Неужели у землян есть способ борьбы с унизительным покровительством ЦК, который, если захочет, может навсегда привязать их к Земле? Странное шестое чувство, которое вырабатывалось у каждого специалиста по контактам, ожило внезапно. Кана хотел задать вопрос, 10, 20 вопросов. Но времени на это не было. В лагере меж палаток двигались мечники, седлая гуенов в том месте, где располагался штаб Йорка.

— Мы выступаем? — Кана спешил вслед за Миллзом. Перед палаткой Йорка стояли три мастера-мечника и несколько других офицеров. Они горячо спорили. Наконец Йорк нетерпеливым движением отвернулся от Хансу и натянул поводья своего гуена:

— До моего возвращения старшим остаетесь вы.

Невдалеке ждали три ллора, судя по одежде, дворяне высоких рангов. Свет лампы бросал на их лохматые лица зловещие тени. Еще два мастера-мечника сели верхом, но ллорский вождь не торопился. Он указал на Хансу и задал какой-то вопрос. Йорк ответил. Ллор по-прежнему не

двигался. Взгляд Йорка устремился к Миллзу. Он поманил его к себе. Хансу кивнул и, отцепив свой значок мастера-мечника, протянул его Дику.

— Ты мой представитель. Ллор требует, чтобы присутствовали все старшие офицеры. А тебя он видел на совете раньше, так что ты вполне сойдешь за офицера. — Но, вероятно, лишь Кана заметил, как рука, передававшая Миллзу значок, крепко сжала его пальцы. — Будь осторожен.

Миллз взобрался на гуена, и маленькая кавалькада двинулась в путь. Ее продвижение по местности было обозначено голубыми огнями фоннианских факелов. Всадники приближались к лагерю роялистов ниже по реке.

После отъезда Йорка Хансу не тратил времени. Приказы негромко передавались от одного к другому, и вскоре все солдаты пришли в движение. Палатки остались стоять, но остальное снаряжение рассортировали, оставив каждому солдату лишь одну смену белья, одеяло и одежду на случай холода. Раздали продовольствие и аптечки. Затем по очереди отряды начали располагаться на недолгий сон. Когда Кана проснулся рано утром, лагерь как будто был разграблен. Всюду валялись солдатские мешки, их менее ценное содержимое было беспорядочно разбросано.

По-видимому, Хансу ожидал осложнений. При свете солнца земляне смогли разглядеть палатки роялистов на речном берегу к востоку, а также штандарты отрядов, следовавших за ними по предгорьям. Лампы выключили, но снимать не стали. И если орде придется уходить налегке, их тоже придется оставить. Хансу расставил вдоль реки людей. Заняв восточный пост, Кана заметил, что эти люди бросали в реку кусочки дерева, изучая течение. После часа исследований они отправились с докладом. Но Кана знал, что пытаться преодолеть здесь реку, особенно если это делать под огнем, самоубийство. До этого не должно дойти. Ллоры просили о переговорах. Йорк вернется, и орда направится в Тарк. Если ллоры соблюдают правила войны, так оно и будет. Если… По горным дорогам неторопливо проезжали ллоры. У всех были значки роялистов, но не один Кана подозревал, что большинство из них три дня назад участвовали в конфликтах на противоположной стороне. Они были вооружены, но оружие находилось в чехлах и ножнах. Медленно проезжая мимо лагеря, они что-то выкрикивали. Ни один солдат не находил в их выкриках дружелюбия.

— Этот волосатый в голубом шарфе… — Мик

присел рядом с Каной на передовом посту. — Я мог бы заставить его уважать землян…

Ллор с голубым шарфом жестикулировал, и жесты его были бы приняты за оскорбление на любой планете. Его сопровождала компания друзей. Своими одобрительными выкриками они побуждали его изощряться еще больше. Мик со вздохом рассматривал важнейшие пункты анатомии этого шутника, сожалея, что не может выстрелить.

— Разве сейчас твое время? — спросил Кана.

— Приказ Хансу удвоить посты. Пахнет отвратительно, и не только от волосатых. Йорк уже ушел десять часов назад. Для переговоров столько времени не требуется. Ты принес с собой свой мешок?

— Конечно, — Кана пнул сверток у ноги. — Но Хансу не станет выступать, пока не получит приказ Йорка.

— Я так не думаю. Погоди! Что это?

Солнце Фронна — бледное и слабое сравнительно с Солнцем, согревающим Землю, но все же оно дает достаточно света. И вот за кривляющимися ллорами, с края небольшого леса на берегу реки, его бледные лучи отражались от какой-то яркой поверхности. Вспышки долетели до зем-

лян через правильные интервалы. Три буквы их языка, крик о помощи, настолько древний, что его происхождение терялось в тумане земного прошлого, сигнал, который мог послать только землянин. Кана положил ружье.

— Займи мое место! — и он пополз, прежде чем Мик смог остановить его. Долгие часы дежурства на этом посту не шли напрасно. Существовала возможность, правда нелегкая, подобраться к рощице незаметно для разъезжавших ллоров. Кана свесился с крутого берега, нащупывая опору носками сапог. С трудом он смог сползти вниз. У основания утеса рядом с бегущей водой лежала узкая, шириной в фут полоска песка и гравия. Прижимаясь спиной к стене утеса, закрытой от наблюдения сверху, — разве что кому-нибудь придет в голову наклониться, — Кана продвигался вдоль потока. Раз или два его ноги погружались в кипящую воду, и он цеплялся пальцами в поисках опоры. Хуже всего была потеря чувства расстояния. Каждые несколько футов он останавливался и смотрел вверх, ожидая увидеть ветви деревьев. Ему показалось, что прошло не меньше часа, прежде чем нависшая над берегом зеленая листва позволила повернуться ему лицом к утесу. В пределах досягаемости находились корни, и

Кана начал подъем. Глиняная пыль покрывала лицо. Держась одной рукой, другой он протирал глаза. Ногти у него были содраны, мундир покрылся пылью и грязью, но он наконец добрался до начала колючего кустарника.

— Земля? — негромко произнес он. Услышав ответ, он быстро пополз вперед. Такой стон могло вызвать только настоящее страдание.

Продвижение вперед привело его на западный край рощи. Под упавшим деревом, закрытый от ллорских всадников лишь тонким покровом листвы, лежал человек. Увидев страшные ожоги, покрывавшие тело человека, Кана едва решился дотронуться до него. Раны от бластера! Кана знал, что прикосновение принесет раненому мучительную боль. Почерневшее, обгоревшее тело дрогнуло, раздался стон. Сжав губы, Кана притронулся второй раз, преодолевая слабое сопротивление раненого. Наконец ему удалось повернуть его лицом к свету. Бластер не затронул лицо, и, хотя оно было искажено, Кана узнал раненого.

— Дик! Что… что они с тобой сделали?

Темные глаза мучительно сосредоточились. Как будто Дик Миллз, притягиваемый всеподчиняющим чувством долга, возвращался с какого-то

бесконечного удаления.

— Все мертвы… Харт Девайс… Скажи Хансу… Харт Девайс…

Кана кивнул.

— Я должен сказать Хансу, что виноват Харт Девайс?

Темные глаза сказали, что он прав.

— Не… не один… Галактический агент, скрытый… сжег нас, — остатки былой силы вернулись в его голос. — Пытался… пытался добиться… чтобы Йорк присоединился к изменникам. Когда Йорк отказался, сжег нас сзади. Все мертвы… меня тоже сочли мертвым. Агент подошел… посмотрел. Я видел его ясно… агент… скажи Хансу: за Девайсом стоит ЦК. Ползи… ползи… часы и часы ползи, у них только бластеры… тяжелого оружия нет. Скажи Хансу… бластеры…

— С ними галактический агент, и у них оружие ЦК, — повторил Кана с холодным ожесточением.

Несколько мгновений Миллз лежал неподвижно, собираясь с силами.

— Скажи Хансу… за всем этим ЦК — нас уничтожат, если смогут… Не должны застигнуть вас здесь. Назад к кораблям… доложить командованию… доложить… — одна из обгоревших рук вцепилась в рукав Кана. Тот торопливо по-

обещал:

— Я скажу ему, Дик.

— Сзади… ни одного шанса… Харт Девайс… — шепот Миллза затих. Затем он произнес ясно и отчетливо — Окажи Милосердие, товарищ!

Кана с трудом глотнул, во рту у него сразу пересохло. На мгновение он снова оказался в церкви на Земле, за полгалактики от Фронна. Его обучили ритуалу, он знал, что должен сделать. Но вопреки всем инструкциям он не верил, что ему придется оказывать Последнее Милосердие. Полные боли глаза Дика настойчиво смотрели на него. Выполнив свой долг, Миллз ждал, когда, его отпустят из мира боли. Кана знал, что означают эти раны. Даже медики на Секундусе ничего бы не смогли сделать для него. Да и переправить его туда невозможно. Медленно, стараясь не причинять Дику лишней боли, он опустил его на землю и достал свой нож, который все солдаты носят на груди. Это был нож Милосердия, с ним не расстаются ни наяву, ни во сне, его носят с собой всю жизнь и применяют лишь для единственной цели. Кана прижал крестообразную рукоятку к губам Миллза и произнес соответствующие слова. Собственный голос казался ему незнакомым. Искаженные болью губы Миллза пытались

вторить ему.

— …и вот я посылаю тебя домой, брат по оружию! — закончил Кана и не мог тянуть дальше. Нож опустился точно в то место, куда указывала инструкция. Кана был один. Он сунул окровавленное оружие в ножны. Очистить его можно было только в земной почве. Оставалось еще одно: тело Дика Миллза нельзя оставлять ллорам, а нести его с собой в лагерь у Кана не было сил. Кана снял с пояса патрон. Осторожно сорвал с него крышку и положил патрон на тело. Потом бросился к утесу. Он еще не успел спуститься, как раздался взрыв, и когда спал огонь, Дика Миллза найти было невозможно.

Обратный путь Кана проделал как можно быстрее, стараясь не думать ни о чем, кроме сообщения Дика Миллза. После смерти Йорка и остальных мастеров-мечников ордой командовал Триг Хансу. В районе его поста с утеса свешивалась веревка. С ее помощью Кана поднялся в лагерь. Наверху его ждал не только Мик, но и сам Хансу. Ниже по реке поднимался в небо столб черного дыма, и на опушке леса собирались ллоры. Кана сжато доложил.

— Йорк и остальные предательски сожжены сзади после того, как отказались присоединиться

к ним. Агент ЦК тайно следил за ходом переговоров. Мехами командует Харт Девайс. Дик был смертельно ранен, но уполз… до леса. Он сказал, что видел бластеры ЦК, но тяжелого оружия нет… Он считает, что они постараются уничтожить нас.

Выражение лица Хансу не изменилось при упоминании о командире изменников-мехов и об агенте. Не успел Кана закончить, как Хансу уже отдавал приказы стоявшим поблизости ветеранам.

— Дольф, примешь командование первым отрядом; Хорват — вторым. Приготовиться к маршу. И пришлите сюда Богата.

Кане Хансу задал лишь один вопрос тихим голосом:

— Миллз?

У Кана не нашлось слов для ответа. Он обнажил окровавленный нож Милосердия. А позади послышалось тяжелое дыхание Мика. Но Хансу ничего не сказал. И ничего больше не спрашивал. Мик помог Кане надеть ружье, взял его мешок и отвел товарища в лагерь. Имущество, оставленное прошлой ночью, теперь под руководством Богата складывалось в баррикаду от одной линии ламп до другой. Все солдаты, кроме тех, что были

заняты на по стройке этой стены, выстраивались в линию лицом к горам.

— Готово, сэр! — доложил Богат Хансу.

Пятеро землян через равные промежутки выстроились у брошенных вещей, каждый держал в руках взрывной патрон. Хансу спросил:

— Готовы с этими животными?

Взвод, гнавший вьючных животных в дальний угол лагеря доложил о готовности.

— Солдаты! — Хансу повернулся лицом к отрядам. — Все вы знаете, что случилось. И если вера нарушена, конец и связывающему нас контракту. Йорк и остальные убиты, сожжены сзади от бластера. Миллз прожил лишь столько, чтобы предупредить нас. Вы знаете, что не превосходящая сила оружия, не численность выигрывает войны. Та сторона, у которой есть воля к победе имеет преимущество. Нам придется пересечь враждебную планету. Любой туземец может оказаться враждебен нам. Но если мы не сумеем достичь Тарка, шансы очень невелики. Помните это, ставка — наши жизни. Солдат, думающий только о сохранении жизни, обычно погибает в первой же схватке. Смерть наш общий удел, ни один человек не избежит его. Но если мы погибнем в традициях орд — это будет прекрасный

конец для всех нас Они считают, что поймали нас, что мы не можем вырваться из клетки гор, реки и войск. Но мы покажем им, как опасно недооценивать мечников. Огонь прикроет наш отход. Мы двинемся на запад, в горы. До смерти Скоры туземцы говорили нам, что гор следует опасаться, что местные жители никогда не подчинялись гатанусам и очень опасны. В таком случае мы можем найти союзников. По крайней мере, мы уходим в правильном направлении. Каждый, кто хочет выжить, должен стремиться к победе. Выигравший — убивает, проигравший бывает убит.

Орда встретила последнее утверждение одобрительным гулом, и Хансу дал сигнал солдатам у баррикады. Испуганные гуены понеслись к ллорам, неторопливо прогуливающимся по окраинам лагеря. Фроннианские воины были вынуждены разбежаться перед взбешенными животными, стараясь в то же время направлять их в сторону своего лагеря. Но гуены с их дьявольским характером где только могли нападали на кавалерийских животных. Орда в порядке «продвижения по враждебной территории» двинулась в путь. Столбы огня взметнулись вдоль стены оставленных припасов, и дым скрыл от-

ступление землян. Огонь некоторое время будет держать ллоров на расстоянии. Маршрут землян пролегал вдоль реки, где было много укрытий. Спустя полмили река ушла еще глубже, выступы черно-белых скал стали попадаться чаще. Кана по очереди с другими тащил небольшую телегу, на которой лежали самые необходимые припасы. У них было две таких тележки, и от их содержимого, возможно, зависела жизнь всех солдат в недалеком будущем. Уже наступили сумерки, когда Кана со вздохом облегчения отошел от телеги и, растирая уставшие руки, занял свое место в линии. До сих пор Хансу не отдавал приказа на разбивку лагеря. Они поели на ходу и запили водой из фляжек. Никаких признаков преследования не было. Но, по-видимому, Хансу считал, что чем больше миль их отделит от прежнего лагеря, тем лучше. Теперь нужно было пересечь реку либо повернуть назад. В последнем свете дня они разбили лагерь. Хансу вызвал к себе Кану.

— Вы спускались к самой воде, сильно ли течение?

— Очень, сэр. И я думаю, река очень глубокая. А здесь она даже глубже.

— Гм… Хансу опустился на колени и свесился над обрывом Достав карманный фонарик, он на-

чал спускать его вниз на веревке. В кружке света показалась поверхность утеса. Река пробила это ущелье. Должно быть, раньше она была шире и мощнее, утес представлял собой несколько уступов — гигантскую лестницу, обозначавшую ступенями опускание уровня реки. Не очень широкие и далеко стоящие друг от друга, это были все же уступы, и они давали возможность добраться до поверхности воды. Из нее торчали зловещие острые камни, вокруг которых клубилась пена. Оползни оставили свои следы — слишком тяжелые камни, которые не могла унести река. Пытаться плыть здесь значило раз биться насмерть. И свет был слишком слаб, чтобы показать, что ждет на противоположном берегу. Хансу, сворачивая веревку поднял фонарик.

— Придется ждать рассвета. Галактический агент — вы уверены, что Миллз так сказал?

Кана смог лишь повторить то, что говорил раньше, а потом добавил:

— Ллоры уверены, сэр, слишком уверены. Они, должно быть, чувствуют мощную поддержку.

Хансу издал звук, в котором было мало общего со смехом.

— О да, у нас есть репутация. Значит, у них есть советчики, для которых наша репутация звучит

забавно. Ллоры — воинственный народ, и, когда преимущество на их стороне, они поступают как угодно. Скора перебил своих врагов даже под знаком перемирия. Может, таков фроннианский обычай. Однако… — и губы Хансу разошлись, обнажая львиный оскал, — мне не стоит строить слишком радужные планы на будущее, — даже действуя по советам ЦК. Что вы знаете о косах? — мгновение спустя спросил он, оторвав Кана от мрачных мыслей.

— Это туземные жители гор. В катушке о них было очень мало. У меня создалось впечатление, что они не той расы, что ллоры, и что они смертельные враги жителей равнин.

— Они пигмеи. По крайней мере, ллоры считают их пигмеями. И действительно смертельные враги по отношению ко всем, кто вторгается на их территорию. Используют отравленные стрелы и ловушки. Но я не знаю, вступаем ли мы сейчас на их территорию. Во всяком случае, у нас нет выбора, нужно идти вперед. Нам предстоит работа, Карр.

— Да, сэр.

— Отныне вы назначаетесь офицером по контактам. Подумайте, что нужно собрать в «тюк первого контакта», и соберите его сейчас же.

Утром все должно быть готово к использованию. Богат!

Темным пятном на ночном фоне появился ветеран.

— Завтра пойдете в разведку. В нашем отряде пойдет Карр — специалист по контактам.

— Да, сэр. Сколько человек?

— Не больше десяти. Широкая разведка на вражеской территории. Разведайте всю местность. Потом будете проводниками.

— Да, сэр.

Лагерь освещался лишь вспышками карманных фонариков, но и этого слабого света Кане хватило, чтобы добраться до своего места рядом с Миком и Реем. Он свернулся в клубок, завернувшись в единственное одеяло, и постарался думать свободно и связно. Как специалист по контактам и участник передового разведотряда, он должен иметь с собой торговый набор: торговля, обычно, наиболее легкий способ достижения контакта с неизвестным племенем. Но он так мало знает о косах-пигмеях, постоянных врагах ллоров, использующих отравленные стрелы и ловушки, чтобы сохранить неприкосновенной свою территорию в горах. Наиболее обычные предложения — пища, украшения… Следовало

подумать об этом раньше, до уничтожения лишнего багажа. Впрочем, солдаты по его требованию снимут с себя последнее, если они повинуются приказам. Пища — почти для всех чужаков характерно врожденное любопытство к иноземной пище, особенно если они живут в суровой стране, постоянно на грани голодной смерти. Из всей земной пищи был один вид, который солдаты всегда берут с собой, вид, производимый только на их планете, но излюбленный всеми чуждыми цивилизациями. Торговцы много лет пытаются экспортировать его. Но земляне заправляют военным снабжением и контролируют его производство и хранят его только для войск и немногих избранных союзников. Они слишком ценят его. Он не мог быть уничтожен с багажом. Должно быть, он находится в одной из телег, которые он помогал тащить. Надо спросить об этом у медиков. Украшения — ветераны сняли их с мундиров. Теперь они размещены у каждого в специальном поясе. Нужно будет взять самые яркие. Ну, не будем терять времени. Ни у Мика, ни у Рея нет ничего достойного внимания. Но к его услугам весь лагерь.

Кана устало откинул одеяло и отправился выполнять задание. Первой его жертвой был

Крауфор, врач орды. Услышав просьбу, он достал с ближайшей телеги небольшой ящичек. Кана получил пакет размером с ладонь. Содержимое этого пакета равнялось полугодовому офицерскому жалованью на полдюжине планет. Услышав вторую просьбу, Крауфор расстегнул один из карманов пояса и достал сирианский «солнечный камень» — в руке доктора засветился бассейн мягкого пламени.

— Можете взять это. Собственная шея стоит дороже. Просите не задумываясь: мы все знаем, чем рискуем. Тол, Канкон, Пейноу! — он созвал своих помощников и объяснил суть дела.

Когда Кана уходил от них, он нес пакет с сахаром, солнечный камень, золотую цепь около фута длиной, кольцо в форме свернувшейся водяной змеи и небольшой кристалл, в котором был заключен фантастический по внешности потамакский омар. Полчаса спустя Кана вернулся на свое место. Карманы его мундира раздувались от сверкающих драгоценностей, пальцы были усажены кольцами, а руки браслетами. При свете лампы он рассортировал добычу. Вот это, это и это, очень яркое внешне, нужно использовать в качестве приманки. А вот это сохранить в качестве даров для вождей или

военачальников. Он подготовил три свертка в соответствии с их будущим использованием и отложил в сторону, а потом попытался уснуть. Лагерь окружала темнота ночи. Они находились будто в огромном ящике-ловушке, и крышка его вот-вот захлопнется. Кана видел крошечные светлые точки — звезды, обогревающие незнакомые миры. Где-то среди них и Солнце, вокруг которого вращается его родная планета. Зеленая Земля. Есть и другие зеленые планеты среди голубых, красных, белых, фиолетовых, но ни у одной нет такого оттенка зелени, какая покрывает земные холмы. Земля — родина человечества. Человек поздно вышел в космос и оказался в стороне от главных дел. Всем заправлял ЦК. Но существует множество миров, на которых туземная жизнь не достигла уровня разума. Что если бы человеку позволили поселиться там, колонизировать эти миры? Что, если справедливы древние легенды и существовали полеты к звездам, из которых не возвращались? Где эти миры, на которых могли основать свои колонии земляне? Где мог бы он найти своих отдаленных родичей, свободных от ярма ЦК, людей, собственными силами завоевавших звезды? Думая об этом, он уснул. И снова он сидел во фроннианском лесу, сжимая в руке

окровавленный нож.

— ..вставать!

Кана перевернулся. В сером рассвете над ним возвышался Богат. Первые лучи отражались от его шлема.

Кана торопливо свернул спальный мешок. Потом пристроил свертки так, чтобы их было легко достать.

— Выступаем немедленно?

— Скоро. Захвати свой рацион.

Хансу и группа солдат, вооруженных веревками, собрались у края каньона. Три человека спускались по уступам к серебряному берегу далеко внизу. Они, перевязавшись веревками, по очереди вступали в воду и где вброд, где вплавь добрались до булыжников и стали воздвигать между ними частокол из туземных копий и обломков дерева. Если человека собьет с ног, то этот частокол удержит его, не позволит течению унести его вниз. Было ясно, что Хансу собирается переправляться через реку. Когда Кана и разведчики Богата начали спуск, передовые уже прошли половину реки. Ружья, свертки и другие запасы были завернуты в водонепроницаемую ткань. Все это спустили на наспех сколоченной платформе. Кана висел на веревке между двумя

уступами, когда резкий крик ударил по его ушам и нервам. Он не повернул головы — не посмел. Мгновение спустя туго натянутая веревка справа от него, натянутая под тяжестью разведчика, спускавшегося с обрыва рядом с ним, свободно скользнула по скале. Вес исчез. Даже коснувшись подошвами следующего уступа, Кана не посмотрел вниз. Он прижался к стене, цепляясь за нее пальцами, истекая потом. Еще три уступа — и он добрался до полоски щебня. Люди на берегу все еще смотрели вниз по течению, в их глазах застыл ужас. Но печалиться не было времени, а спасать некого. Богат последним спустился с обрыва и выкрикнул распоряжения.

— Разберите груз, вы, лотурианские едоки листьев! Мы переправимся через реку и поднимемся на противоположный берег. И побыстрей!

И они сделали это, потеряв еще одного человека. Его унесло течением и ударило о скалы, а потом по какому-то капризу потока снова вынесло обезображенное, изломанное тело. Но, перевязавшись веревками, иногда сбиваясь с ног, они все же перебрались. На берегу остался один солдат, его сломанная рука висела плетью. Он должен был следить за состоянием веревки. Вверх по утесу они поднимались от одного уступа

к другому, дрожа от усилий, их пальцы скользили от пота, сердца и легкие работали словно в лихорадке. Соль жгла глаза и порезы на руках, но они продолжали взбираться наверх. Кана концентрировал внимание на участке земли непосредственно перед глазами, потом на более высоком, еще на следующем и так далее. Так продолжалось часами — и будет продолжаться бесконечно. Но вот он вытянул руку в поисках очередной опоры, кто-то схватил его за запястье и потащил: его рывком подняли, и, скользнув лицом по скале, он лежал, тяжело дыша, усталый до мозга костей, не в силах протянуть руку к фляжке, хотя в горле у него пересохло и он ощущал страшную жажду. Он сел, когда подошел Богат. Вокруг его талии была обвязана веревка. Она послужит частью моста для всей орды. Кана напился и был способен встать на ноги, только тогда, когда подняли ружья и свертки. Богат дал сигнал, и они двинулись в темное будущее, в горы.

Оставив реку, разведчики разошлись веером. Только Кана остался с Богатом. В этой операции он был на особом положении, его обязанности начнутся, когда будут найдены следы разумной жизни. К его удивлению, Богат, вместо того чтобы полностью игнорировать его присутствие, подо-

ждал его и спросил:

— Что мы ищем?

— Хансу считает, что мы можем найти косов — это раса пигмеев, предположительно обитающих в горах. Они ненавидят ллоров и чрезвычайно опасны, используют отравленные стрелы и ловушки.

Богат ответил на эту скудную информацию ворчанием. Поднялся ветер, его порывы дико выли в горах, неся с собой мигрирующие шары круглые массы колючих растений, — так они путешествуют, пока не найдут места с водой, где могли бы укорениться на сезон. Болезненного, бледного, желто-зеленого цвета, эти шары были вооружены шестидюймовыми шипами, и земляне почтительно уступали им дорогу. Так начиналась фроннианская зима. И переходить в этот сезон в горы означало встретиться с такими трудностями, от которых отшатнулся бы любой ллор. Ветер проносился сквозь ущелье и трещины, а над головами землян раздавался дикий воющий стон. Но разведчики большую часть пути были защищены от ветра. Почва представляла собой смесь гравия и глины. Стены ущелий приходилось освещать пылающей ветвью, чтобы разведчики могли держаться главной тропы. Они

проходили мимо камней выше человеческого роста, и Кана начал удивляться, откуда в этом ущелье такое количество оползней. Неожиданно он увидел перед собой ответ, и ответ был суров. Блеснуло солнце, отразившись от предмета, полупогребенного в почве. Кана наклонился, очищая землю. Из-под камня торчал ллорский меч. Его рукоять все еще сжимали пальцы мертвой руки!

— Раздавлен, как таракан! — заметил Богат. Глаза ветерана сузились, когда он взглянул сначала вперед на ущелье, по которому им предстояло идти, а потом уже вверх на склоны. Он был слишком хорошо знаком со способами ведения войн на пяти десятках планет, чтобы не понять, что тут произошло. — Скатили камни и поймали их. Работа косов?

— Возможно, — согласился Кана. — Но это было давно… — его прервал крик, от которого Богат прыгнул вперед.

Узкий каньон, по которому они шли, расширился, превратившись в арену, — арену, где когда-то велась смертоносная игра. Все дно ее устилали кости. Среди них виднелось множество черепов ллоров, очень похожих на человеческие, и длинные клыкастые черепа гуенов. Ни один скелет не был цел. Кана поднял ребро. Кость оказалась

очень легкой. Он был прав: эти глубокие впадины могли появиться лишь в результате действий коренных зубов. Сначала убийство, а затем пир! Он отбросил эту кость. Держась в стороне от останков, земляне двинулись вдоль стены ущелья. Среди обломков не было ни оружия, ни остатков ллорского обмундирования. Исчезла также упряжь гуенов. Мертвых раздели совершенно. И поскольку они лежали непогребенные, убийство оставалось неотомщенным.

— Как вы думаете, давно это было? — хриплый рев Богата звучал угнетенно.

— Может, 10 лет назад, а может, сто, — ответил Кана. — Нужно знать климат, чтобы быть уверенным…

— Их застали сбившимися в кучу, — заметил Богат. — Ларсен! — обратился он к ближайшему разведчику. — Поднимитесь вверх и используйте бинокль. Отныне будете прикрывать нас сверху. Остальные — передвигаться медленнее. Сунг, свяжетесь с нашими и доложите. Пока не видим ничего живого. Но я не хочу, чтобы наших товарищей захватили так же!

Медленно двинулись они к концу долины смерти, опасаясь каждую секунду услышать грохот лавины. Но Кана, глядя на суровую местность,

подумал, что косы вряд ли обычно обитают в ней. Сцена сзади могла быть следом какой-то войны, конечно, если ее причиной были косы. Его не оставляла мысль о следах зубов на кости. Некоторые примитивные племена поедали мертвецов, веря, что таким образом добродетели храброго врага переходят к его убийце. Но вряд ли эти зубы принадлежали гуманоидам. На Фронне достаточно других пожирателей мяса. Тсор, огромное кошачье; хорк — птица или высокоразвитое насекомое (в информационной катушке не было уверенного утверждения), мелкие животные, которых приручили и использовали на охоте точно так же, как древние лорды его собственной планеты использовали для забавы соколов. Были еще дитеры, о природе которых трудно было сказать что-то определенное: они были ночными животными и выкапывали ямы, чтобы поймать добычу. Но эти загадочные существа обитали в болотистых джунглях южного континента. Оставался билл!! Но Кана считал, что эти смертельно опасные нелетающие птицы водятся только на равнинах, где скорость бега позволяет им уверенно настигать добычу. Более опасные, чем тсор, который редко нападает сам, биллы достигали двенадцати футов в высоту, у них был злобный

характер и чудовищный аппетит.

Эта горная страна была почти лишена растительности, но колючек было очень много. Разведчики делали часовой привал, ели таблетки из своего рациона, отпивали немного воды и шли дальше. Неровная местность вокруг могла быть лунным ландшафтом их собственной системы, лишенным всякой жизни. Когда сухое русло ручья, по которому они шли, разделилось надвое, Богат приказал остановиться. Оба новых каньона выглядели одинаковыми, хотя один поворачивал на юг, а другой — на север. Земляне, вздрагивая от ударов резкого ветра со снежных вершин, остановились в нерешительности. Богат посмотрел на часы и сравнил их показания с длиной тени за скалами.

— Четверть часа. Мы разделимся и вернемся назад к концу этого времени. Вы, — он указал на четырех разведчиков, — пойдете со мной, Ларсен, вы с остальными пойдете на юг.

Кана с биноклем на шее карабкался на стену северной развилки. Запан Богат двигался вперед и опередил своих товарищей. Человек непосредственно перед Каной поднимался с трудом. Он часто соскальзывал, и ему приходилось начинать сначала. По чистой случайности Кана

уловил движение за Сунгом. Тень от скалы странно дернулась. Кана поднял ружье и выкрикнул предупреждение. Сунг прижался к стене и тем спас себе жизнь. Смерть, подстерегавшая его, ударила в пустое место. Кана выстрелил, надеясь попасть в какое-нибудь жизненно важное место этого стремительного рыжего тела. Но существо двигалось невероятно быстро, его длинная чешуйчатая шея извивалась как змея. Кана был уверен, что по крайней мере дважды попал, но животное продолжало нестись к тому месту, где Сунг прижимался к скале. И оно больше не молчало. Дикий и гневный рев разрывал им перепонки. Вспышка белого пламени окружила билла. Когда оно утихло, гигантская птица лежала на земле, безголовая, ее длинные ноги все еще угрожающее дергались.

— Богат! — закричал Кана. — Эти существа обычно охотятся стаями.

— Да? Гарн, сигнальте отход, — приказал Богат одному из оцепеневших солдат. — Надо отозвать Ларсена. Двинемся вместе. Если здесь нас поджидают еще такие звери, мы будем готовы. И не следует рассредотачиваться с наступлением темноты.

Сунг далеко обогнул тело билла, присоединяясь

к остальным. Богат отдал приказ Кане:

— Следите за этим ответвлением.

Отныне они проверяли каждую тень, каждую щель в стене ущелья. Встретив на развилке группу Ларсена, Богат приказал строить бруствер из камней.

— Они охотятся по ночам? — спросил Богат.

— Не знаю. В сущности, они не должны находиться здесь, в горах. Это хищники, и обычная их территория — центральные равнины.

— Значит, если они оказались здесь, у них есть на кого охотиться?

Кана лишь кивнул в знак согласия. Хотя местность казалось пустынной, в ней скрывалась жизнь. И эта жизнь вполне могла привлечь внимание билла.

Поскольку огонь был под запретом — они не смели показывать свет, — разведчики сгрудились у стены своего временного укрепления. Горы заслонили свет садящегося солнца, и Кана обнаружил, что прислушивается в полутьме, — но к чему, он не смог бы объяснить. Снова с воем поднялся ветер. Но за долгие часы блужданий земляне так привыкли к нему, что уже не обращали на него внимания. В один из немногих перерывов, когда горы замерли, Кана снова при-

слушался. Слышал ли он? Но за стеной ничего не двигалось. Они спали урывками, по двое карауля лагерь. Кана дремал, когда в ребра ему ткнули локтем, и Сунг прошептал на ухо:

— Смотри!

Далеко вверху мигнул свет. Это не звезда. А слева еще одна вспышка. Кана схватил бинокль. Это огонь костров. Сигнал! Он насчитал их 5. А сигнальные огни в этих высотах означали лишь, что кто-то следил за передвижениями землян. Не роялисты — это не голубое пламя ллорских факелов. Вот один огонь мигнул и исчез, снова загорелся и погас — определенная последовательность. Ошибки не может быть это сигнал. Приведет ли этот обмен информацией к такой же односторонней битве, следы которой они видели в долине?

Сигналы! Богат проснулся и тоже смотрел. Кана скорее слышал, чем видел, как ветеран вскарабкался на стену. Высоко над стеной утесов, ограждавших ущелье, тоже мелькнул огонь. Но тут же исчез и больше не появлялся. Ответ на те сигналы? Богат прокашлялся.

— Возможно, это значит «приказ получен», — он пародировал официальную фразеологию. Сунг, включи передатчик. Рас, скажи Хансу об

этих сигналах. Ну, — добавил он спустя некоторое время, — на сегодня, должно быть, представление окончено.

Он был прав. Три из пяти огоньков впереди исчезли, а два медленно угасали. Кана вздрогнул от ледяного ветра. Что ожидает их впереди?

— Лагерь ответил, доложил из темноты Сунг. — Они видели огонь намного впереди от себя, но лишь один. Я им рассказал о билле. Они на том конце долины с костями.

— Хорошо, выключай. Продолжим утром.

Утром Богат избрал для исследования южную развилку. Поскольку Тарк находился на юге, было логично двигаться в этом направлении. Повлияло ли на его решение появление билла в северной развилке или то, что все огни размещались к северу, он не стал обсуждать это с подчиненными. Новая тропа оказалась шире, и спустя полмили Кана заметил, что они поднимаются. Прошел еще час, и им встретились первые следы горных жителей. К счастью, эпизод с биллом научил их осторожности, и теперь они были крайне внимательны к любым необычностям. Ларсен, шедший впереди, резко остановился на краю широкой и гладкой полосы песка. Когда подошел Богат, он указал на странное углубление в центре полоски.

Кана, вспомнив предупреждение Хансу о косах, заговорил первым:

— Возможно, ловушка…

Богат перевел взгляд от Каны к углублению. Потом отошел, подобрал камень и, пошатываясь от его тяжести, бросил на ровную поверхность. Послышался шум. Песок и камень обрушились в открывшееся отверстие. Кана заглянул внутрь. Все у него внутри перевернулось, когда начало действовать воображение. Это была ловушка, коварная, смертоносная ловушка. И пленник, попавший в нее, умер бы от мучительной долгой смерти на искусно размещенных внизу кольях. Земляне осторожно пробрались по краям ямы. На другой стороне Сунг сообщил о ловушке в орду. С этого места их продвижение еще более замедлилось. Приходилось не только опасаться биллов. Теперь каждая ровная площадка становилась подозрительной. Они испытали еще три полоски по методу Богата, и последняя открылась во тьму, откуда поднимался такой отвратительный запах, что никто не захотел рассматривать содержимое ловушки.

— Не идем ли мы прямо к чьему-то парадному входу? — Сунг переместил передатчик с одного бедра на другое.

— Если так, то этот кто-то не очень любит посетителей, — внимание Каны разделилось между стенами ущелья и его дном: смерть могла неожиданно появиться отовсюду. А он ведь специалист по контактам, единственный, кто может надеяться вступить в переговоры. Однако ничто в предыдущей подготовке не готовило его к нынешней ситуации. Невозможно вступить в контакт с врагом, который отсутствует… Косы, если, конечно, это были косы, явно полагались на свои ловушки, которые убивали задолго до того, как неприятель мог приблизиться. Если бы только он мог добиться встречи, если бы только сумел передать горцам мысль о том, что орда, идущая по этой местности, ревностно охраняемой, не враждебна им. Напротив, она враждует с исконными противниками косов — с ллорами. Он был уверен, что если косы и подглядывают за ними, то только с высоты. И когда разведчики расположились на очередной часовой отдых, Кана направился к Богату со своим планом. Ветеран с беспокойством оглядел верхушки утесов, колеблясь.

— Не знаю… если они шпионят за нами, то оттуда. Но они могут быть за многие мили, а мы не можем ждать, пока вы будете искать кого-то, ко-

го, может быть, вовсе и нет. Посмотрим позже..

Кана был вынужден удовлетвориться этим обещанием. Но несколько минут спустя его план получил подкрепление. Они обогнули поворот и обнаружили перед собой стену. Видимо, когда-то здесь исчезнувшая река образовала водопад. Богат поманил Кана.

— Ну, здесь кто-то должен подниматься. Попробуйте и посмотрите, что вы найдете. Возьмите с собой Сунга.

Они сняли мешки, взяли ружья и начали подъем — не вверх, по сглаженному водой руслу водопада, а по относительно неровному утесу слева. Когда это назначение окончится, подумал Кана, распластавшись по поверхности скалы от одной неровности к другой, ему можно будет служить в специализированной горной орде. Добравшись до вершины, они увидели западный срез. Здесь снова было дно ручья, но гораздо более узкое. И недалеко впереди природная мрачность скалы нарушалась пятнами желто-зеленой растительности, которая обещала воду.

— Там что-то… — Сунг медленно поворачивался, изучая местность.

Кана понял, что беспокоило его товарища. Он тоже чувствовал, что за ними наблюдают. Вместе

они осмотрели каждый фут скалистой местности. Ничего не двигалось, лишь ветер нес пыль со склонов ущелий. И они были одни в мертвом мире… и все же за ними наблюдали! Кана знал это по мурашкам на коже спины, по холодному напряжению кончиков нервов. За ним наблюдали… со злостным нечеловеческим любопытством.

— Где это? — голос Сунга с трудом пробился сквозь вой ветра.

Кана наклонился и достал свой набор для обмена и торговли. Он выбрал плоский камень и разложил на нем предметы, которые, как он считал, способны привлечь внимание любого туземца. Потом потащил Сунга налево, выбрав там укрытие.

Время шло, и Кана начал думать, что нервы подвели его.

— Боже космоса! — со свистом произнес Сунг.

Что-то наконец шевельнулось. С кошачьей грацией поплыла тень меж двумя скалами и остановилась над камнем с образцами. Кана затаил дыхание. Тсор! Зеленоватая шерсть, так ценимая ллорами, безошибочно указывала на него. Круглый череп с большим мозгом, острые уши, хвост, способный схватить и удержать, шевельнулся, ухватил золотую цепь и поднес к

большим желтым глазам. Тсор обнюхал остальные предметы, лапой перевернул их и уронил цепь. То, что нельзя съесть, его не интересовало.

Кана перехватил ствол ружья Сунга.

— Он не нападает, не стреляй!

Тсор застыл, тело его напряглось, и он повернул голову вверх по ручью. И исчез в мгновение ока. Они увидели, как зверь большими прыжками поднимается вверх.

Сквозь вой ветра до них донесся какой-то звук, смутный рев, который Кана не мог опознать. Он посмотрел вверх по ручью.

Потом повернулся и потащил Сунга от дна долины, превратившегося в смертельную ловушку. Они вместе подбежали к краю утеса. Кана увидел обращенные к нему лица товарищей. Сунг выстрелил три раза — сигнал тревоги, — а Кана взмахами призвал всех бежать. Его поняли. Стоявшие внизу рассыпались и побежали, некоторые в одну сторону, остальные в другую. Потом черная стена воды обрушилась водопадом и закрыла сцену внизу сплошным месивом брызг. Вода дошла до сапог Каны, обрызгав его пеной. Плечом к плечу с Сунгом они цеплялись за скалы. Снова невидимые горцы использовали природу для защиты своей страны, высвободив воду,

чтобы избавиться от вторжения. Сунг торопливо предупреждал орду, идущую навстречу гибели.

Из пены внизу показались голова и плечи человека, пробивающегося в безопасное место. Он тянул кого-то за собой. Они глотнули воздуха и вцепились в булыжники, пережидая вал покрывающей их воды. Кане показалось, что он увидел на другом берегу каньона еще одну темную фигурку. Неужели выжили только трое? Вместе с Сунгом они спустились со стены и помогли выбраться Богату и почти потерявшему сознание Ларсену. Дрожа, четверо расположились на выступе утеса в футе над потоком, который не проявлял никаких признаков отступления. Богат покачал головой, как бы разгоняя туман.

— Кто-то вытащил пробку, — между приступами кашля проговорил Ларсен.

— Кого-нибудь видели вверху? — спросил Богат.

— Только тсора. Он нас предупредил о наводнении. Если бы не это, нас бы захватило…

— И нас тоже, — Ларсен выжимал куртку. — Как остальные парни внизу по течению?

— Сообщили им, — ответил Сунг. — Получили ли они его вовремя…

Слабый крик послышался над каньоном, и они

увидели машущую руку. Богат осторожно встал.

— Эге-гей! — раздался его бычий рев.

В ответ они услышали три крика. Но пересечь бурное течение и объединиться не было возможности. И вот они начали обратный путь к развилке по двум сторонам каньона. Кана и Сунг сберегли ружья, но их мешки пропали. Холодный ветер леденил мокрую одежду на дрожащих солдатах. Когда зашло солнце, они забились в узкую щель между двумя скалами, куда не проникал ветер, и так провели ночь. Однажды с вершины раздался печальный низкий рев. Кана решил, что это охотничий рев тсора. Присутствие этого львообразного существа говорило, что, несмотря на внешнюю пустынность, здесь есть жизнь. Тсоры питаются не только мясом, но и фруктами, и зерном — возможно, они совершают набеги на горные поселки косов.

Если солдаты и спали этой ночью, то только от крайнего истощения. И когда Кана проснулся, руки и ноги у него так затекли, что ему пришлось щипать и бить их, чтобы возобновить кровообращение. С другой стороны каньона махали уцелевшие. И снова началось нелегкое продвижение по вершинам. Внизу текла река, журча по старым оползням. Пока Кана смотрел, часть утеса

пошатнулась и обрушилась в поток. Получив это предупреждение, солдаты держались подальше от края. Все время приходилось делать обходы, огибать трещины и пики. Это было медленное и мучительное продвижение, и на камнях оставались капли крови от израненных ладоней. Даже невероятно прочная кожа сирианских рептилий, из которых были изготовлены солдатские сапоги, поддалась и начала рваться. И все время с ними был страх, о котором никто не упоминал. Когда наутро Сунг попытался связаться с ордой, он не получил ответа. Каждый привал, пока остальные тяжело отдувались, он склонялся над проклятой машиной и с неустанной энергией нажимал на ключ, но ни разу не получил ответа. Кане казалось, что он знает, что произошло. Воображение рисовало ему яркую картину. Орда двигалась по руслу реки, а навстречу ей — поток, набиравший силу на пологом склоне. Отряд землян был пойман в ловушку и нашел тот же конец, что и ллоры в долине костей.

Когда они приближались к равнине, эта картина так ярко стояла перед глазами Кана, что он тащился последним, боясь увидеть следы катастрофы. Но тут его внимание прервал крик Сунга. Как раз под ними между скалами была зажата

одна из телег, изломанная и почти потерявшая форму. Богат опасно свесился над краем, разглядывая обломки. Они смотрели на доказательства катастрофы, убившее в них всякую надежду. И тут с другой стороны потока донесся громкий крик. Богат распрямился, уверенность вернулась к нему.

— Может, кто-то спасся?

Два разведчика на другой стороне исчезли, но третий продолжал махать руками.

— Остается проблема перехода, — заметил Ларсен, — тут нельзя плыть…

— Но мы уже раз переправлялись через реку, — ответил Сунг. — То, что сделали один раз, мы сможем повторить.

Теперь они могли сделать все, что угодно!

Сознание того, что кто-то в орде мог выжить, послужило стимулятором, который заставил их вскарабкаться на камни как раз над водой. Богат рукоятью ружья ощупывал дно: тут же ружье почти вырвало течением у него из рук. На том берегу появилась группа людей, среди них был Хансу. Они были нагружены кольцами веревок и разделились на две части: одна осталась прямо против разведчиков. Хансу с другой частью пошел вверх по течению, разворачивая по мере

удаления веревку. Здесь ущелье, через которое вода проходила в более широкую часть, было глубже и уже, чем в любом другом месте от самого водопада. Люди Хансу смотали веревку в громоздкий сверток и бросили его в воду. Сунг и Богат с ружьями наготове лежали на скале. Сверток мелькнул в воде, и ружья окунулись, чтобы перехватить его. На какое-то мгновение показалось, что он пройдет мимо — но вот веревка поймана, и в крепких руках она поможет перебраться через реку. Преодоление этих нескольких футов потока потребовало кошмарных усилий. Кану ударило о торчащий из воды камень с такой силой, что его голова закружилась от боли. Но тут же чьи-то руки схватили его. Выплевывая воду, он лежал на полоске гравия, не в силах подняться на ноги. Остальная часть пути к другой долине была для него механическим исполнением приказов: он шел туда, куда его вели. И пришел в себя по-настоящему лишь лежа на спине, с мешком под головой, а Мик и Рей медленно сняли с него мокрую одежду и укутали одеялом. Мик спросил:

— Что вы там сделали наверху? Взорвали бомбу?

— Попали в ловушку… — Кана говорил, глотая горячую жидкость, протянутую ему Реем.

Поблизости горел костер, и чувство теплоты в дрожащем теле было необыкновенной роскошью.

— Ну, у нас есть один из тех, кто готовил эту ловушку.

Кана взглянул туда, куда показывал Мик. У огня скорчилась фигура — не ллора и не землянина. Около четырех футов ростом, это существо почти полностью было покрыто густой серо-белой шерстью. На пояснице у него был широкий пояс из шерсти тсора, на шее надето ожерелье, с которого свешивались когти того же животного. Еще более лишенный выражения, чем менее волосатые ллоры, пленник не мигая смотрел в огонь и не обращал внимания на окружающее.

— Кос?

— Мы так думаем. Его поймали в предыдущую ночь. Он зажигал сигнальный огонь в скалах. Но пока ничего от него не получили. Не отвечает ни на какие вопросы, ничего не берет, не ест. Даже Хансу от него ничего не добился. Когда мы останавливаемся, садится… — разговаривая, Мик открыл свой мешок и достал запасную одежду. Рей тоже добавил кое-что. Кана с благодарностью принял их дар. Его собственная одежда сушилась у костра.

— Хорошо, что вы вовремя предупредили нас… — Мик поднял голову. — Поток захватил пятерых… телега наскочила на камень, и они ее освобождали. Потом мы потеряли троих, когда пересекали первую реку… и еще нескольких, когда меховые лица напали на нас позже…

— Ллоры последовали за вами?

— Часть пути. Они перешли реку, когда мы достигли долину костей. Я думаю, что они знали, чего следует ожидать. Во всяком случае, они закрыли нам отход, разве что пришлось бы сражаться с целой нацией. Повстанцы все превратились в роялистов и готовы в любое мгновение атаковать проклятых захватчиков-землян… в его словах звучала горечь.

— Что там впереди? — спросил Рей.

Кана коротко описал виденное. По мере его рассказа их лица мрачнели. Не успел он кончить, как появился Хансу.

— Видели ли вы какие-нибудь следы косов у водопада до прихода воды? — хотел знать Хансу.

— Нет, сэр. Мы видели только тсора, и он предупредил нас. Я разложил товары на камне, чувствуя, что за нами наблюдают. Тсор вышел посмотреть на них, и тогда…

Но Хансу смотрел на пленного коса.

Все, что нам нужно знать, заключено в этом круглом черепе, если бы мы только добрались до этого. Он не ест нашу пищу и не разговаривает. А мы не можем держать его, пока он не умрет с голоду. И тогда у них будет хорошая причина напасть на нас. — Хансу обошел костер и встал рядом с пленником. Волосатый пигмей не шевельнулся и ничем не показал, что заметил присутствие командира землян. Хансу опустился на колено, медленно повторяя слова на языке ллоров.

Кос даже не моргнул. Кана порылся в мешке с торговыми образцами, которые так долго носил, сделал торопливый выбор и протянул маленький пакет сахара и усаженный камнями браслет. Хансу повертел сверкающий при свете костра браслет перед угрюмым пленником. Кос никогда, должно быть, ничего подобного не видел. Но ни в этом случае, ни тогда, когда к нему поднесли сахар, он не сделал попытки получше рассмотреть подношение. Для него земляне и их дары как бы не существовали. Хансу сказал:

— Он как каменная стена. Мы можем только….

— Отпустить, сэр, и надеяться на лучшее? — уроки в контактах подсказали Кане это предположение.

— Да, — Хансу встал и поднял коса. Используя

свою превосходную силу, он подтащил пигмея к краю лагеря землян и еще за сто ярдов от него, а потом отпустил и отошел от коса. Довольно долго кос оставался точно в таком положении, в каком его оставил Хансу, он даже не повернул головы, чтобы проверить, следят ли за ним. Вдруг неуловимым движением, с ошеломившей солдат скоростью, он исчез в дальней стороне каньона. Где-то стукнул камень, но земляне ничего не видели. Орда провела на этом месте ночь, и, хотя велось внимательное наблюдение за скалами, сигнальных огней больше не было.

— Может, река была их самым сильным оружием? — с надеждой предположил Мик. — И увидев, что оно не сработало, они укроются и позволят нам пройти.

— Мы не знаем образа их мышления, — заметил Кана. — Для некоторых рас — для нас, например, неудача лишь повод для повторения попытки с новыми силами. А для других неудача означала бы, что боги, в которых они верят, или судьба, или любые другие силы, — против них, и они тут же забыли бы обо всем деле. Наше будущее может зависеть от освобожденного нами коса и от того, что он им расскажет. Нужно быть готовыми ко всему.

На следующее утро, вскоре после выступления, они увидели место, где был убит билл. Тело его было разорвано и почти съедено за ночь невидимыми пожирателями падали. Но свирепая голова с оскаленной пастью все еще служила грозным предупреждением. В обязанности фланговых входило внимательно следить за возможным нападением хищных птиц.

Около полудня они встретили бассейн. В него, по-видимому, вода просачивалась через скалы из соседнего ущелья. Очистив воду, они наполнили фляжки и смыли пыль и грязь с лиц и рук. Песок, приносимый ветром, скрипел на зубах, когда они ели, от него воспалялись глаза, он забивался под одежду, причиняя беспокойство.

Бдительные к опасности, ожидавшей их сверху, разведчики сумели предупредить и второе нападение. Косы, опираясь на метод, хорошо служивший им в прошлом, сбрасывали со склонов булыжники. Но ни один из камней не задел извивавшуюся змею орды: сидевших в засаде косов заметили разведчики на флангах, и несколько волосатых тел осталось среди скал, остальные горцы бежали. Впереди, — на столообразной горе виднелась грубая крепость. Она так перекрывала путь, что земляне не решились приблизиться.

На этот раз косы не пытались скрыть свое присутствие. С наступлением вечера в крепости вспыхнули огни. Они создали почти такой же огненный барьер, как лампы земных лагерей на равнине. Нападать снизу было невозможно. Подъем к крепости был крут, а сверху лежали готовые к использованию камни. Свисток Хансу созвал всех.

— Надо взять форт, — спокойно сказал; он. — И для этого есть, лишь одна возможность — сверху, — он снял шлем и бросил в него черные и белые камушки, — жребий…

Кана вместе с остальными взял камешек и держал его в руке до команды, потом разжал руку. У него, как и у Рея, был черный камень. У Мика — белый.

Хансу внимательно осмотрел отряд, которому предстояло подниматься. Добровольцы сняли с себя все обмундирование, кроме поясов. Ружья они укрепили за плечами, у каждого был нож и пять гранат. Для отхода от главных сил они использовали глубокую тень на дне каньона и вернулись к тому месту, где по сообщениям разведчиков, можно было начать подъем. И здесь, используя последние мгновения сумерек перед наступлением ночи, они начали подъем. Навер-

ху лишь огни крепости давали немного света и указывали цель. Продвижение было медленным. Встреча с косами — часовыми — могла оказаться роковой, но землян выручало обоняние. К счастью, ветер дул им навстречу. Маслянистый запах тел ллоров различался землянами за несколько футов, а запах косов был несравненно сильнее. Горцев можно было буквально вынюхивать в засаде. А они сами об этом не подозревали. Зловоние наполняло ноздри Кана. Он подобрал ноги и, вытянувшись, слегка хлопнул Рея по плечу, зная, что это молчаливое предупреждение будет передано по всей линии землян. Впереди, слегка левее, кос. Кана чуть повернул голову, отыскивая источник запаха. Пальцы Рея сжали его руку. Коса нужно обнаружить и устранить совершенно бесшумно. Соседний выступ чуть освещался огнями крепости. Нос говорил Кану, что кос должен быть здесь, к тому же с этой позиции удобно было следить за утесом и за ордой внизу. И тут Кана увидел то, что искал — черную фигуру на фоне крепостных огней, согнутые голову и плечи горца. Кана застыл, потом осторожно снял петлю, удерживавшую ружье за спиной. С точностью и аккуратностью, выработанными многолетней тренировкой, он опустил петлю на волосатую

шею. Рывок, и кос безжизненно повис. Трясущимися руками Кана опустил тело на землю. Прием сработал — точно так, как уверяли его инструкторы. Но одно дело пробовать на манекене и совсем другое — на живом, дышащем существе… Он с отвращением снял петлю и оттер ладони, стараясь стереть ощущение жира с них.

— Все в порядке? — спросил его Рей.

— Да, — Кана взял протянутое ружье.

Больше часовых не было. И наконец земляне добрались до нужного им места над крепостью, с запада от нее. Крепость напоминала по форме огромное гнездо. Косы, захватив крепость, использовали сооружения ллоров. Горстка каменных хижин окружала полуразрушенную сторожевую башню, вокруг шла стена из не скрепленных камней. Все вместе свидетельствовало о плохих инженерных знаниях.

Снизу доносились резкие звуки боевых свистков землян. Сверху были видны фигуры косов на стенах. Они готовились встретить атаку снизу. Кана выдернул чеку и бросил гранату в ближайшую хижину. К желтому огню косов добавились огненные шары землян, и вся поверхность крепости превратилась в огненный ад. Ошеломленные косы, захваченные врасплох, бегали взад и впе-

ред. Мгновение нерешительности и погубило их. Но конец пришел не от нападающих землян, а изнутри самой крепости. Среди огней ожила темная тень, взметнувшись в ночь. Она повисла над крепостью, и с нее обрушилась красная смерть. Косы, охваченные пламенем, с криком бежали навстречу смерти. Странное летающее существо поднялось выше и полетело над долиной, обрушив на орду бомбы. Земляне старались попасть из ружей в крылья. Поднялась стрельба. Под сосредоточенным огнем летающая тень пыталась вырваться, но упала, оставляя за собой алую полосу разрушений не только в крепости косов, но и в рядах орды.

На рассвете земляне заняли крепость, но цена оказалась слишком высокой. Четверть орды либо сразу умерла под градом, либо получила Милосердие в последующие часы из-за ужасных ран. Поэтому победа весьма походила на поражение.

— Откуда у косов эта крылатая штука? — Мик, у которого левая рука была перевязана, не был единственным, хотевшим узнать это.

Незнакомая машина свидетельствовала: в крепости косов чужаки, либо подбивающие их против землян, либо просто наблюдатели. Солдаты обыскали руины, частично еще пылавшие, в

поисках летчиков, но ничего не нашли.

— Эта машина не могла уйти далеко, — говорил Рей каждому, кто согласен был его слушать. — Она разбилась. Когда ее видели в последний раз, она летела наклонно.

— Там, где есть одна, — возразил Мик, — вероятно, есть и другие. Космические демоны! С этими машинами они могут уничтожить нас в любую минуту! Но почему они не сделали этого раньше?

Кана подложил Мику под спину мешок, устраивая его поудобнее.

— Возможно, недостаток запасов. Наверное, у них не так много машин. Мы заставили их открыть одну, напав на крепость. И я думаю, Рей прав: она разбилась где-то поблизости. Во всяком случае, отныне нам не придется идти по середине каньона, давая им возможность отлично попасть в цель. В этом заключалось главное открытие землян прекрасная дорога, уходящая точно на запад от крепости. И Хансу собирался вести свое искалеченное войско по ней, может быть, в ловушку. Солдаты залечивали раны и исследовали крепость, отправив разведчиков вдоль дороги Число мертвых косов оказалось меньше, чем они ожидали. И никаких признаков чужаков. В

конце концов, тела врагов сложили на маленькой центральной площади крепости и сожгли. В подземном помещении в скале обнаружили цистерну с водой и множество кувшинов с зерном и сухофруктами. Доктор Крауфор заявил, что зерно для землян несъедобное, а фрукты безвредны, и солдаты принялись жевать жесткие комочки, радуясь разнообразию в своем рационе.

На третий день они реорганизовали сократившиеся отряды и в полном порядке двинулись по дороге. Но разговоров о быстром возвращении на Секундус больше не было По молчаливому соглашению все споры о будущем ограничивались следующим днем. Показывай зубы и надейся... так выразил Мик общее настроение, ковыляя между Каной и Реем. Если бы только мы могли выбраться из этих скал!

Но конца скалам не было, и дорога от крепости поднималась все выше и выше. Кана в свою очередь стал одним из идущих впереди разведчиков. Они поднимались по склону горы, некогда бывшей вулканом. На земле появились полоски снега. Кана подозрительно осматривал пролом в вулканическом конусе — здесь их могла ожидать засада. Но дорога не охранялась. В сопровождении Сунга Кана остановился, глядя

вниз, в долину, расположенную глубоко внизу. До нее было не менее мили. Видно было озеро и желто-зеленую фроннианскую растительность на маленьких прямоугольных полях. У воды теснились несколько каменных домов. На полях ничего не двигалось, над деревней не виднелось ни одного столба дыма. Может, ее покинули час назад, а может, сто лет. Разведчики, настороженные и готовые к неожиданностям, начали спуск. Но им встретился в густой траве только кхат — грызун, главное мясное блюдо фроннианцев. Миновав небольшие поля с неубранным зерном, они подошли к озеру. Сунг указал на береговую линию с вмятинами в грязи.

— Лодки… и совсем недавно.

— Не вижу ни одной. Может, они ушли туда…

Длинный залив изгибался к югу, уходя за стену кратера.

Разведчики не знали, омывает ли он и внешнюю стену. Но лодок не было видно. Дальнейшее исследование показало, что кроме четырех небольших гуенов, запертых в загоне, в деревне никого не было. Орда спускалась мирно. Залив озера, уходящий на юг, проходил сквозь конус вулкана, и земляне считали, что жители деревни ушли именно этим путем. Но самое интересное

открытие было сделано сразу за деревней. Груда обломков — летающая машина! Никаких следов пилота. Но машина не принадлежала мехам, как они втайне подозревали.

Эл Кости, более всего подходивший к определению «специалист по машинам», провел в сопровождении добровольцев много часов, разбираясь в путанице проводов и металла.

— Машина с «Сириуса-II», — доложил он Хансу. — Но в ней имеется модификация, которую я не смог определить. Первоначально это мог быть торговый разведчик, хотя окончательно я не уверен. Но он не земного происхождения.

И снова та же мысль: что-то за этим кроется, каким-то образом против землян действует ЦК. Почему? Потому что они наемники с Земли? Кана задумался. Неужели орда Йорка с ее обилием ветеранов получила в чьей-то книге пометку: «подлежит уничтожению»? А большие потери вызовут беспорядки дома. Неужели человечество пытаются совсем вытеснить из космоса? Кана следил, как Хансу внимательно осматривает обломки, а Кости указывает ему места, выдающие происхождение машины. Хансу собирает доказательства, но позволено ли ему будет предъявить их властям? И верит ли он сам, что кому-нибудь

из них удастся достигнуть Секундуса, хоть одному стоять в зале справедливости Прайма и свидетельствовать о предательстве?

Дом за домом они обыскали деревню. В хижинах оставался лишь один хлам да такая громоздкая мебель, которую беглецам было трудно унести с собой. Было найдено 3 полевых исследовательских ранца. Следовательно, хоть один посетитель из другого мира был здесь недавно. Но ранцы были стандартные, и ничего не говорили о том, кто ими пользовался, — хозяин их мог происходить с любой из двадцати различных планет.

Без лодок или материалов для изготовления плота земляне не могли воспользоваться выходом из долины кратера. Но еще одна дорога вела на юго-запад, и они двинулись по ней. С этого дня марш превратился в кошмар. Начался сезон ветров, и бури принесли гору снега, закрывавшего дорогу. В первую же бурю потерялось несколько человек. Они отошли от основной массы, и больше их никто не видел, хотя были попытки найти их. Некоторые сдались. Никакими усилиями невозможно было поставить их на ноги после короткого отдыха. Они погрузились в странный сон, переходящий в смерть. Если бы не их подготовка наемников, если бы не привычка

с детства переносить жестокие физические испытания, ни один из них не выжил бы. И так они потеряли около пятидесяти человек, прежде чем добрались до западных склонов холма. Но теперь уже сам факт, что они опускаются и перед ними лежат равнины Тарка, давал им силу и заставлял передвигать спотыкающиеся ноги. Теперь им, по крайней мере, предстоит сражаться лишь с одним противником зараз. После сражения за крепость они не видели косов. Горцы, должно быть, ушли в укрытия на период бурь.

На пятый день, после того как они вышли из долины кратера, Кана, слегка пошатываясь, спускался с гор, довольный, что снег остался позади. Склоны небольшой долины защищали от ветра, и он прислонился к стене, чтобы перевести дыхание. Небольшой ручеек тек рядом в юго-западном направлении.

— Вниз! — он произнес это вслух, наслаждаясь, радуясь значению этого слова. Горы теперь позади, перед ними открывается дорога на равнины.

Но они еще не окончательно покинули эти «злые земли», которые тянулись до самых оконечностей горных склонов. Среди путаницы гор и глубоких ущелий виднелись полосы разноцветной растительности. Не было видно ни дорог,

ни других следов цивилизации. Солдаты могли лишь двигаться дальше на юг, направляясь к долинам Тарка. Кана шел вдоль ручья, так как у него не было сил выбраться из углубления Растения разворачивали листья навстречу солнцу.

— И-их!.

Кана, полупригнувшись и приготовив ружье, двинулся вперед. Из ручья выбирался Сунг. При виде Кана его широкое лицо озарилось улыбкой!

— Мы ушли от зимы. Теперь, думаю, мы живем.

— На некоторое время, — задумчиво поправил Кана. Он устал, так устал, что готов был упасть на землю там, где стоял.

— Да, мы живем. И возможно, это кое-кого разочарует. Теперь к реке, настоящая река!

Сунг был прав: ручей впадал в реку. Поток был чист, и земляне ясно видели лежащие на дне камни. Да и течение было спокойное, а не такое бурное, как в горных реках.

— Неглубоко, вполне можно перейти вброд. Фортуна начинает нам улыбаться! — Сунг присел на корточки, пальцем попробовал температуру воды и быстро отдернул руку. — Холодная…

Некоторое время они шли по берегу. Из прошлогодней высохшей травы выскочил кхат и

метнулся к реке, поскользнулся на глинистом берегу и упал в воду. От противоположного берега по воде потянулась какая-то рябь. Кхат дернулся, до людей донесся крик боли и ужаса. Кровь окрасила воду. Солдаты стояли ошеломленные. Но борьба длилась всего лишь несколько секунд. На камнях дна лежали чисто обглоданные кости. Лениво, пресыщенно проплыли три маленьких существа. Шестиногие, с головами лягушки, но с челюстями хищников, с четырьмя глазами, посаженными двумя рядами над хищными пастями — в этих глазах-бусинках светился яростный голодный разум.

— Тиф! — Кана облизнул губы.

— Что? — Сунг бросил в маленьких чудовищ камень. Они отплыли на фут от берега, но не возвращались к противоположному берегу Оставаясь вне пределов досягаемости, они сосредоточили свое внимание на землянах, смотрели, ждали.

— Плохие новости, — ответил Кана на невысказанный вопрос Сунга. — Вы видели, что случилось с кхатом. То же самое произойдет с любым живым существом, которое попытается перейти реку, где живут тифы.

— Но их только три, и ни одно из них не длин-

нее фута…

— Мы видим лишь трех. А там, где три, там и больше. Они держатся стаями. Их могут быть сотни, готовых напасть на любое животное.

Да, не время было исследовать, сколько лягушкоподобных дьяволов скрывается в реке. И не было возможности переправиться через реку, которую они охраняли. Если бы только катушка на Прайме не была так ограничена по информации! Или у землян бы нашлись друзья среди туземцев, которые служили бы проводниками.

Вода казалась такой мирной, но когда солдаты двинулись вниз по течению, тифы без усилий поплыли параллельно. Время от времени к маленьким чудовищам присоединялись родичи, выплывая из тени своих укрытий.

— Нужно сообщить об этом, — сказал Кана.

Но вот маленькая река стала шире, и в ней показались каменные островки, образующие подобие тропы… Переход? Может, сбрасывается какая-то сеть, мешающая тифам? Мало кто из землян мог бы сделать это. Проблему придется решать Хансу с горсткой экспертов по выживанию — ветеранов, собравших свои знания на сотне различных миров. Может, эти знания помогут им выжить и теперь. Неожиданно ветер донес знакомый

запах, и они спрятались в кусты. Прямо против них на другой берег выехал высокий ллор. У него не было копья, зато он держал духовое ружье, что означало его ранг: это был регулярный солдат королевской гвардии, а не какой-то приверженец провинциального дворянина. Он спешился, осторожно приблизился к воде и сунул туда рукоять ружья. Он явно знал о тифах. Скрестив ноги, он сел на песке и стал что-то ждать, жуя какую-то палочку. Земляне переставали дышать всякий раз, когда на их слишком тонкое укрытие падал его взгляд. Отойти незаметно было невозможно. Ллор сплевывал кусочки палочки в воду и два раза швырнул камнем в собравшихся тифов. Все больше и больше рябила вода: у берега собрались маленькие хозяева реки. Ллор поглядывал на них и время от времени издавал фыркающий звук, который заменял его расе смех. Но Кана заметил, что он благоразумно не приближается к воде. Мяукающий крик заставил ллора вскочить. Из леса выехала группа всадников. Впереди скакал туземец в коротком плаще, отороченном мехом тсора, у него на седле, на специальном насесте, сидела прирученная птица, похожая на земного ястреба. Это были признаки приближенного самого гатануса. Среди всадников виднелась за-

кутанная в плащ с капюшоном фигура вентури. Дворянин остался верхом, остальные спешились и стащили с седла торговца. К удивлению землян, вентури оказался пленником и руки у него были связаны сзади. Ллоры посовещались, их предводитель осторожно подъехал к самому краю воды и с любопытством заглянул в нее, а солдаты подтащили пленника к берегу. Потом, к ужасу наблюдавших землян, они спокойно подняли маленького торговца и бросили его в поток, где вода уже пенилась от множества собравшихся тифов.

Первый же выстрел Каны выбил из седла дворянина, тот головой упал в реку. Земляне принялись стрелять в убийц на том берегу. Пятеро из них упали, прежде чем оставшиеся побежали под укрытие деревьев. Но ни один из них не добрался до рощи.

Вода так и кипела: тифы приветствовали редкое изобилие мяса. Кана не смел взглянуть туда, где упал беспомощный вентури. Смерть в бою — обычное дело, он привык верить, что и его собственный конец будет таким же. Но бессердечная жестокость, свидетелем которой он только что был, приводила его в ужас.

— Клянусь Клемом и Колом! — Сунг дернул его за рукав и указал на реку. Кто-то там бился, отя-

гощенный намокшим плащом, со связанными руками. А по расширяющемуся кругу вокруг вентури плавали животом вверх тифы. Кана прыгнул на ближайший камень, оттуда на следующий. Из щели между камнями на него глянул голый ллорский череп. Вентури уже встал на ноги, брел к песчаному берегу. Мгновение спустя к нему присоединились Кана и Сунг. Кана достал нож.

— Перережу. — сказал он на торговом языке, указывая на ремень, связывающий руки пленника.

Вентури отступил на шаг. В попытках выбраться на берег он не сбросил маскирующий капюшон. Не сумев прочесть выражение его лица, Кана не последовал за ним.

— Друг… — Кана произнес это слово с чувством. Он указал на то, что осталось от ллорского дворянина. — Наш враг — твой враг…

Должно быть, вентури понял. Неожиданно он повернулся к землянам спиной и протянул связанные руки. Кана перерезал влажный ремень… Свободными руками вентури схватил поводья гуена офицера. Отлично тренированное и поэтому высокоценное животное не убежало с остальными. Вентури неуклюже вскарабкался в седло. Его голова в капюшоне повернулась к реке.

Одну руку вентури сунул под плащ и вытащил маленький влажный мешочек. Палец, похожий на серо-зеленый ноготь, указал на лениво плавающую смерть, а затем на инертные тела тифов. Когда Кана кивнул, вентури бросил ему мешочек, и через мгновение его гуен галопом умчался в лес.

— Это средство от тифов? — спросил Сунг — Как ты думаешь, они знали о нем, когда бросили его в воду?

— Не думаю, иначе они отобрали бы у него мешочек. Может, эффект у этого средства постоянный, они все еще не пришли в себя?

Тифы, нападавшие на вентури, по-прежнему плавали вверх животами и с раскрытыми злобными пастями И Кана заметил что другие тифы их избегали. Мешочек в его руке мог обеспечить орде безопасный проход. Так и получилось. Белый порошок, брошенный в воду выше по течению, держал тифов в стороне, пока не прошла вся орда. Солдаты так и не узнали, действует ли этот порошок постоянно, пока они переходили реку, поток бил о камни неподвижные тела тифов. Хансу узнал на мундирах мертвых ллоров знаки королевской гвардии. Но его больше заинтересовала ссора между вентури и гвардейцами.

То уважение, которое войска Скоры оказывали торговцам, подчеркивало желание ллоров не вызывать вражду у своих поставщиков. А теперь один из ллорских дворян хладнокровно обрек вентури на ужасную смерть. По-видимому, пока земляне пробивались через горы, соотношение сил изменилось настолько, что ллоры начали проявлять высокомерное презрение к тем, кого уважали в течение многих поколений. События свидетельствовали о том, что ллоры пользуются настолько сильной поддержкой, что считают себя полноправными правителям Фронна. Неужели их поддержка гораздо могущественней, чем изменивший легион мехов? По мере продвижения по заречным долинам тревожное состояние землян усиливалось. Здесь тяжеловооруженные движущиеся крепости мехов получали большое преимущество. Разведка проводила многие часы, наблюдая за небом и местностью в поисках вражеских самолетов. Но со времени встречи с отрядом ллоров у реки не было ни следа врага. Земля, казалось, была предоставлена тсорам, биллам и кхатам, за которыми первые два охотились. На второй день после перехода через реку разведчики землян обнаружили деревню… Этот маленький поселок-полукрепость был окружен

загонами, куда загонялись дикие гуены с равнин, сортировались, и двухлетки после небольшого обучения отсылались дальше. Загоны были полны, а верхом продвигаться было быстрее. Хансу решил превратить пехоту в кавалерию, и солдаты, пленив направление движения, направились к поселку. Когда орда, развернувшись полукругом, приблизилась к восточной окраине поселка, появились первые признаки жизни, помимо волнующихся в загонах гуенов. Появилась группа ллоров, один верхом, другие пешие, и направилась к линии землян. Первый всадник держал в руке флаг переговоров. Помня о судьбе Йорка и его офицеров, ни Хансу, ни его солдаты не выходили из укрытий, которые заняли при виде приближавшихся ллоров. Очевидно, разочарованный этой встречей предводитель ллоров остановился и начал размахивать флагом, а сопровождавшие робко сгрудились за ним, поглядывая во все Стороны.

— Лорды… военные лорды с земли… — крикнул в пустой воздух предводитель ллоров.

Не показываясь, Хансу ответил:

— Что тебе нужно, корбан? — назвав собеседника почетным титулом главы города.

— Что нужно вам, лорды с Земли? — возразил

ллор. Он передал флаг одному из своих людей, сел и скрестил руки, глядя в направлении Хансу. — Вы принесли нам войну?

— Мы воюем только когда нам навязывают войну. Тем, кто не держит в руках меча, мы в ответ показываем открытые ладони. Мы хотим только свободного возвращения домой.

Ллор слез с седла и направился к линии землян. Один из его спутников пытался последовать за ним, но предводитель ллоров оттолкнул его назад и приближался, держа перед собой вытянутые руки.

— Мои руки открыты, лорд. Я не закрываю вам пути.

Хансу встал ему навстречу, тоже показывая открытые ладони.

— Что тогда тебе нужно, корбан?

— Слово, что моя деревня не будет разрушена.

— Разве военное знамя не поднято против нас? — возразил Хансу.

— Лорд, какое дело нам, маленьким людям, до красивых слов гатануса и дворян? Сидящий на крылатом троне мало что значит для нас — его именем с нас лишь собирают налоги. Мы хотим лишь жить и не удаляться преждевременно в Темные Туманы. Страшные вещи рассказывали о

вас, чужеземцы. Будто вы сжигаете всех, кто препятствует вам брать то, что вам нужно. Поэтому я пришел на переговоры с вами во имя жизни своей деревни Зерно наше, и плоды наших полей, и все остальное, что вам нужно. И гуены — если вам нужны те молодые гуены, что находятся в наших загонах. Берите все, что вам нужно, и уходите.

— Но ведь придут люди гатануса и скажут вам «Вы кор мили врага и дали ему гуенов. Значит, вы заодно с врагом?»

— Как они могут говорить так? — корбан покачал головой. — У вас армия, обученная незнакомым и ужасным способам войны Нет, на Фронне все знают, что никто не может устоять против мощи ваших мечей. Ведь вы сражаетесь не только меч к мечу как принято у нас, но и огнем с большого расстояния, вы несете смерть с воздуха. Некоторые из вас передвигаются в мощных металлических крепостях, которые давят врага своим весом. Все это хорошо известно. Поэтому люди гатануса не поверят, что жители поселка посмели вам в чем-то отказать. Я говорю тебе, лорд: бери все, что угодно, оставь нам только жизнь!

— Ты видел ползающие крепости и летающие машины землян?

— Не собственными глазами, лорд. Я не местный житель, хотя и корбан этих людей. Но на юге все видели эти чудеса, и известие о них достигло нас.

— Значит, их можно увидеть под Тарком?

— Да, лорд, там теперь много ваших удивительных машин. Вы хотите присоединиться к ним? Хорошо. Но умоляю тебя: берите все, что вам нужно, и уходите.

Хансу опустил пустые руки.

— Хорошо. Мы не войдем в вашу деревню, корбан. Пришли нам продукты и сто гуенов, пригодных под седло. Мы поделимся с вами добычей и поблагодарим за помощь.

Отряд ллоров отправился назад, а Хансу обратился к потрясенной орде:

— Такова картина. По описанию этого парня, у Тарка целый легион мехов. У них тяжелое вооружение и самолеты.

— А как же насчет закона мирных переговоров? — послышался чей-то голос из толпы.

— Давайте смотреть в лицо фактам. Закон мирных переговоров был нарушен, когда сожгли Йорка и остальных. И тут не только изменники-мехи. Они не смогли бы без посторонней помощи доставить сюда тяжелое вооружение. И теперь

они считают, что могут легко справиться с нами. Кто бы их ни поддерживал, они не смеют позволить нам уйти с Фронна. Поэтому самое первое их действие — отрезать нас от кораблей в Тарке.

Отрезать от Тарка, зажать на Фронне, не дать возможности уйти. Кана видел, как нерешительность на лицах окружающих сменялась другим выражением — угрюмой решительностью. В течение поколений слабые и нерешительные отстранялись от солдатской службы. Наемники по самой природе своей службы были фаталистами. Мало кто доживал до пенсии или даже до вспомогательных служб на базе. Они бывали во многих переделках и выходили из них благополучно. Но это было нечто новое.

Кодекс, считавшийся ими нерушимым, внедренный в их мышление, нарушен. И за это кому-то придется заплатить!

— Мы доберемся до них… — эти слова потонули в общем гуле согласия.

Но Хансу жестом заставил их замолчать.

— Мы не одни, — напомнил он. — Солдатский закон нарушен. Что дальше? Другие начнут натравливать мехов на арчей. Это нужно остановить теперь и навсегда! А для этого нужно доставить сообщение в Солдатский Центр.

— Мы не можем противостоять тяжелому вооружению в поле! — крикнул кто-то.

— Мы не будем и пытаться. Но нам необходимо передать сообщение на Секундус или в Прайм. А остальные должны держаться и ждать помощи.

— Остаться в горах? — в вопросе не было энтузиазма. — Хватит с нас уже фроннианских гор.

— Перед нами альтернатива, — Хансу покачал головой. — Вначале мы должны больше узнать о происходящем. Ну, а теперь разбить лагерь в условиях враждебной территории. Мастера-мечники и разведчики, ко мне!

И все занялись своими обязанностями. Кана присоединился к остальным у телеги, где их ждал Хансу. Командир расстелил изношенную грязную шкуру и рассматривал голубые линии, пересекавшие ее поверхность. Он повернул голову к командиру разведчиков.

— Богат! Когда корбан вернется с припасами, приведите его сюда. Эти охотники за гуенами должны хорошо знать местность. Нужно извлечь из них всю информацию. Мехи не могут действовать на пересеченной местности, поэтому нам придется держаться именно в таких местах.

— Но вокруг Тарка всюду равнины, — возразил один из мастеров-мечников.

— Мы и не собираемся идти в Тарк. От нас именно это и ожидают.

— Но единственный космопорт…

— Единственный космопорт находится в Тарке. Но вы забыли о вентури!

Кана беззвучно свистнул. Хансу был прав. Вентури! Как наследственные торговцы Фронна, они имели на материке собственные торговые центры. И недалеко от западного моря находился небольшой космопорт, использовавшийся несколькими чужеземными торговцами, пытавшимися наладить торговлю с вентури. Добраться до этого космопорта, завладеть торговым кораблем — это лучшая возможность из всех.

— Поблизости от вентурской крепости Поулт есть космопорт, — объяснил Хансу. — Регулярного расписания рейсов там нет, но торговцы из космоса прилетают. И если нам повезет, мы сможем найти убежище у вентури. Двинувшись прямо на запад, мы достигнем моря вблизи Поулта.

Корбан, полный желания оказать любую помощь, чтобы отвести опасность со стороны землян от своей территории, склонился с двумя лучшими охотниками за гуенами над картой Хансу. Он задал вопрос, на который Хансу при-

шлось искусно отвечать.

— Но почему, лорд, вы ищете дороги по этим диким местам? На юг ведет широкая и ровная дорога, и там вас ждут братья.

— Мы хотим навестить вентури на берегу, причем пройти не по известным им дорогам.

Маленький круглый рот ллора шевельнулся в подобии фроннианской улыбки.

— Ха! Значит, правда то, что передавалось шепотом. Наступает день мести Этим. Не будут больше Эти закутанные в капюшоны бродить по нашим землям, не будут они единственными торговцами между поселками. Хорошая новость, лорд. Уничтожьте крепости вентури на побережье — и все ллоры будут восхвалять вас перед лицом Правителя Ветров. К тому же вас там ждет богатая добыча. — Он охотно принялся комментировать карту, — Вот эта тропа, она проходит по западной части гор. Тут могут встретиться косы. Но что вам косы? Вы раздавите их так же, как мы давим жуков фас-фас на дороге. И эта тропа приведет вас прямо к морю у Поулта. Да будет удачной ваша охота, военный лорд!

— Да будет так! — торжественно ответил Хансу. И начертал знак огня, воды и воздуха — с этими духами на Фронне полагалось советоваться перед

началом любого важного дела.

Корбан еще больше подобрел и стал придирчиво осматривать гуенов, которых жители деревни прогоняли перед ним Он забраковал 10 животных, к удивлению соплеменников, которые собирались в полной мере воспользоваться невежеством иноземцев. Хансу настоял на том, чтобы за гуенов заплатить. Вечером корбан задал пир. Он ни в чем не мог отказать будущим победителям вентури. Отряд наиболее сильных и опытных охотников за гуенами должен был сопровождать землян до самого начал западных гор.

Чтобы добраться туда, потребовалось полтора дня верхом. Хансу подгонял всех, желая выбраться из опасной равнинной местности, пока их не выследил какой нибудь мехский патруль. На утро третьего дня, когда орда уже основательно углубилась в горы, они обнаружили, что ллорские проводники исчезли. Далеко сзади к небу поднялся дым. Охотники подожгли траву на равнине, чтобы загнать диких гуенов в ловушку.

Хансу с удовлетворением следил за этим. Огонь прекрасно скроет их следы. И снова начался кошмар карабканья и непрерывного тревожного ожидания нападения. Хотя охотники утверждали, что тропа проходит по самому краю

территории косов и горцы редко тревожат здесь караваны, уверенности в мирном переходе не было. И ллоры не смогли ответить на вопрос, существует ли у торговцев-вентури какой нибудь договор с горцами косами о свободном проезде. Но у землян не было выбора.

Тропа была помечена воздвигнутыми вентури тонкими каменными столбами с непонятными пиктограммами. И она была вполне пригодна для гуенов.

Ночь земляне провели без костров, разбившись на небольшие группы и расставив всюду часовых. Но ночь не была нарушена тревогой, и на вершинах не было видно сигнальных огней.

Кана весь день находился рядом с Хансу и теперь, завернувшись в одеяло, пытался уснуть. Хансу сидел в ярде от него и слушал доклады разведчиков.

— …никаких дел с мехами?

— Ни разу, — голос Хансу окончательно разбудил Кану. — И Миллз утверждал, что ими командует Харт Девайс.

— Девайс! Я все же думаю, Дик ошибался. Девайс не станет нарушать приказ.

— В том то и дело, Богат. Если Девайс командует Тарном, — а у меня нет оснований не доверять

сообщению Миллза, который, умирая, добрался до нас, — если там Девайс, значит, дело не в одном мехском легионе… Харт Девайс — молодой командир. Таким же был и Йорк. Его легион мал, но крепок, хорошо вооружен, и у Девайса отличная репутация. Готов заложить полугодовую плату, если у него нет в легионе большого количества ветеранов. Как и у нас. Я вот думаю… — он замолчал.

Но Кана, хоть и уставший, понял смысл его слов. Легион и орда, состоящие из хорошо обученных людей, сталкиваются в смертельной схватке. Неважно, кто победит. Потери с обеих сторон будут огромные. И много ветеранов навсегда заснут. Все это приобретало зловещий смысл.

— Если кодекс нарушен, — хриплый шепот Богата звучал задумчиво… — К дьяволу плату! Но… у арчей нет ни малейших шансов!

— В старой игре, конечно. Но почему бы нам не начать новую?

— Но… мы солдаты, Хансу…

— Конечно. Но здесь не действуют правила, с кем и против кого нам сражаться, — голос Хансу звучал отсутствующие, как будто он размышлял вслух.

— Ну, по крайней мере, сейчас нужно заняться

одним, — Богат встал. — Выбраться из этих проклятых холмов и увидеть вентури. Мы справимся с ними, сэр.

— Постараемся этого избежать. Они могут встретить нас с открытыми руками, если корбан говорил правду и ллоры обратились против них. Их территория слишком сложна для мехов. Этот Поулт построен на острове у побережья — голая скала, выступающая из моря. У них свои способы добираться до берега.

— Хорошее место для нас, если они впустят нас. Там можно удержаться.

— Этого нам и нужно добиться, Богат. Если мы покажем им, что у нас общий враг, то, может, сумеем и воевать вместе. Разошли, как обычно, разведчиков в горы.

— Да, сэр.

На рассвете снова в путь. Снег лежал полосами вдоль тропы, полосы становились все шире, покрывая тропу. Людям приходилось пробивать в сугробах дорогу для гуенов. Животные гибли: дикие, недавно пойманные, они были недостаточно крепки, чтобы вынести такие условия. Вторая телега стала жертвой несчастного случая, и с ней — один из медиков, который не успел отскочить и упал в пропасть.

— Тревога! — военный свисток передал это сообщение, и солдаты немеющими пальцами взводили курки, доставали ножи. Но на сей раз им пришлось иметь дело не с косами, а с бегущими ллорами, отчаянно пытавшимися пробиться к равнинам и безопасности. Из-за отчаяния они безрассудно бросились вперед, пытаясь пробиться сквозь орду. Схватка была короткой, арьергарду орды не пришлось произвести и выстрела. Но она оказалась кровопролитной. Ллоры сражались отчаянно.

Земляне, истощенные борьбой со снегом на высотах, всю ночь зализывали раны. Они, больные от усталости, разбили лагерь на краю поля битвы. Нанесенный ветром снег укрыл павших, и солдатам приходилось все время следить, чтобы раненые не замерзли насмерть.

— Грабительский отряд, отогнанный от дома… — ветер срывал слова с губ Мика. — Может, и мы идем прямо в огонь, зажженный другими. Надеюсь, вентури не подумают, что мы заодно с теми.

Рей растирал щеку снегом.

— В следующий раз, когда меня будут предупреждать о трудностях назначения, я прислушаюсь, — он чихнул, а потом закашлялся так, что

все его тело затряслось. — Ну, каким раем были казармы! И зачем я только покинул Секундус?

Кана растирал руки. Секундус казался далеким и давно прошедшим. Неужели он ел когда-то в комнате, где пламенные птицы пели на стенах? Или это был сон, а этот кошмар — жестокая реальность?

— Мы будем пробиваться сквозь это. — Мик пнул снег, — пока он не станет таким глубоким, что погребет нас. На следующее утро нас найдут в прекрасной сохранности и выставят как произведение туземного искусства…

— Неужели ллоры бежали после стычки с вентури? — удивлялся Рей. — Они их всегда опасались. Вспомните тот случай со шпионом в Тарке. Они не тронули торговцев, даже когда среди них обнаружился ллор.

— Ллоры считают теперь, что они самые сильные на Фронне, — сказал Кана. — Они, должно быть, давно ненавидят вентури и искали случай ударить по ним. Ты завтра в разведку, Рей?

— Да, за мои грехи А ты?

— Тоже.

Мик покачивал раненую руку.

— Они хотят свести нас на нет, эти горы, каждый раз нас в горах преследуют неудачи. 50

потеряны там, 20 здесь, и столько раненых…

— Не так плохо, как во время бомбардировки, — напомнил ему Рей. — Пока мы можем ответить…

— Да, я знаю. Но посмотрим, каким ты вернешься с разведки, ты, длинноногий билл!

— Знаете… — Рей перестал растирать снегом лицо. — Это мысль. Если бы поймать десять-двадцать таких птичек и приручить их, как ллоры приручают своих ястребов. Они ведь прыгают бесшумно, — он обернулся к Кане, как к авторитету. — Так ведь? И выпустить их по следу врага. Лучше, чем мехский танк в такой местности.

— А кто же будет ловить и приручать их? — начал было Мик, когда в темноте показался арч.

— Карр?

— Здесь.

— К мастеру лезвия.

Кана направился к тому месту, где между выступающих скал устроился Хансу. Слабый голубой ллорский факел бросал причудливые блики на лица собравшихся. И у одного из них вообще не было лица, только капюшон вентури.

— Карр, садитесь, — Хансу тут же повернулся к незнакомцу в капюшоне, — Этот подойдет?

Круглая голова повернулась, но не было сказано ни слова, и Кана поежился под взглядом этих

глаз за круглыми отверстиями. Затем торговец сделал утверждающий знак, более быстрый, чем кивок землян.

— Этот вентури был пленником ллоров, — объяснил Хансу — Он возвращается к своему народу, а вы пойдете с ним и попытаетесь наладить контакт. Нам нужна база — возможность скрыться, пока мы не сумеем известить Секундус. Используйте все свое умение, Карр. Вы у нас единственный специалист по контактам Внушите им, что мы тоже противники ллоров, как и они. Передайте их предводителю, что сказал вам корбан.

— Да, сэр.

Хансу взглянул на часы.

— Возьмите припасы и запасное снаряжение. Мы понятия не имеем, далеко ли Поулт — карта очень неточна, — он помолчал, буравя взглядом Кану — И помните, нам необходима база!

— Да, сэр.

Тропа пролегала по широкому выступу, снег с которого был сдут ночным ветром. Внизу лежала тусклая темная зелень изогнутых деревьев и серая протяженность с белым пятном, когда гонимые ветром волны бились о скалы западного берега. Кана пошел медленнее, вглядываясь в эту колеблющуюся водную поверхность. Крылатые

существа кружили, ныряли и кричали над узкой полоской песка, разыскивая выброшенных морским прибоем обитателей моря. Сегодня не светило солнце, и под оловянными облаками земля казалась угрюмой и зловещей.

— Идем…

Кана удивился. За все пять часов совместного пути это были первые слова, произнесенные вентури. Торговец нетерпеливо ждал. На тропе виднелись следы поспешного отступления ллоров свыше двадцати часов назад. Но других вентури не было видно. Проходя много мест, самой природой назначенных для защиты, они не видели ни одного вентури. Можно было подумать, что торговцы не хотят защищать свою территорию.

И вот, спускаясь по склону, Кана увидел широкую дорогу с ровной поверхностью, шедшую вдоль берега. И через несколько метров часового-вентури. Проводник посовещался с ним, а Кана не подходил, так как, по-видимому, эти двое желали уединения. Он не приближался, пока не увидел взмах руки в перчатке. После этого он подошел к небольшому строению. Около него двое вентури управляли первым механическим средством передвижения, которые арчи видели

на Фронне. Это была металлическая платформа на трех колесах и без всякого двигателя, по крайней мере, видимого. Проводник-вентури уселся на узком сиденье и поманил Кана занять место рядом. Едва Кана успел поджать ноги, как они тронулись — не очень быстро, но все же быстрее пешехода. По пути не виднелось никаких признаков военных патрулей. Как будто вентури, отогнав ллоров в горы, больше не беспокоились о нападении. Это свидетельствовало об исключительной уверенности в своих силах.

Дорога изгибалась и кружила, следуя естественным поворотам береговой линии. Обогнув один из выступов, они оказались рядом с вентурианским портом. Здесь море вдавалось в берег большим и круглым заливом — естественной гаванью, в которой торговцы построили ряд причалов. На берегу теснились строения, без окон, с высокими стенами, похожими на склады. Приближаясь, Кана заметил следы недавней битвы. Но все вентури, которых он видел, занимались своими делами спокойно, не торопясь. Из странных кораблей у причала — полностью скрытая поверхность придавала им вид черепах — на берег стремился непрерывный поток товаров… но так ли это?

Механизм остановился, Кана слез. Нет, эти корабли не разгружались, а погружались! Флот торговцев увозил товары в море, а не наоборот. Похоже, что торговцы эвакуируют порт… Теперь Кана повсюду видел признаки организованной эвакуации.

— Идем…

Снова проводник-вентури торопил его. Они прошли по лабиринту проходов между зданиями, время от времени прижимаясь к стенам, чтобы избежать быстро движущихся механизмов, нагруженных связками и корзинами. И наконец оказались у небольшого сооружения на самом берегу моря: волны бились об его стены.

День был тусклый и мрачный, но внутри здания было еще темнее. Кана замигал, но тут его схватили за руку и потащили по коридору. Вентури остановился перед сплошной стеной, которая вдруг разошлась. За ней виднелось зеленоватое сияние. Кана оглядывался с любопытством, которое не пытался скрывать. Стены комнаты сходились наверху аркой. Толстые подушки служили сиденьем для трех вентури. Перед ними стоял низкий стол. Одна стена, слева от Каны, была покрыта сложной аппаратурой, которую несколько вентури в капюшонах методично

снимали и укладывали в ящики. При появлении землянина они прекратили работу и выскользнули из помещения, и Кана остался перед тремя сидящими вентури. Те тоже работали, разбирая стопки тонких листов из какого-то прозрачного материала. Некоторые листочки они укладывали в металлический ящик, другие в беспорядке бросали на пол. Кана, решил, что это записи. Торговец, который привез Кану с гор, сделал доклад. Это был почти беззвучный процесс, как будто вентури общались не только при помощи голоса. Когда он закончил, все головы в капюшонах повернулись в сторону Каны. Он колебался, не зная, должен ли он начать первым. Очень многое зависело от того, сумеет ли он произвести хорошее впечатление. Если бы взглянуть на их лица..

— Вы из чужого мира?

Потребовалась секунда, чтобы решить, кто обратился к нему. По видимому, средний. Кана ответил соответственно:

— Я с Земли. Солдат с Земли.

— Почему вы здесь?

— Нас призвал ллор Скора. Его убили. Мы хотим вернуться в свой мир.

— Война ллоров… — показалось ли ему или действительно голос вентури звучал недруже-

любно.

— Мы больше не сражаемся за ллоров. Мы воюем против них. Они предали нас.

— Что вам здесь нужно?

— Место, где мы могли бы подождать корабль.

— Такие корабли есть в Тарке.

— Но в Тарке наши враги. Они не позволят нам приблизиться к кораблям.

— Но те, что в Тарке, тоже земляне. Вы воюете со своими?

— Это нарушители наших законов. И они хотят сохранить свои злые дела в тайне от наших хозяев Торговли. Если мы вернемся и расскажем о них, то они будут наказаны.

— Только в Тарке есть такие корабли, — упрямо повторил вентури.

— Мы слышали, что около Поулта есть место, где приземляются корабли звездных торговцев, — с растущим отчаянием возразил Кана. Хансу сам должен был прийти сюда. Он, Кана, не производит никакого впечатления.

— Торговцы не перевозят солдат, торговцы не сражаются.

— Но мы встретили в горах ллоров, бежавших после сражения с торговцами. Этих торговцев больше не приветствуют на равнине. Нет, хозя-

ева Торговли, наступает время, когда даже вам придется обнажить меч и расчехлить ружья для самозащиты. Мы говорили с ллорским корбаном, который предсказывал падение крепостей вентури на побережье. Наступает новый день, сказал он, когда вентури не будут править торговыми караванами. Те, кто хочет изменить положение, вооружены мечами. И они также и наши враги. Мы солдаты, нас с раннего детства готовили к сражениям. Те, кому служат наши мечи, спокойно спят по ночам. И похоже, вам понадобятся союзники, если эти слухи правдивы.

Фигура в капюшоне слегка изменила позу. Впечатление было такое, будто вентури пожал плечами.

— Мы в море. А ллоры не в море. Если мы будем в море, зачем нам мечи? И скоро жители материка поймут свою ошибку.

— Если бы вы имели дело только с ллорами, возможно, это бы так и было. Но им помогают другие. Изменники-земляне сражаются не так, как мы. У них есть могучие машины, повинующиеся их воле, они охотятся с неба. Скажите мне, хозяева, разве нет среди чужеземцев таких, кто хотел бы положить конец вашему влиянию в торговле Фронна? Такие люди поддержат в войне

тех, кто лучше служит им.

Не получив сразу ответа, Кана почувствовал, как в нем вновь зарождается надежда. Если вентури покидают береговые базы — орда на морском берегу окажется в новой ловушке. Его шанс единственный шанс — добиться поддержки торговцев до того, как они отступят.

— То, о чем ты говоришь, нам известно. Нам сообщили о небесных машинах. Значит, ты считаешь, что они последуют за нами, даже если ллоры не посмеют выйти в океан?

— Я думаю, хозяева Торговли, что мир ушел и настало время, когда все должны выбирать, за кого они. Вопреки закону сюда привезли небесные машины и движущиеся крепости. А когда люди нарушают закон, который может им отомстить, они подсчитывают вероятность успеха, как вы взвешиваете риск и прибыль. Они собираются править этим миром. И если они победят, что им за дело до вентури? Нас уничтожат, а ваше торговое королевство исчезнет.

Средний вентури встал. Его одежда, сделанная из более тонкого материала, чем у проводника, слегка шуршала при движении.

— Мы сами не можем заключать договоры, но твои слова будут переданы старейшим в Поулт. И

мы можем дать согласие: приведи сюда своих людей, они смогут переждать здесь большие бури. Мы должны уйти сегодня же. Так сказал Фалтух, да будут его слова записаны.

Бормотание других означало согласие. Кана в знак приветствия поднял руку, предводитель вентури кивнул. Вентури не отличались гостеприимством. Кану тут же проводили к механизму. Когда трехколесная телега поднималась по склону, Кана заметил, что один из кораблей-черепах отошел от причала. Дойдя до середины залива, он медленно погрузился, пока над водой не осталась одна коническая башня. Разрезая ею воду, корабль отправился в море.

Кана и вентури уже в сумерках достигли сторожевого пункта, и землянин с благодарностью заметил, что торговец собирается провести здесь ночь. Кану провели в помещение без окон, лишь одна стена зеленовато светилась. Ему дали матрас, который мог служить и для сидения, и для лежания, и оставили одного. Он съел свой рацион и остался на матрасе. Все его тело ныло от усталости.

На следующее утро стало ясно, что вентури считают этот пост концом своих владений и что отсюда он пойдет один. Но бледное солнце

разогнало мглу предыдущего дня, и Кана пошел быстрыми шагом, бодро напевая марш арчей. Его уверенность в будущем росла. В конце концов, если даже торговцы не впустят людей в Поулт, им позволено остаться в порту на берегу. А этот порт находится недалеко от того места, где, по словам Хансу приземляются космические корабли. Нужно будет только немного подождать. Надежды Каны все росли и окрасили его доклад Хансу в радужные тона.

— Они не сказали, когда сообщат свое решение?

— Нет, сэр. Они эвакуировали причалы перед отступлением в свои морские крепости, им кажется, что они смогут переждать там неприятности.

— Никогда не видел, чтобы нейтральный что-нибудь выигрывал, особенно, если обладает тем, чего добивается враг. Но мы не можем спорить с ними. Придется использовать их порт.

Когда авангард орды достиг сторожевого поста, тот оказался покинутым. Часовые и колесная тележка исчезли. И когда земляне спустились к причалу, в порту ничего не двигалось. Исчезли корабли-черепахи. Последняя башня виднелась в море, в самом конце залива. Ни одного вентури

не оставалось в молчаливом и пустом порту.

Хансу расставил часовых, хотя согласился с тем, что толстые стены защитят даже от оружия мехов. Хансу разместился в том доме, где Кана встретился с представителем вентури. Вся аппаратура со стен была убрана, остались дыры и пустые скобы, но маленькие столбики по-прежнему были привинчены к полу, а за ними виднелись подушечки для сидения. Впервые после выхода из Тарка солдаты оказались под крышей. И вовремя, потому что к вечеру поднялся ветер, перешедший в бурю. Толстые стены приглушали вой ветра. Но если приложить руку к их поверхности, то ощущалась дрожь порывов урагана, каких земляне не знали раньше. Пока продолжалась буря, можно было не опасаться нападения. Повинуясь любопытству, они обследовали свои новые помещения и нашли несколько разнообразных механизмов. Для чего использовалась половина из них, они не смогли догадаться. Кана, в сопровождении Мика и Рея, вооружившись фонариками, осмелился исследовать обнаруженный ими потайной ход в дальнем зале. Они спустились по крутой лестнице, не предназначенной для земных ног. Лестница оканчивалась в подвале в естественной пещере. Берег круто спускался в воду, подернутую

рябью. Ей передавалось волнение моря снаружи. Осмотрев поверхность воды, Кана заметил трос, прикрепленный к крюку в полу. Трос был туго натянут. Что-то явно тяжелое удерживало его в воде. Кана попробовал натянуть трос. Да, к противоположному концу что-то привязано. Они попробовали втроем, упираясь ногами в пол и дергая рывками. Несколько секунд спустя на берегу оказался странный предмет. Круглый, он походил на корабль-черепаху, только у него не было конической башни.

— Бомба? — предположил Мик.

— Нет, ее не стали бы так прикреплять, — Кана обошел предмет. — Вероятно, одноместный корабль.

— Ушли и забыли его?

— Нет. Он был спрятан. Значит, у нас посетитель…

— Оставлен, чтобы следить за нами… — глаза Мика обежали грубые стены. — Может, готовят какую-нибудь ловушку.

— Не думаю, чтобы торговцы были на это способны, — вступился за вентури Кана. — Скорее, они оставили наблюдателя. Может, установить связь с Поултом. Но, конечно же, лучше присматривать за этим, — он пнул корабль носком

сапога. — Путешествующий в нем должен скорчиться в три погибели. Землянин в нем вообще не поместится.

Они сообщили Хансу, и корабль переместили в верхний зал. Все здания порта обыскали, но без результата.

К утру буря не прекратилась. Наоборот, она усилилась, и из-за ветра и брызг стало почти невозможно передвигаться от здания к зданию. Шторм продолжал препятствовать нападению, и это почти уравновешивало недовольство арчей от невозможности искать космопорт. А Хансу был уверен, что космопорт где-то поблизости.

Кости внимательно осмотрел найденный корабль и сумел его открыть. Столпившиеся солдаты увидели узкое, обшитое матами помещение, где должен был находиться пилот Сим недоумевал:

— Какой человек здесь уместится?

— Может, совсем и не «человек», — ответил Кости.

— Что?

— Ну, ни один из нас не видел вентури без этих плащей. Откуда нам знать, похожи ли они на ллоров? Или на нас?

Кана задумчиво разглядывал помещение ко-

рабля. Для гуманоида оно было слишком узко. Тут могло поместиться очень тонкое, змееподобное существо. Он не чувствовал никакого древнего предубеждения против рептилий, никаких пережитков, когда-то существовавшего барьера между теплокровной и холоднокровной жизнью. Смещение рас, рождение мутантов после атомных конфликтов нарушили прежнее неприятие «чужого». А в космосе тысяча разумных рас во всевозможных формах и телах нанесли последний удар предубеждениям. Косматые ллоры и косы были «людьми», но, возможно, они делили Фронн с другой расой, происходящей от чешуйчатой природы. А почему бы не змея и не ящерица? Существуют расы, чьи давние предки были кошачьими, и другие, многие эпохи назад отказавшиеся от крыльев, чтобы развить разум и цивилизацию. И все же джабану и тристиане были равными партнерами на космических линиях. А что касается рептилий, то можно вспомнить ящерицу закатанов, чьи научные достижения известны всей вселенной и которые тем не менее являются самыми миролюбивыми и законопослушными учеными. Кана вспомнил знакомых закатанов, которыми он восхищался, пощупал обивку не с отвращением, а с простым

любопытством. Ну какая разница, чем покрыто тело: шерстью, чешуей или мягкой кожей, нуждающейся в одежде. Вентури, которых он встречал, ни в коей мере не были ужасными или отталкивающими существами. Нужно было лишь привыкнуть к тому, что они постоянно скрывали свои тела и лица. Теперь он хотел узнать, кто же они на самом деле и почему так тщательно маскируются. Но хозяин корабля, если он находится в пределах порта, никак не открывал своего присутствия. А буря продолжалась. На следующее утро Хансу с трудом добрался до соседнего здания, и во время возвращения его с такой силой ударило о стену, что он чуть не упал. Поджидавший Кана схватил его за плащ и втянул вовнутрь. Командир с трудом отдышался и сказал:

— Мы не можем противиться этому. Это время Западного Ветра.

Кана вспомнил информационную катушку Время Западного Ветра, ужасный зимний сезон, парализующий весь Фронн, когда вся жизнь уходит в укрытия, а порывы ветра несут смерть. Всякий, кого буря заставала за пределами порта, был обречен на смерть. Солдатам повезло, они вышли из гор к прочным стенам крепости как раз вовремя.

— Ни один космический корабль не сможет сейчас приземлиться, — заметил Кана.

Хансу кивнул. Но было ясно, что невозможность предпринять что-то его раздражала.

— Хотел бы я встретиться с вентури, — он посмотрел вдаль, как бы вызывая собеседников силой воли. — Как только прояснится, мы должны быть готовы к выступлению.

Будущее по-прежнему оставалось неясным. Если Хансу сумеет доставить вестника на борт космического корабля раньше, чем Харт Девайс установит местонахождение и обрушит свои крылатые машины, они победили. Неужели у вентури решающие карты в этой игре?

Бездействие, вызванное бурей, наскучило солдатам. Вначале они большую часть времени спали, восстанавливая силы, готовясь к новому походу в горы. Но теперь они бесцельно бродили по зданиям, время от времени устраивая ненужные вылазки, когда им казалось, что наступает затишье. Раздражение выливалось во внезапные беспричинные ссоры. Но Хансу был готов к этому. Начались тренировки по борьбе без оружия, разведке, охоте-преследовании, когда горстка ветеранов пряталась, а младшие члены отряда выслеживали их. Во время бури установился

постоянный мрак, и поэтому стало невозможно отличать день от ночи. Мог быть и полдень и вечер, когда Кана вскарабкался по опасно крутому пролету узкой лестницы под самую крышу склада. Глаза его привыкли к мягкому зеленому свечению стен, и он тихо двигался, собираясь добраться до небольшой платформы под самой куполообразной крышей. Отсюда он мог бы рассмотреть весь склад. Сегодня Кана был псом, а Сим — оленем. Для новобранца стало вопросам престижа найти ветерана, даже если этому придется посвятить время сна. По мере того как Кана поднимался, свет тускнел. Пришлось идти, касаясь рукой ступенек. Но до верха оставалось еще не менее трех ступенек, когда он замер и прижался к стене. Он почувствовал, что он не один. Снизу он оценил площадь платформы в пять квадратных футов. Над ней находилась дверь, ведущая, должно быть, на крышу. При таком ветре никто не может находиться снаружи. Крыша! Прижимаясь к стене, Кана пытался вспомнить внешние очертания склада, который он рассматривал из штаб-квартиры два часа назад. Он был похож на все остальные здания, с овальным куполом, представляющим минимум сопротивления для ветра. Крыша… Он осторожно продолжил

подъем. Потом вытянулся во весь рост, подняв руки над головой, пока пальцами не коснулся поверхности над собой. Но он не нашел того, что ожидал. Дважды во время таких охотничьих игр он поднимался к этим наблюдательным пунктам в складах и оба раза обнаруживал, что крыша слабо вибрирует, дрожит от ударов ветра. Но здесь она была неподвижна, как бы изолирована от внешнего мира. И по-прежнему он знал, что он не один. Кончиками пальцев он ощупал потолок, обнаружив небольшую дверь, выходящую на крышу. Но в этой двери было какое-то отличие от других. Трогая петли, он понял, в чем это отличие. На этой стороне не было запора. Дверь закрывалась с противоположной стороны. Он достал фонарик, отрегулировал его на минимальное освещение и включил, больше не заботясь о том, что Сим может его заметить. Платформа была покрыта песчаной пылью, которая просачивалась сквозь щели во время бури. Подошвы его сапог оставили в этой пыли ясные следы. Но были здесь и другие следы. Такие следы не мог оставить землянин. Кана снова осветил дверь. Она была плотно пригнана: он почти не видел линий соединений. Блеснули две петли. Кана осторожно обследовал их. Жир — какой-то жир

недавно нанесли на петли, он еще не застыл, и его странный запах чувствовался остро, когда Кана поднес смазанный жиром палец к носу. Кто-то пользовался этой дверью. Но выходить наружу — это невозможно! Кана направил луч на потолок, собираясь обследовать его дальше. Постепенно он убедился, что над головой между потолком и куполом имеется пространство. Угол между крышей и куполом острее, чем должен быть. Какое великолепное укрытие! Ни один землянин не посмеет осматривать крыши в бурю. Кана был готов поклясться, что нашел укрытие шпиона-вентури! Хансу нужно лишь оставить здесь часового и… Потому что теперь он услышал и запах. Ниже, там, где раньше лежали груды товаров, запахи перемешивались друг с другом, и общий аромат действовал на землян одуряюще. На мгновение Кана вспомнил игорное заведение на Секундусе. В запахе не было ничего неприятного, и он становился сильнее. Потом послышался легкий шлепающий звук, и Кана застыл, не осмеливаясь дышать. Слух сказал ему, что из двери что-то упало на платформу. Кана протянул фонарик вперед, как будто это был бластер. Послышались другие звуки. Он не мог определить, какое движение обозначают эти звуки. Кана включил фонарь

на всю мощность. Луч света упал на существо, которое делало последний шаг с веревочной лестницы на пол. Существо ухватилось за веревку и застыло, выпрямившись, неподвижно, поняв, что бегство невозможно. Помещение в корабле-малютке действительно давало ключ, но реальность превосходила всякое воображение. Если это вентури, — а у Кана не было оснований сомневаться в этом — то вторая господствующая раса Фронна не имела ничего общего с ллорами физически. Исключительная тонкость создавала впечатление большего роста, чем в действительности. Руки походили на ветви дерева, отходя от тела без всяких плеч. Мешковатая шея едва намечалась. Ноги были длинные и тонкие, кончаясь плоскими перепончатыми ступнями. Верхних же конечностей — две пары, и все они оканчивались шестипалыми ладонями. Но голова наименее всего походила на голову гуманоида: по обе стороны носа усажены парами четыре глаза, широкий рот раскрыт от удивления, и никакого подбородка… Кана в ужасе смотрел, сознавая, что уже видел это существо. Это был тиф, превратившийся в наземного жителя, и лишь больший размер мозга отличал его от яростного речного охотника. Вспомнив о тифе, Кана почувствовал, как его объял

холодный страх. Но тут он увидел глаза существа, мучительно мигавшие в луче света. Это не были черные бусинки ненависти, обещавшие только зло, которые смотрели на него из ручья. Большие золотистые зрачки, в которых светился разум, говорили о мире. И арч понял, что хотя вентури внешне похожи на тифа, они по характеру совсем не тифы.

Ни одна из четырех рук не потянулась к ножу, висевшему в ножнах на шее вентури. Серо-зеленая кожа, прикрытая лишь короткой туникой, дрожала. Кана резко выключил фонарик. И тут настала его очередь ослепнуть, когда зеленый луч, гораздо более мощный, ударил в него, осветив с головы до ног.

— Только один? — вопрос не мог исходить из этого широкого рта, и все же…

— Да.

Свет перешел на руки Кана, а затем на его нож на поясе, будто вентури изучал оружие.

— Пойдешь? — зеленый луч указал на свисающую лестницу.

Кана не колебался. Повесив собственный фонарь на петлю, он сделал шаг вперед. Взобравшись по короткой лестнице, он протиснулся в дверь. Это едва удалось ему. Наверху оказалось

маленькое помещение, и губчатый мат покрывал треть пола. Кана сел с края, а хозяин помещения появился вслед за ним и сделал какое-то движение, отчего свечение стен усилилось. В помещении, помимо мата, находился плоский ящик и аккуратная груда контейнеров. Стояла только небольшая жаровня, от которой поднимался остро пахнущий дым. Помещение, хоть и тесное, все же было достаточно удобно для вентури. Он сел на другой край мата, отбросив в сторону скомканный плащ.

— Ты следил за нами? — спросил Кана.

Следил, — невероятная голова с четырьмя золотистыми глазами дернулась, подтверждая.

— Для хозяев Торговли?

— Для нации, — негромко поправил вентури. — Вы торгуете смертью. Такие сделки могут привести к злу.

— Ты говоришь от имени многих?

— Я учусь говорить от имени многих. Но мне еще мало лет, и разум мои ограничен… А ты лорд многих мечей?

Настала очередь Кана отказаться от чести.

— Я тоже лишь учусь нашему делу. Это мое первое боевое путешествие.

— Скажи мне, почему вы крадетесь по зданиям,

выслеживая друг друга? — в голосе вентури звучала нотка подлинного недоумения.

— Мы учимся, чтобы впоследствии тайно подбираться к врагу. Это тренировка в нашем искусстве.

Четыре глаза продолжали не мигая рассматривать его.

— И теперь ваш враг к которому вы должны подбираться незаметно — ллоры. Но почему?

— Нас призвал служить Скора. Он заключил договор с нашими хозяевами Торговли. Но в первой же битве он был убит. В соответствии с обычаями, мы прекратили войну и попросили разрешения вернуться домой. Но ллоры пригласили наших командиров на переговоры об этом, а потом предательски убили их. Тут мы обнаружили, что с ллорами действуют преступники из нашей расы. Они не хотят, чтобы мы вернулись и рассказали хозяевам Торговли всю правду. Наши враги заняли Тарк, где приземляются космические корабли. Мы пришли к Поулту, надеясь отыскать торговый космический корабль, который передаст наше сообщение.

— Но здесь приземляются не военные корабли.

— Это неважно. Они не настолько малы, чтобы не захватить одного-двух человек помимо экипа-

жа. А как только наши хозяева Торговли узнают о случившемся, то они пошлют за нами корабли.

— Значит, вы не хотите оставаться на Фронне? С вашим военным искусством вы могли бы захватить весь наш мир.

— Мы с Земли. Только Земля — наш дом. Мы лишь хотим мирно покинуть Фронн.

Наклонившись вперед, вентури глубоко вдохнул поднимающийся с жаровни дым. Затем, ни слова не говоря, раскрыл круглый ящик и извлек две маленькие чашки без ручек. По форме чашки напоминали раковины. В их сине-зеленой глубине двигались аметистовые тени. Из маленького флакончика, такого же прекрасного, он налил в чашки золотистую жидкость. Потом он протянул одну чашку Кане, а сам поднял другую, произнося слова на своем языке Кана, не раздумывая, взял чашку. Он не мог отказаться от напитка — так радушно он был предложен. Кана, конечно, опасался напитка, действия его на свой организм, хотя, глотнув, не почувствовал никакого неприятного ощущения. Наоборот, его охватило тепло, постепенно распространявшееся по телу. Он опустил пустую чашку. Он испытывал чувство очень странное, как будто вкус напитка смешался с запахом от жаровни и мягким свече-

нием стен, как будто вкус, осязание, нюх и зрение внезапно слились и стали гораздо резче и острее.

Вентури закутался в свой обычный плащ.

— Идем к твоему хозяину Мечей…

Слышал ли он эти слова ушами, размышлял Кана, или они прозвучали прямо в мозгу? Он встал, наслаждаясь необычной остротой и ясностью чувств. Человек-лягушка уже спускался по веревочной лестнице во тьму. На платформе вентури опустил капюшон.

— Он в другом здании, — предупредил Кана, вспомнив о буре.

— Да… — тень в плаще скользнула беззвучно, почти мгновенно исчезнув из виду. Кана понял теперь, как мог вентури подглядывать за солдатами. Цепляясь друг за друга, они преодолели несколько метров, отделявших склад от их штаб-квартиры Одежда Каны и плащ вентури мгновенно промокли от брызг. Кана обнаружил, что не только чувства его обострились, но и реакция стала быстрее. Он одновременно подмечал очень многое, в чем раньше не отдавал себе отчета. Крыши зданий больше не казались ему одинакового зеленого цвета, они различались оттенками; звуки, раньше заглушавшиеся ревом ветра, теперь были вполне различимы.

— Кто это? — мечник в зале остановился, увидев вентури.

— Посланец к Хансу.

Хансу и два мастера-мечника сердито обернулись на помеху. Но тут же увидели торговца.

— Где вы… — начал было Хансу и обратился непосредственно к молчавшему вентури. — Что тебе нужно?

— Скорее, что нужно тебе, хозяин Мечей. Ты хочешь встретиться с нашими хозяевами Торговли. Но у меня нет права отвечать от их имени. Вот он, — закутанная голова кивком указала на Кану, — объяснил мне, почему вы здесь и что вам нужно. Дайте мне, — он указал промежуток времени во фроннианских мерах, — и я принесу вам ответ.

— Согласен, — Хансу не колебался. — Но как ты свяжешься со своими? В эту бурю…

Кана почувствовал сильное удивление вентури.

— Разве у вас нет способов общаться на расстоянии, землянин? Мы встречались с чужеземцами других планет, но не раскрывали перед ними всех наших знаний и возможностей. Идем со мной, если хочешь, и увидишь. В том, что я делаю, нет колдовства, только разум, используемый для

безопасности и удобства.

И вот Кана с Хансу вернулись в тайник, где вентури открыл маленький ящик и достал оттуда серебряный зеркальный диск с рядом небольших рычажков. Поднимая или опуская эти рычажки, он набрал нужную комбинацию. Зеркало затуманилось, и вентури заостренным концом небольшого стержня начертил на нем несколько волнистых линий. Они исчезли с диска, и его снова затянуло туманом, и после некоторого ожидания на диске появились другие линии… Так происходило четыре раза, и наконец вентури отложил свое перо.

— Теперь весь вопрос во времени, — сообщил он землянам. — Нужно подождать, пока хозяева ответят, Я лишь доложил, а уж они отдадут приказ.

Хансу согласился. Вокруг его рта пролегли жесткие морщины, глаза затянулись усталостью. Силы его были на исходе. И его угнетало не только будущее орды, но и нечто большее. Он сражался больше, чем за бегство с Фронна. Его цель могла оказаться важнее всех арчей в мире. Вентури вдохнул дым от жаровни. Его золотые глаза не отрывались от землян.

— Хозяин Мечей, — обратился он к Хансу, — я

могу сказать тебе, что уже 10 раз по 10 тенов у нас не приземлялись иноземные корабли…

Кана попытался перевести меры времени. Около четырех месяцев. Он сжал губы.

— И так было в прошлом?

— Нет, — это был ответ на вопрос Хансу. — Нас не заботит межпланетная торговля, поэтому ее отсутствие не может беспокоить нас. Но теперь… Возможно, за этим что-то скрывается. Что же вы будете делать, если корабль не придет? Ваши враги заняли порт в Тарке.

— Одно дело за раз. Пока мне нужно поговорить с вашими хозяевами, а потом досмотрим…

Из ящика послышался слабый звук. Вентури посмотрел в зеркало. Хотя земляне ничего не видели, но вентури спустя несколько мгновений проговорил:

— Хозяева приглашают вас в Поулт для переговоров. И поскольку вы встретились с предательством на Фронне, сюда прибудут наши заложники. Вы согласны?

— Да. Когда я отправлюсь?

— Сегодня к вечеру буря ослабнет. Из Поулта вышлют корабль, но нужно быть готовым к немедленному возвращению, потому что затишье продлится недолго.

— Я отправлюсь один?

— Возьми с собой одного человека по твоему выбору. Я бы предложил этого, — палец с когтем указал на Кана. — Он хорошо говорит на торговом языке.

Хансу не возражал.

— Да будет так.

Как и предсказал вентури, наступило затишье. Земляне с торговцем спустились к воде. Кана видел пенную линию, свидетельствующую о приближении вентурского корабля. Он появился из волн и остановился у причала с удивительной точностью. В конической башне открылся люк, и появились четыре фигуры в плащах. Трое спустились с корабля на землю, а четвертый остался на корабле.

— Это хозяин Расуф, подхозяин Рсад и подхозяин Еролони, они останутся здесь.

Хансу назвал своих мастеров-мечников, а потом в сопровождении Каны поднялся по трапу, ведущему к люку. Трап спустили в зеленоватую полутьму, и двое спустились, окруженные странными запахами и шумами. Вентурский шпион взял Кану за рукав и потащил в сторону.

— Командир корабля думает, что тебе будет интересно взглянуть в окно… Сюда.

Они прошли по коридору, настолько узкому, что землянин проходил с трудом, и оказались в круглом помещении. Вдоль стен шла широкая подушка для сидения, прерываясь только у двери. Прямо перед ними стена была из сплошного стекла, а за стеклом виднелось здание порта. Вентури без плаща сидел на подушке, внимательно наблюдая за сценой. Он сделал приветственный знак рукой, и тут же сооружения порта отступили и повернулись направо. Путешествие к Поулту началось.

Поулт появился из воды внезапно: зубчатые скальные стены острова резко поднимались из воды без всякой полоски песка. И на стенах не виднелось и следа зданий. Позволив пассажирам бросить взгляд на остров, корабль погрузился так, что даже коническая башня оказалась под водой. Землян провели вниз и посадили в меньшее судно, где находилось двое вентури. Стены маленького корабля задрожали, но больше никаких признаков движения не было. Кана чувствовал тревогу. Его угнетало, что темная каюта где-то глубоко под водой. Но путь был недолог, и когда люк снова открыли, они уже находились в подземном порту — большей копии того подвала-пещеры, который они обнаружили на

континенте. Когда их вели по узким коридорам, высеченным в скале, они почти не видели город. Наконец они оказались в помещении на самой вершине утеса. Одна стена помещения была прозрачной. Проводник ушел, а Кана подошел к окну, наслаждаясь открывшимся перед ним видом.

— Кратер вулкана, — заметил Хансу.

Центр острова напоминал чашу, стены которой представляли собой террасы. В глубине на террасах виднелись рощицы деревьев. Но нигде и следа зданий. Но где же они… Мастер лезвия осмотрел мирный ковер растительности на внутренних стенах кратера, объясняя:

— Все их помещения в скалах.

И тут же Кана увидел доказательство — множество правильных круглых отверстий в скалах, которые соответствовали окнам и перед одним из которых он стоял. Он удивился:

— Какое чудо! Даже бомбардировщик здесь бесполезен, разве что пустят в ход горячее оружие…

Хансу поежился.

— Когда закон нарушен один раз, второе нарушение уже дается легче.

— Использовать горячее оружие? — изумление и ужас Каны были искренними. Он мог признать измену мехов, мог даже согласиться с борьбой за

власть, в которой каким-то загадочным образом участвуют агенты ЦК, но подумать о применении атомного оружия! Земля получила слишком хороший урок во время Большого взрыва и последовавших за этим войн… Это произошло тысячу лет назад, но в памяти людей ничего не могло затмить рубцы воспоминаний. Невозможно представить себе землян, использующих атомное оружие, — это неестественно, от одного такого предположения начинала кружиться голова.

— У нас достаточно доказательств, что это не просто заговор мехов, — безжалостно продолжал Хансу. — Мы же знаем, что такое атомное оружие, знаем по собственной истории, но другие не знают. И мы не можем исключать такую возможность…

Он вспомнил военную аксиому: никогда не исключать никаких возможностей, быть готовым к любым изменениям в будущем…

— Военный лорд, — один из вентури молча появился за ними. — Хозяева будут говорить с тобой.

Кана с беспокойством заметил, что не было проявлено никакого гостеприимства, не сделано никакого жеста, который можно назвать дружеским. Вслед за Хансу он вошел в комнату, где их

ждали четверо вентури без плащей. Они были одеты в короткие туники из мягкой ткани сине-изумрудного цвета, на поясах укреплено оружие, все четыре верхних конечности усажены браслетами. На некотором расстоянии сидел пятый вентури, держа в одной руке пишущий стержень, а в другой — туманный зеркальный диск. Перед вентури было установлено одно сиденье. Хансу сел, а Кана остался стоять за ним.

— Нам сообщили о том, что вам нужно, — один из вентури с вышитым на груди туники символом, без церемоний начал переговоры. — Вам нужно убежище для ваших людей, пока вы не установите контакт с вашими повелителями в другом мире. Почему мы должны интересоваться судьбой пришельцев, которых мы не звали на Фронн? А поскольку вас преследуют ллоры и их новые союзники, то может статься так, что, предоставляя вам убежище, мы навлечем на себя гнев хозяев Тарка.

— Разве между вами и Тарком не существует состояния войны? — возразил Хансу. — Пересекая горы, мы встретились с отрядом ллоров, бежавших после нападения на порт. Мы освободили там одного вашего.

Широкое лицо вентури не выразило никаких

чувств.

— Вентури не воюют, они торгуют. А когда нет торговли, когда мир раздирается войнами, мы отступаем в свои крепости и ждем, когда положение восстановится. Так было всегда в прошлом, и такая система давала нам преимущества.

— Но разве ллоры заключали раньше союз с теми, кто может приносить войну по воздуху? Возможно, Поулт и нельзя захватить с моря. Но что если на вас нападут с воздуха, хозяин многих кораблей?

— У вас нет машин, летающих по воздуху, значит, ваши враги сильнее вас?

— Их обучали другим способам ведения войн. И не по нашему обычаю использовать их на такой планете, как Фронн. С их оружием они, если пожелают, могут захватить всю планету. Неужели вы считаете, что ваше отступление может помешать им в осуществлении их планов? Одну за другой они отыщут ваши островные крепости и обрушат на них с воздуха смерть и разрушение. Они могут принести вам даже огненную смерть — это оружие, запрещенное для всех других живых существ, оружие такое ужасное, что чуть не уничтожило мою родную планету и на столетия отбросило мою расу в варварство, — и Хансу

повторил предупреждение, уже слышанное Каной. — Если закон нарушен один раз, вторично его нарушать легче. Эти изменники нарушили наш закон, придя на Фронн, и могут докатиться до гораздо более худших вещей…

— Но если вы не умеете сражаться, как те, чем же вы можете быть полезны нам?

— Вот чем. — Хансу сидел прямо и неподвижно, как будто отвечал на вражеский вызов. — Сообщение о происшедшем должно быть передано главным хозяевам. Только у них достаточно сил, чтобы справиться с преступниками. И сообщение должно быть передано тем, кого они стали бы слушать. Дайте моим людям убежище, и я сам отвезу сообщение. И я обещаю вам, что после того, как меня выслушают, на Фронне будет наведен порядок. Здесь будет запрещено появляться чужакам с других планет, и вас предоставят самим себе, — чтобы вы сами справлялись со своими делами. Разве вы не знаете, что существуют такие, кто не хочет, чтобы торговля на Фронне велась только вентури? Они позволят ллорам погубить вас, потому что ллоры невежественны в вашем искусстве и торговцы с чужих миров быстро все захватят в свои руки. И навсегда! Вы никогда не приветствовали чужеземных торговцев, и они

будут рады от вас избавиться..

Произвел ли Хансу нужное впечатление на них? Кана не мог этого определить. И надежды его ослабли, когда вентури ответил:

— Ты сказал очень многое. Мы должны обсудить это на совете. Будьте спокойны в наших водах сегодня ночью…

Последние слова напомнили традиционную формулу гостеприимства. И земляне обнаружили, что они обозначают комнату с видом на долину. В комнате две курящиеся жаровни наполняли воздух острым запахом. Вошел один из хозяев в сопровождении вентури, несшего поднос. На подносе стояли три высоких чашки и кувшин. Хозяин налил себе немного той жидкости, которую Кана уже попробовал в тайнике, а потом наполнил собственными руками чашки землян. И снова Кана ощутил, как обостряются его чувства, как оживают мозг и тело. Церемониальный напиток унесли и расставили маленькие столики со множеством подносов, на которых было по маленькой порции.

— Эту пищу вывозили в чужие миры, — заверил их хозяин, — поэтому вы можете ее спокойно есть.

Земляне начали есть, благодарные за переме-

ну в своем рационе. Слегка незнакомый вкус оказался интригующим. Вентури были искусными поварами и стремились к неожиданным эффектам: некоторые блюда были горячими и холодными в одно и то же время, за резким острым соусом следовало сладкое, и все это вместе давало такое гастрономическое наслаждение, которое Кана, например, никогда не знал.

— Ваш город хорошо укрыт, — сказал Хансу и жестом указал на буколическую картину в кратере.

— Мы не собирались скрываться, — поправил его хозяин. — Когда наши отдаленные предки впервые выбрались из воды, то они жили в пещерах островов этого моря. Поэтому вместо того, чтобы строить снаружи, наша раса привыкла жить в земле. В нашей природе — стремиться к закрытым помещениям, близким к воде. По мере того как росли наш разум и цивилизация, наши города становились такими, как Поулт. Нам плохо на сухих равнинах континентов, каждому из нас приходится выполнять там свои обязанности, но мы радуемся, когда можем вернуться домой. А ваша раса живет открыто, как и Ллоры?

Хансу кивнул и начал описывать Землю, ее голубое небо, зеленые холмы и открытые измен-

чивые моря.

— Скажите мне — ты как будто размышляешь о делах, выходящих за рамки обязанностей одного дня, — почему вы продаете свое искусство войне? А ваша раса, вероятно, старше моей. Вы не варвары, как ллоры. И ллоры — молодая раса. Неужели вы не понимаете, что ваше занятие — напрасная трата сил, отрицание роста и добра?

— Мы рождаемся с волей к борьбе, с желанием сравнить наши силы с силами противника. Когда племя или нация утрачивает это свойство, она впадает в упадок. Мы вырвались в космос — к этой цели мы стремились в течение веков, мы рвались к звездам. И обнаружили, что космос не для нас, что нас считают такими же юными варварами, как и ллоров. В космос до нас вышло множество рас и племен, и они создали особый кодекс, чтобы контролировать новичков. Те, кто правит космосом, считают, что наш темперамент для него непригоден, что он за пределами установленных границ. Поскольку мы стремились к борьбе, нам назначено быть наемниками на других планетах. Мы обречены на эту службу, только так мы укладываемся в их схему. Такую плату мы вносим за космос — служим стражами на звездных линиях.

— Мне это не кажется равной сделкой, — заметил хозяин. — А если сделка неравная, наступает день, когда она нарушается, и тот, кто обманул, вынужден искать другое место для торговли. Не так ли будет и с вашей сделкой?

— Возможно. А что произойдет здесь, на Фронне, должны решать вы.

— Пусть ваша торговля будет хорошей, а прибыль большой.

— Пусть ваши корабли всегда возвращаются в гавань, — в той же манере ответил Хансу, и хозяин покинул их.

В тот день землян больше не приглашали к хозяевам. Вскоре буря снова усилилась, и окно их помещения большей частью было закрыто пеной и многочисленными обломками, гонимыми ветром…

— Как вы думаете, у нас есть шанс? — осмелился Кана прервать молчание, в то время как Хансу с отсутствующим видом смотрел в окно.

— Сейчас, по крайней мере, они обращаются с нами, как с почетными гостями. Предлагая нам еду, они признают наше равенство. А когда завоевываешь один пункт, то можно продвигаться дальше. Но у них не наша логика. Мы не можем догадаться, что они будут делать, поставив себя

на их место. Вам, как специалисту по контактам, следовало бы знать это. Это ваше первое назначение?

— Да, сэр.

— Почему вы готовились к этой специальности?

— Мне понравился основной курс, сэр. У нас был закатанский инструктор, он заставил меня о многом подумать. И меня очаровал способ, каким работает его мозг. И благодаря ему я встретился с другими специалистами Х-3. Поэтому я прошел испытание по специальности и был допущен к обучению. Этот курс не слишком популярен: много лишних часов. Но, сэр, мне это обучение никогда не казалось работой. А занятия в кабинетах Х-3 интереснее, чем увольнительные в город. Встречи со специалистами Х-3 мне очень нравились, хотя у нас не одобряли…

— Дружеские связи с чужаками? Я это знаю. Лишь бы изучить минимум, необходимый для установления связи на других планетах. Конечно, для ЦК мы самые странные изо всех разумов.

— Дик однажды говорил что-то подобное, сэр. Что у ЦК сложилось превратное представление о землянах и что они настоящих землян не видят…

— Миллз знал, о чем говорил. Мы нарушаем закон и обычай, пытаясь на свой риск и страх вести переговоры с этими вентури. Но мы пойдем и дальше…

Когда Кана, свернувшись на подушке, собрался спать, Хансу еще о чем-то размышлял у окна. Снаружи ревел ураган, но за стенами его почти не было слышно. Утром им показали место, где можно умыться. Там был бассейн с морской водой, достаточный по размерам для плавания. Потом они снова роскошно поели. Но свидание с членами совета состоялось только в полдень.

— Мы обдумали проблему, — начал тот же самый Хозяин, когда Хансу занял свое место, — согласны с большинством из ваших доводов. Однако будущее полно случайностей. Мы не можем переместить ваших людей сюда: экономика наша и так напряжена, а место ограничено. Приютить на неопределенный период такое количество людей мы не можем. К тому же, корабли можно использовать лишь в затишья бурь.

Но и ваш враг сейчас не может действовать. Потому у вас есть около десяти дней, в которые вы можете изучить ситуацию и принять решение. К концу этого периода, если представится возможность отправить сообщение вашим ко-

мандирам, мы согласны переправить ваших людей на Поулт и на большой остров дальше в море, на котором мы спасаем наших гуенов во время сезона бурь. Вдобавок мы снабдим ваших людей продовольствием и научим сетями ловить морских созданий, пригодных для пищи.

— А что вы возьмете с нас за это?

— Слово, чтобы вы добивались у своих хозяев запрета на появление на Фронне чужеземцев, ведущих войны. Чтобы чужеземцы могли появляться только с ведома вентури и чтобы вентури знали о цели их появления. Мы не хотим, чтобы Фронн стал вассалом другого мира или служил разменной монетой в сделках хозяев звезд.

— Согласен, и не только потому, что это ваши условия. Я и сам так считаю, — заявил Хансу. — Сейчас мы возвращаемся в порт?

— Через два легких периода этого дитила снова наступит затишье. Тогда вы сможете вернуться. С вами будет член совета, который будет связывать нас на расстоянии. Попутного ветра и хорошей прибыли тебе, лорд многих мечей.

— А тебе, хозяин кораблей, гладкого моря.

Наконец наступило затишье, дававшее им возможность возвратиться. Оно так долго длилось после их возвращения на континент, что, если бы

не совет вентури, земляне бы совершили ошибку, попытавшись добраться до космопорта. Но его предупреждение держало их вблизи зданий. Вечером вновь буря…

— Мы не получали сигналов от космических кораблей, — вентури отхлебнул напиток, изготовленный из растворенных в воде таблеток земного рациона. — Наши хозяева считают, что здесь больше не будут приземляться корабли. Зачем? Ведь Тарк открыт для них, а ллоры убеждают, что в будущем с нами не придется иметь дело.

— Верно, — Хансу проглотил горячий напиток.

— Но в таком случае, вам придется изменить планы?

— Возможно, мы пойдем в Тарк.

У вентури не было бровей, но он весь излучал вежливое недоверие. Только вежливость удержала его от вопроса, как это будет сделано. А Хансу не стал ничего объяснять. Буря продолжалась меньше предыдущего срока, и Кана знал, что теперь такие штормы пойдут на убыль. В полдень на следующий день вентури объявил, что можно выходить. Солдаты с радостью высыпали на открытый воздух, глубоко вдыхая прохладу зимнего дня и разглядывая груды предметов,

принесенных ветром и волнами. Крик ушедшего дальше всех арча заставил всех подойти к нему. Между отдаленными зданиями, которых никто не занимал, лежали обломки машины. Как будто какой-то гигант схватил ее и скрутил, как женщина выжимает белье.

— Краулер! Это краулер! — повторял возбужденный испуганный голос. И хотя никто не спросил, всем трудно было поверить своим глазам. Краулер — небольшая движущаяся наземная крепость, но все же несомненно мощная военная машина, брошенная и разбитая, будто из соломы. Внешний люк был раскрыт, очевидно, от удара. Кости вскарабкался на обломки, чтобы заглянуть внутрь. Когда он выглянул из дыры, лицо его было зеленым, несмотря на загар. Он конвульсивно вздохнул.

— Тут… Тут полный экипаж на борту… — доложил он. Никто не торопился следовать за ним.

— Сколько? — внизу появился Хансу и начал подниматься на борт.

Кости неохотно еще раз заглянул в разбитый краулер. Губы его двигались при счете.

— …Четыре… Пять… Шесть. Шесть, сэр.

— Ларсен, Богат, Ведин, займитесь. Их нужно вынести, — бросил Хансу через плечо.

— Они… — снова сглотнул Кости, — все мертвы.

— Тем не менее их нужно извлечь.

Вызванные им люди неохотно начали подниматься, а сам Хансу уже скрылся в краулере. Даже когда грязная работа была закончена и шесть тел были унесены в ближайшее убежище, Хансу все еще не был удовлетворен. Пятеро оказались мехами, и он тщательно изучал их нашивки. Но шестой, хотя и одетый в мундир мастера-меха, оказался чужаком. Внимательно осмотрев изорванный и окровавленный мундир, Хансу долго в задумчивости стоял над телом.

— Веганец, — сказал он так негромко, что если бы Кана не стоял поблизости, то ничего бы не услышал. — Веганец!

Любой землянин разделил бы его изумление при виде тела. Из всех галактических рас веганцев меньше всего можно было ожидать здесь среди союзников землян. Ведь веганцы считают их варварами. Они не просто были открыто грубы с землянами, как арктурианцы или жители планет Полярной Звезды, они игнорировали землян. И все же здесь был веганец в мундире меха, возможно командовавший мехским краулером.

— Сэр! — Кости наполовину высунулся из крау-

лера, вывел из задумчивости Хансу — Груз, сэр. Похоже на оружие.

Мертвый веганец был оставлен: не только Хансу, но и все земляне заторопились к разбитой машине. Ларсен показался из люка, протягивая ящик. Кости вынес его наружу. Все окружили Хансу, который, присев на корточки, ножом поднял крышку. Внутри лежали какие-то предметы, завернутые в промасленную ткань. Хансу не нужно было много времени, чтобы определить, что же все это такое. Когда он развернул тряпку, в его руках оказался бластер-огнемет космического образца.

— Сколько там таких ящиков?

— Три, сэр.

— Есть возможность определить, где находилось это корыто, когда началась буря? — спросил он у Кости. — Записывается ли их маршрут, как на корабле?

— Не думаю, сэр. Тут ручное управление. Но могу проверить… — и он снова направился в краулер.

— Очень далеко от Тарка, сэр, — нарушил молчание Ларсен. — И разведчик не стал бы брать с собой груз.

— Верно, — Хансу внезапно повернулся к вен-

тури, который с любопытством смотрел на всю эту сцену из дверей склада. — Вы уверены, что никакой космический корабль не приземлялся поблизости?

— Но не на контролируемой нами территории. Видящие зеркала сказали бы нам…

— И на расстоянии дня пути нет иной посадочной площадки? Этот краулер вез груз. Он не стал бы перевозить груз из Тарка в сезон бурь. Он не мог пытаться добраться туда из корабля, приземлившегося где-нибудь поблизости, как вы думаете?

Вентури кивнул в знак согласия.

— Тяжелая и крепкая машина. Те, внутри, могли считать себя в безопасности. Ведь они не знают силы наших бурь. И если это верно, то они могли попытаться добраться до Тарка. Верно и то, что люди в Тарке — ведь ллоры предупредят их — не осмелятся уходить далеко. Я свяжусь с хозяевами. Возможно, корабль все же приземлился, — он исчез в здании.

А несколько мгновений спустя Кости принес обескураживающее известие из машины.

— Они шли на ручном управлении, сэр. И никаких записей. Но не думаю, что это разведчик. Тяжелое оружие в чехлах.

— Почему же они не приземлились в Тарке? — размышлял вслух Хансу. Он опустил кулак на разбитую гусеницу краулера. — Все детали груза, все обмундирование и оборудование, все до последнего кусочка принести в штаб! Может, найдем ключ. И побыстрее.

Хотя было доказано, что краулер недавно выгрузили из корабля и он отправился в первую поездку — может, и в Тарк, — не было никаких указаний, где приземлился этот корабль. И именно вентури сумел указать ключ к разгадке. Вентури пробрался сквозь толпу к Хансу и не тратя времени изложил полученное известие.

— Чужеземный корабль приземлился в шести гормелах к югу…

Пока Кана пытался перевести гормелы в земные мили, вентури продолжал:

— Он сел среди прибрежных скал и поэтому в безопасности от бурь.

— Большой корабль? — спросил Хансу.

Вентури сделал странный жест парой конечностей, что у его расы соответствует пожатию плечами.

— Мы не умеем определять размеры ваших кораблей… и если бы поблизости у нас не оказался пост… — он поколебался, и Кана заподозрил,

что этот пост — не торговая станция, а скорее, шпионский наблюдательный пункт. — Но этот корабль меньше тех, что приземлялись раньше, и он опустился тайно во время первого затишья.

— Сорок миль… — Хансу оказался быстрее в пересчете. — Что за местность между нами?

Снова вентури пожал плечами.

— Пустыня. И будут еще сильные бури.

— Но небольшой отряд сможет пробраться? Или, может, твой народ доставит нас по морю?

На последний вопрос последовало категорическое «нет». Береговые течения вдоль побережья не дают возможности пристать. Разве лишь в спокойный сезон. По поводу похода по суше вентури не стал высказывать мнения, вежливо воздержавшись от оценки умственного состояния предложившего это. Однако он согласился указать последовательность бурь и затиший на 3–4 дня вперед. И Хансу отправил еще одно послание хозяевам в Поулт. В ответ сообщалось, что в следующий период затишья корабли возьмут на борт большую часть орды, а маленький отряд останется и попытается по суше добраться до спрятанного корабля. Это был отчаянный план, но все-таки перспектива возвращения в Тарк выглядела еще хуже.

Связник вентури сверил свою карту с грубо нарисованной картой Хансу и указал место, где находился корабль.

— Хозяева желают вам успеха, — закончил вентури, — вы отправитесь сегодня вечером?

— Только после ухода орды, — с отсутствующим видом ответил Хансу. Взгляд его блуждал по солдатам, собравшимся в помещении. Не все солдаты собрались на этот прощальный сбор: были больные и раненые. Но кто же из них пойдет на юг? Кана знал, что все собравшиеся думают об этом. Он сделал собственный выбор. Кости, маленький, стройный, должен пойти. Он почти единственный в орде обладал познаниями в технике, знал, как поднять корабль, если им удастся в него проникнуть, в космос. И Хансу — Кана был уверен, что тот сам поведет отряд. Но сколько человек будет в отряде? И кто именно? В конце концов, это зависело от неприятной целесообразности. С мертвых мехов сняли мундиры, очистили их и стали подбирать людей, которым они бы подошли. И когда один из мундиров пришелся Кане по плечу, он понял, что будет в числе участников. И не успел он решить, радоваться этому или нет, пришли корабли, переждали непродолжительную бурю и на следующий день

увезли орду, оставив на пристани Хансу и пятерых солдат. Когда последняя коническая башня исчезла в воде, мастер лезвия натянул поводья ожидавшего гуена.

— Нужно найти убежище до начала следующей бури. Выступаем!

Круглый купол сторожевого поста вблизи порта они увидели до начала очередного приступа бури. Но защита, даваемая этим маленьким зданием — совсем не то, что безопасность за толстыми стенами. Скорчившись на полу, оглушенные ревом ветра, шестеро солдат думали, выдержит ли купол следующий натиск бури. Гуены, тесно прижавшись к земле костлявыми телами, подняли монотонный воющий крик, который резал землянам уши. Прошло несколько часов — оглушенным людям они показались вечностью, — прежде чем ветер стих.

— Вперед! — Хансу вскочил на ноги и начал поднимать своего гуена, который скалил клыки и сердито огрызался.

Через пять минут они были на дороге От быстрой рыси гуенов у солдат болели тела. Но они стремительно продвигались вперед. Им до сих пор продолжало везти. Но когда собравшиеся вновь тучи показали, что им пора отыскивать

убежище, поблизости не оказалось никакого здания. Единственной надеждой была роща, на краю которой виднелись расщепленные пни: там особенно свирепствовала буря. Туда и направился Хансу. Пришлось извлечь прочную веревку, данную вентури как раз на такой случай. Они привязали гуенов и самих себя к самым прочным деревьям. Если короткая остановка в маленьком куполе казалась страшным адом, то это было вообще неописуемо. Приходилось бороться за каждый вздох. Кана утратил всякое представление о времени, он забыл обо всем, отчаянно борясь за жизнь. Потом его куда-то потащило, и он безжизненно перевернулся на спину. Его хлопали ладонью по щекам, голова его покачивалась по земле.

— Вставай! Поднимайся! — торопили его.

Он с трудом привел свое ноющее тело в сидячее положение. Над ним стояло трое солдат, один поддерживал его окровавленную голову. Шестеро землян въехало в рощу, а выехало всего лишь четверо, ведя на поводу гуена без всадника. Из двоих погибших одного они больше никогда не видели, а второго похоронили под избранным им деревом — дерево, которое не пережило этой бури. Выдержит ли кто-нибудь из, них до конца

пути, размышлял Кана, взбираясь на спину гуена только силой волн. Выдержат ли они темп, принятый Хансу? Но прежде чем пришло время снова заботиться об убежище, скалистую береговую линию перерезала река. И им посчастливилось наткнуться на ллорскую деревню. В соответствии с обычаями Фронна, они постучали в ближайшую дверь и попросили защиты в гостевой комнате. Растянувшись на тонких подушках, солдаты погрузились в тяжелый сон, даже не поев из своего скудного рациона. Когда они проснулись, буря кончилась и туземное население ожило, Хансу поговорил с хозяином, и его лицо несколько прояснилось.

— Это последняя сильная буря. Дальше будет просто очень сильный ветер, какой можно встретить и на Земле. И мы движемся в правильном направлении! Здесь проходили два краулера, они направлялись в Тарк.

— А что они думают о нас? — Ларсен с трудом надевал на раненую голову мехский шлем. — Вас расспрашивали, сэр?

— Они считают, что мы с корабля. Я сказал, что нас застигла буря и наш краулер разбит. Для них все земляне на одно лицо, так что они мне поверили. Нам нужно беспокоиться лишь при

встрече с мехами, если таковая состоится.

Через час они уже ехали по полям, через нанесенные бурей водоросли. Приходилось идти, руководствуясь лишь показаниями компаса в руке Хансу. Глубокие пропасти приходилось обходить, и ночь они провели в ущелье, в голых скалах. Ветер выл в ушах. Все было, как в горах. И лишь не было угрозы нападения косов. Дважды на протяжении следующего пасмурного дня они были вынуждены укрываться, спасаясь от жестоких порывов ветра, который мог их убить среди каменных башен. Длинный обход привел их на морской берег, где они прокладывали путь по толстому слою водорослей, принесенных ветром. Вдруг гуен Хансу попятился и резко закричал, а потом принялся рвать когтями какое-то тело среди водорослей. Хансу от неожиданности чуть не выпал из седла. Разинулась пасть, достаточно большая, чтобы проглотить и гуена и всадника. Кана инстинктивным движением мгновенно сорвал свое ружье и выстрелил в раскрытую пасть. Челюсти щелкнули раз, другой, закипела вода вокруг огромного тела. Чудовищная помесь крокодила, змеи и кита — вот все, что успел подметить Кана. Хансу тоже выстрелил в извивающегося монстра. Неведомое животное

скрылось в воде, а земляне двинулись дальше, держась как можно дальше от воды и успокаивая нервничающих гуенов. Вскоре Ларсен обнаружил проход между скалами, и они выбрались из бухточки. Перед ними тянулось обширное песчаное пространство, усеянное водорослями и многочисленными, принесенными водой, обломками, включая небольшой предмет, напоминающий небольшой вентурианский корабль. Над ним кружили пожиратели падали, и земляне не стали осматривать его. Вслед за командиром они двигались на юг, — где начиналась впервые после речной дельты удобная для езды верхом местность. Следующий порыв бури застал их в узком ущелье. Пригнанная ветром морская вода пенилась у ног гуенов, но Хансу упрямо держался прежнего маршрута, и его настойчивость была вознаграждена: вскоре они обнаружили раздавленный краулером камень. Подбодренный этим открытием, Хансу уступил и позволил отдохнуть отряду. Большую часть дня над землянами нависало серо-стальное небо, и наступление ночи означало лишь общее потемнение. Но на сей раз тьма сослужила им хорошую службу. Как будто враги зажгли маяк, чтобы указать арчам путь. И огонь был не голубоватый, как свет ллорских фа-

келов. Ярко-желтым огнем горели лампы земного лагеря. Оставив гуенов на попечении Ларсена, они осторожно двинулись вперед, временами передвигаясь ползком, вслушиваясь в малейшие звуки. И вот они втроем лежат за небольшим возвышением, глядя на море огня, в котором с трудом различается хвостовое оперение небольшого космического корабля. Ничего не двигалось, не было видно никаких признаков жизни. У Хансу уже был готов приказ:

— Оставайтесь здесь! — и прежде чем кто-либо успел сообразить, он скользнул во тьму.

Они дрожали на ледяном ночном ветру, от долгого пребывания в пропитанном солью воздухе саднило кожу. Вдали отчетливо слышался шум прибоя. Но вокруг корабля ничего не двигалось. Прошло, казалось, очень много времени, прежде чем вернулся Хансу. И вернулся лишь, чтобы приказать им двигаться назад, туда, где они оставили Ларсена с гуенами. Только здесь, когда они укрылись за скалами, он рассказал о только что сделанном открытии.

— Корабль небольшой… общие очертания патрульного крейсера. Есть охрана, в темноте было трудно разобрать. Придется подождать рассвета.

Кана спал урывками, остальные тоже лишь

слегка дремали Лежать было неудобно, но за долгие годы полевой службы привыкли ко всяким неудобствам. На рассвете снова началась буря.

Гуенов привязали в глубоком ущелье, но Хансу велел, чтобы не привязывали слишком туго. Ему не нужно было объяснять причину этого. Из этого похода земляне не вернутся. Либо они улетят на корабле, либо… им больше уже ни о чем беспокоиться не придется. Они направились прежним путем к небольшому возвышению, чтобы снова взглянуть на лагерь. Дневной свет сделал более бледным освещение ламп, и корабль стал различим на фоне скал. Искусный пилот посадил его в самом центре небольшого каньона с плоским дном. Как и сказал Хансу, корабль был похож на легкий крейсер. Такие корабли строились для Галактического Патруля. И солдаты не очень удивились, когда увидели на борту отчеканенные знаки Патруля. Узкий, как игла, корабль мог вмещать не более дюжины членов экипажа. А если он нес еще груз и краулеры, то жилые помещения становились еще ограниченнее.

— Это нам и нужно, — еле слышным шепотом произнес Хансу. — Но как попасть в него?

Под слегка нависающей стеной каньона виднелась пластиковая палатка временного лагеря. Вот

из нее вышел человек и потянулся. На нем был мундир меха, и, насколько мог судить Кана, это был землянин. Мгновение спустя к нему присоединился второй. Тоже в сине-сером мундире, но по внешности явно чужак. Длинные тонкие ноги, гибкие, будто обладающие лишними суставами, руки… Тренированный глаз Каны сразу уловил признаки неземного происхождения, хотя без более внимательного рассмотрения никак нельзя было сказать, откуда именно происходит этот незнакомец. Мех почтительно посторонился, и чужак прошел на открытое место и стал смотреть в устье каньона, будто ожидая появления чего-то важного. И он не ошибся, до солдат донесся резкий крик гуена. Показался отряд всадников. Гуены шли очень медленно, свесив костлявые головы до колен. Видно было, что они очень устали. Но Кана решил, что эти туземцы не солдаты. Скорее, они похожи на захолустных охотников за гуенами, какие встречались землянам после горнего перехода. У предводителя за плечами торчало ружье, а остальные были вооружены лишь копьями и мечами. Вокруг талии каждого из них была обмотана веревка — обычная принадлежность охотника за гуенами. Предводитель ллоров слез с седла и тут же упал, а чужак сел на небольшой

табурет, торопливо принесенный из палатки вторым мехом. Пока спешивались остальные ллоры, падая и пошатываясь, из палатки появились еще три меха и стали на некотором расстоянии. Было ясно, что сейчас начнутся переговоры Началось обсуждение, временами переходившее в горячий спор Однажды ллор даже встал и дернул за уздцы своего гуена. Но быстрый жест и слова чужака, очевидно, успокоили туземца, и он снова уселся. Наконец встреча подошла к концу. Ллорский вождь отдал какой-то приказ ожидавшим членам своего от ряда. Четверо из них встали без всякой готовности.

Мастера лезвия не устраивала невозможность слышать, все видеть. Он нетерпеливо шевельнулся, будто лежал на гнезде огненных муравьев. Но он не мог приблизиться к переговаривающимся, не став видимым.

Пока предводитель ллоров и чужак стояли в ожидании, ллоры подошли к палатке. Мехи вошли вовнутрь и тут же вернулись с двумя большими узкими ящиками. И каждый ящик несли двое мехов. Хансу даже привстал на колени, и Кана подумал, не дернуть ли его за полу. Но те, что находились внизу, были так заняты своим делом, что даже не поднимали головы. Ящики пе-

редали ллорам, которые приняли их с открытым выражением отвращения и отнесли их к началу лестницы, ведущей к люку корабля. Точно так же была перенесена вторая пара ящиков. Кана старался представить то, что в них лежит. Какое-то оружие? Но зачем грузить оружие в корабль? Логичнее было ожидать, что оружие составляет груз корабля. Когда у лестницы лежали шесть ящиков, чужак и двое мехов начали что-то делать с крышкой одного из них.

— Это! — лицо Хансу странно побледнело Под густым загаром. Глаза его, стальные, оценивающие, были направлены на группу внизу. Он понял, каково содержимое этих ящиков. Ящики… по коже Кана поползли мурашки: он с опозданием, но тоже понял, что это гробы. Когда мехи сняли крышку, стало видно тело человека — человека в черно-белом мундире Патруля.

— Но почему?.. — неоконченный вопрос не получил ответа, только два его товарища пожали плечами, а Хансу издал нечленораздельное мычание.

Ящики, лишенные содержимого — оно везде оказалось одинаковым, — были, отнесены к дальней стене каньона. Чужак приказал уложить тела неровной линией. Хансу зашипел… иначе нельзя

было определить звук, изданный им сквозь стиснутые зубы. Для Каны действия внизу не имели смысла, но для Хансу происходящее с каждым мгновением становилось все яснее. Теперь чужак отошел, поманив за собой мехов. У корабля остались лишь ллоры, как бы осматривая мертвецов.

— Он делает запись! — это произнес Ларсен, и Кана убедился, что — тот прав. Чужак с видеозаписывающим аппаратом в руках снимал сцену: корабль, лежащие тела, ллоров вокруг них. Запись… кому ее показывать?

— Так вот что они задумали! — сказал Хансу. Чужак еще несколько раз провел камерой, а затем кивнул несколько раз предводителю ллоров, который тут же, отдал приказ. Ллоры с готовностью рассыпались вокруг. Дальнейшее для арчей было загадкой. Два меха свернули палатку. Ее и несколько тюков унесли. Вскоре из-за скалы появился краулер, но он не приближался к кораблю. Он остановился в отдалении, а чужак и мехи направились к нему. Когда они поднялись в машину, она тут же двинулась по каньону на восток. Ллоры подождали, а потом сели на гуенов и поехали в противоположную сторону. Корабль и тела вокруг него остались. И едва последний ллор скрылся, как Хансу спустился по склону, а

Кана и остальные торопливо последовали за ним. Но Хансу опередил всех и уже осматривал тела. Лицо его было мрачно.

— Их застрелили, — медленно сказал он, — застрелили из ружья арчей.

— Но ведь это патрульные, — сказал Ларсен.

Трудно было поверить, несмотря на очевидность, что возможно такое убийство. Уж слишком велик был престиж Патруля. Эти люди были, несомненно, застрелены, и не из легких воздушных ружей ллоров, не из бластеров — мощных огнеметов галактических агентов, а из того особого ружья, которым располагают только мечники с Земли.

— Этот агент снимал фильм не для развлечения. — С горечью заметил Кости. — И можно себе представить, какое впечатление он произведет в некоторых кабинетах… убийство патрульных восставшими арчами..

— Я не понимаю. Зачем все это? Ларсен пнул камень.

— Алиби за выступление против нас, впервые нарушил молчание Кана. — Разве не так, сэр? С правдоподобным рассказом Агента и этим фильмом нас не станут слушать, даже в Прайме…

Он хотел, чтобы Хансу возразил, сказал, что

у него слишком разыгралось воображение. Но Хансу лишь кивнул.

— Здесь больше смысла, чем в пятидесяти других возможных объяснениях, — Хансу встал, разглядывая корабль. — Да, они разыграли здесь сцену для чего-то отвратительного И вероятно, сработало бы, если бы мы не оказались здесь.

— Значит, они хотят уничтожить нас? — голос Кости звучал разъяренно. — Что же мы можем сделать?

— Нарушить их планы! — в голосе Хансу звучала реши тельность. — Кости, поднимайтесь на борт и проверьте, можно ли поднять крейсер…

Кости заторопился к лестнице, а Хансу повернулся к остальным.

— Похоронный обряд. — он указал на тела.

Они выполнили печальный обряд, как выполняли его много раз для своих товарищей за последние недели. Когда подействуют их зажигательные патроны, то не останется никаких следов. Когда они занялись сортировкой личных вещей погибших, чтобы, позже опознать их, над их головами в люке появился Кости.

— Первая удача, сэр! Корабль готов к взлету!

Хансу лишь кивнул, как будто приняв решение, он был уверен, что теперь судьба позволит им вы-

полнить это решение Сложив вещи патрульных в ранец, он поднялся по лестнице в маленький кораблик. Двое арчей последовали за ним. До сих пор Кана знал лишь солдатские транспортные корабли. И хотя они были тесными и узкими, этот крейсер оказался еще меньше. Веревочная лестница, свисавшая с верхних уровней, казалась слишком узкой для безопасного подъема. Но они поднялись. Кости уже исчез на первом уровне, Хансу шел за ним по пятам. Им в нос ударил запах машинного масла и спертого воздуха, запахи жизни в тесноте… Они прошли в контрольную кабину. Хансу указал на ремни кресла пилота перед приборным пультом.

— Сумеете поднять его. Кости?

Тот лишь оскалил зубы в широкой улыбке.

— Постараюсь, сэр.

Кости сел в кресло, Кана и Ларсен заняли противоперегрузочные сиденья, а Хансу отправился к месту капитана.

— Если хотите, можете осмотреться в течение пяти минут, сэр, — предложил Кости, может быть, потому, что сам хотел получить несколько минут на то, чтобы освоиться с приборами. Потом ему придется оторвать корабль от сравнительно безопасного Фронна. Они быстро осмотрели

маленькие каюты экипажа. Каюты находились в состоянии полного беспорядка. Вещи и одежда выброшены из шкафов. Кана подобрал трехмерный портрет, на который наступил один из грабителей. На него смотрели странно скошенные глаза и рот женщины с Лиры-1.

— Прекрасно сделано, — Хансу профессионально осмотрел разгром. — Пункт Б или Ц… ограбление помещений, произведенное бессовестными арчами.

— Вы думаете, что это настоящий патрульный корабль? Они действительно убили патрульных, чтобы обвинить нас в этом, сэр? — спросил Ларсен.

— Возможно. Хотя это уже слишком весомый аргумент против такой маленькой орды, как наша. Не настолько мы важны. — Нахмурившись, он вернулся в контрольную кабину.

— Есть ли здесь запись маршрута на Землю? — спросил он у Кости.

— Отправимся в Прайм, сэр? Я думал, мы полетим, на Секундус… — возразил новый пилот.

— Возможно, это настоящий патрульный крейсер. Если его принесли в жертву ради нас, я хочу знать, почему? И я хочу начать задавать вопросы!

— Настоящий патрульный крейсер! — Кости повернулся и нажал три кнопки на панели слева. Послышался щелчок, и ему в руки выпал маленький диск.

— Да, сэр, вот координаты Земли.

Он извлек из аппарата перед собой другой диск и вложил полученный.

— Привяжитесь, — приказал он.

Хансу закрепил ремни командирского кресла, а Кана и Ларсен устроились в противоперегрузочных креслах. Пальцы Кости пробежались по кнопкам и рычагам, и на щите вспыхнул красный свет.

— Надеюсь, мы полетим вверх, а не вниз, — было его последнее замечание, прежде чем он нажал на кнопку старта.

Гигантская рука сжала грудь Кана, выдавливая из нее воздух. Волны красной боли перешли в черноту. Перед тем как потерять сознание, он успел подумать, что они все-таки поднимаются. Они не взорвались. Кости не был опытным пилотом и придал кораблю гораздо большее ускорение, чем было нужно для подъема с Фронна. Приходя в себя и с трудом раскрывая ремни. Кана ощупал лицо: оно было в крови.

— Спящий просыпается! — Кости через пле-

чо обернулся к Кану — Я думал, что ты решил проспать всю дорогу, парень. В этом нет необходимости: у нас достаточно помещений.

Кораблем управлял автопилот, используя программу, введенную Кости. Им ничего не оставалось делать, как есть, спать и жить в неудобных условиях, привыкая к земному тяготению и климату. После путешествия они смогут жить в собственном мире без специального периода адаптации.

— Долго ли мы будем лететь? — спросил Ларсен.

Все трое выжидающе посмотрели на Кости, но тот только пожал плечами.

— Возможно, 14–15 дней. Эти малютки пожирают пространство… Патрульные крейсера созданы для скорости.

15 дней. Кана, растянувшись в гамаке одной из кают, имел время подумать без необходимости принимать немедленное решение. Грязная история… и зловещая. По каким-то неизвестным причинам чужак в мундире меха подготовил сцену. Лишь удача позволила им расстроить его планы. Кана был уверен, что корабль и его мертвый экипаж оставлены сознательно… чтобы быть обнаруженными драматически, с какой-то

целью. Патрульные застрелены из ружей арчей… на планете, где преследовали орду арчей. Но зачем все эти сложности? Зачем пытаться дискредитировать силы землян, если их так легко можно было уничтожить? Такая сложная подготовка означала, что не только изменники мехи, но и агенты в их мундирах имели основания опасаться людей Йорка. Рассказ об убийстве Йорка и его офицеров? Вряд ли. Никаких доказательств не было. Да и если бы был свидетель, его вряд ли стали бы слушать. Почему… почему такой сложный изощренный план, чтобы очернить их? Возможно ли — рука Капы инстинктивно потянулась к рукоятке меча — возможно ли, что нет тупика во взаимоотношениях между Землей и ЦК? Неужели ЦК пытается не только физически уничтожить силы Земли, но и дискредитировать их как изменников и убийц? Возможно, это их единственный шанс для открытой борьбы — противостоять условиям, навязанным ЦК, доказать, что земляне не меньше других рас и видов имеют право на свободу среди звезд! Это была надежда, пусть весьма сложная, но в этот час Кана почувствовал, что она есть, и он поклялся себе, что, когда он в следующий раз поднимется в космос, на нем не будет навязанного ему серо-зеленого

мундира.

Корабль вышел из искаженного пространства, но из-за неопытности Кости и неточности вычислений им оставалось еще целых два дня пути до порта Прайма. Слабое «биип» привлекло внимание Каны и Ларсена к экрану над контрольной панелью. Хансу и Кости спали, и некому было объяснить значение крошечной точки света, движущейся по темной поверхности. Кана пошел поднимать Кости.

— Мы больше не одни, кто-то хочет посмотреть, как мы перенесли полет. — Пилот поневоле протер глаза. Но взгляд на экран полностью разбудил его.

— Поднимите Хансу! — резко приказал он.

Когда Кана вернулся с Хансу слабое «биип» превратилось в настойчивое гудение.

— Можете установить связь? — спросил Хансу.

— Если хотите. Но здесь не может быть торговых кораблей. Мы на крейсерском курсе. Должно быть, это другой крейсер.

На планете, вооруженные, они знали, что им делать перед лицом потенциального врага. Но в космосе они были беспомощны.

— Установить контакт? — спросил Кости.

Хансу задумчиво смотрел на экран, будто

надеясь прочесть там «имя, ранг и условия назначения».

— Может, этот экран, — он ткнул пальцем в прибор, может использоваться только для приема, или мы автоматически и передаем, когда включаем его?

— Может быть односторонний прием, но это покажется подозрительным.

— Пусть думают что хотят. Нам нужно немного времени, несколько быстрых ответов, прежде чем они увидят наши лица. Выключите телеизображение.

Кости нажал несколько кнопок. Яркая световая волна пробежала по экрану, и они увидели скуластое лицо гуманоида с Проциона. Фуражка патрульного офицера покрывала его безволосую голову. Виднелся знак «звезда и комета», означавший ранг.

— Что за корабль? — спросил он с бессознательным высокомерием чиновника ЦК. Он их не видел, но, должно быть, понял, что обращается к землянам. Он негодования Кана почувствовал, как у него дыбом встали волосы. По лицу Хансу он увидел, что не одинок в своей реакции. Хансу взял микрофон у Кости.

— Это патрульный крейсер, имя и регистра-

ционный номер неизвестны, — он говорил медленно, без выражения, произнося каждое слово на базовом торговом языке, стараясь сделать неразличимым свой родной акцент. — Мы нашли его покинутым и возвращаем соответствующим властям.

Патрульный командир не назвал его открыто лжецом, но на его лице ясно читалось недоверие.

— Вы направляетесь не на базу Патруля, — резко заявил он. — Какова ваша цель?

— Как будто он не знает, или не подозревает, — прошептал Кости.

— Мы доложим нашим старшим командирам в соответствии с законом, — продолжал Хансу.

Узкое лицо начало зловеще удлиняться.

— Земляне! — слово было произнесено, словно грязное ругательство. — Приготовьтесь к принятию отряда на борт… — его лицо исчезло с экрана.

— Ну, вот и получили, — уныло заметил Кости. — Если мы попытаемся уйти, то они нас сожгут из своих мощных пушек.

— За мной! — Хансу уже был на полпути к двери.

Остальные последовали за ним. Вне поля ис-

кусственной гравитации они добрались до переборок. Хансу открыл аварийный люк к шлюпкам. Кана с недоверием смотрел на шлюпки, борясь со страхом оказаться в закрытом пространстве. Хансу остановился у ближайшей шлюпки.

— Кости, возьмите вторую. Это удваивает наши шансы донести рапорт. Если хоть один из нас выживает, он обязан добраться до Прайма. Наша неудача может означать… в определенном смысле… гибель всей Земли. Дело важнее всех нас. Ларсен, полетите с Кости. Ведите маршрут на Землю. Приземлившись, двигайтесь к Прайму. Если сумеете, выпросите, займите, украдите транспорт. Спросите Маттиаса, доберитесь до него, даже если по пути придется убивать. Понятно?

Ни один из ветеранов не проявил удивления при этом необычном приказе. Хансу втиснулся в шлюпку, и Кана неохотно последовал за ним. Им обоим пришлось приложить всю силу, чтобы закрыться изнутри. Затем Хансу пробрался на сиденье пилота, а Кана занял второе место. Хансу поставил указатель на небольшой шкале перед ним, трижды проверил показания всех приборов и включил двигатель, который должен был выбросить их из корабля. Сила удара была почти такой же, как при взлете с Фронна. Ребра Кана,

еще не затихшие от прошлого старта, заставили его испустить полусдавленный крик. Когда он смог повернуть голову, то увидел, что Хансу лежит, обхватив ладонями подбородок, глаза его были устремлены на приборы.

— Мы свободны? Нам удалось уйти? — ошеломленно спросил Кана.

— Пока мы живы, — иронически ответил Хансу. — Если бы они заметили наш уход, от нас бы уже остались угольки. Будем надеяться, что еще некоторое время их внимание будет сосредоточено на судне.

— Но почему, сэр? Патруль обычно не стреляет сразу Офицер произнес «земляне» так, будто мы ломбросские мучные черви…

— Вас не должно удивлять, Карр, что некоторые «высшие расы», те, что правят в совете ЦК, именно так нас и расценивают, неофициально, конечно.

— Но закатане не такие… и Рей, и Мик дружили с лупаном на Секундусе…

— Конечно. Я могу назвать тысячу разновидностей и рас, которые принимают землян как равных, если мы отвечаем им тем же. Но заметьте два обстоятельства, Карр, и оба очень важные. Системы, для которых мы персона нон грата,

населены гуманоидными расами, и эти расы давно вышли в космос, они пионеры Галактики. В них глубоко скрывается чувство, в котором они не сознаются даже себе — страх. В древности на Земле, до атомных войн, мы были разделены на расы. Разница, отчасти, определялась цветом кожи, чертами лица и т д. В свою очередь, эти расы делились на нации, которые возвышались и удерживали под своей властью целые континенты, иногда на столетия. Но когда проходило время, каждая из них теряла свою власть. Узда выскальзывала из ее рук. Почему? Потому что сильные энергичные бойцы, создавшие эти империи, умерли, а их сыновья и сыновья их сыновей были уже другой породы. Некоторое время после ухода сильных бойцов империя еще существует, как хорошо налаженная машина может работать по инерции. Затем детали машины начинают изнашиваться, необходима смазка, а нет никого, кто имел бы желание и силы произвести ремонт и снова отрегулировать механизм. И вот побеждает новая, более молодая нация, часто после войны. История движется вперед серией таких империй — старые империи уступают место молодым. Теперь возьмем галактические расы, с которыми у нас наиболее близкие отно-

шения. Все они не нашего вида. Вам нравятся закатане, пресмыкающиеся по происхождению, у нас хорошие отношения с тристанами, далекие предки которых были птицами. Юбаны — они потомки кошачьих. И все они новички на галактической сцене. Но — и это очень важно — у них разные цели, желания и вкусы. Зачем закатанину беспокоиться из-за того, что проходит время, торопиться что-нибудь сделать, как это делаем мы? Продолжительность его жизни близка к тысяче лет, он может позволить себе посидеть и подумать. А мы чувствуем, что не можем. Но мы не угроза для него и его образа жизни.

— Но, сэр, вы считаете, что мы похожи на тех гуманоидов с Арктура и Проциона? Их цивилизации стары, но в основном такие же, как и наша.

— И они обнаруживают признаки упадка… Да, мы им угрожаем — нашей молодой бьющей через край энергией, нашей волей к борьбе — всем тем, что они открыто порицают в нас. Потому что, хотя нам Земля кажется очень старой, в масштабах Галактики она молода. Поэтому они встречают нас неискренне. Их цель — огородить нас стеной — но не открыто, на законном основании заставить нас держаться определенных рамок, подчиняясь решениям ЦК. Они стараются

ослабить наши силы в бесконечных ненужных войнах, ослабить расу, которая в будущем может бросить вызов им. И поскольку они боролись за звезды, виделись лишь во сне, мы вынуждены были принять их условия — на время.

— На время, сэр? — страстно взорвался Кана. — Три столетия мы играем по их правилам…

— Что такое три столетия на галактической шахматной доске? — спокойно возразил Хансу. — Да, триста лет мы подчиняемся их приказам. Но только сейчас они начинают понимать, что их замысел не удался. Я не уверен, что мотивы их действий ясны им самим. Они так играли во всемогущих богов, что сами в это поверили. Они считают, что не могут ошибаться. И они до сих пор действовали против нас под прикрытием — до сих пор. С самого начала у нас появились друзья, и их становилось все больше и больше И эти друзья начнут задавать вопросы, если Земля будет осуждена и приговорена к заключению в собственных границах. Возможно, их сверхцивилизованный разум отшатывается от такого решения или отшатывался раньше. Но если бы они смогли, они отрезали бы нас от мира. Землян не принимают в Патруль — это служба для «высших» рас. Торговцы не позволяют нам всту-

пать в их компании. Даже войны, в которых мы участвуем, тщательно лишены ответственности, хотя мы умираем в них. Самое современное вооружение мехов намного устарело по сравнению с оружием, скажем, жителей Ригеля-6.

— Но, сэр, зачем этот ход с крейсером?

— Либо какие-то горячие головы в Совете начинают действовать на свой страх и риск, либо они начали понимать, что земляне не совсем то, чем их считали, — Хансу повернул голову и оценивающе посмотрел на Кану. — Как вы думаете, зачем нам обучение класса Х-3, почему специалист по контактам — обязательный член любой орды или легиона?

— Ну… ведь и на других мирах нужны связные офицеры, сэр.

— Это официальное объяснение… ни один агент контроля не сможет его оспаривать… Но каждый землянин, со склонностью и соответствующим темпераментом для работы по классу Х-3, отмечается и подвергается классификации с того момента, если успешно прошел тесты. Ему создают все условия для обучения. Его побуждают вступать в дружбу с представителями других рас — под укрытием. И когда он подписывает назначение, ему предоставляются командирами

возможности для изучения других планет.

— Так вот почему вы хотели, чтобы я вступил в контакт с вентури, сэр?

— Да. И именно поэтому вы побывали в Поулте. Мы давно знаем, что должны располагать как можно большим количеством специалистов по контактам. И чем шире знакомство с другими формами жизни, тем лучше для нас. Если нам придется бросить вызов ЦК, мы не должны быть одиноки. И чем больше рас будет дружески относиться к нам, чем лучше нас узнают, тем лучше для нас. Мы должны готовиться к другой роли. Что если в будущем Земля будет поставлять не солдат, а исследователей?

— Исследователей?

— Труппы тренированных специалистов по освоению вновь открытых планет, чтобы подготовить эти планеты к заселению, если на них нет собственной разумной жизни. Группы, члены которых подбираются по индивидуальным данным. Люди не будут служить в Патруле, не станут торговцами или полицейскими, они будут открывать, что лежит за следующим солнцем. Группы, включающие не только представителей нашей расы. В них объединятся разные расы, склонные к действиям типа Х-3 — телепаты, тех-

ники, может, даже совсем не гуманоиды.

— Вы думаете, что это возможно, сэр? — спросил Кана.

— Почему бы нет?! И возможно, это время не так уж далеко. Нам бы только добраться до Маттиаса с сообщением о событиях на Фронне, и у него будут весомые аргументы в разговорах с командирами. Предположим, все орды и легионы, рассеянные по всей Галактике, получают приказ восстать. Такая ситуация обеспокоит ЦК и принесет конец его тщательно охраняемому миру. Дешевле будет позволить нам идти своим путем, чем бороться с восстанием сразу на сотнях планет.

— До меня доходило множество слухов, сэр, но ничего о восстании..

— Надеюсь, что и не дойдет, — заявил Хансу. — Большинство солдат консервативны. И мы, земляне, в течение нескольких поколений ведем такую специализированную жизнь. Солдаты не очень интересуются тем, что происходит за пределами орды и легиона. В Прайме пытаются расшевелить людей, так распределить среди них назначения, чтобы встревожить их. Но эта история с Фронном свидетельствует о грозящей нам опасности. Как только станет известно, что землян с одобрения ЦК можно повернуть против

землян, что мех может охотиться за арчем — И Хансу кулаком ударил по своей подушке — Время! Нам нужно лишь время! Мы должны добраться до Маттиаса, а он подожжет шнур!

Но для двоих, заключенных в спасательную шлюпку, время двигалось свинцово медленно. Они могли лишь спать, заняв единственную разрешенную позу, глотать таблетки рациона и разговаривать. И Хансу говорил, изливая бесконечный поток рассказов о далеких мирах, на которые человек еще не посмел вступить, и о жестоких битвах в труднейших условиях. Кана заставлял себе сконцентрироваться на каждом слове, как будто ему предстояло сдавать экзамен по этим лекциям, потому что так ему было легче забыть настоящее, забыть, что они заключены в скорлупке, которая может и не достичь Земли. К тому же, он знал, что его товарищ щедро делится с ним знаниями, которые самому Кане предстояло бы добывать десятилетиями. Он учился у замечательного специалиста Х-3, объясняющего самую суть их дела.

— …поэтому они принесли жертву в ночь двойной луны, а мы спрятались в холмах и следили за ними. Получилось не совсем так, как мы ожидали…

Резкий щелчок прервал Хансу. На приборном щитке резко вспыхнула красная лампа. Они входили в атмосферу. Кана попытался расслабиться. Самое страшное — возможность миновать свою планету и вечно странствовать в пустоте — теперь позади. По-прежнему нельзя было ничего сделать. Спасательные шлюпки полностью автоматизированы. Те, кто в них передвигается, часто ранены или настолько подавлены, что не могут сами управлять полетом. Маленькие кораблики рассчитаны на безопасную посадку без участия своих пассажиров. Приходилось верить в это. Где они приземлятся? Кана тупо смотрел в изгиб металлического потолка. Неудачная посадка, допустим, в море. Но ждать им осталось не так уж долго.

— Надеюсь, мы приземлимся не слишком далеко от Прайма, сэр — Кана старался, чтобы его голос не дрожал.

— Я тоже.

Когда они сели, Кана обнаружил, что свисает головой вниз из своих креплений и, испуганный этим, попытался разъединить на себе крепления. На помощь ему пришел Хансу и поставил его на ноги. Задняя стена узкой кабины превратилась в пол, а люк в крышке, через которую они вошли,

теперь был в боковой стене. Хансу начал открывать его. Они прошли в выходное помещение, где их встретил блеск огня и столбы дыма. Хансу с угрюмым лицом захлопнул входную дверь.

— Тормозные ракеты… — пробормотал он. — Когда мы приземлились, они вызвали пожар.

Огонь… корабль, должно быть, окружен огнем. Но тут Кана вспомнил один из рассказов Хансу.

— Разве костюмы для высокой температуры не входят в обязательное оборудование спасательной шлюпки, сэр?

— Верно! — Хансу направился обратно в кабину.

Стены были сплошными, проверка показала им, что в них нет никаких углублений. Оставалась обивка сидений. Кана потянул ее, и губчатый матрас поддался. Он был прав! В основании каждого сиденья был запасной отсек, и в нем костюмы.

— Они нам тесноваты, — Хансу осматривал находку, — но некоторое время выдержать можно.

От обоих потребовалась акробатическая ловкость, чтобы в тесном помещении забраться в эти громоздкие сооружения. Но они сделали это, и Хансу отрегулировал температуру внутри.

— Будем надеяться, что огонь носит местный

характер. Когда будете выходить, постарайтесь как можно дальше отпрыгнуть от корабля.

Кана кивнул и надел шлем. Хансу пошел первым, лишь на мгновение задержавшись в наружном люке и затем исчезнув. Кана как можно быстрее последовал за ним. Он прыгнул в огонь и дым, упал на одно колено, встал и неуклюже побежал вперед, подальше от корабля. Он бежал мимо деревьев, кроны которых были охвачены пламенем, стараясь не задеть за корни и упавшие стволы. Густой слой дыма закрывал окружающее. Сначала Кане страшно было входить в огонь, но ничего с ним не случилось, он стал увереннее и больше не избегал пламени, пересекавшего тропу, которую он для себя наметил. Неожиданно деревья кончились, и он оказался на открытом месте на краю утеса. А внизу находилась дорога, и на ней стояла необычная неземная фигура, в которой Кана с трудом узнал Хансу. Кана уже собирался начать спуск, но человек внизу взмахом руки привлек его внимание, а затем указал на пояс. Кана понял и поискал кнопку на собственном поясе. Потом он подошел к краю обрыва и опустился рядом с Хансу на дорогу. Жаль, подумал он, что эти костюмы не имеют наряду с антигравитацией и ракетных двигателей. По окружающей

местности похоже, что они находятся в Диких Землях и им потребуется немало времени, чтобы добраться до цивилизации. Облака дыма закрывали дорогу, и поэтому они остались в костюмах. Возможно, им еще раз придется пройти через огонь. Но дорога проходила по скалам, где не было пищи для огня. Судя по растительности, они находились где-то в Северо-Восточной части древнего Северо-Американского континента, — по крайней мере Прайм находился на этом же континенте. Местность уже почти тысячу лет пустынна после атомных войн. Рассказывали о странных мутациях, развившихся здесь, даже после того, как человечество вернулось с островов Тихого океана и из Африки, тут все еще оставались обширные неисследованные местности. Кана надеялся, что Хансу больше, чем он сам, знает об этой местности и что они не просто идут дальше в пустыню. Может, лучше было оставаться у корабля и ждать появления пожарных, патрулирующих эту территорию? Оказалось, что Хансу не знает, куда идет, просто удачно угадал направление. Дорога начала спускаться к широкой реке. И на другом берегу виднелись поля, желтые под солнцем. Беглецы перешли через мост и со вздохом облегчения стянули костюмы.

С невысказанной благодарностью вдыхали они родной воздух Земли. Кана и не догадывался, какое это удовольствие, пока не пришлось попробовать разреженную атмосферу Фронна. Под воздействием теплого воздуха и солнца у него стало легко на сердце и даже слегка закружилась голова. Он снова дома, а сейчас это важнее всего.

— Где-то поблизости должна находиться уборочная станция, — сказал Хансу. — Там можно найти телепередатчик. И если удастся вызвать коптер из Прайма.

— Далеко ли мы от Прайма, сэр?

— Думаю, недалеко. Дикая местность находится к северу от центра.

Они шли по дороге мимо желто-коричневых полей, уходивших за горизонт. Кролик проскакал мимо них, остановился, подергивая от любопытства носом. Над головой пролетали стаи птиц. Кана пробормотал:

— Когда-то это была густонаселенная страна.

— Древние изобиловали всем: жизнью — так же, как и смертью. Они размножались быстрее, чем убивали в своих войнах. Ага, вот и станция!

Здание впереди укрывалось среди деревьев, и поблизости блестело озеро — оазис прохлады среди тускло-желтого жара. Кана вспомнил давние

летние переправы для полевых работ. Может, они тоже здесь — сборщики урожая. Пшеница уже созрела. Но в здании никого не оказалось. В его комнатах и залах гулким эхом отдавались их шаги. Пока Хансу отыскивал передатчик, Кана пошел на склад продуктов. За задним входом полоса прохладной зелени тянулась к озеру. Белые и желтые лилии рядами росли вдоль тропы, ведущей к прохладе зеленоватых вод, клумбы были полны роскошных цветов. Повинуясь неожиданному импульсу, Кана пошел туда. Ветерок шевелил его одежду. Было тихо и мирно. Кана медленно расстегнул костюм и со вздохом облегчения сбросил одежду. Теперь он находился на самом краю воды. Длиннокрылые насекомые бегали по спокойной поверхности. В глубине виднелись быстрые черные тени рыб. Мир… дом… тишина и забвение. Он протянул руки. В его руке лежал нож Милосердия, все эти недели тусклый блеск его лезвия скрывался у самого сердца Кана. Его рука медленно повернулась. Нож выскользнул и ушел в темный сумрак, полоска взбудораженного ила обозначила место его падения. Но когда Кана вторично взглянул туда, он ничего не увидел: нож навсегда скрылся. Да покоится он в мире! Кана промыл в воде паль-

цы, все его тело дрожало от знакомого чувства жидкости, от ощущения мира. Может, мечты Хансу о будущем человечества никогда не осуществятся, но он, Кана, принял решение. Если ему еще предстоит лететь к звездам, то уже не как солдату, не как мечнику любого ранга. Кана резко встал и направился обратно к зданию станции. Открывая холодильник и перенося продукты в кухонный автомат, он беззаботно насвистывал что-то. Пока им везет. Они добрались до Земли, теперь осталось только связаться с Маттиасом в Прайме. Все остальное будет совсем просто. Он с улыбкой встретил входящего Хансу, но у того было серьезное лицо.

— Связались, сэр? — спросил Кана, раскладывая еду по тарелкам.

— Да. Легко слишком легко.

— Слишком легко, сэр?

— Как будто кто-то ждал нашего вызова. Мы не станем дожидаться коптера.

— Почему? — Кана опустил кастрюлю.

— Почему я так решил? А что заставило нас насторожиться перед тем, как наводнение чуть не захлестнуло нас в горах Фронна? Как вы догадались, что укрытие вентури находится на крыше склада? Шестое чувство? Откуда мне знать? Но я

знаю, что здесь нам оставаться нельзя.

— Но, сэр, на открытом месте нас легко обнаружат, — Кана со вздохом встал из-за стола.

— Здесь в гараже может быть хоппер. На таких станциях бывают один или два таких механизма. — И Хансу направился в гараж.

И снова он оказался прав. Две наземные машины, каплеобразные, с закругленными носами, стояли здесь, накрытые кожухами, но полностью готовые к использованию. Через несколько минут можно будет выезжать. Хансу снял со стены тускло-зеленый комбинезон и бросил его Кане. Себе он взял такой же. Теперь их мехские мундиры не видны, и они вполне сойдут за полевых рабочих. Хоппер вывернул на дорогу и начал поглощать мили. Сверху, если за ними будет следить коптер, невозможно отличить их машину от других. Начинался сезон уборки урожая, и движение на дороге увеличилось… Хансу сбросил скорость, довольный тем, что они затерялись в веренице машин, приближавшихся к Прайму. Кана заметил, что большинство грузовиков везут продукты, — эти продукты отправят вскоре в космос многочисленным ордам и легионам. Земля так долго специализировалась на снабжении наемников всем необходимым. Что

произойдет, если орды и легионы перестанут существовать? Сколько времени потребуется, чтобы перестроить всю экономику и направить бурлящую энергию Земли в другое русло? Кана начал дремать. Ему было жаль еды, которую они так и не попробовали. Настоящая земная пища, свежая, горячая. Никаких рационов!

— Что случилось?

Голова Каны дернулась, глаза открылись. Но Хансу обращался вовсе не к нему. Он спрашивал водителя соседнего грузовика. Они стояли в длинной линии грузовиков и пассажирских хопперов. Хансу выслушал ответ. Его лицо напряглось.

— Впереди осматривают машины.

— Ищут нас, сэр?

— Возможно. Будем надеяться, что они ищут обычного беглеца, бегуна.

«Бегун», подпольный делец, занимающийся изготовлением и сбытом наркотиков, тип преступника, на которого нацелена вся земная полиция. Если полиция ищет бегуна, каждая машина в этой линии будет осмотрена, у каждого человека потребуют удостоверение личности. Один взгляд на их оружие, на мундиры под комбинезонами — и их тут же задержат. К тому же, возможно, именно их и ищут.

— Может, свернуть куда-нибудь, сэр?

Хансу покачал головой.

— Если мы попытаемся это сделать, то тут же выдадим себя. Хотел бы я знать, кто командует заставой.

Если Маттиас входит в загадочную организацию, борющуюся за освобождение Земли, как намекал Хансу, тогда должны быть и другие члены этой организации, рассеянные по всей массе солдат. Хансу может попросить у одного из них помощи, если тот здесь окажется. Но какова вероятность этого? По краям дороги вперед шли люди, желая знать, чем вызвана задержка. Хансу посмотрел на них и вышел из хоппера. Он шел тяжелой походкой, маскируя легкий шаг тренированного солдата. Кана отошел в поле, пытаясь рассмотреть, что происходит впереди. Да, застава. Блестят серебром на солнце шлемы полицейских. Уже вторая половина дня. С наступлением темноты… если только они не дойдут до заставы засветло… Кана принялся осматривать поля, оценивая местность, обещавшую им свободу. Впереди были установлены лагерные лампы. Они тянулись вдоль дороги, примерно на четверть мили. Но освещение не достигало того места, где стоял их хоппер. Тут до него донесся гул

мощной машины с экипажем из трех человек. Он засек время. Да, похоже на регулярные объезды Необыкновенно тщательная засада на бегуна. Ему не приходилось о таких слышать. Значит, бегун высшего класса. Но Кана не верил в это. Эти главари подпольной индустрии не путешествуют и стараются не рисковать. Полиция ищет другую добычу. Какую же? Их?

Некоторые путники, прошедшие вперед, уже вернулись, громко жалуясь. Очевидно, никто из них не получил объяснений от полиции. С ними был и Хансу.

— Патрульный коптер ходит вдоль дороги, — доложил Кана.

— Да, — Хансу знаком велел ему забраться в хоппер. — Нужно думать, и побыстрее.

— Они действительно ищут бегуна?

— Я считаю, они ищут нас.

Кана неожиданно почувствовал озноб.

— Но почему, сэр? Земная полиция не стала бы разыскивать нас по приказу ЦК: нужно подтверждение нашего штаба. А на это потребовалось бы слишком много времени.

— Не спрашивайте, почему и как! — в этой реплике выплеснулось раздражение Хансу. — Нам хотят помешать увидеться с Маттиасом, готов

поклясться!

— И тот, кто хочет этого, достаточно влиятелен, чтобы привести в действие полицию. Теперь поимка нас — только вопрос времени, сэр. Разве что в темноте.

— Да, темнеет. Это наше единственное преимущество. Там обыскивают всех.

А на них мехские мундиры, и никакой возможности их спрятать или уничтожить. Хансу открыл маленький ящик и достал карту района, которая входила в перечень обязательного оборудования любого хоппера. Он пальцем провел по дороге, а затем откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Между его бровями пролегла глубокая морщина. Солнце почти зашло, но линия машин перед ними так и не двигалась. Все больше и больше людей выходило на поля. Время от времени кто-то из них возвращался к своему хопперу или грузовику, наверное, чтобы позвонить хозяину и сообщить о задержке. Кана спросил Хансу:

— А мы сможем в темноте?

— Выбраться отсюда? Да, я в этом уверен. Но добраться до Прайма — это другое дело. Если нас ищут, Прайм закрыт так же надежно, как взлетевший крейсер. Карр, чему вы учились по истории о довоенных городах?

Хотя Кана не понимал, какое отношение имеет древняя история к их теперешнему положению, он послушно пересказал то, что помнил.

— Древние строили здания, башни… открытые непогоде… пузырчатых куполов не было. Я всегда удивлялся, как они выдерживают…

— А что под землей?

Под землей? Он запомнил башни, как нечто необычное. Во время атомных войн большинство выживших людей жило под землей. Но уж в этом образе жизни не было ничего древнего. Во время обучения он прослушал однажды лекцию в жаркий полдень, когда ему так хотелось уйти с закатанином, который ему нравился больше, чем скучный инструктор-землянин. Под землей…

— Они иногда ездили под землей, сэр. По трубам, проходящим под их городами.

— Что делают эти шоферы?

Кана осмотрел сцену в поле.

— Разжигают костер, сэр. Я думаю, они собираются открывать неприкосновенные запасы продуктов.

Хансу вырвал карту из креплений.

— Мы присоединимся к ним, Карр. Держите рот закрытым, а уши открытыми. И следите за полицейским коптером. Нужно знать, когда его

ожидать.

Хотя некоторые шоферы еще ворчали, большинство смотрело на вынужденную остановку как на неожиданный подарок. Связавшись с хозяевами, они больше не испытывали чувства ответственности. Поэтому вокруг костра чувствовалось общее облегчение.

— Да, я давно шофер, — громко говорил высокий рыжеволосый мужчина, — но если полиция велит останавливаться, я останавливаюсь. И хозяин ничего не сказал. Сказал только, чтобы я попытался наверстать время после задержки.

Один из его товарищей покачал головой.

— Не пытайтесь пересечь реку ночью, это опасно. После того как построили эту новую дорогу, там появились выбоины.

Хансу смешался с группой, настолько усвоив манеры поведения и разговора, как будто всю жизнь только тем и занимался, что водил грузовик. Прекрасный пример работы специалиста класса Х-3, решил Кана. На Фронне Хансу встречался с ллорами и вентури как равный, здесь он сразу адаптировался среди чужого племени, столь же ему чуждого.

— Дорога через реку, — обратился он к рыжему, — это прямой путь на Прайм?

— Да, — шофер оценивающе взглянул на него. — Ты новичок здесь, парень?

— Буду работать в Прайме. Сейчас перегоняю хоппер с запада, местность незнакомая..

— Речная дорога, если ее не знаешь, опасна. Старая, говорят, еще довоенная. Прошлым летом там копались парни из Прайма, что-то древнее откопали. Сберегает 33 мили, но опасна…

— Опасна! — подхватил другой. — Да это же просто ловушка! Что бы ни говорил хозяин, там лучше не ездить в темноте. Никогда не забуду эти провалы. Такие выбоины, что целиком проглотят колесо грузовика. Впрочем, если ехать медленно и освещать дорогу, все обойдется. Нужно свернуть налево в двух милях отсюда…

— Могут еще встретиться провалы?

— Конечно. Там вдоль дороги какие-то руины. Слушай, парень, как минуем заставу, держись рядом, и я покажу тебе.

Хансу поблагодарил и постарался незаметно исчезнуть, а разговор пошел о лесном пожаре, который шоферы видели днем. Мгновение спустя Хансу сжал руку Каны.

— Коптер?

— Сейчас проходит с нерегулярными интервалами, сэр. Может оказаться в любую минуту.

— Плохо. Если бы мы знали местность, то могли бы разойтись и попытаться пробиться в одиночку.

— А вы знаете местность, сэр?

— Достаточно, чтобы добраться до Прайма незамеченным. Только бы выбраться отсюда.

— Нам нужно чем-то отвлечь внимание, сэр.

— Гм… — их разговор был прерван окриком от заставы, водители бросились к своим машинам. Началось медленное движение.

Кана забрался в хоппер, не видя выхода из тяжелого положения. Хотя наступила темнота, костер в поле освещал местность, а если они еще немного продвинутся вперед, то окажутся на участке, залитом лагерными огнями.

— Эй! — Хансу высунулся на окрик, — Хопперы держатся справа, — сказал голос. — Это новый приказ. Подождите, пока впереди освободится место, и выбирайтесь к полю.

Неужели полиция установила, что беглецы движутся в хоппере? Кана не впервые за долгий день пожалел, что с ним нет мехского бластера. Они совершенно безоружны, даже нож Милосердия… Но Хансу уже действовал. Из-под комбинезона он извлек трехдюймовую трубку. Медленно и тщательно облизал ее и вставил под контрольную

панель. Грузовик перед ними продвинулся на несколько ярдов. Хансу повернул хоппер вправо и тут же отдал приказ товарищу:

— Снимите обивку заднего сиденья и дайте сюда!

Кана повиновался. Они съехали с дороги на поле. Перед ними и за ними появлялись другие хопперы.

— Готово! — Хансу установил ручку прибора и пинком отворил дверцу. — Прыгай!

Кана распахнул заднюю дверь и выпрыгнул, ударившись о землю. Он несколько раз перевернулся, царапая кожу. Еще не утратив инерции падения, он пополз вперед. И тут ночь раскололась, блеснул огонь, прогремел взрыв. Послышались крики.

Кана закрыл лицо и замер, услышав гул полицейского коптера. Когда тот прошел мимо, Кана пополз дальше, направляясь к ивовой рощице у ручья, которую он заметил раньше. И хотя он ожидал каждую минуту, что его окликнут, он благополучно добрался до ручья. Повернувшись, он посмотрел на дорогу. Их хоппер, подожженный залпом Хансу, ярко пылал. Грузовики опять остановились, и вокруг горящей машины виднелась толпа. Очень удачно получилось. Только удалось

ли Хансу уйти так же легко?

Кана пополз вдоль ручья на восток. В том направлении находится Прайм, и если он сумеет отыскать Хансу, то только там. Кане показалось, что впереди что-то осторожно движется. Хансу?. Или полицейский? Кана расстегнул пояс комбинезона, собираясь использовать его, как пращу. Шорох прекратился, а потом послышался шепот:

— Карр?

— Да, сэр!

— Сюда…

Кана двинулся быстрее, догоняя командира. Здесь они находились ближе всего к заставе и ползли наполовину в воде, удаляясь от света ламп. Хансу держался у ручья, пока возвышенность не загородила их от дороги.

— Куда мы направляемся, сэр? — наконец спросил Кана, когда они, мокрые, покрытые грязью, выбрались из ручья на берег под покровом деревьев.

— Конечно, к речной дороге, о которой упоминал шофер, — Хансу пошел медленнее, осторожно поддерживая правую руку левой.

— Вы ранены, сэр?

— Немного обжегся. Перед прыжком прижимал обивку к щитку.

Теперь Кана понял. Смутно видная снаружи обивка могла напоминать двух людей, охваченных огнем.

— Можно взглянуть на ожог, сэр?

— Позже, — Хансу хотел уйти как можно дальше.

И это «позже» оказалось действительно много времени спустя. Чувство направления и изучение карты привело их на узкую дорогу, отходившую от главного шоссе. Поскольку движения на ней не было вовсе, они осмелились идти открыто. Взошла луна, когда Хансу остановился и начал осматриваться. Кана понял, что он отыскивает траншеи, вырытые рядом с дорогой. Хансу с усилием произнес:

— Фонарик…

Кана достал карманный фонарик, установил его на слабый режим работы и направил луч в ближайшую траншею. На дне раскопок виднелись остатки каменной кладки. Должно быть, эти развалины упоминал шофер. Хансу вслух считал траншеи.

— …4…5…6. Вот она, шестая слева…

Кана направил туда луч, и Хансу неуклюже слез по камням старой кирпичной кладки. Кана спрыгнул вслед за ним. Он не знал, что ищет Хан-

су, но понял, что лучше не задавать вопросов. Эта траншея была длиннее остальных, уходя дальше от дороги, но в конце концов они подошли к груде щебня и обломков, обозначавшей конец раскопок. Щебень порос колючим кустарником. Хансу левой рукой потянул за куст, и Кана заторопился ему помочь. Под их совместными усилиями куст поддался, обнаружив темное отверстие.

— Что? — начал было Кана.

— Подземные пути… прямо в Прайм… от старых дней… — речь Хансу звучала прерывисто, и Кана направил ему в лицо луч фонарика. Сквозь пот и грязь было видно, что Хансу держится на одних нервах. Но Кана чувствовал, что сейчас не время предлагать помощь. Он осветил отверстие и увидел туннель, явно искусственного происхождения. Под сапогами у него были две пыльные полосы, которые когда-то могли быть рельсами. Эти древние пути очень часто напоминали смертоносную ловушку. Они проходили мимо осевших боковых коридоров, дважды им пришлось прорываться сквозь груды земли и гравия. Однако, к их удивлению, чем дальше они шли, тем лучше становились условия. Кана не мог поверить, что эти подземные пути заброшены со времен атомной войны. Его подозрения

подтвердились, когда луч упал на какую-то металлическую деталь в боковом тупике. Металл блеснул, будто на него не действовали столетия сырости. Главный туннель все расширялся, и к нему присоединялось все больше и больше боковых коридоров. Когда-то, должно быть, это был главный вход в Прайм или в морской порт, на развалинах которого был построен Прайм.

— Долго еще?

— Не знаю, — Хансу шел механически. — Слышал об этих местах. Мы должны связаться с «достигающими», — может, одна из машин подберет нас.

Для Каны его слова не имели смысла, но он не стал распространяться. Он лишь начал догадываться, кто такие эти «достигающие». Загадочное подполье среди солдат, главой которого, вероятно, был Маттиас. Но почему Хансу надеялся встретить их здесь, он не мог понять. Они повернули и оказались в обширном пространстве, где проходило много рядов рельс. Звук их шагов гулко отдавался в подземелье, луч фонарика уходил во тьму. Кана включил его на полную мощность и направил на стены, переводя от одной темной арки к другой. Они находились в обширном кольце, в центре паутины, нити которой отходили

во всех направлениях. В какую же из арок они должны войти? Насколько он мог видеть, они все были одинаковы. Неуверенность и беспокойство, которые Кана всегда ощущал в замкнутом пространстве, начали действовать на него, хотя пространство пересекающихся путей было большим. Но за пределами досягаемости фонарика тьма сгущалась и становилась почти осязаемой, будто они действительно были погребены под землей без надежды выбраться на открытый воздух. Запах влажности нес в себе какие-то другие слабые запахи, напоминавшие о далеком прошлом. Кана расслышал журчание воды.

— Куда дальше? — нелюбовь к темноте, боязнь закрытого пространства заставили его задать вопрос.

Хансу буркнул что-то, но не ответил, а Кана продолжал обводить лучом фонарика окрестности. Их проблема была решена неожиданно и драматически. Из одной арки — Кана не был уверен, из какой именно, — послышалось гудение, которое началось как еле слышный шум, а потом превратилось в гул сирены. Он схватил Хансу за рукав, пытаясь увлечь его в один из проходов и укрыться там. Но было слишком поздно. Они пойманы и схвачены ярким лучом, ослепившим их.

И от источника этого света последовал приказ, которого они не посмели ослушаться:

— Руки вверх! И стоять на месте!

Кана с упавшим сердцем повиновался. Они были беспомощными, безоружными пленниками. Несколько позже Кана с горечью думал, что мог заранее предвидеть, что все кончится их пленением. Стена, против которой он сидел, была серая, монолитная, без единой трещины или щели. Ничего не отвлекало взгляда, не давало пищи воображению. Время, не разделенное больше на минуты, часы и дни, тянулось бесконечно. Даже отраженный свет его камеры бледнел или разгорался с интервалами, у которых не было никакого правила, и он не мог по ним измерять ход времени. Проголодавшись, он открыл дверь крошечного шкафчика, доставая капсулы и пластиковую бутылку с водой. Как они туда попадали, он не знал. Хуже всего была постоянная тишина. Она окутывала Кану толстым отупляющим одеялом, и нервы его напряглись, он, расхаживая взад и вперед, пытался утомить себя физически, чтобы уснуть и хоть несколько часов провести в забытьи Он оказался в ловушке, из которой не было выхода. И он чувствовал, что однажды наступит момент, когда он не смо-

жет противиться тишине, когда демон — его собственный страх — победит и овладеет его мозгом. Весь мир сузился до размеров этой камеры без окон и дверей где-то глубоко в основании Прайма. Аппаратура камеры функционировала автоматически. Кану могли забыть, оставить здесь на многие годы, и он по-прежнему продолжал бы получать питание, и свет продолжал бы загораться и гаснуть в соответствии с каким-то диким расписанием, вложенным в машину. И даже когда он умрет..

Кана пытался заставить себя думать о чем-нибудь другом. Если бы у него была информационная катушка или какой-нибудь писчей материал… Но с таким же успехом он мог мечтать о свободе! Он даже не знал, осужден ли он или еще только дожидается суда.

Хансу ошибался, считая подземные ходы Прайма неизвестными полиции. В арестовавшей их группе находился агент ЦК. Они сдались без сопротивления. С тех пор он не знал, что с Хансу. Их разделили перед допросом. Специалисты по допросам не были грубы. Давным-давно исчезла необходимость, в пытке, чтобы развязать языки упрямым пленникам. После того как ему дали определенное средство, он ничего не мог скрыть.

И Кана знал, что он выболтал все секреты своей жизни. Когда он пришел в себя, то находился в этой камере, раздетый до белья, и с тех пор он здесь и оставался. Он стал сам себе назначать задания, вспоминая после каждой еды все детали курса Х-3. Иногда в процессе этой работы он даже забывался на миг…

— Закон, — он произнес это слово медленно, стараясь придать ему соответствующий свистящий звук, — планета земного типа. Суша представлена главным образом архипелагами Самый большой остров Зородал. Крепость Зородала была основана во время полумифического правления пяти королей. Археологические находки подтвердили некоторые легенды и доказали, что на одном и том же месте сменялось, по крайней мере, десять цивилизаций, причем иногда между падением одной и подъемом следующей проходили тысячелетия. Закатане — раса рептилий, родственных земным ящерицам. Протяженность их жизни во много раз превосходит человеческую. Они не агрессивны, чрезвычайно поглощены историческими исследованиями и дают много известных историков и философов.

Послышался щелчок. В стене перед Каной раскрылось отверстие. В нем лежал мундир. На

мгновение Кана застыл.

Потом схватил мундир, боясь, что это лишь мучительная иллюзия. Полный комплект обмундирования… мечника третьего класса! Когда Кана начал одеваться, его руки все еще дрожали. Освобождение, по крайней мере освобождение из камеры. Что его ожидает? Суд? Возвращение на службу? Или… Он, волнуясь, застегивал пряжки. Теперь он хоть был одет. Только меча не хватает, новые ножны на поясе пусты. И нет ножа Милосердия. Он застегивал ремешок шлема, когда стена сдвинулась. Он вышел в коридор. Его ожидали четверо конвоиров: двое впереди, двое сзади. Он подумал, стоит ли ему гордиться таким эскортом. И пошел, понимая бесполезность расспросов.

Скоростной лифт поднимал его этаж за этажом в сердце административного штаба. Когда лифт остановился, они оказались в широком коридоре. Фрески с изображениями других миров, где сражались орды и легионы, чередовались с окнами, через которые Кана бросил взгляд на Землю, первый с тех пор, как оказался в подземелье. Насколько он мог судить, было утро. Внизу лежал залив, переходящий в море. Предания утверждали, что древние руины, на которых был основан

Прайм, некогда являлись предместьем огромного города, покрывавшего до атомных войн весь остров до залива. Меж зданий пролетали коптеры. Все было так же, как и в тот день, когда он впервые прибыл в Прайм и получил назначение в орду Йорка. Но охранники не дали ему времени смотреть в окно или думать о прошлом. Его быстро провели в приемное помещение. Здесь его ждал трибунал. Высокие чины, возможно, самые высокие! Здесь сидели трое из четырех советников штаба, а четвертым и пятым членами суда были галактический агент и офицер Галактического Патруля, командир подсектора, судя по знакам различия. Кана напрягся. Какое же право имеют эти чужаки судить его? Он был уверен, что сможет опротестовать это и будет поддержан кодексом службы. Но, желая выиграть время, он отдал салют и доложил согласно правилам:

— Кана Карр, мечник третьего класса, назначенной в орду Йорка, место службы — Фронн.

Хансу. Где Хансу? Неужели их будут судить порознь? Больше всего на свете Кане теперь хотелось поговорить с Хансу. Потому что он только что сделал ошеломляющее открытие: один из офицеров, смотревших на него, был Маттиас, тот самый Маттиас, который, по мнению Хансу, был

бы их защитником, сражался бы на их стороне, если бы они сумели добраться до него…

Лица офицеров были бесстрастны, но агент ЦК, арктурианец, ярко-алый и золотой плащ которого кричаще выделялся на фоне серо-зеленых мундиров землян, нетерпеливо ерзал в кресле, как бы желая ускорить процедуру и в то же время не решаясь указывать. Другой чужак, офицер Патруля, явно скучал. Потом Кана увидел то, что лежало перед старшим офицером, — меч арча. Это был ответ на один из его вопросов. Его приговорили, даже не дав возможности высказаться в свою защиту. Но… как они могли? Ведь он рассказал правду. Эти люди должны были знать об убийстве на Фронне, о страшной сцене у патрульного крейсера, обо всем, что случилось, знать так, как будто они сами были всему свидетелями. Как же они могли?

— За неразрешенный контакт с расой Х-3,— начал старший офицер, — за дезертирство с места службы, за кражу крейсера, принадлежавшего Галактическому Патрулю, вы, арч Кана Карр, мечник третьего класса, — отныне непригодны к службе в космосе. Вы лишаетесь всех званий и привилегий службы и на весь остаток жизни приговариваетесь к работе в одном из рабочих

отрядов.

Врожденная дисциплина заставила его слушать. Рабочий отряд до конца жизни — это почти рабство. В нем нарастал холодный гнев. Он ответит этим дьяволам с замороженными лицами, он скажет им несколько слов правды. И пока он еще не в рабочем отряде. Когда он заговорил, то обратился не к старшим офицерам, а непосредственно к агенту:

— Я узнал, кто вы и вам подобные. Пока вы еще можете заставить землян повиноваться вашей воле. Но когда-нибудь вы заплатите за это…

Белое лицо арктурианца не изменило выражения, только сидел он теперь неподвижно, его длинные глаза сузились в щелки, как у хищника, следящего за добычей.

— Как долго, — внимание Каны снова переключилось на землян, — как долго вы смеете скрывать такие происшествия? Вы знаете, что они сделали с нами там? Я… — он помолчал, дожидаясь, пока полностью овладеет своим голосом. — Я дал Милосердие Дику Миллзу, выслушав его рассказ. Вы знаете — все вы знаете, что он мне рассказал. Считается, что мы борцы. Пусть мы лишь наемники, продающие свое искусство другим. Но теперь пришла пора сражаться против

убийц, — он бросил слова прямо в лицо арктурианцу и офицеру Патруля.

Затем настроение Каны изменилось. Зачем ему разговаривать с этими бесстрастными судьями, когда ему хочется броситься на арктурианца, ощутить под кулаками его дряблую плоть? Что пользы говорить? Слова ничего не изменят, не нарушат спокойствия этого изменника Маттиаса. Он отдал честь и повернулся к ожидавшим его стражникам. Неужели его снова отведут в подземную камеру? Или попытаться… у него будет такая возможность. Он намерен бежать на обратном пути. Хансу… Если его приговорили к пожизненным работам, то Хансу должны были казнить. Как он ошибался в Маттиасе, в своей вере в новый день! С Маттиасом, готовым изменить, у повстанцев не было ни малейшего шанса. Они прошли к лифту и спустились, но не в камеру. Его провели в маленькую комнатку, рядом со входом в здание: он был уверен в этом, так как мимо непрерывно шли в обоих направлениях солдаты.

Его оставили одного, если не считать часового у двери. Оставили ждать. Ждать? Нет, надо действовать!

Кана старался оценить ситуацию. Он в мундире, не хватает лишь оружия. Если бы не часовой,

он мог бы просто выйти из комнаты, смешаться с толпой в зале и покинуть здание, прежде чем поднимется тревога. Потом он смог бы выбраться из Прайма. Оставалось решить проблему часового. Он принялся разглядывать его. Часовой старательно подавлял зевок. Ясно, что он не ожидал никаких беспокойств от пленника. И это было не помещение для содержания арестантов, а скорее комната ожидания для посетителей низшего ранга. Скамья, на которую было приказано сесть Кане, оказалась мягкой, слева от него, вне видимости часового, находился видеоэкран. Можно ли его как-то использовать? Немного импровизации. Он подождал, пока внимание часового опять не привлек кто-то в коридоре, и затем вскочил на ноги.

— Красный тревожный! — воскликнул он, как будто изумленный.

Часовой повернулся, сделал шаг, а затем бросил на Кану сердитый взгляд.

— Был красный тревожный! — настаивал Кана, указывая на экран.

Охранник пребывал в нерешительности. Если на экране был действительно красный тревожный сигнал, то его долг ясен, он немедленно должен обратиться за распоряжением. А он не

был уверен, что сигнала не было.

— Держите меня под прицелом бластера, — сказал Кана. — Говорю вам: был красный тревожный!

Охранник вытащил бластер и нацелил его на Кану. Потом, прижимаясь спиной к стене, не отводя глаз от пленника, стал двигаться к экрану.

— Сидеть! — выпалил он Кане.

Кана опустился на скамью, но тело его было напряжено до предела, и все его мускулы были готовы к действиям… У него будет лишь одна секунда, когда охранник, чтобы нажать переговорную кнопку под экраном, вынужден будет повернуться к нему спиной. И если только он сумеет двинуться. Она наступила, эта секунда. Охранник повернул голову. В то же мгновение Кана бросился на пол. Плечи его ударились о колени охранника, голова того с глухим стуком ударилась о экран. Экран разбился. Кана быстро повернулся, готовый продолжить борьбу. Но тело под ним было вялым. Несколько ошеломленный этой феноменальной удачей, Кана встал на колени, торопливо присвоив себе меч охранника, а не его бластер. Только охранник на посту мог носить его. На улице Кана тут же задержат, если увидят бластер. Он сунул меч в ножны, надеясь,

что удача будет сопутствовать ему. Охранника, связанного собственным поясом, с кляпом во рту, он закатил под скамью так, чтобы от двери его нельзя было увидеть. Затем Кана поправил мундир, надел шлем, потерянный им в короткой схватке, и, глубоко вздохнув, вышел в коридор, закрыв за собой дверь. У него было 5 минут, может, немного больше, прежде чем начнется преследование. Теперь, когда у него снова меч, никто не отличит его от сотен арчей на улицах Прайма. Улицы Прайма — чем быстрее он уберется с этих улиц — тем лучше. Бегство было чистейшей импровизацией и поэтому сработало эффективно, но он хотел как можно быстрее уйти из Прайма. Четкой походкой солдата, отправленного с поручением, он миновал коридор и вышел из здания на площадку коптеров, примерно в двадцати этажах над уровнем земли. Из одной такой машины вышел ветеран, и она уже была готова взлететь, когда Кана махнул рукой. Пилот нетерпеливо ждал его.

— Куда?

Жаль, что он плохо знает географию города. Но он был уверен, что попытка приблизиться к космопорту или к одному из трансконтинентальных аэропортов ни к чему хорошему не

приведет. Они хорошо охраняются, и сообщение о его побеге будет немедленно передано туда. Немного обеспокоенный вопросом пилота, он назвал единственное место, где бывал раньше.

— Дом Найма!

Они поднялись в воздух и полетели на восток. Кана пытался опознать объекты под собой. Можно ли бежать по воде? Из Прайма ведут лишь 5 наземных дорог, и каждая преграждена барьером. Все машины там останавливаются и осматриваются.

— Прилетели, — коптер опустился на стоянку зала найма. Кана поблагодарил и на лифте спустился вниз. Но не в сам зал и не на этаж, где офицеры по найму сидели в своих кабинетах. Он направился в единственное место, где не только надеялся укрыться, но и найти помощь в обдумывании следующего шага. Комната записей была так же тиха, как и в тот раз, когда он впервые перешагнул порог. Одна кабина у входа была занята, а остальные свободны. Он быстро выбрал 4 катушки и направился в самую дальнюю кабину в ряду. Опустив катушки в машину, он сел в качающееся кресло. Час спустя была прослушана последняя катушка. Итак, имеются два ответа. Он снял наушники, но с кресла не

встал. Что ж, по крайней мере, у него есть выход. Кана стремительно встал и подошел к двери кабинки, чтобы осмотреть помещение. Свет в первой кабине погас. Но теперь были заняты три другие. Подозрительно ли это? Он не видел возможности выследить его здесь. Самое логичное с его стороны было попытаться как можно быстрее выбраться из Прайма. Разумеется, никто не ожидает, что он станет изучать катушки в архивах зала найма. Два пути… Он снова сел в кресло и, глядя невидящими глазами в потолок, принялся размышлять. Морской путь. Он умеет плавать, хотя в последнее время у него было мало практики. И подземный, построенный древними. Может, полиция считает, что поскольку его там поймали, то второй раз он не захочет туда войти. Он был голоден. Тщательно подобранная тюремная диета не давала возможности накопить энергию. А он не осмеливался пойти в столовую. Пришлось бы показать браслет, который тут же выдал бы его. Но сначала нужно было выбраться из Прайма, а там уж можно будет подумать о еде. Как это сделать — перед ним по-прежнему стоял выбор. И долго задерживаться здесь нельзя. Он впитал всю информацию, которая содержалась в катушках. Пора идти, и Кана принял решение.

Самым старым зданием современного Прайма был исторический музей. Поскольку история не пользуется популярностью у современного населения Земли, то здание всегда пустует. Но, как узнал Кана из катушек, оно сооружено на фундаменте Доатомного здания. Возможно, там сохранился вход в подземелье. Говорят, во всех довоенных зданиях они были. Вероятность успеха один к тысячи. Но его учили учитывать и такие вероятности. Кана собрал катушки и вышел из кабины. Три другие кабины были по-прежнему заняты, и он поторопился пройти мимо. Вернув катушки на место, он вышел из комнаты, сосредоточившись на том, чтобы вести себя неторопливо и обычно. К счастью, нужное ему здание находилось в трех кварталах, а мундир сделает его неузнаваемым на улицах.

Спускаясь по широкой лестнице к тротуару, он услышал за собой шаги. Кто-то торопился. Он ускорил шаг и положил руку на пояс, поблизости от рукояти меча. Если его догнали, он будет сражаться. И лучше погибнуть в огне бластеров, чем провести всю жизнь в рабочих отрядах… Кто-то крепко ухватил его за руку, отводя пальцы от оружия. Справа и слева от него шли мощные арчи с угрюмыми лицами.

— Продолжай идти…

Кана механически продолжал двигаться, глядя вперед. Его вели не к штабу. И не приземлился коптер, чтобы подобрать пленника и тюремщиков. Они продолжали идти к музею. Не способный догадаться, что происходит, он молча шел между арчами. Для любого прохожего они были тремя друзьями, гуляющими по Прайму. Перед входом в музей солдат, который своим сжатием парализовал руку Каны, сказал:

— Сюда…

Совершенно сбитый с толку, Кана повернул в музей. В широком зале, уставленном витринами с реликтами довоенного периода, никого не было. И никто не появился, когда они спустились по узким ходам в подземелье. Неожиданная поимка, когда он считал себя в безопасности, парализовала волю Каны, но сейчас он начал приходить в себя, собирая силы, чтобы при первой же возможности попытаться освободиться. Но почему его привели сюда? Неужели его считают членом подпольной организации и надеются, что он приведет полицию к своим товарищам? И любопытство сменило удивление, он решил ждать, пока что-либо прояснится. Они миновали множество залов с витринами, коридоров, тусклых

комнат со шкафами и картотечными ящиками. Один или два раза им встретились занятые работой люди, но никто из них даже не поднял головы, чтобы взглянуть на Кану и его компаньонов. Как будто они втроем были невидимы. Наконец они дошли до конца этого лабиринта и оказались в большом помещении, занятом механизмами. Должно быть, системы отопления и кондиционированного воздуха. Один из арчей прошел вперед и открыл незаметную дверь. За ней оказалась лестница, ведущая в тускло освещенное помещение с рельсами. На рельсах стояли платформы. На платформы грузили какие-то громоздкие ящики, но никто из грузчиков также не обратил внимания на Кану и его спутников.

— Туда, — протянутый палец указал на небольшой вагон. Кана скорчился на тесном сиденье. Один из стражников сел перед ним, а другой сзади. Вагон двинулся, быстро набирая скорость, и погрузился во тьму туннеля. Неужели они направляются в штаб? Но почему под землей? Гораздо проще было бы впихнуть его в коптер и перевезти открыто… Проходили минуты, и Кана начал догадываться, что они не только миновали штаб, но, должно быть, приближаются к границам Прайма. Кана потерял всякое представление

о направлении. Они могли находиться подо дном залива или далеко в глубине острова, когда вагон остановился у платформы и ему приказали выходить. На этот раз они не поднимались, а прошли по боковому коридору в какое-то место, полное активной деятельности. Здесь тоже были комнаты с картотеками и лаборатории с многочисленными работниками.

— Сюда…

Снова Кана подчинился приказу, вошел в комнату и остановился — ошеломленный.

— Три часа десять минут. — Хансу сверился с часами. Потом повернулся к рядом стоявшему человеку у мундире советника — Вы мне должны полкредита, Матт. Я говорил вам, что он продержится. Чуть-чуть, но все же продержался. Я знаю своих кандидатов!

Советник достал из кармана монету и торжественно протянул ее Хансу. Высокий чин, опустивший монету в протянутую руку Хансу, был именно тем самым Маттиасом, который совсем недавно с каменным лицом осудил Кану. Теперь внимание Хансу снова вернулось к Кане. Хансу критически осмотрел его.

— Довольно живой для мертвеца, — таково было странное замечание Хансу. — Вы, — он

протянул палец, — час назад были убиты при попытке выбраться с острова.

Вторично Кана открыл рот, но на этот раз сумел произнести несколько слов:

— Интересно… если это правда… сэр..

Такой открытой улыбки Кана никогда раньше не видел у Хансу.

— Как драматично, — по-прежнему Кана ничего не понимал. — Добро пожаловать в Прайм, в настоящий Прайм. Познакомьтесь с его губернатором — командиром Маттиасом.

— Ты хорошо держался, сынок, — советник одобрительно кивнул Кане. — Побег прошел так гладко, будто мы договорились заранее.

— Я вам говорил, — вмешался Хансу, — он готов к любому назначению.

Кана начал понимать, почему его оставили в той комнате и как ему удалось так легко справиться с охранником.

— Вы дали мне щель, — сказал он почти обвиняюще. — За мной следили?

— Нет. Ваш побег должен был выглядеть естественно. Мы просто предоставили время, место и возможность. Главное зависело от вас, — ответил Хансу.

— Но как же ваши люди нашли меня?

— По информационным катушкам, заказанным в архиве. Вы заказали «Историю Прайма», «Морской берег», «Остатки древних построек в Прайме» и «Карту Прайма». Все это было заказано в одно и то же время одним человеком. Поэтому мы просто послали за вами ребят.

Кана без приглашения опустился на скамью. События развивались слишком быстро. Логично… но все, о чем говорил Хансу, свидетельствовало о разветвленной и прекрасно функционирующей организации. Что это за организация? Он задал один из множества возникших у него вопросов:

— А рабочие лагеря?

— Они существуют и предназначены предположительно для преступников и недовольных разного рода, — весело ответил советник. — Агенты ЦК были бы удивлены, посетив их, кроме двух-трех для гостей. Сейчас вы находитесь в лагере № I. И мы можем дать вам не менее ста должностей, и все они будут направлены против существующего положения. Таким образом, вы и выполните приговор. Не думаю, чтобы вы пожалели о своей судьбе. Хансу не жалеет. Или в глубине души все-таки что-то есть, а?

— Нисколько, Матт, — улыбка Хансу стала еще шире. — Я жалею, что раньше не был посвящен в

эти дела. Так много нужно сделать…

— А как Кости и Ларсен, сэр? И вся орда на Фронне?

— Кости и Ларсен приземлились далеко на юге и были встречены нашими людьми. Агенты ЦК о них и не подозревают. А что касается орды — что ж, придется кое-что предпринять тут и там. Пока что они в безопасности у вентури…. Я думаю, мы сумеем договориться с этими торговцами. Именно такие нам и нужны. Мы сумеем забрать орду раньше, чем эти изменники и агенты ЦК до нее доберутся. С другой стороны, мы не можем просто так покончить с Девайсом и рассказать все, что мы узнали о нем и его покровителях. Но вентури будут знать, что мы свое слово сдержали. Здесь на Прайме-2 у нас считается, что обещания нужно выполнять, если это в человеческих силах.

Кана чувствовал себя так, будто его выбросили в космос без корабля. Если бы ему только объяснили последовательно, с самого начала, в простых словах, чтобы прекратилось это головокружение, и ему стало бы легче.

— Хотите факты? — Маттиас будто читал его мысли. — Что ж, положение не настолько плохо и просто, чтобы можно было объяснить его в нескольких фразах. Весь проект уходит в наше

прошлое — почти на три века назад. Вы знаете: если спросить у арктурианца или проционина, что он думает о землянине, тот нарисует картину глубокого варвара. Мы это сознательно поддерживали. Враги были польщены, а нас это не беспокоило. На самом деле Земля уже по крайней мере 250 лет является двойным миром, хотя об этом знает относительно небольшое число ее обитателей. Одна Земля и один Прайм точно и аккуратно подошел к заданному ЦК образцу. Теперь это один из низших членов конфедерации, довольный своей третьестепенной ролью. Но вот уже сто лет один из войсковых транспортов, взлетающих с этой планеты, является вовсе не военным транспортом. Один из двадцати. Он несет пионеров-исследователей. Мужчины и женщины, отобранные по определенному свойству мозга и тела, улетают в анабиозе, чтобы поселиться на планетах, найденных нашими наемниками. На одних планетах цивилизация деградировала и почти исчезла, другие лишены разумной жизни, на третьих — господствующая раса молода, это гуманоиды, с которыми мы можем, скрещиваться. Можно даже полагать, что это потомки тех легендарных космонавтов, что покинули Землю задолго до атомных войн и

теперь забыли о своем происхождении. Сейчас земляне тайно расселились почти на тысяче планет. На тридцати наши колонии не выжили, помешали местные болезни, резкие изменения климата, местная хищная жизнь. На шести планетах все еще идет борьба за выживание. На остальных земляне процветают. ЦК заметил сокращение населения Земли и решил, что наша раса, способная бросить вызов более древним расам, вымирает. ЦК считает, что сработал его план, и только недавно до ЦК начали доходить сведения о том, что происходит на самом деле, и он начал действовать. Но он опоздал, по крайней мере, на 10 поколений. Невозможно предпринять действия против тысячи разных планет и сохранять видимость справедливости и тщательно поддерживаемое равновесие сил.

— Вы еще забыли о наших союзниках, — напомнил Хансу.

— Солдат в поле имеет право напоминать штабнику, — согласился Маттиас. — Да, несколько молодых энергичных рас подпали под этот же запрет на колонизацию и исследования, что наложен на нас. Когда эти расы узнают о наших действиях, а мы специально посылаем своих специалистов по контактам, они начнут копиро-

вать наши действия и методы. Теперь по нашим следам идет еще двадцать цивилизаций. Происшествие на Фронне — обвинение и убийство Йорка и его офицеров это удар нам в спину, и он может обнаружить весь наш план. Но мы не боимся этого, мы подготовились. И если они собираются учинить суд, то мы слишком много знаем об их планах. Тем временем, — он кивнул Хансу, как бы приглашая его продолжить.

— Тем временем операции будут продолжаться, как обычно — и здесь, и в космосе. И, как специалист по контактам, вы будете работать в соответствии с приговором.

Кана наконец понял.

— Я с радостью принимаю приговор, сэр. Но когда и где я начну?

Хансу развернул карту Галактики.

— Они пытались оградить звезды и не смогли. Ни одна раса не имеет права на это! У тебя большой выбор, сынок. Перед тобой весь космос!

Последняя планета

Кену Хемлину, который тоже бродил среди звезд в фантастике, если не в действительности.

Существует древняя легенда о римском императоре, который, чтобы показать свою власть, вызвал командира верного легиона и приказал ему вместе с его людьми идти по Азии до самого конца, до края света. И вот тысяча человек исчезла на огромном континенте, была поглощена им навсегда. На каком-то неизвестном поле битвы последняя горстка выживших выстроилась в каре, защищаясь от нападения варваров. А их орел, может быть, поколения спустя, стоял одинокий и полинявший в шатре вождя кочевников. Но тот, кто знал этих гордых людей, знал их службу и традиции, мог предположить, что они продолжают идти на восток, пока хоть один из них остается на ногах.

В 8054 году от Рождества Христова история повторилась, как это всегда бывает. Первая Галактическая империя разваливалась. Диктаторы, императоры, объединители вырывали из-под

власти Центрального Контроля свои собственные и соседние солнечные системы. Космические пираты поднимали флаги и набирали флоты, чтобы поглощать добычу — останки крушения империи. В это время процветала одна жесткость. Тут и там человек или группа людей тщетно пытались противостоять потоку разрушения и разобщения. И среди этих борцов, которые отказывались забыть веру в нерушимое правление Центрального Контроля, самыми заметными были остатки звездного патруля, вооруженного объединения, которое тысячи лет пользовалось непререкаемым авторитетом. Возможно именно потому, что вне своих рядов они больше не находили безопасности, эти люди еще крепче держались друг за друга, еще строже придерживались своего древнего кодекса морали и чести. И их упрямая верность исчезнувшим идеалам и раздражала новых правителей, и вызывала у них жалость.

Джорнам Дестер, последний агент Контроля на Денебе, вынашивавший собственные честолюбивые планы, по примеру римского императора избавил свой сектор от патруля. Он вызвал с полдюжины офицеров, которые еще командовали пригодными для полета кораблями, и именем

Контроля приказал им вылететь в космос и нанести на карты — так он сказал — забытые системы на границе галактики, системы, которые не посещались на протяжение поколений. Он дал неопределенное обещание обосновать новые базы, на которых патруль укрепится и оживет и снова сможет бороться за идеалы контроля. И, верные древней присяге, они подняли свои корабли с неполными экипажами, без надлежащего снаряжения, без настоящей надежды на возвращение, но с намерением выполнить приказ до конца.

Одним из этих кораблей был веганский разведчик «Звездное пламя».

Патрульный корабль «Звездное пламя», веганского регистра, совершил свою посадку ранним утром. И посадка эта была трудной, потому что две изъеденные дюзы взорвались как раз в тот момент, когда пилот посадил корабль на стабилизаторы. Корабль подпрыгнул раз, другой, наклонился и лег на израненный метеоритами бок.

Рейнджер сержант Картр, поддерживая левое запястье правой рукой, слизывал кровь с разбитых губ. Степа пилотской кабины с иллюминатором превратилась в пол. Защелка двери

упиралась в одно из трясущихся колен Картра. Латимир не пережил посадки. Один взгляд на странно изогнутую черную голову астрогатора говорил об этом. Мирион, пилот, безжизненно свисал из паутины ремней у контрольного щита. Кровь текла по его щекам и капала с подбородка. Может ли течь кровь у мертвеца? Картр так не думал. Он сделал медленный пробный вдох и почувствовал облегчение от того, что вдох не сопровождался болью. Ребра целы, несмотря на удар, который отбросил его к стене. Он невесело улыбнулся, осторожно вытягивая руки и ноги. Иногда выгодно быть нецивилизованным варваром с пограничной планеты. Свет замигал и погас. Картр чуть не сорвался, вопреки своему тщательно соблюдаемому спокойствию ветерана. Он ухватился за замок и потянул. Резкая боль в руке привела его в себя. Он не заперт, дверь сдвинулась примерно на дюйм. Он может выйти. Нужно выйти и отыскать врача, чтобы помочь Мириону. Пилота нельзя двигать, пока не будет ясно, насколько серьезны его ранения. И тут Картр вспомнил. Врача нет. Уже три… или четыре?.. планеты. Рейнджер покачал головой, раскалывающейся от боли в руке. Он не должен потерять память. Три посадки назад, вот когда это

было! Они отбили нападение зеленых после того, как вышел из строя носовой бластер. Тогда врач Торк получил отравленную стрелу в горло. Картр снова покачал головой и принялся терпеливо работать одной рукой. Прошло немало времени, прежде чем он смог открыть дверь настолько, чтобы суметь протиснуться. Неожиданно через щель в него ударил голубой луч.

— Картр! Латимир! Мирион! — послышался голос из-за света.

Только у одного члена экипажа был голубой фонарь.

— Рольтх! — узнал Картр. Его подбодрило то, что звал его не кто-нибудь, а член их исследовательского отряда. — Латимир мертв, но Мирион, мне кажется, жив. Ты можешь войти? У меня вроде бы сломано запястье…

Он отодвинулся, давая Рольтху возможность войти. Тонкое голубое световое копье скользнуло по телу Латимира и сконцентрировалось на пилоте. Потом трубка фонаря оказалась в здоровой руке Картра, а Рольтх пробрался к Мириону, который находился в бессознательном состоянии.

— Каково положение?

Пилот застонал, и Рольтху пришлось повысить голос, чтобы заглушить его стоны.

— Не знаю. Помещение рейнджеров не так чтобы очень пострадало, но дверь в отсек двигателей заклинило. Я постучал по ней, но никто не ответил…

Картр пытался вспомнить, кто был на вахте у двигателей. У них оставалось так мало людей, что каждый выполнял еще чью-нибудь работу. Даже рейнджеров допустили к прежде ревниво оберегаемым обязанностям патруля. Так было после нападения зеленых.

— Каатах… — скорее свист, чем слова из коридора.

— Все в порядке, — почти автоматически ответил Картр. — Можно ли получить настоящий свет, Зинга? Рольтх здесь, но ты же знаешь, что у него за фонарь.

— Филх пытается отыскать большой, — ответил вновь прибывший. — Что у вас?

— Латимир мертв. Мирион дышит, но трудно судить, насколько серьезно он ранен. Рольтх говорит, что из команды при двигателях никто не отвечает. Ты как?

— Хорошо. Филх, я и Смит из экипажа немного побиты, но ничего серьезного.

Яркий желто-красный луч осветил говорящего.

Филх принес боевой прожектор…

Зинга стал помогать Рольтху. Они высвободили Мириона и положили его на пол, прежде чем Картр задал вопрос:

— А как капитан?

Зинга медленно повернул голову, как бы не собираясь отвечать. Его возбуждение выдало, как обычно, дрожание широкого разрастания кожи на шее. Это, своего рода, жабо поднималось, когда он был обеспокоен или возбужден.

— Смит пошел его искать. Мы не знаем…

— Лишь одна удача во всей этой катастрофе. — Голос Рольтха, как всегда, был отчетлив и лишен эмоций. — Это планета типа Арт. Поскольку мы не можем улететь быстро, можно подумать, что дух космоса улыбнулся нам.

Планета типа Арт… На ней экипаж данного корабля может дышать без шлемов, не испытывая неприятностей от чужого тяготения, вероятно, есть и пить местные продукты без страха внезапной смерти. Картр осторожно положил раненую руку на колено. Чистая удача. «Звездное пламя» могло оказаться где угодно. Корабль удерживали от развала куски проволоки и надежда. Но наткнуться на планету типа Арт — такой удачи они не могли ожидать после черных разочарований последних лет.

— Планета совсем не обгорела, — заметил он с отсутствующим видом.

— С чего же ей обгореть? — спросил Филх насмешливым голосом, в котором звучала и горечь. — Эта система лежит далеко за пределами наших карт… Вдали от благ цивилизации.

Да, блага цивилизации Центрального Контроля. Картр зажмурился. Его родная планета Илен была сожжена пять лет тому назад — во время восстания двух секторов. Но ему по-прежнему иногда снилось, как он садится в почтовую карету, а потом идет в своей форме, гордясь знаками пяти секторов и далекой звезды, идет по лесистой местности в маленькую деревушку у северного моря. Сгорела… Он никогда не мог представить себе обожженную скалу на том месте, где стояла эта деревушка. Мертвый пепел, покрывавший нынешнюю Илен, — ужасный монумент межпланетной войне. Зинга обработал его запястье и повесил руку на перевязь. Картр даже смог помочь, когда они протаскивали Мириона в дверь. К тому времени, когда Мириона уложили в кают-компании, там появился патрульный Смит, поддерживающий человека, настолько закутанного в бинты, что его невозможно было узнать.

— Командор Вибор?.. — Картр вскочил, рас-

правил плечи, автоматически свел пятки так, что блисовая кожа его сапог слегка скрипнула. Перевязанная голова качнулась.

— Рейнджер Картр?

— Да, сэр.

— Кто еще?..

Вначале голос, как обычно, звучал резко, но потом оборвался в обескураживающей тишине.

— Из патруля — Латимер мертв, сэр. Мирион здесь, он ранен. Смит не пострадал Рейнджеры — Филх, Зинган и я в порядке. Рольтх докладывает, что дверь в двигательный отсек заклинена и оттуда никто не отвечает Мы начинаем осмотр, сэр.

— Да… Да… Действуйте, рейнджер..

Смит подскочил вовремя, чтобы поймать падающего командора и аккуратно уложить его на пол. Командор Вибор был не в состоянии продолжать командовать. Картр ощутил пристук паники, подобный тому, который охватил его, когда погас свет. Командор Вибор… Он считал этого человека скалой прочности и безопасности в этом хаотическом мире. Картр вдохнул воздух старого корабля и постарался принять ситуацию такой, какая она есть.

— Смит!

Он повернулся к связисту-патрульному, который по правилам службы превосходил в звании простого сержанта рейнджеров.

— Можете присмотреть за командором и Мирионом?

Смит получил некоторую медицинскую подготовку и, один или два раза, действовал в качестве помощника Торка.

— Ладно. — Он склонился к стонущему пилоту перестав обращать на них внимание. — Отправляйтесь и осмотрите повреждения, летун…

Летун? Что ж, знатные и сильные патрульные должны радоваться, что в сей трудный час с ними летун. Рейнджеры обучались пользоваться продуктами чужих миров. После катастрофы они больше, чем любой патрульный были как дома в чужом мире.

Крепко прижимая раненую руку к груди, Картр прошел по коридору в сопровождении Рольтха, которому пришлось надеть очки. Луч света из обычного фонаря, зажатого в здоровой руке сержанта, казался Рольтху ослепительным. Зинга и Филх шли сзади. Как заметил Картр, они успели вооружиться переносным огнеметом, чтобы вскрыть дверь.

Но даже с помощью огнемета понадобилось

не менее десяти минут, чтобы вырезать замок. И хотя эта работа сопровождалась грохотом, изнутри не было слышно ни звука. Картр, внутренне напрягшись, сам первым протиснулся в отсек. Достаточно было одного взгляда, чтобы попятиться, чувствуя тошноту и головокружение. Остальные, увидев его лицо, ни о чем не спрашивали.

Когда он, борясь с тошнотой, прислонился к изуродованной двери, все услышали громыхание, доносившееся из хвостового отсека.

— Кто?

Ответил Филх:

— Вооружение и припасы… Там должны быть Джексен, Котт, Спин и Дальгр.

Он пересчитал названных на своих когтистых пальцах.

— Да?

Картр уже вел спасательный отряд по направлению к звуку.

Снова пришлось применить огнемет. Снова пришлось ждать, пока металл остынет. И вот появились трое людей в синяках, в изодранной одежде.

Джексен — да Картр готов был заложить годовое жалование за то, что этот крепкий жилистый патрульный, офицер по вооружению, выживет. А

также Спин и Дальгр.

Джексен заговорил, не успев встать на ноги:

— Наше положение?

— Смит цел, командир ранен в голову. У Мириона тяжелые ранения. Остальные… — Картр сложил руки жестом из своего детства, одним из тех жестов, которые он часто подавлял за годы службы.

— Корабль?

— Я рейнджер, а не техник. Может быть, на этот вопрос лучше ответит Смит. — Джексен почесал щетину на подбородке. У него был порван правый рукав, на руке — глубокая царапина. Он смотрел на рейнджеров, вероятно, подсчитывая потери. Если «Звездное пламя» сможет снова функционировать, то только благодаря решительности и энергии Джексена.

— Планета?

— Типа Арт. Когда взорвались дюзы, Мирион пытался сесть на открытую площадку. Перед посадкой не было обнаружено никаких следов цивилизации.

Эта информация относилась к специальности Картра, и он отвечал уверенно.

Если вездеходы рейнджеров не слишком повреждены, они смогут вывести один из них и

начать разведку. Конечно, возникала проблема топлива. В баках вездехода его может хватить на одну поездку, причем весьма вероятно, что разведывательному отряду придется возвращаться пешком. Конечно, если «Звездное пламя» повреждено окончательно и они смогут использовать основные запасы горючего… Но этим можно заняться позже. Пока нужно взглянуть на ближайшее окружение.

— Мы отправляемся на разведку. — Голос Картра звучал резко и уверенно, но он не спрашивал разрешения Джексена. — Смит с командором и Мирионом в кают-компании…

Патрульный офицер кивнул: конечно, возврат к обычной процедуре был правильным решением. Возвращаясь в помещение рейнджеров, Картр заметил, что все приободрились. Филх уже собрал их рюкзаки, разобрав груду обломков, образовавшихся после посадки. Картр покачал головой.

— Полного снаряжения не потребуется. Мы отойдем не более чем на четверть мили. Рольтх, — бросил он через плечо стоящему в дверях фальтхарианину в очках, — ты останешься здесь. Солнце типа Арт не по твоим глазам. Твоя очередь наступит ночью.

Рольтх кивнул и направился в кают-компанию. Картр попытался одной рукой надеть исследовательский пояс, но Зинга отобрал его.

— Я все сделаю. Стой спокойно.

Чешуйчатые пальцы застегнули пряжки ремня из блисовой кожи с необходимым набором разнообразных инструментов. Картр пошевелился, размещая привычный набор. Незачем брать разрушитель, стрелять одной рукой он все равно не сможет. Бластер будет его единственным оружием.

К счастью, ракета лежала так, что люк не был придавлен. Никто из них сейчас не справился бы с выжиганием подземного хода. Но люк пришлось открывать общими усилиями. Картру помогли выбраться. Они соскользнули по тусклому обнаженному металлу на все еще дымящуюся землю и побежали к краю выгоревшего круга. Здесь они остановились и оглянулись на корабль.

— Плохо, — выразил общую мысль Филх. — «Пламя» больше никогда не поднимется.

Картр не был механиком, но он тоже видел это. Даже если бы корабль удалось доставить в ремонтный люк, он больше никогда не сможет летать. А один космос знает, сколько звезд до ближайшего дока!

— К чему об этом думать? — спокойно сказал Зинга, — С первого старта в этом последнем полете мы знали, что возвращения уже не будет…

Да, в глубине души они все знали это, но до сих пор никто открыто не признавался в этом другому. А теперь…

Может, люди не примут этого, но бемми могут понять. Одиночество давно стало частью их жизни, часто они были единственными представителями своей расы на борту корабля. Если даже Картр был чужим для экипажа патрульного корабля, потому что он был не только варваром с пограничного мира, но и профессионалом-рейнджером, то что должны были чувствовать Филх и Зинга? Они даже не могли назвать себя людьми.

Картр отвернулся от разбитого корабля и стал изучать песчаную местность с отдельными скальными выступами. Время близилось к полудню, и солнце тяжело било своими лучами. Зинга расцветал в волне жара. Его жабо широко развернулось, образовав веер за безволосой головой, тонкий язык мелькал между узкими желтыми губами. Но вот Филх отошел в тень ближайшей скалы.

Пустыня. Ноздри Картра расширились, он вбирал и классифицировал запахи. Жизни нет, но…

Он резко повернул голову налево. Жизнь! Однако Зинга опередил его: большие четырехпалые ступни легко несли его по песку, перепонка между пальцами не давала ящероподобному рейнджеру провалиться в нем. Высокий закатанин сидел на корточках перед камнем, на котором свернулось чешуйчатое тело. Узкая головка раскачивалась, мелькал и исчезал язык.

Картр остановился и прощупал мозг существа. Да, это туземная жизнь. Чужая, конечно. С млекопитающими он мог бы установить контакт. Но это рептилия. У Зинги нет таких способностей к умственному контакту, как у сержанта, но ведь это существо родственно ему. Может, он подружится с ним? Картр пытался уловить, ухватить, истолковать страшные впечатления, находившиеся на грани восприятия. Существо уверено в себе, такая уверенность свидетельствует об обладании мощным природным оружием. Существо было встревожено их появлением, но сейчас заинтересовалось Зингой.

— У него ядовитые клыки, — ответил на этот вопрос Зинга. — И ему не нравится твой запах. Оно может стать врагом людей. Но я — другое дело. Оно не может рассказать, оно не мыслит…

Закатанин коснулся пальцем с роговым по-

кровом головы существа, существо спокойно позволило ему эту вольность. А когда Зинга встал, оно тоже подняло свою голову, развивая кольца тела.

— Нам от него мало пользы, а для тебя оно смертелен. Я отошлю его.

Зинга посмотрел на свернувшуюся змею. Голова змеи начала раскачиваться. Потом животное зашипело и исчезло, скользнув между скалами.

— Сюда, свинцовые ноги! — донесся сверху голос Филха.

Голова тристианина, с хохолком перьев и с громадными круглыми глазами без век, появилась на вершине высокой скалы. Для человека-птицы с его легкими костями такой подъем не труден, ну а он определенно побаивался подъема, тем более с раненой рукой.

— Что ты видишь? — спросил он.

— Там растительность… — Золотая рука над их головами указывала на восток.

Зинга уже взбирался по обожженной солнцем скале.

— Далеко?

Филх прищурился.

— Около двух фалов…

— Пожалуйста, космические меры, — терпели-

ва допросил Картр.

Голова у него болела, и он просто не мог перевести меры родной планеты Филха в человеческие меры. Ответил Зинга:

— Около мили. Растительность зеленая.

— Зеленая?

Что ж, в этом нет ничего удивительного. Желто-зеленая, сине-зеленая, тускло-пурпурная, красная, желтая и даже болезненно белая — он видел множество разновидностей растительности, с тех пор как надел Знак Кометы.

— Но это совсем другая зелень…

Закатанин говорил медленно, как будто Зинга был изумлен открывшимся зрелищем.

Картр понял, что он тоже должен увидеть. Как рейнджер-исследователь он побывал на множестве планет в мириадах систем. Сегодня ему трудно было припомнить, сколько именно миров он повидал. Конечно, многие из них запомнились ему из-за пережитых ужасов или из-за их странных обитателей. Но остальные смешались в его памяти в лабиринт цвета и странной жизни, так что пришлось бы обратиться к старым отчетам или корабельному журналу, чтобы вспомнить подробности. Давно исчез тот пыл, с каким он впервые пробирался через чужую

растительность или пытался поймать волны мозговой деятельности туземной, жизни. Но сейчас, цепляясь здоровой рукой и погружая ноги в расщелины скалы, Картр почувствовал, слабый след прежних эмоций.

Пальцы-когти и чешуйчатые пальцы подхватили его за крюк на плече и за пояс, подняли на узкую вершину. Покачнувшись от жары на горячем камне, Картр закрыл глаза руками.

Легко было увидеть то, что обнаружил Филх. И Картр почувствовал возбуждение. Лента растительности была зеленой. Но какая зелень? Ни желтого оттенка, ни голубоватого, каким отличалась растительность его родной планеты. Она уходила вдаль узкой лентой, как будто следовала за водой, Такой яркой зелени он никогда раньше не видел. Картр достал бинокль. Трудно было настраивать его одной рукой, но наконец Картру удалось сфокусировать на отдаленной зелени ленты.

Деревья и кусты возникли за опаленной скалой. Казалось, можно коснуться листьев, трепетавших на слабом ветерке. И за листвой Картр уловил серебряный блеск. Он — был прав: это проточная вода!

Он медленно поворачивался с биноклем у

глаз, следя за лентой растительности, а Зинга держал его за ноги. Через несколько миль лента расширялась. Должно быть, они находились на самом краю пустыни. И река может их вывести на север, к жизни. Рядом шевельнулся Филх, и Картр, уловив его мысль, направил линзы в небо. Мелькнули широкие крылья Картр увидел мощный клюв охотника и сильные когти, когда могучая птица гордо проплывала над ними.

— Мне нравится этот мир, — свистящая речь Зинги нарушила молчание. — Я думаю, нам здесь будет хорошо. Здесь есть мои родичи, хотя и отдаленные, а в небе твои близкие, Филх. Ты не жалеешь иногда, что твои предки потеряли крылья на пороге Мудрости?

Филх пожал плечами.

— А как насчет хвоста и когтей, оставленных твоим народом, Зинга? А раса Картра ходила в шерсти, а может, и с хвостом тоже. Нельзя иметь все сразу…

Но он продолжал следить за птицей, пока она не скрылась из виду.

— Попробуем вывести один из вездеходов. Горючего должно хватить до самой ленты растительности на севере. Там, где трава, должна быть и птица…

Картр услышал негромкое фырканье Зинги.

— Неужели человек, любящий бемми животных, превратится в охотника?

Может ли он убить, убить для еды? Но в корабле почти нет припасов. Рано иди поздно, придется жить плодами планеты. А мясо… мясо необходимо для жизни. Сержант заставлял себя думать об этом, как о решенном. И все же он не был уверен, что сумеет поднять бластер и выстрелить для того, чтобы иметь мясо!

Незачем думать об этом раньше времени. Картр убрал бинокль.

— Назад с докладом? — Филх уже начал спускаться с вершины скалы.

— Назад с докладом, — согласился Картр.

— ..Ручей с растительностью, признаки более плодородной местности к северу. Прошу разрешения вывести вездеход и произвести в этом направлении разведку.

Было трудно обращаться к сплошной белене бинтов. Картр, вытянувшись, ожидал ответа командора.

— А корабль?

Если бы этикет позволял, сержант Картр пожал бы плечами. Вместо этого он быстро и осторожно ответил:

— Я не техник, сэр. Похоже, корабль полностью выведен из строя.

Вот и сказано достаточно прямо. Снова Картр пожалел, что не видит лица под слоями пластокожи. Тишина в кают-компании нарушалась только свистящим дыханием Мириона. Пилот все еще не приходил в сознание. Рука Картра нестерпимо болела, и после чистого воздуха снаружи корабельный казался невыносимым.

— Разрешаю. Возвращение в течение десяти часов..

Ответ звучал механически, как будто Вибор был говорящей машиной, воспроизводящей давно записанные звуки. Таков был обычный приказ, который следовало дать при посадке на планету, и он отдал его, как уже делал бесчисленное множество раз.

Картр отсалютовал и, огибая Мириона, направился к выходу. Он надеялся, что вездеход уже готов к полету. Если же он вышел из строя, придется идти пешком.

Снаружи ждал Зинга с рюкзаком за плечами. В руках он держал мешок Картра.

— Мы вывели вездеход. Заправили горючим из корабельных запасов…

Вообще-то они не имели права так поступать.

Но теперь было бы глупо не воспользоваться запасами: все равно «Звездное пламя» больше никогда не взлетит. Картр выбрался из люка и направился к месту стоянки вездехода. Филх уже сидел за управлением, неторопливо проверяя приборы.

— Он полетит?

Голова Филха с прижатым хохолком, похожим на странную гриву, повернулась, и его большие красноватые глаза встретились с глазами сержанта. В его ответе ясно звучала циничная насмешливость, с которой тристиане относятся к жизни.

— Надеюсь. Конечно, есть какая-то вероятность, что через несколько секунд после взлета мы превратимся в облачко пыли. Пристегнитесь, дорогие друзья, пристегнитесь!

Картр сел рядом с Зингой, поджав длинные ноги, и закатанин закрепил ремни. Когти Филха коснулись кнопок. Медленно и осторожно вездеход начал отходить от «Звездного пламени». Когда они достаточно удалились от корабля, Филх рывком поднял вездеход со своим обычным пренебрежением к необходимости приспосабливаться к изменению скорости. Картр с трудом глотнул.

— К реке и вдоль нее на высоте двадцать футов.

Филх не нуждался в таком приказе. Подобные операции они не раз проводили и ранее. Картр сдвинулся на один-два дюйма вправо к иллюминатору. Зинга сделал то же самое в противоположную сторону.

Прошло несколько секунд, и они, уже оказавшись над водой, всматривались в спутанную массу яркой зелени на берегах. Картр автоматически классифицировал и инвентаризировал. На этот раз не было необходимости делать подробные записи. Филх включил сканнер, так что позже можно будет рассмотреть снимки. Движение вездехода вызывало ветер, который охлаждал их разгоряченные тела. Ноздри Картра улавливали запахи: старые и новые Жизнь внизу не достигла разума: рептилии, птицы, насекомые. Не очень много. Но все же удача дважды сопутствовала им: во-первых, они приземлились близко от края пустыни, во-вторых, планета оказалась типа Арт.

Зинга задумчиво почесал чешуйчатую щеку. Он любил жару, и его жабо растянулось максимально. Картр знал, что закатанин предпочел бы пересечь раскаленный песок пешком. Зинга из-

лучал веселую заинтересованность. Как будто, с некоторым негодованием подумал сержант, офицер из Контроля или с базы сектора на тщательно организованной и совершенно безопасной экскурсии. Но Зинга всегда наслаждался жизнью — его долгоживущая раса имеет для этого достаточно времени.

Вездеход летел плавно, негромко жужжа. Не зря был проведен последний профилактический ремонт. Правда, его делали без наличия запасных частей и опираясь на информационные ленты десятилетней давности. Поставили последние имеющиеся кондиционеры. Теперь запчастей практически не осталось.

— Зинга, — неожиданно обратился Картр к товарищу, — ты когда-нибудь бывал в настоящем ремонтно-восстановительном порту Контроля?

— Нет, — жизнерадостно ответил Зинга. — Иногда мне кажется, что это выдумка, сказка для развлечения новобранцев. С тех пор как я поступил на службу, мы всегда сами делали ремонт, пользуясь тем, что ухитрялись раздобыть или украсть. Однажды был настоящий капитальный ремонт, он занял целых три месяца. Нам повезло, мы нашли два разбитых корабля и разобрали их на запчасти. Какое это было богатство! Это было

на Карбоне, четыре… нет, пять космических лет назад. Тогда в экипаже еще был главный инженер, и он руководил работами. Эй, Филх, как его звали?

— Ратан. Робот с Денеба-II. Мы потеряли его на следующий год в кислотном озере мира Голубой Звезды. Прекрасно знал машины. Он ведь и сам был машиной.

— Что случилось с Центральным Контролем и с нами? — медленно спросил Картр. — Почему у нас нет должного оборудования, припасов, новых людей?

— Крушение, — резко ответил Филх. — Может быть, Центральный Контроль слишком велик, контролирует слишком много миров, власть его простирается слишком далеко. Или, может быть, он просто состарился. Вспомните секторные войны, борьбу за власть между вождями секторов. Разве Центральный Контроль не положил бы этому конец, если бы мол?

— Но патруль…

Филх рассмеялся.

— О да, патруль! Мы — выжившие упрямцы и ненормальные. Мы считаем, что мы — звездный патруль, космонавты и рейнджеры — по-прежнему поддерживаем мир и галактическую

законность. Мы же летаем тут и там на кораблях, которые разваливаются на куски, потому что нет специалистов, которые могли бы их отремонтировать. Мы сражаемся с пиратами, отыскиваем забытые пространства… Ради чего? Мы повинуемся приказам, подписанным двумя буквами — ЦК, мы быстро превращаемся в анахронизм, мы живые, но в то же время мертвые древности. И один за другим исчезаем в пространстве. Нас давно следует поместить в музей как объект, не имеющий практической ценности…

— Что случилось с Центральным Контролем? — вновь спросил Картр и тут же стиснул зубы: от резкого поворота вездехода он ударился рукой о крепкие ребра Зинги и почувствовал жгучую боль.

— Галактическая империя, — объявил закатанин с улыбкой, говорящей о том, что его не слишком интересует эта тема, — галактическая империя распадается. За пять лет мы утратили связь с большинством секторов. ЦК теперь — только название, за которым нет никакой власти. В следующем поколении его могут даже забыть. За ним долгий путь — около трех тысяч лет, — и места соединений начали протекать. Сейчас секторные войны и, как результат, хаос. Мы быстро

отступаем назад и, может быть, отступим очень далеко, в варварство, может быть, забудем о космических полетах. Потом все начнется сначала…

— Может быть, — прозвучала пессимистическая реплика Филха. — Но ни я, ни ты, дорогой друг, не будем свидетелями нового восхода цивилизации.

Зинга кивнул в знак согласия.

— Но это не имеет значения. Мы нашли для себя мир и должны как можно лучше освоить его. Далеко ли мы на картах? — спросил он сержанта.

Они включили карты на экране: карты такие старые, что даты на них казались нелепыми, карты солнц и систем, которые не посещались никем два, три, пять поколений, с которыми Контроль не имел контакта уже пятьсот лет. Картр раньше неделями изучал эти карты. И ни на одной не нашел эту систему. Они оказались слишком далеко. Слишком близко к краю галактики. Катушка с записями и картами этого мира, если она вообще когда-то существовала, давно проржавела в бездействии, забытая много поколений назад в архивах Контроля.

— Нас вообще нет на картах, — Он чувствовал какое-то горькое удовлетворение, отвечая так.

— Чистый лист, с которого можно начать, —

прокомментировал Зинга. — Филх, эта река… Она как будто расширяется?

Действительно, русло реки становилось шире. Уже некоторое время они летели над зеленью — вначале над кустами и полосками низкорослой растительности, потом появились группы деревьев. Это животная жизнь. Картр напряг мозг А вездеход начал подниматься, следуя общему подъему местности.

Теперь ветер доносил сильные приятные запахи — запахи земли, растительности и аромат воды. Они парили над водной поверхностью. Внизу течение стало быстрее — река пробивалась между скал. Затем река завернула у мыса, густо заросшего деревьями. И перед ними открылся водопад, до которого было около полумили. Вуаль брызг вздымалась на скалистом береговом плато.

Филх провел когтями по кнопкам приборов. Вездеход полетел медленнее и начал снижаться, держа курс на песчаную полосу, отходившую от скального берега. Они легко опустились. Великолепная посадка! Зинга наклонился и хлопнул Филха по плечу.

— Поздравляю, рейнджер! Прекрасная посадка, просто прекрасная… — голос у него захрипел, он

тщетно пытался имитировать возбужденную туристку.

Картр неуклюже выбрался из кабины и теперь стоял на песке, широко расставив ноги. Перед ним в поросших зеленью камнях журчала вода. Картр почувствовал под ее поверхностью маленьких живых существ, занятых своими делами. Он опустился на колени и погрузил руки в прохладную воду. Вода увлажнила края рукавов, смочила запястья. Она была чистой, прохладной, и он не мог справиться с искушением.

— Искупаемся? — спросил Зинга. — Я уже иду.

Картр расстегнул многочисленные пряжки одежду и осторожно вынул руку из перевязи. Филх, скрестив ноги, сидел на песке. На его тонком лице явно было написано неодобрение. Ни за что на свете Филх добровольно не коснулся бы воды.

Сержант не мог сдержать восклицания удовольствия, когда вода коснулась его тела. Она поднималась до лодыжек, до колен, потом до пояса, а он брел, осторожно нащупывая дно. Зинга храбро бросился в воду и, добравшись до глубокого места, поплыл поперек течения. Картр сожалел, что у него болит рука и он не может присоединиться к закатанину. Он мог лишь оку-

нуться и смыть с себя корабельную грязь, следы слишком долгого пути.

— Если вы кончили это новоизобретенное безумство, — послышался голос Филха, — я могу вам напомнить, что нам еще надо заняться работой.

Картр был почти готов отказаться. Ему никуда не хотелось идти. Но, увы, дисциплина привели его обратно на песчаный берег, где он с помощью тристианина вновь облачился в ненавистный костюм. Зинга плыл против течения, и Картр время от времени видел желто-серое тело закатанина в тумане и водяных брызгах. Он послал мысленный призыв.

Но тут его отвлекла птица, пролетевшая над их головами вспышкой яркого света. Филх стоял с протянутой рукой, из горла его вылетал чистый свист. Птица изменила направление полета и повернула к ним. Потом села на коготь большого пальца тристианина и ответила на его свист чистыми, певучими звуками. Ее голубые перья отливали металлическим блеском. Некоторое время она отвечала тристианину, потом снова поднялась в воздух и полетела над водой. Гребешок Фулха вздымался гордо и высоко. Картр перевел дыхание.

— Какая красавица! — отдал он должное птице.

Филх кивнул, но в его ответе прозвучала нотка печали.

— В действительности, она не поняла меня.

Из воды вышел Зинга, шипя, как после битвы. Он поднес предмет, который держал в руке, ко рту, пожевал с выражением восторга и проглотил.

— Водные существа великолепны! — заявил он. — Ничего лучше я не пробовал с Вассара, когда ел там жаркое на обед у катверов. И жаль, что они такие маленькие.

— Надеюсь, твои иммунологические прививки еще действуют, — едко заметил Картр, — Если ты…

— Позеленею и умру, то это будет только моя вина, — закончил за него закатанин. — Я согласен с тобой. Но из-за свежей пищи стоит умереть. По-моему, формула IA60 — не лучшая возможная еда. Ну, куда мы теперь направимся?

Картр изучал плато, с которого падала река. Густая зелень выглядела многообещающей. И они не могут слишком углубляться в незнакомую местность с небольшим запасом горючего. Может, вершина холма позволит лучше осмотреть

окрестности? Он предложил лететь туда.

— Вверх так вверх, — Филх вернулся на сиденье, — но не более полумили, если не хотите возвращаться домой пешком.

На этот раз вездеход поднимался медленно. Картр знал, что Филх экономит горючее, выжимая последние капли энергии из вездехода, но сержанту совсем не хотелось тащиться к «Звездному пламени» пешком.

Оказалось, что на вершине утеса нет посадочной площадки. Деревья жались к самому берегу, создавая сплошной зеленый ковер. Но в четверти мили от водопада они нашли остров, в сущности, маленькую столовую гору с ровной площадкой. Филх посадил вездеход так, что с обеих сторон от края их отделяло не более четырех футов. Камень на солнце накалился. Картр вышел из вездехода и достал бинокль.

По обоим берегам реки деревья и кусту стояли почти сплошной стеной. Но к северу виднелись холмы, а река пересекала равнину. Картр укладывал бинокль, когда почувствовал чужую жизнь.

Внизу к берегу реки вышло из леса коричневое мохнатое животное. Оно село у реки на задние лапы и погрузило передние конечности в поток. В воздухе мелькнуло серебро, и какой-то житель

воды забился в челюстях животного.

— Великолепно! — отдал должное мастерству охотника Зинга. — Я бы не смог этого сделать лучше. Ни одного лишнего движения!

Картр осторожно коснулся мозга за обросшим шерстью черепом. Как будто есть разум особого типа. Картр решил, что сможет с ним контактировать, если захочет. Но это животное не знает людей или похожих на них существ. Неужели на этой планете нет господствующей формы жизни?

Он произнес это вслух, и Филх ответил ему:

— Неужели при посадке у тебя от удара свихнулись мозги? Дикие участки можно найти на многих планетах. И если существо внизу не знает более сильных созданий, чем оно само, это еще ничего не доказывает…

Зинга смотрел на равнину и холмы.

— Зеленые холмы, — пробормотал он, — зеленые холмы и река, полная великолепной добычи. Дух космоса еще раз улыбнулся нам. Ты хочешь задать вопросы нашему другу-рыболову?

— Нет. И он не один. Кто-то пасется за той группой остроконечных деревьев. Есть еще и другие. Они боятся друг друга, живут по закону когтя и клыка.

— Примитивная жизнь, — заключил Филх — и великодушно добавил: — Нет, может, ты и прав, Картр. Возможно, на этой планете не господствуют ни люди, ни бемми.

— Не верю! — Зинга поднял до предела внешние и внутренние веки. — Хочу сразиться с разумным чудовищем!..

Картр улыбнулся. Почему-то ему всегда казалось, что мозг Зинги, унаследовавший особенности его предков-рептилий, ближе к человеческому по характеру мыслительных процессов, чем холодная отчужденность Филха. Зинга погружался в жизнь с интересом и энергией, а тристианин, несмотря на физическую увлеченность, все же оставался сторонним наблюдателем.

— Может, мы сумеем, найти в тех холмах поселок твоих разумных чудовищ, — предложил Картр. — Как, Филх, попробуем добраться туда?

— Нет, — Филх указал на счетчик. — У нас ровно столько горючего, чтобы только добраться до корабля.

— Если все мы задержим дыхание и будем толкать… — пробормотал закатанин. — Ну ладно. А если горючего не хватит, мы пойдем пешком. Нет ничего лучше, чем чувствовать горячий песок между пальцами ног…

Он томно вздохнул.

Вездеход поднялся, испугав мохнатого рыболова. Животное сидело, подняв передние лапы, с которых капала вода, и смотрело им вслед. Картр уловил его изумление, которое явно преобладало над страхом. У животного было мало врагов и совсем не было летающих по воздуху. Когда вездеход развернулся, Картр послал мысль с призывом доброй воли, обращенным к примитивному мозгу. Он оглянулся. Животное встало на задние конечности и стояло, как человек, опустив передние лапы и провожая их взглядом.

Они так низко летели над водопадом, что брызги обдавали их. Картр прикусил губу. Характер Филха, или машине действительно не хватает мощности? У него не было желания задавать этот вопрос открыто.

— Возвращаться по реке — значит сильно удлинить путь, — заметил Зинга. — Если мы полетим прямо над пустыней, то наткнемся на корабль…

Картр кивнул.

— Как, Филх, будем держаться воды или нет?

Тристианин сгорбил плечи: это у него служило эквивалентом пожатия плечами.

— Пожалуй, так будет быстрее.

И он повернул нос вездехода вправо. Они рас-

стались с ниткой реки. Под ними лежал ковер деревьев, затем показалась поляна, поросшая кустарником. На ней паслись пять рыжевато-коричневых животных. Одно из них подняло голову, и солнце сверкнуло на длинных мощных рогах.

— Интересно, бывают ли у них ссоры с нашим другом с реки? — пробормотал Зинга. — У него были такие когти… А эти рога — вовсе не украшение. А может, у них какой-то договор о ненападении…

— Или они большую часть времени проводят в смертельных схватках, — заметил Филх.

— Знаешь, ты очень полезный бемми, мой друг, — Зинга смотрел на затылок головы с гребешком. — С тобой не нужно ожидать худшего, ты уже все сформулировал. Что бы мы делали без твоих предсказаний будущего?

Деревья и кусты внизу становились реже. Все чаще и чаще появлялись скалы, участки обожженной голой земли и странно изогнутые растения, характерные для пустыни.

— Подожди! — Картр схватил Филха за плечо. — Направо. Вон там, — Вездеход послушно нырнул и опустился на полоску ровной земли. Картр выбрался из кабины и, раздвигая кустар-

ник, вышел на край того, что увидел с воздуха. Остальные присоединились к нему.

Зинга опустился на колено и коснулся белой поверхности.

— Искусственное, — заключил он.

Эту поверхность закрывал песок. Лишь по какой-то прихоти ветра часть ее обнажилась. Покрытие, искусственное покрытие.

Зинга пошел направо, Филх — налево. Пройдя примерно сорок футов, они присели и ножами принялись копать почву. Через несколько секунд у обоих обнажилась твердая поверхность.

— Дорога! — заключил Картр, — Транспортировка по поверхности. Давно ли это было, как вы думаете?

Филх пропустил сквозь пальцы-когти песок.

— Тут сухо и жарко, а бури, я думаю, бывают нечасто. К тому же растительность… может быть, и десять лет, и сто, и…

— …и десять тысяч! — закончил за него Картр.

Но его внутреннее возбуждение все росло. Здесь была высшая форма жизни! Люди… или какие-то другие разумные существа построили эту дорогу для передвижения. А дороги обычно ведут к…

Сержант повернулся к Филху.

— Как ты думаешь, на корабле хватит топлива,

чтоб мы смогли вернуться сюда с установленным следоискателем?

Филх задумался.

— Возможно… Если топливо не понадобится для чего-нибудь другого.

Возбуждение Картра спало. Конечно, горючее понадобится для другой работы. Если они оставят корабль, нужно будет перевезти командора и Мириона, припасы, все необходимое для лагеря в более пригодное для работы место. Он с сожалением пнул ногой покрытие. Раньше его долгом было бы проследить за этой нитью, выйти к ее началу. Теперь его долг забыть о ней. Картр тяжело двинулся к вездеходу. Все молчали, когда машина поднялась в воздух.

Огибая разбитый корпус «Звездного пламени», они увидели возле носа человека, который махал им рукой. Когда они приземлились, Джексен уже ждал их.

— Ну? — хрипло спросил он, не дожидаясь, пока опадет песок, поднятый при посадке.

— К северу — плодородная открытая местность с изобилием воды, — доложил Картр. — И дикая животная жизнь.

— Съедобные водные существа! — прервал Зинга, облизывая губы при этом воспоминании.

— Признаки цивилизации?

— Погребенная в песке старая дорога. И больше ничего. Животные не знают высшей формы жизни. Мы включили запись, и я могу прокрутить ее для командора…

— Если он захочет…

— Что вы имеете в виду?

Тон Джексена насторожил Картера, и он замер с зажатой в руке катушкой с записью.

Ответ Джексена звучал холодно и резко:

— Командор Вибор считает, что наш долг — оставаться на корабле…

— Но почему? — недоуменно спросил сержант.

Ничто больше не поднимет «Звездное пламя». Глупо отказываться понять это и строить планы на другой основе. Картр сделал то, на что редко осмеливался раньше: постарался прочесть поверхностные мысли офицера. Беспокойство и что-то еще — удивительное и удивленное негодование, когда Джексен думал о нем, Картре, или о других рейнджерах. А почему? Неужели потому, что сержант — не дитя службы, что он воспитан не в одной из семей патруля в плотных тисках традиций и обязанностей, как другие гуманоидные члены экипажа? Неужели потому, что он в дружеских отношениях с бемми? Он воспринял

это негодование как факт и отложил его в ячейке памяти, чтобы извлечь в будущем, когда нужно будет сотрудничать с Джексеном.

— Почему? — повторил вопрос Джексен. — Командор несет ответственность, и даже рейнджер должен понимать это. Ответственность.

— Которая заставляет его умереть с голоду в разбитом корабле? — вмешался Зинга.

— Бросьте, Джексен. Командор Вибор представляет разумную форму Жизни…

Пальцы Картра сложились в старый предупредительный сигнал. Закатанин увидел его и замолчал. А сержант быстро продолжил, чтобы ослабить впечатление от последних слов Зинги:

— Ом несомненно захочет посмотреть катушку с записями, прежде чем строить планы на будущее.

— Командор ослеп!

Картр застыл.

— Вы уверены?

— Смит уверен. Может быть, Торк сумел бы помочь ему. У нас нет умения, его раны слишком серьезны для тех, кто владеет лишь приемами первой помощи.

— Все равно я доложу.

Картр двинулся к кораблю, чувствуя, как свин-

цовая тяжесть навалилась ему на плечи.

Почему, спрашивал он себя в отчаянии, пробираясь через люк, он чувствует себя так угнетенно? На него не падает ответственность руководства. И Джексен и Смит превосходят его по званию. Как сержант рейнджеров он находится на самой границе службы. Но все эти соображения не уменьшили его беспокойства.

— Докладывает Картр, сэр!

Он вытянулся перед человеком с забинтованным лицом, лежащим в кают-компании.

— Докладывайте…

Это требование звучало механически. Картр даже подумал, а действительно ли командор слышит его, и если слышит, то понимает ли?

— Мы разбились у края пустыни. Разведочная группа на вездеходе продвинулась по реке на север. Из-за ограниченного запаса горючего мы не смогли продвинуться далеко. Но район к северу выглядит пригодным для разбивки лагеря…

— Признаки жизни?

— Много животных разнообразных видов и форм на низком уровне развития разума. Единственный след цивилизации — участок дороги, занесенный песком, что указывает на его длительное бездействие. У животных не сохранились

воспоминания о контактах с высшей формой Жизни.

— Свободны.

Но Картр не уходил.

— Простите, сэр, но я прошу разрешения на использование запасов горючего для организации перевозки…

— Корабельные запасы? Вы не в своем уме. Конечно нет! Поступите в распоряжение Джексена для участия в ремонте…

Ремонт? Неужели Вибор искренне верит, что есть хоть малейшая возможность восстановить «Звездное пламя»? Сержант рейнджеров заколебался у выхода из кают-компании и даже наполовину повернулся. Но сообразив, что дальнейший разговор с Вибором бесполезен, он прошел в помещение рейнджеров, где нашел остальных. Маленькая фигурка у двери оказалась Смитом. При виде Картра Смит встал.

— Ну что, Картр?

— Велел участвовать в ремонте. Великие крылья космоса, что он имел в виду?

— Вы можете не поверить, — ответил связист, — но он имел в виду именно то, что сказал. Нам приказано подготовить корабль к старту…

— Но разве он не видит… — начал было Картр

и прикусил губу, вспомнив. Именно так — командор не видит, в каком состоянии находится разбитый корабль. Но разве не является обязанностью Джексена и Смита рассказать ему об этом?

И, как будто подслушав его мысли, связист ответил:

— Он не слушает нас. Когда я пытался все рассказать ему, он велел мне уйти. А Джексен соглашается с каждым его приказом!

— Но почему он так делает? Джексен не дурак, он понимает, что мы не можем и не сможем взлететь. «Звездное пламя» погибло.

Смит прислонился к стене. Это был маленький человечек, худой, жилистый, почти черный от космического загара. Сейчас он как будто даже разделил зловещую отчужденность Филха. Смит любил только свою аппаратуру связи. Картр както видел, как он украдкой гладил пластиковую поверхность приборов. Из-за традиционного разделения экипажа корабля на патрульных и рейнджеров, Картр не очень хорошо знал его.

— Вам легко принять мысль, что с кораблем покончено, — сказал связист. — Вы никогда не были так связаны с этой грудой металла, как мы. Ваши обязанности выполняются на планетах, не в космосе. «Звездное пламя» — часть Вибора. Он

не может так просто уйти и забыть о корабле. И Джексен — тоже.

— Хорошо, я могу поверить, что корабль означает для вас, его регулярного экипажа, нечто большее, чем для нас, — почти устало согласился Картр. — Но корабль мертв, и ни мы, ни вы никогда не заставим его взлететь. Лучше оставить его, разбить наш лагерь где-нибудь поблизости от воды и пищи…

— Отказаться от прошлого и начать все сначала? Может быть. Я согласен с вами… с точки зрения разума. Но вам придется считаться с эмоциями, мой друг. И очень считаться!

— А почему, — медленно спросил Картр, — вы говорите об этом мне?

— Меня привел к вам процесс отбора. Если мы оказались на планете без всякой надежды улетать с нее, кто лучше всего поймет наши задачи — тот, кто почти с детства находится в космосе или рейнджер? Что вы собираетесь делать?

Но Картр не собирался отвечать. Чем больше говорил Смит, тем большее беспокойство испытывал Картр. Никогда раньше корабельный офицер не разговаривал с ним с такой откровенностью.

— Решает командор… — начал он.

Смит резко и коротко засмеялся. В его смехе не было веселья.

— Значит, вы боитесь взглянуть правде в глаза, летун? Я думал, рейнджеров не испугаешь, эти бесстрашные дикие исследователи…

Здоровой рукой Картр схватил Смита за воротник.

— К чему ведете, Смит? — спросил он, отказываясь от уставных форм обращения к офицеру.

Связист не пытался освободиться от хватки рейнджера. Он поднял глаза и встретился со взглядом Картра. Пальцы рейнджера разжались, и рука упала. Смит верил в свои слова, верил, хотя и пытался насмешничать. Смит пришел к нему за помощью. И тут впервые Картр обрадовался, что обладает этой странной способностью — улавливать чувства товарищей.

— Говорите, — сказал он, садясь на спальный мешок. Он чувствовал, что напряжение, охватившее всех несколько секунд назад, ослабло. Картр также знал, что рейнджеры пойдут за ним, они ждут его решения.

— Вибор больше не с нами… он свихнулся…

Смит с трудом подбирал слова, и Картр читал поднимающийся в нем страх и отчаяние.

— Из-за потери зрения? Но тогда это временно.

Попривыкнув, он…

— Нет. Он уже давно приближался к безумию. Ответственность за команду в таких условиях… борьба с зелеными… Торк был его другом, помните? Корабль, распадающийся на куски, и никакой надежды на починку… Все это наложилось одно на другое. Сейчас он отрицает наше положение, не желает верить в это. Он отступил в свой собственный мир, где все идет как положено. И он хочет, чтобы мы шли с ним туда.

Картр кивнул. Но чувствовал, что каждое слово Смита правдиво. Конечно, у него самого не было тесных контактов с Вибором. Рейнджеры не допускались во внутренний круг корабля, их только терпели. Он не закончил академию сектора. Его отец не служил в патруле. Поэтому он всегда оказывался в стороне от экипажа. Дисциплина службы, всегда строгая, стягивалась все уже, превращаясь в жестокую кастовую систему, и перемены ощущались даже с того времени, как он надел Знак Кометы, — может быть, потому, что сама служба была отрезана от обычной жизни среднего гражданина. Но вот сейчас Картр смог по-настоящему взглянуть на странные происшествия последних месяцев, противоречия в приказах Вибора, в тех словах, которые Картру

случалось услышать.

— Вы думаете, надежды на его выздоровление нет?

— Нет. Крушение было последней каплей… Приказы, отданные им за последние часы… Говорю вам, он свихнулся!

— Ладно! — в напряженной тишине прозвучал голос Рольтха. — Что же нам делать? А, вернее, что вы хотите от нас, Смит?

Связист развел руками в безнадежном жесте.

— Не знаю. Мы сели… навсегда… в неизвестном мире. Исследования — это ваша работа. Кто-то должен вывести нас отсюда Джексен… он пойдет за командорам, даже если Вибор велит взорвать корабль. Они вместе прошли через битву Пяти Солнц, и Джексен… — голос Смита прервался.

— А Мирион?

— Без сознания. Не думаю, что он выкарабкается. Мы даже не знаем, насколько он серьезно ранен. Его можно не считать.

— Не считать в каком случае? — подумал Картр, и его зеленые глаза сузились. Смит предполагал, что в будущем их ждет какой-то конфликт.

— Дальгр и Спин? — спросил Зинга.

— Оба из взвода Джексена. Кто знает, как они поведут себя, когда Джексен начнет отдавать

приказы.

— Меня удивляет одно обстоятельство, — впервые вступил в разговор Филх. — Почему вы пришли к нам, Смит? Мы не считаемся членами команды.

Вопрос, который занимал всех, наконец прозвучал открыто. Картр ждал ответа.

— Ну… я подумал, что вы лучше других подготовлены к будущему. Это ваша работа. Я, во всяком случае, теперь бесполезен: при крушении вышла из строя вся связь. Весь экипаж без корабля, способного взлететь, бесполезен. Поэтому… нам придется учиться у вас…

— Новобранец? — смех Зинги больше всего смахивал на свист. — Но очень зеленый. Ну, Картр, примем его? — гротескная голова закатанина повернулась к сержанту.

— Он говорит искренне, — серьезно ответил Картр. — Созываю совет. — Он отдал приказ, после которого все насторожились.

— Рольтх?

Белокожее лицо, более чем наполовину закрытое темными очками, было лишено всякого выражения.

— Местность хорошая?

— Многообещающая, — быстро ответил Зинга.

— Ясно, что мы не можем вечно сидеть здесь, — проговорил рейнджер с туманного Фальтхара. — Я голосую за то, чтобы снять все необходимое с корабля и основать базу. Потом немного осмотреться…

— Филх?

Когти тристианина отбивали дробь на широком поясе:

— Полностью согласен. Но это предложение слишком разумно.

Насмешливое окончание было обращено к Смиту. Филх не собирался быстро забывать старое разделение на рейнджеров и патрульных.

— Зинга?

— Основать базу — да. Я предложил бы место вблизи ручья с этими вкусными существами. Сейчас бы похлебку из них…

Его веки опустились в шуточном экстазе.

Картр посмотрел на Смита.

— Я присоединяюсь к их голосам. У нас только один пригодный вездеход. На нем мы сможем перевезти командора, Мириона и припасы. Если опустошим главный бак, то горючего хватит на несколько рейсов. Остальные пойдут пешком и еще понесут на себе груз. Земля хорошая, пищи и воды достаточно. Похоже, местность пустын-

ная, — ничего похожего на зеленых. Если бы я командором…

— Но ты не командор, ты грязный рейнджер-бемми!

Рука Картра опустилась на рукоятку еще раньше, чем он увидел вошедшего. Волна угрозы была как физический удар по чувствительным рецепторам рейнджера.

Зная, что любой ответ лишь усилит гнев противника, Картр колебался, но в этот момент тишину нарушил Смит.

— Заткнись, Спин!

В маленьком оружии в руке оружейника, повернувшегося к связисту, блеснул свет. Волна ненависти, основанной на страхе, была такой сильной, что Картр удивился, почему другие этого не чувствуют. Сержант мгновенно бросился в сторону, ударив плечом Спина. Сноп зеленого пламени вырвался из бластера: палец оружейника нажал спуск. Спин двинулся вперед, и Картр тщетно пытался одной рукой сбить его.

Однако секунду или две спустя все было кончено. Спин еще держался и выкрикивал приглушенные проклятия под тяжестью Зинги, а Филх методично выкручивал ему руки так, чтобы можно было вставить «прут безопасности». И

когда это было сделано, Спина не очень вежливо, толчками, посадили к стене.

— Он сошел с ума! — убежденно заявил Смит. — Так использовать ручной бластер! Во имя Черного Неба…

— Я должен был сжечь всех вас! — кричал пленник. — Всегда знал, что дьяволам-рейнджерам доверять нельзя! Все вы бемми!

Но его черная ненависть более чем на три четверти состояла из страха. Картр смотрел на извивающегося человека. Он знал, что рейнджеров не считали полноправными членами патруля, знал также, что существует все растущее предрасположение против негуманоидов-бемми, но этот пугающий гнев против товарищей по экипажу был хуже всего, что он мог вообразить.

— Мы ничего вам не сделаем, Спин…

Оружейник плюнул, и Картр понял, что на того не подействуют разумные доводы. Оставалась единственная возможность. Но он давно поклялся себе, что никогда не будет делать этого, никогда не применит к людям… И позволят ли остальные? Он взглянул на Смита…

— Он опасен…

Смит посмотрел на рваную щель в стене, все еще раскаленную..

— Нет нужды подчеркивать это! — связист с беспокойством переступил с ноги на ногу. — Что вы собираетесь с ним делать?

Много времени спустя Картр понял, что именно этот момент явился поворотным пунктом. Вместо того чтобы обратиться за поддержкой к Смиту и рейнджерам, он сам принял решение. С быстротой мысли он обрушил на сидящего свою волю. Искаженное лицо Спина покраснело, на губах появилась пена. Но у него не было барьера против воздействия тренированного мозга сержанта. Глаза Спина остекленели, остановились. Он перестал биться и раскрыл рот. Смит наполовину извлек свой бластер.

— Что вы с ним сделали?

Спин лежал теперь неподвижно, устремив глаза в потолок. Смит схватил Картра за плечо.

— Что вы с ним сделали?

— Успокоил. Сейчас он спит.

Но Смит уже пятился к двери.

— Выпустите меня! — голос его дрожал, — Выпустите, вы… вы… проклятый бемми!

Он попытался выбраться, но Рольтх преградил ему дорогу Смит повернулся и, тяжело дыша, как загнанное животное, посмотрел на Картра.

— Мы вас не тронем.

Картр не вставал и не повышал голос. Рольтх увидел его сигнал. Фальтхарианин поколебался секунду, потом повиновался и отошел от двери. Но даже видя свободный выход, Смит не двигался. Продолжая смотреть на Картра, он потрясенно спросил:

— Вы можете так… с любым из нас?

— Вероятно. Ни у одного из вас нет достаточного мозгового барьера.

Смит сунул бластер в кобуру. Дрожащими руками он вытер потное лицо.

— Тогда почему же вы… Только сейчас?

— Почему я не использовал свою силу против вас? Зачем? Ведь вы не собираетесь сжечь нас. Вы были вполне в своем уме…

Смит успокоился. Охватившая его паника почти совсем прошла. Разум подчинил себе эмоции. Он подошел к спящему оружейнику и вгляделся в его лицо.

— И долго он так будет?..

— Не знаю. Никогда раньше не пробовал на людях.

— И вы со всеми так можете?

— Человек с сильным самоконтролем и волей представил бы трудную задачу. Его нужно застать врасплох. Но Спин не отличается этими

качествами.

— Но вам это ничего не даст, Смит, — спокойно заметил Зинга. — Если вы планируете, что сержант походит по кораблю и уложит всех сопротивляющихся, можете об этом забыть. Либо мы договоримся с ними, либо…

Он не закончил фразу, но ее продолжение было ясно Смиту.

— Сражаться? — угрюмо спросил он. — Но ведь это…

— Мятеж? Конечно, мой дорогой сэр. Однако, если бы вы еще раньше не подумали об этом, вы бы не пришли к нам, не так ли? — спросил Филх.

Мятеж! Картр заставил себя рассуждать спокойно. В космосе и на планете Вибор — командор «Звездного пламени». Каждый человек на его борту клялся выполнять его приказы и поддерживать власть службы. Торк, понимая состояние командора, мог бы его сместить. Но Торк погиб, а больше никто на борту не имеет законного права отменять приказы командора. Сержант встал.

— Нужно привести Джексена и Дальгра…

Он осмотрел помещение рейнджеров. Нет, разумнее организовать встречу где-нибудь в нейтральном месте. Снаружи, быстро решил он. Психологический эффект зрелища разрушенного

корабля может оказаться решающим доводом в споре.

— …Наружу! — закончил он.

— Хорошо, — согласился Смит, но в голосе его не было энтузиазма. Он вышел.

— Во что же мы вмешиваемся? — спросил Зинга, когда связист отошел достаточно далеко.

— Рано или поздно это все равно произошло бы. После крушения стычка неизбежна, — мягко сказал Рольтх. — В космосе у них был смысл жизни, они могли закрывать глаза и затыкать уши, занимаясь своими повседневными обязанностями. Теперь у них нет этого занятия. У нас есть цель — наша работа. И поскольку мы… другие, мы всегда были слегка подозрительными.

— Если мы не будем действовать, то можем стать целью их страха и негодования!

— Картр выразил мысль, возникшую у всех. Я согласен.

— Мы можем освободиться, — предложил Филх, — Когда корабль разбит, наши связи с ним разорваны. Договор… Кого сейчас интересуют договоры? Мы можем прожить сами.

— Но они не могут, — заметил Картр. — И поэтому мы тоже не можем порвать с ними. Сейчас. Нужно попытаться помочь им…

Зинга рассмеялся.

— Ты всегда был идеалистом, Картр. Я — бемми, Филх — тоже бемми, Рольтх — полубемми. А ты любишь бемми, и все мы рейнджеры. Все это не внушает любовь ни одному патрульному. Ладно, попробуем помочь им увидеть свет. Но переговоры я буду вести с бластером в руке.

Картр не возражал. После поучительного разговора со Спином, после того раздражения, с которым встретил его Джексен, он понимал, что такая предосторожность не будет лишней.

— Можем ли мы рассчитывать на Смита? — задал вопрос Зинга. — Раньше он не производил впечатление новобранца-рекрута.

— Нет, но у него достаточно мозгов, — заметил Рольтх. — Картр, — обратился он к сержанту, — это твоя игра. Мы предоставляем говорить тебе.

Остальные двое кивнули. Картр ощутил теплое чувство. Он и раньше знал: рейнджеры всегда стоят друг за друга. Что бы ни ожидало их впереди, они встретят опасность единым фронтом.

Четверо рейнджеров пересекли участок обгоревшей земли и остановились в тени высокого скального выступа. Солнце садилось, посылая красные и желтые копья света с западного края горизонта. Но песок и камни по-прежнему излу-

чали жар.

Джексен, Дальгр и Смит ждали их, сузив глаза от блеска металлических бортов искореженного «Звездного пламени». Они стояли плечом к плечу, как бы ожидая… Чего? Нападения? На лице офицера пролегли глубокие морщины. Он был человеком средних лет, но раньше все его движения отличались эластичностью. Сейчас Картр заметил, что у Джексена поседели виски, и вдруг понял, что в золотые дни службы Джексен вообще уже не находился бы в космосе. Задолго до этого он занял бы административную должность в одном из портов флота. А есть ли сейчас у патруля такие порты? Уже пять лет Картр не бывал ни в одном.

— Ну, чего вы хотите от нас? — взял на себя инициативу Джексен.

Однако Картр не проявил ни малейшего смущения или испуга.

— Нам необходимо… — он инстинктивно обратился… к формальной речи, которую слышал в детстве, — нам необходимо обсудить положение. Взгляните на корабль… — ему не понадобилось указывать на разбитый корпус. Никто и так не отрывал, — взгляд от корабля. — Неужели вы искренне верите, что его можно починить?

Последний полет мы начали неукомплектованными. А те запасы, что мы растягивали на месяцы, кончились. Нам остается лишь одно: мы должны снять с корабля оборудование и разбить лагерь в местности…

— Именно такую болтовню мы и ожидали услышать? — выпалил Дальгр. — Но вы должны выполнять приказы, хотя и произошло крушение!

Но этот горячий ответ принадлежал не Джексену. Джексен, крутой, резкий, преданный патрулю, приказам, традициям, не был, однако, ослеплен и оглушен всем этим.

— Чьи приказы? — спросил Картр, — Командор не в состоянии отдавать приказы. Вы приняли командование, сэр? — прямо спросил он Джексена.

Покрытая загаром кожа офицера не могла побледнеть, но лицо его стало старым и несчастным. Губы его растянулись, зубы резко оскалились в зверином рычании гнева, боли или отчаяния. Прежде чем ответить, он взглянул на разбитый корабль.

— Это убьет Вибора… — он с трудом выталкивал из горла слова.

Картр оградил себя от диких эмоций, разрывавших его рецепторы.

Он мог облегчить боль Джексена, присоединившись к остальным, отказавшись поверить, что старая жизнь окончена. Может, служба искалечила их всех, рейнджеров так же, как экипаж, возможно, им нужна уверенность приказов, обычных обязанностей, даже когда все это превращается в мертвый груз?

Сержант отсалютовал.

— Даете ли вы разрешение на подготовку к тому, чтобы покинуть корабль, сэр?

На мгновение он напрягся: Джексен резко повернулся к нему… Но офицер не схватился за бластер. Напротив, плечи его обвисли, морщины стали еще глубже.

— Поступайте как хотите! — И он пошел за скалу. Никто не последовал за ним.

Картр стал распоряжаться:

— Зинга, Рольтх, выведите вездеход и возьмите двухдневный запас. Топливо в главном баке. Потом отправитесь к водопаду и разобьете там лагерь. Рольтх, приведи офицеров — командора и Мириона, — и мы отправим их…

Они съели свой рацион — безвкусные концентраты — и принялись за работу. Немного позже к ним присоединился Джексен. Он работал упрямо и молча. Картр с благодарностью передал ему

ответственность за подготовку оружия и боеприпасов. Рейнджеры держались в стороне от членов экипажа: им хватало работы в собственном помещении и при подготовке исследовательского оборудования. Вездеход, пилотируемый Рольтхом, для которого тьма была ясным днем, за ночь трижды слетал к водопаду, перевозя раненых, все еще бессознательного Спина и различное оборудование. Единственная луна повисла в небе. Все обрадовались ей. Она дополняла слабый свет их переносных фонарей. Люди работали с короткими передышками, пока над пустыней не занялся серый рассвет. Именно в последний час работы Джексен сделал самую важную находку. Он заполз в разбитую рубку и тут же громко позвал остальных.

Горючее — целый запасной комплект обойм. Все округлившимися глазами смотрели, как офицер вытаскивает его в коридор.

— Спрячьте. — Джексен тяжело дышал. — Нам может очень понадобиться вездеход.

Картр, вспомнив высоту водопада, кивнул. Однако, несмотря на эту находку, когда Рольтх вернулся в следующий раз, они погрузили комплект на вездеход, но велели Рольтху не возвращаться. Они поедят, проспят самое жаркое

время и пройдут до лагеря пешком, неся на спине личное имущество.

Солнце вставало, когда они собрались маленькой группой у скал.

Сине-черная тень упала на три могилы в песке. Джексен обветрившимися губами произнес традиционные прощания. Памятника они не стали возводить — «Звездное пламя» долгое время будет служить памятником своему экипажу, пока не проржавеет и не превратится в пыль.

Потом они в последний раз легли спать в опустошенном корабле. Когда Филх разбудил Картра, тому показалось, что он лег лишь несколько минут назад. Однако приближался закат. Сержант вместе с остальными проглотил сухой рацион. Потом без разговоров все надели рюкзаки и двинулись по пустыне, направляясь к скальным образованиям, которые Картр подметил заранее.

Скоро наступила ночь, освещаемая полной луной так, что они даже не включали фонарики. И это хорошо, — подумал сержант, — вряд ли есть надежда снова зарядить их. Поскольку они шли не вдоль реки, а напрямик через пустыню, они вскоре вышли на гладкий участок дороги. Картр подозвал Джексена.

— Дорога! — депрессия впервые оставила офи-

цера. Он опустился — на колени, провел рукой по древним блокам и включил фонарь, чтобы лучше видеть.

— Не очень-то много можно рассмотреть. Должно быть, ее давно не использовали. Вы можете проследить за ней?

— Со следоискателем и на вездеходе — да. Но стоит ли? У нас мало горючего.

Джексен устало поднялся.

— Не знаю. Но на всякий случай запомни. Возможно, это ниточка, но я не знаю. — Он погрузился в размышления, но на следующей остановке заговорил со следами былого энтузиазма:

— Дальгр, вы мне рассказывали о том, как можно приспособить заряды разрушителя к вездеходу.

Его помощник с готовностью поднял голову.

— Нужно…

Через три слова он погрузился в такую путаницу терминов, как будто говорил на языке другой галактики. Джексен был специалистом в своей области и следил за тем, чтобы его помощники знали гораздо больше, чем это необходимо для простого исполнения своих обязанностей. Дальгр все еще продолжал свои объяснения, когда они пошли, и офицер шел рядом с ним и внимательно

но слушал, время от времени вставляя вопрос, после которого язык Дальгра начинал работать с удвоенной энергией.

Они не сразу углубились в холмистую местность. Три дня спустя умер Мирион, и они похоронили его на небольшой поляне между двумя высокими деревьями. Филх и Зинга прикатили с берега большой камень, а Рольтх ручным разрушителем высек на камне имя, родной мир и ранг того, чье тело будет вечно лежать под камнем.

Вибор не разговаривал. Ел он механически, вернее разжевывал и глотал то, что Джексен и Смит клали ему в рот. Большую часть времени он спал, не проявляя никакого интереса к происходящему. Старое разделение на рейнджеров и экипаж, пропасть между регулярными патрульными и менее дисциплинированными исследователями сокращалась по мере того, как они вместе работали, вместе охотились, ели незнакомое мясо, орехи и ягоды. Пока что их прививки продолжали действовать. А может, они не съели ничего ядовитого.

На следующее утро после похорон Мириона Картр предложил перебраться в более гостеприимную местность за водопадом. При помощи вездехода они перевезли имущество к пункту на

милю выше их первой базы. Оттуда Филх повел вездеход с Вибором и Джексеном в открытую местность, а остальные, разобрав имущество, двинулись пешком.

Первым шел Зинга, шагая по мелким лужам вдоль скалистого берега: у Зинги были в порядке обе руки, а у Картра — только одна. За ним шли сержант, Дальгр, Спин и Смит. А замыкал колонну Рольтх. Утренний ветер был свеж. Прохладно. Но это была приятная прохлада. Картр поднял голову, ловя ветер, и глубоко вдохнул воздух. «Звездное пламя» осталось далеко в прошлом… И Картр обнаружил, что нисколько не сожалеет об этом. Если они обречены провести здесь всю оставшуюся часть жизни, то какая удача, что они нашли такой мир!

Он попытался, отгородившись от окружающих, вступить в мысленный контакт с туземной жизнью. Красноватый зверек с пышным хвостом какое-то время сопровождал их по веткам деревьев, издавая трескучие звуки. Зверек был любопытным и ничего не боялся.

Птица, а может быть, насекомое, пролетело в воздухе, взмахивая яркими крыльями. Еще одно животное вышло из убежища примерно в ста футах прямо перед ними. Большое, почти такое

же, как коричневый рыболов на реке, которого они видели в первый день. Но это животное было желтовато-коричневого цвета, и оно двигалось неслышно, как тень, пробираясь среди скал уверенно и высокомерно. Оно присело, прижимаясь к камню, и внимательно следило за приближающимися фигурами глазами с узкими вертикальными зрачками. Кончик его хвоста дергался. Зинга остановился и пропустил вперед Картра.

Высокомерие… Высокомерие и любопытство. И еще слабый, начинающийся голод без страха или осторожности.

Картр видел, как шевельнулись мышцы под густой шерстью, когда животное двинулось вперед. Оно было так прекрасно в своей удивительной дикой свободе, что Картр захотел узнать о нем больше. Он установил контакт, нащупал путь в чужой мозг.

Голод забыт, любопытство оказалось сильнее. Животное село на задние лапы. Только дергающийся кончик хвоста выдавал легкое беспокойство. Не поворачивая головы, Картр отдал приказ:

— Сверните немного влево, обогните ту скалу. Оно не нападет на нас сейчас…

— Почему бы его не подстрелить? — не слишком вежливо спросил Спин. — Все это глупости: «Не убий! Не убий!» В конце концов, это всего лишь животное…

— Заткнись! — Смит слегка подтолкнул товарища. — Не вмешивайся в дела рейнджеров. Вспомни, если бы они не вступили в контакт с этой пурпурной летающей медузой перед нападением зеленых, эти дьяволы уничтожили бы нас без предупреждения.

Спин проворчал что-то, но свернул влево. Смит, Дальгр и Рольтх последовали за ним. Последним шел Зинга. Картр оставался, пока они все не миновали лесного зверя. Тот неожиданно зевнул, обнажив грозные клыки. Потом сел неподвижно, полуприкрыв глаза и глядя им вслед. Сам Картр ушел последним. Животное колебалась: следовать ли за ними. Любопытство двигало его вслед за путниками, голод заставлял заняться охотой. Наконец голод победил, животное скользнуло в рощу за скалами и контакт прервался.

Эта встреча удивила и слегка обеспокоила Картра. Он легко сумел вступить в контакт, убедил животное, что они не пища и не опасны. Но установить более тесные отношения не удалось. Ничего похожего на случай с пурпурной медузой.

Рассчитывать на помощь здесь не приходится. Лесной зверь дик и независим, он совершенно не подчиняется чужой воле. Если вся туземная жизнь такова, горсточку выживших ожидает еще большее одиночество.

Люди или, по крайней мере, представители высшей формы жизни — построили же они дорогу для транспортировки грузов — когда-то жили здесь. Они жили здесь долго, их было много, иначе дорога не пролегла бы по пустыне. И все же ни у одного животного не сохранились ни воспоминания, ни даже инстинктивный страх перед человеком. Давно ли исчезла раса, построившая дорогу? Как она исчезла? И почему? Картр жаждал вернуться к дороге со следоискателем и на вездеходе, пройтись вдоль покрытия. Как бы ни была погребена дорога, следоискатель все равно отыщет ее, и дорога приведет к городу, лежащему где-то в начале или в конце ее.

Города… Города обычно расположены по краям больших континентальных массивов, где есть возможность передвижения по морю, или в стратегических точках речных долин. На этой планете есть моря. Картр снова пожалел о гибели записывающей аппаратуры: после крушения все наблюдения, делаемые с орбиты, стали недо-

ступными. Может быть, если бы они свернули сейчас на восток… или на запад, то вышли бы к морскому берегу. Только куда сворачивать — на восток или на запад? Он лишь раз бросил взгляд, да и то беглый, на экран, и ему показалось, что они приземляются на большом континенте. До ближайшего берега могут быть сотни миль. Может ли найденная дорога быть проводником?

Картр обещал себе, что как только будет закончено устройство базы, он выяснит, о каком источнике энергии говорил Джексен с Дальгром. На вездеходе можно будет исследовать гораздо большую площадь, чем пешком. И если начинать с дороги…

Рольтх остановился и оглянулся.

— Ты счастлив?

Картр осознал, что напевает что-то.

— Я думал о дороге, о том, чтобы пойти вдоль нее.

— Да… Меня она тоже занимает… дорога. Но что это нам даст? Ты искренне уверен, что мы сможем найти людей… или хотя бы их отдаленных родственников?

— Не знаю…

— И мой ответ таков же — Рольтх передернул плечами, чтобы лучше разместить тяжесть рюк-

зака. — Если мы чего-то не знаем, то должны узнать. Желание узнать, что там, за холмами, привело нас в рейнджеры. Мы привыкли к таким поискам. Признаюсь, что такая экспедиция дала бы мне больше радости, чем ползанье по этой дикой местности, согнувшись под грузом, как будто мы карликовые пфф с внешних островов Фальтхара!

Им потребовалось почти два дня, чтобы добраться до лагеря, разбитого Филхом и Джексеном. Здесь их уже ждали шалаши из веток, и горел костер, а запах жареного мяса превратил их усталую походку в бодрую ходьбу.

Ровная скальная поверхность спускалась в мелкий ручей — идеальная посадочная площадка для вездехода. В конце площадки грудой лежали материалы, сплавленные по реке. Джексен нашел дикое зерно, уже созревшее, и набрал кисловатых плодов с деревьев на опушке леса. Картр решил, что человеку здесь не трудно прожить. Он подумал о временах года. Существует ли между ними разница? Неизвестно. Времена года не имеют значения, когда приходишь на планету ненадолго. Вообще почти ничего не известно. Но теперь… Им так много необходимо узнать… Узнавать придется методом проб и ошибок.

Картр вытянулся у огня, перебирая в уме все, что необходимо будет сделать. Он так глубоко задумался, что вздрогнул, когда Рольтх коснулся его плеча. Ночной мир принадлежал Рольтху. Он был бодр, как звери, которые сейчас бродят по лесу.

— Идем!

Он прошептал это слово так настойчиво, что Картр вскочил на ноги. Он быстро оглянулся. Остальные лежали вокруг костра в спальных мешках и дремали. Сержант тихо вобрался из освещенного круга.

— Что…

Он так и не закончил — Рольтх предупреждающе сжал ему руку. Руку Рольтх не убрал и повел Картра во тьму.

Они поднимались по склону, который становился все круче. Деревья стали тоньше и вскоре совсем исчезли. Они оказались на освещенной луной площадке. Фальтхарианин повернул сержанта лицом к северу.

— Жди! — напряженно сказал он. — Следи за небом!

Картр уставился в ночную тьму. Ночь была ясная, звезды образовывали знакомый и незнакомый рисунок. Картр подумал о других солнцах

и мириадах планет вокруг них…

На горизонте слева направо пронесся желто-белый луч. Он исходил из какого-то пункта далеко на север и устремился в небо. За три секунды он совершил полный оборот. Картр считал. Через пятьдесят секунд луч снова вспыхнул и прошел тем же курсом. Маяк! Это был маяк!

— Давно?

— Я увидел его первый раз час назад. Появляется очень регулярно.

— Это маяк, сигнал… Но для кого? И как он управляется?

— Не обязательно, чтобы кто-то управлял им, — задумчиво сказал Рольтх. — Вспомни Тантор…

Тантор — закрытый город. Двести лет назад жители его заболели странной болезнью. Да, Картр хорошо помнил Тантор. Однажды он пролетел над огромным куполом, внутри которого помещалась вечная тюрьма ради безопасности всей галактики. Картр видел древние машины, занимающиеся своими делами в городе, где не осталось ни одного живого существа. У Тантора тоже были маяки, и их крик о помощи автоматически устремлялся в небо, когда руки, установившие эти маяки, давно превратились в прах. За этими холмами мог находиться другой

Тантор. Это объяснило бы загадку прекрасной, но пустынной местности.

— Попроси прийти Джексена, — сказал наконец Картр. — Но не буди остальных.

Рольтх исчез, и сержант, оставшись один, глядел на луч, возникающий через равные промежутки времени. Присматривает ли кто-нибудь за маяком? Может, это крик о помощи? Нужна ли она еще? А может, это сигнал звездным кораблям, которые никогда не прибудут?

Он услышал, как покатился камешек, сдвинутый нетерпеливой ногой. Приближался офицер.

— Что случилось? — нетерпеливо спросил он, секунду спустя.

Картр не повернулся.

— Смотрите на север, — сказал он. — Сами увидите.

Луч описал дугу на горизонте. Картр услышал удивленный вздох, почти сдавленный вскрик.

— Это какой-то сигнал, — продолжал сержант. — Он автоматически посылается.

— Из города! — закончил Джексен.

— Или из порта. Но… Помните Тантор?

Ответом было молчание.

— Что вы предлагаете делать? — спустя несколько секунд спросил Джексен.

— Вы обсуждали с Дальгром возможность использования энергии разрушителя в вездеходе. Это реально?

— Можем попробовать. Однажды такое было сделано, и Дальгр считает вопрос решенным. Допустим, это возможно. Что тогда?

— Я возьму вездеход и исследую это.

— Один?

Картр пожал плечами.

— Можно взять еще одного. Если это мертвый город, как Тантор, мы не посмеем это исследовать слишком тщательно. И чем меньше людей рискуют, тем лучше.

Офицер задумался. Снова волна недоверия и недовольства обрушилась на Картра. Он догадался, — о чем думает Джексен. Сигнал мог означать звездный порт, возможность найти пригодный к полету корабль, возвращение к привычной жизни офицера патруля. И во всяком случае, это обещание цивилизации, пусть даже груды развалин, где человек все же сможет найти убежище.

Рейнджерам нужно быть терпеливыми с такими людьми, как Джексен. То, что для них означало свободную и правильную жизнь, для него было лишь обеспечением возможности возврата к привычному. Если Джексен даст волю

своим эмоциям, он побежит к вездеходу и ринется к маяку. Но Джексен подавил это желание. Он был не Спин.

— На рассвете возьмемся за вездеход, — пообещал офицер. Картр двинулся вниз по склону, но Джексен не шевельнулся. — Я останусь здесь ненадолго.

Ну что ж, Рольтх обходит окрестности лагеря всю ночь. Он проследит, чтобы с Джексеном ничего не случилось. Картр в одиночестве вернулся к костру. Забравшись в спальный мешок, он закрыл глаза и попытался уснуть. Но и во сне желто-белый луч маяка продолжал манить и угрожать…

Джексен выполнил свои обещания. На следующее утро Дальгр, Спин и сам офицер-оружейник сняли самый большой разрушитель и осторожно извлекли из него блок питания. Сейчас в их руках была капризная и ужасная смерть, поэтому работали они медленно, снова и снова проверяя каждое реле, каждое соединение. Потребовался целый день работы, и все же они не были уверены, что вездеход полетит.

Перед самым заходом солнца Филх занял место пилота. Вездеход поднялся рывком, потом выровнялся и полетел ровно: Филх постепенно

привыкал справляться с мощным потоком энергии. Машина долетела до реки и, развернувшись, полетела назад. Если учесть, кто сидел за рулем, можно было сказать, что посадка была очень осторожной. Не вставая с кресла, Филх сказал Джексену:

— Теперь у него мощность гораздо выше, чем раньше. Надолго ли хватит?

Джексен провел грязной рукой по лбу.

— Не знаю. Что говорилось об этом в отчете, Дальгр?

— Энергию большого разрушителя использовали на то, чтобы привести крейсер на базу, расположенную на расстоянии двух световых лет. Потом установку разобрали. Они не знают, насколько бы ее еще хватило…

Филх кивнул и обратился к Картру:

— Ну, мы готовы и ждем. Когда же взлет, сержант?

В конце корцов рейнджеры бросили жребий, кому быть пилотом, и выбор пал на Рольтха. В глубине души Картр был доволен. Лететь с Рольтхом в качестве пилота — это означало ночной полет. Конечно же, разумнее приближаться к чужому городу под покровом ночи. И в конце концов, именно Рольтх открыл маяк.

Они двинулись в сумерках. Рационы и спальные мешки сунули под сиденье. Взяли и единственный оставшийся разрушитель. На этом настоял Джексен.

Когда они летели в прохладной полутьме, Рольтх негромко напевал одну из воющих песен своего сумеречного мира. Темные глаза без защитных очков живо блестели на его бледном лице.

Картр откинулся на спинку сиденья и смотрел на местность внизу, которая из зеленой становилась синеватой. На всякий случай он нацелил искатель. Теперь, если они пролетят над достаточно большим искусственным сооружением, он будет знать об этом.

Холмы внизу были полны жизни. Хищные звери бродили там в поисках пищи. Однажды, когда до них долетел дикий рев, Картр прочел в нем гнев и раздражение охотника, который промахнулся в прыжке и должен снова выслеживать добычу. Но людей внизу не было — никаких признаков человека.

Следоискатель щелкнул. Картр подался вперед и всмотрелся в шкалу. Только один пункт. И к тому же небольшой. Но сделанный человеком. Может быть, здание, давно погребенное. Во вся-

ком случае не маяк.

И тут же в темнеющее небо взметнулся луч. Но то, что лежало внизу, не имело к нему никакого отношения.

Попадалось все больше холмов. Рольтх пролетел над ними, иногда едва не касаясь вершин. Потом холмы начали понижаться, как гигантская лестница, ведущая на равнину.

Теперь стало ясно видно, что находится в центре равнины. Яркий свет, и не только ярко-желтый, но и изумрудный, рубиновый, сапфировый! Горсть гигантских жемчужин пульсировала в ночи яркими красками.

Картр бывал в развалинах Калхина — игольчатые башни и радужные купола, — человеческая цивилизация не могла понять сущности этой жизни. Он видел закрытый Тантор, видел знаменитый город у моря, построенный заключенными в камень живыми организмами под водами Парта. Но это… Странно знакомое и в то же время чужое. Оно притягивало и отталкивало его в одно и то же время.

Картр взял на себя управление, давая возможность Рольтху надеть очки. То, что для сержанта было ярким светом, совершенно ослепляло фальтхарианина.

— Полетим прямо или сначала разведаем? — спросил Рольтх.

Картр нахмурился, посылая вперед ищущую мысль, — осторожная проба хирурга, прощупывающего больное место.

Он коснулся мозга и в тот же момент отпрянул, почувствовав, что этот мозг насторожился. То, что он обнаружил, было так удивительно, что Картр не смог сразу ответить на вопрос. Наконец он произнес:

— Разведаем…

Рольтх сбросил скорость. Вездеход пошел по дуге, огибая источник света.

— Не могу поверить! — голос Картра — наконец выдал его изумление.

— Там есть жители?

— Один, но уж это точно. Я вступил в контакт с мозгом обитателя Арктура-111.

— Пираты?

— В открытом городе с этим все выдающим светом? Хотя, может быть, ты и прав. Здесь они могут чувствовать себя в безопасности. Будь осторожен. Я не хочу нарваться на луч бластера. А пираты сначала стреляют, а потом спрашивают твое имя и название планеты. Особенно, если видят знак кометы!

— Он почувствовал твое присутствие?

— Кто может сказать это об арктурианине? Возможно.

— Их много?

— Я сразу прервал контакт. Так что не знаю.

Следоискатель затрещал. Следовало выключить запись. С этого момента доклады разведчиков будут устными. Вездеход медленно скользил к зданиям, окруженным густой растительностью.

— Смотри! — Рольтх указал налево. — Здесь есть посадочные площадки. Может, сядем и пойдем дальше пешком?

Вскоре они нашли то, что искали, — небольшую посадочную площадку на вершине башни. Башня казалась маленькой по сравнению с окружающими зданиями, хотя площадка находилась на высоте сорока этажей над поверхностью земли. Отсюда можно было хорошо рассмотреть местность.

Они спустились. И сразу же Картр повернулся и направил бластер на черную фигуру. Он попробовал мозговой контакт и тут же отступил. Рольтх прошептал:

— Робот… Может быть, охранник… — и поднял вездеход над головой фигуры.

Как только вездеход покинул площадку, робот-

охранник или механик — остановился. Потом неуклюже повернулся и отступил в тень. Напряжение спало. Металлический робот мог сжечь их раньше, чем они увидели его. Конечно, это мог быть и механик, но рисковать не следовало.

— Больше на посадочные площадки не садимся, — сказал Картр, и Рольтх с готовностью согласился.

— Эти штуки могут быть настроены на голос или ключевое слово. Дай им неверный ответ, и они расправятся с тобой…

— Подожди. — Картр убрал бластер. — Мы судим об этом городке по собственной цивилизации. — Он сощурился от ярко-зеленого света и посмотрел на шкалу. — Для искателя всегда найдется что-нибудь новое, если он идет с открытым мозгом…

— И бластером наготове! — добавил Рольтх, — Да, я знаю все это. Но человеческая природа остается человеческой природой, и я предпочитаю быть осторожным, чем мертвым. Погляди, видишь квадраты мостовой между зданиями? Может, сядем там? По крайней мере, не вызовем никакой тревоги…

— Пожалуй. Может, сесть за тем большим блоком? Мы скроемся в тени от него…

Рольтх не выжимал из вездехода такую скорость, как Филх, но в таком деле его осторожность была предпочтительней безудержного презрения тристианина к узам тяготения. Приземление потребовало добрых пяти минут сложных маневров, но сел он точно в центре той тени, на которую указывал Картр.

Не покидая сидений, они ожидали появления роботов, любого движения, в котором могла быть заключена угроза.

— Город — не место для игры в прятки, — сказал наконец Рольтх. — Я чувствую, что за нами наблюдают… Может быть, оттуда…

Он ткнул пальцем в черные окна, выходящие на площадь.

Странное ощущение — как будто мириады глаз смотрят на тебя из тьмы. Картр тоже испытывал его. Но его способности говорили, что это ложное чувство.

— Здесь нет ничего живого, — заверил он фальтхарианина. — Даже роботов нет.

Они вылезли из вездеходов и пошли, огибая угол ближайшего здания, держась в тени и перебегая освещенные участки. Рольтх провел пальцем по стене у себя над плечом.

— Старая, очень старая. Следы выветривания.

— Но огни? Как долго они могут гореть? — спросил Картр.

— Спроси об этом своего друга с Арктура. Может быть, он привел их в действие? Кто знает…

Здания, мимо которых они проходили, были лишены украшений, стены гладкие, все детали строго функциональны. Но в целом создавалось впечатление гармонии. Такая гармония — порождение высокоразвитой цивилизации, для которой город — единый организм, а не набор индивидуальных жилищ разных вкусов и периодов. Пока Картру не встретилось ни одной надписи.

Рольтх через равные промежутки времени включал свой голубой фонарь, освещая стены Когда они будут возвращаться, ему будет достаточно провести лучом по стенам, и голубые круги на них укажут обратный путь.

Рейнджеры обогнули здание, выходящее на площадь, и оказались на улице. Тут их ноги почти по щиколотку погрузились в густой покров растительности. Вся мостовая заросла травой. Впереди, на расстоянии в пол-квартала, сквозь щель между зданиями пробивался яркий свет. Они осторожно приблизились и увидели фонтан радужного блеска и воды. Вода падала в бассейн, край которого был проломлен. Маленький ручеек

пробил себе дорогу в дерне и уходил в отверстия древней мостовой.

— Никого нет, — прошептал Картр.

Он не мог бы объяснить, почему шепчет, но его не оставляло впечатление, что за ним следят. Он чувствовал, что должен осторожно пробираться в тени зданий, иначе привлечет внимание… Кого?

Они осмелились покинуть защиту тьмы и подошли к краю бассейна. Теперь, сквозь брызги воды и света, можно было разглядеть центральную колонну На ней стояла фигура — больше натуральной величины, если, конечно, жители зданий не были гигантами. И статуя была сделана не из камня, а из какого-то белого материала, на котором время не оставило следов. При виде статуи и Картр и Рольтх замерли на полу шаге.

Это была девушка с поднятыми над головой руками, с гривой волос, свободно падающих до тонкой талии. В руках она держала им обоим знакомый символ — пятиконечную звезду. Из лучей звезды вырывались струи воды. А девушка — девушка была не бемми, она была таким же гуманоидом, как и они.

— Это Полета, дух весеннего дождя… — Картр вспомнил легенду своей сожженной планеты.

— Нет, это Ксити Морозная! — у Рольтха тоже

нашлись воспоминания, связанные с его тенистым холодным миром.

На секунду они почти гневно взглянули друг на друга, потом оба улыбнулись.

— Она — и то и другое… И ничего из этого… — сказал Рольтх, — У этих людей был свой идеал красоты. Но по глазам и волосам ясно, что она не с Фальтхара. А по ушам видно, что она не из ваших…

— Но почему, — Картр в изумлении смотрел на статую, — но почему же кажется, что я всегда знал ее? И эта звезда…

— Обычный символ. Его можно видеть на сотнях планет. Нет, она просто идеал красоты, а потому действует и на нас.

Они неохотно оставили фонтан и вышли на широкую улицу, ведущую прямо к центру города. Время от времени в воздухе перед зданиями появлялись непонятные светящиеся знаки. Рейнджеры миновали помещения, которые могли служить магазинами, видели паутину проводов, уходящих в окна. Вдруг Картр схватил Рольтха за руку и быстро увлек под прикрытие двери.

— Робот! — сержант почти прижался губами к уху товарища. — Я думаю, он патрулирует.

— Мы можем избежать его?

— Зависит от того, какого он типа.

Они могли руководствоваться только прошлым опытом. Они знали, что патрули роботов смертельно опасны. Те, с которыми им приходилось иметь дело, могли быть ликвидированы только путем замыкания. А это трудная и опасная операция. В противном случае робот сжигает все, что не вписывается в охраняемое им место и не может отозваться условленным паролем. Именно этого опасались рейнджеры на посадочной площадке. Теперь же, когда у них не было вездехода, обеспечивающего возможность быстрого отступления, встреча с таким роботом была еще опасней.

— Либо робот местный, либо…

— Либо его привез арктурианин, — закончил Рольтх. — В последнем случае мы не знаем, как с ним справиться. С туземным же…

Он перестал шептать, услышав слабый звон металла о камень. Картр выпрямился и посветил фонариком над головой. Дверь, в проеме которой они укрылись, была невысока. Над ней виднелся карниз, а еще выше — темное окно. У Картра начал складываться план.

— Внутрь, — сказал он Рольтху. — Постарайся добраться до второго этажа и через окно выбраться на карниз. Я отвлеку внимание робота, и

сверху сможешь выжечь его мозг…

Рольтх скользнул во тьму, которая для него не была препятствием. Картр прислонился к двери. С неприятным ощущением в желудке он подумал, что начинается состязание в скорости. Если робот появится раньше, чем Рольтх доберется до карниза… И если он, Картр, не сумеет отклониться от первого нападения патрульного!.. К счастью, ему не пришлось слишком долго размышлять над этими возможностями.

Он увидел патрульного. Тот находился в конце квартала. Его металлическое тело отражало пляшущие огни. Сержант был почти уверен, что в галактических городах такого робота он раньше не видел. Круглый купол головы, паучья тонкость рук и ног, грациозность и легкость движений — все соответствовало архитектуре города.

Робот приближался спокойно и неторопливо. Перед каждой дверью он останавливался и освещал пространство за ней лучом, исходящим из головы. Очевидно, это был обычный обход.

Тут сержант вздохнул с облегчением. Рольтх добрался до карниза и теперь лежал вне поля зрения патрульного. Если только робот обычного образца, его можно будет замкнуть через голову.

Добравшись до соседней двери, робот оста-

новился. Картр замер. Дело могло обернуться хуже, чем он думал. Должно быть, патрульный обладал какими-то особо чувствительными органами: он заподозрил присутствие чужих. Свет не вспыхнул. Робот стоял неподвижно, очевидно, принимая решение.

— Может, посылает в какой-то центр сигнал тревоги? — подумал Картр.

Но вот его рука шевельнулась.

— Картр!..

Хотя. Картр не обладал ночным зрением, в этом предупреждении он не нуждался. Он уже понял, что собирается делать патрульный. Картр упал и рывком скатился в сторону. И тут же вспыхнуло обжигающее пламя, превратившее вход в пылающий ад. Только тренированные мышцы и шестое чувство — чувство реальной опасности — спасли его от участи сгореть в этом аду.

Потрясенный, он пополз на животе. Подальше от этого всесожжения! Будет ли робот его преследовать?

Звук шагов…

— Картр! Картр!

Он уже сидел, когда Рольтх вылетел из-за угла и чуть не упал на него.

— Ты ранен? Он задел тебя?

Картр криво улыбнулся. Хорошо быть живым. Он сморщился, когда руки Рольтха коснулись обожженной кожи.

— Что с…

— С мешком железа? Я выжег дырку в его голове, и он упал. Он не задел тебя?

— Нет.

Погибший робот кое-что разъяснил относительно создавшей его цивилизации. Они использовали атомную энергию… Картр с отвращением посмотрел на след взрыва. Прожечь такую дыру в центре города, чтобы убрать кого-то! Интересно, что бы они подумали о парализующих ружьях?

С помощью Рольтха Картр встал. Он надеялся, что не сломал вторично запястье и что боль в руке — лишь следствие удара или падения.

— У меня такое чувство… — начал Картр и обрадовался, что Рольтх не убрал руку. Он чуть не упал, но Рольтх удержал. — Такое чувство, что нам лучше побыстрее убраться отсюда…

Его преследовало воспоминание о паузе перед нападением робота. Картр был уверен, что патрульный послал сообщение… Куда? Если город управлялся машинами, действующими поколение за поколением после смерти последнего жителя, тогда такое сообщение не представляло

угрозы. Разве что будут приведены в действие другие машины. Но если робот контролировался арктурианином, тогда рейнджеры успешно отразили первое нападение лишь для того, чтобы встретиться с новым, гораздо более опасным.

Когда Картр высказал свои соображения вслух, Рольтх согласился с ним.

— Мы не можем возвращаться прежним путем. — Фальтхарианин указал на огненное пятно, бывшее прежде дверью. — К тому же, на улице нас могут поджидать. Послушай, этот город чем-то напоминает мне Стиллу…

— Слышал о ней, но никогда не был там.

— Столица Лидиаса-1,— нетерпеливо сказал Рольтх. — Там население старомодное и все еще живет в больших городах. У них есть система подземных коммуникаций.

— Гм-м… — Картру не составило труда сделать вывод. — Идти вниз и постараться найти выход. Ладно. Сейчас самое время уходить. Поищем спуск.

Но, к их замешательству, пути вниз, по-видимому, не было. Они шли комнатами и залами, проходили мимо обломков мебели и странных машин, над которыми в другое время могли бы размышлять часами. Выхода не было. Им встре-

тились лишь две лестницы, ведущие вверх.

То, что им было нужно, они обнаружили в центре одной из комнат. Темный колодец — черная дыра, в которой фонарь Картра не мог нащупать дна. Однако фонарь все же помог им. Картр неожиданно выронил его. Вскрикнув, он попытался поймать фонарь, но опоздал. Неожиданно Рольтх разразился потоком фраз. В возбуждении он перешел на родной язык, и Картр потребовал, чтобы он перевел.

— Он не упал! Опускается вниз… Опускается!..

Сержант заглянул в колодец.

Антигравитационный спуск! И все еще работает!

Он не мог поверить своим глазам. Может, антигравитационные лучи удерживают лишь небольшой предмет, но человека…

Прежде чем он успел возразить, Рольтх перегнулся через край.

— Работает! Все в порядке!

И он исчез. Голос его донесся из шахты:

— Стою в воздухе. Присоединяйся! Это прекрасно!

Прекрасно, может быть, для самого Рольтха, который видит, что делает. Спускаться в эту черную пасть, надеясь, что механизм сработает!.. Не

в первый раз в своей жизни Картр проклял свое слишком живое воображение. Невольно закрыв глаза, он пробормотал молитву Духу Космоса и встал на воздух.

Действует! Воздух ощутимо сомкнулся вокруг его тела. Картр спускался, как перышко на ветру. Далеко внизу он увидел голубой свет фонаря Рольтха. Тот уже достиг дна. Картр подобрал ноги и постарался не врезаться в эту светящуюся точку.

— Счастливой посадки! — приветствовал Рольтх сержанта. Смотри, что я нашел.

Рольтх обнаружил платформу, переходящую в туннель. К стене тонкой цепочкой был прикреплен маленький экипаж с единственным креслом в центре. Руля не было. Машина не касалась пола, а висела над ним примерно в футе.

Перед сиденьем располагался пульт с рычажками. Приборы управления? Как с их помощью управлять машиной? Просто углубиться во тьму, рискуя столкнуться неизвестно с чем? Слишком рискованно. Встретиться с батальоном патрульных роботов менее опасно, чем оказаться в ловушке в подземной темноте.

— Сюда!

Картр чуть не подпрыгнул. Второй рейнджер

дошел до конца платформы и теперь освещал стену фонариком. Сержант едва видел в тусклом свете. Рольтх что-то обнаружил. Схема пересекающихся линий. Должно быть, план подземных туннелей. В прошлом им приходилось решать и более трудные задачи. Вскоре они знали, какой путь ведет к центру города.

Десять минут спустя они вдвоем втиснулись в узкое сиденье. Рольтх нажал две кнопки, а Картр отсоединил цепь. Послышалось слабое гудение. Они понеслись во тьму, и в лицо им ударил затхлый воздух туннеля.

— Прибыли… — прошептал Рольтх.

Машина пошла медленней, приближаясь к правой стороне туннеля. Впереди забрезжил свет. Должно быть — другая платформа. Им потребовалось ровно пять минут, чтобы добраться до этого места. Другое дело, то ли это место, которое им нужно. Они стремились к пункту, который, по их мнению, находился прямо под большим общественным зданием в центре города.

— Есть кто-нибудь впереди? — спросил Рольтх, полагаясь, как обычно, на способности Картра.

Сержант послал пробную мысль и покачал головой.

— Никого. Либо они не знают об этих путях,

либо не интересуются ими.

— Я склонен считать, что не знают.

Фальтхарианин ухватился за перила платформы. Картр выбрался из машины и огляделся. Помещение было, по крайней мере, втрое больше того, из которого начался их путь. Туннели отходили от платформы в нескольких направлениях. Платформа была освещена, но не ярко, так что Рольтху не нужно было надевать очки.

— Как же нам отсюда выбраться?

Рольтх осматривал станцию. Другие туннели были перед ними, но первый осмотр не дал указания на существование выхода. Однако Картр был уверен, что выход здесь имеется. Об этом свидетельствовал воздух — легкий ветерок. Более теплый и менее затхлый, он касался их лиц. Рольтх, должно быть, тоже уловил его, потому что он повернулся в направлении, — откуда шел ток воздуха.

Следуя за этим чуть ощутимым проводником, они пришли к круглой плоской плите на дне шахты. Картр выворачивал шею, пока не заболело горло. Далеко наверху виднелся слабый свет. Но они же не могут карабкаться… Разочарованный, он повернулся к Рольтху.

— Можно возвращаться…

Но фальтхарианин углубился в изучение панели с кнопками на стене.

— Не думаю. Посмотрим, работает ли!..

Он нажал верхнюю кнопку и тут же сжал плечо товарища: плита начала подниматься, и они вместе с нею взмыли наверх.

Оба рейнджера инстинктивно присели. Картр сглотнул, чтобы уменьшить гудение в ушах. По крайней мере, — подумал он с благодарностью, — шахта не закрыта сверху. Их не разобьет о крышку.

Дважды пролетали они мимо других платформ, примыкавших к шахте. Картр закрыл глаза. Ощущение бесконечного подъема на лифте было не из приятных. Вряд ли он захочет испытать его снова. Он вспомнил, как некогда испытал приступ паники: во время ремонта корпуса в полете он потерял страхующую веревку и отплыл от корабля. В этот раз ощущение было аналогичным.

— Прибыли…

Картр открыл глаза, удовлетворенный дрожью в голосе Рольтха. Итак, фальтхарианин наслаждался подъемом не больше его.

Где они? Сержант почти на четвереньках сполз с плиты, и огляделся. Помещение, в котором они находились, было хорошо освещено. Над головой,

поднимаясь на головокружительную высоту, громоздились, этаж за этажом, галереи, идущие от центра. Но тут Картра отвлек от наблюдения крик Рольтха:

— Она… она ушла!

Фальтхарианин широко раскрытыми глазами смотрел на пол. Плита-лифт, на которой они поднялись, исчезла, и пол, насколько — мог видеть Картр, был сплошным, без единой щели.

— Она опустилась, — теперь Рольтх лучше владел своим голосом — А сбоку выдвинулся блок и закрыл отверстие.

— Может быть, именно поэтому подземные пути не были обнаружены, — предположил Картр. — Допустим, шахта открывается лишь тогда, когда внизу к платформе из туннеля прибывает машина.

— Пока мы не оставим это проклятое место, я буду держаться подальше от середины помещений, — сказал Рольтх. — Вдруг окажешься на плите в тот момент, когда внизу кто-то прибудет. Настоящая ловушка!

И он осторожно, прощупывая пол при каждом шаге, направился к ближайшей двери. Картр был склонен последовать его примеру. Как заметил фальтхарианин, невозможно предсказать, как

начнет действовать древняя механика. Ему в голову пришла мысль: а вдруг именно появление их вездехода активизировало работу робота и вызвало весь эпизод с патрульным?

Но несколько секунд спустя он ощутил чувство потенциальной угрозы, гораздо более серьезной, чем исходящей от машин. Впереди какое-то неизвестное живое существо. Арктурианин? Нет. Чужой мозг, которого он коснулся, не был так силен. Тот, кто находился впереди, не обладал способностью прощупывать мысли. Пока он не увидит их, Картр может не опасаться, что их присутствие будет обнаружено. Рольтх понял знак сержанта. Оба положили руки на рукоятки бластеров.

Однако зал за первой дверью оказался пуст. Он был квадратный и уставленный скамьями из материала, весьма похожего на молочное стекло. Неяркий свет исходил от стен, и в этом свете молочная поверхность искрилась. В противоположной стене находились две двери, вдвое превышающие рост Картра. На них он увидел скульптурное изображение: стилизованная листва. И именно за этими дверями находился кто-то живой.

Сержант, блокируя все прочие впечатления,

сосредоточился только на этой скрытой впереди искре жизни. Он был рад тому, что неизвестный не сенситив, что можно касаться его мозга, не выдавая своего присутствия.

Человек. Сенситивность 3,5, не больше. При четырех он уже смутно ощутил бы присутствие чужого и забеспокоился, а при пяти немедленно обнаружил бы его присутствие. И это не пират. И не пленник пиратов. Впечатление насилия в прошлом или настоящем отсутствовало.

Но…

Картр уже было взялся рукой за широкую ручку двери. Но в этот момент кто-то присоединился к человеку за дверью. После первого же пробного контакта сержант мгновенно отступил. Арктурианин! Он узнал этот мозг и понял, что сам обнаружен. Арктурианин знал, что они здесь, знал так, как если бы его взгляд мог проникать сквозь камень. И Картр закусил губу. Арктурианин как будто поймал их на приманку, заставив обнаружить себя. Но если это так… В зеленых глазах рейнджера сверкнуло пламя. Он сделал знак Рольтху.

Тот нехотя убрал руку с бластера. Картр критически осмотрел его, потом взглянул на свою одежду. Блисовая кожа сапог и ремней ничем не

выдавала пребывание в густых джунглях. Значки со сверкающими кометами по-прежнему блестят на груди и шлемах. И хотя к ним добавлено изображение стрелы и листа, это все равно знак патруля. Обладатель такого значка имеет право появляться в любом месте галактики без разрешения. В сущности, он сам должен требовать у других объяснения.

Картр потянулся к ручке двери. Обе половинки двери ушли в стены, образовав проход, достаточно широкий для шести человек.

За дверью свет, исходящий от стен, был гораздо ярче, он сосредотачивался на овальном столе в самом центре помещения. За столом мог собраться весь экипаж крейсера Стол был выполнен из молочного камня, из того же камня были сделаны и огибающие его скамьи.

За столом неподвижно сидели два человека. Картр успел заметить, что рядом с более высоким, арктурианином, на столе лежит бластер. Увидев знаки патруля, арктурианин быстро вскочил, на лице у него появилось изумленное выражение. Второй, меньшего роста, облизал губы, и Картр почувствовал, как его изумление тут же перешло в радость.

— Патруль!

Это произнес арктурианин. В его голосе не было радости. Мозговой блок был на месте, и Картр не мог установить, что скрывается за этими черными загадочными глазами.

Эти двое не пираты. Оба одеты в разноцветные туники фантастического покроя — излюбленные одежды упадочных цивилизаций внутренних систем. И бластер на столе был их единственным оружием. Картр двинулся вперед.

— Кто вы такие? — резко спросил он, подражая манерам и голосу Джексена.

Он никогда раньше не исполнял обязанности патрульного, но пока у него Знак Кометы, ни один штатский не заподозрит этого.

— Джойу Кумми, лорд вице-сектора Арктура, — почти насмешливо ответил высокий. Он держался с высокомерием, присущим его расе. — Это мой секретарь, Фортус Кан. Мы были пассажирами на «Каллеле Х451». На нас напали пираты, и она ушла в овердрайв в поврежденном состоянии. Выйдя из овердрайва, мы обнаружили, что корабельный компьютер вышел из строя и мы находимся в совершенно незнакомом районе галактики. У нас хватило горючего на две недели полета, а потом мы были вынуждены приземлиться здесь. С тех пор мы все время пы-

таемся связаться с кем-нибудь, но не знали, что нам удалось. Вы с…

Лорд вице-сектора? К тому же арктурианин. Картр понял, что ступил на опасную почву. Этот Джойу Кумми, — решил он, — не должен узнать, что патруль вовсе не прибыл спасать потерпевших крушение. Что они в таком же положении. Что-то здесь неправильно. И Картр был начеку. Но если нельзя прочесть мозг арктурианина, то нужно хотя бы скрыть собственные мысли.

— Рейнджер Рольтх и сержант Картр, приписанные к «Звездному пламени». Мы обязаны сообщить о вас нашему командиру.

— Значит, вы явились не в связи с нашим сигналом?

Это вступил в разговор Фортус Кан. На его лице появилось выражение разочарования.

— Мы выполняем обычный разведывательный план, — холодно ответил Картр.

С каждым моментом напряжение усиливалось. Блок арктурианина был мощный, но он не смог скрыть все эмоции. И не пытался.

По шкале сенситивности арктурианин достигал 5,9. Но если Кумми никогда раньше не встречал кого-нибудь из расы Картра, а это маловероятно, так как они почти никогда не улетали

со своей планеты, он не мог догадаться, что перед ним — 6,6.

Голос Фортуса Кана перешел в вопль.

— Значит, вы не сможете забрать нас отсюда? Вы не можете вызвать помощь!..

Картр покачал головой.

— Я доложу о вашем присутствии командиру. Сколько вас?

— Сто пятьдесят пассажиров и двадцать пять членов экипажа, — ответил Джойу Кумми. — Как вы добрались до этого места незамеченными? Мы активизировали найденных патрульных роботов.

Его прервал Фортус Кан, и Картр заметил, что это рассердило арктурианина.

— Вы уничтожили патрульного? На проспекте Кумми!

Проспект Кумми! Картр понял значение сказанного. Итак, здесь правит лорд вице-сектора, причем в такой форме, что даже дал свое имя главной улице города.

— Мы дезактивировали робота в городе, который считали покинутым, — ответил Картр. — Поскольку то, что мы здесь обнаружили вас, очень важное открытие, мы прервем разговор и немедленно вернемся в свой лагерь.

— Конечно, — Кумми превратился в исполнительного чиновника. — Мы сумели привести в действие несколько наземных машин. Одна из них отвезет — вас...

— Мы полетим, — быстро возразил Картр. — А к вездеходу вернемся прежним путем. Долгой жизни, лорд вице-сектора!

Он поднял руку в традиционном приветствии. Но уйти далеко не удалось.

— Вас доставят до вашего вездехода, сержант. Есть и другие роботы-патрульные, и для вас же безопасней, если ваш провожатый будет знать пароль. Мы не можем рисковать членами патруля...

Картр не решился отказаться от такого внешне разумного предложения. И все же... Он знал, что за этим что-то кроется. Он чувствовал холодок страха в позвоночнике, и это чувство в прошлом много раз спасало ему жизнь. Если бы он мог прощупать мозг Фортуса Кана! Но он не решился на это в присутствии арктурианина.

— Я думаю, не стоит возбуждать наших людей сообщением о вашем прибытии, — продолжал лорд, провожая рейнджеров в прихожую. — Конечно, их подбодрит известие об установленном контакте с патрулем. Особенно теперь, когда

после пяти месяцев передач по слабенькому коммуникатору мы уже считали, что обречены провести здесь остаток жизни. Но я предпочитаю обсудить положение с вашим командором, прежде чем вызывать в них надежду. Вы, очевидно, заметили, как реагировал на ваше появление Кан. Он увидел в этом обещание немедленного возвращения к благам цивилизации. И поскольку патрульный корабль не сможет забрать всех сразу, нужно провести кое-какую подготовку…

Дважды во время своей речи арктурианин сделал попытку забраться в мозг Картра… Или установить над ним контроль? Но сержант был начеку и теперь знал, что Кумми получит лишь представление о патрульном корабле, севшем в отдаленном районе. Кораблем этим командует бдительный и умелый командир, и с таким человеком трудно будет иметь дело штатскому администратору.

— Я считаю это мудрым решением, лорд вице-сектора, — вставил Картр, воспользовавшись первой паузой. — Значит, вы уже пять месяцев находитесь здесь, в городе?

— Не с самого начала. Аварийная посадка произошла в нескольких милях отсюда. Но при спуске мы зарегистрировали город и после по-

садки смогли отыскать его без особого труда. Механизмы города оказались в удивительно исправном состоянии. Конечно, наличие в экипаже Трайора Винка и двух его помощников оказалось дополнительной удачей. Он техник-механик с линии Капеллы. И здешние машины совершенно поглотили его. Он считает, что обитатели города в некоторых отношениях превосходили нас. Да, нам повезло.

Они пересекли помещение со скрытой ходовой шахтой лифта и вышли на просторный балкон, нависавший над таким огромным залом, что Картр почувствовал себя в нем песчинкой. С балкона в зал вела лестница. Ступени ее были так широки, что, казалось, предназначались для гигантов. Из зала через колоннаду в форме древних стволов выход вел на улицу.

— Кумбас!

Ожила фигура, прислонившаяся к одной из колонн.

— Отведи патрульных к вездеходу. Я не прощаюсь, сержант. — Лорд повернулся к Картру. Значительное лицо, великодушно разговаривающее с подчиненными. — Мы скоро снова встретимся. Вы хорошо поработали, и мы вам благодарны. Передайте вашему командиру, что

мы ждем от него сообщений.

Картр отсалютовал. Во всяком случае, арктурианин не настаивав на том, чтобы сопровождать их до вездехода. Кумми ждал, пока они не уселись в маленький наземный экипаж. Водитель двинул его с места.

Когда они отъехали от здания, Картр обратил внимание на водителя. Этот щетинистый еж черных волос с просветами коричневого, эти длинные челюсти… Так вот почему Кумми отпустил их одних! Неудивительно, что он не считал необходимым самому сопровождать их. Он все равно с ними, хотя и не — телесно. Их водитель — капеец, совершенный слуга, чей мозг настроен на волну действия в пользу хозяина.

Как будто что-то скользкое коснулось кожи Картра. У него было врожденное отвращение сенситива к подобным созданиям. И теперь он должен… Сама мысль об этом переворачивала пустой желудок. Худшей задачи он никогда перед собой не ставил. Придется погрузиться в этот мозг так, чтобы хозяин ничего не заподозрил, и поместить туда ложные воспоминания…

— Куда?

Даже этот голос болезненно отдавался в нервах.

— По этой широкой улице, — сквозь зубы приказал Картр.

Он сжал руку Рольтха. Фальтхарианин не шелохнулся, но ответил легким пожатием.

Картр начал. Рот его кривился от отвращения, мозг и тело в равной мере сопротивлялись воле, принуждавшей их. Было даже хуже, чем он ожидал. Контакт иссушал, опустошал его. Но он продолжал. Неожиданно экипаж свернул в проезд и остановился. Во дворе они оставались в машине, пока Картр не довел тошнотворную схватку до конца. Голова капейца упала на грудь, и он осел в кресле водителя.

Рольтх вышел. Картру пришлось напрячь все силы, чтобы последовать за ним. Он ухватился за дверцу и повис. Его тошнило. Рольтх подхватил его трясущееся тело, и с помощью фальтхарианина Картр вышел на улицу.

— Вперед!.. — слово было произнесено с трудом, между приступами рвоты.

— Да, я вижу…

Чувствительные глаза Рольтха улавливали слабый фон радиации. Они находились в четырех кварталах от того места, где робот выстрелил им в дверь… А оттуда они легко найдут дорогу к вездеходу.

Рольтх не задавал вопросов. Он шел рядом, готовый под держать, излучающий успокоительное тепло искренней дружбы. Чистой! Чистой?.. Картр подумал, почувствует ли он себя когда-нибудь чистым. Как может сенситив — пусть даже арктурианин — иметь дело с таким существом? Но не нужно думать о капейце…

Когда они добрались до места атомной вспышки, Картр уже шел уверенно. Как только они обнаружили круги, оставленные фонариком фальтхарианина, ходьба сменилась бегом. Когда они добрались до вездехода, Картр сказал:

— Будем уходить ломаным курсом. Возможно, они все же следят за нами.

Рольтх хмыкнул в знак согласия. Вездеход взмыл в воздух. В лицо им ударил холодный ветер, предвестник рассвета. Картру хотелось, чтобы ветер смыл все воспоминания о встрече с капейцем.

— Ты не хочешь, чтобы они знали о вас? — это был полувопрос, полуутверждение.

— Пусть решает Джексен, — ответил Картр, охваченный всепоглощающей усталостью. Ему хотелось лечь и уснуть, но он не мог. И он заставил себя объяснить Рольтху, чего им следует опасаться в будущем.

— Этот водитель был кап-пес. И что-то здесь подозрительно, крайне подозрительно.

Рольтх не был сенситивом, но как рейнджер он знал достаточно. Он выпалил пару слов на своем лающем родном языке.

— Мне пришлось поместить в его мозг ложные воспоминания. Он доложит, что довез нас до вездехода, расскажет, о чем мы разговаривали в пути, укажет направление, в котором мы улетели…

— Так вот что ты делал!

Рольтх отвел взгляд от индикаторов и посмотрел на товарища со смешанным выражением ужаса и страха.

Картр расслабился и откинул голову на спинку сиденья. Теперь, когда они удалились от огней города, на небе появились бледные звезды. Что сделает Джексен? Прикажет ли он соединиться с жителями города? А Кумми? Чем тот сейчас занимается?

— Ты не доверяешь арктурианину? — спросил Рольтх, когда они легли на правильный курс, ведущий к лагерю.

— Он арктурианин. Ты их знаешь. Он лорд вице-сектора и, несомненно, безраздельно властвует в городе. И… он не откажется от власти…

— Значит, он недоволен появлением патруля?

— Возможно. Лорды секторов в наше время своевольны, повсюду идет борьба за власть. Хотел бы я знать, почему он летел на обычном пассажирском корабле. Если он…

— Если он убегал из какого-нибудь горячего места, то он был бы только рад найти здесь новое королевство. Да, я могу это понять, — сказал Рольтх.

Вездеход плавно свернул направо. Рольтх выключил главный двигатель, оставив только экраны парения. Они медленно двигались новым курсом. Это увеличит на час время возвращения, но зато из города их не смогут засечь.

Остальную часть пути они почти не разговаривали. Картр несколько раз начинал дремать и всякий раз просыпался в кошмаре. Мозг его требовал полного отдыха. С трудом он пытался строить планы на будущее. Он доложит ситуацию Джексену. Офицер не доверяет впечатлением сенситива, он может не поверить беспокойству Картра. А у сержанта не было доказательств утверждения, что чем дальше они будут держаться от Кумми, тем лучше. Почему он боится Кумми? Потому что тот — арктурианин, тоже сенситив, или из-за каппса? Почему он так уверен, что лорд вице-сектора

— опасный враг?

— И вы должны признать, что его объяснение достаточно правдоподобно…

Картр смотрел на Джексена через плоский каменный обломок, служивший им столом.

— Город прекрасно сохранился, — безжалостно настаивал офицер. — К тому же, в отряде Х451 оказались механики, которые смогли оживить его…

Сержант устало кивнул. Ему следовало бы явиться на это состязание воли с ясным умом и отдохнувшим телом. Он же, напротив, испытывал в этот момент физическую и умственную усталость. С трудом выслушивал он неодобрительные замечания Джексена.

— Если это все правда, — Джексен в третий раз повторил то, что казалось ему логичным и разумным заключением, — я не понимаю вашего нежелания, Картр. Если только… только… — тут он начал излучать явную враждебность, но уставший Картр не прореагировал на это. — Если только ваше отношение к арктурианину не вызвано личными причинами. — Он замолчал, и его враждебность сменилась чувством, близким к симпатии. — Разве не арктурианин отдал приказ сжечь Илен?

— Насколько мне известно, это вполне возможно. Но не в этом причина моего недоверия к этому Джойу Кумми, — начал было Картр, собрав остатки терпения.

Не было смысла говорить, что Кумми использовал кап-пса. Только сенситив может понять ужас этого. Джексен нашел объяснение, которое кажется ему разумным, и теперь будет держаться его. Сержант давным-давно понял, что несенситивы относятся с глубоким недоверием к возможностям мысленного контакта, а некоторые не признают даже его существования.

Джексен, по существу, принадлежал к таким. Он поверил бы в способность Картра применительно к животным и чужакам-негуманоидам, но внутренне отвергал возможность чтения человеческого мозга. Спорить нет смысла. Картр вздохнул. Он сделал все, что мог, чтобы предотвратить следующий шаг Джексена. Теперь остается только ждать, пока обнаружится опасность, которую, таит в себе город.

И вот они присоединились к уцелевшим с Х451 и признались, вопреки мнению Картра, что их собственный корабль разбит. Джойу Кумми встретил их вежливо и гостеприимно. Вибором занялся корабельный врач. Роскошные поме-

щения, соседствующие с апартаментами лорда вице-сектора, как с подозрением отметил Картр, были отведены для экипажа и офицеров.

Рейнджерам, однако, оказали более холодный прием. Картру и Рольтху дали понять, что как гуманоиды они считаются равными всем остальным подданным королевства. Но арктурианин Кумми лишь слегка кивнул Зинге и Филху и ничего не сказал о помещении для них. Картр собрал свой маленький отряд в центре большой пустой комнаты, где их, вероятно, нельзя было подслушать.

Когда они, скрестив ноги, сели на пол, Зинга сказал:

— Если вы будете утверждать, что запах этих залов далек от ароматов тех цветов, я с вами соглашусь.

Он повернулся к Картру.

— И долго еще обрывки лояльности будут заставлять тебя мириться с таким положением?

Когти Филха поскребли жесткие чешуйки рук.

— Рейнджеры должны говорить только тогда, когда к ним обращаются. А рейнджеры-бемми должны позволять своим господам решать, что для них лучше. Они должны быть исполнительными, скромными и знать свое место.

Картр сдерживался с той самой поры, когда его мнением пренебрегли и явились сюда, в место, которое он считал ловушкой. Но тут он не выдержал.

— Хватит. Я уже слышал подобное.

— Зинга прав, — Рольтх не обратил внимания на вспышку Картра. — Либо мы принимаем существующие здесь условия… либо — уходим, если сможем. И может быть, у нас совсем не останется времени на размышления.

— Если сможем… — повторил Зинга с улыбкой, демонстрирующей не веселье, а множество острых зубов. — Это чрезвычайно интересное предложение, Рольтх. Любопытно, были ли… или есть… в составе экипажа и среди пассажиров Х451 бемми? Вы заметили, что применительно к ним я склонен использовать прошедшее время? Мне кажется, что так правильнее.

Картр рассматривал свои коричневые руки: одну, выступающую из грязной перевязи, другую, отдыхающую на колене. Руки исцарапанные, огрубевшие, с обломанными ногтями.

И хотя он внимательно изучал каждую царапину, мысли его были заняты словами Зинги. Нет… Он не собирается мириться с создавшимся положением. Надо начать кое-какую подготовку.

— Где наши мешки? — спросил он у Зинги.

— Эти сокровища перед нашими глазами. И если нужно будет в спешке уходить, мы сможем это сделать со всем походным оборудованием.

— Я предложу Джексену, чтобы рейнджеры жили отделено, в общем помещении… — медленно сказал Картр.

— В западном углу здания есть трехэтажная башня, — вмешался Филх. — Отступим к этому высокому насесту. Может быть, они будут настолько рады избавиться от нас, что разрешат это?

— Позволить, чтобы нас закрыли, как в бутылке? — спросил Зинга, с ядом в свистящем голосе.

Филх раздраженно щелкнул когтями.

— Ничего подобного. Вспомните, мы имеем дело с горожанами, а не с исследователями. Для них все возможные входы и выходы — это окна и двери.

— Значит, в твоей хваленой башне есть что-то, не вошедшее в этот каталог? И оно послужит нам выходом? — бледные губы Рольтха изогнулись в легкой улыбке.

— Естественно, я не предложил бы ее в качестве убежища. Во внешнюю стену вделан для украшения ряд колец. Это все равно что лестница для тех,

кто знает, как пользоваться руками и ногами…

— И закрывает глаза, делая это, — простонал Зинга. — Иногда я хочу быть штатским и вести жизнь мирную и безопасную.

— Позволим этим людям считать, что они провели нас, — к Филху вернулось его обычное хорошее настроение, — если захотят, они поставят охрану у единственной лестницы, ведущей в башню.

Картр кивнул.

— Повидаюсь с Джексеном. В конце концов, хотя мы и рейнджеры, но все принадлежим к патрулю. И если мы хотим жить вместе, ни один штатский не имеет права спрашивать нас… Даже лорд вице-сектора! Сидите тихо!

Он встал, а трое рейнджеров кивнули. Хотя они и не сенситивы — впрочем, Картр подозревал, что Зинга обладает способностями, схожими с его собственными, — но знают, что их только четверо в потенциально опасном окружении. Нужно добраться до башни Филха!

Однако ему пришлось долго дожидаться Джексена. Офицер сопровождал Вибора к врачу. А когда Джексен вернулся и обнаружил ожидающего его Картра, офицер был далек от сердечности.

— Что вам здесь нужно? Вас спрашивал лорд

вице-сектора. У него есть для вас приказы…

— С каких это пор, — прервал его Картр, — этот лорд вице-сектора имеет право отдавать приказы патрульным? Он может советовать и просить, но не приказывать любому из тех, кто носит Знак Кометы — патрульному или рейнджеру.

Джексен подошел к окну, постоял, постукивая пальцами по подоконнику, повернувшись спиной к сержанту. Он не обернулся, даже отвечая.

— Мне кажется, вы не совсем понимаете наше положение, сержант. У нас нет корабля. Мы…

— А разве корабль необходим?

Но, может быть, правда именно в этом, — подумал он. — Может, для Джексена и экипажа необходим корабль. Без него они беззащитны.

— Именно этого я и опасался, когда возражал против переселения сюда, — более спокойно продолжал Картр. Он должен был сказать это, не думая о вежливости.

— В подобных обстоятельствах у нас не было бы выбора. — Прежний Джексен на мгновение проглянул в этом порыве. — Великий Космос! Вы что же хотели, что мы жили в дикости, когда есть такая возможность? А командор? Он нуждается в медицинской помощи. Только…

— Почему вы замолчали, сэр? Только варвар-

рейнджер может спорить с этим? Вы это хотели сказать? Что ж, я варвар, и считаю, что лучше было бы оставаться свободным, чем приходить сюда. Но давайте объяснимся. Правильно ли я понял, что вы передали власть патруля Джойу Кумми?

— Плохо, когда власть разделена. — Джексен по-прежнему не оборачивался и не смотрел в глаза Картру. — Каждый человек должен сделать свой вклад, чтобы помочь общине. Джойу Кумми имеет доказательства, что приближается сезон жестоких холодов. Наш долг — помочь подготовиться к этому. Он хочет послать вас на охоту. Здесь есть женщины и дети…

— Понимаю, и рейнджеры должны заняться охотой. Что ж, нужно подготовиться. А тем временем мы хотим подготовить отдельное помещение.

— Вам с Рольтхом отведены помещения с нами, здесь.

— Рейнджеры предпочитают держаться вместе. Как вы знаете, политика патруля всегда была такова. Или патруль совершенно перестал существовать?

Если бы не усиливающееся беспокойство, Картр не стал бы добавлять этого.

— Послушайте, Картр, — Джексен отвернулся от окна, не время ли посмотреть в лицо действительности? Нам придется провести здесь всю жизнь. Нас семеро человек против почти двухсот… И эти двести хорошо организованы.

— Семеро? — переспросил Картр. — Если считать и командора, нас девять.

— Людей, — Джексон подчеркнул это слово.

Вот что! Картр уже давно боялся услышать это.

— Четыре рейнджера и пять членов экипажа, — упрямо повторил он. — И рейнджеры… держатся вместе.

— Не будьте дураком!

— К черту мне это преимущество! — Картр теперь был холоден как лед. — Похоже, остальные довольны?

— Вы человек. Вы принадлежите к своей расе. А эти чужаки… Они…

— Джексен! — Картр раз и навсегда отбросил мысль о том, что офицер его начальник. — Я знаю все эти заезженные шаблонные аргументы. Я слышу их с тех пор, как вступил в патруль. Не стоит снова перечислять их…

— Вы полный идиот! С тех пор как вступили в патруль? И давно это было? Восемь лет? Десять? Вы еще щенок! С тех пор как вступил в патруль!

Вы ничего не знаете… о проблеме бемми! Только варвар…

— Я уже согласился с этим. У меня странные вкусы в выборе друзей. Признаем это и прекратим разговор.

Картр снова овладел собой.

Ясно, что Джексен пытался оправдать свое нынешнее поведение не только перед Картром, но и перед собой.

— Позвольте мне идти к смерти собственным путем. Или у Кумми правило: «Люди должны держаться друг друга против бемми»?

Джексен отвел взгляд.

— У него… сложные предрассудки. Не забывайте, он — арктурианин. У них были сложные проблемы в отношениях с негуманоидами в собственной системе…

— И они очень аккуратно решили эти проблемы, хладнокровно уничтожив всех чужаков!

— Я забыл, что вы настроены против арктуриа…

— Мои чувства к арктурианину, которые, должен сказать, отличаются от ваших, не имеют никакого отношения к данному вопросу. Я просто отказываюсь разделять такие взгляды в отношении бемми. Если лорд вице-сектора хочет, чтобы

рейнджеры охотились для него, пусть будет так. Но мы сохраняемся как единый отряд. И если нам попытаются помешать… Что ж, мы готовы ко всему.

— Послушайте! — Джексен яростно пнул лежащий на полу спальный мешок. — Подумайте же, Картр! Мы проведем здесь остаток жизни. Нам исключительно повезло: Кумми считает, что этот город может быть полностью восстановлен. Мы можем начать все снова. Я знаю, вам не нравится Кумми, но он способен превратить толпу истеричных пассажиров в организованное общество. Семь человек не могут сопротивляться ему. Все, о чем я вас прошу: не повторяйте Кумми то, что вы сейчас сказали мне. Сначала подумайте.

— Обязательно. Тем временем рейнджеры займут общее помещение.

— Ну ладно. — Джексен пожал плечами. — Делайте, что вам нравится.

Может, следовало сказать: «То, что нравится Кумми», — думал, выходя из комнаты, Картр.

Рейнджеры ждали его, и он начал отдавать распоряжения.

— Рольтх, ты с Филхом идешь в башню. И если кто-нибудь попытается вас остановить, сошлитесь на право патруля. Может, подчиненные

Кумми еще сохранили какое-то уважение к патрулю. Зинга, где ты оставил наши мешки?

Пять минут спустя Картр и закатанин подобрали четыре рейнджерских мешка.

— Подсунь под них антигравитационные доски, — посоветовал Картр, — и пошли.

Плывущие над полом рюкзаки легко было тащить. Картр и Зинга направились вглубь здания. Когда они уже приближались к лестнице, ведущей в башню, им встретился Фортус Кан. Он прижался к стене, давая им пройти, так как Картр не остановился. Но когда они прошли, Кан спросил:

— Куда вы идете?

— Заселяем помещение рейнджеров, — коротко ответил сержант.

— Он следит за нами, — прошептал Зинга, когда они начали подниматься. — Он не очень смел. Стоит на него прикрикнуть, и он побежит…

— И не пытайся, — возразил Картр. — У нас и так достаточно неприятностей. Незачем обзаводиться новыми.

— Хо! Значит, ты понял это? Короткая, но веселая жизнь, как говорит мой брат. Интересно, где теперь Зифф? Одевается в шелк и три раза в день ест брофиды, или я не знаю этого грабителя! Но

я был бы рад увидеть его гнусное лицо на верхней площадке лестницы. Он прекрасный боец, искусно управляется с силовым лезвием. Раз — и враг повержен, половина его внутренностей наружу…

Они и сейчас могут справиться с пятьюдесятью бойцами, — подумал Картр. — А может, только с десятью?

— Добро пожаловать, путешественники!

Это был Рольтх. Очки делали его лицо похожим на морду насекомого, когда он смотрел на них сверху.

— Наконец-то старая птица нашла себе подходящий насест. Входите и отдохните, мои храбрые друзья!

— Огненные вампиры и осьминоги!

Даже Зинга оказался удивленным видом помещения. Стены его были зелеными, тускло прозрачными. За ними двигались яркие причудливые фигуры — плавали водные существа! Не сразу Картр понял, что это иллюзия, рожденная лучом какого-то скрытого проектора. Зинга сел на мешки, прижав их своей тяжестью к полу.

— Великолепно! Роскошно! Соблазнит самый привередливый вкус. Существо, задумавшее эту комнату, было гурманом. Я был бы рад пожать

его руку, плавник или щупальце. Замечательно! Вот этот красный, разве не напоминает он до последней чешуйки брофида? Что за удивительная комната!

— Как дела с продовольствием? — спросил Картр у Рольтха через голову Зинги.

Брови у фальтхарианина поднялись настолько, что стали видны над очками.

— Ты считаешь, что мы можем оказаться в осаде? Есть несколько нетронутых банок, примерно на пять дней нормального питания, или вдвое больше, если потуже затянем пояса.

— Вы хотите сказать, — вмешался Зинга, — что привели нас в эту возбуждающую аппетит комнату, чтобы кормить грибами и прочими мушиными ядами, которые мы едим, карабкаясь по скалам, когда нет надежды на охоту? Я не выдержу такой пытки! Как свободнорожденный гражданин я настаиваю на своих правах!

— Свободнорожденный гражданин? — переспросил Филх. — Более подходит второй класс… или даже третий. И вообще ты не имеешь никаких прав…

Рольтх заметил выражение лица Картра и счел нужным вмешаться.

— Так обстоят дела? Честно!

— Примерно так. — Картр сел на единственный предмет меблировки в комнате — скамью из молочного камня. — Я был у Джексена. Он сказал, что Кумми может мне приказывать.

— Приказывать? — снова брови фальтхарианина выдали его изумление. — Штатский, отдающий приказы патрулю? Хоть мы и рейнджеры, но все же члены патруля!

— Неужели? — спросил Филх, — У патрульных есть свои корабли, их поддерживает вся мощь патруля. Мы всего лишь выжившие после кораблекрушения и не можем рассчитывать на появление флота.

— Джексен тоже так считает. Я понял, что он более или менее уступил власть Кумми. Он считает, что здесь всем должен распоряжаться лорд вице-сектора…

— И мы должны быть счастливы, что оказались здесь? Да, я понимаю эти аргументы, — сказал Рольтх. — Но Джексен — он патрульный до мозга костей. В его позиции что-то кажется странным, не укладывается в его характер.

Филх отмахнулся от подобной ерунды.

— Психологическая реакция Джексена не должна нас интересовать. Правильно ли я понял, что бемми признаются здесь гражданами второго

сорта?

— Да.

Ответ был жесток, но Картр меньше всего хотел скрывать правду.

— И тебе предложили держаться подальше от… нечистых? — протянул Зинга, откидываясь назад и обхватив руками колени.

— Да.

— Где пределы их глупости? — пожал плечами Рольтх. — Если они хотят, чтобы мы для них охотились, значит — они нуждаются в пище. А эти мягкотелые горожане ничего не добудут, только кусты потопчут. Они должны были договориться с нами, а не настраивать нас против себя.

— Ты когда-нибудь встречал логичный предрассудок? И даже Джексен согласился с таким отношением к бемми?

В глазах Филха появился неприятный блеск.

— Не знаю, что случилось с Джексеном! — взорвался Картр. — И не интересуюсь! Гораздо важнее, что произойдет с нами…

— Вам с Рольтхом не о чем беспокоиться, Картр, — заметил Филх.

Картр вскочил и сделал два больших шага. Его зеленые глаза оказались на одном уровне с красными глазами тристианина.

— Чтобы я в последний раз слышал подобное! Я сказал Джексену — и скажу Кумми, если понадобится, — что рейнджеры всегда держатся вместе.

Филх сжал тонкие губы. Его глаза смягчились. Он успокаивающе развел руками, и голос его звучал ровно.

— Как реагировал Джексен на твои слова?

— Многословием. Но это дало мне возможность настоять на том, чтобы мы поселились вместе.

Зинга встал и начал бродить по комнате.

— Что еще нового? — спросил он у Рольтха. — Какие здесь еще помещения?

— На этом этаже еще одна комната с двумя окнами, выходящими наружу, на лестницу Филха. Над этой есть еще одна большая комната, а на третьем этаже — помещение с ванной. И хотите верьте, хотите нет, но там идет вода!

Картр не обратил внимания на одобрительное восклицание Зинги.

— Вход только один? Вы уверены?

— Да. Конечно, если только к нам не спустятся с неба. Но я считаю, что этого можно не бояться. А эту дверь можно запереть. Смотрите…

Рольтх встал на темно-красный квадрат на полу. Из правой стены беззвучно выдвинулась металлическая плита и закрыла вход.

— Теперь попробуй открыть, — сказал фальтхарианин сержанту.

Но даже с помощью Зинги и Филха Картр не смог сдвинуть дверь с места. Тогда Рольтх снова наступил на квадрат, и дверь легко открылась.

— Филх закрыл меня, когда мы осматривали помещение. И нам пришлось поломать головы. Хитрый парень это построил. Чтобы пробиться, понадобится мощный разрушитель.

— Кстати, есть ли он у них? — выразил Зинга мысль Картра.

Но беспокойство по этому поводу тут же отошло на второй план. Картр почувствовал, что кто-то поднимается по лестнице. По знаку сержанта рейнджеры рассредоточились. Зинга прижался спиной к стене у двери, чтобы оказаться на спине вошедшего. Филх лег на живот за грудой рюкзаков, а Рольтх извлек бластер и встал немного в стороне от сержанта.

— Картр!

Он узнал голос.

— Входите.

Смит повиновался. Он вздрогнул, когда позади него материализовался Зинга. Лицо Смита беспокойно хмурилось, и Картр понял, что он для них не опасен. Связист вторично приходил к ним

не как враг.

— Что случилось? — спросил Картр.

Все же Смит на стороне Джексена.

— Всякие разговоры. Говорят, что рейнджерам нельзя доверять.

— Что же… — губы Картра раздвинулись, но не в улыбке. — Я и раньше много раз слышал такое, но от этого не становилось хуже.

— Раньше — может быть. Но этот арктурианин… он… Он сошел с ума! — взорвался Смит. — Говорю вам, он сумасшедший!

— Может, вы сядете? — зашипел Зинга. — Вот сюда, чтобы мы могли приглядывать за вами. А теперь расскажите все по порядку.

— Да практически нечего и рассказывать. Какое-то чувство… Он настаивает, чтобы вы держались в стороне от всех, кроме его собственных людей. У него охрана: это кап-пес и несколько человек из экипажа Х451. Один из них — офицер, два фермера, выращивающих ктел, и три профессиональных наемника. Все вооружены — бластеры, выпущенные Контролем, и силовые лезвия. Но я не видел других офицеров с Х451 и ничего не слышал о них. И Кумми отдает приказы нам! Дальгру и Спину приказано присоединиться к техникам и помочь им в управлении обслужи-

вания города. А ведь они патрульные! И Джексен не возразил.

— А вы? Получили назначение? — спросил Рольтх.

— К счастью, меня не было, когда искали специалистов-техников. Послушайте, как он смеет отдавать приказы патрулю?

В голосе Смита звучало искреннее недоумение. Картр был вынужден объяснить вторично:

— Постарайтесь поскорее понять, что для Кумми и всех остальных патруль перестал существовать. Нам не на что опереться, а у Кумми есть опора. Вот почему…

— Вы возражали против нашего прихода сюда, — подхватил Смит. — И вы были правы! Я знаю, вы, рейнджеры, иначе относитесь к службе, чем мы. Вы всегда держались независимо. Но мой отец погиб на баррикадах Шлюзов Альтры. Он прикрывал отход остальных и держался, пока не взлетели корабли выживших. А мой дед был вторым помощником на дредноуте Проксимы, который пытался достичь второй галактики. Пять поколений нашей семьи служат в патруле. И пусть меня сожжет Космос, если я когда-нибудь подчинюсь приказам Кумми! Пока ношу это! — и он показал на свой значок Кометы.

— Прекрасное заявление, но оно не поможет вам против частной полиции Кумми, — заметил Зинга. — Значит, вас привело к нам простое нежелание получать приказы от штатского?

— Не нахальничайте! — выпалил Смит. — Я слышал достаточно, чтобы понять, что Кумми — это смерть для бемми, да и для рейнджеров тоже. — Юн махнул рукой в сторону Картра. — Ходят слухи — я услышал это от одного из фермеров, — что Кумми уже сжег кого-то.

— Кого? — гребешок на голове Филха поднялся. — Бемми? Какого вида?

Смит покачал головой.

— Не знаю, фермер говорил очень неопределенно. Но от Кумми не следует ожидать честности. И я не собираюсь подчиняться его приказам. Может, раньше мы не всегда шли одним курсом, но теперь перед нами общая цель.

— Да? — когти Филха пригладили гребешок. — Но в данных условиях от сделки выигрываете вы. Что вы предложите нам взамен?

— У него есть то, в чем мы нуждаемся, — вмешался Картр.

Просьба связиста была искренней. Он в самом деле хотел быть с рейнджерами.

— Все зависит от вас, Смит. Если вы можете

настолько подавить свою гордость, чтобы служить Кумми, сделайте это. Через вас мы многое сможем узнать: каковы силы Кумми, есть ли недовольные среди пассажиров, каковы его планы. Мы не будем сражаться вслепую.

Затем он обратился к рейнджерам:

— Вы двое, Филх и Зинга, будете держаться незаметно, пока мы не узнаем больше. Незачем привлекать излишнее внимание. Что касается меня, то после разговора с Джексеном я уже занесен в их черные списки. Рольтх пригоден не для всякой работы. Итак, Смит, если вы действительно хотите присоединиться к нам, держите это желание за мозговым блоком. И блок должен быть крепким. Арктурианин — сенситив, и то, что он не сможет извлечь из незащищенного мозга, сделает для него кап-пес. Это трудное задание, Смит. Вы должны стать сторонником Кумми и противником бемми. Небольшое сопротивление вначале не помешает — иного трудно ожидать от патрульного с вашими заслугами и прошлым. Но сможете ли вы, Смит, вести двойную игру? И захотите ли?

Связист спокойно выслушал сержанта, потом поднял голову и кивнул.

— Попытаюсь. Не уверен относительно мозго-

вого блока. — Он заколебался, — Я не сенситив. Что может сделать со мной Кумми?

— Он — 5,9. Полностью овладеть вами он не сможет, если вы боитесь этого. Вы с Луги? Или кто-нибудь из родителей?

— Мой отец — луганин. А мать — с Десарта.

— Луга, Десарт… — Картр взглянул на Зингу.

— Высокая сопротивляемость, — тут же ответил закатанин, — Сильное воображение, но эффективный контроль. Способность к контакту — 0,008. Нет, арктурианин не сможет взять над ним верх. И у Вас есть мозговой блок, Смит, даже если вы никогда его не использовали. Просто думайте о какой-нибудь специальной проблеме, когда находитесь рядом с сенситивом. Сконцентрируйте мысли на своей прежней работе…

— Так? — живо спросил Смит.

Он как будто щелкнул переключателем, и вместо открытого мозга теперь была умственная пустота. Картр не мог удержаться от восклицания. Потом он сказал:

— Так держать, Смит. Зинга…

Его мысль устремилась к мозгу связиста, и он тут же почувствовал устремившийся туда же второй поток энергии, мощный, как луч бластера. Итак, он был прав! Зинга тоже сенситив, и мощ-

ность его он даже не может измерить. Два потока мозговой энергии обрушились на Смита. Картр и Зинга пытались пробить барьер, прочный, как корпус космического корабля.

Капли пота выступили на лице у Картра, собрались у края шлема и потекли ручейками по щекам и подбородку. Потом он шевельнул рукой в знак поражения и расслабился.

— Можете не беспокоиться о вторжении в ваш мозг, Смит. Если, конечно, не будете неосторожны.

Связист встал.

— Значит, мы с союзники? — он спросил это так, как будто опасался, что его прогонят.

— Да, постарайтесь узнать побольше. Но, если возможно, не позволяйте отсылать себя далеко. Если понадобится, мы будем действовать быстро.

— Хорошо.

Смит подошел к двери. Потом повернулся и сделал рукой жест, обращенный ко всем — людям и бемми, — приветствие патрульного товарища.

— А теперь… на всякий случай…

Филх пересек комнату и ступил на квадрат, управляющий дверью.

— Да, — согласился Зинга, — чувствуешь себя

как-то спокойнее, когда не нужно думать о защите спины. Что будем делать?

Картр вынул левую руку из перевязи и задумчиво потер ее.

— Здесь есть врач. Я думаю…

Рольтх подошел к нему.

— Ты, хочешь спуститься один в это логово?

— Хорошо оборудованный корабельный госпиталь должен иметь регенерационную установку. А я хочу идти в битву, если придется, с двумя здоровыми руками, а не с одной. К тому же, это даст мне законное основание походить внизу. Я могу задавать вопросы.

— Хорошо. Но ты пойдешь не один. Вообще, я думаю, что нам неразумно ходить в одиночку по этому зданию, — сказал Рольтх. — Вдвоем веселей, а два бластера расчистят дорогу лучше, чем один.

— О нас не беспокойтесь, — улыбнулся Зинга, и его дюймовые клыки дьявольски блеснули в зеленоватом свете. — Мы будем домовничать. Закрыть за вами дверь?

— Да. И откроешь, когда уловишь наши мысли.

Зинга даже не моргнул. Конечно, он обнаружил свою силу, когда помогал Картру преодолевать мозговой блок Смита. Но он, со своим обычным

пренебрежением к человеческим эмоциям, по-видимому, не видел причин для обсуждения того, почему он так долго скрывал свои способности.

Филх открыл дверь, и они начали спускаться по лестнице. Внизу было тихо, и они почти добрались до конца коридора, когда Картр почувствовал чье-то присутствие. Это был молодой человек в пестром мундире офицера пассажирского корабля.

— Вы сержант Картр?

— Да.

— Лорд вице-сектора хочет вас видеть.

Картр остановился и с легким интересом взглянул на говорящего. Вероятно, сам сержант был ненамного моложе этого космонавта, но неожиданно он почувствовал себя чуть ли не дедом, разговаривающим с внуком.

— Я не получил от своего командира приказа о прикомандировании меня к штатской секции Центрального Контроля.

Удивительно, но этот помпезный ответ обескуражил офицера. Должно быть слово «патруль» еще сохранило свою магию, Картр и Рольтх миновали офицера и прошли еще несколько футов, прежде чем он догнал их.

— Послушайте! — он старался, чтобы его голос

звучал решительно, но смешался, когда рейнджеры повернули к нему свои серьезные и вежливые лица. — Лорд Кумми… Он здесь главный, вы знаете… — добавил он неуверенно.

— Раздел шестой, параграф восьмой общего положения, — процитировал Рольтх. — Патруль является защитником законов Центрального Контроля. Он может помогать любой штатской службе, если и когда его об этом попросят. Но никогда и никоим образом не передает свою власть никакому планетному или секторальному правительству, за исключением прямых приказов с печатью Центрального Контроля.

Молодой человек стоял с раскрытым ртом. С внутренним смешком Картр подумал, что он меньше всего ожидал услышать цитату из устава. Зинге бы это понравилось. Картр надеялся, что закатанин мысленно следует за ними и сейчас наслаждается.

Однако… — офицер хотел что-то возразить, но замолчал: выражение вежливого, но нетерпеливого внимания на лицах рейнджеров не изменилось.

Подождав, но не услышав продолжения этого одинокого «однако», Картр сказал:

— Не покажете ли, в каком направлении нахо-

дится врач? Я очень нуждаюсь в его помощи.

И он указал на свое запястье. Офицер с готовностью ответил:

— Два пролета вниз в конце этого коридора и поворот направо. Доктор Тре занимает первые четыре комнаты.

Он продолжал смотреть им вслед, когда они удалялись.

— И что же он доложит великому Кумми? — спросил Рольтх, когда они двигались в указанном направлении. — Не хотел бы я оказаться на его месте. Ты считаешь…

— Что я правильно поступил, отказавшись идти с ним? Может, и нет, но они уже узнали от Джексена, что я настроен враждебно. И должен был это сделать. — Теперь лицо Картра ничего не выражало, — Они напустили на нас кап-пса.

Рольтх, который видел это выражение раньше и догадывался, что оно скрывает, не решился больше ничего говорить.

Больше в коридоре и на лестнице они никого не встретили… Очевидно, эта часть крепости Кумми не была заселена. Но когда они приблизились к первой двери медицинского отсека, их слух уловил негромкий шепот. Окна здесь помещались в глубоких прорезях. И из одной такой прорези

донесся призыв.

— Женщина…

Но Картр уже знал это, ощутив мозговой блок, которым сенситив препятствует лицу другого пола вмешиваться в свои эмоции. Женщина выглянула и поманила их рукой. Картр кивнул, и Рольтх двинулся к ней. Фальтхарианин вступит с женщиной в контакт, пока Картр займется врачом. Если кто-то, помимо Зинги, мысленно следит за ними, такое разделение может поставить его в тупик.

Рольтх скользнул к амбразуре и приблизился к окну, увлекая за собой женщину. Здесь их можно было увидеть лишь прямо из прорези. Картр отошел на ярд и оглянулся. Рольтх поступил правильно: с новой позиции сержант уже ничего не увидел.

Картр вошел в открытую дверь. Судя по оборудованию, это было помещение медика. Почти в то же мгновение из внутренней двери появился высокий человек. Картр прибег к пробному умственному контакту и слегка расслабился. Это не арктурианин и вообще не враг. В мозгу незнакомца он не прочел ничего. Кроме доброй воли.

— У вас есть регенератор? — спросил сержант, вынимая руку из перевязи.

— Есть. Другой вопрос, долго ли он будет здесь функционировать. Ни в чем нельзя быть уверенным. Я — доктор Ласило Тре. Перелом?

— Не знаю… Ух!..

Картр задержал дыхание, когда Тре начал прощупывать воспаленные ткани.

Врач усадил рейнджера рядом с установкой, велел вытянуть руку и направил на нее концентрированный луч. Картр почувствовал, как в его руку впиваются невидимые жала. Дважды Тре включал ток и осторожно ощупывал руку, после чего недовольно качал головой. Лишь на третий раз он был удовлетворен. Картр осторожно поднял руку и согнул сначала пальцы, а потом и кисть. Хотя ему однажды уже пришлось пользоваться регенератором — у него была сломана нога, — чудо восстановления не стало менее удивительным. Он снял перевязь и счастливо улыбнулся врачу.

— Лучше, чем новая, — заметил Тре. — Хотел бы я, чтобы вашего командира так же легко было вылечить, Сержант…

Вибор! Картр почти забыл о командире.

— Как он?

Тре нахмурился.

— Физические травмы — их мы можем вы-

лечить. Но другое… Я не психосенситив. Он нуждается в лечении, которое здесь невозможно. Но… разве что произойдет чудо, и нас спасут…

— Вы не верите, что это может случиться?

— А разве нормальный человек может верить в это? — но за этим вопросом-ответом было еще что-то. — Эта планета… Эта солнечная система… Ни на одной из карт X451 ее не оказалось.

— Но строители города находились на высоком уровне развития, — заметил Картр. — Разве не так?

— И да и нет. В смысле технологии они продвинулись далеко. Но есть странные пробелы. Я знаю, что вы, рейнджеры, умеете исследовать чужие цивилизации. Я хотел бы знать ваше мнение об этом городе, когда вы изучите его. Я заметил, что здесь нет Космопорта и никогда не было. Может, жители этой планеты не знали космических полетов…

— Что же случилось с ними?

Тре пожал плечами.

— Во всяком случае, это не второй Тантор. Мы удостоверились в этом прежде, чем войти в город. И мы не нашли людей. Как будто они ушли однажды, оставив город, ожидающим их возвращения. И город ждет. Конечно, есть следы

времени, эрозия. Но все механизмы хорошо укрыты, смазаны. Наши техники только и знают, что восхищаться качеством консервации.

— Значит, они собирались вернуться. — Картр задумался. — Может, на других континентах этого неисследованного мира сохранилась цивилизация?

— Как рука, сержант?

Картр не удивился внезапному переходу. Он знал, что за его спиной у двери появился Рольтх.

— Доктор Тре, это рейнджер Рольтх.

Картр не забыл оглянуться перед представлением. Не нужно, чтобы Тре догадался, что он сенситив.

Врач ответил на салют фальтхарианина.

— Рад познакомиться, рейнджер. Что-нибудь болит? Нужна помощь? Не нужна ли мазь от ожогов? Вы фальтхарианин?

Губы Рольтха изогнулись в улыбке, которая стала еще шире от искреннего дружелюбия врача.

— Значит, вы понимаете мои затруднения, доктор?

— У меня однажды был пациент фальтхарианин. Сильный ожог кожи. Я тогда поломал голову над мазями. Приготовил такую, которая помогла. Подождите минутку.

Он начал рыться в медицинском шкафчике, стоящем в углу среди множества пластотюбиков.

— Попробуйте это. Будете смазывать перед выходом на прямой солнечный свет. Это должно воспрепятствовать раздражению.

— Спасибо, доктор. — Рольтх сунул тюбик в карман, — Пока все сходило. Вот, у сержанта была для вас работа.

Картр помахал левой рукой.

— Как новая. Каков гонорар?

Тре рассмеялся.

— Кредитки не имеют здесь цены. Если наткнетесь на что-нибудь интересное по моей части, дайте мне знать. Этого будет достаточно. Рад в любое время служить патрулю. Вы, парни, заслуживаете, чтобы штатские отдавали вам самое лучшее. Я уже слышал, что вы будете охотиться. Есть возможность участвовать в одном из ваших походов?

Картр удивился. В вопросе прозвучала какая-то тревога. Тре смотрел так, как будто пытался сообщить что-то… Нечто жизненно важное для них обоих.

— Почему бы и нет? — ответил сержант. — Если мы пойдем. Я пока не получил приказа. Еще раз спасибо, доктор…

— Не за что. Рад был помочь. Мы еще увидимся…

Но что-то существенное оставалось несказанным. Глаза Картра расширились. Пальцы правой руки врача… Они зашевелились… Еще раз… Сложились в знак, который он хорошо знал. Но как… как и когда доктор Тре узнал его? Автоматически Картр дал условный ответ, а вслух сказал:

— Если мы пойдем, дадим вам знать. Чистого неба…

— Чистого неба, — ответил врач приветствием космонавтов.

Картр вышел за дверь и на мгновение сжал руку фальтхарианина. Рольтх немедленно начал говорить об охоте.

— Эти рогатые животные, которых мы видели на поляне, — говорил он, — у них должно быть отличное мясо. Его можно будет засолить, если мы найдем запасы соли. И еще есть речные существа, о которых говорил Зинга. Его не придется уговаривать идти за ними.

Фальтхарианин рассмеялся так искренне, как будто не понял сигнала Картра и не говорил для чужих ушей.

— Он больше их съест, чем принесет.

— Лучше не использовать бластеры, — вставил

Картр, как будто он серьезно обдумывал этот вопрос. — Они выжигают слишком много мяса. Силовые лезвия…

— Тогда придется подбираться ближе, — с сомнением заметил Рольтх.

Оба поднимались быстро. Кто-то шел за ними. Мозг Картра коснулся и тут же отпрянул. Их выслеживал кап-пес. Они не побежали, однако дышали тяжело, когда достигли приоткрывшейся двери в башню. Как только они в нее протиснулись, Зинга с гневным рычанием захлопнул дверь.

— Значит, он следит за вами?

— Выслеживает. Ну да пусть побродит вокруг. Ну, Рольтх, что сказала женщина? Что она хотела?

— Она считает нас храбрыми героями, явившимися спасти их. Кумми скрыл наше прибытие, но пошли слухи. Наша форма хорошо известна. Она пришла просить помощи. И ситуация такова, как мы и думали. Кумми поставил себя в позу карманного Центрального Контроля. Делай, что он велит, если хочешь есть. А если возражаешь слишком громко, то исчезнешь.

— И многие исчезли? — спросил Филх.

— Капитан Х451 и еще трое или четверо. Исчез-

ли и четверо пассажиров-бемми. Но по-другому. Я понял так, что после посадки они ушли в другую сторону, поняв, что их ожидает…

— Бемми? Какого вида?

Жабо Зинги поднялось за его головой. Он все еще стоял у двери, как бы прислушиваясь к чему-то по ту сторону.

— Я не мог от нее добиться. До посадки она их не видела. Это был планер с двумя классами. Сейчас существует Партия Кумми, маленькая, но вооруженная и опасная, и партия анти-Кумми, плохо организованная и болтающая слишком много. Их вполне могут подслушивать и лорд, и его слуги. Люди Кумми патрулируют. Специалистов-техников он держит рядом с собой, как и медика. Одна из Главных угроз — кап-пес.

— Нас пригласили присоединиться к партии анти-Кумми? — спросил Филх.

— Они считают, что патруль возьмет верх. И знаете что… я думаю, именно это мы и должны были сделать, если бы послушались Картра… Заставили бы их поверить, что у нас неповрежденный корабль и полный экипаж. Я вынужден был сказать женщине, что у нас нет власти. Но я также сказал ей, что рейнджеры держатся вместе.

— Возможно, они планируют дворцовый переворот, — пробормотал Картр, — Ну хорошо. Останемся здесь, пока не узнаем больше.

— Откуда врачу известны знаки рейнджеров? — удивлялся Рольтх.

— Если будет возможность, я спрошу у него об этом. Он тоже предложил нам ждать — держать глаза открытыми, а рот закрытым.

— И не только глаза…

Зинга прижал голову к поверхности двери.

— Кап-пес подслушивает. А ну, быстро думайте о чем-нибудь хорошем… для него!

— Нажимаешь эту маленькую кнопку и… Прекрасно, не правда ли?

Картр согласился с закатанином, что результат нажатия кнопки прекрасен. Вода. Настоящая чистая и свежая вода забила из крана, вмонтированного в голову чудовища, и потекла в бассейн. Он был достаточно велик, чтобы вместить Картра.

— Попробуй! — настаивал Зинга. — Я уже два раза купался. И хуже мне от этого не стало.

Он медленно повернулся, играя мышцами, и улыбнулся. Рольтх, прислонившись к двери, подозрительно смотрел на воду.

— Могут ли наши друзья внизу прекратить

доступ воды, если захотят?

— Трубы проходят в стенах. Если они их перекроют, то, вероятно, лишат воды и себя. К тому же, если в их планы входит осада, мы будем дураками, коль скоро задержимся здесь дольше, чем нужно, чтобы спуститься по внешней стене, — закончил он. — Или тебе нравится ходить грязным?

Картр разделся. В мешке у него была смена чистого белья, и он с наслаждением подумал, что наденет ее.

— Интересно, на кого они были похожи… — он коснулся воды пальцем. — Гораздо приятнее, чем в горных ручьях.

— Кто? А, ты имеешь в виду создателей этого замечательного места? Ну, — Зинга указал на зеркальные стены, — они не стыдились посмотреть на себя. Интересно, отражались ли в этих зеркалах такие уродливые купальщики?

Картр рассмеялся и плеснул водой в закатанина.

— Говори только о себе, Зинга. Мое лицо не пугает детей…

Правда ли это? — вдруг подумал он и впервые критически взглянул на свое отражение в зеркале. Темно-коричневый загар выдавал

его профессию. Конечно, волосы выглядели странно. Но чередование светло-желтых и ярко-рыжих прядей было совершенно естественно для уроженца Илен. Два глаза — зеленых, слегка раскосых, прямой нос, уверенно очерченный рот — все нормально для человека.

— Слишком мелкие зубы…

Картр вспыхнул и увидел, как краска ползет по его щекам.

— Чтоб тебя разорвало, Зинга! Не можешь оставить в покое мысли человека?

— Восхищающегося собой? Но насчет зубов я не согласен… У нас большие зубы считаются признаком красоты. Ты знаешь…

Зинга, оскалив зубы, стоял перед зеркалом.

— А почему бы и нет? Красиво и полезно. Хотел бы я посмотреть, как хилые люди участвуют в наших дуэлях — без когтей, без настоящих клыков… Ты не продержался бы и минуты!

— Каноны красоты обусловлены воспитанием, — назидательно заявил фальтхарианин. — У народа Картра двухцветные волосы — таков их идеал красоты. Моя раса — он снял шлем и тунику, продолжая говорить, — отличается белой кожей, белыми волосами, светлыми глазами. Для нас эти качества необходимы, чтобы считаться

красивыми.

— О, у всех есть чем ответить на вздохи девушек, — донесся из соседнего помещения голос Филха. — Почему бы не закончить это абсурдное полоскание и не поесть чего-нибудь? Такая глупая трата времени…

Но Картр отказался поторопиться, и Рольтх так же искренне наслаждался открытием Зинги. Одевшись, они увидели в соседней комнате Филха. Он сидел на подоконнике открытого окна и обменивался криками с несколькими большими птицами.

— Опять сплетничает! — заявил Зинга. — А где же пища, которую нам так необходимо съесть? Ставлю два кредита, что он скормил все своим друзьям!

— Вы этого заслуживаете. Но пища у вас перед носом.

Рационы из концентратов были вдвое безвкуснее для тех, кто еще недавно наслаждался жареным мясом и свежими фруктами. Картр с трудом глотал, тоскуя о недавнем прошлом.

— Сейчас все пойдет обратно. — Зинга непринужденно рыгнул, проглотив последний кусок. — Филх не стал бы отдавать эти отбросы: он слишком любит птиц, а это убило бы их…

— Что мы здесь делаем?

Филх спрыгнул на пол и закрыл окно, проводив взглядом улетевших птиц.

— Нам не следует оставаться здесь! Это мертвое место, и нечего стараться оживить его!

— Не беспокойся. — Мы скоро покинем его. Давайте спустимся, согласимся поработать, как послушные рейнджеры… А потом уйдём и не вернемся!

Картр посмотрел вверх. Он вполне понимал Зингу, и ему очень хотелось последовать его предложениям. И он разделял мнение Филха, что это мертвое место, возрожденное к неестественной жизни. Но… в городе женщины и дети, приближается холодное время года… Если Кумми не солгал и относительно этого. Возможно, фермеры и некоторые другие пассажиры смогут охотиться, но разве сумеют они снабдить город всем необходимым? И эта женщина сегодня… Она обратилась за помощью, она верила в них, потому что они носят Знак Кометы.

— Вот что… — сержант начал медленно, стараясь не отражать в словах путаницу мыслей и рассмотреть вопрос всесторонне. — Имеем ли мы право уйти, когда в нас нуждаются? С другой стороны, выпады Кумми против бемми опасны

для вас, а потому вы должны уйти…

— Почему…

Зинга прервал Филха.

— Я понимаю тебя. Только позволь предупредить тебя, Картр, что бывают времена, когда человек… или бемми…. должен ожесточиться. Нам не нужно принимать решение немедленно. Хороший отдых…

— Хотя дверь и закрыта, я предлагаю дежурить, — сказал Филх.

— Они попробуют добраться до нас… по-другому, — Картр покачал головой. — Умственный контакт? — Рольтх свистнул. — Тогда от меня и Филха мало толку.

Последовали беспокойные часы. Трое спали в мешках. Один, разувшись, ходил по комнате, прислушиваясь ушами и мозгами. Ночь разделили на двухчасовые вахты, и Картр вторично отправлялся спать, когда Зинга окликнул его негромким шипением. Сержант увидел, что закатанин смотрит в открытое окно.

— Смит идет… По той крыше…

Закатанин был прав: мозговой рисунок связиста выдавал его. Но только тренировка рейнджера позволила увидеть его. Смит перебегал от тени к тени и использовал малейшие укрытия в лучших

традициях патруля.

— Я спущусь к нему навстречу…

Прежде чем Зинга успел возразить, Картр перебрался через подоконник и начал спускаться по кольцам. К счастью, ночь была довольно темная, и если только за ними не наблюдали с помощью специального прибора, увидеть его было невозможно. Мундир Картра был такого же цвета, что и камень здания. Пройдя один или два ярда по крыше, сержант негромко свистнул условным свистом патрульного. После недолгого молчания послышался ответный свист, и связист подбежал к нему.

— Здесь Картр…

— Слава Духу Космоса! Я уже несколько часов пытаюсь связаться с вами!

— Что случилось?

— Люди… те, что против Кумми… они восприняли наше появление как сигнал к борьбе. Идиоты! У него в каждом главном корпусе по разрушителю. А этот кап-пес выбил двух предводителей — уложил их спать, как вы Спина на корабле. Если они попытаются штурмовать штаб-квартиру Кумми, это будет настоящая бойня! Он закрыл доктора с Джексеном… И техники под охраной. Он уничтожит оппозицию…

— Каковы его планы относительно нас?

— Под лестницей, ведущей к вашей башне, помещена силовая бомба. Если вы попытаетесь спуститься — конец! И они с кап-псом задумали ещё что-то, чтобы выкурить вас отсюда…

Что-то еще! Если арктурианин считает, что имеет дело с равным ему по силе сенситивом, он многое может придумать. Против 6,6 да плюс Зинга, его нападение может обернуться ответным ударом.

— Я должен вернуться. — Смит погладил свой бластер. — Нужно удержать этих безумцев от нападения. Вы можете что-либо сделать?

— Не знаю. Попытаемся. Удерживайте своих людей, сколько можете. Может, мы сумеем изменить ход событий…

Смит слился с ночью. Если он будет на страже со своим мозговым блоком, это немалое подкрепление для восставших. Ни арктурианин, ни кап-пес не смогут подобраться к нему. Картр вернулся в башню и обнаружил, что все рейнджеры уже ждут его.

— Это был Смит, — Как обычно, темнота не обманула Рольтха.

— Чего он хотел?

— Против Кумми восстание. Заговорщики при-

няли наше появление за сигнал к восстанию.

— А Кумми, конечно, тем временем не спал мирно. Что его весельчаки приготовили для нас?

— Да, — подхватил Рольтх вопрос Филха. — Что нас ожидает?

— По словам Смита, силовая бомба под лестницей в нашей башне.

— Грубая игра. Знаете, пора внушить сим джентльменам здоровую почтительность к патрулю…

— Где Зинга? — прервал Картр фальтхарианина.

— Пошел, как он выразился, «слушать».

Филх прикрыл свой фонарик спальным мешком и начал считать дополнительные заряды для бластеров. К несчастью, эта работа не заняла много времени.

— Это все? — угрюмо спросил Картр.

— У вас заряжены бластеры и по дополнительному заряду в поясах — если вы выполняете устав. Здесь остальное.

— Хорошо. Получается по три на каждого и один лишний для Рольтха. Если предстоит ночная схватка, он к ней подготовлен лучше всех.

Фальтхарианин тем временем занимался сбором рюкзаков. Если придется уходить, все будет

происходить поспешно, все должно быть готово.

— Они, должно быть, охраняют наш вездеход. Если мы выиграем…

— Если мы выиграем, — вмешался Филх, — то можно будет просто пойти и взять его. Что там делает эта старая ящерица?

Картр тоже думал об этом. Он послал вопрос и получил немедленный ответ с сильным впечатлением опасности. Сержант схватил свои запасные заряды и устремился вниз, в комнату с зелеными стенами. Зинга стоял, прижавшись к двери, как бы желая слиться с ней. Картр тоже стал слушать.

Движение… Недалеко… Может быть, у основания лестницы. Два существа отступили, третье осталось. Это кап-пес. Почему они его оставили? Разве только…

Да, ответила мысль Зинги, они подозревают, что ты… или я — не то, чем кажемся. Но всей правды они не знают, иначе не оставили бы капп-са, после того как ты с ним справился. Они об этом не знают.

Или он — приманка? Картр мысленно спросил об этом Зингу, наслаждаясь свободой мысленного обмена, о котором он всегда мечтал, но которого никогда не испытывал.

Посмотрим. На этот раз задача моя, брат!

Картр мысленно отпрянул и сосредоточился на том, чтобы обнаружить лишь приближение других. Он почувствовал, как напряглось тело закатанина, и догадался, что испытывает Зинга.

Казалось, они были вне времени. Картр не знал, долго ли продолжалась эта беззвучная битва, прежде чем он послал предупреждение:

— Идет еще один.

Он сказал это вслух, не решаясь нарушить мысленный барьер. Зинга со свистом вздохнул.

— Он был приманкой, — сказал он тоже вслух. — Его мозговая сила почти истощилась. Но не в том смысле, как мы боялись. Он все время был под наблюдением. Если бы он, вопреки приказу, отступил, они бы знали, что мы достаточно сильны, чтобы контролировать его. Они подозревают это… Но точно не знают.

— Ты говоришь «они», значит, против нас не только Кумми и кап-пес?

— Кумми научился аккумулировать мозговую энергию других. В какой мере, я не знаю. Если 5,9 может делать это…

— На что же он способен с усилением?

Большая часть уверенности Картра исчезла. Сможет ли он, даже с помощью Зинги, противо-

стоять Кумми?

— Я предлагаю, — суховато сказал Зинга, — чтобы мы использовали бластеры как наступательное оружие.

— Но чтобы применить их, нужно выбраться отсюда. А если мы уйдем, этот внизу тут же все узнает.

— Остается лишь одна возможность: разделиться. Вы с Рольтхом выберетесь наружу и посмотрите, что можно сделать в суматохе. Мы с Филхом будем удерживать крепость и постараемся думать за четверых.

Картр понимал разумность этого предложения. У него с Рольтхом больше шансов добиться взаимопонимания с восставшими, потому что они люди. В то же время рейнджеры-бемми будут в безопасности от бессмысленной стрельбы.

Спуск на крышу, по которой приходил к ним Смит, оказался на удивление легким. Они надели сапоги и стали пробираться, укрываясь в тени. Достигнув парапета, Рольтх выглянул. Потом опустился и прижался губами к уху Картра.

— Этажом ниже — карниз. Он ведет к освещенному окну. Стена отвесная. Не думаю, чтобы в комнате ожидали появления кого-нибудь из окна.

— А как ты доберешься до карниза?

— Свяжем пояса и перебросим вот так… сюда.

И фальтхарианин указал на заостренное украшение парапета.

Картр представил себе, каково будет висеть на отвесной стене, но ничего не сказал.

— Хорошо, что мы оба высокие.

Рольтх скрепил свой пояс с поясом, который неохотно подал ему сержант. Да, низкорослый человек не справился бы с этим.

Фальтхарианин закрепил один конец импровизированного каната за выступ и забрался на парапет. Держась под углом к стене, он начал спуск. Картр, вцепившись в край, заставлял себя смотреть. Рольтх остановился и ремень свободно скользнул в руке сержанта.

Не так искусно, как Рольтх, Картр проделал то же самое не отрывая взгляда от стены и стараясь не думать о темноте внизу. Казалось, он спускался целую вечность. Но тут его под хватил Рольтх, и ноги Картра ступили на карниз. Он оказался более широким, чем казался сверху.

— Есть кто-нибудь в комнате? — спросил Рольтх, когда подползли к окну.

Картр послал мысль.

— Не в комнате… Где-то поблизости. Фальтха-

рианин ответил смешком.

— Мы почти так же хороши, как пернатые друзья Филха. Готово!

Он ухватился за раму и потянул, упираясь в оконный переплет коленом. Окно со слабым скрипом поддалось, и Рольтх легко приземлился на обе ноги. Секунду спустя к нему присоединился и Картр.

Они оказались в жилой комнате На кровати лежала груда постельного белья, очевидно, принесенного с корабля. Два дорогих валкунитских чемодана стояли у стены. Стол, тоже с корабля, был завален чьими-то вещами. Рольтх сморщился.

— Что за вонь! — бросил он.

Картр старался вспомнить, где он встречался уже с этим сладковатым цветочным запахом. Фортус Кан! Когда утром они встречались с секретарем в коридоре, он тоже почувствовал этот аромат.

И тут же, как будто услыхав призыв, секретарь лорда вице-сектора стал приближаться к ним. Картр прижался к стене у двери, а Рольтх, увидев его действие занял такую же позицию, но по другую сторону.

В мозгу человека, возившегося с замком царили

опасения. Фортус Кан боялся. Замок тоже подводил его. Раздражение взяло верх над страхом, и когда дверь открылась, Фортус Кан пнул ее. С такими откровенными эмоциями Картру было легко…

Картр позволил Кану сделать четыре шага, а потом за хлопнул дверь. Фортус Кан повернулся и увидел стволы двух смертоносных патрульных бластеров. Его сопротивление было немедленно сломлено.

— Прошу вас!

Он поднес руки ко рту. Отступая, Кан не видел, куда идет. Койка ударила его под колени, и он опустился на нее как бескостное существо с Лидии-V.

Когда Картр подошел к нему маленький человечек съежился, как будто хотел забраться в постель.

— Можно подумать, Картр, что у этого джентльмена совесть нечиста.

Слова Рольтха произвели на Фортуса Кана впечатление центурионского удара хлыстом рабовладельческих времен. Кан перестал жаться к постели и застыл с дрожащими губами, глаза его остекленели. В них был только страх.

— Прошу вас…

Стоило вытолкнуть первые слова, как они полились из секретаря неудержимым потоком.

— Я не имею к этому отношения… Я не виноват! Я советовал не враждовать с патрулем! Я знаю закон… У меня двоюродный брат работает в вашем штабе на Сексти. Я никогда не пойду против патруля..

Страх его был так очевиден, что почти физически заполнил комнату. Но чего же он боялся? Силовой бомбы? Кап-пса? Был только один путь узнать правду. И второй раз в жизни Картр безжалостно вторгся в мозг человека, узнавая необходимое, — отчасти. Кан, всхлипнув, затих. Теперь он будет тих. Картр отвернулся. Нужно многое сделать. Жаль, что Кумми не особенно дарил своим доверием маленького человечка — в его информации большие пробелы. Они могут оказаться смертельными для рейнджеров.

Сержант подошел к Рольтху.

— Под лестницей действительно лежит силовая бомба. А кап-пес должен выманить нас из башни и взорвать. Перед тем, как это произойдет, всех отводят с верхних этажей. Кан вернулся сюда за какими-то вещами. И лестница охраняется…

— Мы можем прорваться… Только шумно будет.

— Да. Меня удивляет, зачем эти лестницы? Ведь у них были гравитационные лифты. Странно… И может быть, важно.

— Это общественное здание, — напомнил Рольтх. — Лестницы могли использоваться для церемоний. Оплоти, например, всюду летают, кроме храма Аффида. Вроде бы, других выходов вниз нет. А как наши парни? Если кап-псу надоест их ждать, он может просто взорвать бомбу…

— Да..

Картр замер в неподвижности. Он отгораживался — сперва от этой комнаты, Рольтха, Фортуса Кана, потом от самого себя, и он сделал это! Его мозг коснулся мозга Зинги! Он предупредил. И вот он снова в неряшливой комнате ошеломленно трясет, головой и видит подслушивающего у двери Рольтха, Люди…. Двое, трое… Они идут по залу, идут прямо сюда, прямо к этой комнате.

От резкого стука в дверь рейнджеры застыли.

— Кан! Уходим немедленно! Выходи!

Но Фортус Кан был погружен в собственный мир.

— Кан! Эй, придурок, выходи!

Картр вступил в контакт. Юный офицер с корабля, которого он встретил утром, и еще двое людей, несенситивы. Они были нетерпеливы, их

подгонял страх. Немного поспорив — их голоса доносились из-за двери как бормотание, — они ушли. Рольтх скользнул к окну и посмотрел вниз.

— Нужно уходить? — быстро спросил он не оборачиваясь.

— Они боятся, они слишком боятся, чтобы мы могли задерживаться.

— Внизу еще одна крыша, но слишком далёко, чтобы добраться до присосок.

— Заменим присоски.

Картр передвинул Фортуса Кана и начал рвать простыни на полосы, которые Рольтх связывал одну с другой. Работая быстро, но проверяя каждый узел, они изготовили грубую веревку.

— Ты — первый, — Приказал сержант, — потом этот, — Он коснулся Кана носком сапога. — Я пойду последним. Пошли. И быстрее. Они слишком торопились, чтобы мы могли задерживаться.

Не успел он закончить фразу, как Рольтх уже исчез. Картр свесился из окна, но фальтхарианин так быстро скрылся во тьме, что лишь тройной рывок веревки сообщил о его благополучном приземлении. Картр вытащил назад самодельную веревку. Его подгоняло беспокойство. Обвязав Кана веревкой подмышками, он взвалил вялое

тело на подоконник и начал спускать секретаря по возможности медленно, пока резкий рывок не сказал ему, что Рольтх перехватил тяжесть. Картр не стал дожидаться, пока Рольтх отвяжет Кана, и начал спуск.

И едва лишь его ноги коснулись крыши внизу, это произошло. Вначале не было ни звука, но крыша под ногами подпрыгнула. Картр упал и закрыл лицо руками, не решаясь взглянуть вверх. Да, это силовая бомба. Однажды он попал в воздушную волну такай бомбы. Успели ли Зинга и Филх? Он решительно изгнал страх из мозга. Кан негромко застонал. А Рольтх?

И тут же послышался голос фальтхарианина:

— Ну и зрелище! Кумми любит грубую игру!

Сержант сел. Он дрожал. Может быть, это реакция на лихорадочный спуск, — подумал он, — но главным образом это из-за гнева, который охватывал его, когда он думал об арктурианине. Этот гнев необходимо подавить, иначе сенситив обратит его оружие против самого Картра.

— Как нам выбраться отсюда? — спросил Рольтх.

Придется полагаться на способности Рольтха видеть в темноте, — подумал Картр, потому что теперь их окружала полная темнота. Танцующие

огни города погасли. Рейнджеры находились в центре абсолютной темноты.

— Над нами окно. Можно дотянуться. А что с нашим пленником? Потащим его с собой?

— Он проснется утром. Занесем его в помещение и оставим. Вряд ли они взорвут другую бомбу.

— Нет, если не хотят обрушить на себя весь город. Пошли. Если ты возьмешь Кана за ноги, я подниму его голову.

Картр брел, доверившись руководству Рольтха. Они добрались до окна, открыли его и втащили свою бесчувственную ношу.

— Разве мы в том же здании? — спросил сержант — Мне казалось, что оно в другом направлении.

— Ты прав. Мы в другом здании. Но это самый легкий и быстрый путь. Как там наши парни, успели выбраться?

Картр вторично попытался связаться с Зингой, послав импульс мысли. На какую-то радостную долю секунды ему показалось, что они вступили в контакт, потом все исчезло. Он не осмелился пробовать дальше. Кап-пес, если это существо выжило, или даже сам Кумми могли уловить его сигналы.

— Бесполезно, — сказал он Рольтху. — Я не могу связаться. Но это не означает, что нужно беспокоиться. Они просто могут быть слишком далеко. Ведь мы не знаем законов мозгового восприятия, и как далеко они простираются. А может, они затаились, потому что арктурианин близко. Но до взрыва я связался с Зингой, и у них было даже больше времени, чем у нас, чтобы спастись.

Конечно, Картр знал, что не следует слишком уж надеяться на это. Но для таких ветеранов, как Филх и Зинга, достаточно малого.

— Попытаемся найти Смита?

— Я думаю, да. Или свяжемся с восставшими.

Картр вцепился в пояс Рольтха и позволил фальтхарианину вести себя сквозь темные комнаты и коридоры.

— Уровень улицы, — послышался долгожданный шепот.

— Я думаю, мы выходим на улицу, которая проходит перед фасадом штаб-квартиры Кумми…

Но прежде чем Рольтх успел ответить, во тьме блеснул яркий луч, и оба невольно пригнулись.

Выстрел из бластера! И еще один. А после третьего послышался приглушенный крик.

— Сражаются, — констатировал очевидное Рольтх, затем, спросил: — А которая сторона

наша?

— Пока никоторая. Я не хочу ошибиться и быть поджаренным, — угрюмо ответил Картр. — Один слева от нас… Приближается. Я попытаюсь связаться с ним, когда он будет проходить мимо. Посмотрим, кто это…

Вспышки продолжались с интервалами, периодически освещая улицу. Криков не было. Целились либо плохо, либо очень хорошо.

Показался стрелок.

— Мундира нет, — сообщил Рольтх. — Похож на штатского. Но умеет обращаться с бластером. Может, ветеран секторной войны…

— Это не человек Кумми, но…

У Картра не было времени для предупреждения. Человек не был сторонником Кумми, но уловил пробную мысль Картра немедленно… Такого с Картром раньше не случалось… Бластер незнакомца был направлен прямо, на рейнджеров.

— Патруль! — крикнул Рольтх.

Бластер дрогнул в руке, но человек продолжал целиться.

— Выходите с поднятыми руками! — приказал хриплый голос. — Стреляю без предупреждения!

Картр и Рольтх повиновались, прижимаясь к земле, так как другие бластеры продолжали

стрелять.

— Кто вы, во имя Космоса?

— Рейнджеры патруля. Пытаемся отыскать Смита нашего связиста…

— Да? — в голосе прозвучало подозрение — Что ж, вы его увидите. Идите в этом направлении. Я за вами. И если попытаетесь бежать…

Следуя его указаниям, они подошли к темной двери.

— Здесь ступеньки, — сказал человек сзади. Спускайтесь и помалкивайте.

Пять ступенек привели их к какой-то преграде.

— Постучите быстро четыре раза, подождите секунду и повторите! — послышался приказ.

Рольтх повиновался, и дверь отодвинулась в сторону. Они выбрались из-за плотной портьеры и оказались в тускло освещенном зале. Два человека смотрели на них без всякого дружелюбия. И еще бластер. Но когда свет блеснул на кометах, напряжение разрядилось. Один из мужчин подошел ближе.

— Снимите шлемы, — приказал он.

Рейнджеры повиновались и замигали от луча фонарика, направленного в их лица.

— Все в порядке. Они не от Кумми. Должно быть, действительно патруль. Отведи их к Кро-

ули. Как дела наверху?

— Лежим на животах и стреляем. Они тоже. Нам удалось перерезать сигнальный кабель. Сейчас они могут пустить против нас роботов. Пока равновесие, — ответил задержавший их мужчина. — Ну, я пошел.

— Добудь мне игита, Пол!

— Сделаю. Поджаришь его на сковородке. Благополучной посадки!

— И чистого неба!

Один из оставшихся закрыл дверь и расправил складки импровизированного затемнения. Второй ткнул пальцем в рейнджеров.

— Сюда.

Они прошли по коридору в большую комнату где кипела работа. Несколько человек доставали из ящиков металлические детали, двое сидели за столом из ящиков, а трое ели в дальнем углу. Рейнджеров подвели к сидящим за столом. Один сидевших поднял голову и вскочил. Это был Смит.

— Действительно равновесие.

Связист провел рукой по волосам. Картр и Рольтх изучали лежащую на столе грубую карту.

— Мы закрыли их в здании штаб-квартиры. Кстати, они взорвали башню? Мы ощутили тол-

чок.

Сержант кивнул.

— Если у Кумми есть разрушители, сказал он, то я не понимаю, почему он позволяет горстке малоэффективных стрелков удерживать себя. Он может прорваться в любое время.

— Но Кумми не хочет пробивать большие дыры в своем городе, если этого можно избежать, — отозвался стройный молодой человек, сидевший рядом со Смитом, когда привели рейнджеров. Он потянулся и улыбнулся. — А снайперов трудно засечь.

— Не для сенситива, — возразил Картр. — Дайте мне пять минут, и я ткну пальцем в каждого вашего человека. Кумми нужно только выслать своего кап-пса и…

Улыбка Кроули исчезла, как стертая грубой рукой.

— Может, у лорда Кумми мало зарядов для разрушителя? — вмешался Рольтх.

— Нам это тоже приходило в голову, — ответил Кроули. — Но доказать это трудно. Со второго дня посадки Кумми контролировал все вооружение. У нас оставалось только личное оружие. У него не было повода отбирать его. Вся эта заваруха произошла из-за того, что Кумми соображает

быстрее остальных. И он не упустил возможности овладеть оружием! Мы, конечно, можем напасть на штаб-квартиру Кумми, но если у него есть разрушитель, это будет конец. К тому же у него два сенситива, а у нас…

— Тоже два, если я останусь с Зингой. А среди ваших людей?

Кроули покачал головой.

— Мы были обычной толпой средних горожан, каких можно найти везде. Кумми вместе с оружием забрал всех наиболее полезных.

Рольтх изучал карту. Вдруг он коснулся указательным пальцем центра прямоугольника, обозначающего крепость Кумми.

— Я вижу, у вас не отмечен туннель…

— Какой туннель? — спросил Кроули.

Смит кулаком стукнул по столу и выругался от боли.

— Я трижды идиот! — крикнул он.

Его прервал Картр, постаравшийся объяснить все.

— Теперь все зависит от того, обнаружил ли Кумми эти подземные ходы, — заключил сержант.

— Он не знает, я почти в этом уверен! Никто из нас не слышал о них. Может, техники и обнару-

жили, но держали в тайне.

Рольтх поднял голову.

— Если это так, мы можем проникнуть в самый центр осиного гнезда.

— И мы появимся среди них неожиданно, — возбужденно воскликнул Смит.

— Нужно подобрать подходящих людей, — предупредил Картр, не разделяя энтузиазма связиста. — Вы, Смит, подходите. Ваш мозговой блок нельзя пробить. Но остальные… Нам нужны люди, с которыми ничего не могут сделать ни кап-пес, ни Кумми. Возьмем человека, который привел нас сюда. Он не сенситив, но уловил мою мысль и тут же обнаружил нас.

— Должно быть, это Моргот. У него есть основания защищаться от вторжения в мозг. Он один из заложников Сатоати…

«Вот как!» — удивленно подумал Картр.

— Неудивительно, что он почувствовал, когда ты прощупывал его, Картр, — сказал Рольтх. — Прекрасный кандидат для абордажной партии.

«Абордажная партия», — мельком подумал Картр. — Странно, что космические термины вторгаются в речь даже тогда, когда они прикованы к поверхности.

— Да, — вслух сказал он, — Кто еще?

Кроули поманил одного из заканчивающих еду.

— Вы сенситив, сержант. Предоставим выбор вам.

В конце концов они отобрали восемь человек с мозговым блоком разной мощности. Картру не хватало Зинги и Филха. Но о рейнджерах-бемми до сих пор ничего не было слышно, хотя патрули восставших были предупреждены о них.

И вот десять человек один за другим спустились в антигравитационный колодец, ранее обнаруженный рейнджерами. У платформы их ждал единственный экипаж. В нем с трудом могли поместиться трое. Рольтх сел за управление и экипаж несколько раз проделал путь туда и обратно. Наконец все они оказались у плиты подъемника под штаб-квартирой Кумми. Картр не заметил следов, указывавших на то, что здесь кто-то побывал после него и фальтхарианина.

Его интересовали теперь две остановки лифта, подмеченные им ранее. Если их поджидают наверху, разумнее остановиться раньше. И он нажал нижнюю кнопку на стене. На плите подъемника уместилось пять человек, Они ухватились друг за друга когда плита взмыла вверх.

Их опора остановилась во тьме. Картр просле-

дил, чтобы все сошли, и отправил плиту вниз, потом осмелился посветить фонариком.

Они стояли на карнизе, от которого во тьму уходил пандус. Поверхность карниза покрывал толстый слой пыли, которого, по-видимому, никто не касался в течение столетий. Да и мысленное проникновение говорило ему, что кроме них поблизости никого нет. Кумми, очевидно, не подозревает об этой бреши в своей обороне.

Толчок сжатого воздуха возвестил о прибытии плиты — с нее сошли Смит, Рольтх и трое повстанцев. Рольтх глянул в шахтный колодец, потом посмотрел вверх.

— Все в порядке. Шахта закрывается, когда плита касается дна. Если в этот момент никто не следил, они никогда не узнают.

Картр выключил фонарик, и Рольтх повёл всех. Они образовали цепочку, в которой каждый держался за пояс предыдущего. Вначале пандус спускался круто, но постепенно становился более пологим. Наконец они оказались в большой комнате. Стена отделяла их от гула машин. В перегородке виднелся проход, совершенно незаметный с противоположной стороны. Картр был убежден, что ни пандус, ни шахта не были обнаружены людьми Кумми. В то же время он

почувствовал присутствие человека и узнал его.

— Дальгр!

Сержант поманил Смита.

— Там Дальгр… еще с кем-то. Может, с охранником, если только он не присоединился к Кумми. Вам легче заговорить с ним. А я вас прикрою…

Связист ответил быстрым кивком и знаком велел остальным повстанцам оставаться на месте. Вместе с Картром они перебегали от одной гигантской машины к другой, пока не увидели освещенный участок. Здесь перед контрольным щитом сидел Дальгр, а в нескольких футах от него расположился человек в мундире с лучевым ружьем в руках.

Картр тронул Смита за плечо, потом указал на себя и влево, на проход, который в случае удачи должен был привести его к охраннику. Как тень скользил он мимо машин, назначения которых не понимал, пока не оказался позади человека Кумми. Со своего места он видел верхушку шлема Смита.

Связист смело шагнул вперед, и в то же мгновение Картр ударил рукоятью бластера по правой руке охранника. Тот вскрикнул и согнулся, выпустив из рук оружие, которое отлетело на несколько шагов. В ту же секунду Дальгр подхва-

тил его и изготовился к стрельбе. Но тут же он увидел Смита и опустил ружье.

— Прекрасно, — заметил Смит. — Можно подумать, что вы специально тренировались. Я так понимаю, что вы не приверженец Кумми, Дальгр?

Патрульный оскалил зубы:

— А что, похоже? Они нуждаются во мне, поэтому я еще жив. Но Спина и командора они сожгли из бластеров… А может, и Джексена тоже..

— Что? — в один голос воскликнули патрульные.

— С час назад. Я слышал, что врач и Джексен забаррикадировались в западном крыле. Это сумасшедший дом! Но мы напомнили этим идиотам об уважении к Знаку Кометы! Если бы не кап-пес… Он знает все: где мы и что делаем.

Охранника привязали его собственным поясом к скамье у контрольного пульта. Картр взглянул на множество циферблатов.

— Здесь можно что-нибудь сделать в нашу пользу?

Дальгр с сожалением улыбнулся.

— Боюсь что-либо менять. Я ведь не настоящий техник. И мне дали лишь полчаса на ознакомление. Если я поверну не тот рычаг, все может

взлететь на воздух.

— Плохо. Если бы мы знали, как все это действует, мы бы без труда выкурили их из здания.

— Как мы отсюда выберемся? — спросил кто-то из повстанцев.

— Антигравитационный лифт. — Дальгр подвел их к нише за контрольным щитом, — Но наверху ждет охранник, и он заподозрит неладное, если мы поднимемся раньше, чем кончится моя вахта.

— А долго ли ждать?

Дальгр взглянул на свои наручные часы.

— Полчаса.

— Мы не можем столько ждать, — решил Картр. — Есть ли другие остановки лифта?

— Нет.

— Но есть кое-что другое… — Рольтх осматривал ствол шахты. — Тут опоры для рук и ног, — вероятно, на случай аварии. Можем взобраться…

И они взобрались. Картр ощутил присутствие вверху человека — стражника, о котором предупреждал Дальгр. Дальгр же предложил и выход.

— Я окликну его…

Сержант прижался к степе колодца, пропуская вперед патрульного. Немного времени спустя они услышали, как Дальгр окликнул стоящего

наверху.

— Дайте руку…

— Что случилось?

— Я не техник… Пришлите одного из ваших… Одна из этих проклятых машин сошла с ума. Может взорваться или еще что-нибудь…

Дальгр преодолел последние футы подъема и выбрался из шахты.

— Где Теленг? Почему он не явился с сообщением?

Охранник явно что-то заподозрил.

— Потому что…

Картр слышал начало ответа Дальгра, потом звуки борьбы.

Сержант преодолел последние опоры и вылетел из отверстия. Дальгр боролся с охранником за обладание лучевым ружьем. Картр бросился вперед, опрокинув обоих сражающихся. Они упали на него, и он ударился так сильно, что перехватило дыхание.

Через некоторое время туман перед глазами начал рассеиваться. Охранник лежал у стены, связанный, с кляпом во рту, а Рольтх, склонившись над сержантом, сдавливал его ребра, производя искусственное дыхание. Смит, Дальгр и повстанцы исчезли. Рольтх ответил на вопрос, который

сержант еще не мог задать:

— Я не смог удержать их.

— Но… — Картр с трудом выговаривал слова — Кумми… кап-пес…

— Они не очень верят в силу сенситивов, — напомнил Рольтх. — Даже если видели демонстрацию, все равно отказываются верить в очевидное. Таково большинство людей….

— Это правда. К счастью для нас…

Картр застыл, не закончив фразы. Потом повернулся к фальтхарианину и указал на дверь позади него.

— Быстро туда, и попробуй удержать этих глупцов, а то их всех перестреляют. Их ждет опасность…

Он смотрел, как уходит Рольтх. Он надеялся, что перед лицом опасности фальтхарианин не будет задавать вопросов. Конечно, опасность сзади, и все ближе с каждой минутой.

Приближается Кумми… И Картр знал, что их ждет битва, в которой невозможно угадать победителя.

Картр лежал на спине, глядя в свинцовое небо. Иглы дождя били его по глазам и коже, тело онемело от холода. Откуда-то доносилось всхлипывание. Потом, спустя долгие минуты, он понял,

что всхлипывает сам. Но не мог остановиться. Не мог унять дрожь, от которой сотрясалось все его тело. Он заставил свои руки двигаться, и они с трудом ощупали рваную одежду и ноющие ссадины на теле.

Потом он попытался сесть. Голова у него закружилась, серый мир накренился. Все же он увидел скалы, колючие кусты, окружившие его. Мозг начал осмысливать увиденное. Глаза остановились на крови, медленно сочащейся из пореза на боку. Он принял реальность боли, камня, на котором лежал, кустов… Все это было частью мира…

Какого мира?

Этот вопрос оживил жгучее пламя в мозгу. Он съежился и постарался не думать, а дождь смывал кровь с его груди. Пока не думаешь, все хорошо. Что-то коснулось его мозга. Он послал молчаливую просьбу о помощи. Из кустов высунулась мохнатая морда, круглые глаза животного не мигая уставились на него. Холодное любопытство коснулось мозга, и все исчезло.

Тут он застонал, и его неловкие руки обхватили кружащуюся голову. Он знал, что помощи не будет. Незримый барьер отделял его от прошлого. Воспоминание было мучительно, и он отшатнулся от него.

Но где-то в глубине памяти сохранилось жесткое ядро сопротивления. Оно заставляло напрягаться. Тяжело дыша и всхлипывая, он подтянул ноги, встал сначала на колени, а потом и на ноги.

Потеряв равновесие, он упал с крутого берега в ручей. Выбравшись из воды, он скорчился у высокой скалы, борясь с воспоминаниями. Они были отчетливыми и яркими… Слишком отчетливыми, слишком яркими.

Он находился в незнакомом здании, окруженный высокими стенами, и ждал, ждал страшной опасности. Она приближалась, не торопясь, целеустремленно. Он чувствовал биение силы, окружавшей ее. Он должен сражаться. И в то же время он знал ход будущего сражения, знал, что проиграл.

Это было столкновение его воли с волей чужой, схватка сил мозга. Неожиданно он почувствовал уверенность в своей мощи.

Другой мозг присоединился к мозгу противника. Злобный мозг, оставляющий за собой нечистый след. Но и вдвоем они не могли сломить его барьер. Он некоторое время защищался, потом ударил. Под этим ударом злой мозг дрогнул, отшатнулся. Но он не решился преследовать

отступающего: второй мозг продолжал бороться. И тут первый мозг начал просить, обещать…

«Иди с нами, мы похожи. Объединимся и будем вместе править этим глупым стадом. Никто не сможет противостоять нам!»

Он, казалось, прислушивался. На самом деле он готовился. Оставался еще один ход.

И вот он опустив барьер, только на мгновение. С воплем триумфа злой борец устремился вперед, и он позволил это. Но когда противник зашел слишком далеко, чтобы отступить, он повернулся, окружил его и начал сокрушать. Послышался крик, но только крик мысли. Зло было уничтожено, как будто никогда не существовало.

Но второй, тот, что манил и обещал, ждал этого. И в этот момент победы он ударил, и не только своей силой, но и добавочной, сохраненной в резерве.

Он боролся отчаянно, зная, что обречен. И был сломлен. А противник, тоже истощенный, но торжествующий, овладел им. И воля его была зажата, связана, а тело повиновалось врагу.

Он как машина шел по темному коридору, шел целеустремленно, с бластером в руке, а палец лежал на спуске. Внутри у него все молча кричало: он знал, что ему предстоит сделать.

По широкому открытому пространству метались вспышки бластеров. Его послали сюда, к вездеходу рейнджеров. Против своей воли он двигался вперед от одного укрытия к другому.

Он видел, как падают люди: тот, кто мысленно шел с ним, гневно рычал. Оппозиция побеждена, побеждали его друзья.

Еще одна перебежка приведет его к вездеходу. И раздумывая, почему тот, кто управляет им, так отчаянно этого хочет, он прыгнул. Двое, скрывавшиеся в тени, удивленно посмотрели на него. Он знал их, но его рука поднялась, и он выстрелил. Изумленный вскрик резанул его слух, когда он взбирался на сиденье и хватался за управление.

Он резко поднял машину, и перегрузка прижала его к сиденью, лишила дыхания. А тот, другой, в его мозгу определил курс. И вездеход по спирали начал набирать высоту, пока не коснулся балкона высоко над головами сражающихся, и тот спрыгнул с балкона на вездеход.

И чужая воля повела его на максимальной скорости из города к горизонту, где первые проблески предвещали рассвет. Хотя он подчинился приказу, он продолжал бороться. Бесшумная, невидимая схватка продолжалась над древним городом — воля против воли, сила против силы. И

Картру показалось, что другой уже не так уверен в себе, что он защищается, довольствуется достигнутым и не стремится усилить свой контроль.

Чем это кончилось, эта борьба в небе? Картр опустил болевшую голову на камень у ручья, стараясь вспомнить. Но не смог. Он помнил только, что он… он сжег из бластера Зингу! Благополучно вывез Кумми из города! Предал тех, кто верил в него. Он закрыл глаза и постарался забыть все, все!

Измученный, он, должно быть, снова уснул, потому что, когда открыл глаза, их ослепило отраженное в воде солнце. Он был голоден. И этот голод возродил тот же инстинкт самосохранения, который раньше привел его к воде. Руки по-прежнему плохо слушались его, но он умудрился поймать под перевернутым камнем какое-то животное. И там были еще…

К вечеру он встал и пошел вдоль воды. Потом упал и попытался встать. Может быть, он спал, но очнулся от того, что его позвал Зинга. И тут же его охватило отчаяние. Зинга погиб. Он сжал руками глаза, но не смог изгладить из памяти лицо закатанина в тот момент, когда он оказался под лучом бластера.

Лучше оставаться на месте до тех пор, пока он

не перейдет в мир, где его не сможет преследовать память… Он так устал!

Но тело отказывалось признавать это: оно поднималось и брело дальше. Ручей вывел его на широкую равнину; где высокая желтая трава опутывала ноги, и бесчисленные существа убегали с его дороги. Потом ручей слился с широкой рекой, из которой торчали верхушки растрескавшихся скал.

У воды начали подниматься утесы. Он карабкался, падал, скользил. Он уже потерял представление о времени. Пока он не решался оставить воду — слишком важный источник для поддержания жизни.

Он лежал, вытянувшись на скале у воды, и пытался поймать одно из живущих в воде существ. И вдруг закричал. Кто-то коснулся его мозга. Он руками зажал рот, чтобы удержаться от вторичного зова.

Но тот пришел. Картр не мог избежать чужого присутствия, оно вливалось в его мозг, задавало вопросы, требовало… Кумми! Неужели Кумми снова пытается захватить его, использовать…

Картр скатился со скалы, разорвав кожу на руке, и побежал прочь. Прочь! Подальше от Кумми… Подальше!

Но тот мозг следовал за ним, спастись от контакта было невозможно. Он нашел узкое ущелье, отходящее от воды, заросшее колючим кустарником, занесенное паводковым мусором. Не обращая внимания на царапины, он втиснулся в расщелину.

Расщелина кончалась небольшой пещерой под нависшим утесом, и Картр заполз туда — ребенок, спасающийся от чудовища из темноты. Свернулся, зажав голову руками, стараясь ни о чем не думать, воздвигнуть барьер, через который не сможет прорваться охотник.

Вначале он слышал только отчаянное биение собственного сердца, потом послышался другой звук — свист воздуха, рассекаемого вездеходом. Контактирующий мозг приближался. Картр не мог объяснить, что так его испугало. Наверное, воспоминание о том, как власть другого заставила его убивать своих. То, что Кумми сделал однажды, он может повторить.

И этот страх был верным союзником врага. Страх ослаблял контроль. Страх…

Зажав лицо руками, чувствуя во рту вкус земли, Картр пытался подавить страх.

Он слышал крик, треск кустов. Кумми приближался к ущелью!

Рейнджер с рычанием выглянул из пещеры. В руке он сжимал обломок камня. Его выслеживают, как зверя, но этот зверь будет сражаться! И арктурианин не ожидает физического нападения, он верит, что его добыча беспомощно ждет прихода хозяина.

Картр занял выгодную позицию, опершись спиной о скалу.

Хорошее оружие, — подумал он, взвешивая камень в руке. — Подходящего размера и веса. И держать удобно…

— Картр!

Звук, который он издал в ответ на этот призыв, был криком животного, увидевшего приманку. Его имя! Кумми осмелился использовать его имя! И арктурианин даже подал голос. Хитрый дьявол! Иллюзии — как хорошо его искусный мозг умеет создавать их.

Две фигуры появились перед ним. Камень выпал из его пальцев.

Неужели Кумми контролирует и его зрение? Неужели арктурианин может заставить его видеть по-своему?

— Картр!

Он снова потянулся за камнем. Бежать… Но куда?

— Кумми?…

Он почти хотел верить, что это хитрость арктурианина, что на самом деле он видит не две — приближающиеся к нему фигуры, этих улыбающихся людей в рейнджерских костюмах.

— Картр! Наконец-то мы тебя нашли!

Они нашли его. Почему же не стреляют? Чего ждут?

— Стреляйте!

Он думал, что выкрикнул это, но лица их не менялись, они продолжали приближаться. И он знал, что если они коснутся его, он этого не перенесет.

— Картр! — сказал другой голос с конца ущелья.

Он дернулся от этого звука, как будто силовое лезвие распластало его тело.

Третья фигура в форме рейнджера пробивалась сквозь заросли. И при виде этого лица сержант дико закричал. Что-то взорвалось в мозгу Картра, и он полетел во тьму, в гостеприимную безопасную тьму, где мертвые не ходят и дружески не улыбаются. Он с благодарностью погрузился во тьму.

— Картр!

Мертвый звал его, но во тьме безопасно, и, если

он не ответит, никто не вытащит его оттуда навстречу безумию.

— Что с ним случилось? — спросил кто-то.

Он лежал во тьме тихо и неподвижно.

— …Установим. Надо отвезти его в лагерь. Послушайте, Смит, обязательно привяжите его к сиденью, иначе он может перевалиться через край…

— Картр!

Его трясли, ощупывали, но он с огромным усилием сжимал губы, заставляя лежать себя вяло и тяжело. И наконец упорство защитило его. Его оставили лежать в безопасной тьме.

Он ощутил тепло, успокаивающее тепло. Он лежал неподвижно, как и при первом пробуждении, и чувствовал, как оживает его тело. Его трогали, прикасались руками к полузажившим ранам, оставляя ощущение свежей прохлады в охраняющей его тьме.

— Ты считаешь, что он не в себе?

Слова звучали в темноте. У него не было желания видеть, кто их произносит.

— Нет. Тут что-то другое. Мы можем лишь догадываться, что с ним сделал этот дьявол, когда мы нашли его? С мозгом, своим или чужим, можно проделать все, что угодно, если ты сенситив. В

некоторых отношениях мы гораздо уязвимее, чем вы, не пытающиеся выйти за человеческие границы..

— Где Кумми? Хотел бы я..

В голосе звучало холодное смертоносное обещание. Картр был вполне согласен. И эта эмоция вытолкнула его из безопасной тьмы.

— Мы все хотим этого. И добьемся рано или поздно.

К его губам прижали твердый край чего-то. Жидкость потекла в рот, и он был вынужден глотнуть… Ему обожгло горло, в животе растекалось приятное тепло.

— Итак, вы его нашли?

В окружающем его тумане возник новый голос.

— Хага Зикти! Мы ждали вас, сэр! Может, вы найдете способ лечения?

— Да? А что с ним? Я не вижу раны…

— Болезнь здесь…

Пальцы коснулись лба Картра. Он отшатнулся от этого прикосновения.

— Что ж, надо подумать. Ложная память или..

Он убегал, убегал сквозь тьму. Но другой бежал за ним, пытался догнать… Болезненно застонавший Картр снова оказался в коридоре, а перед

ним Кумми и кап-пес. В третий раз переживал он постыдное поражение и смертоносное нападение на товарищей.

— Значит, Кумми одолел его! Должно быть, использовал другие мозги, чтобы накопить силу…

Кумми! Горячий гнев вспыхнул в мозгу Картра. Жег стыд и отчаяние… Кумми… Арктурианин должен быть побежден, иначе он никогда не почувствует себя чистым. Да и с исчезновением Кумми очистится ли он? Навсегда останется тот ужасный момент, когда он стрелял в изумленное лицо Зинги.

— Он одолел… — действительно ли он произнес эти слова, или они звенели в нем самом? Я убил… Убил Зингу…

— Картр! Великий Космос, о чем он говорит? Ты убил?

Он начал медленно, с трудом выбрасывать слова, которые приносили облегчение. Сражение, бегство и вездеход, взлет, его пробуждение в дикой местности — он рассказал все.

— Но это чистейшее безумие! Он не делал ничего этого! — возразил чей-то голос. — Я видел его, да и вы тоже. Он шел так, будто не замечал никого из нас, взял вездеход и улетел. Может, он подобрал Кумми, как говорит. Но остальное…

Это безумие!

— Ложные воспоминания. — заявил уверенный голос. — Кумми хотел, чтобы он считал себя виноватым и убегал от нас, даже если Кумми не сможет полностью контролировать его. Просто…

— Просто! Но Картр — сенситив, он сам может сделать так. Как он мог?

— Именно поэтому, что он сенситив, он более уязвим. Во всяком случае… сейчас мы знаем — что с ним.

— Вы можете его вылечить?

— Попытаемся. Останутся шрамы. Все зависит от того, насколько глубоко проник в него Кумми.

«Кумми!» — он выплюнул это имя, как ругательство.

— Да, Кумми. Если Картр будет помогать нам… Посмотрим.

Снова успокаивающая рука на лбу.

— Спи… Ты спишь… Спишь…

И он уснул, довольный, как будто с него сняли какой-то груз. Он спал.

Пробуждение было внезапным. Над ним была крыша из переплетенных ветвей и крупных листьев. Он лежал под навесом, какие рейнджеры обычно делали во временном лагере. И укрыт он таким одеялом, какие лежат в их рюкзаках

— одеяла, изготовленные из шелка узакианского паука. Такие, именно такие. Воздух влажный, туман закрывает деревья, окружающие полянку…

Кто-то вышел из тумана и опустил на землю вязанку хвороста.

— Зинга!

— Живой и невредимый! — ответил закатанин и, в подтверждение своих слов, щелкнул челюстями.

— Значит, это было ложное воспоминание… Ложное…

Картр облегченно вздохнул.

— Более нелепого сна, тебе никогда не снилось, мой друг. Как ты себя теперь чувствуешь?

Картр блаженно потянулся.

— Чудесно. Но у меня множество вопросов.

— Это позже. — Зинга подошел к костру и взял чашку, стоящую на камне рядом с огнем. — Сначала выпей.

Картр выпил. Горячий бульон, исключительно вкусный. Он с улыбкой, от которой болели отвыкшие улыбаться мышцы, посмотрел вверх.

— Хорошо. Думаю, что здесь проявил свои способности повар Филх…

— О, он все время мешал и добавлял какие-то листочки. Съешь еще…

Картр еще прихлебывал бульон, когда на освещенном месте возникла новая фигура. Сержант уставился на подходившего, забыв проглотить бульон. Зинга здесь, рядом. Тогда кто же этот, во имя тарлускианских дьяволов?

Зинга проследил взглядом за направлением взгляда Картра и улыбнулся.

— Нет, я не раздвоился, — заверил он сержанта. — Это Зикти, разумеется, закатанин. Он историк, а не рейнджер.

Второй закатанин направился к навесу.

— Значит вы проснулись, мой юный друг?

— Проснулся и снова в себе. — Картр счастливо улыбался им обоим. — Но нужно время, чтобы я отделил подлинные воспоминания от ложных… Они путаются.

Зинга покачал головой.

— Не напрягайся, пока не окрепнешь.

— Но где…

— О, я был пассажиром Х451 вместе со своей семьей. Мы вчера встретились с рейнджерами. Точнее, они отыскали нас…

— Что было в городе после… После моего ухода?

Когтистый палец Зинги со скрипом прошелся по челюсти.

— Мы решили уйти… после того, как борьба кончилась.

— Искать меня?

— И по другим причинам. Дальгр и Смит обнаружили воздушный корабль, построенный жителями города. Он доставил нас сюда, но вышел из строя, и они ремонтируют его.

— Гм…

Картр размышлял. Произошли изменения, и ему хотелось знать, что изменилось.

Трое рейнджеров сидели у костра. Картр приподнялся, глядя на них.

— Вы так ничего и не сказали, — нарушил он молчание. — Почему вы оставили город?

Никто из троих не хотел встретиться с его взглядом. Наконец ответил Смит, и в его усталом голосе звучал вызов.

— Они были рады избавиться от Кумми и его людей…

Картр ждал, но связист, по-видимому, не собирался продолжать.

— Большинство из них, — добавил после долгой паузы Дальгр, и его голос звучал глухо, — они…

— Они решили, — подхватил объяснение Зинга, — что не хотят замены одного правительства другим… Им показалось, что патруль собирается

занять место Кумми. Поэтому мы не были желанными гостями, особенно рейнджеры.

— Да, они ясно дали это понять, — холодно сказал Смит. — Теперь, когда война кончилась, пусть войска уходят — обычное отношение штатских. Мы вносим элемент нестабильности. Поэтому мы взяли одну из городских машин и улетели…

— Джексен?

— Он погнался за охранником, убившим командора. Когда мы их нашли, оба были мертвы. Мы — последние представители патруля, да еще Рольтх и Филх, которые ушли на разведку.

Они не стали углубляться в подробности, и Картру была понятна причина их сдержанности. Может быть, для горожан, ощутивших хватку Кумми, патруль был как бы символом прошлого образа жизни. И после свержения правительства патруль тоже должен уйти. Но одно следствие было несомненным: они больше не были членами экипажа и рейнджерами, был только патруль. Второе изгнание укрепило их связь друг с другом.

— Возвращаются наши рыбаки! — Зикти, дремавший у костра, встал, встречая выходящих из-за деревьев. — Ну, каков же улов, мои дорогие?

— Мы положили у воды синий фонарик Рольтха, его свет привлекал жителей воды, поэтому улов у нас сегодня богатый, — ответил тонкий голос закатанской женщины. — Какой богатый мир! Зор, покажи отцу, какого бронированного зверя ты поймал под скалой…

Самый маленький из троих подбежал к отцу, держа в руках шевелящееся существо со множеством лапок и парой мощных клешней. Заинтересованный Зикти, избегая щелкающих клешней пленника, внимательно осмотрел его.

— Как странно! Он мог быть отдаленным родственником полторианина, но ни следа разума…

— И ни у кого из обитателей воды, — согласилась его жена. — Мы, впрочем, рады этому, потому что они очень вкусны.

Картру почти не доводилось видеть закатанских женщин, но долгая дружба с Зингой приучила его к тому, чем отличается внешность человека от внешности закатанина, и он понимал, что Зацита и ее юная дочь Зора для представителей своей расы очень привлекательны. Что касается маленького Зора, то такие мальчишки есть в любой расе. Он наслаждался каждой минутой этой дикой жизни.

Зацита грациозным жестом предложила

садиться. Картр заметил, что Смит и Дальгр поднялись, приветствуя закатанских женщин. Несомненно, их отношение к бемми сильно изменилось.

На следующее утро Картр проснулся рано и долго лежал неподвижно, глядя на наклонную крышу навеса. Что-то его беспокоило. Но вот рот его сложился в тонкую жесткую линию. Он знал, что должен сделать. Картр выполз из спального мешка. Сквозь дыхание спящего лагеря слышалось близкое журчание реки.

Вначале он двигался несколько неуверенно, но потом восстановил равновесие и легко добрался до берега. Вода была холодной, и у него сначала захватило дыхание. Сделав несколько шагов по песчаному дну, он поплыл.

— О, в молодости силы восстанавливаются удивительно быстро!

Гулкий голос был заглушен всплеском. Картр поднял голову и тут же получил в лицо струю холодной воды: это мимо на полной скорости пронесся Зор и поплыл по течению.

Почтенный закатанин доброжелательно посмотрел на сержанта. Сделав несколько гребков, Картр присоединился к нему.

— Немного примитивная жизнь, сэр…

Профессор из галактического университета истории в Зованге спокойно ответил:

— Иногда неплохо прервать рутину комфортабельной цивилизованной жизни. К тому же, мы, закатане, легче приспосабливаемся, чем вы, люди. Моя семья считает, что это замечательные каникулы. Зор, например, никогда не был так счастлив….

Он улыбнулся, глядя, как маленькое чешуйчатое тело борется с течением в погоне за водными существами.

— Но это не каникулы, сэр.

Большие серьезные глаза Зикти встретились с взглядом сержанта.

— Да, мы понимаем это. Изгнание навсегда.

Он отвернулся, разглядывая скалы и утесы за рекой, густую зелень.

— Что ж, этот мир богат, а места в нем достаточно…

— Есть город с частично действующими в нем механизмами, — напомнил ему Картр.

И тут же уловил теплый уверенный ответ, ощутив удовлетворение, какого давно не испытывал. Зикти по-своему ответил ему.

— Я думаю, что жители города должны быть представлены сами себе, — сказал наконец исто-

рик. — В сущности, их выбор — это отступление. Они хотят, чтобы жизнь оставалась всегда такой же. Но так в жизни не бывает. Жизнь идет вперед — это прогресс — или отступает — это регресс. А оставаться на месте — это тоже отступление. Они идут по тому же пути, что и вся империя. Все последние столетия мы медленно отступали. Отступали…

— Упадок?

— Да. Например, распространение этой неприязни к негуманоидам. К счастью, мы, закатане — сенситивы, и мы готовы к встрече с такой ситуацией, которая сложилась после посадки Х451…

— Что же вы сделали? — спросил заинтересованный Картр.

Зикти засмеялся.

— Мы тоже приземлились… на шлюпке. Поблизости виднелся лес. Прежде чем они опомнились, мы уже были там, вне пределов досягаемости. Но… если бы мы не почувствовали отношение Кумми… все могло бы кончиться по-другому… Мы пошли в этом направлении и разбили лагерь. И должен вам сказать, сержант, никогда я не был так изумлен, как тогда, когда случайно вступил в контакт с Зингой. Еще один закатанин! Как будто я встретился лицом к лицу с сутаилом, а у меня

нет бластера! После того как мы соединились с вашим отрядом, все, конечно, прояснилось. Они искали вас… Ваши рейнджеры очень вас уважают, Картр.

Снова ощущение тепла и уверенности возникло в мозгу сержанта. Он покраснел.

— И когда они нашли меня…

— Да, они нашли вас, посадили в машину и привезли сюда. И ваш опыт дал нам очень важный урок — не надо недооценивать противника. Я никогда бы не поверил, что Кумми способен на такое нападение. Но, с другой стороны, он не так силен, как считал, иначе вы не сумели бы уйти из-под его контроля после бегства из города…

— Ушел ли я? — улыбка у Картра была хмурая. — Несмотря на ваше лечение, я не помню, что произошло между вылетом из города и тем моментом, когда я очнулся на скале.

— Я считаю, что вы освободились от него. Давайте рассмотрим факты. Вы, жители Илен, по шкале сенситивности достигаете 6,6. Верно?

— Да. Но у арктуриан предполагается 5,9…

— Верно. Однако всегда есть шанс встретиться с мутантом.

В определенные моменты истории мутации усиливаются. Жаль, что мы ничего не знаем о

происхождении Кумми. Если он мутант, то это объясняет многое.

— Не скажете ли, какое место по шкале занимают закатане? — просто спросил Картр.

Большие глаза смотрели на него.

— Мы сознательно не подвергались апробациям, молодой человек. Всегда разумнее кое-что сохранить в тайне… Особенно, когда имеешь дело с не сенситивами. Но я поставил бы нас где-то между восемью и девятью. За последнее поколение у нас появилось несколько телов — они объединяют в себе способности к телепатии и к телекинезу — и очень много лиц, сенситивность которых на одну-две десятых ниже. Я уверен, что, если у моего народа наблюдается такая мутация, она должна происходить и в других расах тоже…

— Мутанты! — повторил с дрожью в голосе Картр. — Я был на Кабле, когда Портивар поднял восстание мутантов…

— Тогда вы знаете, что может принести подобное увеличение рождаемости мутантов. Все изменения имеют и хорошие и плохие последствия. Скажите мне, когда вы были ребенком, вы знали о своих способностях сенситива?

Картр покачал головой.

— Нет. В сущности, я не подозревал о своих

способностях, пока не поступил в школу рейнджеров. Инструктор обнаружил мой дар, и я получил специальную подготовку.

— Вы были латентным сенситивом. Илен — пограничная планета, ее население было не слишком близко к варварству, чтобы осознать свою силу. Уничтожить такой многообещающий мир! О, жестокость войны! Я убежден, что из-за таких вещей, как уничтожение Илен, наша цивилизация приближается к концу. А в лагере у нас теперь причудливая смесь.

Он вылез из воды и с силой начал растираться полотенцем.

— Зор, пора выходить! — позвал он сына. — Да, мы странная смесь — собрание разных представителей империи, — продолжал Зикти. — Вы и Рольтх, Смит и Дальгр — люди, но с разных планет, так что сильно отличаетесь друг от друга. Филх, Зинга и моя семья — негуманоиды. Те, что в городе — люди, причем высокопоставленные. И кто знает, может, на планете есть туземцы. Можно подумать, что некто или нечто собирается ставить здесь эксперимент. — Он хихикнул и принюхался. — А, еда, а я очень голоден! Посмотрим, что там готовится?

Прежде чем они подошли к костру, Зикти тро-

нул Картра за руку.

— Я хочу поделиться с вами еще одной мыслью, мой мальчик. Я плохо знаю вашу расу, — возможно, вы не мистичны, хотя большинство сенситивов стремится заглянуть за плоть и ищет душу. Вероятно, вы не религиозны. Но если мы отобраны здесь с какой-то целью, нужно оказаться достойными выбора!

— Согласен, — коротко ответил Картр, зная, что собеседник оценит его искренность.

Закатанин кивнул.

— Отлично, отлично. Остаток жизни должен пройти неплохо. И только подумать! Такое приключение, когда я уже начинал думать, что жизнь слишком пресна! Моя дорогая, — обратился он к Заците, — аромат жаркого восхитителен. Мой голод увеличивается с каждой минутой.

Но Картр ел механически. Конечно, Зикти хорошо рассуждать о будущем в таких масштабах. Историк привык воспринимать всю ситуацию, а не только отдельные детали. А у рейнджеров — противоположный подход: для них детали всего важнее, они тщательно изучают новые планеты, долгие часы наблюдают за странными животными и по нескольким кирпичам, путем размышлений, восстанавливают исчезнувшую

цивилизацию. А тут перед ним деталь, с которой он должен справиться.

Он должен обезвредить Кумми!

Именно эта мысль пришла ему в голову утром, когда он проснулся. Она была частью его снов и теперь превратилась в настоятельную потребность. Живого или мертвого, он должен найти, и он найдет арктурианина. И если Джойу Кумми жив, он остается для всех страшной угрозой.

Странно… Картр потряс головой, как бы стараясь прояснить ее. Как его преследует эта мысль: Кумми опасен, и обезвредить его — дело Картра. К счастью, арктурианин — неопытный следопыт, он оставит ясный след. Пройти по нему для рейнджера — детская игра. Они вместе покинули город. Ночью они где-то разошлись. Может Кумми вытолкнул его из вездехода, надеясь, что Картр разобьется насмерть? Если это так, найти арктурианина будет сложнее: на облаках он не оставит следов. Значит, нужно вернуться к скале, где Картр впервые пришел в себя…

— Она в десяти пятнадцати милях к северу…

Сержант посмотрел на Зингу. Тот подхватил его мысль.

— И ты, Картр, не пойдешь один. Это не тот след, по которому идут в одиночку.

Картр напрягся. Но Зинга и без слов понял его.

— Это мое дело, — заметил сержант, сжав губы.

— Конечно. Но все же тебе нельзя идти по следу одному. У нас есть летательный аппарат, на нем быстрее. И с него лучше видны следы.

Разумно, но от этого смириться не легче. Картр предпочел бы уйти из лагеря один и пешком. Он знал, что арктурианин теперь один. Он не будет чувствовать себя здоровым и чистым, пока не сразится с Кумми и не победит..

— Отдохни еще день, — посоветовал Зинга, — и потом мы пойдем. Это дело с Кумми очень важное.

— Другие могут так не думать. Он один в дикой местности, которую не знает. Возможно, дикие звери уже сделали работу за нас.

— Но он Кумми, и над нами продолжает висеть угроза. Говорил тебе Зикти, что он считает его мутантом? Вспомни, на что был способен Портивар. Кумми не должен победить, когда ты с ним встретишься в следующий раз.

Картр улыбнулся закатанину, но в улыбке его не было веселья.

— Ты знаешь, друг мой, я думаю, ты прав. И я больше не повторю свою ошибку. Я не буду слишком самоуверен. И с ним нет кап-пса, ни других

мозгов, которые он мог бы использовать.

— Хорошо. — Зинга встал. — Пойду порасспрашиваю Дальгра. Надо узнать, много ли энергии осталось в машине.

Они вылетели на следующее утро. Никто ни о чем не расспрашивал, хотя Картр был уверен, что они все знают о цели полета. Воздушная лодка не обладала скоростью вездехода и его маневренностью. Сидевший за штурвалом Зинга вел ее вдоль реки, пока они не увидели ручей, который послужил Картру проводником.

Время от времени закатанин с беспокойством поглядывал на тяжелые облака, собирающиеся на горизонте. Приближалась буря, и им нужно было поискать убежище. Оказаться во власти бури в легкой лодке было нежелательно.

— Узнаешь что-нибудь внизу?

— Да, я уверен, что проходил по этому лугу. Помню, как пробирался через высокую траву. А вот эти деревья меня привлекают. Не сесть ли нам под их защиту?

Зинга снова посмотрел на тучи.

— Лучше бы добраться до твоей скалы. О, огненные мыши! Темнеет! Хотел бы я иметь глаза Рольтха!

Быстро темнело. Поднявшийся ветер ударил по

Лодке, она закачалась, как на морских волнах. Картр вцепился в сиденье.

— Подожди!..

Он произнес это слово с риском прикусить язык, так как лодка в этот момент нырнула. В полумгле он разглядел знакомую скалу и склон, уходящий к ручью.

— Похоже, что я упал здесь.

Они уже миновали скалу, но Зинга повернул назад. Картр, прищурившись, пытался вообразить, как выглядит это место с точки зрения человека, лежащего на вершине скалы.

Лодка неожиданно резко свернула вправо. Картр хотел возразить, но забыл об этом, заметив, что привлекло внимание Зинги. Вершина дерева была сбита, белел расколотый ствол. Закатанин искусно развернул лодку и посадил ее. В другое время его маневр вызвал бы восторг Картра, но сейчас он был слишком поглощен тем, что могло находиться за сломанным деревом.

Под грудой обломанных ветвей они нашли обломки вездехода. Ни один техник не сумел бы восстановить эту машину. Мятый корпус, зажатый между стволами, был пуст.

Зинга принюхался, осветив пустое сиденье вездехода.

— Ни следа крови. Вопрос: один он или вы оба были на борту в момент удара?

Картр покачал головой, пораженный результатом крушения.

— Не думаю, чтобы там вообще кто-то был. Может, он выбросил меня и…

— Да… И если ты боролся, он мог потерять управление. Тогда это и случилось. Но тогда где же Кумми или его останки? Даже если бы здесь похозяйничали хищники, что-нибудь да осталось бы…

— Он мог выпрыгнуть перед ударом, — предположил сержант. — Если у него был антигравитатор на поясе, он мог приземлиться невредимым.

— Значит, нужно поискать следы. — Зинга глянул на небо, выставив вперед челюсть. — Дождь может все смыть…

Наконец облака облегчились от груза воды. Рейнджеры добежали до выступа скалы, послужившего им подобием убежища. Может быть, деревья дали бы большую защиту от дождя, но, взглянув на падающие ветки, Картр решил, что это небезопасно. Дождь заливал их, проникал во все поры одежды и обуви.

— Он не может долго продолжаться, столько воды просто не существует! — прокричал Картр

и понял, что его голос совершенно заглушен шумом дождя.

Он чихнул, вздрогнул и подумал с горечью: Зинга может оказаться прав. Поток уничтожит следы, оставленные Кумми.

Вдруг Картр выпрямился и почувствовал, как одновременно напрягся Зинга. Закатанин был удивлен так же, как и он сам.

Они уловили слабую, очень слабую мольбу о помощи. От Кумми? Картр почему-то решил: нет. Но мольба шла от человека, вернее, от разумного существа. Кто-то живой и разумный находился в опасности. Сержант мгновенно повернулся, пытаясь определить направление. Они должны ответить на боль и ужас этого существа!

— С севера… — послышался гортанный голос Зинги. Закатанин с его совершенным ощущением был прав.

— Лодка выдержит?

Картр привык к патрульным вездеходам, которые были предназначены для использования в сложных условиях. Но лодка не внушала ему доверия.

Зинга пожал плечами.

— Что ж, это не вездеход. Но ветер стихает, а пешком мы все равно не можем идти.

Они буквально протискивались сквозь стену падающей воды, добираясь до тесной кабины лодки. Какое облегчение — уйти от этого дождя! Но уже когда они садились, легкое суденышко накренилось под ними. Лететь на таком ветру — все равно что уподобиться листику, попавшему в водоворот.

Но понимая это, они не колебались. Зинга сразу запустил двигатель, а Картр послал пробную мысль, пытаясь вступить в контакт с тем, кто просил о помощи.

В какой-то мере им повезло: тучи начали расходиться. И Зинга был прав — ветер стихал. Легкое суденышко подбрасывало, и закатанин с трудом удерживал курс. Но они все же летели, летели высоко над верхушками деревьев, чтобы избежать участи вездехода.

— Пойдем кругами? — мысленно задал вопрос Зинга.

— Горючего хватит? — в ответ спросил Картр, вглядываясь в шкалы приборов.

— Ты прав, мы не можем себе этого позволить, — согласился Зинга. — Еще четверть тола такого парения, и мы вообще никуда не полетим…

Картр даже не пытался перевести «тол» в зна-

комые меры длины. У него было предложение.

— Выбери хороший ориентир и посади лодку.

— Оттуда пойдем пешком? Возможно, ты прав. Если ослабнет дождь. А вот и ориентир — согласен? Сядем в середине.

Ориентир находился примерно в миле от них — широкая площадка почерневшей почвы с пнями, между которыми начали пробиваться молодые ростки. Недавно здесь горел лес.

Зинга очень аккуратно опустил лодку между пней.

И как только они вышли из лодки, просьба о помощи снова достигла их. В ней уже гораздо яснее звучал ужас. Картр уловил кое-что еще.

Они были не единственными живыми существами, откликнувшимися на призыв. Там был охотник, четвероногий, голодный — не ел, по крайней мере, сутки.

Старая звериная тропа шла по выжженной земле. Копыта и лапы за много лет так выбили ее, что по ней можно было идти наощупь. Картр быстро шел по тропе к голой скале. Скальная стена некогда помешала огню распространиться. В ней была узкая щель, сквозь которую проходила тропа. Потом она опускалась по склону и уходила в настоящий лес.

Охотник был поблизости, рядом с добычей. Картр уловил мысль пойманного в ловушку. Это был человек, но не Кумми. Незнакомый, раненый, одинокий, очень испуганный.

Охотник теперь знал, на кого охотится. Он заколебался… и Картр услышал крик, более похожий на стон. Перед ним была стена кустов, он пробился через нее и сразу увидел упавшее дерево, а под ним маленькое, жалкое, тощее тело, прижатое к земле толстой ветвью. Искаженное лицо было повернуто к нему. Картр увидел, что человек этот не из города.

Картр вжал ноги в мягкую почву, чтобы поднять ветвь. Но ему не удалось приподнять ее настолько, чтобы пленник мог освободиться. Охотник ждал, ждал за соседним кустом…

— Йакх! — этот рев был боевым кличем закатанского воина. Над головой Картра блеснул луч бластера.

Огненная нить встретила красновато-коричневое тело в середине прыжка. Удар отбросил зверя, уже мертвого, назад, в путаницу ветвей, из которых он выскочил. Воздух наполнился запахом горелого мяса и жженой шерсти.

Картр снова принялся за дело. Он выкапывал мягкую землю из-под ветви, когда прозвучал

крик, полный ужасного беспричинного страха.

Лицо пленника исказилось ужасом и почти потеряло человеческое выражение.

Но бояться было нечего — огромная кошка мертва; Только Зинга стоял.

Но именно закатанин и внушил этот ужас.

Картру не пришлось ничего говорить: рейнджер сам понял все, что происходит, исчез, как будто растаял, в кустах. Картр видел, что пленник неподвижен, глаза его закрыты. Он без сознания! Что ж, это даже упростит его задачу.

Вернулся Зинга так же бесшумно, как и исчез. Вдвоем они быстро освободили хрупкое тело и положили его на траву. Картр быстро и ловко ощупал лежащего.

— Кости не сломаны. Хуже всего это…

На боку незнакомца виднелась глубокая царапина.

Тело было худое, ясно виднелись ребра под обожженной солнцем кожей. Незнакомец был маленьким и слабым, слишком маленьким и слабым, чтобы считаться взрослым. Картр решил, что это мальчик. Голову его покрывала масса спутанных желтых волос, забитых грязью и мелким мусором, челюсти и верхняя губа были покрыты пушком. Рваная одежда состояла из безрукавки,

сделанной из шкуры какого-то животного, и штанов того же материала, а на ногах — странные мешкообразные покрытия.

— Очень примитивно… Туземец? — спросил Зинга.

— Или выживший после другого крушения.

Закатанин прикусил коготь.

— Возможно. Но тогда…

— Да. Если этот незнакомец с другого корабля, потерпевшего крушение, то почему он так испугался тебя.

Закатане были широко известны и не вызывали страха. Они никогда не становились пиратами. Но… Картр впервые взглянул на товарища со стороны. Допустим, что кто-то никогда раньше не видел закатанина. Допустим, что планета заселена существами, более или менее похожими на него самого. Тогда достаточно одного взгляда на эти большие челюсти с мощными клыками, на эту чешуйчатую кожу, на жабо за безволосой головой… Да, этого вполне достаточно, чтобы испугать примитивный разум.

Зинга кивнул: он думал так же. И у него было готово предложение.

— Я возвращаюсь к лодке и буду оставаться невидимым.

А ты попытайся узнать, откуда он и все остальное. Если вы пойдете — я за вами. Здесь туземцы! А что если их нашел Кумми?

Но Картр не нуждался в этом предупреждении.

— Иди. Мне кажется, он приходит в себя.

Дрогнули веки. Глаза под ними были светло-голубые, почти белесые. Вначале в них отражался только ужас, но когда человек увидел, что перед ним только Картр, ужас исчез, сменившись опасливым любопытством. Сержант слегка коснулся мыслью чужого мозга и убедился, что был прав. Парень не был членом выжившего галактического экипажа. Если он и происходил от галактических бродяг, то они приземлились в этом забытом мире много поколений назад.

Чтобы окончательно убедиться в этом, Картр задал первый вопрос на универсальном космическом языке.

— Кто ты?

Мальчик был удивлен, и удивление это сменилось новым страхом. Он не привык к звукам чужих языков, галактическая речь для него ничего не значила. Картр вздохнул и вернулся к самому легкому способу коммуникации. Он ткнул в свою грудь пальцем и произнес медленно и отчетливо:

— Картр.

Настороженность оставалась, но любопытство усилилось. После недолгого колебания мальчик повторил жест рейнджера и сказал:

— Орд.

Орд... Это могло быть местным обозначением человека вообще, но Картр подумал, что все же, вероятнее всего, это личное имя. Снова и с предельной осторожностью сержант попробовал испытать мысленный контакт. Он ожидал, что мальчик отшатнется, испугается... Но, к его удивлению, мальчик был явно знаком с таким обменом мыслями. Да, несомненно, хотя он и не сенситив.

Это могло обозначать только одно: в прошлом он имел дело с сенситивом и не боялся мысленного прикосновения. Кумми! Сержант навестил Зингу. Закатанин ждал в лодке.

Картр вернулся к Орду. Уложив мальчика под соседним деревом, где не так докучал дождь, он принялся за работу Постепенно увеличивая запас слов, он узнал, что Орд принадлежит к племени, ведущему бродячую жизнь в дикой местности. Любое упоминание города вызывало боязливую уклончивость. По-видимому, это было какое-то табу. Эти «сверкающие» места когда-то были

домом «небесных богов».

— А теперь боги вернулись… — продолжал Орд.

Картр насторожился.

— Боги вернулись?

— Да. К нам пришел один, он искал наш клан… чтобы мы смогли служить ему.

— Какова внешность небесного бога? — поинтересовался сержант, стараясь говорить обычным голосом.

— Он похож на тебя… — тут глаза Орда расширились. — Значит, ты тоже небесный бог? — и он скрещенными пальцами указал на рейнджера.

Картр сделал решительный шаг.

— С твоей точки зрения, да. Я пришел с неба. И я ищу бога, который сейчас среди твоего народа, Орд.

Мальчик беспокойно зашевелился, пытаясь отползти от сержанта. В его взгляде снова появился страх.

— Он сказал, что его будут искать… демоны ночи и творцы зла. — Нотки ужаса звучали в его голосе. — И когда ты появился первый раз, мне показалось, что рядом с тобой демон!.. — голос его почти перешел на крик.

— Разве сейчас ты видишь его, Орд? Я один с

тобой. И ты сам сказал, что я похож на бога, который сейчас с твоим народом…

— Должно быть, ты и вправду бог… или демон. Ты убил огнем молчаливого охотника. Но если бог, который пришел к нам, твой друг, то почему он сказал, что его будут искать враги?

— Пути богов не похожи на пути людей, — уклончиво ответил Картр. — Будь я демоном, Орд, разве я вытащил бы тебя из-под дерева, перевязал твою рану и обращался с тобой так хорошо? Не думаю, что творец зла поступил бы с тобой так.

Эта простая логика подействовала на мальчика.

— Верно! А когда мы придем в клан, у нас будет большой пир, а потом мы пойдем к месту встречи с богами, где ты будешь таким же, как в древности…

— Я очень хочу пойти с тобой в твой клан, Орд. Долго ли туда идти?

Мальчик коснулся раненого бока рукой и нахмурился.

— Один день пути. Но я не смогу идти быстро…

— Придумаем что-нибудь, Орд. А место встречи с богами — там живет твой народ?

— Нет, оно гораздо дальше. Десять дней пути отсюда А может, и больше. Раз в год там собираются

все кланы, торгуют, посвящают в воины, и девушки выбирают себе пару Песни, танец копий…

Мальчик замолчал. Картр убрал с его лба волосы.

— Теперь спи, — приказал он.

Бледно-голубые глаза закрылись, дыхание стало ровным и тихим.

Картр подождал несколько минут и скользнул за деревья. Почти сразу же к нему присоединился Зинга.

— «Небесный бог», о котором он говорит, это, должно быть, Кумми… — начал сержант.

— Да, это Кумми, и нам сейчас нужно торопиться. Если Орд принадлежит к примитивному суеверному народу… Именно такое племя нужно Кумми…

— Он может разжечь пламя, которое легко распространится, — согласился Картр. — Нужно остановить его! — он постучал пальцем по поясу. — Мальчика нужно взять с собой, — продолжал он. — Но лагерь в дне пути. Я не смогу нести его столько…

— Полетим в лодке.

— Но, Зинга, он считает тебя демоном, и его не втащишь в лодку…

* * *

— Никаких затруднений не будет. Подумай, Картр. Ты — сенситив, но еще не представляешь, на что способен. Орд увидит и услышит только то, что я захочу. Он отведет нас к нужному месту. Но мы не приземлимся в лагере… Я не смогу контролировать сразу несколько мозгов. Особенно, когда поблизости Кумми. Ты отведешь мальчика в лагерь, и он не будет помнить ни о полете, ни о втором рейнджере.

Все получилось так, как сказал Зинга. Орд полуспал, лежа между ними. Он с готовностью отвечал на вопросы закатанина. Видимость улучшилась, они улетали от дождя.

— Дым! — Картр указал направо.

— Должно быть, их лагерь. Поищем место для посадки… не очень далеко. Возьми его…

Десять минут спустя Картр, несший на руках мальчика, остановился. Он стоял на краю открытого пространства, перед ним в беспорядке были разбросаны кожаные шатры. В пределах умственного контакта находилось минимум двадцать индивидуумов. Но не Кумми.

— Орд!

К рейнджеру бежала девушка. На ее плечи

свисали пряди таких же желтых, как у мальчика, волос.

— Орд?

Она остановилась, с ужасом глядя на сержанта. К его облегчению, мальчик очнулся от ее крика и поднял голову.

— Квета!

Из палаток выходили остальные. Трое мужчин, которые были ненамного выше Орда, осторожно приближались, держа руки вблизи ножей на поясе. Виски и подбородки у них были покрыты густыми спутанными волосами. Мохнатые — совсем животные.

— Что ты здесь делаешь?

Это спросил самый высокий из троих.

— Ваш мальчик… ранен… я его принес… — Картр медленно подбирал слова.

— Отец… Это небесный бог. Он ищет своего брата, — Добавил Орд.

— Небесный бог ушел на охоту.

Картр мысленно поблагодарил судьбу за возможность выяснить обстановку до возвращения Кумми.

Они не спорили. Орда уложили на груду шкур в самой большой палатке. Рейнджеру дали место у огня и предложили миску с похлебкой. Он поел,

хотя еда оказалась невкусной.

— Давно ли… давно ли ушел небесный бог? — спросил он наконец.

Вулф, волосатый вождь, отец Орда, затянулся дымом из плотно скрученных листьев, которые он поджег от лучины, и медленно выпустил из губ едкое облако.

— С первым светом. Он мудр. Своей магией он удерживает зверей, а юные воины их убивают. С его приходом мы постоянно пируем. Он пойдет на место встречи с богами и созовет все кланы. Наши девушки выйдут замуж. Мы снова станем великими и будем править этой землей…

— Ваш народ жил здесь всегда?

— Да. Это наша земля. Было время огней, и боги улетели в небо, а мы остались. Но мы знали, что они вернутся и принесут с собой хорошую жизнь. И вот это время пришло… Сначала вернулся Коуми… — он произнес это имя с трудом. — Теперь ты. Будут и другие. Так обещали древние.

Некоторое время он молчал, пуская дым, потом добавил:

— У Коуми есть враги. Он сказал, что демоны не хотят, чтобы мы снова стали великими…

Картр кивнул. Делая вид, что внимательно слушает вождя, он в то же время слушал не только

ушами. Они опытные охотники, эти туземцы. Уже пять минут они сзади подбираются к нему. Хотели напасть внезапно… Неплохая идея. И получилось бы, если бы он не был сенситивом. А так он может ткнуть пальцем в каждого из них. Нужно что-то предпринять, прежде чем они нападут.

— Ты великий, мудрый вождь, Вулф. И у тебя много сильных воинов. Но почему они прячутся в темноте, как испуганные дети? Почему этот, с рассеченной губой, притаился там, — сержант указал налево, — а тот, что с двумя ножами, здесь?

Вулф приподнялся, и Картр шевельнул рукой. Язык зеленоватого пламени осветил лица людей, считавших себя спрятавшимися. Послышался дикий вопль ужаса, и они бросились врассыпную, подальше от этого пламени. Впрочем, следует отдать должное храбрости вождя. Он не двинулся. Только пучок листьев выпал у него изо рта и спалил шкуру на правом колене.

— Если бы я был демоном, — спокойно продолжал Картр, — все они уже были бы мертвы. Я легко мог убить их. Но в моем сердце нет ненависти к тебе и к твоим людям, Вулф.

— Ты враг Коуми, — спокойно ответил тот.

— Так сказал Кумми? Или ты только догадыва-

ешься? Подождем его возвращения…

— Он вернулся.

Вождь не повернул головы, но голос его слегка изменился, в глазах вспыхнул ум, как будто другая личность вселилась в его приземистое тело.

Картр встал, но не извлек бластер. Это оружие он сможет использовать лишь для последней защиты.

— Я поверю в это, когда увижу его. Боги не сражаются из-за спин других…

— Так говорит благородный патруль! Бесстрашные рейнджеры! — губы Вулфа с трудом произносили чуждые для его языка слова. — Вы все еще связаны этим старомодным кодексом? Тем хуже для вас. Но я рад, что вы вернулись ко мне, сержант Картр, вы лучшее орудие, чем эти безмозглые дикари.

И прежде чем Вулф кончил говорить, Картр ощутил внезапный мысленный удар. Если бы Кумми не выдал себя, возможно у него было бы больше шансов. Но рейнджер успел подготовиться. И его поддерживал Зинга. Картр, слегка улыбнувшись, парировал удар, и началась беззвучная, невидимая дуэль.

Кумми не пытался ударить сильно, он пользовался короткими выпадами, которых постоянно

приходилось остерегаться. Но уверенность Картра росла. И с усиливающимся возбуждением он понял, что справится сам, — Зинга лишь наблюдал и подбадривал. Пусть Кумми — мутант с неизвестной силой, но он встретил достойного противника в лице варвара с пограничной планеты. И рейнджер вдруг понял: Илен была сожжена потому, что арктуриане осознали, какую угрозу она для них представляет.

Уверенность его росла. Возможно, Илен была препятствием на пути растущего честолюбия арктуриан. Что же, человек с Илен отомстит за свой народ и свой мир.

Но затем уверенность внезапно исчезла. Давление Кумми прекратилось, как отсеченное силовым лезвием. Его место заняло кипение неотчетливых мыслей и впечатлений… Неужели Кумми скрылся за блоком, чтобы подготовиться к новой атаке? Картр был готов ее встретить — и она пришла с таким взрывом отчаяния, как будто была последней.

Нападение отхлынуло, но сержант оставался наготове. Он считал, что противник отступил, чтобы собрать силы для новой попытки. И чуть не погиб.

Нападение было не мысленным, а физическим

— выстрел из бластера.

С приглушенным криком боли Картр упал. Он лежал, бессильный, в блеске огней.

Вождь покачал головой и тупо посмотрел на неподвижное тело рейнджера. Он еще вставал на ноги, когда из тени появилась фигура Кумми, метнувшаяся к костру с бластером в руке.

— Взять… Взять его!

Но в этих словах вместо триумфа звучала странная нерешительность. Кумми вдруг остановился и поднес руку к голове. Лицо его исказилось, он закричал. Бластер выпал, подскочил и откатился к телу жертвы.

Картр с трудом поднялся, зажимая рукой левое плечо. Блисовая кожа куртки приняла на себя удар лучом, к тому же выстрел был неприцельным. Его сильно обожгло, но он был жив. Наклонившись, он поднял бластер Кумми.

Этот бластер… Почему Кумми хотел его сжечь? Сержант был уверен, что арктурианин предпочтет положиться на умственную мощь: Кумми слишком цивилизован и слишком уверен в себе. Такие действия совершенно не в его характере. И почему он вдруг так легко поддался? Кумми реагировал на его мысленный удар так, кок будто у него совсем не было блока.

Когда рейнджер склонился к Кумми, тот шевельнулся и слегка застонал. Арктурианин дышал с трудом, грудь его работала так, будто каждый вздох требовал от него чрезвычайных усилий. Что с ним?

— Коуми… что…

Вулф робко приблизился, Картр коротко приказал:

— Переверни его.

Вождь со страхом повиновался. Он явно боялся прикоснуться к лежащему. Картр опустился на колени, стиснув зубы от резкой боли, которую вызвало это движение. Рот его был открыт, он тяжело дышал. Вокруг носа и губ проступили отчетливо темные пятна. Картра осенило:

— Имфайрская лихорадка! — воскликнул он, хотя Вулф не мог его понять.

Довольно обычная болезнь. У него самого был когда-то приступ. Единственное лекарство — гандайн. Но до того как медики открыли это лекарство, болезнь была неизлечимой. Больной задыхался в результате паралича дыхательных мышц. Гандайн! Где его найти? Есть ли он в рюкзаках? Картр старался вспомнить. Вряд ли. Им ведь делали прививки, которые защищали от всех болезней.

Кумми умрет, если не сможет дышать. А он, Картр, со своей раненой рукой не сможет делать искусственное дыхание.

— Ты… — он повернулся к Вулфу. — Положи руки сюда. Нажимай и отпускай, вот так… раз, два… раз, два…

С явным нежеланием вождь подчинился. А Картр связался с Зингой.

— Понял, — донесся ответ. — Постараюсь отыскать гандайн в лагере, если ты продержишься. Дай мне два часа, может быть, три…

Картр прикусил губу: нестерпимо болел ожог.

— Действуй! — передал он.

Вулф смотрел на него из-под путаницы густых волос.

— Почему я должен делать это Коуми?

— Если ты не будешь делать этого, Коуми умрет.

Вождь с откровенным недоверием взглянул на рейнджера.

— Но он не ранен. И он небесный бог. Он все знает. Ты заколдовал его, ты его враг.

— Тут нет колдовства…

Картр торопливо отверг два возможных объяснения и выбрал третье, которое вождь мог бы не только понять, но и принять.

— Кумми проглотил невидимых демонов. И они не хотят выходить. Но их нужно выгнать, иначе они убьют его так же верно, как убивает нож…

Вулф, продолжая работать, обдумал сказанное. Люди племени =— мужчины и женщины — обступили их. Когда Вулф начал уставать, он выбрал самого сильного из мужчин и приказал ему заменить себя. Сержант внимательно следил за лицом Кумми. Ему показалось, что приступ ослабевает.

Возможно, первый приступ кончится до возвращения Зинги. Картр вспомнил, что имфайр протекает циклами. Если первый приступ не убьет жертву, наступает период облегчения, а потом второй приступ. Тут уж спасти может только гандайн. Без гандайна больной неминуемо задохнется. Болезнь, которая за четыре поколения превратилась в легкое недомогание, раньше опустошала целые планеты. Да, Кумми явно дышал легче. По знаку рейнджера, мужчина, делавший арктурианину искусственное дыхание, остановился, однако лорд вице-сектора продолжал, хотя и неглубоко, дышать. Картр коснулся его влажного лица: на лбу и верхней губе выступил характерный холодный пот.

— Укройте его, — сказал он.

Вулф потянул его за рукав.

— Демоны ушли?

— Они отступили, но могут вернуться.

Сквозь линию мужчин протиснулась женщина и бросила шкуру в сторону Кумми, но не подошла ближе, чтобы укрыть находящегося без сознания… Картр неуклюже натянул на больного шкуру. Туземцы разошлись. Вулф, перешедший на другую от костра сторону, пребывал в нерешительности — не последовать ли за ними.

Два часа, сказал Зинга, может быть, три. И возможно, гандайна вообще не окажется. Картр не оглядывался на туземцев, но слышал их свистящий шепот. Он будет знать, если они задумают что-нибудь. Но он один, а их больше двух десятков. У него два бластера, но их можно использовать лишь как крайнее средство.

— Вы…

Рядом послышался слабый голос: Кумми пришел в себя.

— Что? — спросил арктурианин.

Картр ответил одним словом:

— Имфайр.

— Побежден… вирусом! — в голосе звучало презрение. — Гандайн?

— Возможно. Я послал поискать его в нашем

снаряжении.

— Да? Значит, вас было двое! — голос Кумми набрал силу. — Но сейчас вы один…

— Я один.

Арктурианин устало закрыл глаза. Он прикрылся непроницаемым мозговым блоком, возможно, он что-то задумал. Но имфайр поражает не только мышцы, но и мозг. Сейчас Кумми мало на что способен.

— Знаете, у вас будут неприятности с кланом. — Кумми говорил обычным тоном, но едва скрывал злорадство. — Я успел их обработать. Они не воспримут мою гибель спокойно. Они решат, что эта вы убили меня.

Картр не ответил, и его молчание, казалось, прибавило сил Кумми.

— Следующий приступ вам не удастся победить, рейнджер. Если я умру, вы тоже умрете под их ножами и копьями. Подходящий конец для варвара.

Сержант пожал плечами, хотя этот жест чуть не вызвал у него крик боли. Полуоткрытыми, сузившимися глазами Кумми посмотрел на Картра и оскалил в улыбке зубы.

— Значит, я все-таки задел вас! Что же, тем легче будет добыча для Вулфа и его людей.

— Вы все хорошо продумали, — Картр разрешил себе зевнуть. Он не знал, что происходит за блоком арктурианина, но мог себе представить, как действовал бы он, окажись бы сам в подобном положении. — Со мной справиться нетрудно, а потом можно устроить засаду и отобрать гандайн у того, кто принесет его.

Но глаза Кумми снова закрылись, и он не подал никакого знака, свидетельствующего, что Картр угадал верно. Сержант посмотрел на Вулфа. Вождь опять сидел, скрестив ноги, и смотрел в огонь. Неужели Кумми занят контактом с этой сгорбленной фигурой? Картр вздохнул. За последние несколько дней он обнаружил, что в его даре скрываются огромные возможности. Похоже, что инструктор в школе рейнджеров тоже мало знал о них. Сам Картр узнал об этом после встречи с Зикти и контактов с Зингой. Если бы у него были их способности, он смог бы узнать, какие приказы вкладывает арктурианин в примитивный мозг Вулфа. Но он не имел представления о пределах силы Кумми. Если он действительно мутант, все возможно.

Остальные туземцы собрались в темноте у палаток. Картр знал, что опасности немедленного нападения нет.

Время тянулось бесконечно. Иногда кто-нибудь подбрасывал дрова в костер. Вулф задремал, потом проснулся, вздрогнув. Кумми, по всей видимости, тоже спал или был без сознания. Но Картр оставался настороже. К счастью, боль в плече не давала ему забыться.

Наконец послышался звук, который он так напряженно ждал, — гудение приближающейся лодки. Картр облегченно вздохнул и распрямился. Потом посмотрел вниз. Глаза арктурианина были открыты, и в них горела злоба. Что он задумал?

Вулф зашевелился, и рука Картра потянулась к бластеру. Кумми закрыл глаза. Вождь неуклюже встал на ноги. К нему присоединились трое мужчин.

— Картр! — умственный зов звучал повелительно и исходил не от Зинги, а от Зикти. — Гандайна нет!

И в тот же момент, когда это сообщение достигло рейнджера, Кумми распрямился, ноги его ударили, и он сбил бы Картра, если бы сержант в то же мгновение не отпрыгнул. Арктурианин сошел с ума, если решил, что сумеет захватить врасплох сенситива. Но Кумми смог приподняться.

Вот оно что! Картр уклонился влево, так, чтобы костер находился между ним и туземцами. Они вооружились ножами А он не мог применить против них бластер, не мог!

Он пнул Кумми, который, ослабев от болезни, не сумел увернуться. Арктурианин растянулся лицом вниз. Рейнджер перепрыгнул через его тело и начал пятиться к темному лесу, к скрытой лодке.

Секунду спустя он услышал за собой знакомый голос:

— Я держу их под прицелом, Картр.

— Их контролирует Кумми…

— Знаю. И его тоже. Отходи к деревьям, там нас ждет Зикти.

Рольтх спокойно вышел из тени и встал рядом с сержантом.

Кумми ухватился за Вулфа, когда вождь проходил мимо него. Используя поддержку туземца, он встал на ноги.

— Значит, гандайна нет! — выкрикнул он.

Лицо его больше не было злобным. Страх исказил его. Кумми побледнел.

— Может я мертвец, сказал он медленно, — но у меня еще есть время, чтобы покончить с вами.

Неожиданно он отпустил Вулфа и толкнул его

к рейнджерам.

— Убей! — закричал он.

— Мы сделаем для вас все, что сможем, проговорил Картр.

Арктурианин из последних сил держался на ногах.

— Все еще живешь по кодексу, глупец? Я доживу до вида твоей крови, варвар!

— Аххх! — резкий крик ударил по нервам. Так могла кричать только женщина.

Вулф и его люди обернулись Послышался быстрый обмен репликами, которых Картр не понял. Но Зикти мысленно перевел:

— Девушка из племени заболела. Они считают, что в нее вошли демоны Кумми..

Вулф убежал туда, откуда донесся крик. Теперь он тяжело возвращался к костру.

— Демоны, — он обращался прямо к арктурианину, завладели Кветой. Если ты действительно небесный бог, убери их.

Кумми покачнулся, преодолевая слабость силой воли.

— Это их дело, — он указал на рейнджеров. Спроси у них.

Но Вулф не шевельнулся.

— Коуми — небесный бог так он сказал. А эти

не говорили. Коуми принес демонов в своем теле. Это демоны Коуми, а не моего народа. Пусть Коуми отзовет их из тела моей дочери.

Опустошенное лицо Кумми похудевшее, осунувшееся представляло маску боли. Черные глаза его были устремлены на рейнджеров.

— Гандайн…

Картр видел, как губы арктурианина произнесли это слово. Тут силы оставили Кумми, и он медленно опустился на утоптанную землю.

Вулф наклонился и поднял за волосы голову Кумми. Тот был без сознания. И прежде чем ошеломленные рейнджеры успели шевельнуться, вождь быстрым ударом ножа перерезал горло лорда вице-сектора.

— Теперь дорога для демонов открыта, — заметил он, — и им хватит крови, чтобы напиться. Пусть быстрее выходят.

Он вытер нож об одежду Кумми.

— Иногда нужно много крови, чтобы напоить демонов, закончил он, посмотрев на рейнджеров.

Рольтх держал бластер наготове, но Картр покачал головой. Они отошли в тень деревьев.

— Они будут нас преследовать, — предположил Рольтх.

— Пока нет, — заверил Зикти. — Они еще не пришли в себя от действия вождя. Не каждый день видишь смерть бога или даже экс-бога. Быстрее к лодке.

Снова было утро, и солнце светило ярко и горячо, но мысли Картра были тусклыми и серыми.

Мы ничем не можем нм помочь, — докладывал Смит, — Если бы у — нас был гандайн, они, может быть, подпустили бы нас. Но когда мы с Дальгром приблизились к ним два часа назад, один из них бросил в нас нож. Большинство уже мертвы, — он развел руки жестом поражения. — Думаю, к ночи все будет кончено.

— Погибло двадцать человек, может быть, больше. Это убийство, — мрачно заметил Картр.

— Мы не могли остановить его, — отозвался Дальгр.

— У нас прививки… а закатане не болеют имфайром. Но раньше все именно так и было…

— Мы открыли гандайн. И вспомните, мы знакомы с имфайром давно. Он появился сразу же после Сириусских войн, — сказал Рольтх — За много поколений у нас выработался иммунитет. Но сколько еще бактерий мы носим в себе, безвредных для нас, но весьма опустошительных для этого мира. Самое лучшее для нас теперь

— держаться подальше от туземцев.

— И такое решение не будет чисто альтруистическим, — добавил Зинга. У них ведь тоже могут быть свои вирусы. Будем надеяться, что наши прививки действуют.

— Это трагедия, но мы бессильны. — Зикти приспустил плащ и подставил плечи под солнечные лучи. — Отныне мы будем держаться подальше от этих людей. Я думаю, они не очень многочисленны…

— Я тоже, — кивнул Картр. — Существует несколько семейных кланов. Раз в год они собираются..

— Да, в месте встречи с богами. Это самое интересное. «Боги», улетевшие на небо. Кто они были? Галактические колонисты, покинувшие колонию? Об этом как будто говорит город, ждущий возвращения своих хозяев… Простите, я увлекся научными интересами, — улыбнулся историк.

— Но около города нет космопорта, — возразил Дальгр.

— Это лишь город, один. Могут быть и другие, — заметил Филх. — Допустим, на планете были лишь один-два космопорта..

— Место встречи с богами, — пробормотал Зикти. — Что бы это значило?

— Надо туда идти! — воскликнул Дальгр. — Механизмы города сохранились в превосходном состоянии. Как знать, может, мы найдем там корабль, который сможем использовать.

Корабль, пригодный к полету… Картр нахмурился А потом удивился вдруг вспыхнувшему в нем чувству протеста. Неужели он не хочет покинуть этот мир?

Из своей палатки вышли Зацита с дочерью и присоединились к сидевшим у костра. Картр, внутренне забавляясь, заметил, как быстро Зинга подготовил им место для сидения.

— У вас важные новости? — спросила Зацита.

— Тут поблизости может находиться древний космопорт. Туземный мальчишка рассказывал Картру о месте встречи с богами. Здесь открываются немалые возможности, — ответил ее муж.

— Вот как…

Зацита задумалась. Но Картр уловил беглое впечатление, будто она не так уж довольна. Почему? Закатанская леди высшего ранга. Золотая краска на лбу свидетельствовала о ее принадлежности к исситти, одной из самых известных и богатых из числа семи семей.

Неужели она не радуется возможности вернуться к благам цивилизации?

— Техник Дальгр считает, что, если мы найдем один из старых кораблей, то сумеем оживить его, ведь механизмы города сохранились прекрасно. Мы прилетели сюда на воздушном аппарате, взятом в городе.

— Надеюсь, что космический корабль, который мы найдем продержится дольше, чем этот аппарат для атмосферных полетов, вмешался Дальгр. — Он, конечно, перенес нас сюда, но тут же рассыпался на куски.

— Об этом нужно подумать. Картр встретился взглядом с Зацитой и прочел в ее глазах поддержку У меня нет желания застрять в неподвижном корабле в глубоком космосе. Есть много более эффектных и менее мучительных способов самоубийства.

— Но нужно же осмотреть это место встречи с богами — почти умолял Дальгр.

— Конечно, если мы сумеем избежать встречи с туземцами. Сейчас у них время ежегодного паломничества. А мы не можем контактировать с ними. Кумми заразил и убил целый клан так же верно, как если бы принес в их лагерь разрушитель. Мы не должны приносить смерть целой расе!

— Совершенно верно, — согласился Зик-

ти. — Сделаем так. Пошлем разведочный отряд, который установит мысленный контакт с каким-нибудь кланом, направляющимся на встречу. Но не будем попадаться им на глаза. Эти туземцы послужат нам проводниками. После установления контакта мы все пойдем за ними… И можем ли мы еще использовать лодку?

— Она пролетит еще двадцать-двадцать пять миль — уверенно сказал Дальгр.

— Что же, ходьба пешком полезна для фигуры, — с юмором заметил Зикти, — А вы как считаете, сержант Картр?

— Ваше решение наилучшее, — ответил ему рейнджер.

Зинга встал, указывая когтем на Рольтха.

— Мы будем идти по ночам: его глаза смогут видеть, а я вступлю в контакт. А как только найдем то, что ищем, вы все сразу узнаете.

Еще до полуночи они получили ожидаемое сообщение. Зинга и Рольтх обнаружили туземный клан, расположившийся на ночь, и убедились, что он направляется к месту встречи с богами. На следующий день рейнджеры покинули свой лагерь и выступили в поход по следам своих ничего не ведающих провожатых.

На восьмой день пути Картр и закатане одно-

временно уловили впереди мысли множества людей. Они приблизились к цели. Выбрав густые заросли, они разбили там свой лагерь и по очереди поспали до наступления ночи. С наступлением темноты Зинга, Картр и Рольтх отправились на разведку.

Небо впереди освещалось не огнями города, а, по крайней мере, сотней лагерных костров. Три рейнджера осторожно шли по краю широкого мелкого углубления, на котором происходила встреча кланов, избегая непосредственных контактов с продолжавшими подходить туземцами.

— Это ракетный порт!

— Откуда ты знаешь? — спросил Картр, напрягая зрение, чтобы увидеть то, что заставило Рольтха говорить так категорично.

— Земля… по всему углублению… Она выжжена огнем многих стартов! Но очень древних. Новых следов нет.

— Ну ладно, мы нашли старый космопорт, — голос Зинги звучал раздраженно, почти разочарованно. — Но порт еще не корабль… Видишь ли ты хоть один, острые глаза?

— Нет, — спокойно ответил Рольтх. — Но на другой стороне здание, вон там. Оно чуть заметно в свете костров.

Картр посмотрел в указанном направлении и смутно различил массивное сооружение, едва заметное во тьме.

— Большое..

Рольтх прикрыл глаза ладонями, чтобы защитить их от света.

— Достань бинокль, Картр…

В его голосе звучало сдерживаемое возбуждение.

— Оно огромное, больше всех зданий в городе! И… Ты бывал когда-нибудь в центральном городе?

Картр горько рассмеялся.

— Я видел его визиографию. Ты думаешь, мы, варвары, имели возможность приближаться к центру всех зданий?

— А какое отношение имеет ко всему этому центральный город? — пожелал узнать Зинга. — Ты сам был там?

— Нет. Но его можно хорошо изучить и по визиографиям. Это здание — точная копия дворца свободных миров, либо я съем его камень за камнем!

— Что?

Картр выхватил бинокль из рук товарища. И хотя навстречу ему прыгнули огни костров и фи-

гуры двигавшихся вокруг них туземцев, здание продолжало оставаться смутной тенью, укрытой ночной тьмой.

Но это невозможно! — воскликнул Зинга. — Даже только что вылупившиеся знают, что дворец свободных миров очень древний. Его архитекторы и строители жили так давно, что мы даже не знаем их имен, не знаем, с каких они планет. И его никогда не копировали.

— За исключением вот этого, — упрямо возразил Рольтх. Говорю вам, в этой планете есть что-то странное. Рассказы, которые ты слышал, Картр, об улетевших в небо «богах», город, ждущий возвращения своих жителей, место, где туземцы по традиции встречаются, и еще вот это.

— Да, — согласился Картр, — здесь есть какая-то загадка может быть, большая, чем те, что мы пытались решить ранее.

— Загадки! — воскликнул Зинга — Друзья мои, нам лучше уходить, если мы не хотим столкнуться с отрядом туземцев.

Но Картр уже получил мысленно это предупреждение и они поспешили отползти от края древнего космопорта.

— Если мы пойдем широким кругом на запад, — предложил Рольтх, — то сможем выйти на

здание и лучше рассмотреть его.

Значит, фальтхарианин хочет лучше рассмотреть здание. Картр вздохнул от нетерпения. Единственное здание, которое напоминает священный дворец свободных миров. Он должен разгадать эту тайну. Планета, отсутствующая даже на самых древних картах, в системе настолько близкой к краю галактики, что ее проглядели и… или забыли за столетия до его рождения. И все же здесь, за древним космопортом, стоит здание, являющееся копией самого старого и самого почитаемого общественного здания, построенного когда-либо людьми. Он должен установить, почему и кто и когда.

Несколько следующих часов они шли по предложенному Рольтхом маршруту и вместе с остальными рейнджерами и патрульными перед самым рассветом оказались за зданием. Глаза Картра устали от бессонницы, а еще больше от возбуждения, но он хотел увидеть своими глазами то, что описывал Рольтх.

Они двигались от укрытия к укрытию и, наконец, по-змеиному подползли к тому месту, откуда здание лучше всего было видно.

— Рольтх прав! — голос Дальгра звучал возбужденно. — Мой отец был приписан к штабу,

мы жили в центральном городе. Говорю вам, это дворец свободных миров!

Картр прижал его к земле.

— Мы вам верим, но держите голову ниже. Люди там внизу, — опытные охотники. Они легко нас выследят.

— Но как оно сюда попало? — Дальгр повернул к сержанту искренне удивленное лицо.

— Может быть. — Картр высказал мысль, которая не давала ему покоя всю ночь. — Может быть, это здание было первым…

— Первым? — Смит прижал к глазам бинокль. Как это может быть?

— Ты думаешь, оно такое древнее? — выдохнул Рольтх.

— У вас сильный бинокль, Смит. Вглядитесь получше в край крыши и в ступени, ведущие к портику.

— Да, — спустя несколько секунд согласился связист. Эрозия… Это здание очень старое, даже старше города. — добавил он. — Но, впрочем, может быть, его открытое расположение ускорило старение. Я хотел бы взглянуть поближе.

— А мы все нет? — прервал его Зинга. — А долго ли там будут сидеть наши друзья?

— Вероятно, несколько дней. Придется сдержи-

вать любопытство, пока они не уйдут, — ответил Картр. — Здесь трудно будет избежать приходящих и уходящих отрядов. Лучше держаться на удалении.

Смит протестующе застонал. Картр вполне понимал его. Быть так близко и не иметь возможности преодолеть последние четверть мили, отделявших их от загадки, — это раздразнило бы кого угодно. Но придется уйти и держаться подальше от туземцев.

Описание здания заинтересовало Зикти, и на следующее утро он спокойно попросил помощи у Зинги, сказав:

— Поскольку я, к сожалению, не знаком с современными способами подкрадывания и маскировки, я вынужден просить специалистов обучить, меня этому. Увы, даже отделенный от своей кафедры, я не могу сдержать желания собирать знания. А обычаи туземцев, несомненно, очень интересны, и с вашего разрешения, сержант, мы попробуем подобраться к ним и понаблюдать за ними…

Картр улыбнулся.

— С моего разрешения или без него… Кто я такой, чтобы мешать собирать знания? Хотя…

— Хотя, — подхватил его мысль Зикти, — воз-

можно, впервые за многие годы ученый моего ранга собирает сведения в полевых условиях? Что же, это одна из болезней нашей цивилизации. Личное участие помогает заполнять пробелы, а факты, почерпнутые при изучении одной цивилизации, могут пригодиться для спасения другой.

Картр провел рукой по волосам.

— Они хорошие люди, эти туземцы, и мы можем помочь им. Хотел бы я…

— Если бы у нас была медицинская подготовка, мы могли бы безопасно встречаться с ними… Вернее, вы могли бы. Другой вопрос, как они воспримут бемми. — Зикти указал на свою изогнутую грудь. — Каково отношение примитивных племен к неизвестному? Они его боятся?

— Да, бедный мальчик решил, что Зинга — демон, — нехотя согласился Картр. — Но со временем… Когда они поймут, что мы хотим им добра…

Зикти с сожалением покачал головой.

— Как жаль, что среди нас нет врача. И это одно из тех немногих обстоятельств нашего положения, которое меня тревожит.

— Вы готовы, Хага Зикти?

Зинга, склонил голову, обратился к старшему

закатанину с одной из четырех форм уважения. И это подтверждало предположение Картра, что Зикти занимал у себя на родине высокое положение.

— Иду, мой мальчик, иду. Мы с моей семьей можем поблагодарить праматерь за то, что у нас такие товарищи по несчастью!

Картр, довольный, следил, как уходили закатане. Он понимал, что Зикти, неохотно высказывающий свое мнение по вопросам, касающимся рейнджеров, был их лидер. Даже Смит и Дальгр, несмотря на свою врожденную подозрительность по отношению к негуманоидам, тем более сенситивам, признавали это, попав под влияние всегда спокойного, добродушного историка. Патрульные охотно и весело оказывали услуги Заците и Зоре, а к Зору относились как старшие братья. Как будто разница между людьми и бемми исчезла, как и разница между рейнджерами и членами экипажа.

— О чем ты думаешь, улыбаясь и глядя в пустоту? — Филх опустил вязанку хвороста и потянулся. — Если тебе нечего делать, носи дрова.

— Я думаю о том, что многое изменилось. — начал было сержант. И тут же обнаружил, что Филх проницателен не менее Зинги.

— Нет больше бемми, нет больше рейнджеров и членов экипажа — ты это имеешь в виду? Да как-то так уж получилось. — Он сел на вязанку хвороста. — Когда мы уходили из города, им, — он ткнул пальцем в том направлении, где находились Смит и Дальгр, — им пришлось сделать выбор. Они его сделали, не оглядываясь назад. Теперь они думают о различиях не больше чем ты и Рольтх..

— Мы сами — Рольтх с его ночным зрением и я, сенситив, — почти бемми. К тому же, я — варвар с отдаленной планеты. А эти двое рождены во внутренних системах. У них больше предрассудков, и, нужно отдать им должное, они сумели их преодолеть.

— Они лишь начинают самостоятельно думать.

Филх поднял к небу лицо и испустил такой чистый и мелодичный звук, что Карт затаил дыхание. Может, это форма проявления счастья у Филха?

И тут же появились птицы. Картр застыл, боясь нарушить очарование. Филх продолжал петь, и птиц появлялось все больше и больше. Вспыхивали красные, зеленые, желтые, синие, белые перья. Птицы кричали у ног тристианина, садились ему

на плечи, на руки, кружили над его головой.

Картр и раньше видел, как Филх приманивал птиц, но сейчас ему показалось, что весь лагерь превратился в вихрь машущих крыльев, радужных оперений.

Песня смолкла, и птицы поднялись облаком красок. Трижды они прокричали над головой Филха. Тристианин смотрел птицам вслед, расправив руки и напрягшись, как будто хотел улететь вместе с ними. Сержант смутно ощутил, какое стремление к полету должно владеть утратившим крылья народом Филха. Стоила ли разума эта утрата? Что думает об этом сам Филх?

Рядом кто-то вздохнул, Картр оглянулся. Рядом стояли закатане: Зацита, Зора, Зор. Мальчик наклонился, чтобы подобрать перо, красное, и волшебство кончилось. Филх уронил руки, поднятый гребешок медленно опустился. Он снова превратился в рейнджера, члена патруля, и перестал быть волшебным музыкантом.

— Так много разновидностей… — это сказала Зацита со своим обычным тактом. — Я не думала, что их так много. Да, Зор, это необычный мир для небесного существа. Но каждый мир имеет свои чудеса.

Филх подошел к закатанскому мальчику, Кото-

рый гладил алое перо.

— Если хочешь, — сказал он с дружелюбием, которое редко демонстрировал раньше, — я покажу тебе ночных птиц…

Желтые губы Зора растянулись в улыбке.

— Сегодня, пожалуйста! И вы привлечете их так же?

— Если ты будешь стоять спокойно и не вспугнешь их. Они более робкие, чем те, которые живут при солнце. Здесь есть большая белая птица, которая плывет во тьме, как туманный призрак Корроба…

Зор возбужденно зашевелился.

— Это, — громко объявил он, — самые удивительные каникулы. Я хочу, что они никогда не кончались!

Взгляды четырех взрослых встретились над его головой. И Картр знал, что они думают об одном и том же. Для них это изгнание, вероятно, никогда не кончится. Но… Жалеют ли они об этом? Пока Картр не мог задать этот вопрос.

Рейнджеры провели день, проверяя свое снаряжение и занимаясь мелким ремонтом… Одежда становилась проблемой… Разве что они последуют примеру туземцев и будут носить звериные шкуры. Картр подумал о приближающемся

холодном времени года. Может, придется переселиться южнее? По-видимому, ради закатан это следует сделать. Он знал, что холод вызывает у разумных рептилий оцепенение, которое постепенно переходит в летаргию.

Они парами следили за туземцами и доставляли всю информацию Зикти, который собирал ее с таким видом, как будто готовил научный труд.

— Среди них есть несколько разновидностей, — заявил он однажды вечером, когда Филх и Смит, дежурившие в тот день, закончили свой доклад. — Ваши желтоволосые, белокожие люди, Картр, только одна разновидность. А Филх наблюдал клан темнокожих и черноволосых…

— Судя по легкой одежде и незнакомым вещам, они из другой, более теплой местности, — добавил тристианин.

— Странно… Сколь различны расы одной планеты. Жаль, что я не занимался углубленно психологией гуманоидов, — продолжал историк.

— Но все они очень примитивны. Этого я не понимаю, — проговорил Смит, приканчивая остатки еды. — Город был построен и оставлен в полной готовности людьми высокоразвитой технологии. А туземцы живут в палатках из звериных шкур, те же шкуры носят на себе и

боятся города. Я готов поклясться, что глиняная посуда, которой они сегодня торговали, сделана вручную!

— Мы понимаем это не лучше вас, мой мальчик, — ответил Зикти. — И не поймем, пока не проникнем в туман их истории. Если они владели какими-то технологическими знаниями, то давно их забыли. Может, сознательно запретили все, связанное со священными «богами», а может, это результат упадка цивилизации — можно найти множество объяснений.

— Может, это потомки рабов, оставленных здесь улетевшими хозяевами? — вступил в разговор Рольтх.

— Такой ответ тоже возможен. Но обычно высокоразвитая цивилизация не знает рабства. Рабы должны были бы смотреть за машинами, а у жителей города этим занимались роботы.

— Мне кажется, — начал Филх, — что на этой планете однажды должно было быть принято решение. И некоторые приняли одно из решений, а другие — другое. Некоторые улетели, — он когтем указал в небо, — остальные предпочли остаться, жить близко к природе и постепенно впасть в дикость…

Картр выпрямился. Что же, пожалуй, это вер-

но! Люди, делающие выбор между звездами и землей! Да, возможно, все так и было. Именно потому, что он сам не так давно ушел в космос, он понимал такую возможность. И, может быть, именно поэтому, что народ Филха сам стоял перед таким выбором, принял решение и сейчас отчасти о нем сожалеет, тристианин первым сумел разгадать загадку.

— Упадок, регресс… — вмешался Смит.

Но Зацита покачала головой.

— Если живешь только машинами и мечтой о власти, тогда — да. Но, возможно, те, что остались, избрали лучший образ жизни.

Картр ухватился за эту мысль. Может, пришло время и его народу сделать выбор, который уведет их далеко от прямых дорог или отбросит далеко назад…

Время тянулось медленно. Наконец туземцы начали расходиться. Рейнджеры прождали еще пять часов после ухода последнего клана и убедились, что не встретятся со случайно задержавшимися. И, наконец, в середине дня, они спустились вниз по склону и прошли между еще дымящимися кострами и остатками лагеря.

У основания лестницы, ведущей к портику здания, они оставили свои мешки и тюки. Двена-

дцать широких ступеней, с выбитыми за тысячу лет углублениями, вели наверх. На грязи виднелись недавние следы туземцев. Они поднялись по ступеням и прошли между мощными колоннами.

Внутри было бы темно, если бы строители здания не покрыли его центральную часть прозрачным материалом.

Медленно, компактной группой прошли они по проходу в середине огромного здания. На три стороны от них расходились секции сидений, разделенные узкими проходами. На спинке каждого массивного кресла из какого-то прозрачного материала, неподвластного времени, был вырезан символ. С четвертой стороны находился помост с такими же креслами, причем центральное было приподнято над остальными.

— Вероятно, правительственное здание, — предположил Зикти. — Здесь сидел президиум, — указал он на помост.

Картр осветил фонариком символ на ближайшем к нему сиденье и застыл, не веря своим глазам. Потом осветил следующее сиденье, и еще одно… и начал читать символы, которые так хорошо знал:

— Денеб, Сириус, Ригель, Капелла, Процион…

Не сознавая этого, он почти кричал, как будто производил перекличку… Такая перекличка не звучала в этом здании уже больше четырех тысяч лет.

— …Бетельгейзе, Альдебаран, Полярная…

— Регул, — отозвался Смит с другого конца зала. В его голосе тоже звучало возбуждение. — Спика, Вега, Арктур, Альтаир, Антарес…

Теперь вступили Рольтх и Дальгр:

— …Фомальгаут, Альфард, Кастор, Алгол…

Они добавляли звезду за звездой, систему за системой. И, наконец, встретились на помосте. И замолчали, когда Картр, полный неведомого прежде благоговейного страха и почтения, осветил последний символ. Именно он должен был находиться здесь!

— Земля, Солнечная система. — Он произнес вслух эти три слова, и эхо, казалось, прозвучало громче, чем от названий сотен остальных звезд. — Земля! Начало человечества!

— Не верю! — в голосе Смита звучало возбуждение. Его глаза были прикованы к центральному креслу и невероятному символу на нем. — Это не может быть зал прощания! Ведь он не на Альфа Центавра…

— Там помещают его наши легенды, — ответил

Картр. — Но легенды не всегда точны.

— А там, — Дальгр, не отводя взгляда от помоста, указал на выход, — там поле полета!

— Давно ли… — Рольтх не окончил вопроса, и слова его эхом отозвались в гигантском зале.

Картр обвел глазами ряды сидений. Здесь, впереди, сидели командиры, за ними экипажи и колонисты, год за годом, целые столетия. Собирались, в последний раз говорили друг с другом, получали последние приказы и инструкции — и уходили в поле к ожидающим их кораблям, улетали в неизвестность, чтобы никогда не возвращаться. Некоторые — немногие — достигали цели. Они — Смит, Дальгр, Рольтх и он сам — были живым доказательством этого. Остальные… Остальные нашли свой конец в глубинах космоса на планетах, где человеческая жизнь невозможна. Долго ли она продолжалась, эта церемония прощания? Этот отлет? Без возврата… Достаточно долго, чтобы лишить Землю живительной силы. Оставались лишь те, кто был не пригоден для полета к звездам. Неужели это окончательная разгадка?

— Без возврата… — каким-то образом Рольтх уловил его мысль. — Без возврата. И города умерли, и даже память о них исчезла. Земля!

— Но мы помним, — негромко ответил Картр. — И сейчас мы завершили большой круг. Зелень — это зелень холмов Земли. Она была легендой, древней песней, смутной народной памятью, но она всегда была с нами, переходила от мира к миру по всей галактике… потому что мы — сыновья Земли. Внутренние и внешние системы, варвары и цивилизованные — все мы сыновья Земли!

— И теперь, — добавил Смит с мудрой простотой, — мы вернулись домой.

Этот дом ничем не напоминал темные горы и холодные долины полузамерзшего Фальтхара Рольтха, могучие леса и каменные города родины Картра, теперь уже превращенные в пыль, высоко цивилизованные планеты, на которых родились Смит и Дальгр. Это была планета дикости и мертвых городов, планета примитивных туземцев и забытых сил. Но это была Земля!! И сколь бы различными ни были их расы сегодня, они все происходили от общего корня, от этой самой Земли.

Снова Картр обвел взглядом ряды пустых сидений. Он почти видел сидящих в них. Но те, кого рисовало ему воображение, не могли этого сделать. Люди Земли давно покинули ее… Слишком далеко разлетелись они по вселенной…

Картр медленно пошел к центру зала. Закатане и Филх держались в стороне. Поведение землян должно было вызвать у них удивление. Картр попытался объяснить:

— Это Земля…

Но Зикти знал, что это значит.

— Древняя родина вашей расы! Какое удивительное открытие!

Продолжить ему помешал возглас, который привлек всеобщее внимание к помосту. Там стоял Дальгр, он звал всех к себе. Рольтх и Смит исчезли. Все заторопились к Дальгру.

Новая находка располагалась за помостом и была скрыта высокой переборкой. Находка эта занимала большую часть стены — громадный экран из темного стекла, на котором крошечные огоньки образовывали причудливый узор.

Под экраном стоял стол со множеством кнопок и переключателей.

Смит с напряженным лицом сидел на скамье перед столом.

— Коммуникационное устройство? — спросил Картр.

— Или установка прокладки курса, — ответил Дальгр.

Смит нетерпеливо фыркнул.

— Может, он еще не работает? — спросила Зацита.

Дальгр покачал головой.

— Пока мы не можем сказать. Город ожил, когда нажали нужные кнопки. Но это… — он указал на гигантскую звездную карту и многочисленные приборы под ней, — это нужно изучить, прежде чем мы коснемся хотя бы одной кнопки. Мы даже не знаем, по какому принципу работает эта штука.

Техник может привести машину в рабочее состояние. Но Картр знал, что это не под силу рейнджерам. Он медленно рассматривал звездную карту, узнавая отдельные ее участки. Да, это галактика, такая, какой она видится с этой древней планеты, расположенной на самом ее краю. Картр увидел яркую точку Веги, потом Альфа Центавра и другие. Но по этой ли карте прокладывали курс к далеким мирам?

Приближался вечер, и становилось темнее. Слабое сияние неожиданно окружило звездную карту и стол с приборами, хотя остальная часть зала оставалась в тени.

Картр шевельнулся.

— Вернемся назад или разместимся в зале? — спросил он Зикти.

— Не вижу причин для возвращения, — ответил закатанин, — Если все туземцы ушли, а они, очевидно, ушли, ничто не препятствует нам остаться здесь.

Зинга, стоявший позади всех, рассмеялся и указал когтем на Смита.

— Если ты думаешь, что сможешь увести его отсюда даже силой, ты глубоко ошибаешься, сержант.

Конечно, это правда. Связист, занятый изучением чудесного устройства, связанного с его профессией, даже отказался пойти поесть и предпочел с отсутствующим видом проглотить кусок мяса и запить его водой.

До наступления ночи они перенесли спальные мешки в зал и легли между пустыми сиденьями исчезнувших колонистов.

— Здесь нет привидений… — голос Зикти глухо отозвался в пустоте. — Те, кто когда-то приходил сюда, и телом и душой стремились улететь. И ничего не оставили после себя.

— В известном смысле это верно и в отношении города, — согласился Рольтх. — Он был…

— Отброшен за ненадобностью, — произнес Картр нужное слово, когда фальтхарианин заколебался. — Как изношенная одежда, из которой

вырос ее хозяин. Но вы правы, сэр, здесь мы не встретим призраков. Разве что Смит разбудит их. Он собирается сидеть так всю ночь?

— Естественно, — ответил Зинга. — И будем надеяться, что он не вызовет голоса из прошлого, мой друг. У меня странное желание проспать эту ночь спокойно.

За ночь Картр просыпался дважды. И в слабом свете, пробивавшемся из-за перегородки, видел пустой мешок Смита — связиста загипнотизировало их открытие. Но пределы есть всему. Поэтому во время второго пробуждения Картр заставил себя выбраться из теплого мешка и, вздыхая и вздрагивая от холода, пошел босиком по камню. Либо Смит добровольно пойдет спать, либо придется утащить его силой.

Связист сидел на прежнем месте, он смотрел в звездную карту. Глаза его ввалились, вокруг них появились темные круги.

Картр проследил за направлением его взгляда. Он увидел то, что привлекло внимание Смита, замигал и с трудом перевел дыхание.

На черной поверхности стекла появилась движущаяся точка.

— Что это?

Не отрывая взгляда Смит ответил:

— Я не уверен!.. — он провел рукой по лицу. — Вы тоже видите?

— Вижу движущуюся красную точку. Но что это?

— Я предполагаю…

Но Картр догадался. Корабль. Движется в космосе в их направлении.

— Идет сюда?

— Как будто… Но нельзя быть уверенным, смотрите!

На экране появилась еще одна точка. Но она двигалась целеустремленно. Она шла по следу первой, как охотник за добычей.

Картр сел на скамью рядом со Смитом. Сердце его колотилось так, что он чувствовал в висках удары пульса.

Первая точка теперь двигалась зигзагами.

— Манера уходить, — проговорил Смит. Он когда то служил на военном крейсере.

— Что это за корабли?

— Если бы я понял это. — Смит указал на ряды приборов, я смог бы ответить. Подождите.

Первая точка на экране совершила сложный маневр, который, по мнению сержанта, не имел смысла, так как теперь она оказалась на одной линии с преследователем.

— Это патрульный корабль! Он принимает бой! Но почему…

Они были равными, эти точки. И тут на экране появилась третья! Она была чуть больше и двигалась медленнее, огибая две первые, соединившиеся в смертельной схватке. Описывая широкую дугу, она направилась прямо к солнечной системе.

— Отвлекающий маневр, — перевел Смит. — Патруль прикрывает этот корабль! Это самоубийство! Смотрите, они включили боевые экраны!

Слабая, очень слабая оранжевая дымка окружила две точки на самом краю солнечной системы. Картр никогда не участвовал в боевых действиях в космосе, но слышал достаточно рассказов и видел достаточно визиографий, чтобы мысленно нарисовать картину начинающегося боя. Большая точка не принимала участия в сражении. Она отползала от сцепившихся бойцов.

Давление, давление экрана на экран. А когда один из них не выдержит, вспышка — и мгновенная гибель! Патрульный корабль сдерживал врага, пока беззащитная добыча ускользала.

— Если бы только разобраться в этом!

Смит ударил кулаком по столу И вдруг на доске вспыхнула крошечная лампа.

— Ее зажег приближающийся корабль?

Смит кивнул.

— Возможно.

Он наклонился вперед и точным движением быстро нажал кнопку над загоревшейся лампой. Послышался звук — треск, шум, взмах огромных крыльев… Почти оглушенные, смотрели они на карту. И вот сквозь шум пробилось резкое щелканье. Смит вскочил на ноги.

— Это сигнал патруля! Патруль вызывает!.. Тарэ… Тарэ…

Картр потянулся за бластером. Древний призыв службы. Он слышал позади себя изумленные возгласы. Остальные проснулись и хотели знать, что происходит.

Вызов патруля гулко отдавался в зале. Он будет звучать до конца битвы или до получения ответа. Но ответа не было. Дымка вокруг огоньков сгустилась, они почти скрылись за ней.

— Предельная мощность! — это выдохнул Дальгр за спиной Картра. Перенапряжение. Они так долго не выдержат!

Тарэ..

Одна точка вдруг вспыхнула невыносимо ярким сиянием. И исчезла.

Они поморгали внезапно ослепленными глаза-

ми и снова уставились на экран. Ничего. Ни следа двух пятнышек света. Темное стекло экрана было пустым и холодным, как обширные просторы космоса, которые оно отражало.

— Оба! — нарушил молчание Дальгр. — Перегрузка сожгла обоих.

— Но третий. Он по-прежнему здесь… — заметил Зикти.

И верно. В схватке погибли два корабля, но третий, спасая который погиб патрульный корабль, продолжал двигаться. И двигался он к Земле!

Послышалась новая серия щелкающих звуков кода. Смит вслух переводил для остальных:

— На помощь! Пассажирский корабль… 2210… вызывает ближайший патрульный… или станцию. На помощь! Уцелевшие с патрульной базы CC4… вызывают ближайший патрульный корабль или станцию. Нам необходим сигнал для установления курса… Помогите!!

Уцелевшие с патрульной базы CC4,— повторил Рольтх. — Но ведь это станция рейнджеров! Что же, во имя Космоса…

— Может быть, пиратский рейд? — предположил Зинга.

— Пираты не нападают на патруль… — начал Дальгр.

— Не нападали, хотите вы сказать! — перебил его Зинга. — Мы даже ни с кем не связывались. А союз пиратов может наделать много вреда.

— Заметьте так же, — добавил Зикти, — что этот корабль бежит из наиболее населенных районов галактики. И уходит в малоизвестную область, как будто боится обычных маршрутов.

— Патрульный корабль с уцелевшими… Семьи патрульных…

— Дальгр явно был потрясен. — Что же, база совсем уничтожена?

Цокание кода по-прежнему заполняло затхлую атмосферу зала. А точка на карте двигалась, и на доске перед Смитом по-прежнему горела лампа. И вдруг рядом с ней вспыхнула новая. Картр взглянул на экран. Да, точка явно приближалась к Солнцу.

Пальцы Смита застыли над доской. Он облизал губы, как будто во рту у него пересохло.

— Есть возможность привести его сюда? — Картр задал вопрос, волновавший всех.

— Не знаю, — как измученное животное огрызнулся Смит. И нажал кнопку над второй лампой. И тут же, как и Картр, отпрыгнул: из-под стола выскочил длинный тонкий прут, заканчивающийся шаром. Связист нервно расхохотался и

схватился за прут.

Он начал говорить в шар — не кодом, а на обычном языке Центрального Контроля:

— Вызывает Земля! Вызывает Земля! Вызывает Земля!

Все, застыв, слушали щелканье кода. Картр вздохнул. Все же не сработало!.. И тут передача с корабля прекратилась. Он забыл об отставании сигнала.

— Вызывает Земля!

Теперь голос Смита звучал холодно и спокойно. Он добавил серию кодовых обозначений и отключился, ожидая ответа.

Снова бесконечное ожидание. Казалось, напряженные нервы не вынесут этого. Но наконец пришел ответ. Смит перевел его для всех:

— Не вполне поняли… но можем руководствоваться вашей передачей. Продолжайте говорить, если у вас нет специального луча. Что… Где Земля?

И они говорили. Сначала Смит, пока его голос не превратился в хриплый шепот, потом Картр, затем Дальгр, Рольтх… Обычный язык и старая формула: «Вызывает Земля»…

Сверкало солнце, потом снова начало темнеть, а они все сидели по очереди у звездной карты и

говорили. А красная точка ползла прямо к Земле. И когда она миновала внешние планеты, Зор указал Картру на новую точку… огонек, почти на месте гибели двух кораблей, движущийся вслед за пассажирским кораблем. Враг или друг?

Картр схватил Зора за плечо и велел ему срочно вызвать Смита. Связист появился, протирая заспанные глаза. Но Картр показал ему новую точку, и он немедленно проснулся. Оттолкнув сержанта от микрофона, он резко задал кодовый вопрос.

После долгих минут молчания пришел ответ:

— Несомненно, вражеский корабль… Последние четверть часа мы получаем сигналы пирата…

Картру казалось, что вражеский корабль на глазах настигает свою жертву. Это была гонка — гонка, в которой пассажирский корабль неминуемо должен был проиграть. И в тот же момент на доске вспыхнул еще один огонек. Корабль врага находился в пределах слышимости. Смит повернул к Картру угрюмое лицо.

— Позовите одного из закатан и Филха. Пусть говорят на своих родных языках. Это лучше, чем использовать код. На пиратских кораблях редко встречаются бемми. А кораблю нужно лишь

постоянное звучание, чтобы руководствоваться им в полете…

Последние слова он произнес в пустоту. Картр уже искал остальных. Считанные секунды спустя Зинга занял место Смита, схватил микрофон когтистыми пальцами и испустил серию свистящих звуков, которые совершенно не напоминали человеческую речь.

Когда он устал, его сменил Филх со своими щебечущими, певучими звуками. Корабль приближался. Но неотступно и безжалостно его догонял другой корабль, который, казалось, глотал пространство.

Зора принесла воды: все пили с жадностью. Ели, что им совали в руки, не чувствуя вкуса.

Корабль со спасшимися миновал еще несколько планет. На доске вспыхнула третья лампа. Вбежал Зор.

— Там… яркий свет! Уходит в небо! — прокричал он резко.

Картр вскочил на ноги, чтобы проверить его слова, но код с корабля остановил сержанта.

— Поймал посадочный луч. Можем им руководствоваться… Если успеем…

Зинга выпустил микрофон, и все заторопились наружу. Зор был прав. Из крыши здания устре-

мился в вечернее небо луч света.

— Что это?.. — начал Картр.

— Кто знает? — ответил Дальгр. — Они были мастерами, искусными техниками. Этот луч обладает достаточной мощностью, чтобы его заметили из космоса. Теперь, по крайней мере, можно помолчать.

Затем они вернулись к карте: следить за кораблем и преследователями. А расстояние между ними сокращалось. И слишком быстро. Но вот на доске вспыхнул еще один сигнал, красный.

— Корабль вошел в атмосферу, — предположил Смит. — Все внутрь! Он может приземлиться не в поле.

И они ждали в зале прощания, а потом услышали, а не увидели, как корабль коснулся посадочного поля, на котором корабли не садились уже тысячи лет. Превосходная посадка.

Смит остался у карты.

— Второй приближается…

Его предостережение звучало в ушах у остальных, торопившихся наружу. Приближается! Даже сейчас они могут проиграть, — подумал Картр. В ржавом старом корпусе открылся люк, выдвинулся трап, опершийся на посадочные лапы. Врагу достаточно зависнуть над полем и выпустить ра-

кеты. Он даже не приземлится, но оставит после себя почерневшую безжизненную пустыню.

Если бы удалось спрятать прилетевших в зале, возможно, у них был бы еще шанс… крошечный. Сержант подбежал к краю дымящейся площадки и крикнул человеку, появившемуся на трапе:

— Выводите всех и быстро в здание! Пират приближается! Он может вас сжечь!

Он увидел подтверждающий кивок и услышал отдаваемые приказы. Пассажиры быстро спускались по трапу. В основном это были женщины, многие несли детей или вели их. Рейнджеры и закатане ждали, готовые помочь. Картр торопил пассажиров, направляя их в призрачную безопасность старого здания. Когда поток пассажиров иссяк, он заторопился к трапу.

— Все вышли?

— Все, — ответил офицер. — Каков курс пирата?

Подбежал Зинга.

— Пират идет тем же курсом!

Офицер повернулся и исчез в корабле. Картр нервно постукивал пальцами по перилам трапа. Чего, во имя Космоса, ждет этот парень?

И тут его почти сбили с ног пятеро мужчин. Они вылетели из люка и побежали к зданию,

захватив с собой и рейнджера. Как только они добрались до укрытия, корабль стартовал.

Ослепленный вспышкой пламени, Картр вцепился в колонну, чтобы не упасть.

— Что… — выдохнул он.

Но гул голосов, гул вопросов заглушил его голос.

Толпа прижала Картра к перегородке. Все беженцы столпились здесь, у стола. Напряженные, ожидающие, они не видели ничего, кроме карты на стене. Рядом с Картром высокая девушка в мундире вспомогательной службы говорила, ни к кому не обращаясь:

— Там только один… Хвала трем!.. Только один противник.

Этот «один» — зловещая точка пиратского корабля, который направлялся к Земле, к тому самому месту, где они стояли. Но когда они безнадежно следили за его приближением, на карте появился еще один огонек: патрульный корабль двинулся навстречу врагу.

— Пора уклониться! — в голосе, донесшемся из толпы, звучала тревога. — Уходи, Коррис!

И, как будто услышав, патрульный корабль изменил курс. Казалось, теперь он тщетно пытается спастись, убежать от пирата.

Одинокий человек сидел в корабле, готовый к последней битве ради спасения товарищей. Один патрульный!

Он продолжал искусно уклоняться, изменяя курс ровно настолько, чтобы только увлечь врага за собой, убедить его, что корабль уходит от Земли. Как свидетельствовала дымка, корабль был окружен экраном. Это послужило вызовом для пирата. Преследователю захочется догнать, преодолеть, захватить патрульный корабль. Но капитан Коррис вел не просто корабль, а смертоносное оружие! И как только враг настигнет его, он сам приведет оружие в действие!

Картр слышал всхлипывания, гневные приглушенные возгласы.

— У него наготове топитовая боеголовка. — Это опять та же девушка. Она не сообщала окружающим, а как бы уверяла себя. — Мы хотели взорвать корабль, если его захватят. Когда пират подойдет, он ее взорвет…

Голос ее звучал хрипло и яростно.

Красные точки двигались по экрану, описывая сложные кривые. Картр догадывался, что видит последний бой искуснейшего пилота, а пирату казалось, что слабый корабль отчаянно пытается бежать.

— Только бы они не заподозрили! — девушка произнесла это как молитву. — Дух Космоса, не дай им заподозрить!..

Конец наступил так, как планировал пилот-патрульный. Дымка боевых экранов окружала оба корабля. И вдруг экран, окружавший патрульный корабль, исчез. Точки двинулись навстречу друг другу. Пират подтягивал к себе беспомощный корабль, готовясь вскрыть его люк. И вот точки соприкоснулись.

Огненный цветок распустился на экране. Он сверкал лишь секунду, потом погас, и ничего не осталось. Совсем ничего. Картр был неподвижен. На карте ничего не отражалось, как и в первый раз, когда ее обнаружили. Только холодно светились точки, обозначающие звезды.

В толпе никто не шевельнулся. Они как будто не верили в то, чему были свидетелями, не хотели поверить. Потом послышался общий вздох, и компактная толпа разбилась на части. Люди шли с ничего не видящими глазами. Кроме шороха ног о камень, ничего не было слышно.

Снаружи ночную тьму сменила серость рассвета. Картр остановился на помосте. Он положил руку на спинку кресла с символом Земли и впервые внимательно взглянул на новых товарищей

по несчастью.

Здесь смешалось много рас и видов, как и следовало ожидать для патрульной базы. Двое закатан, бледнолицая женщина и двое детей с фальтхарианскими очками, свисавшими с пояса. Картр был уверен, что видел и гребешок, который мог находиться только на голове тристианина.

— Вы здесь командуете?

Внимание Картра переключилось от беженцев к девушке, той самой девушке, которая рядом с ним следила за битвой, и к двум мужчинам, стоявшим у помоста.

Автоматически рука Картра поднялась в жесте салюта к отсутствующему шлему.

— Рейнджер Картр, сержант с веганского разведчика «Звездное пламя». Мы разбились здесь некоторое время назад. В нашем отряде еще три рейнджера, связист и техник-оружейник.

— Доктор Уилсон, — ответил меньший из мужчин низким и удивительно музыкальным голосом. — А это третий помощник Мексан с нашего базового корабля и сержант Адраил из вспомогательной службы штаба. Мы в вашем распоряжении, сержант.

— Ваш отряд…

— В нашем отряде, — быстро ответил Уил-

сон, — тридцать восемь человек. Из них двадцать женщин и шестеро детей — семьи рейнджеров. Пять человек во главе с Мексаном, шесть девушек под началом сержанта Адраил. И я. Насколько мне известно, мы единственные с базы СС4, оставшиеся в живых.

— Зинга!.. Филх!.. Рольтх!..

Картр начал отдавать распоряжения, и происходило это совершенно естественно.

— Разожгите костры…

Он повернулся к медику.

— Я вижу, сэр, у вас не очень много припасов.

Уилсон пожал плечами.

— Только то, что мы могли унести с собой. Не очень много.

— Зинга, организуй охотничий отряд. Вы, Смит, следите за коммуникационной доской. Я не хочу, чтобы еще один корабль застал нас врасплох. У вас есть связист, сэр? — спросил он Мексана.

Вместо ответа третий помощник повернулся и крикнул в зал:

— Хавр!

Подбежал один из мужчин в мундире космонавта.

— Поступаете в распоряжение техника-связиста, — сказал офицер.

— Значит, мы можем жить здесь, поскольку вы упомянули охоту? — спросил Уилсон.

— Это планета типа Арт. Она гостеприимна. Это ведь Земля!

Картр внимательно следил за медиком. Тому понадобилось несколько секунд, чтобы понять.

— Земля… — Уилсон произнес это слово равнодушно. Потом глаза его расширились. — Родина повелителей космоса! Но ведь это легенда, сказка!

Картр топнул по помосту.

— Весьма вещественная, — сказал он, — не правда ли? Вы находитесь в зале прощания. Можете, если хотите, осмотреть сиденья первых рейнджеров, — он указал на кресла. — Прочтите, что на них написано. Да, это Земля из Солнечной системы.

— Земля!.. — Уилсон все еще недоверчиво качал головой, когда Картр заговорил с девушкой.

— Можете ли вы с вашими подчиненными позаботиться о женщинах и детях? — спросил он.

Такие обязанности были за пределами его опыта. Он разбивал полевые лагеря, водил экспедиции, жил на множестве необычных планет, но никогда раньше ему не приходилось отвечать за такую группу.

Она кивнула, покраснела и подняла руку в салюте. Чуть позже она уже ходила среди усталых женщин и успокаивала капризничающих, возбужденных детей. Ей помогала семья закатан.

— Какова вероятность появления другого пиратского корабля? Что случилось на базе? — почти забыв о женщинах, Картр начал расспрашивать медика.

— База уничтожена. Но уже задолго до этого дела шли плохо. Прервалось снабжение, нарушилась связь. За три месяца до нападения должен был прийти корабль с припасами. Он не пришел. Уже две недели мы вообще не получали сообщений от Центрального Контроля. Мы послали туда крейсер, но он не вернулся.

Потом появился пиратский флот, а нападение было тщательно спланировано. У нас оказалось пять кораблей. Два из них поднялись с базы и покончили с тремя пиратскими прежде, чем сами были уничтожены. Мы держались, пока не дали возможность стартовать пассажирскому кораблю.

Нас застало врасплох то, что они пришли под фальшивыми флагами и были встречены нами дружески. А потом стало слишком поздно… Они прилетели на кораблях Центрального Контроля!

Либо часть флота восстала, либо… либо с империей произошло что-то ужасное. Они действовали так, будто патруль объявлен вне закона. Их атака была ужасной. И поскольку они знали код и сигналы, мы не ожидали нападения. Казалось, они представляют закон…

— Может, так оно и есть сейчас, — угрюмо предположил Картр. — Возможно, восстание в секторе. Победитель систематически уничтожает базы патруля. Это дает ему возможность захватить все космические линии. Весьма практичный и неизбежный ход, если сменилось правительство.

— Нам это тоже приходило в голову. Не могу сказать, чтобы мы приветствовали это предположение, — голос Уилсона звучал мрачно. — Мы сумели подготовить к полету один пассажирский корабль и патрульный разведчик. После этого началась гонка в космосе. Пираты отрезали нас от регулярных линий, поэтому нам пришлось направиться сюда. И мы потеряли разведчика…

Картр кивнул.

— Мы видели это на экране, прежде чем сумели связаться с вами…

— Он протаранил флагмана… Флагмана всего их флота, учтите!

— Вы уверены, что за вами шли всего лишь два пиратских корабля?

— На наших экранах были видны лишь два. И ни один из них не вернулся. Вы думаете, они пошлют кого-нибудь на поиски?

— Не знаю. Вероятно, решат, что патруль сражался отчаянно. И вычеркнут свои корабли как уничтоженные в сражении. Но Смит и ваш человек должны оставаться на посту. Если кто-то появится, они нас предупредят.

— А если все же прилетят?

— Планета обширна. На ней легко укрыться, и они нас никогда не найдут.

К концу дня был разбит лагерь. Охотники принесли достаточно пищи для всех. Женщины под руководством девушек из вспомогательной службы нарубили ветвей и устроили постели. И никакого предупреждения — экран оставался чистым.

Наступила ночь. Картр стоял на ступеньках, глядя на поле. Под его началом весь день очищали территорию, убирали остатки лагеря туземцев. Нашли два копья и пригоршню металлических наконечников для стрел. Это пригодится, когда кончатся заряды для бластеров. Неизбежно наступит день, когда их теперешнее оружие —

продукт высокоразвитой цивилизации — станет бесполезным.

Завтра снова нужно будет охотиться и…

— Прекрасная ночь, не правда ли? Конечно, здесь лишь одна луна вместо трех. Но зато очень яркая.

Картр обернулся. К нему приближался Зикти в сопровождении Адраил.

— Три луны? Их столько на Закатане? Я считаю более естественным число два.

Она засмеялась.

Две луны… Картр постарался припомнить, у каких планет две луны, и какая же из них ее родная. Их не менее десятка. И, вероятно, есть такие, о которых он и не слышал. Ни один человек, даже имей он четыре жизни, не сможет узнать все, что находится в галактике. Две луны — слишком слабая нить.

— А, сержант! Ночь привлекла и вас, мой мальчик? Можно подумать, что вы фальтхарианин.

— Думаю о будущем, — ответил Картр. — И я не фальтхарианин, а варвар, — добавил он безжалостно. — Вы знаете, что говорят о нас, с Илен? Что мы едим сырое мясо и поклоняемся странным богам.

— А вы, леди? — спросил Зикти. — Над какой

планетой светят две ваши луны?

Она почти с вызовом подняла голову и ответила, глядя на поле:

— Я родилась в космосе. Моя мать с Крифта. Отец — с одной из центральных систем, не помню, с какой именно. Планета с двумя лунами — воспоминание моего детства. Но с тех пор я видела много миров.

— Все мы видели много миров, — заметил Картр. — Но сейчас мне кажется, что этот нам придется изучить особенно тщательно.

Зикти с удовольствием вдохнул ночной воздух.

— Какой прекрасный мир, дети мои! У меня большие надежды на наше будущее здесь.

— Хорошо, хоть у кого-то есть надежды, — трезво сказал Картр.

Но Адраил подхватила вызов закатанина:

— Вы правы! — она положила руку на чешуйчатую кисть историка. — Это прекрасный мир. Когда я ходила сегодня по холмам, воздух был, как вино. Как все живо… свободно… И нам очень повезло… Впервые в жизни я чувствую себя дома!

— Потому что это Земля… Расовая память, — предположил Картр.

— Не знаю. После того, как столько времени…

Вряд ли это возможно.

— Вполне возможно. В первый день, — признался Картр, — когда мы высадились и я увидел эту зелень, мне показалось, что я ее помню. Все же я скажу: мы высадились на хорошей планете, приятно сделать ее своей. И это нужно сделать.

— А город и кланы? — спросил сержант. — Позволят ли они нам это?

— Планета велика. Эту проблему мы решим, когда она возникнет. А теперь, любители луны, не будучи фальтхарианином, я иду спать. Простите мой уход.

Хихикая, он ушел.

— Город и кланы… Что вы имели в виду? Здесь есть туземцы? — спросила девушка.

— Да.

Картр коротко познакомил ее с фактами.

— Видите ли, — закончил он, — этот мир не вполне наш. И нам нужно принять решение.

Она кивнула.

— Расскажите завтра остальным. Расскажите им все, что говорили мне.

— То есть предоставить решать им? Ладно. — Он пожал плечами. — А что, если они предпочтут удобства города?

Такое решение было бы только естественным.

Но он был уверен, что ни он сам, ни те, кто вместе с ним пришел к этому древнему зданию, не пойдут назад.

И вот на следующее утро он стоял в луче солнца, пересекавшем помост. В горле у него пересохло. Он сказал все. И теперь чувствовал такую усталость, как будто целый день рубил деревья. Все лица были обращены к нему, невыразительные, безразличные.

Слышали ли они его слова? И поняли ли они их? Является ли их равнодушие реакцией на недавние события? Может, они считают, что худшее уже прошло? И ничего не может быть хуже?

— Такова ситуация…

Ответа не было. И тут он услышал стук сапог о камень, громко отдававшийся в тишине зала. На помост поднялся Уилсон.

— Мы слышали сообщение сержанта. Он указал нам два возможных решения. Первое: мы можем вступить в контакт со штатскими в городе. Город отчасти функционирует. Но у них трудности с продовольствием, и вдобавок… — медик помедлил и добавил, не меняя тона и выражения, — вдобавок в группе исключительно одни люди.

И опять слушатели не ответили. Встречались

ли они раньше с неприязнью к бемми? Должны были! Она так распространилась в последнее время. В широком кресле с символом Денеба сидела фальтхарианка, а на руках у нее был маленький тристианин, чья мать погибла при нападении на базу. А Зор сидел между двумя мальчишками из внутренних систем. Они не делились на людей и бемми, они все были рейнджерами!

— Итак, мы можем идти в город, — повторил Уилсон. — Или мы примем другое решение, которое будет означать более трудную жизнь. Впрочем, мы, рейнджеры, по подготовке и традициям лучше подходим для такой жизни. Это жизнь на Земле по образу туземцев.

Сержант Картр говорил о приближающемся холодном времени года. Он также сказал, что мы не можем оставаться здесь из-за недостатка припасов. Мы можем двинуться на юг, как это сделало большинство туземцев несколько дней назад. Сейчас контакт с туземцами невозможен, но позже, когда мы приобретем необходимые знания, он станет осуществим. Но до этого могут пройти годы.

Итак, мы должны выбрать один из этих выходов…

— Доктор Уилсон! — встал один из членов

экипажа, — Вы исключаете возможность спасения? Почему бы не остаться здесь и не вызвать помощь по коммуникатору? Любой патрульный корабль…

— Любой патрульный корабль! — отсутствие выражения подчеркивало смысл слов медика. — Коммуникатор с таким же успехом привлечет пиратов. Мы не сможем отличить их, пока не будет слишком поздно. И помните: Земля не указана ни на одной звездной карте. Даже название ее стало легендой.

Послышался ропот.

— Значит, нас ждет изгнание? — Это спросила женщина.

— Да.

Ответ Уилсона прозвучал четко и определенно. Наступила тишина. Теперь все увидели правду. И, — с гордостью подумал Картр, — приняли ее спокойно.

Ответ прозвучал так громко, что вызвал эхо. Патруль держится вместе. Этот лозунг, который служил им не одно поколение, сохраняется.

— Все будет решено волей большинства. Те, что предпочитают город, идут к той стене. Остальные становятся здесь…

И, не закончив говорить, Уилсон двумя шагами

приблизился к левой стороне помоста. Картр присоединился к нему. Лишь на какое-то мгновение они были одни. Адраил и ее девушки вскочили на помост и встали рядом с врачом. Потом наступила пауза, остальные женщины не двигались.

Неподвижность нарушила фальтхарианка. Держа на руках ребенка тристианина, подталкивая своих детей перед собой, она быстро пошла налево. Но еще раньше там оказался Зикти со своей семьей.

Теперь слышался топот многих ног и, когда он стих, считать не было необходимости. Никто не стоял у стены, обозначавшей город. Они приняли решение, взвесив шансы — настоящее и будущее. И, глядя на их строгие лица, Картр понял, что они не откажутся от этого решения. И ему стало жаль горожан. Они будут пытаться поддерживать механическую цивилизацию. Возможно, этому поколению жить будет легко. Но они повернулись спинами к будущему, и второго случая у них, может быть, не будет.

Как только было принято решение, патруль начал готовиться в путь. И на рассвете второго дня они выступили, неся свои пожитки.

Картр смотрел, как женщины и дети, патрульные и офицеры под предводительством Филха

и Зинги шли под новым для них солнцем, шли к будущему.

Он оглянулся на покинутый зал. Солнце осветило символ на спинке центрального сиденья. Старая Земля… Теперь они, идущие в дикую местность, станут частицей Земли новой!

Будем ли мы опять повелителями пространства и звездными рейнджерами? — подумал Картр. — Начинается ли сегодня другой цикл, ведущий к новой империи?

Он слегка вздрогнул, когда ему ответила мысль Зикти: «у моего народа есть древняя пословица: когда идущий подходит к концу пути, пусть помнит, что конца нет и перед ним открывается новая дорога».

Картр повернулся спиной к залу прощания и легко сбежал по выщербленным ступеням. Ветер был прохладным, но солнце грело. Под шагающими ногами поднималась пыль.

Да, это еще не конец! Вперед!

Сокровище таинственной расы

Секретно: X3457-A-P

От: Кронфильд, Шеф, Проект «Колония 308».

Кому: Леннокс, Командор, Космическая разведка, Сектор 5, Разряд особый.

Объект: Архивные файлы.

Запрашиваем информацию об умерших:

О-С-С-Д 451 Марсон.

О-С-С-Д 489 Ксанга.

Секретно: X3457-A-P?

От: Леннокс, Командор, Космическая разведка, Сектор 5, Разряд особый.

Кому: Кронфильд, Шеф, Проект «Колония 308».

Объект: Архивные файлы.

Сожалеем. Согласно приказу, не можем передавать официальные данные в организации, не входящие в нашу структуру.

Леннокс — для Сен Иен Луи, Шеф-Командор, Сектор 5. По спецкоду:

Кто запрашивает? Почему? Предлагаю ответить, что файлы якобы уничтожены за давностью.

Сен Иен Луи — для Леннокса. По спецкоду:

Без паники. Мы пошлем запрос. Если что — немедленно предупредим вас для принятия мер.

Приказ: 56432-С.С.Д.

От: Махаби Кабали, Космоадмирал, Командующий Сектором 5.

Кому: Сем Иен Луи, Шеф-Командор, Космическая разведка, Сектор 5.

Объект: Архивные файлы.

Передайте Кронфильду, Шефу Проекта «Колония 308», согласно запросу, следующие материалы:

О-С-С-Д 451 Марсон, умерший.

О-С-С-Д 489 Ксанга, умерший.

Сопроводительная к приказу. По спецкоду:

Я вынужден уступить, сильное давление сверху, но ведь никаких фактов нет, оба давно умерли. А одних подозрений мало.

От Кронфильда — к Брайару Морле, порт Н-Йок. По частному каналу связи:

Подключи своего лучшего сыщика. По нашим данным, это началось в Н-Йоке лет пятнадцать назад. Ребенку на вид было тогда лет 6–7. Конечно, за такой срок след остыл. Однако это наша единственная зацепка, ее нельзя упускать. Напоминаю, время работает против нас. Дело

крайне важное. В расходах не стесняйтесь, задействованы фонды Основания. Чтобы наши доказательства имели вес, будут необходимы свидетели. Эти стоеросовые дубы в мундирах уже взмокли со страха.

Бран Худд, сотрудник Сыскного Агентства «Худд и Русто»

Да след не просто остыл, он уже заледенел! Этот хохмач считает нас то ли чародеями, то ли путешественниками во времени.

Русто:

Я подозреваю, что он выращивает деньги, как плесень в подвале, так щедро он нам платит. Придется браться за дело. Если не скупиться, языки развяжутся. Пока у нас есть лишь словесный портрет этой мадам. Так что бери ноги в руки и попытайся отработать свою долю.

Джет-Таун, порт Н-Йок, был центром развлечений. Все они — от возвышенных и респектабельных до самых грязных и порочных — были к услугам космопроходцев, звездолетчиков, исследователей пространства. Нередко покорители Вселенной становились жертвами мелких жуликов, у которых, в свою очередь, отбирали львиную долю короли местной мафии, негласно

поделившие между собой весь город. Это была мощная преступная иерархия, о которой не подозревали простые жители Джет-Тауна. Им не было дела до позорного пятна, олицетворявшего так называемый Верхний город.

Жизнь горожанина зависела не только от его интеллекта и физической силы, но и от остроты шестого чувства — чувства опасности. Порой угроза нависала над целыми кварталами. Вот и в этот вечер ощущение опасности прямо-таки витало в воздухе, хотя было не поздно и многие увеселительные заведения еще не закрылись.

Работал и Сан-Спот Керна. Впрочем, он никогда и не закрывался: днем и ночью его двери были распахнуты навстречу денежным посетителям. Несмотря на новейшие кондиционеры, здесь стоял неистребимый запах табачного дыма, перегара и разгоряченной азартом толпы. В холле за стойкой бара суетились, как всегда, Степ и Хэгги. Поодаль фланировали несколько девочек.

За игорным столом «Звезда — Комета» сидел в одиночестве юноша. Перед ним лежала нераскрытая карточная колода и стопка фишек.

Он привычным движением проверил категорически запрещенное законом оружие — силовой стилет, скрытый за широким поясом. Под курт-

кой свободного покроя его плечи шевельнулись, словно в ожидании нападения. Он интуитивно чувствовал опасность. Он знал: будет нелегкая ночь.

Его рука коснулась выключателя. Мягкий, тщательно отрегулированный свет висящей над столом лампы упал на его лицо, совсем юное, непорочное, почти мальчишеское. Это лицо особенно ценил тот, на кого юноша работал. Впрочем, Керн платил Джоктару не только за это, но и за острый ум, за искусные руки, за быстроту реакции. Он не колеблясь сделал Джоктара главным дилером стола «Звезда — Комета». Однако доверие было не беспредельным. Джоктар знал, что ему временами подстраивают разные коварные ловушки. Уже не одного дилера в Сан-Споте постиг неожиданный и загадочный конец. По меньшей мере, троих взяли агенты службы эмиграции, так называемые Э-люди. Керн сделал все, чтобы его служащие видели, что их ждет в случае шулерства. И Джоктар всегда играл честно: он не заботился о морали — улица этому не учит, — просто честно играть с важными персонами было проще и надежнее.

Джоктар отдавал должное организаторским способностям Керна, но, разумеется, был далек

от того, чтобы питать к нему человеческую привязанность. Просто босс Сан-Спота в этом мире постоянного риска являл собой стабильность. Под его опекой Джоктар провел большую часть своей жизни, о которой и сам толком ничего не знал, он не знал даже, сколько ему лет. Посетители же, прикидывая возраст дилера, всегда ошибались как минимум лет на шесть. В этом был повинен его мальчишеский облик.

Поскольку данное свойство ценилось Керном, Джоктар делал все, чтобы усилить впечатление. Нередко, проигравшись за другими столами, неудачник в надежде вернуть потерянное спешил к столу, где сидел неопытный юнец. Потерпев поражение и здесь, он приходил в неистовство. Но Джоктар не напрасно прошел отличную школу обращения с силовым стилетом. К тому же он владел различными приемами борьбы, вплоть до самых жестоких, и мог искалечить человека на всю жизнь. Недаром Джоктара считали на улицах одним из самых опасных парней, хотя он не применял свое искусство без крайней необходимости.

Клик, клик — тонкие пальцы юноши небрежно перебирали фишки с изображениями звезд и комет. Он соорудил из них пирамиду, затем стал

снимать обратно фишку за фишкой. Каждый нерв его чувствовал надвигающуюся угрозу. Он был весь как пружина.

— Э-люди поблизости, — послышался шепот.

Джоктар оторвал взгляд от груды фишек. Рядом стоял Худд, банкомет стола «один-два». Он был в Сан-Споте новичком и вряд ли, как считал Джоктар, мог долго здесь продержаться. Неделя, ну дней десять от силы — и Керн вышвырнет его… Не похоже, что он из полиции, вероятнее, что Худд — шпион другого босса, решившего напакостить Керну. Джоктар едва заметно усмехнулся. Сколько их уже было, подобных попыток! Не меньше, чем фишек на этом столе. Но Керн был опытен и осторожен, никому еще не удалось расшатать его организацию.

— Обычный патруль? — спросил Джоктар как можно безразличнее.

— Нет. По слухам, готовится большая облава.

Вот как, облава. И узнает он об этом от Худда. Джоктар медленно складывал в стопку фишки. Почему Худд? Он ему не друг, с какой стати спасать из Э-сети человека Керна? Видимо, затем, чтобы использовать его в дальнейшем. Или это очередная проверка от босса? Предложат сменить хозяина? Решено. Надо срочно идти к Керну.

Он смахнул карты и фишки в ящик стола и запер его, проведя ногтем по едва заметной щели замка. Затем погасил свет и встал — невысокий, тонкий, — обратив на Худда холодный выжидающий взгляд. Тот смотрел на него с подчеркнутым дружелюбием, даже теплотой. Но Джоктар уже опустил глаза, повернулся и с грацией хищного зверя направился к лифту, связывавшему игорный зал с апартаментами Керна. Впереди возвышалась мощная фигура Оррина, бывшего звездолетчика, ушедшего из космической службы при странных обстоятельствах, благодаря чему Керн счел его для себя полезным. Охранник круто обернулся, рванув из кобуры бластер. Словно не замечая его, Джоктар ступил на площадку антиграва. Оррин хохотнул и сунул оружие обратно.

— Ты словно призрак. Хотя бы напевай, когда подходишь, не то можешь схлопотать заряд в лоб.

— Ты ничего не знаешь? Вроде пахнет жареным?

Оррин нахмурился:

— Слышал краем уха. Имеешь информацию для босса?

— Может быть. Мне нужно к нему.

Когда подъем закончился, охранник мотнул

головой, пропуская юношу вперед. Массивная дверь поехала в сторону, но вдруг затрещал зуммер. Дилер достал силовой стилет и передал его Оррину. К Керну никто не мог войти с оружием, за этим следила чуткая аппаратура. Нарушитель мгновенно уничтожался роботами. Люди могли ошибаться, механические стражи Керна не ошибались никогда.

— Что случилось?

Тщедушное тело босса утопало в глубоком кресле. Его мягкий голос исходил, казалось, прямо из впалой груди. Худобу и нескладность не могла скрыть даже роскошная одежда, так же как каштановые с проседью волосы и длинные бакенбарды не смягчали резкость острых черт лица. Керн кивнул Джоктару на стул.

— Пока ничего, — усевшись, ответил дилер на вопрос.

Керн молчал, ожидая продолжения.

— Якобы Э-люди готовят большую облаву.

— Угу, — Керн зевнул, — Они очистят район от сброда. Кто сообщил? Кто-то из моих раннеров?

— Худд.

— Ах вот как! И сообщил не кому-то, а именно тебе, лично?

Джоктар растянул губы в улыбке, которая каза-

лась бы детской, если бы не ледяной взгляд.

— Ведь так он и должен быть сделать, верно?

Он ждал утвердительного ответа. Так бывало всякий раз, когда дилер раскрывал очередную проверку. Но сейчас босс покачал головой.

— Не моя рука, мальчик.

— Тогда Худд подсадной, — уверенно произнес Джоктар.

— Бесспорно. Но кто его подослал и для чего? Я люблю всякие головоломки, они вносят в жизнь разнообразие. Пусть Худд еще немножко потанцует на проволоке, а мы тем временем выясним, кто держит ее концы. Значит, он вышел на тебя…

— Я за последнее время не получал никаких предложений. — Что-то мелькнувшее в лице Керна, заставило Джоктара произнести это помимо его воли. Он тут же устыдился собственной слабости.

— Я знаю. Сколько лет ты со мной? Четырнадцать?.. Нет, уже пятнадцать. И все еще смотришься мальчишкой. Хотел бы я разгадать этот секрет, он неоценим в нашем деле. Помню, как явилась та кукла и привела тебя. Ты уже тогда был смышленым. Но откуда ты взялся, вот что я хотел бы знать.

Джоктар ощутил знакомый холод в груди.

— Меня же по твоему приказу зондировали.

— Еще бы. И занимался этим знаток своего дела. Однако от тебя он услышал маловразумительный лепет о большом лайнере в нашем порту. Да и с малышкой той не повезло: она отдала концы раньше, чем док сумел что-нибудь из нее вытянуть. Он уверен, что у тебя заблокировано сознание и тебе никогда ничего не вспомнить.

— Ты, Керн, держишь меня здесь с какой-то особой целью?

— Я же сказал, что люблю загадки. А ты самая интригующая загадка, какая мне встречалась. Годы идут, а ты почти не взрослеешь, все еще выглядишь ребенком. Вместе с тем твой ум быстр, ты никогда не упускаешь удачу. Тебя не привлекают девочки, ты равнодушен к выпивке, наркотикам. У меня еще не было такого отличного дилера. Оставайся таким же — и мы с тобой будем делать наш бизнес, парень… Итак, ты узнал, что Э-люди готовят облаву? Передай по всему дому предусмотренный сигнал.

Джоктар подошел к стенной панели и нажал три клавиши. С этой минуты — Сан-Спот перешел на режим высшей готовности. Керн вовсе не опасался Э-облавы: каждые три месяца он

платил властям сумму, достаточную для полной экипировки полусотни колонистов.

— Слушай, а вдруг это Норволд? Он тут был недавно. Не его ли это работа? Свяжись-ка с Пассеем, он сегодня дежурит у Норволда. Предупреди, что возможна облава, и, кстати, пусть он пронюхает, куда Норволд спрячет своих двух новых девчонок. Они могут нам пригодиться в случае чего.

— Понял.

На обратном пути Джоктар забрал у Оррина свое оружие. Он размышлял о предположении Керна по поводу Норволда. Откупиться от Э-людей можно, но цена такова, что по карману лишь боссам или их ставленникам. Облавы, устраиваемые Э-службой — способ заполучить людей для работы на дальних планетах. Туда, правда, ехали и добровольцы-колонисты, но их было недостаточно. Дефицит рабочих рук покрывался за счет принудительной ссылки эмигрантов. Возврата для них не было. Вот почему в преступном мире самым страшным считалось стать жертвой Э-налета. Этих несчастных усыпляли, замораживали и в таком виде везли в рабство. Многие так и не пробуждались от этого жуткого сна. Колонисты считались героями. А эмигранты были всего

лишь безликой и бесправной рабочей массой.

Предположим, что меня заберут, — подумал Джоктар. — Откупит ли Керн своего дилера от Э-людей? Сомнительно, чтобы босс выложил такую сумму.

Юноша уже ступил на антиграв, когда пришел сигнал тревоги. Он был беззвучным, но каждого, кто находился в доме, пронизали виброимпульсы. Все-таки Э-рейд! Выходит, Худд не солгал.

Джоктар резко ударил по клавише управления, направив лифт на самый верх. Через нижние двери уже не скрыться, поздно, — придется уходить по крыше.

Но когда площадка поравнялась с третьим этажом, дилер остановил лифт. В порядке ли Керн? Увидев юношу, Оррин устремился ему навстречу.

— Ты куда? Босс велел всем сматываться.

Он встал на площадку возле Джоктара. Во всем Сан-Споте лишь у Керна было достаточно влияния, чтобы столковаться с Э-службой. Но почему же на этот раз не сработала налаженная система оповещения, и все они оказались захваченными врасплох? Впрочем, Худд предупредил… Худд — на Э-службе? Нет, тогда он ничего не сказал бы Джоктару.

— Что ты об этом думаешь? — спросил дилер у охотника.

Тот пожал плечами:

— Сам ломаю голову. Понятия не имею, где прокол. Единственное, что я знаю точно, так это то, что босс сам вызвал все это. Он и бровью не повел, когда началась тревога.

Мозг Джоктара напряженно работал. У Керна не было, казалось бы, резона наводить Э-людей на Сан-Спот. В то же время босс был мастером создавать такие ситуации, которые давали возможность чужими руками избавиться от неугодных ему служащих. Юноша перебрал в памяти приближенных Керна, стараясь вычислить, кто же именно попал в немилость.

Лифт остановился, и Джоктар поднес руку к стене. Биотоки его ладони сработали как ключ для незаметной двери.

За ней начинался узкий коридор. Тревожная вибрация прекратилась. Оррин настороженно оглянулся. «Они, видно, совсем близко. Дай бог, чтобы наши парни успели смыться.»

Коридор заканчивался у ствола шахты, по нему они и стали подниматься. Наверху их наверняка поджидают Э-коптеры, но недаром они предусмотрительно запаслись бомбами с туманом.

— У тебя есть хорошая крыша?

Джоктар интуитивно насторожился. Оррин не мог не знать, что у каждого служащего было в городе тайное убежище для экстренных ситуаций, подобных нынешней.

— Ты что, не хочешь воспользоваться своей?

— Не в этом дело, — буркнул Оррин. — Просто… если за всем этим стоит босс…

Джоктар кивнул. Керн мог навести ищеек на любую нору. Но они были людьми Керна и не имели выбора. Он обязан бежать именно тем путем, который ему предписан. Любое другое логово было под контролем или Норволда, или Дандера, или Руссиана. Людям Сан-Спота путь туда был заказан.

— Давай шевелись, они скоро начнут нас выкуривать, — занервничал Оррин.

Он был прав. Э-люди вот-вот пустят в здание слезоточивый газ и включат ультразвук. Этого не сможет выдержать никто в доме. Джоктар уже стоял, низко пригнувшись, под самой крышей. Было абсолютно темно, и ему приходилось действовать вслепую. Рука нащупала подвешенные у пояса яйцевидные бомбы. Он взял одну, одновременно проверив другой рукой, на месте ли стилет.

Потолок стал еще ниже, до конца коридора пришлось добираться ползком. Вот и люк, ведущий на крышу. Чуть приподняв его, Джоктар выглянул. В глаза ударил свет мощных прожекторов. Он включил пускатель бомбы и, просунув ее в щель, выкатил наружу. Следом отправил и вторую. В этот момент все его тело, каждый мускул и нерв содрогнулись от нестерпимой боли. Он знал, что будет еще хуже: в дело пущены вибраторы.

— Скорее, — прохрипел Оррин.

Извергаемый бомбами туман уже заволакивал все вокруг.

— Ну же! — Оррин без видимого усилия буквально выкинул Джоктара из люка. Вероятно, он оказался особенно восприимчив к вибрации.

Джоктар встал, пригнувшись, готовый мгновенно пустить в ход оружие. Туман уплотнился, и противники не стреляли, боясь угодить в своих же.

Юноша устремился к противоположному краю крыши. Ему предстояло пробежать по самой кромке, затем повернуть и спрыгнуть вниз. Подобный трюк никто не взялся бы исполнить вслепую, без долгих тренировок. Там, внизу, ждала потайная дверь, открывавшая путь отхода, намеченный для него Керном.

Джоктар шагнул вниз, в молочный туман. Он сумел приземлиться на ноги и тут же кинулся к спасительной двери Оррина не было слышно, тот, скорее всего, не смог заставить себя совершить головокружительный прыжок в ничто. Дилер мгновение колебался, но угроза захвата была сильнее. В их среде действовали законы джунглей. Все знали: во время облавы каждый заботится о себе сам.

Массивная плита послушно повернулась под пальцами юноши. Он юркнул в открывшийся лаз, и тут же его ослепил свет прожекторов, а затем оглушила вспышка станнера. Опускаясь на пол, он успел представить, как Керн впишет имя своего дилера в лист текущих расходов.

Он не сразу открыл глаза, пытаясь осмыслить информацию, передаваемую в его мозг через слух и обоняние. Он был не один: раздававшиеся рядом стоны, бормотание, шепот, а также запах давно немытых тел подсказали ему, что вокруг такие же, как и он, пленники.

В памяти всплыли финальные мгновения его бегства: через дверь, которая должна была принести ему спасение, он угодил прямо в руки Э-людей. Его занесли в списки! Джоктара охватила паника. Но уже спустя мгновение он заставил

себя вновь расслабиться, ожидая, пока каждая клеточка его тела, каждый нерв не будут готовы к действию. Улица преподала ему немало жестоких уроков. Первый: уметь терпеть. Второй: в борьбе с более сильным противником никогда не действовать наобум.

Чуть приоткрыв глаза и слегка повернув голову, он попытался осмотреться. Рядом лежал Хэгги из Сан-Спота. Из его рта длинной струйкой стекала слюна. А подальше он увидел совершенно незнакомого человека, цвет лица выдавал в нем наркомана.

Не знал он и еще двоих соседей, облик которых говорил о том, что они дрифтеры, бродяги. Такие чаще всех становятся жертвами Э-рейдов, их захватывают сотнями. Но присутствие здесь Хэгги указывало, что отнюдь не одно убежище в Сан-Споте выдано Э-людям. Ведь Хэгги был не из тех, кого можно схватить случайно. Интересно, попал ли в облаву кто-нибудь из высших служащих Сан-Спота?

Сколько времени продержат их здесь? Джоктар не мог вспомнить, стоят ли сейчас в порту снаряженные в путь Э-корабли. Обычно облавы приурочивались к моменту их полной готовности. Правительство экономило таким образом

расходы на содержание здесь тех, кому уготована участь эмигрантов.

Можно ли отсюда бежать? Это, как слышал Джоктар, еще никому не удавалось. Тюрьму покидали те счастливчики, за кого кто-нибудь вносил выкуп. Правда бывало, что выпускали человека, сумевшего доказать, что он добропорядочный гражданин, имеет постоянную службу и достаточный заработок. С недавних пор власти стали в этом смысле аккуратнее, поскольку еще не утихли отголоски большого скандала, когда на улице схватили сынка одного высокопоставленного советника и без раздумий отправили его к звездам. Теперь статус эмигранта проверялся гораздо тщательнее. Но для этого и тем более для выкупа нужен был кто-то, кто помогал бы тебе с воли.

Керн? Вероятность дождаться от босса помощи мала, ничтожно мала. Но в его положении впору цепляться за любой шанс, а шансов практически нет. Его, видимо, обыскали — оружия не было. То, что при нем нашли стилет, определенно поставят ему в вину. Он снова ощупал одежду. Так и есть, исчез и кошелек. Лишь то, что он носил под рубахой с туманных времен своего накрепко забытого детства, еще было с ним.

— Внимание! — раздавшийся в камере громовой голос подействовал на узников как удар бича, — Всем приготовиться к выходу!

Как только в стене образовался проем, Джоктар ощутил принуждающие импульсы виброустановки. Избежать мучительной пытки можно было, лишь выйдя наружу. Джоктар вскочил на ноги и, наклонившись над Хэгги, потряс того за плечо. Бармен со стоном приоткрыл глаза, в которых сразу отразился ужас от сознания того, куда он попал. Стряхнув руку Джоктара, Хэгги на подгибающихся ногах поплелся к выходу. Дилер шел следом, повинуясь зову мощного силового поля. В его тисках можно было только послушно двигаться по залитому светом коридору, но руки были словно спеленуты, нельзя было даже шевельнуть пальцем.

Да, Э-служба оснащена на славу. И не удивительно: Галактический Совет всемерно поддерживал ее политику, благодаря которой цивилизованный мир освобождался от нарушителей спокойствия и при этом обеспечивал освоение новых планет. Столь успешное решение обеих проблем удовлетворяло всех, кроме, разумеется, самих жертв подобных облав — но их мнение никого не волновало.

Бармен уже миновал коридор, вошел в какую-то дверь и теперь разоблачился под присмотром угрюмого медика. Джоктар остановился на пороге.

— А ты давай здесь, — услышал он. — Раздевайся.

Юноша исподлобья бросил быстрый взгляд на врача. Поле сейчас ослабло, но нечего и пытаться напасть: его ждет силовой удар, способный раздавить человека в лепешку. Какой смысл драться, если нет даже микроскопического шанса на победу. Он не торопясь снял куртку, принялся разматывать пояс. Спрятать что-либо немыслимо: за ним, конечно, следят. Сняв наконец рубашку, дилер все же попытался прикрыть ладонью диск, висевший у него на груди.

— А ну, брось это! — медик видел все.

И снова Джоктара обуяла паника, его затрясло. Он стоял, шумно дыша. Юноша с трудом восстановил равновесие и до крови закусил губу, чтобы не вскрикнуть от боли. Он знал: этот удар только предупреждение. Джоктар швырнул диск медику. Тот дал ему упасть на пол и насмешливо поддал ногой.

Потом для него и для Хэгги началась обработка. Выполняя задаваемые компьютерами тесты,

Джоктар продолжал мучительно искать способ побега, но каждый вариант рассыпался в прах после трезвого раздумья. Через некоторое время его облачили в красный балахон из грубой ткани и ввели в камеру, где находились еще пятеро незнакомых ему людей.

Вскоре из стены появились миски с какой-то едой. Завязался разговор. Все его соседи были молодые дрифтеры, каких на улице слоняются сотни. Сев на скамью, юноша прислонился спиной к стене, держа миску на коленях.

— Эй, парень, — к нему подошел один из обитателей камеры. — Ты из людей Керна, точно? — спросил он с недоброй улыбочкой. Целая пропасть разделяла подобных ему бродяг и тех, кто работал на крупных боссов.

— Я был человеком Лэфти до того момента, как он потерпел крах, — заявил парень с неожиданной откровенностью. — Тогда-то я и заметил тебя в Сан-Споте. Небось надеешься, что Керн раскошелится? — спросил он, насмешливо осклабясь.

Джоктар молча пожал плечами, продолжая методично прожевывать безвкусную массу.

— Людей Керна на этот раз не обошли, — вступил в разговор другой, едва выговаривая слова набитым ртом. — Я здесь приметил четверых или

пятерых из его команды.

Это было похоже на правду. Но как получилось, что целая свора шпионов — споттеров и раннеров, работающих на босса — не предотвратила случившегося? Джоктар не мог взять этого в толк. Услышанное только что лишило его последней надежды на освобождение. Быть может, и сам Керн за решеткой… Кто же за всем этим? Норволд?

— Никто не слышал, куда нас собираются заслать? — голос задавшего вопрос выдавал испуг.

— В порту готов корабль на Авар, — послышался ответ.

— Вот как? А что делают на этом Аваре?

— Работа на полях, — ответил кто-то с неуверенной надеждой.

Джоктар понял, что это лишь догадки. Просто работать в поле было лучше, чем в каком-нибудь руднике.

Тот, что назвался бывшим раннером Лэфти, хмыкнул.

— Что толку загадывать. Все равно выбирать не нам, мы — колонисты. Коль попал сюда, значит, фортуна от тебя отвернулась, вот и все.

Спорить не приходилось. В примолкшей камере раздался чей-то вздох. Джоктар отставил

наконец пустую миску.

— Правда, что они нас заморозят? — голос был неприятный, какой-то квакающий.

— Ясно, — кивнул экс-раннер. — В Э-кораблях нет места, чтобы позволить нам сидеть и жиреть от безделья. В человека всаживают шприц, он делается как доска. Всех сваливают в штабеля и так везут до самой планеты.

— Я слыхал, что не все в конце пути просыпаются.

Неудавшийся раннер развалился на скамейке поудобнее.

— Всякое бывает. Но в живых остается достаточно, чтобы они не остались внакладе. Не удивлюсь, если машины, через которые нас прогоняли, дали сведения, кому из нас по силам выдержать перелет.

— Погоди-ка! — один из узников подошел ближе к двери и вытянул шею. — По-моему, кто-то идет. Неужто они заберут нас прямо сейчас?

Джоктар был уже на ногах. Он взял миску и непроизвольно держал ее так, как держал в жаркую минуту силовой стилет.

— Собираешься драться, парень? — Экс-раннер угадал его намерение, — Твои шансы равны нулю. Здесь каждый охранник может управлять

силовым полем. Лично я не намерен лезть на рожон. Какой смысл подставляться только для того, чтобы доказать собственную смелость?

Он был прав. Но Джоктару эта правота была поперек горла. Беспомощность угнетала, он привык чувствовать себя сильным и бесстрашным. Лишь сейчас до него дошло, что от настоящей жестокости улицы его отгораживали Керн и Сан-Спот. Теперь же он был совершенно один, сразу привыкнуть к этому оказалось очень трудно. Он отложил миску, опустился на скамью. Взглянув на него, экс-раннер, со свойственной его профессии проницательностью понял, что задевать этого парня сейчас рискованно.

В дверях вырос охранник, его взгляд выражал презрение. Отыскав глазами Джоктара, он поманил его. Иссякшая было надежда вспыхнула с новой силой. Керн принес выкуп? Джоктар уже был у выхода. Тут же он ощутил знакомые силовые тиски, и искра надежды стала таять.

В конце коридора их встречали двое в форме. Один из них обратился к конвоиру Джоктара:

— Тебя ждет Эриксен, он в офисе. А этого мы доставим сами.

— Чего это вдруг?

— У полиции порта есть к нему вопросы.

Услышанное воодушевило Джоктара. Быть может, Керн начал действовать? У него, как и у других боссов, были свои связи с полицией порта.

Силовые путы вновь стиснули юношу.

— Ну ты, шагай вперед!

Они почти бежали, Джоктар даже взмок. Его тревога перерастала в страх. Охранники явно с ним не церемонились, что-то не похоже, что они получили от Керна мзду.

От сильного тычка в спину он буквально влетел в комнату, где, кроме офицера полиции, находился молодой человек в тунике, какой Джоктар прежде не видывал. Космопатруль имел темно-голубую форму, а на этом туника была серебристой. У плеча посверкивала бляха с рисунком созвездия вместо обычных кометы и зодиака. Джоктар встрепенулся. Где-то в самой глубине заблокированной памяти вспыхнул сигнал тревоги. Предчувствие опасности тут же охватило все его сознание. Он понял, что встреча с этим серебристым может оказаться для него роковой.

Только тут он увидел, что именно держит в руках офицер в невиданной форме. То был диск, снятый с Джоктара на медосмотре. Офицер глядел на юношу враждебно, словно на злейшего

недруга. Между тем Джоктар был уверен, что видит этого человека впервые в жизни.

— Так это тот самый, — проговорил полисмен, указав на Джоктара, — что напал на тебя и твоего приятеля?

— Если и не тот, он должен знать их! Разве этот диск не достаточное доказательство? Подумайте сами: откуда к такому бродяге может попасть знак скаута? Ах ты… — он разразился такой изощренной бранью, что Джоктар поощрительно ухмыльнулся. И тут же едва не свалился с ног от оглушительной затрещины.

— Я жду. Говори. Где ты это взял? — вкрадчивый тон полисмена таил не меньшую угрозу, чем открытая ненависть офицера.

— Это было у меня всегда, — хотя Джоктар, к собственному удивлению, говорил правду, он знал, что ему не поверят.

Один из тех, что привели его, проявил нетерпение.

— Нельзя ли поскорее? Мы должны отвести его в офис. Туда пришел тот, кто решил его выкупить.

— Кто будет платить за этот мусор? — взвился офицер в серебристой тунике. Он вновь разразился бранью. — Ты сейчас же все скажешь и

отправишься на орбиту. Ну? Кто на прошлой неделе напал на Кандера и прикончил его? И откуда у тебя, грязная свинья, это? — Зажав в руке диск, словно кастет, он ударил Джоктара и рассек ему скулу.

Юноша замотал головой, то ли пытаясь справиться с головокружением, то ли отвергая обвинения. И тогда началась обработка. Он был крепко спеленут силовым полем, его избивали до тех пор, пока не сбили с ног. Джоктар цеплялся за остатки покидавшего его сознания.

Он слышал, как кто-то настойчиво пробивался к двери.

— Мы обязаны доставить его в офис. За него вносят выкуп.

Офицер неистовствовал:

— Ему не отделаться так легко. Он бандит. Его дружки убили Кандера, и ему несдобровать.

До Джоктара донесся голос полисмена, тот пытался урезонить разъяренного офицера;

— Для задержания у нас нет никаких улик, кроме этого знака. А его парень мог найти или купить за стакан у какого-нибудь бродяги. Могло быть такое?

— Но он же сам заявил, что никогда не расставался с диском. Такой знак на улицах не валяется.

Тот, кому его вручают, дает клятву беречь знак как зеницу ока и носит его постоянно. Диск могли снять только с мертвого Кандера. Они знали, что делали: обладатель такого знака имеет чрезвычайные полномочия и пользуется всеми правами, положенными офицерам разведки.

— И все же тебе придется найти веские доказательства, чтобы предъявить ему обвинение в убийстве.

— Я сказал, что он не выйдет отсюда!

Полисмен хмыкнул:

— А я сказал, что сейчас мои парни отведут его в офис.

Один из охранников присвистнул:

— Как бы не так. Если мы доставим его в таком виде, то нас самих сошлют к черту на рога.

Тут вмешался второй:

— А давайте прямо сейчас погрузим его на «Гриффин». Запихнем в корабль, якобы по ошибке, а когда спохватятся, будет поздно. Не станут же из-за него устраивать догонялки в космосе. Словом, сейчас его, такого, нельзя показывать в офисе. А там, куда летит «Гриффин», — его никто не станет слушать.

— И куда он попадет? — заинтересовался офицер.

— На Фенрис.

— Фенрис? Отлично! — офицер явно повеселел.

Джоктар же впервые слышал о такой планете, но веселые нотки серебристого ему не понравились.

— Давайте тогда поскорее доставим его на «Гриффин», — нетерпеливо проговорил офицер.

— Да, нужно торопиться, — поддержал охранник. — Иначе не успеем провести его через предстартовую обработку.

Другой с сомнением произнес:

— Кажется, мы отделали парня так, что он вряд ли сумеет очнуться по окончании полета. Что, если так оно и случится?

Будто сквозь вату, до Джоктара донесся умиротворяющий голос полисмена:

— По-моему, ребята, вы напрасно все осложняете. Ведь никто не узнает, что он побывал здесь, я не вел никаких записей. Другой вопрос, какую басню вы расскажете в офисе. Но это целиком ваше дело, я намерен держаться подальше от этой истории.

Когда Джоктара оторвали от пола, боль вновь хлынула в избитое тело — сознание окончательно отключилось. Очнувшись, он почувствовал, что лежит на чем-то вроде стола притиснутым к

нему с такой силой, что любое движение причиняло острую боль.

— …Оболтусы… Не могли еще позднее его приволочь? — Голос звучал отдаленно, его звуки едва проникали в затуманенное сознание Джоктара.

— Что это с ним? В аварию, что ли, попал?

— Ты здесь не для того, чтобы задавать лишние вопросы. Его избили в камере, там постоянно вспыхивают потасовки. А он — отчаянный забияка, вот и получил свое.

Чьи-то руки бесцеремонно касались его, раздевали, переворачивали. Пауза. Укол, сильная боль в предплечье.

Снова укол, негромкое жужжание в голове — и темнота, холодная как вечность. Ее леденящее дыхание пронзило юношу, словно удар силового стилета.

Бесчувственное тело сбросили со стола в ящик, очень напоминавший узкий гроб. Затем торопливо закрепили в гнездах датчики контроля и приборы управления. Напоследок ящик сунули в мешок, предварительно обложив чем-то так, что по виду он теперь не отличался от тысяч тюков, предназначенных для погрузки на корабль.

Достигнув порта, платформу с живым грузом отбуксировали к корабельному люку, откуда

торчала стрела крана. Захватывая своими челюстями один тюк за другим, кран укладывал их в трюм с длинными рядами узких ниш. Лишь в конечной точке рейса оттуда извлекут содержимое — людей, живых или мертвецов, как кому повезет. По планетному времени это будет спустя месяц, за этот срок корабль окажется за полгалактики от Н-Йока.

Когда был уложен на место последний тюк, крышку люка задраили и вскоре «Гриффин» уже дрожал, приподнявшись на столбах пламени. Через минуту он выглядел еще одной яркой точкой на усыпанном звездами небосклоне…

Терпение человека, ожидавшего в офисе Э-станции с толстой пачкой денег, иссякло. Поняв, наконец, что процедура по непонятным причинам затягивается, он потребовал обеспечить ему экстренную связь. Набранный код удивил и слегка обеспокоил находившегося в офисе служащего Э-станции.

Здесь находился еще один человек, карманы которого тоже оттопыривались от банкнот. До его слуха дошли отрывки каких-то разговоров, заставившие его насторожиться. Торопливой беседы с двумя вошедшими в помещение мужчинами в форме оказалось достаточно, чтобы человек

поспешно покинул Э-станцию. После долгих колебаний он поборол искушение оставить деньги у себя и понес их хозяину, поджидавшему в тайном убежище. Это был Керн. Известие о том, что акция провалилась, разгневало его настолько, что он тут же отдал суровые приказы в отношении своих агентов, связанных с Э-службой. Но, убедившись в их исполнении и восстановив таким образом собственный престиж, он очень скоро успокоился и выбросил все это из головы.

В небольшом офисе находился еще один, третий, человек, получивший сообщение о непредвиденном повороте событий. Он немедленно связался со своими шефами из столицы.

И из центра были отданы новые приказы для пятерых сотрудников, которые находились в пяти разных точках Терры. Еще три агента срочно абонировали места на лайнеры, отправлявшиеся в Н-Йок.

Оба Э-охранника подвергались допросу с пристрастием и под угрозой спецобработки поклялись держать язык за зубами. Их тут же отправили в далекий порт Мелвамбе. Э-служба делала все, чтобы не допустить скандала, к которому оказались бы причастными самые видные политики. Дальнейшая судьба охранников была

предрешена: нашли предлог перебросить их на планету Блор, где один прожил всего год, подхватив пал-пест, а другого вскоре прикончили собутыльники в пьяной ссоре.

Офицер в серо-серебристой форме сразу же после старта «Гриффина» направился к лучшему ювелиру. По его просьбе диск был вскрыт. Он прочитал внутри имя, и по его лицу разлилась бледность, которую не смог скрыть даже космический загар. Первым его побуждением было выбросить злополучный знак в ближайший мусорный контейнер. Но это показалось ему ненадежным, и возник новый план: разметать зловещий кругляк на атомы в реакторе звездолета. Но по дороге к космопорту он вдруг обнаружил, что диск исчез из его кармана. И тогда он испытал страх, нет, парализующий ужас, какого не знал за все годы прожитой жизни.

Эмиссару Центра, командированному для контроля состояния дел на осваиваемых планетах, было предписано особое внимание обратить на вторую планету светила Дзета Лупи (созвездие Волка). Планета числилась в галактическом каталоге под именем Локи, а ее ближайшую соседку называли Фенрис. Здесь также было тревожно, жизнь колонии в последнее время вышла из-под

контроля. В лагере Фенриса среди многих тысяч заключенных нашелся один, бросивший вызов вожаку. Смельчака звали Саммс. Он ухитрился совершить побег из шахты, уже одно это выделило его из массы эмигрантов. Саммс скрупулезно продумал свои дальнейшие шаги, одним из которых был вызов главаря на поединок. Тому ничего не оставалось, как выйти на открытый бой. На его несчастье, соперник оказался чуточку быстрее…

Рапорт Б. Морле, направленный Кронфильду, Директору Проекта «Колония 308».

Как выяснили Худд и Русто, объект попал в поле зрения офицера разведки, который его допросил по подозрению в убийстве своего напарника Кандера на том основании, что у объекта при досмотре изъят некий диск. В результате вскрытия внутри диска обнаружена именная надпись: «Марсон, ОС-С-Д 451».

Контакты с Э-станцией сильно осложнились, налицо мощное противодействие. Доступ к любым материалам закрыт. Попытку выкупа объекта делал и небезызвестный Керн.

Кронфильд-Морле, прямая связь:

— Кронфильд: Прощупайте этого разведчика, пусть им хорошенько займутся ваши люди. По-моему, история с убитым приятелем — липа,

здесь что-то другое. В последнее время эти люди в сером слишком обеспокоены. Связь с Э-службой беру на себя. Керна отбросьте, он ни при чем и в данном деле не фигура.

По каналу служебной связи:

От: Э-служба, станция, Н-Йок, Порт, Ирсон, агент.

Кому Кронфильд, Директор Проекта «Колония 308».

Сообщение об эмигранте: Пол — мужской. Возраст — около восемнадцати лет. Пункт назначения — Фенрис. Занятие — работа на шахтах. Аттестация — незаконная деятельность, проживание на Терре нежелательно. Микропленка прилагается.

Кодированная связь между Кронфильдом и Морле:

К. Почему ты уверен, что речь идет о нем? В донесении Э-службы не совпадает даже возраст.

М: Их обманула его внешность. В действительности он старше, мои свидетели могут это удостоверить. Он попал на корабль с нарушением инструкций. Ясно, что Э-служба заинтересована спрятать все концы. Уверен: на «Гриффин» попал тот, кто нам нужен. Твои действия?

К. Покуда его доставят, наш агент на Фенри-

се уже получит мои инструкции. Эта планета — самый худший из всех вариантов. У меня впечатление, что кто-то хотел упрятать его как можно дальше. И хотел этого не меньше, чем нам хочется его вызволить. Фенрис! Дьявол побери этих разведчиков! Вообще все пошло так, что хуже некуда. Буду только рад, если Тому и Куллану хорошенько подпалят хвосты. Немедленно информируй меня обо всем, что разнюхают твои парни.

Из Путеводителя по Галактике:

Фенрис. Третья планета звезды Дзета Лупи, Созвездие Волка.

Как и на двух других планетах, условия существования на Фенрисе весьма суровы для терранца. Экспорт: алибит, редкие меха. Признаки культуры коренного населения теперь почти не встречаются. В древних курганах попадаются только примитивные каменные орудия. Зима на планете суровая, длится три четверти года, сопровождается частыми снежными бурями. Галактический порт Сиваки. Города: Сиваки и Санди — центр добычи алибита. Для туризма планета запрещена. Пропуск на Фенрис по сертификату формы «А».

В одном из лагерей, отделенном от других

цепью невысоких гор, когда-то уволенный за служебные нарушения космолетчик с радостью и удивлением узнал, что некто выкупил его с подземных работ. Сейчас он сидел напротив человека, вложившего целое состояние в его свободу. Внимательно слушая нового хозяина, он старался досконально запомнить свою легенду. Так появилась еще одна клеточка в кроссворде, над разгадкой которого бился человек в небольшом офисе на Терре.

А «Гриффин» тем временем поглощал гиперпространство, перенося одно из ключевых слагаемых кроссворда с Терры в созвездие Волка. И тот, кто недавно еще был дилером стола «Звезда-Комета», на один шаг приблизился к постижению волнующей тайны своего забытого прошлого и полного приключений будущего.

Местность вокруг порта Сиваки напоминала лунный пейзаж. Правда, резкие очертания горных пиков, опоясывающих долину, были затушеваны — но отнюдь не смягчены — густой растительностью на склонах гор. Зимой низкорослые деревья и кустарники теряли листву и превращались в нагромождение голых грязно-голубых, сучьев, по твердости не уступавших стали.

В преддверии зимы планета становилась голубой. А затем ее сковывал своими тисками холод. От него не спасали ни термокостюмы, ни мех, ни подогреваемые стены куполообразных жилищ. Лютая стужа пронизывала каждого до самых костей.

На Фенрисе добывали алибит. Вереницы людей спускались в шахты; вереницы вагонеток с рудой поднимались на поверхность. Город жил во имя функционирования двух этих встречных потоков. Правда, остались еще чудаки, которые добывали пушнину в поймах рек. Их была горстка, хотя именно они являлись пионерами Фенриса, поселившимися здесь задолго до того, как этот мир голубой стужи опутали своими щупальцами могущественные алибитовые концерны.

В то утро четверо охотников остановились перед стендом для местных сообщений: там появилось объявление об аукционе. Двое пожали плечами и тут же отвернулись, третий красноречиво сплюнул, но четвертый продолжал вчитываться в листок, отпечатанный на принятом в официальных инстанциях любого мира суконном языке.

— Брось, что толку, — коснулся его плеча один

из приятелей, — Нам нечего и думать что-нибудь там купить.

Однако глаза охотника, выглядывавшие из узкой щели между мохнатым капюшоном и шерстяной маской, натянутой на нос и рот для защиты от холода, были по-прежнему прикованы к стенду. Хотя в эту пору каждый человек на Фенрисе из-за теплой одежды казался громадиной, движение, которым читающий сбросил с плеча руку, выдавало молодость, силу и крутой нрав.

— Мы остаемся, — негромко отчеканил он, и даже маска не приглушила повелительной интонации. Второй охотник пожал плечами и продолжал стоять неподвижно, держа руку у пояса, где поблескивал многозарядный бластер, а в ножнах с меховой опушкой болтался двадцатидюймовый клинок.

В эти самые минуты к тем, кого рекламировало объявление, начала возвращаться жизнь. Пытаясь собрать воедино клочки смутных воспоминаний о событиях на Э-станции, Джоктар услышал рядом стоны и бормотание, напомнившие ему пробуждение в Н-Иокской тюрьме.

— Этот задышал.

Его подняли за руки и за ноги на холодный стол. То ли уколы, то ли боль от них постепенно

очищали одурманенный мозг. Одеревеневшее тело мучительно отзывалось на каждый толчок снова побежавшей по жилам крови. Но гораздо большие муки приносило сознание того, где он очутился и что его теперь ждет.

Он попробовал сесть на столе и принялся массировать тело, как будто эта добавочная боль могла заглушить душевное смятение. Он обнаружил, что очнулся первым из двадцати, лежавших тут же и не подававших пока признаков жизни. В памяти всплыл набор букв… Фенрис… Название лежавшего за этими стенами мира. Но он понятия не имел, что представляет собой этот мир…

Отсек заполнился людьми в туниках; эмблемы на груди и спине указывали на принадлежность к службе порта. Они приступили к сложным манипуляциям, приводя в сознание неподвижных людей. Джоктар глядел на них, и глаза его застилала ненависть. Но ум игрока, оценив безнадежность ситуации, призвал его к благоразумию. Однако под маской покорности в нем крепло стремление бежать — не менее сильное, чем желание выжить.

К нему подошел охранник и, взглянув на щуплое тело юноши, усмехнулся:

— Похоже, Э-служба взялась за детей. Этот пар-

нишка сыграет в ящик еще до того, как начнется аукцион. Да и кто его купит, заморыша…

— А ну, бездельники, вставайте! — подхлестнул грубый окрик. Пленников выстроили в неровную цепочку. Принесли мешки с одеждой. — Давайте живее!

Отыскав свой узел, Джоктар влез в брюки, защелкнув пояс, сделавший еще тоньше его фигуру.

— Готовы? Теперь еда…

Они гурьбой повалили в соседнюю комнату, где каждый получил разогретый контейнер с густой массой. Ощутив вдруг зверский голод, Джоктар с жадностью набросился на эту полукашу-полусуп и вылизал все до дна.

— Теперь слушайте и смотрите сюда, — охранник ткнул пальцем в экран, засветившийся на противоположной от входа стене. — Запомните: на Фенрисе есть только два места, где можно выжить: порт и шахта. Побег равносилен смерти. Он сделал знак напарнику, тот поколдовал над проектором, и на экране замелькали картинки, одна страшнее другой. Казалось, они созданы чьей-то буйной и мрачной фантазией. Демонстрировались жуткие ситуации, в которых неминуемо оказывался незадачливый беглец.

Беззащитная фигурка путника, захваченного врасплох снежной бурей, сменилась крупным планом трупа, заледеневшего на смертельном морозе; далее последовала картина агонии беглеца, наткнувшегося на ядовитый источник. И еще не меньше десятка других ужасов, которые таит эта неуютная планета. Здесь нельзя было даже дышать в открытую: легкие быстро заполнялись кровью от микроскопических ран, нанесенных ледяными кристаллами. Вся эта фантасмагория была призвана потрясти воображение любого, в ком теплилась мысль о побеге.

Джоктар же, напротив, только укрепился в решимости бежать при первой возможности.

Наконец, зловещий экран погас.

— Сейчас вас ждет аукцион, — сообщил охранник. — Вас купят для работы в шахте. Старайтесь, не отлынивайте, беспрекословно подчиняйтесь правилам — только при таких условиях у вас будет надежда заслужить когда-нибудь свободу. А теперь — первый десяток, ко мне!

В этой группе оказался и Джоктар. Он стоял вместе с другими на возвышении, сооруженном посреди обширного зала. Зрители расположились вокруг, их было не более дюжины. Большинство, устроилось в удобных креслах, а нескольку об-

лаченных в меха мужчин держались отдельной кучкой, стоя у дальней стены. Чувствовалось, что для них здешняя обстановка непривычна.

— …прошли обследование и признаны годными для работы, — монотонно бубнил человек в форме Э-службы.

На помост вскочили охранники. Они бесцеремонно хватали пленников и вертели их в разные стороны, привлекая покупателей живым товаром.

— Откуда здесь взялся этот недомерок? — услышал Джоктар над ухом глумливый голос. — Разве по силам этакой мокрице настоящая работа?

— Не скажи, Ларе, — произнес сидевший в первом ряду толстяк. Подойдя ближе, он продолжал: — Иногда дистрофики выдерживают подольше иных здоровяков. — Он улыбнулся Джоктару и приказал: — А ну, покажи руки.

Юноша тут же почувствовал, как охранник схватил его за руки и вывернул их ладонями кверху. Покупатель потыкал пальцем:

— Мягковаты. Ну, не беда: они быстро превратятся в подошву, когда возьмут кирку. Я рискнул бы его взять, но разумеется со скидкой. — И он подтолкнул Джоктара обратно к кучке пленников.

Когда все в зале получили возможность оценить предлагаемый товар, объявили о начале торгов. Шахтовладельцы быстро раскупили эмигрантов; лишь Джоктар стоял в одиночестве, возвышаясь на своем деревянном пьедестале. Тут он увидел, как один из тех, что стояли у стены, вышел вперед, распахнув пушистую куртку и откинув со лба отделанный мехом капюшон.

— Десять отборных шкур, — его закаленный фенрианскими ветрами голос перекрыл негромкие реплики покупателей в креслах, лениво торговавшихся из-за Джоктара. Тот, что недавно интересовался его руками, вскочил, лицо толстяка исказил гнев.

— Почему сюда пустили это лесное чудище?

Человек в мехах упорно пробирался к помосту. Он подошел к Э-офицеру, глядя на него сверху вниз.

— Это Э-аукцион, верно?

— Да, — офицер явно был в замешательстве.

— Судя по объявлению, здесь все покупатели равны?

— Привилегий не имеет никто.

— Кто тогда решает мне назвать мою цену? Я сказал: десять шкур.

Он действительно чем-то смахивал на круп-

ного лесного зверя: ноги в меховых унтах слегка расставлены, корпус наклонен вперед, словно охотник изготовился к драке.

— Десять отборных шкур! — провозгласил аукционер на весь зал.

— Полсотни кредиток, — вступил в торг агент горнорудной компании.

— Пятьдесят шкур!

— Сто кредиток!

Воцарилась тишина. Выждав, офицер повернулся к охотнику: — Ты намерен продолжать?

Тот оглянулся на стоящих у стены приятелей, но их лица были непроницаемы. Тогда охотник развел руками и пошел на свое место. В спину ему неслись издевательские возгласы.

— Убирайся в свое лесное логово и лязгай там зубами на морозе! — прокричал фальцетом толстяк и повернулся к офицеру: — Так я беру его за сотню?

Так Джоктар стал собственностью горной компании. Вместе с другими новичками его накормили, показали койку и облачили в термокостюм. Слушая разговоры вокруг, реплики охранников, юноша старался не упустить хоть сколь-нибудь полезную информацию. Он принадлежал теперь к корпорации «Ярд-Неллис», приступившей к

разработке купленных ею недавно участков в предгорьях массива Камадор. Джоктар не мог забыть того, второго покупателя. Но сколько о нем ни спрашивал, выяснить сумел немногое. Охотников и шахтовладельцев разделяет старая вражда; один из них вступил в торг за Джонтара исключительно с целью вздуть цену и потрясти за карман толстосумов из компании.

Наутро их загнали в фургон, мощный тягач поволок его к шахте. Авиации здесь не было. В самом начале освоения Фенриса ее пытались использовать, но самолеты то и дело гибли из-за постоянных бурь, не поддающихся никаким прогнозам. Пришлось ограничиться допотопным наземным транспортом. Для расчистки от снежных заносов по трассам курсировали специальные патрули. Джоктар видел их множество, отметил он и то, что путевая охрана вооружена до зубов. Вряд ли бластеры и нидлеры выданы патрульным для усмирения буранов или расчистки сугробов…

Зачем же привлекать столько людей и средств на охрану в мире, где бегство, как их упорно убеждали, невозможно? Джонтара это всерьез заинтересовало.

Они покинули территорию порта, фургон стало

ощутимо потряхивать. Джоктар разглядывал своих попутчиков. Их было десятка полтора: дрифтеров, наркоманов, уже испытывавших «ломку» без желанной затяжки дурманящим дымом. Видно, приглянулись агентам компании и двое громил, по виду — настоящих убийц; скорее всего, они на Терре подвизались в охране какого-нибудь босса. Присмотревшись, Джоктар заключил, что несмотря на устрашающий вид, они трусоваты и никогда не отважатся на мятеж. Более вероятно, что эти двое будут правдами и неправдами добиваться доверия у новых хозяев и, того гляди, сделаются надсмотрщиками над собственными товарищами.

Постепенно эта разношерстная компания начала сбиваться в стайки. Весь фургон разделился на небольшие группы. Но Джоктар не примкнул ни к одной из них. Он видел, что самые отчаянные и жестокие уже угадали в этой массе друг друга — налицо зарождающаяся банда. Юноша мог бы справиться с любым из них по отдельности: искусство, отточенное в уличных стычках на Терре, выручило бы его и сейчас. Но никакие ловкие приемы не помогут одиночке против целой оравы головорезов.

День, проведенный в тряской колымаге, пока-

зался неимоверно длинным. Наконец, сгустились сумерки, тягач заглушил двигатель возле небольшой придорожной станции. После относительного тепла в фургоне стужа, царившая на улице, показалась нестерпимой. Мгновенно под одежду забрались тысячи ледяных игл.

Но вот дрожащих людей загнали под купол. Глядя на закоченевших попутчиков, Джоктар сделал небольшое открытие. Его термокостюм был ничуть не теплее, чем у всех остальных; у него не было мехов, в какие кутались охранники — и тем не менее холод донимал его гораздо меньше, чем других. Напротив, если на морозе его товарищи цепенели, он чувствовал прилив энергии.

Держа в руках очередной контейнер с той же тепловатой кашицей, он продолжал об этом думать. Память подсказала аналогичные примеры из его прошлого… Знойный Н-Йокский полдень. На улицах ни души, все укрылись в дома под защиту кондиционеров. На него же жара практически не действовала, он с удовольствием подставлял тело лучам полуденного светила… А взять тот случай, когда его, совсем еще ребенка, повар с пьяных глаз запер в холодильной камере. Слезы закапали из его глаз, но не от холода, который делал висящие на крюках туши тверже

дерева, а чисто по-детски он испугался темноты. Когда Мей, тогдашняя фаворитка Керна, обнаружила его, то чуть не хлопнулась в обморок. Но еще больше потрясло ее, что мальчуган с заиндевевшими от стужи волосами и ресницами самостоятельно выбежал из своей темницы навстречу свету и через минуту уже не вспоминал об этом приключении… И подобных эпизодов было в его жизни несколько. Джоктар не придавал им значения. И лишь теперь, собрав воедино разрозненные факты, рискнул предположить, что отличается от большинства людей тем, что сохраняет жизнеспособность в гораздо более широком температурном диапазоне. Быть может, это свойство сослужит ему службу в ледяной пустыне, если он надумает бежать отсюда?

Он настолько погрузился в эти мысли, что не замечал ничего вокруг. Вдруг кто-то с силой пнул его по вытянутой ноге.

— 3#, чего развалился?! Я тебе говорю, мозгляк!

Джоктар поднял глаза. Такого он ожидал, вопрос лишь — раньше или позже. Еще когда на его глазах сколачивалась в их среде банда, он знал, что будет дальше. Все было старо, как мир. Чтобы утвердить свое главенство, следует хорошенько запугать окружающих. Лучший способ — прице-

питься к одному и беспощадно его избить, тогда никто не захочет быть вторым… Они решили, что легче всего будет проделать экзекуцию над Джоктаром.

Волосатая рука протянулась к его груди, мясистые пальцы сгребли в комок куртку у ворота. Его рванули вперед сильнее, чем необходимо, так как ожидали, что он станет упираться. Юноша же мгновенно расслабился и не противился рывку. Для нападавшего такая тактика была необычна, но еще меньше вязался с его жестоким планом дальнейший ход событий…

Подув на расшибленные костяшки пальцев, Джоктар перепрыгнул через рухнувшее на пол тело и приготовился встретить другого верзилу, который, видимо, решил повторить попытку своего дружка. Но их сближение прервал раздавшийся от двери окрик:

— Прекратить!

Джоктар тут же почувствовал тиски силового поля. Он стоял, связанный им по рукам и ногам и молча смотрел на приближавшегося охранника. Тот ткнул в него пальцем:

— Пойдешь со мной. — В ту же минуту невидимые путы стиснули юношу еще сильнее. — В тебе, как я вижу, многовато энергии. Это хорошо,

на джампере нужен проворный грузчик…

Хотя прозвучавшее название ничего не говорило Джоктару, он сообразил, что здесь его путешествие прерывается, с запертым и охраняемым фургоном покончено. Не прибавится ли у него теперь шансов вырваться на свободу?

— А вы, — охранник вскинул руку, и силовые петли обрушились на эмигрантов с такой силой, что многие не устояли на ногах, образовав на полу стонущую груду тел. — Услышу хоть малейший шум, всем не поздоровится. Слышите, свиньи?.

Он подтолкнул Джоктара к выходу. На улице юноша увидел забавную машину: точь-в-точь как тот тягач, что тащил их фургон, только в несколько раз меньше.

— Смотри сюда, — охранник подвел юношу к мини-тягачу. — Это джампер. На нем возят продукты и другие грузы для разведчиков и старателей, работающих там. — Его рука указала на синеющие в сумерках горы у самого горизонта. — Не вздумай пытаться бежать, если не хочешь проститься с жизнью. У тебя ведь нет такого, — охранник хвастливо развел полы куртки, подбитой толстым мехом, и тут же торопливо запахнулся, спасаясь от прорвавшегося к телу лютого холода. — Термокостюм тебя не спасет: его

тепла едва хватит на время, нужное для погрузки джампера. А теперь приступай. Поглядим, что ты можешь, кроме как затевать драки.

Большая груда тюков и ящиков ожидала погрузки, Джоктар принялся один за другим отправлять их в люк машины. Поначалу мешки и ящики показались ему легкими, но заканчивал он погрузку весь мокрый от пота.

— Все? — охранник направился к люку. — Полезай, едем.

Машину рвануло вперед, новоявленный грузчик взмахнул руками, пытаясь за что-нибудь уцепиться. Видно, свое название машина получила не случайно: она то плавно скользила, то вдруг совершала бешеные скачки на выбоинах. Мешки и тюки, а вместе с ними и Джоктара, швыряло по всему кузову.

Несмотря на эту вынужденную гимнастику, юноша почувствовал, что в кузове холодновато — холоднее, чем было в их фургоне. Термокостюм, конечно, действовал — без него мороз попросту сжег бы его тело. И снова Джоктар с удовлетворением отметил, что его состояние вполне приличное. Правда, пальцы в тонких рукавицах мерзли, но они не занемели, полностью сохранив чувствительность.

Наконец, они остановились.

— Выноси грузы с красной меткой, — велел охранник. — Смотри не напутай, не то тебе придется делать все заново.

В открывшуюся дверь люка ворвался пронизывающий ветер, он швырял в лицо мириады колких снежинок. Глотнув этой адской смеси, Джоктар закашлялся, у него перехватило дыхание. Придя в себя, он взялся за работу. Охранник, нахлобучив меховой капюшон и натянув до самых глаз маску, встал с бластером наизготовку.

Бросив в его сторону короткий взгляд, Джоктар удивился: стражник ждал опасности не от него, а смотрел неотрывно в сторону гор, очертания которых неясно проступали в сумерках сквозь завесу из снега и ледяных кристаллов.

Джоктар перетаскивал мешки и ящики в небольшой купол — видимо, это был склад. Но вот грузы с красной меткой кончились. Он вскочил внутрь машины и дверца люка захлопнулась, лязгнул засов. Двигатель взревел, они тронулись. Юноша снял рукавицы и подышал на пальцы. Он вполне в состоянии это вытерпеть!

Мысли его обратились к джамперу. Скорее всего, в кабине двое — охранник и водитель. Оба вооружены, а у него — пустые руки, к тому

же дверь люка на запоре. Он перевел взгляд на груз: нет ли там чего-нибудь, что может ему пригодиться? Но сколько он ни старался, не смог вскрыть ни одного контейнера, не имея для этого инструментов. Да он особо и не надеялся: кто станет допускать невольника к оружию? Вооруженный раб — это уже мятежник.

Значит, предпринять попытку он может или во время прогулки, или когда представится более удобный момент. Его опыт игрока подсказывал, что за неудачами должна когда-нибудь начаться полоса везения. Он наблюдал случай, когда человек, попавший в такую полосу, начинал безошибочно угадывать раскладку карт в колоде. Подобное озарение иногда посещало и его самого. Но как научиться пробуждать в себе эту способность в нужный момент? Этого он не знал, этого не умел никто.

А пока остается ждать везения. Размышляя, юноша машинально растирал руки, словно перед крупной игрой, где от чуткости пальцев зависит все.

Постепенно он приспособился к неровному ходу машины. Им предстояло доставить остаток груза в какой-то отдаленный высокогорный пункт. Еще в порту Джоктар слышал, что жили-

щам и складам разведчиков постоянно угрожает опасность. От кого? Этого он не знал. Однако, понял, что работники компании, которые соглашаются жить и трудиться вдали от магистралей и крупных селений, не зря получают повышенные ставки. Это плата за постоянный риск…

Сколько времени живут там эти люди? И много ли их? Есть ли среди них эмигранты? Быть может, с такого горного пункта убежать легче, чем, скажем, с той же шахты?

Джампер вдруг круто затормозил. Патруль? Нет, юноша почувствовал, как то, что только что было полом, становилось стеной кузова. Машина переворачивалась, поначалу не слишком стремительно. Но вот она проехала на борту юзом и закувыркалась, все быстрее устремляясь в бездну. Джоктар, как мог, пытался смягчить удары тела о стены и днище, одновременно стараясь увернуться от мотающихся по всему кузову ящиков и мешков. Мелькнула мысль, что неуправляемая машина падает с какой-то горы. Эта мысль была последней. — в глазах у юноши потемнело, и он потерял сознание от осушительного удара…

Он лежал, боясь пошевелиться. Затуманенным беспамятством глазам постепенно возвращалась резкость. Темень, стужа. Он обнаружил, что коче-

неет. Он не знал, что бывает такой холод. Собрав всю волю, он слабо двинулся — кажется, кости целы. Ноги придавило какой-то тяжестью. Он с усилием вытянул из-под груды тюков сперва одну, потом вторую. Избитое тело ныло, невыносимо саднили царапины.

Он прислушался: двигатель молчал. Воздух в кузове терял последние остатки тепла. Страх подступил к горлу. Джоктар отчаянно забарабанил в стенку, но отклика не было. Почему-то он не удивился: шестое чувство подсказало, что снаружи нет живых.

Борта кузова стали совершенно ледяными. Если он не выберется отсюда, джампер станет его могилой. Должен же здесь быть еще один люк, аварийный? Он стал методично прощупывать и простукивать стены. И в той, что после падения машины оказалась у него над головой, одна панель слегка подалась. Подпрыгнув, он толкнул дверцу и расширил проем. Но за ним была чернота..

Вытянув руку, он тут же отдернул ее: исцарапанные пальцы обожгло прикосновение мерзлых кристаллов. Мгновенно на него обрушился огромный ком. Тогда он подтянулся и, кое-как укрепившись в проеме, принялся разгре-

бать руками засыпавший машину снег. Прошла, казалось, вечность, покуда в его глаза не ударил свет… Тяжело дыша, — .он уселся на кузов полузасыпанной машины.

Злополучная драка на стоянке произошла вечером. Первую остановку джампер сделал уже в глубоких сумерках. Сейчас небосклон посветлел, ночь кончилась. След упавшей с обрыва машины глубоко пропахал крутой заснеженный склон.

Джоктар снова принялся копать, стараясь добраться до кабины. Вот и она, сильно смятая мощным лобовым ударом. Скорее всего, джампер попал в лавину. Водитель и охранник были мертвы. Им уже не пригодится то, что может помочь Джоктару в борьбе за жизнь.

Солнце стояло высоко, когда юноша расчистил кабину от снега и сумел отворить заклинившую дверцу. Теперь у него была меховая одежда и оружие.

Меховой тулуп оказался велик, но, надетый поверх термокостюма, пришелся почти впору. Ноги до самых бедер обнял ворс меховых унтов. Бластер пришлось взять только один: тот, что принадлежал водителю, разбился во время аварии. Отыскав в кабине контейнеры с пищей, он насытился, остальное взял с собой. — Его

снаряжение довершили силовой тесак, карта местности и кое-какие полезные мелочи, найденные у погибших.

Исследовать груз он не стал, все равно много вещей на себе не унести. Быть может, удастся вернуться сюда потом, когда у него появится надежное убежище. Впрочем, не исключено; что к тому времени компания отыщет свой пропавший джампер…

Пока что хлопоты с машиной и снаряжением целиком поглощали его внимание. Но вот все уложено, делать здесь больше нечего. Джоктар огляделся.

Снег ослепительно сверкал в холодных лучах фенрианского светила. Громоздившиеся вокруг горы молчали, слышался лишь тоскливый вой ветра среди уродливых скал. И тут Джонтара остро пронзило одиночество. Хотя он ни с кем в своей жизни не сблизился настолько, чтобы назвать кого-то другом, все же всегда рядом были люди — в Сан-Споте, в тюрьме, в фургоне, даже в джампере. Теперь же он был один, совсем один. Только неугомонный ветер теребил мех его длинного тулупа…

Желание найти людей казалось неодолимым. Но ведь это означало возвращение в ту же нево-

лю, из которой он чудом выбрался. Тогда он высоко поднял голову и взглянул в лицо одиночеству так же упрямо и твердо, как смотрел всегда в лицо опасности. Не обращая больше внимания на порывы кинжального ветра, он зашагал в лежащую у подножия горы неширокую долину.

Казалось, она совсем близко, но шел час за часом, а вокруг по-прежнему тянулись скалы. Стало темнее, или глаза заволакивает пелена усталости? Он поднял голову. Солнце, еще недавно игравшее в искристых льдинках, теперь едва угадывалось за тучами. Скрип снега под ногами подчеркивал наступившую недобрую тишину. Даже ветер стих, будто притаившись перед смертельным прыжком. Буря! В памяти тут же замелькали кадры устрашающего урока, преподанного новичкам на Э-станции. Необходимо срочно где-нибудь укрыться, иначе — гибель.

Перед ним выросла груда смерзшихся камней — следы давней лавины. Обогнув препятствие, он взглянул вперед и не поверил собственным глазам: неподалеку курился дымок! Рука скользнула к бластеру. Люди? Еще один склад разведчиков? Он вооружен, и ему нужно убежище. Переведя бластер на ближний бой, он двинулся на призывный дымок.

До боли в глазах всматривался Джоктар в ледяную пустыню, но нигде не было ни намека на человеческое жилье. Порыв снова набравшего силу ветра бросил ему в лицо клочья дыма. Он вдохнул отвратительный запах гнили, тут же его горло, ноздри и глаза нестерпимо обожгло. Он никак не мог унять кашель, разрывавший легкие. Его согнуло пополам от мучительной рвоты. Он ослабел, от дурноты не спасала даже маска, частично сдерживающая атаку едких испарений.

Джоктар понял, куда попал. В поисках жилья он угодил к ядовитому источнику. Все вокруг — снег, почва под ним, даже камни — было отравлено и несло смерть. Груды белевших тут и там костей — все, что осталось от неосторожно зашедших сюда людей и животных.

Очередной приступ кашля свалил ослабевшего Джонтара с ног. Сорвав с лица маску, он зачерпнул пригоршней снег и прижал его ко рту. С трудом поднявшись на четвереньки, он уползал прочь от губительного гейзера, пока не наткнулся на острые сучья кустов. Силы окончательно оставили его, безвольное тело сползло по склону в неглубокую ложбину. Здесь было тише, кусты как-то защищали от разыгравшейся пурги. Он услышал свое хриплое от ядовитых ожогов

дыхание. Жив! С усилием сел, прислонив спину к подветренному склону расщелины. Ему снова повезло: здесь можно переждать бурю.

Ветер окончательно рассвирепел: его пронзительный свист закладывал уши, парализовывал мозг. Сознание сосредоточилось на одном: спастись. Джоктар завернулся в тулуп, спрятал в мех ноги и руки, надвинул как можно ниже капюшон и свернулся клубком. Вскоре он погрузился в забытье — полусон, полубеспамятство…

Он приходил в себя не менее мучительно, чем когда его оживляли по прибытии на Фенрис. То же окоченение, та же кинжальная боль от пульсации крови. Джоктар не мог даже подозревать, что до него ни один человек не выжил, застигнутый под открытым небом фенрианской бурей. Его воля к жизни оказалась сильнее беспощадной стихии!

Выбравшись из-под пластов снега, Джоктар развязал непослушными еще пальцами мешок и достал саморазогревающийся контейнер с чем-то, похожим на мясо. Эта пища из неприкосновенного запаса джампера была специально нашпигована витаминами и калориями. Она быстро отогрела его, желудок ощутил приятную тяжесть. Переборов разгулявшийся аппетит, он

убрал контейнер с недоеденным мясом в мешок.

Надо было двигаться дальше. Кругом топорщились кусты, и пробираться между ними приходилось ползком. Ни ветерка, безмолвие пустыни нарушалось только шуршанием одежды да скрипом снега.

Ползти оказалось трудно. Кусты, преграждавшие путь, не возможно было сломать, они были тверже камня. Пришлось выжигать себе дорогу бластером. При этом Джоктар постоянно помнил, что у бластера и у силового тесака запас энергии ограничен, он экономил снаряды, как только мог.

Ослепленный вспышками собственных выстрелов, он не сразу понял, что выбрался на открытое место. Туч на небе не стало, но оно сделалось свинцово-серым. Надвигались сумерки. В этом безрадостном свете утесы, окаймлявшие долину, казались особенно мрачными. Следовало подумать об убежище для ночлега.

Он двинулся по заснеженной равнине. Нависшая над нею тишина была не менее зловещей, чем неистовый грохот бури. В этой исполинской леденящей чаще, где тут и там курились смертоносные дымки, он был единственным живым существом. Его грудь снова стиснуло мучитель-

ное сознание одиночества. На много миль вокруг не было ни птиц, ни зверья — ничего, что могло двигаться, смотреть, чувствовать.

Отчаяние, сковавшее его, было настолько сильным, что пришла мысль вернуться туда, на трассу, к месту аварии. В плену этого искушения он даже остановился и оглянулся назад, на цепочку собственных следов. И тут тишину нарушил грозный рокот, многократно усиленный горным эхом.

Над ущельем, где он только что прошел, встало белое облако. Лавина! Он стоял и смотрел, как между ним и джампером стремительно вырастает ледяная стена.

Подавленный, Джоктар бесцельно продолжал шагать по долине. Впереди голубела заросшая кустарником узкая низина, но его не привлекало новое сражение с неподатливыми сучьями. И он повернул к черневшему слева утесу. Каждый шаг давался с трудом, налипший на унты и тулуп снег тянул к земле, к тому же разболелась голова.

Еще один мощный удар лавины сотряс горы. Толщи снега навсегда похоронили маленький джампер…

Вдруг совсем рядом он увидел то, что давно искал: укрытие. Под огромным камнем темнел

вход в пещеру, и, сжав в руке бластер, он бросился к спасительной щели. В этот миг что-то стремительное и беззвучное прыгнуло ему навстречу. Он не погиб только потому, что оружие было наготове. Вспышка бластера — и он упал под тяжестью свалившегося на него громадного зверя. Хищник был уже мертв, но огромные когти продолжали конвульсивно впиваться в мех тулупа. Джоктар лежал, придавленный тушей, вдыхал запах паленой шерсти и не мог поверить, что остался невредим.

Когда силы вернулись, он выбрался из-под неподвижного тела и стал рассматривать поверженного хозяина пещеры. Тот был страшен. Два ряда острых зубов белели в оскаленной пасти. Четыре широченные лапы с огромными когтями позволяли животному и лазать по скалам, и передвигаться, не проваливаясь, по глубокому снегу. А шерсть — густая, голубоватая — как нельзя лучше маскировала зверя в этой белой пустыне. Но самым поразительным были глаза. Они состояли из десятков отдельных линз, причем каждую окаймляли густые ресницы. Одни были широко распахнуты, другие — сомкнуты.

Видимо, таким образом хищник мог регулировать остроту и угол зрения. Плотно прижатые к

крупной голове небольшие уши едва выступали из густого серебристого меха. Зверь одновременно напоминал и медведя и исполинскую кошку. Так или иначе, для всего живого это была смерть, молниеносная и беспощадная.

Джоктар разогнулся, одернул искромсанную на спине и плечах шубу. Рана на туше еще дымилась, источая острый запах. Осторожно подойдя ко входу в пещеру, юноша пригнулся и, переведя бластер на режим непрерывного излучения, направил его в темнеющий провал. Внутри полыхнуло, запахло горелой плотью. Он забрался внутрь в выволок оттуда бесформенный ком.

Надо было обживать отвоеванное убежище. Силовым тесаком он нарубил охапку сучьев и разжег в пещере костер. Затем выбрался наружу и пошел к туше. Запах уже не вызывал отвращения. Вкус высококалорийных концентратов, найденных в джампере, успел уже приесться — ему хотелось свежего мяса. Сняв с пояса тесак, Джоктар неумело вырубил кусок, показавшийся наиболее мягким, отнес в пещеру, разрезал на части и нацепил мясо на сук. Затем он водрузил импровизированный вертел над костром.

Жаркое местами обуглилось и по вкусу явно уступало тому, что ему доводилось есть в ре-

сторанах Сан-Спота. Тем не менее он с волчьей жадностью рвал зубами кусок за куском, пока не прикончил все. Тут же он зажарил еще одну порцию, которую убрал в мешок. С его пальцев и губ стекал теплый жир. Он хорошенько умылся снегом и присел у огня.

Он жив и невредим. Он сумел справиться со множеством нешуточных опасностей. У него есть оружие, хотя питание в бластере кончалось и скоро он станет бесполезен. В мешке лежали припасы с джампера. И еще там лежала карта.

Он достал ее и стал изучать в мерцающем свете костра. Толстая линия, огибающая заштрихованные участки неправильной формы, была, скорее всего, дорогой от порта к шахтам, вьющейся среди гор. А эти пунктиры — должно быть, пути к складам. В конце одного из них — красный крестик. Не тут ли он разгружал джампер? Поодаль стоял другой крест, он мог обозначать второй пункт, до которого они так и не доехали. Где-то здесь, между двумя красными значками, лежит теперь под снегом джампер. Хотя такое толкование карты казалось правдоподобным, полной уверенности все же не было.

Зато он с горечью убедился, что нигде, кроме порта и шахт, не было убежища для человека.

Идти туда — значит предать свою свободу. Но нельзя же вечно жить в этой пустыне одному, без людей…

Куда идти? На запад, по основной трассе? Но там полно патрулей, его быстро обнаружат и схватят. Ловушки расставлены беглецу и в порту, и на шахтах, и на придорожных станциях. Оставались поселения разведчиков. Он так ничего и не разузнал о них. Сколько людей в жилом куполе? Часто ли им привозят снаряжение и припасы? Есть ли в куполе связь с конторой компании? Наконец, сумеет ли он найти хоть один из них в необъятной пустыне?

Греясь возле костра, Джоктар почувствовал растущую в груди уверенность: он выжил, он сыт, он не раз уже вышел победителем в схватке со смертельной опасностью. Он не намерен сдаваться!

Ночь прошла тревожно: запах убитого зверя привлекал многочисленную живность. Тишину то и дело оглашали рычание, визг, рев сцепившихся возле пещеры хищников, глаза разъяренных зверей сверкали из тьмы. Они, бесспорно, ждали, когда потухнет костер. Джоктару пришлось сесть с бластером наизготовку и до утра подкармливать огонь мертвыми сучьями.

Но с рассветом все утихло, даже ветер не еро-

шил своим ледяным дыханием гривы снежных дюн. Вокруг пещеры темнело множество больших и маленьких следов, валялись окровавленные клочья рыжей, бурой и голубой шерсти. От туши зверя остались жалкие обрывки шкуры да гигантский объеденный череп…

Джоктар покачал головой и взвалил на плечи мешок. Куда идти? Он считал, что джампер погребен на севере и направился в ту сторону. Снова впереди заклубился ядовитый дым. Чтобы обойти смерть, пришлось карабкаться по заледенелым дюнам. И когда наст не выдерживал, юноша по горло проваливался в рыхлый снег.

Он медленно пробирался по бескрайней белой пустыне. Ни одна птица не показалась в холодном небе, ни одно животное не промелькнуло поблизости. Ночные хищники укрылись в своих норах. Никого…

Стараясь не поддаваться гнетущему чувству одиночества, Джоктар ускорил шаг, стремясь к чернеющим вдали утесам. Там, за ними, должна лежать дорога, по которой давным-давно, целую вечность тому назад он ехал в тряской машине.

Снова навалилось отчаяние. Он остановился, пытаясь перебороть себя. Потерять присутствие духа — значит, сыграть на руку тем, кто ждет

его в шахте и на дорогах, чтобы схватить и вернуть в рабство. Для него одиночество оказалось страшнее всех ужасов этой планеты, которыми их запугивали, чтобы лишить надежды на побег.

День шел на убыль, когда Джоктар достиг утесов. Облюбовав камень поудобнее, он сел и стал есть. Сжевав запасенное в пещере мясо, он разгрыз таблетку концентрата. От усталости и обильной пищи клонило ко сну. Но прилив решимости вернул ему силы, он двинулся дальше.

Вскоре он выбрался на дочиста вылизанное ветром каменистое плато. Джоктар устремился к другому его краю, откуда, по его расчетам, должен открываться вид на лежащую в межгорьях долину.

Она раскинулась внизу, отгороженная от мира высокими скалами. И потому, что ветер сюда не проникал, каждая неровность на белоснежной глади выделялась графически четко. И тут Джоктар разглядел след. Он тянулся, то пропадая, то проступая вновь, среди деревьев в небольшой рощице.

Как магнитом потянуло его к этим следам. Он бежал, не разбирая пути, падал, полз, снова бежал, покуда не смог ощутить руками две глубокие борозды — следы какой-то машины. Но рядом,

рядом! Тянувшиеся вдоль борозды вмятины могли быть только отпечатками человеческих ног… У него сжалось горло. Он глубоко вдохнул морозный воздух и двинулся по этим следам. Сперва они петляли между деревьями, потом вывели его из рощи и повернули на север, где высились горы.

Белое солнце уже опустилось совсем низко, наступал вечер. Джоктар почти бежал вдоль следа, пока не очутился в какой-то низине. Силы постепенно оставляли его: все тело болело, легкие со свистом заглатывали воздух, сердце бешено колотилось, глаза резало от искрящегося снега. Едва держась на ногах, он добрел до какого-то камня и прислонился к нему, широко открыв застланные пеленой глаза. Он не знал, когда появился здесь этот след. Может быть, сразу после бури, а она утихла почти сутки назад. В таком состоянии ему ни за что не догнать того, кто прошел по этим местам…

Пещер поблизости не оказалось, юноша укрылся в заросшей кустарником расщелине и немного поел. Он обязательно должен выспаться этой ночью. И, свернувшись клубком, как во время бури, Джоктар уснул, не обращая внимания на тишину и стужу.

Его потревожил непонятный звук, прорезавший тишину спящих гор. Он с трудом разлепил непослушные ресницы и прислушался. Снова лавина? Не похоже. Что же нарушило его предрассветную дрему? Рычание зверя? Крик человека?

Он взялся за мешок. Еды почти не осталось, вечером он прикончил последнюю порцию мясного концентрата. Теперь вся надежда на след. Он приведет его туда, где есть пища и убежище.

Джоктар выбрался из кустарника и снова двинулся по следу. И тут, словно обухом по голове, ударила мысль: в том ли направлении он идет? А если этот человек шел в противоположную сторону? Постояв несколько минут в нерешительности, юноша упрямо тряхнул головой и продолжил прежний путь. Без припасов ему не выдержать обратной дороги: только вперед — и да будет с ним удача!

Фортуна не оставила его, он уверился в этом, наткнувшись на следы чьей-то стоянки. Незнакомец устроил привал довольно комфортабельно: под защитой каменной насыпи чернело пепелище костра. Скинув рукавицы, Джоктар погрузил руку в золу: еще теплая! Страха больше не было: он идет верно, его бластер пока действует. Остается только догнать того, кто прокладывает перед

ним ровный след.

Теперь, когда нужда в спешке отпала, юноша решил экономить силы. Но тянулся час за часом, а впереди не было видно ничего, кроме все тех же следов. Затем ему повстречалась дневная стоянка незнакомца. Терранец сделал короткий привал тут же, у еще тлевшего кострища. По всем признакам их разделяли два-три часа пути. Преодолеет ли он этот разрыв к ночи?

Густые сумерки уже спустились на равнину, когда узкое, как нож, ущелье огласил грозный рык:

— Ар-р-р-х…

Это никак не походило на человеческий голос. Вспомнив таившуюся в пещере белую пушистую смерть, Джоктар замер и потянулся к оружию.

Но вместо рева изготовившегося к атаке хищника он услыхал характерный треск бластера. Камень в нескольких футах от него задымился и почернел от удара пущенной человеком молнии.

Не раздумывая, юноша метнулся в сторону, упал и перекатился за груду камней. Это было весьма призрачной защитой против бластера.

— Эй, выходи!

Приказ был произнесен на языке Терры, смысл его был ясен. Но Джоктар, вместо того, чтобы

повиноваться, еще плотнее вжался в мертвую почву.

— Я сказал, выходи, эй, снупер!

Окрик гулким эхом отразился от стен ущелья. Тут же последовал выстрел, камни задымились вокруг места, где залег Джоктар.

Он уже оправился от неожиданности и пытался разобраться в ситуации. Похоже, здесь была устроена засада: человек был готов к нежелательной встрече и ждал ее. Разве стал бы действовать столь скрытно служащий компании, имевший все права и полную свободу передвижения в этих краях? Вспомнилось обилие оружия у патрулей, опасливая настороженность погибшего охранника. Кого, кроме редких зверей, могли так бояться люди компании? Почему-то всплыл образ охотника, пытавшегося купить его на аукционе…

Размышления прервал новый выстрел. Заряд угодил совсем рядом, кажется, Джоктару даже опалило ресницы. Ему ничего не оставалось, как подчиниться.

Подняв руки, он вышел из-за своего укрытия. Никакого движения впереди, где прячется стрелок — неизвестно.

— Ну, я вышел. Что тебе нужно?

— Ничего, снупер. Я не хочу иметь никаких дел

с такими, как ты, прихлебателями компании, — ответил голос из-за камней.

Джоктар сообразил, что на его одежде нашиты эмблемы горнорудной корпорации.

— Я не из компании, — сбивчиво заговорил он, — эту одежду я снял с…

Но тот же голос оборвал его:

— Ты, кажется, дождешься, что я сожгу тебя. А ну, положи свой бластер туда, на тот красный камень и возвращайся, откуда пришел. Живее, черт побери! — Возле правой ноги юноши расцвела ослепительная вспышка, зашипел снег.

Руками, непослушными скорее от гнева, чем от страха, Джоктар отстегнул с пояса бластер и отнес его к камню. Затем он угрюмо побрел назад, прикусив губу от ярости.

Его вынудили лишиться оружия, которое в этом мире помогало удерживаться на грани, разделявшей жизнь и смерть.

Судя по всему, незнакомец не следил за ним. Подавленный, юноша вернулся к месту своего короткого дневного привала. Силы окончательно иссякли, идти он больше не мог, тем более, что надвигалась ночь. Он вымотался настолько, что уже не думал о человеке с бластером, который мог подстерегать его за каждым камнем. Натас-

кав сучьев, он развел костер, чтобы отогреть измученное тело. Только взглянув случайно на побелевший рукав тулупа, он понял, что снова идет снег. Установившееся после бури недолгое затишье кончалось, до слуха донесся вой ветра в горах.

Соорудив из горящих веток факел, Джоктар стал осматривать отвесные утесы в поисках укрытия. Его внимание привлекла едва заметная трещина, настолько узкая, что в нее едва проходили пальцы. Чуть повыше виднелась новая трещина, за ней еще одна… Они были удивительно прямыми, такого не Могла сделать природа! Здесь потрудились люди, и потрудились не на шутку, прорубая в камне глубокие борозды. Зачем? Это, скорее всего, была своеобразная лестница. Да, да, лестница — ведь в щели можно вставлять колья, а по ним взбираться все выше и выше! А если колья потом убрать, стена снова станет неприступной для любого, кто не владеет ее секретом.

Лицо беглого эмигранта искривила ухмылка, которую при всем желании нельзя было счесть довольной улыбкой. Его сумели обезоружить, но он нашел лестницу, которая наверняка ведет к тайной тропе там, наверху. Воспользовавшись ею, он избежит засады в злополучном ущелье.

Джоктар вновь недобро усмехнулся. Еще поглядим, чья возьмет!

Завтрашний день решит все. А сейчас — спать. Забившись между высоких камней, он уснул. Все сильнее завывал ветер, запорашивая снегом следы, в, которых была вся его надежда…

Утро началось с поиска сучьев, способных выдержать его вес. Набрав несколько штук, он начал подъем, последовательно вынимая нижние опоры и перенося их все выше. Оказалось, что желобки тянутся не до самого верха. Они привели к узкой полке, заметить которую снизу было невозможно. По этому выступу, врезанному в тело утеса, можно было передвигаться только на четвереньках, придерживая цеплявшийся за неровный свод мешок. Впрочем, Джоктар не забыл вытащить все колышки из щелей в отвесной стене. От дувшего навстречу ветра глаза его слезились, губы растрескались. Прицепленный на место бластера силовой тесак то и дело стукался о камни. Присматриваясь к углубленному в скалу карнизу, Джоктар увидел следы древних орудий. Эту первобытную дорогу прорубили аборигены Фенриса в незапамятные времена. Их, похоже, не смущало, что передвигаться здесь можно только почти ползком. Но каково было юноше преодоле-

вать таким образом этот нескончаемый путь!

— Выходит, я вернулся к образу жизни далеких предков, — пробормотал Джоктар, стараясь не думать о сбитых об острые камни коленях и окровавленных ладонях. Он получал сейчас наглядный урок древней истории…

Вот уже триста лет терранцы занимались исследованием Галактики. На нескольких планетах были найдены следы цивилизаций, угасших задолго до того, как на Терре возникла жизнь. Были также обнаружены четыре разумные расы, две из них — гуманоидные. Но посещение этих миров было под запретом, так как открытые цивилизации еще не были готовы к выходу в космос.

Некоторые ученые настаивали на гипотезе, что некогда существовала могущественная раса, подчинившая себе всю Галактику. — Многие необычные явления и предметы, обнаруженные на разных планетах, объявлялись следами этой сверхцивилизации. В большинстве же своем научный мир склонялся к версии, что наш звездный мир состарился и теперь лишь кое-где теплится разумная жизнь, когда-то буквально кишевшая чуть ли не вокруг каждого светила. Теперь населенные когда-то планеты стали голыми и безжизненными, а разумная жизнь для нашей

Вселенной — скорее исключение, чем правило…

Джоктару вспомнились слышанные от космопроходцев рассказы о загадках иных миров, фильмы, где показывали удивительные здания, на стенах которых были изображены не менее удивительные существа, даже отдаленно не походившие на людей.

Не исключено, что и эту тропу сделали такие же странные существа. Она вовсе не предназначалась для передвижения двуногих гуманоидов. Размышляя обо всем этом, юноша упорно продвигался вперед, то и дело стукаясь головой о нависавший над ним каменный козырек. В какой-то момент удары прекратились: потолок явно повышался. Скоро Джоктар смог встать во весь рост. Он устремился вперед, изредка поглядывая на лежащую внизу долину.

Вот он, красный камень, возле которого ему устроили засаду. Джоктар лег, опасаясь снова быть замеченным. Узкая долина впереди расширялась; там в лучах солнца блестело скованное льдом озеро, окруженное зарослями кустов и деревьев.

Неподалеку от него возвышался курган, наверняка воздвигнутый когда-то руками разумных существ. Это было поистине грандиозное соору-

жение: склоны сплошь выложены каменными плитами высотой в человеческий рост. Они были довольно грубо обтесаны, но пригнаны друг к другу удивительно точно. Пологость кургана перерастала наверху в высокую отвесную стену. Это была настоящая крепость, способная защитить от любой опасности. Нижние плиты наполовину погрузились в землю, значит, каменная цитадель стоит здесь много веков. Но и сейчас она обитаема!

Над курганом вился дымок. Джоктар вспомнил ядовитый источник. Нет, на сей раз здесь, несомненно, человеческое жилье. Сверху были видны хижины, разбросанные внутри крепостной стены; вокруг жилищ сновали человеческие фигурки. Отсюда не было возможности рассмотреть этих людей. Но и этого расстояния было ясно, что хижины не похожи на жилые купола горных рабочих. Это было государство в государстве, крепость во вражеском стане. Этим людям повезло, что на Фенрисе не используются самолеты и коптеры. Иначе с этим оплотом несогласных было бы быстро покончено с помощью нервно-паралитического газа или включенного над крепостью вибратора. Но авиации не было, и здесь можно было жить, не завися от боссов горных предпри-

ятий. С ними, как догадался Джоктар, обитатели крепости постоянно враждовали.

Где-то здесь наверняка живет и тот, кто подстерег возле красного камня Джоктара. Ему же было необходимо вернуть свой бластер и заодно выяснить, от кого скрываются эти люди.

Вечерело. Призывно мерцали в лагере огоньки костров. Это не только тепло и пища, это людское общество. Однако Джоктар понимал, что идти в крепость рискованно. Вряд ли его там ждет радушный прием, а в худшем случае чужака просто-напросто убьют. Он пошел по тропе дальше по склону утеса, мимо крепости. Через некоторое время тропа повернула вниз, в долину.

Но очень скоро пришлось остановиться: впереди была бездна. Джоктар лег ничком и начал шарить руками по отвесной скале. Так и есть, щель! Хорошо, что колышки он уложил в свой мешок. Спуск был легче, чем подъем, и занял меньше времени. Добравшись до подножия утеса, он оказался в небольшой пещере.

Утомленное и израненное тело требовало отдыха. Разжигать костер, находясь довольно близко от крепости, юноша не рискнул. Спал он беспокойно: мутили кошмары. Снова и снова лез он по отвесному утесу, а вокруг вонзались в камень

вспышки бластера.

Его разбудили гулкие удары собственного сердца. Голова раскалывалась от боли, пережитое во сне волнение теснило грудь. Чтобы стряхнуть наваждение, он выполз из пещеры.

Стояла глубокая ночь, фенрианская луна сияла на черном небосклоне, заливая призрачным светом одетую в снежные покровы планету.

Терранец внимательно осматривался, пытаясь найти способ скрытно подобраться к кургану. Но ничего не приходило в голову; в любом случае его выдадут собственные следы на рыхлом снегу долины. Вдруг послышался какой-то звук. Джоктар весь подобрался: это хрустел снег под ногами. А вот и негромкие голоса. Сюда идут люди!

Он осторожно выглянул из-за камней. На фоне рощицы чернел силуэт вышедшего из нее человека. Он обернулся и призывно махнул кому-то. Джоктар присмотрелся: у этого парня был ворп! Из тени деревьев появился еще человек — снова ворп! В сравнении с этим, самым страшным из всего арсенала Терры оружием, бластер просто игрушка. Применять ворп могли только патрули, да и то в самых исключительных ситуациях. На каждый ворп выдавалось властями специальное разрешение, за каждый выстрел владелец

отчитывался.

Вслед за вооруженными таким образом мужчинами появились еще двое. У них, как и у товарищей, на ногах были широкие пластины, позволяющие ходить по глубокому снегу. Последний из четверых тащил за собой низкую тележку с полозьями, оставлявшими на снегу такую знакомую Джоктару сдвоенную борозду!

Они подошли ближе, до пещеры донеслись обрывки разговоров.

— …хорошо придумано…

— Они надолго зарекутся устраивать свои склады на западе, если мы ограбим хоть парочку. Охранники и нос высунуть побоятся.

— Верно! — со смехом проговорил кто-то. — Руз нас прикроет в случае погони. Он здорово сообразил надевать на ноги лапы зазаара. Увидев такие следы, эти трусливые шакалы забьются обратно под свой купол. Они и так боятся отходить далеко от своей дороги.

— А где парень, которого Меррик встретил сегодня в долине? — озабоченно спросил другой голос.

— Меррик его сегодня поймает. Он решил сначала дать снуперу вдоволь побегать и хорошенько устать. Так что скоро чужак будет у нас.

Послушаем его басни, прежде чем поступить как обычно.

— Не понимаю, как он прошел почти до лагеря и мы его не заметили?

— Меррик говорил, что он весь в лохмотьях. Похоже, их джампер накрыла буря. Если это и случилось, то вечером, и в темноте он просто заблудился и потерял дорогу. Ну, хватит гадать, скоро он сам все расскажет.

— Верно, не будем забывать о своем деле.

— То-то и оно, нам ведь нужно успеть до рассвета.

Джоктар задумчиво проводил взглядом небольшой отряд, который вскоре потерялся среди деревьев. После недолгих колебаний юноша избрал ход, достойный игрока — он двинулся следом!

Через некоторое время он сидел высоко на перевале, спрятавшись в расщелине. Где-то внизу затаились те четверо, их белая меховая одежда была неразличима на снегу. Неподалеку виднелся небольшой жилой купол. У входа качалась на ветру лампа, отбрасывая блики света на колею джампера, огибавшую полукругом купол.

Джоктар в ожидании дальнейших событий думал о расположившейся внизу четверке и их

товарищах в лагере. Ясно, что горные компании — отнюдь не полновластные хозяева планеты. Есть люди, по их меркам — преступники, бросившие вызов промышленникам. Единственная ли это организация, или в других местах есть еще враги компаний — этого юноша не знал. Но он точно знал, что эти люди — терранцы. Как они оказались здесь: на Э-корабле или как-то иначе? На многие свои вопросы Джоктар пока не имел ответа.

Еще в Сан-Споте ему доводилось слышать о восстаниях на дальних планетах. Властям противопоставляли себя организации, объединявшие весьма разношерстную публику. Одни оставляли цивилизованный мир ради погони за приключениями. Упорядоченный уклад терранского общества был не по душе разного рода авантюристам и преступникам, тихая комфортная жизнь была скучна и для отставных звездолетчиков. Они-то и бежали на другие планеты, где сколачивалась колония (или банда — кто как считал) свободных от законов людей. И горы Фенриса, несмотря на ужасный климат планеты, для подобной колонии были просто идеальным убежищем.

Мысли прервал скрип полозьев: четверка под-

везла свою тележку к самому перевалу. Один направился прямо к укрытию Джоктара. Но не доходя нескольких шагов, он остановился и стал раздеваться. Сбросив на снег свою шубу белым мехом наружу, он надел поверх термокостюма теплое пальто, украшенное эмблемами компании. Затем нахлобучил на голову капюшон, а нижнюю часть лица скрыл под толстым шарфом.

Переодетый таким образом, человек вышел к следу джампера и преобразился: он шел шатаясь, то и дело падая на снег. Затем с трудом поднимался, брел вперед и снова падал… Как ни критически оценивал Джоктар актерский талант незнакомца, он не мог не признать, что уловка весьма удачна: наверняка обитатели купола бросятся на помощь служащему компании, потерпевшему аварию в пути. Тем временем оба ворпмена спрятались по обе стороны от входа в купол. Их товарищ продолжал представление. Вот он вполне натурально упал и надолго замер, уткнувшись лицом в снег. Затем стал делать отчаянные, но безуспешные попытки подняться. Джоктар с одобрением отметил, что сцена исполнена блестяще — похоже, эти трюки проделываются не впервые.

Наконец, в спектакль включились новые персонажи. Двое в термокостюмах выбежали из купола. Тут же один из налетчиков юркнул в открытую дверь и запер ее за собой. Как только первый их тех, кто вышел на помощь, приблизился к лежащему, тот сделал неуловимое движение (Джоктар владел этим приемом), и его спаситель оказался в снегу. Второй ошеломленно застыл на месте.

В окошке купола трижды мигнул огонь. Увидев сигнал, вперед выступили двое с ворпами в руках, направив черные дула на хозяев купола.

— Ни с места, иначе смерть!

Только безумец будет спорить с ворпом. Увидев страшное оружие, люди компании замерли. Лежавший на дороге налетчик поднялся и стал отряхиваться. А тот, кого он так ловко уложил в снег, нервно воскликнул:

— Лесные звери!

Налетчик усмехнулся:

— Хочешь, чтобы я разорвал тебе пасть, дабы научить вежливости? Мы не звери, а свободный народ Фенриса, понял? — Он улыбался, но голос таил угрозу.

— Свободные люди в форме компании… — проворчал другой, дрожа от холода в термокостюме.

— Почему бы и нет? — весело отпарировал «артист», щегольским жестом поправляя пальто. — Отличная одежда. Передайте мою похвалу Наоласу, он может гордиться… Теплая одежда да необходимые припасы нужны не только людям компании, но и нам. За этим мы и явились. Шевелитесь, ребята, ведите нас в купол. Поглядим, чем вы богаты.

Налетчики вместе с жертвами скрылись за дверью. Джоктар вскочил: он должен успеть к повозке. Оружия там, конечно, нет. Но он видел какие-то мешки и надеялся пополнить оскудевшие запасы пищи. Но ограбить грабителей он не успел. Из купола кто-то вышел, и юноша мгновенно спрятался за куст.

Сквозь ветки он видел, как налетчик убрал оружие в кобуру, ему некого было здесь бояться. Джоктар было напрягся, но, Измерив глазами расстояние, сник: пока он будет ломиться через кустарник, его без труда уничтожат. Юноша схватил свое единственное оружие, силовой тесак, и нажал кнопку на рукоятке, проверяя энергию.

Человек быстро подошел к повозке, взялся за шнур и, оторвав успевшие примерзнуть полозья, потянул к куполу. Разочарованный Джоктар не двинулся — умением терпеть и ждать он овладел

в совершенстве.

Налетчик скрылся в куполе, но от повозки юношу отделяло теперь гораздо большее расстояние. Вдруг он услышал отдаленный гул и уловил сотрясение почвы. Сюда ехала какая-то машина, скорее всего, джампер.

Его экипаж вооружен, налетчики вот-вот окажутся в капкане…

Джоктар раздумывал: если встретить сейчас джампер и предупредить его команду, налетчики наверняка будут побеждены. Но сможет ли он рассчитывать на благодарность победителей?

Он не знал, чью сторону принять. Одни могли отправить его в рабство на шахту, другие уже отняли у него бластер и, судя по подслушанному разговору, не намерены быть к нему благосклонными. Так и так его участь будет плачевна. Не лучше ли выждать и понаблюдать за развитием событий? Ведь может случиться, что они перебьют друг друга и в наилучшем положении окажется он, призвавший в союзники здравый смысл.

Мозг все еще взвешивал каждый из вариантов, а Джоктар уже действовал. Он прекрасно понимал, что его поступки не имеют ничего общего со здравым смыслом…

Его руки зачерпнули снег, пальцы сжали белые крупицы в плотный комок. Джоктар, не знавший игр с детства, невольно слепил снежок — оружие тысяч поколений терранских ребятишек.

Перебросив холодный ком с ладони на ладонь, юноша швырнул его с меткостью, приобретенной благодаря упражнениям в метании силового стилета. Снежок со стуком расплющился о стену купола. Этот звук произвел не меньший эффект, чем залп бластера. Один из налетчиков выскочил с ворпом в руках и залег за тележкой.

Услышав явственный теперь шум мотора, он пронзительно свистнул.

Второй ворпмен метнулся наружу, бегом пересек поляну перед куполом и взял оружие наизготовку. Они не собирались бежать, к немалому удивлению Джонтара, грабители были полны решимости драться.

Третий выскочил и спрятался за деревом. Купол словно поджидал гостей. В гостеприимно распахнутых дверях стоял человек в пальто с эмблемами компании.

Джампер затормозил. Из кабины выскочил охранник и направился было к куполу, но приостановился. Его, по-видимому, смутила необычная тележка. Рука потянулась к бластеру, но в

тот же миг его сразил меткий выстрел из засады. Оглушительно шарахнул ворп. Гирлянда молний прожгла джампер у самого днища, металл потек, словно воск. Из кабины высунулось дуло бластера, но снова прорычал ворп — и кабины не стало.

Джоктар восхитился профессионализмом нападающих. Всего несколько минут назад он запустил снежок в купол, а теперь джампер был покалечен, экипаж частью уничтожен, частью пленен и препровожден в купол. Победители залезли в развороченный кузов, бегло осмотрели груз и перенесли на тележку два больших ящика.

Джоктар внимательно наблюдал за человеком в одежде компании. Тот остановился у купола и долго рассматривал отпечаток снежка на стене. Затем повернулся, как бы пытаясь определить возможную траекторию. Казалось, он смотрел прямо на Джонтара! Юноша всем телом вжался в снег. Но человек уже присоединился к своим товарищам, стал вместе с ними выносить из купола тюки и грузить их на тележку.

К полудню работа была закончена. Одетых в шубы пленников вывели и привязали к обгоревшему джамперу. Затем захватчики направили

оружие на купол и через несколько минут он был разрезан на бесформенные куски. Компания могла теперь вычеркнуть из описи имущества машину и склад…

— Слушайте свой приговор, — один из налетчиков обратился к пленникам. — Мы могли бы вас сжечь, как поступили бы вы, случись поменяться ролями. Но вам дается шанс. Мы уходим. Если сумеете освободиться, доберетесь до следующего склада, он цел пока еще. Кто из вас выживет, пусть передаст Ансону Бургу, что скоро в этих горах не останется ни одного его купола!

Не вслушиваясь в неразборчивые стенания и проклятия связанных, двое впряглись в тележку, ворпмены встали по бокам.

Отряд тронулся, и его путь лежал точнехонько туда, где затаился Джоктар.

Он попытался встать, но тело не слушалось: от долгого лежания в снегу оно одеревенело. Пытаясь скрыться, он пополз глубже в кусты, и тут же рявкнул ворп.

Беглеца спасло то, что пальто сидело на нем свободно. Заряд попал в рукав, лишь слегка зацепив плечо. Но и этого оказалось достаточно, чтобы Джоктар, мыча от жгучей боли, покатился по снегу. Услышав совсем рядом крики и треск

сучьев, понял: бежать поздно, его заметили. Вся левая сторона тела онемела, рука висела плетью. Но правой он потянулся к тесаку. Затуманенными от боли глазами увидел, как кто-то раздвигает ветки кустов. Оскалившись по-звериному, попытался поднять тесак.

— Вот он!

Благодаря новому усилию силовое оружие поднялось еще на дюйм, но вдруг вылетело из его руки, выбитое метким выстрелом.

Джоктар почувствовал, что сейчас потеряет сознание от новой волны нечеловеческой боли. Он привалился здоровым плечом к скале Зачерпнув рукой снег, приложил его ко лбу в надежде, что холодное прикосновение поможет победить парализующую слабость.

— Никак еще один? — в лицо юноше смотрел черный глаз ворпа. — Волоки его сюда, поглядим, что это за птица.

Он крепко сжал зубы, чтобы не крикнуть от боли, когда его схватили. И еще он изо всех сил старался не упасть, остаться на ногах.

Человек в одежде компании пристально посмотрел на Джоктара и покачал головой:

— Он не из этих. Погляди на следы: парень шел за нами.

— Зачем?

— Это он пусть скажет сам. Берем его с собой.

— Но как же.

Налетчик в чужом пальто, вероятно, старший отряда спросил, глядя на юношу:

— Это ты подал нам сигнал снежком?

— Я, — вымолвил Джоктар и упал на колени: ноги больше не держали его. Еще немного — и он свалился бы в пропасть, но его подхватили чьи-то сильные руки. Снова тело пронзила боль, которую он уже не смог вынести. Больше он ничего не помнил…

Он понял, что движется куда-то. Скрипели полозья. Он открыл глаза и увидел, что лежит в повозке на каких-то не слишком мягких тюках. Резкой болью отзывались в теле рывки и сотрясения.

— Ну что, проснулся? — кто-то наклонился над ним. Повернув голову, он встретил взгляд того, в пальто с эмблемами.

— Я не с шахты, — едва шевеля губами, пробормотал Джоктар. Он заставил себя выговорить эти, казавшиеся крайне важными, слова.

— Тогда ты нарядился не в ту одежду.

— Так же, как и ты, — Джоктар попытался иронически усмехнуться, но лишь болезненная

гримаса тронула его губы.

— Однако… — не ожидавший такой реплики, человек даже споткнулся. Но тут же продолжал расспросы:

— Ты из людей Скена? Или Кортоски? Тогда это не ваша территория.

— Я эмигрант, — голос юноши постепенно окреп. — Был грузчиком в джампере и вот сбежал…

— А где же джампер? — в вопросе явно сквозило недоверие.

— Попал в лавину. Водитель и охранник погибли, а я сумел выбраться из кузова. На мне шуба охранника.

— Ну и история! Интересно, с каких пор эмигрантами становятся дети? — Он отбросил капюшон с лица Джонтара и посмотрел ему прямо в глаза, сердито и недоверчиво.

— Мне больше лет, чем кажется. Да и когда Э-служба особенно разбиралась с теми, кто попадется в ее сети? Впрочем, и здесь то же самое — ведь Ярд-Неллис купила меня без всяких колебаний.

— Трудно верится во все это. Но если ты сказал правду, то ты молодец, что сумел выбраться из серьезной передряги. С какой планеты тебя, гово-

ришь, привезли?

Джоктар прикрыл глаза. Разговор отнимал больше сил, чем у него было. Затем тихо сказал:

— С Терры. Еще мы зовем свой мир Терраном… — Произнося это, он не открывал глаз и потому не увидел, какое неподдельное удивление вызвал его ответ…

Вероятно, он какое-то время снова находился в забытьи.

Когда стало возвращаться сознание, первым его ощущением было приятное тепло. Не беспокоила и болезненная тряска — значит, его уже не везут, и он в помещении. Открыв глаза, он сразу же зажмурился от яркого света атомной лампы.

Его устроили возле стены, обросшей мхом. Крыша в хижине была низкая, ее сплели из каких-то гибких прутьев. Джоктар шевельнулся на своем ложе и хотел потянуться, но почувствовал, что не может двинуть левой рукой, хотя боли не было.

Чья-то рука поправила на его забинтованной груди меховое пальто. Он посмотрел. Лицо, свободное теперь от капюшона и маски, густо покрывал знакомый терранцу вечный космический загар. Как оказался здесь зведолетчик?

— Мне сказали, что ты с Террана, — незнакомец говорил отрывисто и властно. — Какой

порт? Мелвамбе? Варрамура? Н-Йок?

— Точно, Н-Йок.

— Джет-Таун?

Услышав вопрос, Джоктар понял, что этот человек знаком с улицей. Может быть, ему известна и тайная жизнь «верхнего» города? Он осторожно ответил:

— Я был дилером у Керна.

Видел ли он когда-нибудь это лицо в переулках Джет-Тауна или в игорном зале? Пожалуй, нет. Тем более его удивила уверенная реплика незнакомца:

— Керн… Сан-Спот?

Ничего не скажешь, этот человек неплохо знал и «верхний» город. Допрос между тем продолжался.

— «Трехмерное пространство»? «Звезда — Комета»? «Один-два»?

— «Звезда — Комета».

Незнакомец глянул с сомнением:

— Ты слишком молод для такого стола.

Всю боль и отчаяние последних дней вложил Джоктар в резкую отповедь:

— Слушай меня, летчик. Я проработал за этим столом пять лет. Если ты знаком с Керном, то должен знать, что какой-нибудь недотепа не

продержался бы у него и одного месяца.

Летчик вдруг расхохотался:

— Поделом мне: нельзя задевать профессиональную честь. Да, я знаю Керна и вынужден поверить, что ты специалист высокого класса. А что до твоего возраста… — он потеребил подбородок и смерил юношу оценивающим взглядом, — что ж, в бизнесе для всех находится место. Как твое имя, дилер?

— Джоктар.

Брови звездолетчика поползли вверх: — Просто Джоктар? Ну и имечко… Где ты только его получил?

— А где ты получил свое?

Летчик раскатистым смехом показал, что оценил ответ, и вдруг произнес: — Гафл сендзи корг а клайвун…

Эти звуки ничего не говорили Джоктару, но в мозгу что-то отозвалось. Может, как раз в той, заблокированной зоне его сознания? Там, где похоронена память о детстве? Превозмогая слабость, он приподнялся на локте.

— Что ты сейчас сказал?

Летчик нахмурился, взгляд его стал ледяным.

— Если ты не понял, мои слова не имеют для тебя значения. Выходит, ты здесь из-за обыкно-

венной Э-облавы?

Кивнув, юноша снова опустился на постель. Он был заинтригован, и то, что собеседник увел разговор в сторону, его разочаровало. Но летчик, словно не замечая обиженного вида Джоктара, настойчиво расспрашивал его до тех пор, пока не узнал всю жизнь юноши, включая похождения на Фенрисе.

— Я гляжу, ты очень везучий.

— А ты, гляжу, поверил всем моим россказням, — Джоктара утомили дотошные расспросы, его терпение висело на волоске.

Летчик снова расхохотался:

— Мальчик, ты бы не смог солгать при всем своем желании. Ведь когда ты начал просыпаться, я дал тебе порошок истины.

Здоровая рука юноши гневно сжалась в кулак.

— А иначе нельзя было? — голос был тихим и ровным, но глаза извергали молнии.

— На этой планете — нельзя, если не хочешь нарваться на лазутчика компании. Принять что-нибудь на веру — значит, попасть в лапы к промышленникам.

Хотя объяснения летчика выглядели убедительно, ярость Джоктара не остыла.

— Кто ты такой? — процедил он.

— Мое имя Рисдайк. Но оно тебе ничего не скажет.

Не в силах побороть искушение побольнее уколоть летчика, Джоктар спросил:

— Вычеркнут из списков?

Потемневшее лицо Рисдайка показало, что стрела попала в цель. Но он сумел сдержаться и ответил почти спокойно:

— Ты угадал, вычеркнут.

Затем, вставая, бросил:

— Отдыхай. Позже с тобой поговорит шеф.

Уходя, он выключил атомную лампу, чтобы Джоктар мог уснуть. Но сон не шел к юноше. Он рылся в памяти, как игрок в колоде карт, пытаясь найти счастливую комбинацию. Но как ни бился, связной картины не вырисовывалось.

Смутно, как в полузабытом сне: большой звездный лайнер, женщина, произносящая какие-то слова, то ли ему, то ли сама себе… О чем она говорит? Об осторожности, об опасности, которая исходит от больших мужчин в красивой форме.

Что это были за люди? Полиция? Может, они были в серо-серебристом, как тот офицер на Э-станции? Наверное, наркотик, названный летчиком «порошком истины», что-то сдвинул в его памяти, разбудил отголоски упавших на самое

ее дно впечатлений. Он твердо знал, что серая форма — опасность, он ее ненавидит и боится. Но почему?

Откуда-то пришла уверенность, что летчик знает что-то такое, что могло бы отдернуть таинственную завесу в его сознании. Ему что-то говорили звуки имени… Рисдайк… И этот странный язык… В каком мире узнал его космопроходец?

Он сказал непонятную фразу после того, как юноша назвал себя. Джоктар никогда особо не задумывался о своем имени. Большинство людей носят двойные имена, это так. Но на улице, где он рос, хватало короткой клички Джоктар… знакомое сочетание звуков как-то по особому звучало, гулко отдаваясь в усталом мозгу, который уже погружался в сон.

Два последующих дня юноша напрасно ждал Рисдайка, чтобы спросить его о многом, но тот не приходил. За Джоктаром — не слишком умело, но старательно — ухаживал незнакомый мужчина. Он был не словоохотлив, лишь иногда бросал короткую фразу насчет погоды в долине. Но стоило Джоктару случайно упомянуть о хищнике, напавшем на него из пещеры, как «сиделка» преобразился: он обрушил на юношу поток самой разной информации о животном мире Фенриса,

о нравах и повадках здешнего зверья.

Слушая Руза, Джоктар все яснее понимал: то, что его путешествие было более или менее благополучным — редчайшее, дьявольское везение. Чем иначе объяснить, что новичок, незнакомый с особенностями Фенриса, сумел пережить и страшную бурю, и нападение зазаара?

— По твоим поступкам ясно: ты — прирожденный охотник, — заявил Руз. — Когда твоя рана затянется, я возьму тебя на настоящую охоту.

— Разве вам не хватает того, что есть на складах компании, которые вы грабите?

— Нет, мы должны охотиться. Даже для того, чтобы купить оружие и снаряжение, необходимое для успешного налета, нужны деньги. Наши деньги — это пушнина. Кроме меня, здесь еще пятеро охотников, а сбытом мехов занимается шеф: уж он не — продешевит, торгуясь со скупщиком.

— Спасибо за хорошую аттестацию, Руз.

Джоктар узнал голос, хотя никогда не видел лица его обладателя. На пороге хижины стоял налетчик, возглавлявший нападение на склад. Тот самый, что переодевался в форму компании. Он был на несколько дюймов выше Рисдайка, суше и стройнее, чем увалень Руз. Вошедший присел на край постели Джоктара.

— Я слышал, ты решил идти с Рузом в горы?

— Не сомневайся, шеф, парень хорош, — горячо заговорил охотник. — Ведь он выдержал бурю и победил зазаара!

Шеф задумчиво кивнул:

— Ты прав, Руз. Он хорош настолько, что это мне кажется даже странным Впрочем, каких чудес на свете не бывает… Кауто файврил оруто…

Опять слова на непонятном языке, и опять они что-то всколыхнули в мозгу Джоктара.

— Я не понимаю…

Шеф разочарованно вздохнул:

— Выходит, ты не… Жаль. Хотя… Может, со временем прояснится? Как знать… Ну ладно. Зашел тебя поблагодарить за снежок, которым ты так вовремя запустил в склад. Догадываюсь, что ты не в ладах с компанией, так?

— Зачем ты спрашиваешь? По-твоему, я мог поступить иначе?

— Если бы ты их предупредил, то получил бы свободу.

— Ты это серьезно?

Уловив в голосе юноши сомнение, шеф улыбнулся:

— Ты прав, вряд ли их благодарность была бы настолько щедрой, это не тот народ…

— Я так и понял, улица научила меня не верить властям.

— Твой опыт тебя не подвел. К тому же тебе сверхъестественно везет. Один из тысячи ухитряется убежать, а среди беглецов только одному из пятисот удается прожить больше недели.

— Да, нелегко тебе пополнять, свою банду.

— Среди нас только двое эмигрантов. Остальные: или свободные охотники, или люди без прошлого.

— ?...

— Они никому не обязаны объяснять, кем были раньше и почему оказались здесь.

— Всех вас объединяет ненависть к компании?

— Не к компании, — покачал головой шеф. — Без шахт Фенрис остался бы голой пустыней. Но у промышленников грабительские, варварские методы. Шахты занимают ничтожную часть территории планеты. Компании добывают и вывозят алибит. И все. Больше они ничего не хотят знать. Их не устраивает, что на Фенрисе живут еще люди. Они гоняют туда и обратно корабли, но не привозят ничего, что нужно нам. Под их нажимом наложен запрет на посещение планеты туристами, торговыми кораблями. Такая изоляция позволяет им нещадно и безнаказанно

эксплуатировать эмигрантов.

Ведь если рядом с шахтами вырастут города свободных людей, будет налажено регулярное сообщение Фенриса с другими мирами, компаниям понадобится в сотни раз больше охраны и дорогих заградительных устройств, чтобы не дать разбежаться эмигрантам. А сейчас лучший сторож — сама планета, где человек может существовать только в порту или на шахтах.

Им нужен и только алибит. А нам нужно, чтобы это была планета для людей. Да, климат здесь суров, долгая зима жестока. Но второе поколение поселенцев уже сможет жить в этих условиях. Человек — очень приспособляемое существо, и ты пример этому. И кое-чему другому…

— Чему именно? — Но пролить свет на туманные намеки собеседника Джоктару не удалось: шеф резко поднялся и покинул хижину.

Кодированная связь между Кронфильдом и Морле.

М: Разведчики ни при чем, они вышли на нашего человека случайно. Тот, кто взял диск, действительно был уверен, что наш предмет причастен к смерти напарника. Он служит в Третьем секторе, никогда не имел контактов с Пятым сектором, никогда не видел Леннокса. Этого

человека можно исключить из нашей схемы.

К: Радует хоть то, что схема сократилась на одну позицию. Ты внедрил агента к Керну?

М: Попытался. Керн — один из тех боссов, у которых в руках и улица, и власти. Даже служба порта предпочитает не связываться с ним.

К: Кто все же спровоцировал Э-Облаву?

М: Темное дело. Началось, вроде бы, с благословения самого Керна: ему хотелось убрать кого-то, кто вышел из доверия. Но затем события повернулись неожиданно для него: Э-люди устроили чистку по всем правилам. Знаю абсолютно точно, что избавляться от нашего предмета босс не хотел, он внес за него выкуп, как и еще за десятерых, схваченных в облаве.

Об истории предмета: Худд разнюхал, что когда-то у Керна появилась женщина с малышом. Она оказалась больной и вскоре умерла, якобы от своей болезни. Так это или нет — не столь важно, теперь. Ясно: ребенок тот самый. А есть ли сообщение с Фенриса?

К: Его пытался купить с торгов человек Тома, но вынужден был отступиться, чтобы не привлекать к себе внимания. О нашем предмете предупреждены охотники. На планете кое-что готовится, быть может, когда каша заварится, удастся под

шумок вытащить парня оттуда. Поступила непроверенная информация о появлении какого-то весьма бойкого молодого человека. Если это наш, то мы еще намучаемся с ним. Но заполучить его мы должны, чего бы это ни стоило. А дубы в мундирах только ставят нам палки в колеса, чтоб они сгорели!

Сообщение в офис Тарбанд Майнинг Компании, Проект 65, Фернис.

Склад в Голубых горах разгромлен шайкой преступников. Собираемся организовать карательную акцию. Можем ли мы рассчитывать на помощь патруля?

Ответ из офиса:

Не предпринимайте никаких акций. Ситуация изучаете Комитетом в Центре. Нельзя допустить шума. Запомните: никакого шума, пока на Локи находится советник Куллан.

— Саммс настаивает на встрече. С той поры, как он прикончил Рэймара на поединке и стал во главе банды Кортоски, все было спокойно. Теперь он надумал собрать Большой совет.

Джоктар стоял за дверью своей хижины; его не видели те, кто слушал крупного мужчину, собравшегося, судя по экипировке, в дальний путь.

— Люди Саммса уже миновали Пять Пиков. Они

ждут нас и представителей Эберса. Саммс желает общего разговора. Он уверяет, что продумал для нас великолепную…

— Может быть, Хоган, это то, что нам нужно? — вмешался Рисдайк. — Вспомни: Рэймар был слишком несговорчив. Он хотел быть сам по себе, чтобы ни с кем не пришлось делиться. Похоже, что Саммс смотрит на дело иначе.

— Значит, Саммс и Эберс… — размышлял вслух шеф, он же Хоган. — Думаю, встретиться будет не вредно. Послушаем, что нам предложат — последнее слово все равно за нами. Хотелось бы думать, что там все чисто. Давайте прикинем: к моменту встречи наш отряд будет где-то на Ривер Айленд. Погода, — он посмотрел на небо, — вроде, не должна испортиться. Значит, встреча состоится через три дня, так и передай его людям, Марко. Тебя будут сопровождать двое с ворпами. Это на тот случай, если нам подстраивают ловушку.

В дверную щель Джоктар видел многозначительные ухмылки на лицах собравшихся. Он понял, что здесь люди испытывают друг к другу доверия не больше, чем в Джет-Таунских переулках. Затем все разбрелись, возле хижины остались только Хоган и Рисдайк.

— Что ты об этом думаешь? — спросил летчик.

— Саммса до его поединка с Рэймаром поддерживал Неркс.

— Подожди, но ведь Неркс перебежал на сторону компании! Он трясется от страха, что за предательство получит пулю, и не высовывает носа из Харбанда. Не подозреваешь ли ты, что и Саммс решил перекинуться? Не потому ли посылаешь с Марко ребят с ворпами?

— Все может быть, — лениво проговорил шеф и крикнул: — Джоктар!

Юноша открыл дверь хижины и встал на пороге.

— Думаю, бой, — обратился к нему Хоган, — тебе знакомы подобные проблемы, на улице они сплошь и рядом. Слушай. К северу от нас базируется банда Кортоски. Ее шефом был Рэймар. Не бог весть какой стратег, но хороший драчун, умел держать своих людей в страхе. Потом в банде появился такой же везучий беглец, как ты. Говорят, этот Саммс — из третьего поколения колонистов Марса, это помогло ему быстро освоиться в здешних условиях.

Саммс сколотил в банде группу своих приверженцев, в их числе был парень по имени Неркс. Он отлично думает, умен, но по натуре не вожак. Многие его недолюбливали: было в нем что-то

такое… Четыре месяца назад отряд, который вел на дело этот самый Неркс, попал в засаду. Это была, безусловно, заранее расставленная ловушка. Теперь Неркс живет вместе с людьми компании — и, по слухам, живет припеваючи.

— Он заложил своих? — Рисдайк не мог этому поверить.

— Выходит, так, — пожал плечами Хоган. — Но слушай дальше. Вскоре Саммс вызывает Рэймара на поединок, убивает его и становится предводителем банды.

Шеф поднял глаза и в упор посмотрел на Джонтара.

— Что подсказывает тебе твой опыт, бой?

— Мне кажется, что Саммс — подсадной.

— Кем же, по-твоему, и для чего он подослан? — за ленивой интонацией шеф, как показалось юноше, скрывал заинтересованность.

— Понятно кем, компанией. Ясна и цель: захватить верх в банде и сдать ее. Или сделать так, чтобы в стычках уничтожить другие сообщества свободных людей.

— А Неркс?

— Наверняка его напарник, засланный раньше. Он прижился в банде, потом появился Саммс и стал бороться за лидерство. Подставив под бла-

стер свой отряд, Неркс убил двух зайцев: и банду ослабил, и передал компании информацию от Саммса.

Хоган довольно рассмеялся. Рисдайк же, напротив, все более мрачнел по мере того, как осмысливал предположения Джонтара..

— Не стоит пренебрегать мнением знатока Джет-Тауна Что сделал бы Керн в подобной ситуации?

Джоктар пожал плечами, но тут же поморщился: он забыл, что левое плечо ранено.

— Тут масса вариантов. Для такого босса, как Керн, они оба, со всеми своими хитростями, — открытая книга. — И юноша рассказал, как хозяин Сан-Спота — великий мастер интриги — принимал осложнение какой-нибудь акции не с огорчением, а с радостью и интересом. И как безотказно всегда действовал запущенный Керном механизм самой сложной операции.

Рисдайк медленно проговорил:

— Выходит, если Саммс приглашает нас в долю…

Но Хоган перебил:

— Если он умен, то предложит нам стоящую совместную операцию. Не станем уклоняться от участия в Большом совете, но и об осторожности

не забудем. — Затем шеф повернулся, к Джоктару: — Мой юный друг, нужна твоя помощь. Выросший на улице мыслит иначе, чем обычный охотник. Ты должен сам посмотреть на Саммса. Твое мнение о нем и его предложениях может послужить нам на пользу. Постарайся стать на ноги за эти дни, ты пойдешь на Совет вместе с нами.

Через три дня небольшой отряд вышел в путь. Он, в основном, состоял из незнакомых Джоктару трапперов, первых поселенцев Фенриса. Еще были с ними два старателя, не выдержавшие конкуренции с монополией. Юноша знал в отряде лишь троих: охотника Руза, отставного космолетчика Рисдайка и самого шефа. Он был когда-то в Сиваки торговцем, но когда компания закрыла порт для гражданских кораблей, Хоган разозлился и ушел в горы.

Вскоре отряд разделился. К месту переговоров Джоктар шел вместе с Хоганом, Рисдайком, Рузом и траппером по имени Толкус.

Но юноша догадывался, что впереди и позади их скрытно сопровождают остальные.

Погода была на редкость хороша, ни ветерка. Джоктар даже снял с лица маску. Они вошли в небольшой лесок. Солнце играло на стволах деревьев. Наверное, подумалось юноше, в летнюю

пору Фенрис выглядит гораздо приветливее, чем зимой. Их тропу пересекала другая. Руз осмотрел ее и объявил:

— Лэмби, бык. Очень большой.

— Давно он здесь прошел?

Траппер встал на колени, чуть ли не обнюхивая вдавленные в снег огромные следы.

— Не больше часа тому назад.

— А наши парни, — заметил Рисдайк, — что идут впереди, миновали это место часа два назад. Но они настороже, их не застать врасплох ни зверю, ни человеку.

Но тревога Руза росла.

— Раз бык идет по следу человека, значит, он бешеный. Может быть, его ранил какой-нибудь мазила. Эти идиоты охранники с перепугу готовы палить во все, что движется. А раненый лэмби, тем более бык, смертельно опасен для любого, кто попадется на пути.

— Что ж, Руз, проследи за этим, — распорядился Хоган. — Дальше нас поведет Толкус. Мы не можем всем отрядом заниматься одним спятившим быком.

Руз быстро ушел вперед. Делегация двинулась за вторым охотником, внимание которого было приковано к сбитым с деревьев и валявшимся на

снегу сучьям.

Рисдайк на ходу просвещал Джоктара:

— Теперь этот недобитый бык будет кидаться на любого встречного человека, или на то, что пахнет человеком. Он может сутками идти по следу, устраивать в кустах засады, покуда не вонзит рога в свою жертву. Он движется абсолютно бесшумно, поэтому первый раунд обычно остается за ним. Если рядом есть еще люди, они расстреливают быка-убийцу.

— Но жертве на это уже наплевать, — меланхолично заметил Джоктар. Вспомнив, как на него прыгнул зазаар, юноша добавил: — Я чувствую, здесь хватает подобных маленьких сюрпризов?

— Даже с избытком, — кивнул Хоган. — Тем более важно, чтобы первая встреча с лэмби стала для него последней. Что и говорить, этот мир мало приспособлен для беззаботных наслаждений.

— Но разве не может он стать приемлемым для тех, кто решил здесь жить? — Рисдайк изо всех сил отстаивал Фенрис.

— Ты считаешь, что для этого нужно совсем немного: пообрубить щупальца компаний, сделать планету открытой для всех, так? — В голосе Хогана зазвучали знакомые ленивые нотки. — По-твоему, стоит добиться этого и планета

превратится в рай? — допытывался шеф.

— А тебе, я вижу, в это не верится? — Рисдайк улыбался, но за его улыбкой пряталась злость.

— Могущество слов так же хорошо известно, как разница между мечтой и реальностью. — Шеф заговорил задумчиво и серьезно. — Допустим, мы объединимся и заставим монополии признать наши права, а то и вовсе убраться с планеты. Но и тогда она не станет раем, как не стали им другие населенные миры. Не эти, так другие люди будут домогаться прав на богатства Фенраса. Из свободных охотников выделятся пушные россы, из старателей — крупные промышленники, из мелких торговцев — влиятельные коммерсанты. И со временем хозяевами здесь станут новые монополии, тягаться с которыми мелким предпринимателям будет не под силу — их тихо сомнут. А потом придет час, когда на планете будет продана с торгов шкура последнего зазаара; алибитовые россыпи, которые сейчас у самой поверхности, исчезнут, а мощное оборудование для разработки глубоких недр окажется по карману только крупным компаниям…

Хоган ненадолго умолк, словно давая слушателям возможность возразить ему, но все молчали, подавленные мрачными прогнозами. Поправив

на лице шерстяную маску, шеф продолжал:

— Нравится нам это или нет, но история имеет свойство повторяться. Новые лидеры поведут новые поколения людей по той же старой дороге, через те же ошибки, те же подъемы и спады, победы и поражения… Человек просто не может жить иначе. Предложите ему другой путь — и он его, скорее всего, не примет. Он раз за разом будет проходить один и тот же предначертанный цикл, пока не исчезнет с лица вселенной, так же бесславно, как те, что были до него.

— Ты имеешь в виду тех, кто построил курган и крепость, где разбит наш лагерь? — спросил Джоктар.

— Угадал. Я уверен, что этот форт — оплот владевшей когда-то этим миром могущественной монополии, благоденствию которой угрожали разные оборванцы и преступники. Этот волчий мир всегда был таким. В жестоком климате выживают только жестокие люди, с жестокими нравами. Эта крепость — памятник вечной вражде жестоких людей, которыми двигали те же стремления, что и сейчас: стяжать и защищать от других то, что получено стяжательством…

Треск и шипение, раздавшиеся неподалеку, мгновенно подтолкнули всех троих к действию.

Еще не растаяло в окрестностях эхо, а Джоктар уже стоял за деревом, росшим среди густых кустов. Шеф и летчик молниеносно скрылись из виду, словно их испарил ядерный взрыв, угроза которого в давние времена переполняла ужасом население Терры. Но этот страх не помешал все же разгореться атомной войне. Она унесла многие миллионы людей, но те, кто выжил, были или самыми сильными, или самыми предусмотрительными. Из них сложилось новое общество, которое не разделяли бедность и богатство. Каждый мог добиться денег или славы собственными силами и умом. Это было общество, ценившее индивидуальность личности, общество, достойное своей миссии покорителей Галактики.

...Она еще дымилась, испепеленная зарядом бластера, — ветка дерева, стоявшего в том месте, до которого их троице оставалось сделать один единственный шаг. Джоктар вспомнил, что он безоружен и что одна его рука действует пока неважно. Может, здесь охотятся на лэмби? Но ни один из них не похож на быка... Кто-то подкарауливал здесь их делегацию с бластером в руках. Джоктар еще старательнее слился с деревом: он не хотел стать мишенью для неизвестного стрелка.

Кто стрелял? Может, это член их же банды, пожелавший занять место босса, но избравший для расправы с Хоганом более коварный способ, чем открытый поединок? Юноша покачал головой: везде и всюду было так же, как на улицах Джет-Тауна — хитрость и предательство, подлость и коварство. И побеждал, как правило, не самый сильный, а самый хитрый и коварный.

Где сейчас оба его спутника? Затаились, как он сам, или обходят невидимого врага с тыла? Нигде ни звука, ни малейшего движения.

Чуть слышно скрипнул снег. Джоктар затаил дыхание, боясь выдать себя облачком пара, вырывавшимся из-под маски в морозном воздухе. Снова хрустнул снег. Юноша повернул голову на звук. Какая-то фигура сливалась с тенью густого кустарника, но это не было человеком. Мелькнуло серо-голубое… Мех? Щетина? Шерсть? На мохнатой голове торчат острые рога, два по бокам, третий посередине. И со всех трех свисают красные клочья свежей плоти. Эти рога убивали, убивали совсем недавно.

Глубоко посаженные глаза зверя настороженно бегали… Джоктару почудилось, что скрывший его ствол дерева вдруг стал стеклянно прозрачным. Животное двигалось медленно, но отнюдь не бо-

язливо. Следом за головой из кустов показались поросшие шерстью могучие плечи; длинные ноги оканчивались острыми копытами, как и рога, несущими смерть. Наконец, бык вышел на тропу, его ноздри возбужденно раздувались.

Зверь поравнялся с деревом, где стоял безоружный юноша. Никогда еще не ощущал он такого страха, как в этот миг. Страха, который парализует волю, расслабляет мышцы, подавляет всякую способность к сопротивлению. Бык медленно миновал дерево. Оцепенев, Джоктар глядел вслед ему, не веря еще своему спасению: зверь преследовал кого-то другого!

Видимо, животное учуяло запах этого другого: бросившись огромными прыжками вперед по тропе, бык резко свернул затем в сторону и стал продираться сквозь густой кустарник. Треск ломаемых сучьев почти заглушил треск бластера. И тут же из кустов донесся отчаянный вопль. Зверь? Человек? Снова выстрел — и снова крик, крик живого существа, которому в эту минуту предстоит умереть…

Запах паленой шерсти донесся до Джоктара. Он помчался по следу быка, туда, где только что кто-то (КТО?) нашел свою смерть.

Бык проломил своим телом коридор в сплош-

ной стене твердых, как железо, сучьев. Нырнув в этот тоннель, юноша через минуту был на месте трагедии. Заряд бластера почти полностью сжег голову зверя, а под его гигантской тушей лежал человек. Руз и Хоган пытались освободить придавленное тело. Откуда-то появился Рисдайк.

— Кто, Толкус?

— Помогите-ка, — бросил Хоган. Сообща они столкнули с лежащего тяжеленную тушу. Хоган откинул капюшон с лица человека. Джоктар видел его впервые.

— Кто же это? — недоуменно спросил Рисдайк.

— Никогда его не видел, — пожал плечами Руз.

Хоган перевернул тело: на запятнанной кровью одежде эмблем компании не было. — Кто же его послал в засаду на нашем пути? — размышлял вслух Хоган. — Саммс? Эберс? Или еще кто-то, кому я стал поперек дороги?

— Только не охотник, — горячо заговорил Руз, — Ты же знаешь: ни один траппер не поднимет на тебя руку, шеф!

— Надеюсь, — голос Хогана звучал чересчур лениво для такой ситуации. — Но бывает всякое. Ясно одно: он готовил смерть или мне, или вам. Я могу даже предположить, что и быка сюда специально приманили, чтобы уничтожить нас.

Злоумышленник не мог предвидеть, что сам станет жертвой своего дьявольского замысла. Если же зверь вышел сюда случайно — что ж, спасибо ему: он спас нам жизнь. Пожалуй, стоит быть еще осторожнее и двигаться без спешки. Вряд ли, узнав о случившемся, кто-нибудь станет укорять нас за небольшое опоздание.

— Вот значит как… — возбужденное дыхание Рисдайка облачками пара прорывалось сквозь защитную маску. — Я предлагаю поторопиться. Хочу поглядеть, для кого из тех, кто пришел на Совет, наше благополучное прибытие явится неожиданностью.

— Пожалуй, ты прав, — кивнул Хоган. — Тогда поспешим, Джоктар, тебе это пригодится, — он нагнулся и протянул юноше бластер, валявшийся возле погибшего.

Для переговоров был выбран остров, стоявший посередине скованного льдом русла реки. Был ли он когда-то насыпан искусственно или являлся вершиной скрытой под водой скалы — сказать трудно. Но он, несомненно, был одним из форпостов древней культуры Фенриса. Вокруг острова тянулась сложенная из каменных глыб стена, которую венчал высокий конус. Из его разрушенной временем вершины тянулся дымок.

— Гляди, там уже ждут, — подтолкнул летчик Руза, кивая на конус.

Но Руз не повернул головы, Его взгляд был прикован к далеким горам. Джоктар посмотрел туда же и заметил клубившиеся над пиками тучи.

— Конец хорошей погоде. — Траппер указал на северо-восток. — Оттуда идет буря.

— Вот как? — Хоган повернулся к Толкусу, который догнал их на опушке леса. — Обойди всех наших, предупреди: пусть ищут укрытия. Иди скорее.

— А как же… — попытался возразить Рисдайк.

— Если кто-то и хочет помериться с нами силами, он сейчас тоже видит эти тучи. — Хоган мотнул головой в сторону гор. — Только сумасшедший станет затевать драку, когда вот-вот грянет буря. Лучше подумаем, где нам самим укрыться.

Поверх льда русло реки припорошил снег. Он был испещрен следами чьих-то ног и санных полозьев. А вот и сани, составленные штабелем возле пролома, служившего входом в конус. Вслед за Хоганом юноша начал подниматься по ступеням. Они были не шире ладони и изрядно обледенели, один неверный шаг и ты уже летишь к оставшемуся далеко внизу подножию стены…

— Эй! — крик Хогана гулко отразился от вековых стен. В проломе появились фигуры людей, один из них сделал приглашающий жест. Джоктар с любопытством осматривал необычное сооружение. Вся верхняя часть конуса была разделена целыми когда-то перегородками на небольшие отсеки (кельи? камеры?). Теперь они были полузасыпаны мерзлой землей вперемежку со снегом. В центре круга, очерченного основанием конуса, пылал костер. У стены громоздилась куча дров.

Джоктар выглянул наружу. Погода менялась на глазах: небо сделалось низким и серым, вокруг заметно потемнело, черные тучи возле гор быстро сгущались.

— Шторм уже близко, — объявил человек, выглянувший из конуса вслед за Джоктаром. Он хотел что-то добавить, но порыв ветра заставил его спрятать лицо в капюшон и нырнуть обратно, под защиту каменных стен.

Да, Фенрис был Фенрисом, совсем недавно сияло в небе солнце, а сейчас и реку, и остров, и конус накрыла сплошная масса беснующегося снега. Костер был быстро передвинут к стене, подальше от входа, куда задувал ветер. Все расселись у огня, приготовившись переждать под этими

ненадежными сводами безудержную ярость фенрианской бури.

Джоктару вспомнились устрашающие наставления, полученные новичками по прибытии на планету. Нет, не только на шахтах и в порту мог спастись от бури человек. Жилища исчезнувших ныне обитателей Фенриса защищали от непогоды ничуть не хуже, чем купола компании. О том, что творится снаружи, напоминали лишь завывания свирепого ветра. Они были так сильны, что сидящие рядом люди не могли слышать друг друга.

Джоктар сидел, прислонясь к стене. Он чувствовал, как сотрясается конус под ударами бури. Но вот к вою ветра добавился новый звук: треск. И тут же рухнул, не выдержав напора урагана, кусок стены. Сосед юноши стал быстро отползать подальше от опасной зоны. Джоктар полез следом. Неподалеку раздался чей-то крик.

В образовавшийся пролом ворвалась пурга. Стараясь уберечься от ее леденящих языков, они перелезли через какую-то перегородку. Джоктар наткнулся на что-то мягкое, послышался стон. Человек лежал, придавленный грудой обломков. Почти ничего не видя и не слыша из-за сильного шквала, они принялись освобождать ранено-

го. Наконец, им это удалось. Они попытались перевернуть пострадавшего на спину. Тот на секунду открыл глаза, вскрикнул и вновь лишился чувств.

Преодолевая напор взбесившейся стихии, они кое-как сумели перетащить неподвижное тело к костру, что тлел возле стены. Только сейчас Джоктар почувствовал, что раненое плечо снова невыносимо разболелось — нагрузка оказалась не по силам. Едва сдерживая стоны, юноша привалился к стене. Его напарник пытался тем временем привести пострадавшего в сознание. Ему, вероятно, нужен был свежий воздух, но об этом не могло быть, и речи, покуда снаружи бушует снежный шторм.

Казалось, ход времени остановился… Сколько уже длится буря — час? день? Наконец Джоктар заметил, что шквалы ветра стали реже стучаться в стену. В проломе стало видно, как меж клочьев туч начало проглядывать небо. Буря явно шла на убыль и вскоре совершенно улеглась. Люди переглядывались, не веря наступившей тишине. Они снова, в который уже раз, оказались сильнее свирепого нрава Фенриса.

— Это Гэгли, — обсыпанный снегом человек наклонился над лежащим. — С ним все кончено.

— Гэгли? — Хоган приподнял капюшон на лице пострадавшего. — Мертв. Ты потерял пилота, Саммс.

— Ну, потерял… — широкие плечи одного из мужчин почти пренебрежительно поднялись под толстой шубой. Его светлые глаза казались ледяными, в них ничего нельзя было прочесть. Отвернувшись от лежащего тела, Саммс крикнул: — Эберс!

Какой-то человек обернулся на зов, но не спешил подойти, продолжая счищать с одежды налипшие снеговые комья.

— Не спеши, Саммс, — он говорил размеренно, привыкший, что его слушают. — Пока мы еще не готовы переварить твои идеи.

Светлые глаза над маской не выразили ничего, лишь рука слегка дернулась. Саммс тут же овладел собой, но все видели: рука потянулась было к бластеру. Люди остались неподвижны, лишь Рисдайк чуть шире расставил ноги, словно готовясь к схватке.

Вскоре костер, снова передвинутый в центр конуса, весело пылал, освещая рассевшихся вокруг участников Совета. Сначала решили перекусить; каждый достал из своего мешка съестные припасы. Не дожидаясь, пока все покончат с едой,

главарь банды Кортоски нетерпеливо поднялся и заговорил, прохаживаясь взад и вперед перед костром.

— Компания Харбанд решила сделать площадку для посадки кораблей прямо здесь, возле своих шахт. Кораблям компании уже не нужен будет порт Сиваки. Если и другие концерны оборудуют собственные космодромы, Сиваки будет закрыт за ненадобностью. И тогда исчезнет всякая надежда на то, что когда-нибудь на Фенрисе появятся свободные торговцы или туристские лайнеры.

— И что же ты предлагаешь? — лениво — ох уж это безразличие в голосе! — спросил Хоган. Саммс развернулся к нему, словно для драки.

— Что угодно, только не просиживать задницы в бездействии!

Джоктар пристально наблюдал за Саммсом. У того даже в минуты крайнего возбуждения выражение ледяных глаз совершенно не менялось. Поведение, манера речи наталкивали на мысль о горячем темпераменте. У подобных людей бластер или кулак обычно опережают мысль. Таковы многие в банде Кортоски, горячность шефа сродни их собственной натуре.

Но… Никак не вязались с бесшабашностью эти серые холодные глаза. И Джоктар поверил

им, а не манерам Саммса. Это был игрок, но его игра была значительно серьезнее Сан-Спотовских карт или фишек, здесь на кону совсем иные ставки. Юноша многое бы дал, чтобы узнать, чья воля, конечно же, не слепой случай, сделала из Саммса эмигранта и бросила его на Фенрис. Так или иначе, решил Джоктар, перед ним очень и очень опасный тип.

— Итак, ты призываешь к действию, — продолжал Хоган с той же ленцой. — И какую роль ты отводишь нам? В чем суть твоего плана?

— Скоро на новой площадке Харбанда сядет первый корабль. Он доставит, кроме шестерых членов экипажа, двух важных боссов компании. А что, если мы организуем им встречу? Если боссы будут у нас в руках, мы сможем диктовать Харбанду свои условия.

— Откуда ты все это знаешь, Саммс? — за пламенем костра лица говорившего не было видно, но юноша узнал хрипловатый размеренный голос Эберса.

— Хмм… У Саммса свой, абсолютно надежный, осведомитель. На него работает Неркс, — проговорил Хоган, как о чем-то само собой разумеющемся.

— Верно, Неркса внедрил в компанию я, —

покладисто заявил Саммс. — Если начнется заваруха, он нам здорово поможет. А пока, ты прав: информация.

— Неужели компания так доверяет Нерксу? — послышался чей-то голос. — Ведь его захватили у Спины Ящерицы, когда весь отряд попал в засаду и был перебит..

Хоган подхватил:

— Действительно, один Неркс остался невредим. И в связи с этим возникают вопросы, на которые тебе, Саммс, придется нам ответить. Ведь ты не назовешь случайностью, что в том отряде оказались почти все сторонники Рэймара? И еще скажи: чем Неркс зарабатывает доверие новых хозяев — двурушничеством?

Вокруг поднялся гул голосов. Но Саммс не обратил внимания на этот ропот.

— Неркс оказался в плену. Он умен, у него всегда наготове убедительная легенда. Это его и спасло.

— Ты хочешь сказать, — уточнил Хоган, — что Неркс был готов к тому, что окажется в плену?

— А сейчас, — вступил Эберс, — ты бросаешь нам клич, собираешь всех вместе, чтобы мы принюхались друг к другу. Три банды должны сообща захватить площадку и корабль! Ничего не скажешь, лакомая наживка. И ты надеялся,

что мы ее заглотим?

— Захват площадки, — обратился к Эберсу Хоган, — только первая стадия плана. Потом мы берем в плен боссов и, угрожая их жизням, принуждаем компанию сделать нам уступки, чтобы жизнь свободных людей на Фенрисе стала лучше. Я верно понял, Саммс?

— Как у вас все гладко, заслушаешься! — не сдавался Эберс.

— Допустим, все удастся и боссы окажутся у нас. А на помощь Харбанду явятся патрули. Они обложат нас в горах, как волков, и мы передохнем с голоду. И где мы будем прятать боссов? Ведь убежище должно быть и надежным, и достаточно близким к месте переговоров…

— Согласен, — кивнул Хоган, — это проблема. Построить какое-то убежище — значит, привлечь к нему патрули. А находиться в постоянном движении, чтобы нас не засекли — этого не выдержат пленники, они подохнут еще до окончания переговоров.

— Они не подохнут, если убрать их с Фенриса! — обронил Саммс.

На какое-то время воцарилось молчание. Реплика подействовала на Совет сильнее, чем самый разрушительный удар бури. Джоктар уло-

вил в голосе Саммса скрытое напряжение — тот готовился к большой игре.

Хоган провел ладонью по лицу:

— Так, так. А ты подумал о том, что на Локи сейчас советник Куллан?

По всему было видно, что вопрос не понравился Саммсу. Снова его рука скользнула к бластеру — и снова замерла на полпути: время открытой войны еще не подошло.

— А что, Куллан многое может? — заинтересовался Эберс. — Его слово что-то значит для боссов?

И снова заговорил не Саммс, а Хоган:

— Да, у него есть авторитет: он избран в Высший Совет. Позиция Куллана известна давно: он против власти монополий в пограничных мирах, значит, он противник компаний. Теперь, когда у него голос в Высшем Совете, он перешел в наступление. Понятно, что это беспокоит многих и многих боссов. Но наступление идет. Года три назад Секция Колонизации основательно подверглась перетряске. Во главе Проекта поставили некоего Кронфильда. Он далек от политики — сугубый технарь. Его поддерживает, однако, сам Альвари Томлистос. Этот самый Большой Том основал новую организацию, куда вошли Албан

Фрейт, Орсфо-Колль, Майнинг Корпорэйшн и еще некоторые.

Джоктар прикинул: сосредоточенные в одних руках доходы названных компаний составляли поистине астрономическую цифру.

— Тебе, Саммс, должно быть известно, что у Большого Тома сильная рука в правительстве. Так что Куллан — человек Кронфильда. Сейчас, когда зашевелился Большой Том, встряска идет по всей Галактике. Уже два месяца Куллан торчит на Локи и собирает досье против компании.

— А теперь, — усмехнулся Хоган, — представим себе, что на Локи садится корабль с боссами Харбанда и кем-то из нас. Как только Куллан об Этом узнает, он пожелает встретиться с нами. Всему этому тоже есть место в твоем плане, Саммс?

Главарь банды Кортоски ничем не проявил, что его сразили доводы Хогана.

— Ты знаешь все. У тебя точнейшая информация, Хоган.

Но Хоган еще не сказал всего. Он продолжал:

— Для перелета на Локи нужен пилот. Гэгли мертв, да и за пульт он не садился лет пять. Похоже, ты с самого начала рассчитывал на нашего Рисдайка… Скажи, когда ты планируешь захват площадки?

— Ты что, хочешь участвовать в этой бредовой акции? — взвился Эберс.

— Мне кажется, она таит немало возможностей.

— Еще бы! — заорал Эберс, — Столько, чтобы всем нам была крышка!

Наконец, заговорил Саммс:

— А ты намерен так и гнить, отсиживаясь в горах? Или свободные люди Фенриса дадут бой компании, или они перестанут быть свободными!

— Он смотрит вперед, — обратился Хоган к Эберсу — Как только закроют порт Сиваки, с нами быстро покончат, торговать мы не сможем вообще. Ты знаешь, сколько на планете одиночек? А много ли их за последнее время вступило в твою или мою банду? Мало, приток новичков не возмещает даже наших потерь. В общем, жить нам осталось от силы полгода, а потом конец…

Снова послышался вокруг костра глухой ропот. Эберс недоверчиво посмотрел на Саммса, но говорить продолжал с Хоганом:

— Ты считаешь, что его план может удасться?

— Дело, конечно трудное. Но, учитывая ситуацию, мы не должны упускать ни единого шанса. Наш шанс — Неркс. Ты не забыл что он работает

на Саммса?

— Что-то плохо верится во все это, — протянул Эберс, по протест его уже не был столь решителен.

Саммс показал на тело Гэгли:

— Мы сегодня потеряли человека. Возможно, еще и буря унесла чью-то жизнь. Чем умирать вот так, ни за что, лучше смерть в бою!

— Сколько ты можешь выставить людей, Эберс? — спросил Хоган.

— Два моих отряда сейчас в пути, я их вызову. Возможно, присоединится кто-то из одиночек. Думаю, наберется человек пятьдесят. Но на дело, разумеется, пойдут только добровольцы.

— Примерно столько же будет и моих людей. А твоих, Саммс?

— Даже если я уговорю одиночек, то не более сорока, — Саммс говорил безучастно, его мысли были далеко, — Допустим, мы заполучим корабль. Рисдайк поведет его на Локи. Но кто полетит на переговоры с Кулланом? Все мы просто не поместимся в звездолете.

— Выберем комитет, — предложил Хоган. — Остальные наши будут действовать на Фенрисе, попытаются захватить шахты. Освободим и вооружим эмигрантов. Они не умеют вести улич-

ные бои, но смогут хотя бы защищать занятые нами купола.

— Новое дело, — не унимался Эберс, — Сколько же времени придется удерживать шахты? А если на нас пойдут патрули?

— В этом плане, — сказал Хоган, вставая и прохаживаясь, — больше, чем нужно, всяких «но», «если» и прочих неясностей. Но в целом Саммс меня убедил: чем медленно отступать перед компаниями — а именно это мы все время и делаем, — рискнем на большую игру. Захват заложников и встреча с Кулланом — наш козырной ход. Пусть даже акция провалится — о ней заговорят, а для компаний подобная огласка вредна, особенно в данный момент.

— Нас запомнят героями, павшими за лучшую долю, — меланхолически прогнусавил Эберс, воздев глаза вверх. — Ладно, может, шанс и вправду есть. Но какой же он маленький, этот шанс!

— Из маленький шансов состоит большая история человечества.

Хоган взял свой мешок и приладил за спиной.

— Тебе Неркс подаст сигнал к началу операции?

— Обязательно. Ваше дело — собрать людей.

— Договорились. Пошли, — кивнул Хоган сво-

им. Джоктар, Руз и Рисдайк двинулись за шефом к выходу. Когда замерзшая река осталась позади, Хоган заговорил с терранцем:

— Как тебе показался Саммс?

— Он остался очень огорченным.

— Почему?

— Ты стал играть картами, которые он кропил, чтобы сыграть самому.

— Да, — рассмеялся Хоган, — мне пришлось внести свои поправки в его планы.

— Но ты поддержал его, а глядя на тебя, и Эберс вошел в дело, — неодобрительно буркнул Рисдайк.

— Хоган предложил нам свой, гораздо глубже проработанный план, — возразил Джоктар. И затем тихо, чтобы не слышали остальные, спросил шефа:

— Ты человек Куллана?

— У тебя, я вижу, богатая фантазия, бой, — усмехнулся в ответ Хоган.

На фенрианском небе сияла луна. Она была ярче, но холоднее, чем ночное светило Террана. Голубой свет падал на заросший кустарником склон, где тут и там были разбросаны купола, защищающие жерла шахт компании Харбанд. Купола были ярко освещены, а на прилегающих

к ним территориях постоянно рыскали лучи мощных прожекторов. Кроме того, периметр этих территорий был обнесен ультразвуковой оградой. Мощные вибраторы создавали непреодолимое препятствие и для злоумышленников, и для хищных зверей. Все эти меры, подумалось Джоктару, делают их затею абсолютно нереальной.

Хоган будто подслушал его мысли. Привстав, он приложил к глазам окуляры и проговорил:

— Еще бы. Никому, в том числе и нам, не удастся незамеченными пересечь освещенный участок. Да и ультразвуковой барьер… Если, конечно…

— Опять «если», «но», «может быть»… Вибраторы отключит Неркс.

— Это точно? — беспокойно прошептал Рисдайк.

— Что-то вы носы повесили, — засмеялся Хоган. — Операция еще не началась, не поздно удрать. Ну что, герои?

— Вот он! — выдохнул Рисдайк. Бывший летчик весь подался вперед, не отрывая глаз от серебристой иглы корабля в ночном небе.

— Значит, все правда. — Окуляры шефа были направлены не в небо, а на купола, по которым то и дело скользили лучи прожекторов.

К ним подполз еще один налетчик.

— Джампер приближается, — сообщил он, — Наши подали сигнал готовности.

Согласно плану операции, они несколько часов назад ворвались в расположенную неподалеку придорожную станцию. Радиоустановку разбили, увели джампер и тягач. Теперь эти машины везли сюда вооруженный отряд. Было обговорено, что для подошедших машин барьер будет отключен. А приехавшие люди позаботятся, чтобы его не включили, прежде чем все не окажутся внутри охраняемой зоны.

Маленький джампер был уже близко; за ним из-за поворота выкатилась махина тягача. Раздался протяжный свист, какие-то тени засновали в темноте. Вот послышался вдалеке ответный свист, в ближайшем куполе замигал огонек, ему ответили из джампера вспышкой прожектора.

— Лишь бы никто не напутал с сигналами, — процедил Хоган, лежа плечом к плечу с Джоктаром.

Ультразвук невидим. Водителю джампера оставалось только гадать, минует ли он благополучно вибрационные ножи, или они разорвут на части его мышцы и нервы.

Характерными неровными прыжками джам-

пер достиг открытого пространства, где его тотчас захватил и повел луч прожектора. В свете другого луча двигался тягач. Если появление здесь в этот момент машин покажется охране подозрительным, вот-вот поднимемся тревога. Джоктар положил палец на спусковой крючок бластера.

Луч одного из прожекторов очертил полукруг, затем уперся в небо.

— Есть сигнал.

Неркс действовал минута в минуту.

Машины на максимальной скорости прошли зону ультразвука — пронесло! Из кузовов посыпались люди и со всех ног кинулись к куполам. Тишину взорвало рявканье ворпов и треск бластеров. От вспышек выстрелов вокруг стало светло, как днем.

В первой волне нападающих бежал и Джоктар. Рядом с непостижимой для его комплекции скоростью мчался Руз. Вот траппер свернул влево, Джоктар и Рисдайк устремились за ним.

Корабль уже стоял на поле. Команда отправилась отдыхать в купола, но в звездолете наверняка оставался часовой. Успеет ли он, заметив опасность, закрыть люки? Руз припал на колено, выстрелил, Рисдайк припустил еще быстрее к кораблю. На мгновение вспышка выстрела осве-

тила борт, темный овал люка и падающую наземь скорченную фигуру часового. Рисдайк был уже у трапа, Джоктар полез по ступеням следом за пилотом. Сейчас обе их фигуры были отличной мишенью на серебристом фоне корабля. Вот они уже внутри; летчик тут же побежал к кабине. Джоктар немного отстал, осматриваясь в коридоре. Хотя пилот накануне прочел ему целую лекцию о типах кораблей, ориентировался он в запутанных переходах слабо. Да и как узнать, какого типа этот корабль?

Нельзя было исключить, что кто-нибудь из экипажа находится сейчас в одной из запертых кают или в трюме. Но времени на обыск не оставалось. Вот в чрево корабля вскочил Руз и быстро задраил люк. Сейчас же звуков боя не стало слышно, лишь их собственные шаги гулко разносились по огромной металлической сигаре.

Вбежав в кабину, они увидели сидящего перед пультом Рисдайка. Он внимательно изучал знаки и символы на клавишах. Руз запер дверь и плюхнулся в кресло. Джоктар тоже сел, восстанавливая дыхание после бешеной гонки. Теперь они, наконец, в относительной безопасности.

— А что, если из Сиваки уже летит сюда патрульный корабль? — беспокойно спросил траппер.

— А что он сможет сделать, — беззаботно улыбнулся Рисдайк. — Попытается сжечь нас своими хвостовыми дозами? Но это и для патруля будет равносильно самоубийству. Так что операция продолжается, братцы!

Пилот уже заканчивал предстартовую процедуру. Наконец, он чуть толкнул какой-то рычаг и удовлетворенно откинулся в кресле.

— Порядок. Мы в деле.

Джоктар понимал, что их противники знают о возможностях корабля и не посмеют приблизиться. Откинувшиеся заслонки демонстрировали закопченные жерла дюз, из которых в любую минуту могла извергнуться смерть. Их корабль, приспособленный для пассажирских перевозок, прежде выполнял патрульные рейсы, на нем сохранилось мощнейшее вооружение для покорения враждебных миров. Руз развеселился:

— Не пощекотать ли их немного?

— Пожалуй. Дадим один залп, чтобы хорошенько их пугнуть. Джоктар, нажми вон ту кнопку, белую, слева в четвертом ряду.

Юноша тронул кнопку, и один из экранов кабины осветился. В нем были видны купола, вокруг которых мелькали вспышки выстрелов.

Рисдайк подрегулировал резкость, пробежал

пальцами по клавиатуре пульта и нажал какую-то кнопку. В темном небе над куполами появился маленький шарик света, который начал быстро разбухать. Через минуту ослепительное сияние залило все небо, вспышки бластеров и ворпов с трудом угадывались в этом море зеленоватого света.

— Здорово! — Руз был восхищен. — А теперь куда стрельнем?

— Давай по скале, — предложил пилот. Он произвел новые манипуляции, перевел прицел и… ураган зеленого света забушевал в горах позади куполов. Когда огонь погас, на месте острой скалы не осталось ничего, кроме огромной воронки с гладкими стеклянистыми краями. Яма все росла, все углублялась, пока окончательно не истощилась энергия выстрела.

— Надеюсь, эта маленькая иллюминация не прошла для них незамеченной, — весело потер руки Руз. — Не удивлюсь, если одна из шахт стала теперь вдвое шире. Слушай! — продолжал траппер, — что, неплохая идея: разнести их шахты в клочья?

— Идея отличная, — ухмыльнулся Рисдайк. — Но нам приказано ждать, — Он включил еще один обзорный экран.

Хотя бой продолжался, было заметно, как ослаб огонь тех, кто оборонял купола.

— Корабль, отвечай… Корабль, отвечай… — резкий, с металлическим призвуком, голос заполнил кабину. Джоктар и Руз ошеломленно уставились друг на друга, схватившись за бластеры. Рисдайк взял микрофон:

— Я корабль. Кто вызывает?

— Это Вэй. Вы что, идиоты, надумали сжечь тут всех?

— Это, Вэй, зависит от вас. Каждые две минуты я буду приближать выстрел к куполам на милю, покуда вы не прекратите сопротивление.

Наступила пауза, затем снова тот же голос:

— Кован, это Вэй! Ты понял? Говорю из купола. Ты что, не слышишь меня?

— Уточняю, — пилот явно забавлялся. — Это не Кован, а Рисдайк, командир корабля. Мы действуем от имени Свободных людей Фенриса. Я знаю, что ты в куполе и уже держу его под прицелом.

Ответа не было. Руз хохотнул:

— Пусть пережевывает то, что услышал. Этого ему хватит надолго, за многие годы Вэю впервые по-настоящему подпалили шкуру.

— Огонь прекратился, бластеры молчат, — сообщил Джоктар, глядя на экран.

Рисдайк схватил микрофон и начал считать: — Десять. Девять. Восемь. Семь. Шесть… Поправка на одну милю сделана… Пять. Четыре. Три… Смотри, Вэй!.. Два… Один!

Он вдавил до отказа кнопку. Снова зеленый цветок все пожирающего пламени расцвел на склоне горы, снова волны ослепительного света залили мир.

— Теперь уж точно попал в шахту, — довольно кивнул Руз, — Но я знаю Вэя: он упрям как бык.

— На Фенрисе он самый главный в компании Харбанд. Но, — Рисдайк поднял два пальца, — ведь там сейчас боссы, прибывшие из Центра. Вряд ли им улыбается перспектива сгореть вместе с Вэем.

— Слушай, корабль. Я — Саа Ким. — В искаженном динамиком голосе явно слышалась тревога. — Я уполномоченный Харбанда. Чего вы хотите? Назовите свои условия.

— Условия узнаете у тех, кто штурмует купола.

Через минуту на крыше купола вспыхнул белый огонь. Пилот удовлетворенно потянулся:

— Вот и все. Они сдаются. Этот Саа Ким готов вести переговоры.

Руз хлопнул Себя ладонью по колену:

— Отлично сработано! Наш шеф будто всю

жизнь только и делал, что брал штурмом шахты!

— Боюсь, — нахмурился Рисдайк, — что в ближайшее время у него еще будет немало трудностей.

Джоктар откинулся на сидении и прищурился.

— Значит, все-таки Саммс…

— Он самый. — Руз поднялся, взмахнул несколько раз затекшими руками и уселся в кресло у стены. — По-моему, Саммс спит и видит себя главным боссом. Но даже в своей банде его положение не слишком прочно: больно уж дурно воняет от этой истории с отрядом Неркса. Наш шеф вряд ли уступит главенство, тогда Саммсу придется вызывать Хогана на поединок. Шансов на победу у него не больше, чем у прутика против вопра. Наш Хоган без нужды не показывает прыти и даже кажется медлительным, но я видел дважды его поединки с претендентами. Он жив — здоров, а те нахалы остались лежать на месте.

— И все же, кто он такой, Хоган? — подался вперед Джоктар.

В голосе Рисдайка юноша услышал лед и металл.

— Запомни, парень. Здесь, на Фенрисе, не спрашивают, кем человек был в другом мире. Тут Хоган торговал в порту, пока его дело не лопнуло.

Тогда он ушел в горы.

— По-моему, — вставил Руз, — он не всегда был торговцем или охотником, я это чувствую. Он откуда-то получает самую свежую информацию обо всем, что творится за пределами Фенриса. Вспомните, как и о чем говорил он на Совете. Сдается мне, что за Хоганом стоит очень большой…

— Корабль!

Этот голос узнали все. Рисдайк схватил микрофон:

— Я корабль. Слушаю, шеф.

— Все идет по плану. Сделка заключена, гости на подходе. Встречайте нас у люка.

— Понятно. Сделаем, шеф.

— Интересно, до чего они договорились, — заерзал в кресле Руз. — Сбегаю, узнаю…

— Сиди, — положил ему пилот руку на колено. — Откроешь люк — а там засада…

— Могу я узнать, когда мы полетим к Локи? — не унимался Руз.

— Успокойся, скоро, — пожал плечами Рисдайк.

— Локи… — проворчал Руз. — Проклятые планеты… На Фенрисе — холод, на Хеле — несусветная жара, а на Локи — голые камни да вода. Не миры, а сущая преисподняя…

— Ты оказался здесь добровольно.

— Да, но…

— Сюда идут, — оповестил Джоктар, не спускавший глаз с экрана.

Руз посмотрел:

— Да, это шеф с Саммсом и теми двумя. Я пошел открывать люк.

Прочные ремни удерживали Джонтара в узком ложе. Ускорение уже не давило, напротив, его тело норовило всплыть в воздух. Невесомость… Испытывал он ее когда-нибудь прежде? Смутные воспоминания подсказали: да, он уже летал так. Куда?.. Когда?..

Видимо, корабль начал маневр: на тело снова навалилась тяжесть. Юноша старался расслабиться, затем повернул голову.

Рядом лежал Хоган. Глаза его были плотно закрыты, видимо, еще действовал наркотик. Снова к Джоктару пришла та же мысль: он не такой, как другие. На него почти не действуют уколы, после которых все на корабле, кроме пилота, спят и не чувствуют перегрузок.

Он уже бодрствовал, но не ощущал неудобств. Ни вибрация корабля, ни узкое ложе, ни даже перегрузки не угнетали его. Эти ощущения, напротив, давали прилив энергии. Быть может, для

его организма повышенное давление и тяжесть — не осложнения, а родная стихия?

Перегрузка пошла на убыль. Джоктар освободился от ремней и сел, магнитные подошвы сапог прижались к полу. Он знал: до трапа нужно сделать четыре шага. Точно, вот и ступени. Он не был пилотом, но откуда-то пришло к нему это знание: четыре шага…

Юноша отворил дверь в кабину управления. Рисдайк полулежал в кресле, держа руки на пульте. Хотя кораблем управляли сейчас автоматы, человек обязан быть наготове.

Терранец занял кресло напротив видео. Почти во весь экран висел Фенрис: где серебристый, где темно-голубой. И везде ужасающе холодный… Таким знали его те, кто боролся за выживание на ледяных просторах неласковой планеты.

Джоктар прикрыл глаза… Серебристый шар… Нет, там был другой цвет… Из недр его спящей памяти вдруг полыхнуло так ярко, что юноша вздрогнул.

— Золото… — пробормотал он, словно в трансе. — Золотая планета…

Лицо Рисдайка, полудремавшего в своем кресле, ожило.

— Золотой мир, — проговорил он мечтатель-

но. — Есть во Вселенной место, которое так называют. Фаллиане знают его… И снова из уст пилота полились таинственные звуки: — Фалл, Ируктар ллиуми, Рис сиа тур мана…

Музыка этих слов вошла в Джоктара, он почти понял их смысл. Но тут же физически почувствовал монолитный барьер в сознании, разрушить который он не мог. Его душило бессилие и бешенство. Он понял, что всю жизнь не имел ничего более ценного, чем погребенное в нем самом сокровище. И, не отыскав его, он не сможет быть счастлив.

— Кто такой Фаллиан? Где этот Золотой мир? — требовательные вопросы юноши прозвучали, как выстрелы бластера.

Рисдайк, немного помолчав, ответил на второй вопрос:

— Его нет ни на одной нашей карте.

— Почему?

— Потому что, когда человечество узнало о нем, оно отвергло протянутую руку. Вернее, ее оттолкнули трусы от имени всех людей, — с горечью произнес Рисдайк.

— Как же так?

— А вот так. — Рука пилота, лежащая на пульте, сжалась в кулак, готовая со всей силы стукнуть

по нежным клавишам.

— Наши прекрасные боссы там, на самом верху, не пожелали мириться с тем, что в Галактике кто-то выше нас.

— Выше? Но ведь Кандас, Тас и Зафт еще не знают космоплавания, а тлоляне пока не летают дальше планет своего солнца.

— Тех, кто отстает от нас, знают все. Их мы охотно признаем. Но… — с уст летчика сорвалось гневное ругательство, — ни ты, ни другие никогда не слыхали даже краем уха о Фаллиане… Но я знаю — он существует… Я видел видеоленту… Я слышал голос… — Его смягчившееся на минуту лицо вновь помрачнело. — Ты знаешь, за что меня выкинули из космической службы? Потому что я хотел лететь туда, хотел найти Золотой мир. Хороший разведчик — внушали мне боссы — дисциплинирован. Он не видит, не слышит и не думает ни о чем, что запрещено Уставом.

— Ты разведчик?

— Был. В Отделе Исследований. Однажды, патрулируя в одном дальнем секторе, я обнаружил на астероиде маяк и ответил на зов. Не я первый его нашел, туда уже летал один корабль и привез ленту. Я расшифровал ее, нарушив приказ. Потом я решил лететь туда — снова вопреки строжай-

шему запрету.

— Куда ты хотел лететь?

— На зов маяка, туда уже ушло несколько наших кораблей, экипаж которых видел ленту. Но перед этим я доложил, что слышу маяк, и они послали за мной патруль. Я даже не успел передать, что ждем.

— Чего ждем?

— Тех, кто поставил маяк. Они существуют. На ленте я видел, как фаллиане прилетели к Терре, как патрули встретили дружественные корабли и попытались уничтожить, правда безрезультатно. Так человечество оттолкнуло посланцев, направленных к нам для помощи.

— А ты?

— За то, что я узнал о фаллианах, меня уволили и сослали на Хел простым рабочим. Оттуда меня вызволил Хоган, который искал пилота: видимо, собирался обзавестись торговым кораблем. Хоган тоже знает о Фаллиане.

— А что стало с разведчиком, который побывал у маяка и привез ленту?

— Он вернулся, но…

— Там он был в плену и бежал?

— Нет! — Рисдайка явно рассердило предположение. — Там он был свободен. Ленты говорят,

что фаллиан не следует опасаться — они ищут только мирных контактов. Так что этот разведчик угодил в плен не там, а здесь… Вскоре он был расстрелян собственным шефом.

— За что?

— Он побывал там и мог доказать, что Золотой мир существует. Хотя по поводу его смерти было сфабриковано фальшивое объяснение, кое-какие слухи просочились — ведь весь персонал не расстреляешь… Нет сомнения: Марсон был у фаллиан, видел Других — тех, кто летает в недоступные нам миры. Ему было хорошо там, но он вернулся.

— Зачем?

— Он привез от них приглашение.

— Почему же служба не вступила в контакт?

— Потому что наши высшие боссы испугались. Другие владеют тем, чего нет у нас — бессмертием.

Рисдайк сидел прямо, вперив взгляд в экран, где висел в пустоте диск Фенриса. Какие видения проплывали в эту минуту перед глазами пилота?.. Когда он заговорил вновь, голос его был тусклым и бесцветным.

— Люди — и боги… Смертные — и вечные… Одни завидуют другим, боятся и ненавидят их

за то, что будущее у богов бесконечно. Марсон вошел в контакт — и боссов обуяли страх и ненависть к Другим, перед которыми они всего лишь неразумные дети.

В кабине появился Хоган, облаченный в тунику офицера Космической службы. В таком виде он мог бы пересечь Н-Йок, и никто не заподозрил бы в нем мелкого торговца или предводителя банды. Он, видимо, слышал их разговор.

— Все это неправда. Другие не бессмертны. Эта выдумка выгодна тем, кто хочет представить Других нелюдями, монстрами. В Золотом мире просто живут гораздо дольше, чем в наших.

— Но зачем понадобилась эта ложь? — допытывался Джоктар.

— Это давняя и запутанная история, — начал Хоган, опускаясь в кресло. — Контакты с Другими зародились лет пятьдесят назад. Фаллиан видели Морре, Ксанга, Том (дед Большого Тома), Марсон, про которого ты сегодня слышал.

— Я слышал и про Морре, — сказал Джоктар. — Но ведь он давно умер, а звездный Союз, который был образован благодаря гениальному уму и организаторскому таланту Морре, теперь снова распадается.

— Согласен, Морре — гений, но он — злой гений.

Фанатик с манией величия. То, что он узнал при первом контакте с Другими, привело его в ярость. Все силы он вкладывал в утверждение собственного превосходства, и вдруг оно оказалось под угрозой. Так что вовсе не для человечества, а лично для Морре Другие представляли опасность. И тогда он сделал все, чтобы не допустить новых контактов. Фальсифицировалась ложная информация, появились нелепые слухи о жестокости Других. Например, была организована «утечка» информации о гибели Тома, якобы захваченного и убитого Другими.

Влияние Морре было тогда почти безграничным. Он добился своего: человечество стало думать о таинственной расе, как о монстрах, контакт с которыми чрезвычайно опасен. Всю эту акцию Морре организовал с присущим ему блеском. Он уже умер, а мы до сих пор пожинаем горькие плоды его амбиций, сфабрикованной им лжи.

— Даже без войны не обошлось, — грустно заметил Рисдайк.

— Да. Эту войну развязали мы. Фаллианцы поняли, видимо, ее подоплеку и ушли — ради своей и нашей безопасности. Но они и потом стремились к контакту с людьми, разбрасывали

вблизи наших звездных трасс свои маяки. Эти устройства были избирательно настроены на «волну» тех, кому контакт может быть интересен. И время от времени то один, то другой корабль — торговцы, разведчики — уходил в Золотой мир, услышав зов маяка… Однако, сейчас нам нужно думать не о Фаллиане, а о Локи…

— Верно, ведь мы хотим встретиться с Кулланом.

Хоган не отозвался, погрузившись в раздумья. После долгого молчания он, судя по всему, принял важное решение и заговорил:

— Перед приходом сюда я беседовал с Саа и Минтой. Боссы предлагают вместе с ними идти на встречу с Кулланом. Мы с Саммсом согласились взять их с собой. Но вот в чем загвоздка: мы непрерывно будем находиться под явным и тайным наблюдением. Нужно, чтобы был еще кто-то, более свободный. Бой, — он подошел к Джоктару, — как твое плечо? Дай-ка я на него взгляну.

Юноша расстегнул тунику и скинул ее, затем снял рубашку. По его мнению, рана почти зажила. О ней напоминал порядочный шрам, который уже затягивался розовой кожицей. Но Хогану что-то не нравилось.

— Заживает неплохо, — он потрогал рубец. —

Но если рана чуть растревожится, может начаться воспаление. Так что по прибытии на Локи ты отправишься в клинику.

— Зачем?

— Затем, что кто-то из нас должен остаться без «хвоста». И потом, я хочу быть уверен, что с тобой все будет в порядке и ты никуда не денешься.

Джоктар замер, продев голову в ворот рубашки.

— Не беспокойся, без бумаг и без денег я не смогу улететь куда бы то ни было.

— А я и не думаю, что ты сбежишь. Но тебя могут увезти силой.

— Ты опасаешься, что меня, как беглого эмигранта, схватит патруль?

— Послушай, — Хоган стоял перед юношей, заложив руки за пояс и раскачиваясь на носках. — Если мои предположения верны, то тебе, бой, есть кого бояться и кроме патрулей.

Глаза Рисдайка понимающе сузились, он согласно кивнул.

— Но за что меня могут преследовать? — запротестовал Джоктар. — Ведь к вашей войне с промышленниками Фенриса я почти не причастен.

— Фенрис? — Хоган рассмеялся, но тут же лицо

его вновь стало серьезным. — Это наша ближайшая и, вероятно, простейшая задача. Мы опутаны дюжиной пауков, которые ткут свои сети с непревзойденным коварством. У нас немного шансов вырваться из их липкой паутины. Но если мы сумеем прорвать ее, то перевернем всю Галактику. Мы добываем свободу не для одного Фенриса, а для целой расы, именуемой человечеством!

Хоган, задумавшись, пристально разглядывал свои, лишенные загара, но большие и твердые руки. Его пальцы машинально двигались. Джоктару пришли на память нервные руки игрока, перебирающего полученные от дилера карты перед тем, как сделать ставку. Наконец, шеф спросил:

— Когда мы сядем на Локи?

Рисдайк нажал какие-то клавиши и взглянул на то, что появилось в окошечках приборов.

— На этой крошке мы будем через неделю по планетарному времени. Этот корабль — сама скорость.

— Целая неделя… — Хоган был разочарован.

— Что с нашими пассажирами?

— Они неважно перенесли наркотик, — нахмурился Хоган, — Особо нужно присмотреть за Саа — он такой хилый. Минта значительно крепче.

— А как Саммс?

— Хмм… Он строит радужные планы. Дайте ему свободный Фенрис, и через пяток лет — заявляет он — с ним будут считаться и Саа, и ему подобные.

— Ага, Саммс желает Фенрис. Ясно…

— Саммс желает очень многого. Другой вопрос, чего он добьется…

Джоктар решил вмешаться:

— Он опасен.

— Это твоя оценка? — Хоган благожелательно кивнул юноше. — Ты проницателен. — Однако, — он усмехнулся, — есть у Саммса одно «но»: его аппетиты несоразмерны с его возможностями. А теперь, мой раненый гладиатор, — проговорил Хоган, потрепав юношу по плечу, — ты отправишься в свою каюту и до самого прилета будешь лежать с серьезной раной. Тебе не придется симулировать, я позабочусь об этом, бой.

Хоган сдержал слово. Отыскав в медицинском отсеке нужные инструменты, он весьма профессионально сделал рану чрезвычайно болезненной. В результате этих манипуляций к моменту прибытия корабля на Локи Джоктар не думал ни о чем, кроме горящего от боли плеча.

Корабль сел на поверхность планеты удиви-

тельно мягко: Рисдайк еще раз продемонстрировал свой пилотский класс. Хоган пришел в каюту к Джоктару и, встав возле самой койки, дал последние наставления.

— Как только мы сойдем, тебя немедленно повезут в клинику. Им приказано определить тебя в изолятор — это хорошо. Лечись и ни о чем не беспокойся — когда придет время, мы дадим о себе знать.

…Норнес, столица Локи, был построен на множестве островов. Джоктар видел их в иллюминатор воздушного скутера, куда его перенесли прямо из люка корабля. Внизу проплывали приземистые, не выше пяти этажей, здания. Скутер сел возле одного из них. Джоктару отвели комнату на самом верхнем этаже. Вероятно, каменный берег острова был близко: день и ночь в него усыпляющим монотонным рокотом бились волны прибоя.

Он сидел на своей койке, когда неотличимый от остальной стены овал заискрился и исчез. В образовавшийся проем шагнул тот же самый медик, что принимал его и заботливо устраивал в палате. Но сейчас лицо вошедшего было хмурым. И когда он заговорил, голос был отчужденным, почти враждебным:

— Что за игру затеял Хоган?

— Игру? — переспросил Джоктар. Его мозг, затуманенный лихорадкой — результат сделанной Хоганом операции — не мог мгновенно сориентироваться.

— Я дал согласие лечить тебя здесь, — насупившись, проговорил врач, — но совсем не хочу, чтобы мне свернули шею.

— Не понимаю, о чем…

Медик, не дослушав, протянул юноше капсулу:

— На, раскуси. У тебя прояснится в голове.

Джоктар послушно раскусил оболочку. Разлившаяся во рту жидкость имела вкус острый и освежающий. Тут же он ощутил, как в мозгу тает обволакивающий его вязкий туман.

— К тебе посетители. По-моему, не очень приятные…

Мгновенно юноша интуитивно почувствовал атмосферу опасности, такое чутье не раз выручало его из беды на улицах Джет-Тауна. Знает ли Хоган обо всем происходящем, или эти события разворачиваются за его спиной?

У входа коротко звякнул сигнал. Медик резким толчком бросил Джоктара в постель. Терранец понял: он лег и откинул голову на подушку, демонстрируя слабость. Однако глаза из-под

прикрытых ресниц неотрывно смотрели на контур входного отверстия. Вот по нему пробежала знакомая уже искристая рябь, снова дверь растворилась в воздухе. В ней показался незнакомый медик, за ним шагнул мужчина с густым космическим загаром, в серебристо-серой тунике, на эмблемах которой переливался рисунок созвездия. Внимание юноши привлекли большие звезды на плечах космолетчика: не ниже рангом, чем командор Сектора!

Плечи вошедшего плавно переходили в напряженные бицепсы рук. Джоктар поглядел ему в глаза. В них не тлела знакомая юноше вечная вражда — глухая неприязнь улицы, слепая злобность наркоманов, привычная — и тем особо опасная — безжалостность бандитов… Нет, нечто более страшное увидел он в этих глазах. Рука юноши невольно опустилась к поясу, на котором сейчас не было оружия. Медик, как бы предупреждая, крепко сжал его потную от слабости кисть. Человек в сером продолжал смотреть на Джоктара. Во взгляде не было гнева или ненависти, он смотрел так, как смотрят на странный предмет, но не на живого человека.

— Точно. Он! — глухо произнес офицер, и тотчас в комнату вошли двое в форме.

Где-то сзади раздался взволнованный голос врача:

— Вы не имеете права. У больного налицо гнойное воспаление, тяжелая лихорадка.

Чуть позже голос добавил:

— Я подозреваю фанговую лихорадку.

Те замерли, боясь приблизиться. Медик назвал самую страшную и заразную из всех известных болезней.

— Это специальный изолятор с силовой защитой, — продолжал врач. Его коллега, пришедший вместе с людьми в сером, подтвердил:

— Я уже доложил Ленноксу: это специзолятор индекса «А».

Медик разжал руку, державшую кисть юноши, и смело повернулся к офицеру.

— Я понимаю, что сопротивляться бессмысленно. Внизу, наверняка, целый отряд ваших людей. Но вы, командор, обязаны знать: больной с подозрением на фангоид не должен покидать изолятор до тех пор, пока не будет абсолютно исключена всякая опасность этой инфекции. Это приказ Галактического Совета, и вам он известен.

Он повернулся к другому медику, его голос зазвучал повелительно:

— Шоу, проводи этих посетителей в бокс «С» и проследи, чтобы всем была сделана профилактическая прививка: они переступили порог специзолятора. А теперь идите за ним. Все. Быстро!

Уверенный тон подействовал: через минуту дверь снова затянулась непрозрачным пластиком. Джоктар медленно сел. Врач устало провел ладонями по лицу и вдруг улыбнулся.

— Теперь они заняты на несколько часов — пока не закончатся профилактические прививки. Но… если через десять часов у тебя не проявятся симптомы фангоида, они возьмут тебя прямо здесь. За всем этим стоит Леннокс, а он не дурак, вокруг все наверняка блокировано на случай твоего бегства. Зачем ты понадобился Ленноксу?

— Понятия не имею. Я даже никогда его не видел.

Но на нем, наверняка, серая туника, — пришла откуда-то мысль. — Серая туника — опасность. Почему? Если бы знать это!

— Нужен Хоган, — медик тем временем размышлял вслух. — Что за манера: никогда ничего не объяснит, сами, мол, выкручивайтесь в случае чего.

— А как связаться с Хоганом? — встрепенулся

Джоктар.

— Юноша, — голос звучал устало и раздраженно. — Уже битый час я только этим и занимаюсь. Но ни по одному из оставленных им трех адресов его не смогли застать.

— Его схватили? — полуутвердительно спросил Джоктар. Мозг его лихорадочно работал: взяли Хогана — началась охота за всеми его людьми. Но совершенно непонятно, почему этой, чисто полицейской, акцией руководит Леннокс?

— Нет, не схватили, я бы об этом уже знал. Но все равно тебя нужно срочно убрать отсюда и надежно спрятать. Дело не простое: клиника окружена охранниками.

Джоктар понял: ему необходима берлога не хуже той, что Керн устроил для него в Сан-Споте. Но здесь он не знал никого, не ориентировался в этом городе. Он помнил лишь острова, соединенные мостами. А что может быть легче, чем перекрыть мосты?..

— А если по воздуху?

Медик пожал плечами:

— Питание всем скутерам передается по энергетическим лучам из центральной станции. В первую очередь они отключат питание — и весь воздушный транспорт будет парализован.

— Помню, Хоган говорил, что будет на Семи Морях. В каком это месте?

Врач достал микропленку, вложил ее в видеоустройство и направил его на стену. Перед ними возникла четкая и очень подробная карта. Медик комментировал:

— Здесь клиника. Семь Морей — второй остров слева, вот тут. Живут там, в основном, высокопоставленные боссы. Почти весь остров, имеющий форму треугольника, занят одним гигантским зданием, также о трех углах. На западном побережье разбит великолепный сад.

Это здание — настоящий город, со своими театрами, кафе, лавками и магазинами. Есть прекрасные залы для проведения конференций, симпозиумов. В таком доме можно привести всю жизнь, никуда больше не выходя. Да и охранять его нетрудно.

— Кого туда пропускают беспрепятственно?

— Весь персонал, а также многих гостей. Дело в том, что формула каждого из этих людей хранится в памяти опознавательной системы.

— Нельзя ли подделать мою формулу?

— Нужна сложная операция, а это займет немало времени.

— Неужели кодирование всех формул сделано

с ведома и согласия высших боссов?

— Конечно, ведь меры безопасности в их же интересах. Тем более, что Локи — традиционное место встреч не только боссов Фенриса и Хела, но и планетных систем Бета Лупи и Альфа Лупи. На острове Семи Морей совершаются миллиардные сделки. Понятно, что их участники требуют надежнейшей охраны своих персон.

На Джоктара вдруг повеяло чем-то очень знакомым.

Да это же Джет-Таун! Те же порядки, что в «Верхнем» городе!

— Значит, подделка исключена. Но кто-то может пройти туда, минуя контрольную аппаратуру?

— Только патрули. Да еще наши «друзья» разведчики.

— Хммм, патрули…

— Нет, нет, это исключено. Каждый патрульный имеет личный знак — код идентификации личности, подделать который невозможно. Ты тут же будешь схвачен, как самозванец, если не ответишь на запрос-сигнал другого патрульного. Разведчики — другое дело. У них и экипировки такой нет, да и заняты они сейчас не в Семи Морях, а здесь — твоей персоной.

Джоктар слез с койки, подошел к карте и начал всматриваться в зигзаги улиц, стараясь запомнить мельчайшие подробности. Вдруг он показал медику свои руки:

— Они чересчур бледные, нужен загар.

— Это не твоя забота.

— Через сколько времени станет темно?

— Темно? Можешь на это не рассчитывать, вечером все острова осветит яркая иллюминация. Что у тебя на уме?

Осторожность, впитанная в плоть и кровь за годы жизни в Джет-Тауне, подсказала юноше ответ:

— От тебя мне нужен план здания клиники и пигмент для кожи. Об остальном ты не будешь знать, зато не сможешь и рассказать, даже под «порошком истины».

— Ты прав. Врач заторопился. — Силовое поле, запирающее твою комнату, могут открыть только я или мой помощник. Так что сиди спокойно и жди: я принесу все, что тебе нужно. А «темнота», то есть вечер, наступит уже скоро, через час. Не будем поэтому терять времени.

Проводив медика, Джоктар стал мерить шагами небольшую комнату. Лекарство, находившееся в капсуле, оказалось поистине чудодейственным:

боль и озноб как рукой сняло, к нему вернулись силы и ясность мыслей.

Итак, ему нужно попасть отсюда на остров Семи Морей. Самым простым казалось переодеться разведчиком. Человеку в сером вряд ли станут задавать лишние вопросы… Где же запропастился этот медик?

Наконец врач вернулся и тут же взялся за дело. Он нанес на лицо и руки юноши какую-то жидкость, и вскоре на них проступил тот характерный загар, который отличает космолетчиков от всех других людей. Затем медик подал ему сверток:

— Это форма здешнего персонала. В конце коридора есть антиграв, на нем ты опустишься на первый подземный этаж.

— А сколько всего подземных этажей? — спросил Джоктар, переодеваясь. После неудачного бегства через крышу Сан-Спота, он стал отдавать предпочтение подземным путям.

— Четыре. Первый этаж — служебный. На втором — помещения персонала и администрации. На третьем — информационное хранилище. Ну а четвертый отдан под энергетические системы.

— А как с выходами наружу?

— Кое-что я для тебя придумал, — врач до-

вольно улыбнулся. — Смотри. Вот схема второго этажа. Его площадь недавно увеличили, появился вот этот коридорчик. Тут решено оборудовать с десяток кабинетов. А пока есть только одна маленькая комнатка. Вот здесь. Улавливаешь, как она расположена?

— Еще бы. Коридор подходит вплотную к берегу острова, а эта комнатка оказывается прямо под мостом.

— Вот, вот. Теперь дальше. Это план первого этажа, куда ты спустишься на лифте. Здесь я отмечаю крестиком кладовую аварийного оборудования. Есть там и небольшой чьювер. Берешь его, идешь на второй этаж, вырезаешь в комнатке кусок стены — и ты под мостом. Чем плохой план?

— Ты-то как же? Они ведь сообразят, что сам я никогда бы не выбрался отсюда.

— Пусть думают, что хотят. Другой вопрос, что они смогут доказать? И потом: разведчики не объясняют, зачем ты им нужен. Как только ты исчезнешь, мы сразу кладем на твое место пациента с настоящей фанговой лихорадкой. Когда болезнь в разгаре, лицо у человека раздувается так, что его и мать родная не узнает. Им потребуется несколько дней, чтобы догадаться о подмене. Надеюсь, что ты за это время сумеешь

найти Хогана и все у вас будет как надо… Если, конечно, он не попал в руки патруля. Ну, а если так — я почему-то верю, что ты и тогда сможешь позаботиться о себе. Ну, иди…

Врач подошел к стене, дверь открылась и пропустила Джонтара. Во весь коридор — бледно-зеленые сплошные стены, хотя в них, наверняка, есть двери. Юноша оглянулся: проема, откуда он только что вышел, уже не стало — перед ним была стена, такая же глухая, как остальные… Он дошел до лифта и спустился на служебный этаж. Неподалеку послышались голоса, юноша припал к стене.

Он припомнил схему. Коридор выходит в большой холл, за ним нужно войти в новый коридор. В конце его — запертая дверь, ключом для которой служит маленький силовой конус, зажатый сейчас в его ладони. Там нужно отыскать чьювер и спуститься этажом ниже. Пройдя через ряд помещений, он попадет в пустую комнату, где ему предстоит применить похищенный аппарат.

Вроде он ничего не забыл, но… Многое зависит от того, сколько сейчас здесь людей. Правда, уже настает час ужина, большинство отправится в столовую. Но могут остаться те, кто занят срочной работой…

Голоса стихли, удаляясь. Джоктар двинулся вперед. Вот и большой холл. В креслах у стены сидели девушка и парень, одетые так же, как он. Перед ними на столе стояли напитки и какая-то еда, а рядом светился экран, от которого они не отрывали глаз. Сумеет ли он незамеченным пересечь холл? Попытаться можно: они так захвачены зрелищем, что ничего не видят вокруг. Джоктар усилием воли заставил себя идти неторопливым шагом. Искоса взглянув на экран, он увидел плавающие в невесомости фигуры танцовщиц, выделывавших замысловатые пируэты под таинственную музыку. Зрелище было поистине феерическим, оно полностью поглотило внимание молодой пары. Наконец, просторный холл позади. Его никто не окликнул…

Стараясь ступать как можно бесшумнее, он пробежал коридор, достиг указанной медиком двери и вставил конус в едва заметное отверстие. Дверь подалась, он вошел внутрь.

Вдоль стен тянулись стеллажи с самой различной аппаратурой и инструментом. Найдя то, за чем он сюда пришел, юноша испытал тревогу: небольшой, по словам медика, чьювер был, однако, слишком громоздким, чтобы нести его незаметно. А ведь тащить эту махину нужно бог

знает в какую даль — через этажи, коридоры, холлы…

Он стоял в раздумье посреди кладовой, пока взгляд его не натолкнулся на стоявшую в углу тележку с пылесосом и полотером. Стащив пылесос, он задвинул его за стеллаж, а на его место водрузил чьювер.

Выкатив тележку в коридор, Джоктар запер кладовую. Теперь предстояло пройти обратный путь до антиграва, не навлекая на себя подозрений. Он снова почувствовал себя дилером, но сейчас ставкой в игре была его жизнь.

На пороге холла он на секунду остановился, прислушиваясь: оттуда доносилась все та же «космическая» музыка. Сидевшим перед экраном молодым людям она, по всей видимости, нравилась: звук был включен на максимум. Юноша усмехнулся: в первый раз он оценил балет в невесомости, хотя обычно к подобным зрелищам относился безразлично. И под гремящую «музыку сфер» он неспешным шагом пересек холл, толкая перед собой тележку.

Вот и коридор. Никого. Лифт. Все тихо. Нажав кнопку спуска, он перевел дыхание. Спокойно, нужно готовиться к новому переходу. Внизу кабинеты служащих, почти нет шансов никого не

повстречать на пути.

Антигравитационная площадка остановилась; толкая тележку, Джоктар двинулся вперед. Три двери — прямо, потом — налево по коридору. Так, теперь направо до конца и еще раз направо. Нарисованный медиком план стоял перед глазами, терранец был уверен, что идет правильно — он снова был уверен в себе.

Опять голоса, они совсем рядом. Двое в туниках с эмблемами младших медиков шли навстречу, оживленно беседуя. Первый был настолько поглощен разговором, что не обратил внимания на Джоктара. Но второй остановился и резко спросил:

— Почему ты здесь в вечернее время?

— Срочная работа, шеф. Аквариум в солярии дал течь…

Юноша, к своему облегчению, увидел, что ему поверили.

Он мысленно поблагодарил врача за его советы.

Придирчивый медик проворчал, обращаясь к напарнику:

— Аквариум течет чуть ли не неделю, а они только сейчас удосужились послать рабочего…

Джоктар не спеша покатил свою тележку

дальше, убеждая себя, что он направляется по важному делу — ремонтировать аквариум…

Незаметно для себя он наклонялся над тележкой все ниже и ниже, поминутно ожидая окрика или заряда бластера, который сожжет ему спину. Но он продвигался вперед ярд за ярдом, минуя закрытые двери, полуоткрытые двери, распахнутые настежь двери, из-за которых доносились голоса, музыка, смех. Было время ужина, но на этом этаже, похоже, все придерживались какой-то изнурительной диеты и по вечерам не ходили в столовую…

За поворотом он увидел, что впереди две открытые двери: слева и справа по коридору. Легенда о ремонте аквариума здесь не годилась: хотя вода из него и продолжала, по всей вероятности, сочиться, но происходило это в другом крыле этажа.

Стараясь унять бешеные удары сердца, терранец заставил себя идти вперед тем же неторопливым деловым шагом.

Казалось, коридор тянется уже многие мили. Но вот, наконец, юноша завернул за угол, в недавно оборудованную секцию. Все двери здесь были закрыты, помещение, как и предупреждал медик, пока пустовало. Теперь осталось добраться до

последней комнаты и пустить чьювер в ход.

Джоктар втащил тележку в пустой кабинет и в изнеможении присел возле стены, намечая взглядом план предстоящих работ.

Затворив дверь и подперев ее для верности тяжелой тележкой, он взял в руки аппарат и, передвинув регулятор на максимум, нажал гашетку. В его уши, в мозг ворвался невыносимый низкочастотный вой. Все тело сотрясалось от вибрации, отдававшей болью в плохо зажившем плече. На стене против него вспухло пышущее жаром белое пятно. Оно было нестерпимо ярким, юноше пришлось прикрыть глаза. Он жал и жал на гашетку, борясь с вибрацией и адской жарой. Она становилась все сильней, но он не отпускал чьювер до тех пор, пока не запахла паленой тканью его туника. Тогда он отошел от раскаленной стены в другой конец комнаты и выключил машину. Здесь он набрался смелости приоткрыть воспаленные глаза По ослепительно белому контуру стекал расплавленный камень. Резь в глазах не унималась, он опять прикрыл их. А когда через минуту вновь поднял обожженные веки, то увидел, что стена по линии выреза стала заметно тоньше.

Джоктар разогнал тележку и со всей силы уда-

рил в стену. Она, не выдержав тарана, подалась, и тележка выскочила на улицу. Юноша втащил ее обратно и снова ударил в оплавленный камень, еще и еще, пока дыра не расширилась настолько, чтобы он смог пролезть Снаружи донесся рокот прибоя, морской ветер обдувал стену, охлаждая ее жаркое дыхание Джоктар снова подпер дверь тележкой, чтобы проникнуть в комнату было нелегко, и вылез наружу.

Над головой светилась огнями ажурная радуга моста, соединявшего этот остров с соседним. Совсем рядом бились волны — он находился у подножия крутого скалистого берега.

Терранец принялся в темноте ощупывать каменный откос. Он обнаружил углубление и трещины, по которым, при известной ловкости, можно было подняться наверх. Он начал подъем; первые шесть футов дались довольно легко, но до моста было еще порядочно. Гораздо труднее оказалось карабкаться дальше: здесь строители моста обработали и сгладили камни, уцепиться было не за что. Когда юноша оседлал наконец балку под мостом, все его тело била дрожь изнеможения.

Силы понемногу возвращались. Пора подумать о дальнейшем пути.

Идти по ярко освещенному мосту Джоктар не рискнул. Его прожженная во многих местах одежда, необъяснимое появление «из-под земли» чуть ли не на середине моста сразу насторожили бы охранников.

Выбор был невелик: если не по мосту, значит — под ним, хотя это очень трудно. А там придется достать где-то форму разведчика.

Где? Как? Терранец покачал головой — не время сейчас об этом думать, ближайшая задача попасть на соседний остров. Он верил, что ему это удастся. Ему до сих пор чертовски везло, полоса удачи должна и будет продолжаться!

Он пополз вперед по скользкой балке. Внизу билась о сваи вода, он ощутил на лице соленые брызги. Прожив много лет в Н-Йоке, он не научился плавать. Пришлось вспомнить годы тренировок: передвижение по ажурной арматуре требовало кошачьей ловкости. Внизу бурлили волны, над головой грохотали идущие по мосту машины. И те, и эти звуки кричали о поджидавшей его опасности. Но он упорно полз, прыгал, скользил вперед, лишь изредка приостанавливаясь, чтобы утереть заливавший глаза горячий пот. Для него в эти минуты вся Вселенная умещалась на узком ребре очередной балки, по которой

нужно пройти и не сорваться в пенистую пучину. Он двигался почти вслепую, под мостом было темно, хитросплетения стоек и штанг приходилось угадывать или нащупывать.

Он не знал, сколько времени длился этот путь. Но вот он уцепился за последнюю опору, упиравшуюся в высокую каменистую стену — берег другого острова. Успокоив дыхание и дав минутный отдых мышцам, он подпрыгнул, и его пальцы ухватились за первый выступ, а ноги нашли первую трещину для опоры…

Это был нелегкий подъем, но он справился с ним. Достигнув набережной, юноша поскорее залез за каменный парапет. Все вокруг было тихо. Он осторожно приподнялся и выглянул из-за своего укрытия. Медик не соврал: его изъятию из госпиталя Леннокс действительно придавал экстраординарное значение.

Неподалеку, вблизи фонаря, лениво прохаживался полицейский. Но рядом — Джоктар в отчаянии вцепился в камень парапета — рядом стоял человек в серой тунике.

Но что это? Разведчик сделал полицейскому прощальный жест и пошел — терранец не верил своему везению — пошел один вглубь острова! Прячась за парапетом, Джоктар, пригнувшись,

двинулся за ним. Разведчик повернул в какой-то парк, где в тусклом свете редких фонарей кусты и деревья отбрасывали спасительную густую тень. Юноша почувствовал себя в родной стихии: на улицах ему не раз приходилось вот так же выслеживать соперника, представителя враждебного клана.

От куста к дереву, от тени к тени. Парк кончился, освещенные окна домов обозначали городской квартал. Улица! Здесь не было равных тому, кто вырос в Джет-Тауне. Едва различимый в тени домов силуэт скользнул вперед, обогнал разведчика и растаял в ближайшем подъезде.

Все ближе цоканье гравитационных подошв. Джоктар приготовился. Будь разведчик помассивнее, или заподозри он что-то, исход мог быть другим. Но он шел беспечно, полностью раскрытый для удара. И терранец нанес свой коронный удар, за который получил бы «отлично» от инструктора по рукопашному бою. Подхватив обмякшее тело, Джоктар опустил его наземь и снял со своей жертвы одежду. Он снова подумал, что сегодня ночь удач. Теперь у него есть серая туника, есть бластер, еще — его везение.

Довершив свой наряд серой форменной пилоткой разведчика, терранец оттащил бесчувствен-

ное тело в темноту подъезда.

Он знал: его жертва еще минимум час будет лежать здесь в беспамятстве, да и потом не сразу сможет вразумительно отвечать на вопросы тех, кто его обнаружит. А вопросов возникнет немало: ведь Джоктар «пожертвовал» оглушенному разведчику свою тунику с эмблемами клиники…

Редкие прохожие, торопившиеся по своим делам, не обратили никакого внимания на стройного офицера, уверенно шагавшего по улицам. Терранец пересек остров и оказался у моста, перекинутого к Семи Морям. Здесь не исключены встречи с охранниками. Джоктар замедлил шаг возле освещенной витрины магазина и стал рассматривать идентификационный жетон, оказавшийся в кармашке туники.

Итак, теперь он Рог Килинджер, имеет особое задание командора Леннокса. Чудесно! Он поднял глаза к витрине — там были цветы, множество чудесных букетов в чудесном магазине.

И ночь в ярко освещенном городе была чудесной ночью! Разве доблестный разведчик Килинджер, вернувшись из полного опасностей рейса к враждебным планетам, разве не имеет он права этой чудесной ночью вволю повеселиться на острове Семи Морей? Только этот дворец

развлечений достоин смягчить мужественную суровость космического волка Рога Килинджера, которому сам Леннокс доверяет особые и, конечно же, секретнейшие поручения!..

Полицейские! Они через каждую сотню ярдов стояли вдоль моста. Но ни один не обратился к Джоктару, не взглянул на проходящего мимо разведчика пристальнее обычного.

Медик не преувеличивал, расписывая роскошь Семи Морей. Вот он, знаменитый сад, где в отблесках разноцветных огней красуются здания причудливой архитектуры. Их шпили и вычурные башенки тонули в ночном небе Локи. Из темноты вдруг донеслось:

— Ваш идентификационный знак?

Как можно небрежнее Джоктар достал и протянул его.

— У тебя здесь дело, разведчик?

— Еще бы, — ухмыльнулся Рог Килинджер, — ведь я только что из дальнего рейса.

Полицейский хмыкнул:

— Боюсь, что ситуация не в твою пользу, тебе придется сегодня воздержаться от напитка грез. Говорят, ваш командор рвет и мечет.

— Все правильно, — пожал плечами беззаботный гуляка. — На то он и командор. А я — простой

офицер, забывший в походе вкус напитка грез и запах хорошей отбивной.

— Выпей и за меня кубок, — полицейский улыбнулся и протянул ему жетон. — А мне еще долго здесь торчать сегодня.

— Что-то стряслось? — спросил Джоктар с вежливым безразличием.

— Тревога «Б», — пожал плечами часовой. — Это не особенно серьезно. «Б» объявляют всякий раз, когда какой-нибудь высокий босс обнаружит у себя на заднице прыщик. Не прячь свой знак далеко: сегодня придется часто его предъявлять.

— Спасибо, учту.

Махнув часовому на прощание, Джоктар вошел в сад. Если бы его побег был раскрыт, охрана не была бы столь беспечна!

Вокруг, заглушая рокот прибоя, звучала музыка, смех, веселые голоса. Эти звуки были знакомы юноше — центры развлечений везде, в общем, одинаковы.

Из боковой аллеи вынырнула компания разряженных в дорогие туалеты людей и направилась, смеясь и щебеча, к ярко освещенному зданию. Джоктар решил не отставать и оказался на террасе, уставленной столами. Свободных мест не было; он увидел дверь и вошел в смежный зал.

Здесь угощалось множество людей, одетых по моде самых разных планет. В многоголосье языков и наречий юноша различал иногда и терранскую речь.

Он попытался было вслушаться в слова, надеясь получить какую-то информацию, но вдруг заметил сидящего за одним из столиков человека в серой форме. Резко изменив маршрут он пошел через зал мимо жующих и вкушающих изысканные напитки людей. Пряные запахи щекотали ему ноздри, от острого приступа голода он ощутил спазм в желудке. Стараясь отвлечься от мыслей о еде, он ускорил шаг, на ходу осматривая веселящуюся публику Вдруг его взгляд остановился на двух мужчинах, вышедших из отдельной ниши. Они, перекидываясь короткими фразами, двинулись в том же направлении, что и Джоктар. В облике одного из них терранец уловил что-то знакомое. Вот мужчина чуть повернул голову… Это был Саммс!

Мгновенно оказавшись у двери, Джоктар рванул ручку и вышел прочь. Он предполагал попасть еще в один зал, а оказался на городской улице. Его оглушил смех и громкий говор ярко одетых людей, стоявших на движущихся лентах тротуаров. Раствориться в этой нарядной тол-

пе ничего не стоило. Но вот среди ярких одежд мелькнула темная и потому, приметная здесь туника Саммса.

Джоктар, перескакивая с одной ленты на другую, стал пробираться поближе. Когда он был уже совсем рядом, Саммс и его спутник вдруг перешли на другую ленту, свернувшую в узкую малолюдную улицу. Чтобы остаться незамеченным, Джоктар приотстал, пропустив вперед несколько более нетерпеливых попутчиков.

«Делегатов с Фенриса, — рассуждал юноша, — наверное, поселили всех вместе. Значит, следуя за Саммсом, он отыщет и Хогана».

В это время невысокий спутник Саммса любезно раскланялся с какой-то женщиной, повернувшись при этом в профиль. Юноша напряг зрение сомнений нет, это же Саа, босс компании Харбанда! Ну и парочка! Их дружеская беседа накоротке никак не вязалась со смертельной враждой людей, еще недавно державших друг друга на прицеле бластера. В колоде Джоктара появилась козырная карта: его подозрения в двурушничестве Саммса подтвердились. Но сейчас эта карта только мешала игре: он уже был убежден, что дальнейшая слежка приведет к Хогану.

В этот момент оба сошли с движущегося тро-

туара. Для принятия решения у терранца были считанные секунды. Они уже свернули к зданию, где светилась кабина антиграва. Джоктар соскочил с ленты и успел встать на площадку лифта рядом с Саа.

Саммс, уже протянувший руку к панели управления, оглянулся. Джоктар замер, сейчас его узнают! Но то, что он увидел в обычно ледяных глазах, было совсем уж неожиданно. В них он прочел удивление и беспокойство. Такие эмоции в глазах, которые никогда ничего не выражали!

— Почему ты здесь? — голос Саммса звучал требовательно. Мы же договорились с Ленноксом: до девятнадцати часов — никаких действий.

— Командор решил, что предосторожность не помешает, — пожал плечами терранец. — Я для страховки.

Нескрываемое беспокойство промелькнуло и на лице Саа.

— Зачем было в последнюю минуту корректировать тщательно согласованный план? Твое появление вместе с нами ставит под угрозу предстоящие переговоры.

Джоктар сообразил, что оказался в центре каких-то событий. Но что же, Саммс действительно не узнает его? Или узнал, но не подает виду? И

с какой стороны причастен ко всему этому Ленноксу со своими разведчиками?

— Я получил приказ, — лаконично ответил он.

Вполне может случиться, что сейчас Саммс прикажет ему выйти из кабины и отправиться восвояси. Но тот нажал кнопку, антиграв стал подниматься; не скрывая раздражения, Саммс все давил и давил на кнопку, площадка разгонялась все быстрее… Джоктар ухватился за поручень: резкая остановка сбросит человека в пропасть глубиной в десятки промелькнувших этажей.

Однако Саммс плавно замедлил подъем, они благополучно выбрались из кабины и оказались в холле. Первое, что бросилось терранцу в глаза, была зеленая туника полицейского и голубая — патруля. Саммс может подойти к ним, сказать пару слов и…

Но Саммс решительно направился к двери. Он прислонил ладонь к замку, дверь отворилась. Терранец шагнул в комнату. Саа, прежде чем войти, чуть замешкался, как бы преграждая своей спиной дорогу навязчивому разведчику. Но Джоктар неотступно следовал за ними.

Комната была богато обставлена. Скользнув вокруг взглядом, юноша увидел утонувших в объятиях пышных кресел Рисдайка и Хогана. Но

на их лицах было написано что угодно, только не блаженство.

Джоктар перевел взгляд на стоявшего возле кресел патрульного офицера. Небольшой дискообразный пульт в его руках сказал юноше многое: оба свободных фенрианца были стиснуты силовыми путами.

— Сдается мне, — проговорил Джоктар, — что здесь играют не на равных.

Офицер вскинул голову — его глаза наткнулись на зловещий зрачок бластера.

— А ну брось это! — приказал терранец. Патрульный слегка разжал ладонь, державшую пульт. Хоган с Рисдайком шевельнулись: тиски поля ослабли.

— Ну-ка, быстро! — Джоктар протянул руку и поймал брошенный диск.

— Теперь вы, все трое, туда! — махнул он в направлении дальней стены. Когда Саммс, Саа и офицер подчинились, юноша сунул бластер в кобуру и подошел к пленникам.

— И вы, и я знаем, что это, — он поднял над головой диск управления, — можно настроить на непрерывное излучение. Я попробую вспомнить эту комбинацию... Трое у стены вдруг задергались под силовыми плетями. Саммс изрыгал

проклятья, не преминув упомянуть всех предков Джоктара довольно нелестным образом.

— Ага, я, кажется, вспомнил! Так, а теперь вот так. Готово! — Джоктар застопорил кнопку в нажатом положении, затем положил диск на пол. — Вы будете исполнять там свои акробатические номера, пока не иссякнет энергия, а произойдет это не скоро.

Саммс разразился потоком брани, адресовав одно из замысловатых ругательств Ленноксу.

— А он тут причем? — удивился Рисдайк.

— Наши друзья считают этого юношу посланцем командора, — рассмеялся Хоган. — Они клюнули на его маскарад.

Он обнял Джонтара за плечи:

— Молодец, бой. Но как ты ухитрился раздобыть эту форму, оружие и появиться здесь в самый критический момент?

Саммс, злобно прищурившись, взглянул на юношу, разглядев, наконец, его самого, а не одежду. В глазах, узнавших его, загорелся мстительный огонь. Джоктар понял, что до конца своих дней Саммс будет помнить эту проделку и при случае жестоко отплатит за нее.

— Меня пытались забрать из клиники разведчики, — объяснил терранец Хогану. — Я решил,

что лучше сам уйду оттуда. Но я так и не знаю, зачем им понадобился…

— Саммс, — Хоган вернулся в кресло. — Признаю, я недооценил тебя. Ты человек Леннокса? Не потому ли командор в курсе всех наших планов и маршрутов?

— Я давно подозревал, Саммс, — вставил Джоктар, — что ты играешь мечеными картами.

Юркий Саа заерзал, ища наименее болезненное положение в силовых тисках.

Поняв безнадежность своих попыток, он заговорил:

— Я разумный человек и ценю людей, умеющих мыслить. Ты, Хоган, показал себя отличным логиком, способным занять гораздо более высокое положение, чем руководить шайкой отщепенцев. Да и мой Харбанд, я чувствую, для тебя лишь мелкая и побочная цель. Мы оба — деловые люди и могли бы заключить сделку.

— Такая оценка моей скромной персоны для меня лестна, — со светской вежливостью ответил Хоган. — Да, я человек здравомыслящий и опираюсь на логику. И что же ты мне предлагаешь?

— Деньги. Тебе мало?.. А твою жизнь?

— Меня в равной мере интересует и то, и другое. Не пора ли тебе, однако, начать открывать

твои карты?

Рядом с тщедушным бизнесменом у стены стоял Саммс. Джоктар видел, как сузившиеся глаза в упор разглядывали Хогана, изучали его. Так человек глядит на своего заклятого врага, решающая схватка с которым неминуема. Взгляд серых глаз снова был ледяным, к Саммсу вернулась обычная самоуверенность. На что он надеялся? Чего-то ждал?

Терранец вмешался в разговор:

— Они умышленно тянут время.

— Конечно, — ухмыльнулся Хоган. — Тем не менее, будем хотя бы вежливы, если не можем проявить положенную почтительность к человеку, представляющему не кого-нибудь, а могущественную компанию.

Саа едва заметно кивнул: большего не позволяли силовые путы. Тем не менее тон его был язвительным:

— Я должен был обзавестись верительными грамотами?

— К чему формальности? Я не сомневаюсь в твоих полномочиях. Итак, что конкретно может сделать для нас компания?

— Например, изменить правила импорта на более либеральные, чтобы Фенрис могли посещать

свободные торговцы.

— А что в ответ требуется от меня?

— Не ходить к Куллану.

— Вот оно что! А я ломал голову: как ты, заслуживший репутацию несгибаемого человека, легко и просто обещаешь то, чего мы безуспешно добиваемся годы. Это наталкивает на определенные предположения. Но я не требую, чтобы ты подтвердил их правильность. Компании почувствовали перемену ветра, который может сейчас сдуть их с Фенриса при первом же публичном скандале. А поднять его, опираясь на нашу информацию, может советник Куллан, убежденный противник монополий. Лично я уверен, что компаниям в их нынешнем варварском обличье существовать недолго. Их крах приближается неотвратимо, и теперь поздно цепляться за полумеры, как поздно возводить дамбу, когда половодье уже началось. Ты же рассчитываешь, заключив со мной сделку, выиграть полгода, а то и год. Ты веришь, что за этот срок деньги и связи помогут вам перетянуть на свою сторону большинство в правительстве и получить карт-бланш на дальнейшее расхищение богатств пограничных планет.

— Еще раз убеждаюсь в твоем уме, Хоган. Мы

можем отлично поладить, — улыбнулся Саа и тут же поморщился, истязаемый силовым бичом. — Война, объявленная тобой на забытой людьми планете, может затронуть не один сектор Галактики. Вот почему я пытаюсь сейчас хотя бы одного противника превратить в союзники — это все равно, что суметь обуздать разлившуюся реку.

— Я понимаю, ты хорошо информирован. — Хоган бросил взгляд на Саммса. — Тебе мало сделки с ним, понадобился еще и я. Не слишком ли мелкая игра для такого магната как ты?

— Один твой козырь, — Саа показал глазами на включенный диск, — бьет все мои карты.

— Так уж и все?

— Мы напрасно теряем время. Час назад Леннокс считал, что достиг своей цели. И мы могли спокойно разыгрывать свою партию. Но теперь расклад изменился: козыри перешли к тебе. Но Леннокс еще не сделал своего хода.

Хоган сидел неподвижно, на его лице застыла холодная усмешка. Но Джоктар знал, что нервы шефа сейчас вибрируют, как натянутые струны.

— Я вижу, ты знаешь очень много.

— Да, знаю. И поверь, Хоган, я действительно осознал необходимость пересмотра методов освоения планет, ибо прежняя политика уничтожит

нас. Но ты сейчас занес руку для удара по самой верхушке. Берегись: на твоем пути Леннокс, он постарается взять свое. Помни мои слова.

Вместо ответа Хоган взял со стола микрофон спецсвязи. С уст Саммса слетело сдавленное ругательство. Хоган набрал код, экран осветился. На нем появилось чье-то лицо, вопросительно глядевшее на Хогана. Тот поднес микрофон ко рту:

— Советник, это я, Хоган. Мы получили информацию, что Леннокс…

Речь его прервалась, он не мог больше произнести ни звука. Удар, нанесенный врагом, проник через стены, через пол, через воздух и достиг цели.

— Вибратор, — едва прохрипел Джоктар, скорчившись от нестерпимой боли. Мощность излучения указывала, что его источник где-то совсем рядом.

Извиваясь и хрипя от боли, покатился по полу Рисдайк. Хоган, обливаясь потом, пытался противостоять разрывающему мозг и тело кошмару. Прижимая ко рту микрофон, он тщился произнести хоть одно членораздельное слово. Джоктар, несмотря на жуткие судороги во всем теле, устоял на ногах. Он даже ухитрился сделать несколько шагов к двери и направить на нее бластер.

Сзади послышался полустон-полухрип. Терранец оглянулся.

Хоган, с искаженным болью лицом, глазами показывал на судорожно сжатый в его руках микрофон. Джоктар двинулся к нему, содрогаясь от изнуряющей пытки ультразвуком. Он сумел дотащиться до шефа и взял микрофон, стараясь при этом держать вход под прицелом бластера.

Собрав все силы и удивляясь, откуда они берутся, он поднес микрофон ко рту. Только это может спасти их! Напрягая непослушные губы, стараясь хоть на секунду унять бьющийся в такт вибрации язык, он мучительно пытался превратить свое звериное мычание в человеческую речь.

— З-з-д-десь в-виббрр-атор… — Каким трудом дались ему эти слова! Если бы только их понял человек, мелькнувший на экране…

Экран! Он снова осветился. Появившийся на нем человек смотрел несколько мгновений на него, перевел взгляд на скрючившегося Хогана и исчез. И тут же сокрушительная судорога сбила Джоктара с ног, микрофон покатился по полу, экран погас.

Видимо, вибратор переключили на максимум. У Рисдайка из горла хлынула кровь.

Саа без чувств обвис, поддерживаемый лишь

силовым полем диска. На тряпичную куклу с закатившимися глазами походил и патрульный офицер. Из троих только Саммс не совсем еще отключился.

Страшная боль потрясла Джоктара. Но он вдруг почувствовал, что даже сейчас может двигаться, и лениво удивился этому. В помутненное сознание пробивалась мысль о необходимости защищаться. Превозмогая судороги, он прополз мимо Рисдайка и ухватился за стол, пытаясь подняться на ноги.

Рядом в кресле неподвижно лежал Хоган. Джоктар отметил, что шеф в сознании. Вот он задергался, глядя на вход.

Джоктар обернулся: дверь отворилась, пропустив человека в костюме высшей защиты. Терранец знал, что это такое. Бластер бесполезен, даже выстрела в упор этот человек просто не заметит. И все же Джоктар заставил себя подняться на ноги — пока есть силы, он не хотел сдаваться.

Неизвестный подходил все ближе. По пути он перевернул ногой бесчувственное тело Рисдайка, затем направился к распростертому в кресле Хогану. В руке человека блеснул металл. Джоктар слышал еще в Сан-Споте об этих маленьких смертоносных устройствах, но никогда раньше их

не видел. Итак, это убийство. Он пришел, чтобы навсегда заткнуть рот Хогану.

Разделявшее их расстояние Джоктар мог бы преодолеть одним прыжком, если бы не парализующая мышцы вибрация. И все же…

Бластер весил тысячи тонн. Но терранец поднял эту тяжесть и направил не на убийцу, а на диск, что валялся на полу. Треснул выстрел — и между Хоганом и незнакомцем вырос ослепительный огненный столб. Выплеснувшаяся энергия диска ослабила на миг действие ультразвука, и освобожденный из тисков Хоган ринулся на остолбеневшего от неожиданности противника. Оба повалились на пол, Джоктар насел сверху и, размахнувшись бластером, ударил сбитого с ног человека по голове.

Но измочаленный вибрацией, он не сумел оглушить врага, как не сумел и среагировать на ответный удар. Кулак в тяжелой, перчатке бросил Джоктара на пол, а встать на ноги уже не было сил…

Из руки незнакомца вырвалась черная молния, Хоган вздрогнул и затих на полу. Затем человек повернулся к Джоктару; на лице, защищенном прозрачной маской, мелькнуло изумление. Он сделал шаг к юноше, поднял его одной рукой и

швырнул в кресло. Руки в перчатках ухватили терранца за ворот туники и разорвали ее сверху донизу. Глаза человека впились в грудь, но, не обнаружив того, что искали, остановились на плече, где багровел едва зарубцевавшийся шрам. Незнакомец склонился к портативной рации, висевшей на плече, и что-то проговорил.

В тот же миг вибрация исчезла. Но никто из находившихся в комнате людей не пошевелился — они были в глубоком беспамятстве.

Жесткие перчатки схватили руки терранца и заломили за спину. Вокруг кистей обмотался прочный ремень. Затем от грубого толчка Джоктар снова очутился на полу.

Рядом загромыхали сапоги — сюда вошли люди. Юношу рывком подняли и он встретил холодный взгляд человека в серой тунике, который приходил за ним в клинику. Удостоверившись, что перед ним тот, кого он искал, командор удовлетворенно кивнул и повернулся к другим.

Джоктар проследил за его взглядом. Рисдайк, Саа и офицер патруля лежали без чувств. Глубок ли обморок у Саммса и Хогана, юноша не знал.

Леннокс схватил за волосы Хогана и повернул к себе. Хоган открыл глаза, его лицо исказила гримаса ненависти и боли. Губы командора тронула

издевательская ухмылка.

— Ты проиграл, снупер.

В глазах Хогана что-то дрогнуло, из горла вырвался хрип, Леннокс счел это проявлением протеста.

— Теперь ты будешь там, где тебе навсегда заткнут пасть. Хотел бы я знать, как справится со своей миссией твой шеф, если в игре не будет тебя… — Взглянув на искаженное ненавистью лицо Хогана, Леннокс дал волю своей ярости. — Никто, ты слышишь, снупер, — он с такой силой рванул Хогана за волосы, что голова стукнулась о спинку кресла, — я говорю, никто не может перехитрить разведчика!

Он перевел взгляд на Джоктара, и в его глазах юноша уловил то же брезгливое презрение к непонятному существу, что поразило его еще в клинике.

Командор процедил, с угрозой:

— Мы выпотрошим тебя, щенок, протащим через все тесты. И если ты действительно… Тогда прощайся с жизнью… Келес!

Офицер в серой тунике вытянулся перед Ленноксом.

— Коптер ждет на террасе. Немедленно бери этих — и в штаб. Обоих…

— Ты не слишком спешишь, командор?

Расталкивая разведчиков, в дверь входили люди в голубых туниках.

Леннокс пригнулся, словно в ожидании схватки. Но тот, кто вошел первым, был безоружен. Туника члена правительства была приспущена на плече, открывая звезду Советника. Именно этого человека видел Джоктар на экране.

— Гражданские власти не должны вмешиваться в наши дела, советник, — заговорил командор.

— Ты говоришь, — поднял брови Куллан, — что это ваше дело? Разве хоть один из этих людей числится в твоей службе? Давай поглядим на них вместе. Вот Саа Ким — руководитель компании Харбанд. А — то один из патрульных. Разве патрули подчинены разведчикам? Напротив, это ваша служба подконтрольна их адмиралу. Ну, а эти, — он указал на Саммса, Хогана и Рисдайка, — делегаты с Фенриса, которым я назначил встречу на завтра. Впрочем, уже за полночь, так что на сегодня. Итак, я не вижу здесь людей, находящихся у тебя в подчинении.

Леннокс рванул с пола связанного Джоктара, поставил его на ноги.

— Но этого я могу взять, он-то мой!

— Твой? — Куллан внимательно посмотрел на

юношу.

— Дебор!

На зов подошел один из патрулей.

— Насколько мне известно — а если я ошибаюсь, вы с Ленноксом меня поправите — каждый разведчик всегда и везде должен носить при себе идентификационный знак. Так?

— Да, советник, — отчеканил патрульный.

Леннокс угрюмо молчал.

— Тогда, Дебор, я прошу тебя посмотреть, есть ли знак у этого человека.

Джоктар скосил глаза. В обивке пустого кресла, между сиденьем и подлокотником, чуть поблескивал ободок жетона, похищенного им вместе с серой формой. Он, видимо, вывалился из кармашка в тот момент, когда разведчик порвал на нем тунику.

— Ну же, Дебор!

Патрульный нерешительно переминался с ноги на ногу, не в силах побороть устоявшееся почтение к серой форме. Леннокс притянул Джоктара поближе к себе, как бы утверждая свои права на одного из подчиненных.

— Ну зачем же так, командор! Если он твой, у него есть диск. Если нет — гражданские власти разберутся, зачем этому молодому человеку по-

надобился сей маскарад.

Темный загар на лице Леннокса приобрел зеленоватый оттенок. Сдерживая бешенство, он сделал шаг назад. Офицер патруля обнажил грудь Джоктара, провел по кармашкам туники.

— Диска нет, советник, — отрапортовал он.

— Выходит, я прав, он просто переодет в форму разведчика. Его дело будет рассмотрено по обычной процедуре. Вообще, многое для меня здесь непонятно, и я займусь всем этим, не откладывая… Патруль, проводите всех, включая и командора, в мою резиденцию.

Леннокс сделал протестующий жест. Но Куллан продолжал:

— Не бойтесь, командор, они не сбегут — на этот счет я позаботился. Но всем этим людям необходим отдых, а также медицинская помощь. Пусть их приведут в порядок, и тогда мы встретимся.

Спустя час все они сидели в приемной у Куллана. Джоктар облюбовал для себя подоконник, на который падали с улицы розоватые отсветы зари. В его руке был большой кубок с тонизирующим напитком. Прихлебывая прохладную жидкость, юноша внимательно следил за всем происходящим.

Рисдайк откинулся в кресле. Хотя кровотечение

остановилось, но сквозь загар на лице летчика проступила болезненная бледность, его бил озноб. Сидевший рядом с ним Саммс уже почти оправился от пытки ультразвуком. Серые глаза были, как обычно, льдисты и непроницаемы. Саа выглядел неважно, он то и дело отпивал из широкого сосуда какое-то целебное снадобье.

Леннокс ухитрился в мягком кресле сидеть неподвижно и прямо, словно бы в тисках силового поля. С ним резко контрастировала поза Хогана, устроившегося в кресле с непринужденным изяществом. Не было только патрульного офицера. Зато в комнате оказался незнакомец в тунике шефа офиса. Джоктар видел, как этот человек, который назвался директором Кронфильдом, войдя, дружески поздоровался с Хоганом как со старым знакомым. Кронфильд расположился напротив них, заняв место за столом подле Куллана.

— Вот и рассвет, — проговорил советник, обернувшись к окну. — Это глубоко символично: нам тоже предстоит пролить свет на чрезвычайно запутанное дело.

Он взял в руки лежавший на столе лист бумаги.

— Это петиция, врученная мне от имени тех, кто называет себя Свободными Людьми Фенриса.

Они делегировали на Локи Рисдайка, Саммса и Хогана. К делу причастен и советник Саа, один из руководителей Харбанда. Кстати, он не возражает против обсуждения претензий в адрес компаний?

— На скачках не может победить тот, чья лошадь захромала, — витиевато ответил Саа Ким, пряча свои чувства за вежливой ухмылкой, унаследованной им от дальних предков. — Мы с Хоганом уже обговорили основной круг наших вопросов и, надеюсь, пришли к соглашению. Оговорюсь, что я могу отвечать только за одну нашу компанию. Вместе с тем…

— Вместе с тем брешь, — подхватил Куллан, — пробитая тобой в политике монополий, заставит и других промышленников пойти на уступки. Ты это хотел сказать, Саа? Я тоже так думаю. И поэтому позабочусь, чтобы Высший Совет безотлагательно обсудил весь комплекс существующих на пограничных планетах проблем и вынес взаимоприемлемые решения. Не могу не отметить, что ты, Саа, проявил завидную мудрость и гибкость в довольно непростой ситуации.

Саа вновь улыбнулся:

— Да уж, в такую острую ситуацию я никогда раньше не попадал и, надеюсь, не попаду

впредь.

— Следующий вопрос, — Тон Куллана стал сухим и официальным. — По приказу этого офицера разведки тебе нанесен моральный и физический ущерб, имело место покушение на твою свободу. Ты вправе заявить официальный протест.

На этот раз Саа улыбнулся как можно шире:

— Советник, поскольку это уже не касается вопросов по Фенрису, я предоставляю тебе самому разбираться с разведкой. А этот офицер… Нет, я воздержусь от подачи протеста. Теперь же, поскольку вопрос исчерпан, позволь мне уйти. — Он встал и тронул за рукав Саммса. — Ты идешь со мной?

Саммс повел плечом, отстраняясь от этого прикосновения. Он согнулся, положив локти на колени, и неотрывно глядел на Хогана. А может быть, на Леннокса? Наступившую паузу прервал Куллан:

— Если ты, Саа, уклоняешься от подачи протеста, рассчитывая договориться с этим офицером, то напрасно. Он теперь вряд ли правомочен заключать сделки. Или ты настаиваешь на своих полномочиях, командор?

Леннокс продолжал сидеть так же прямо, однако каким-то непостижимым образом он будто

уменьшился в размерах.

— А ты что скажешь? — этот вопрос, произнесенный сдавленным от волнения голосом, заставил всех посмотреть на Саммса. Тот стоял, набычившись, в упор глядя на Хогана, и ждал ответа.

— Саммс, я хочу сделать тебе подарок. — В голосе зазвучала знакомая ленивая интонация. — Это всем подаркам подарок, Саммс. Я дарю тебе Фенрис! Что бы ты там не планировал, но дело ты сделал хорошее. Хорошее, во-первых, для всех, кто послал нас сюда. Когда Саа выполнит свои обещания, это пробьет изрядную брешь в стене, которой Фенрис отгорожен от всего мира. Словом, для Свободных Людей планеты начнется новая, счастливая эра. Благодарю тебя, босс, — усмехнулся Хоган, отвешивая Саа шутливый поклон.

Директор Харбанда склонил в ответ свою изящную голову, не забыв вежливо улыбнуться.

— Во-первых, — Хоган вновь повернулся к Саммсу, — это дело хорошо оборачивается и для тебя. Ты теперь первый человек на Фенрисе, герой, чьи лавры никто не осмелится оспаривать. Желаю тебе стать большим боссом на твоей планетке, для этого у тебя есть все качества, даже в избытке. И последнее. Можешь не говорить, что

ненавидишь меня. Я это знаю. Теперь же, после моего подарка, ненавидишь еще сильнее — мы и об этом оба знаем. Что ж, прощай новый герой Фенриса! — Хоган поднял руку и помахал Саммсу с уничтожающей усмешкой.

Саммс с трудом оторвал от соперника полный ненависти взгляд. Сдерживая бешенство, он отвесил Куллану деревянный поклон и вышел рука об руку с Саа. Перед ними лежало их будущее, хотя каждый из двоих партнеров представлял это будущее по-своему.

Когда они скрылись за дверью, Хоган произнес, как бы подводя черту:

— Конец главы. Или книги?

— Во всяком случае, первого тома, — задумчиво добавил Кронфильд.

— Пожалуй, — согласился Куллан. — Но и второй том не менее захватывающий... — Он поднялся и, заложив руки за спину, долго стоял у окна, наблюдая бег облаков, окрашенных пурпуром зари. Затем вернулся к своему креслу и переставил его так, чтобы сесть лицом к лицу с Ленноксом. Его голос зазвучал уверенно и твердо. — Мы знаем все, даже то, о чем ты, командор, и не подозреваешь. А пока отвечай: кто дал тебе право под всеми звездами Галактики ставить

барьеры фаллианам?

Старательно сохраняемая до сих пор выдержка изменила Ленноксу. Его лицо вновь побледнело от бешенства, в глазах загорелась лютая ненависть.

— Если тебе известно все, известно и то, кто дал мне такое право.

— Ты словно гордишься тем, что сделал… Двадцать лет назад отважный смельчак принес в наш мир самый большой подарок, о каком могло мечтать человечество. К тебе, командор, обратился он за помощью, но его ожидали предательство и смерть.

— Я не признаю твоих обвинений, советник, — замотал головой Леннокс. — Я выполнял свой долг и приказы командования. Хотя, не скрою, я был согласен с этими приказами. Да, я велел убрать Марсона, но он уже не был человеком. Для блага людей был убит этот оборотень, этот монстр, явившийся со своими мерзкими предложениями. — Злобная усмешка искривила губы Леннокса. — Лучше благодарите богов, что я помешал этому предателю выполнить свою чудовищную миссию.

— Подобная точка зрения известна. — Ледяной тон Кронфильда резко диссонировал со злобны-

ми выкриками Леннокса. — Известен фанатизм сторонников этой позиции. Но многие видят проблему и ее историю иначе. Марсон, один из лучших разведчиков, ни в чем не изменил своему долгу первооткрывателя новых миров. Он вошел в контакт с неведомой доселе расой, одновременно с нами существовавшей в Галактике. Причем не он был инициатором контакта, Марсон просто поспешил на зов, приняв сигнал с просьбой о помощи. Те, к кому он прилетел, приняли посланца человечества с добротой и открытостью. Он долго жил среди них, изучая эту расу, хотя ее и не было в списке цивилизаций, с которыми разрешен контакт. Поняв, насколько полезной для людей может стать дружба с Другими, он решил вернуться. Марсон знал, что на карту поставлена его карьера и даже жизнь. Но он верил, что найдет разумных людей, которые выслушают его доводы и захотят удостовериться в истинности его доказательств. Он пришел с высокой миссией, он мог рассчитывать на неприкосновенность, ограждающую послов любого ранга. Но ему не дали дойти до тех, кто мог бы оценить значимость сокровища, которое Другие предлагали человечеству. Марсон не успел сделать первых шагов, как был схвачен и убит. Служба разведки постаралась,

чтобы всякая память об этом исчезла. Но Другие не теряли надежды на контакт. Они торопились, зная, что срок жизни людей гораздо короче их собственного. Они боялись, что ныне живущее поколение исчезнет с лица Терры, так и не узнав о зове дружественной расы. И пятнадцать лет назад контакт повторился. На этот раз в наш мир летели двое добровольных послов, взявших с собой в качестве доказательства еще одного — третьего.

Рука Леннокса непроизвольно нырнула к поясу и в бессильной ярости стиснула пустую кобуру. Проследив глазами этот жест, Кронфильд лишь покачал головой, не прерывая своего рассказа.

— Втянутым в этот новый контакт оказался разведчик Ксанга, выполнявший рейс по той же орбите, что когда-то и Марсон. Его история повторилась, но корабль Ксанги летел в наш мир с двумя пассажирами: женщиной и ребенком. Ксанга знал о гибели Марсона, понимал, что его ждет. Но он рискнул вернуться, выбрав для посадки глухую планету Кире. Однако там он угодил в ловушку, был опознан и схвачен полицией порта. Опасаясь, что его заставят выдать тех, кто прибыл с ним, Ксанга предпочел смерть и покончил с собой. Как удалось женщине с ребен-

ком просочиться сквозь полицейские кордоны и покинуть Кире, осталось загадкой, в которую уже никому не проникнуть. Но они каким-то чудом ухитрились добраться до Терры.

Другие считали, что сумели застраховать женщину от любых опасностей, подстерегающих ее в мире людей. Но одного они не предусмотрели: ей не был привит иммунитет к нашим болезням. Через короткое время женщина умерла в Джет-Тауне, районе порта Н-Йок, где она скрывалась со своим малышом. Ребенок остался жив.

Пустой кубок выпал из руки Джоктара. Но никто не обернулся на шум — все были захвачены странной историей, которую излагал Кронфильд.

— По терранский меркам, мальчик выглядел лет на шесть, хотя на самом деле он был вдвое старше. Для безопасности ребенка его память была прочно заблокирована. Мальчишку прибрали к рукам люди, связанные с преступным миром и ничего не подозревающие о его происхождении. Он и сам не помнил о себе решительно ничего. Теперь, Леннокс, хотелось бы вернуться к понятию долга — вы ведь на него ссылаетесь. Какие, по-вашему, мотивы двигали Марсоном, покинувшим рай Других ради счастья людей? Во

имя чего сознательно шел на смерть Ксанга? Что заставляло эту женщину рисковать собой и ребенком? Только избавьте меня от необходимости выслушивать дурацкие бредни, состряпанные службой разведки после первого контакта с Другими. Мозги обывателей до сих пор старательно начиняются этими идиотскими баснями.

— Идиотскими баснями? — Леннокс задохнулся от возмущения. — Так ты называешь правду об этих нелюдях?

— А ты что называешь правдой? Утверждение, что Другим даровано бессмертие? Это не более чем вымысел. Даже та скудная информация, которой мы располагаем, свидетельствует, что Другие гибнут, как и люди, в катастрофах, а в прошлом они теряли множество своих в галактических войнах. Но если и не брать это, доказано, что жизнь их тоже конечна, просто срок ее несравненно длиннее нашего. Нет, не это заставляет бояться Других, а то, что они мудрее нас, совершеннее духовно и физически. Кое у кого это порождает комплекс неполноценности. Уверен, что, узнав Других лучше, люди увидят не только их сильные, но и слабые стороны…

Леннокс, обуреваемый яростью, злобно сплюнул:

— Они добираются до нас, чтобы поставить низшую расу себе на службу. А ты хочешь стать их пособником!

Кронфильд нахмурился:

— До чего же живуч страх, порожденный ложью! Полвека назад истеричный человек принял секретное сообщение. Вольно или невольно, ошибочно или преследуя собственные деспотические цели, он посеял ложь, возведя из нее стену между нами и расой Других. Но правда всплыла. Те, кто, рискуя жизнью, изучал рапорты полувековой давности, узнали истину, искаженную волей фанатика. Но только три года назад нашлись люди, достаточно влиятельные, чтобы получить доступ ко всем материалам. И тогда рассыпалась в прах гнусная ложь, которую дал миру бесноватый гений Морре. Он повинен в жутком преступлении, совершенном по отношению к Другим. Да, эта раса нуждается в нас — для своего существования, для воспроизводства новых поколений Всегалактической расы!

Звенящий голос Кронфильда вдруг сорвался от волнения. Стараясь овладеть собой, он сделал глоток из стоящего перед ним кубка.

Все молчали, пытаясь осознать услышанное. И вновь заговорил Кронфильд, заговорил мягко,

как говорят о мечте, о самом сокровенном.

— Другие… древняя гуманоидная раса, во всем превзошедшая нашу цивилизацию… Они преодолевают такие звездные расстояния, которые недоступны нашему разуму. Они дружески помогали мирам, которые существовали до нас. Тем, что на память грядущим покорителям нашей очень старой Галактики оставили лишь пыльные руины некогда прекрасных городов. Много лет назад произошла катастрофа: Золотой мир попал под воздействие неисследованного космического излучения. Других постигла роковая мутация, которая ведет к вымиранию этой расы. От их союзов между собой стали рождаться дети исключительно женского пола. Но есть выход: от браков с мужчинами родственной гуманоидной расы на свет появляются дети двух цивилизаций — фаллиане. Такие союзы дают Галактике людей с замечательными качествами: превосходными умственными и физическими данными, огромной продолжительностью жизни. Долго и мучительно искали Другие расу, которая подошла бы им для продолжения рода. Сильно уменьшилось за это время число жителей Золотого мира — они, увы, не бессмертны. И какова же была радость Других, когда они узнали про

нас! Их зов был мольбой о помощи…

— Чтобы плодить гибридов, метисов, чудовищ! — презрительно вставил Леннокс.

— Гибридов — да. Но вовсе не чудовищ, а людей улучшенной породы. В этом убедились те, кто не поддался на лживую пропаганду союзником Морре и внял зову маяка. Один из них — Марсон, взявший в жены женщину другой расы. Там, в Золотом мире, у них родился сын со всеми качествами фаллианца. Когда Марсон погиб, его жена привезла мальчика на Терран, чтобы показать людям общее дитя двух цивилизаций. Но сделать это появилась возможность только сейчас, спустя столько лет! Нынешнее поколение не получит дара фаллиан, но наши сыновья и дочери, наши внуки, правнуки станут здоровее и умнее, они будут жить дольше и счастливее нас. А через много, по нашим нынешним понятиям, лет численность фаллиан вырастет, и взаимопроникновение обеих рас даст миру цивилизацию долгожителей.

— Ты просто лишился рассудка! — заорал Леннокс. — Ты толкаешь наш народ на совокупление с монстрами!

Кронфильд, словно не слыша обвинений командора, произнес:

— Ничего, что процесс ассимиляции будет

длительным. Главное, что начало ему уже положено. Я руковожу Проектом, который занимается этой проблемой. Еще немного — и мы сможем рассекретить нашу работу, ее результаты станут достоянием всех. Людям пора узнать правду о Других.

— Ты не пойдешь на это! — В голосе Леннокса зазвучала угроза. — Ты пытаешься вывернуть все наизнанку. Морре предвидел результаты, а он был гений. Другие не сверхлюди, а исчадия ада, которым нужны рабы для воспроизводства их дьявольского отродья!

— Ты видел одного из них. Он разве похож на дьявола, на монстров, фигурирующих в рапортах Морре?

Леннокс напрягся, как согнутый клинок. Его ненавидящий взгляд нашел Джоктара. И внезапно он кинулся на юношу, норовя вцепиться ему в горло. На помощь Джоктару пришли навыки, доведенные до автоматизма за годы жизни в городских джунглях. Он откинулся назад, но там было окно. И ему пришлось отчаянно бороться за собственную жизнь с обезумевшим сильным мужчиной, который, оскалясь, тянул руки к его горлу. Но вот рука юноши нырнула под подбородок командора и уперлась ему в кадык. Леннокс

захрипел, его лицо залилось кровью. Он замотал головой, хватая руками воздух, пытаясь ускользнуть от безжалостных тисков, сдавивших его шею. Наконец, Джоктар оттолкнул обмякшее тело на руки Хогану и стал вытирать кровь со своего лица.

Вошли вызванные Кулланом патрули. Джоктар стоял, глядя в окно, и не повернул головы, когда из комнаты выносили полубесчувственного командора.

Сердце юноши снова стиснуло пронзительное ощущение одиночества. Он с горечью осознал, как открытая сегодня тайна отделила его от людей, находившихся в комнате, от всех людей приютившего его мира.

Монстр… Гибрид… Что хорошего, если в Галактике появятся сотни, тысячи существ, которым такие, как Леннокс, не будут давать прохода?

Таковы люди — он знал их по воспитавшей его улице. Этой расой движет темное, злобное начало, оно заставляет людей с наслаждением мучить и издеваться над теми, кто не похож на них…

И Джоктар вдруг почувствовал себя жертвой, за которой гонятся, которую толпа загнала в угол. И все его существо захлестнул ужас, отчаянный ужас загнанного зверя.

За окном вставало солнце. Оно отливало золотом в волнах моря, окрасило румянцем скалы островов. На Локи оно было теплее фенрианского, Джоктар ощутил его горячее прикосновение сквозь прозрачный пластик окна. Он вдруг понял, что в своей жизни смотрел на солнце считанные разы: как и все в Джет-Тауне, он вел ночную жизнь.

Золотой мир… Ласковый и теплый, как это солнце.

Он услышал за спиной шорохи, шаги, но не обернулся. Ему не было до них дела — он другой. Другой… Таких, как Леннокс, много, а он теперь отгорожен глухой стеной от всех, кого знал, к кому привязался в этом мире.

Солнце… Золотая планета… Он пойдет туда, к Другим, к таким, как он.

Что ж… Джоктар кинул еще один взгляд на солнце и повернулся к людям, сидевшим за его спиной.

Но в комнате был один Хоган. Он разглядывал юношу с особым выражением, знакомым Джоктару еще по Фенрису.

— Поверь, ты не одни, — Голос Хогана звучал мягко, даже ласково. — Не позволяй проникнуть в твою душу яду, выпущенному Ленноксом.

— Я гибрид, — Джоктар с трудом заставил себя произнести это уничтожающее слово.

— Ты фаллианец, — поправил Хоган. — А это не одно и то же. Верь мне, я знаю…

— Что ты можешь знать… — пожал плечами юноша.

— А ты думаешь, что твой отец и Ксанга — единственные, кто попал к Другим? Я сам вернулся оттуда четыре года назад.

— Ты? Мелкий торгаш с Фенриса?

— Маска торговца помогла мне скрыться, чтобы не повторить участь Марсона и Ксанги. Я скитался, ждал, пока Кронфильд начнет действовать. И искал тебя. Мы знали, что ты есть. Но где?

Хоган подошел и положил руки на плечи юноши.

— Я верил, что найду тебя. И ты нашелся! Прошу тебя: выбрось слова Леннокса из головы, он просто не знал правды. Таким, как он, понадобится время, чтобы понять, что мир изменился — в нем появился ты. Ну, веришь мне?

И Джоктар увидел в дружеском взгляде Хогана свет правды. Этот свет поглотил и растворил в себе смятение юноши. Исчезло все, что терзало его.

Джоктар затаенно улыбнулся: он сумел справиться и с этим. Он — настоящий фаллианец!

Звездный охотник

Большая луна планеты Нахуатль следовала за маленьким зеленым диском своей спутницы по безоблачному небу, на котором звезды образовали узор в виде гигантской чешуйчатой змеи.

Рас Хьюм стоял на самой верхней террасе Дворца Наслаждений у изгороди из ароматных, но колючих цветов. Но почему же, собственно говоря, он думал о змее? И вдруг он понял, почему.

С древнейших времен зло для человечества, ушедшего с планеты-прародительницы к самым дальним звездам, символизировала пресмыкающаяся по земле змея. И на Нахуатле, так же, как и на тысячах других миров, имя Васса отождествлялось со змеей.

Появившийся ночной ветерок шевелил листья дюжины экзотических растений, которые были искусно высажены здесь, на террас, чтобы — издать впечатление джунглей.

— Хьюм? — вопрос, казалось, раздался из пустоты.

— Хьюм, — тихо повторил он свое имя.

Луч света, достаточно яркий, чтобы ослепить

его, пробился через сплошную стену растений и осветил ему путь. Хьюм на мгновение замешкался, задумавшись. Васс был повелителем Царства Теней, но это был совсем другой мир, не тот, в котором жил Рас Хьюм.

Он решительно вошел в коридор, который открылся перед ним между листьями и цветами. Гротескная маска скалилась на него из лилий с Бит Тарзала. Черты ее лица были порождением чужого искусства. Тонкие нити дыма струились из ноздрей маски, и Хьюм вдохнул аромат хорошо известного ему наркотика.

Он улыбнулся. Это средство, должно быть, производило сильное впечатление на штатских, которых Васс принимал здесь, в своей святыне. Но не на звездного пилота, который к тому же был еще и звездным охотником.

Потом он подошел к двери, которая тоже была украшена резьбой, на сей раз в земном стиле, и, как подумал Хьюм, очень древней. Может быть, до космической эры. Мильфорс Васс действительно мог быть полноценным землянином, все предки которого являлись выходцами с Земли, а не только один родственник в третьем или четвертом звездном поколении, как у большинства людей на Нахуатле.

Помещение, находившееся за покрытой искусной резьбой дверью, являло разительный контраст с предыдущим. На его гладких стенах не было никаких украшений, кроме овального диска, отсвечивающего золотом. Длинный стол был сделан из массивного камня рубинового цвета с Ксимы, ядовитой планеты, сестры Нахуатля. Хьюм подошел к столу и сел, не ожидая приглашения.

Овальный диск, конечно, был экраном видео. Хьюм только мельком взглянул на него, а потом нарочно отвернулся в сторону.

Если через несколько минут Васс не появится, придется снова прийти сюда. Хьюм надеялся, что он не показался невидимому наблюдателю человеком с чрезмерно необычной внешностью. В конце концов, он хотел кое-что продать, и его положение было довольно затруднительно.

Рас Хьюм положил правую руку на стол. Здоровый коричневый цвет кожи отражался в полированной крышке стола, и эта рука почти не отличалась от левой. Незаметная разница между настоящей плотью и ее имитацией все же имелась, хотя ни в коем случае не сказывалась на подвижности и силе пальцев. Но именно по этой причине он не смог стать командиром грузовика

или пассажирского корабля. Он был дискредитирован как звездный пилот, что больно задевало его гордость. Вокруг рта пролегли Горькие, словно вырезанные лезвием ножа морщинки.

Он был отверженным уже четыре года, а по местному времени — с тех пор как стартовал на «Ригал Ровере» с Трассы на Сарголе-2. Он считал, что предстоит недолгое путешествие с юным Торсом Вазалити на борту, совладельцем линии Коган-Борс-Вазалити, захватывающей, кроме того, и Гратх. Он не стал спорить с владельцем корабля, так как сам не был уверен, что кораблю грозит опасность. «Ригал Ровер» совершил аварийную посадку в Алексбурге, и удалась она только благодаря силе воли и упорству тяжело раненного капитана.

Он получил искусственную руку — самую лучшую, которую мог предоставить ему медицинский центр, и пенсию. А потом — волчий билет, потому что Торс Вазалити умер. Компания не осмелилась прямо объявить Хьюма убийцей, потому что бортовой журнал был немедленно конфискован Космическим Патрулем, а в нем содержались доказательства, которые нельзя было сфальсифицировать или истолковать по-другому. Итак, наказать его они не могли, но могли

обречь на медленную смерть. Они единогласно заявили, что о Хьюме как о пилоте и речи быть не может. Они пытались вообще запретить ему выходить в космос.

Может быть, им бы это и удалось, если бы он был обычным пилотом и знал только одну профессию. Но его все время донимала страсть, постоянно побуждавшая добиваться зачисления в каждый полет к вновь открытым мирам. Кроме того, среди людей в исследовательских отрядах было очень мало квалифицированных пилотов его класса, располагавших такими обширными знаниями об окраинах Галактики.

Итак, когда Хьюм понял, что он больше не может рассчитывать занять место на корабле регулярных линий, он примкнул к гильдии Космических Охотников. Однако существовала большая разница между полетами на космических кораблях по трассам регулярных линий и полетами на кораблях с жадными до сенсаций охотниками-отпускниками, которых специально готовили для сафари на дикие и глухие миры, чтобы там можно было поохотиться на крупного зверя. Хьюм считал насмешкой связанную с этим исследовательскую работу — и мысль о том, что десятую часть клиентов гильдии составляли

школьники и школьницы, была ему ненавистна.

Но если бы он не поступил на службу в гильдию, он никогда бы не сделал находки на Джумале. Огромная удача! Палец Хьюма непроизвольно согнулся, и его ноготь начал скрести по красной поверхности стола. Где же Васс? Хьюм уже хотел было подняться и уйти, когда золотой овал на стене затуманился, и вещество его превратилось в туманную дымку, из которой вышел человек.

По сравнению с бывшим пилотом этот человек был невысок, но обладал такими широкими плечами, что верхняя половина его тела казалась непропорционально огромной по сравнению с узкими бедрами и короткими ногами. Он был одет чрезвычайно старомодно, и, кроме того, на туго облегавшем тело мундире, на уровне сердца, был прикреплен усеянный драгоценными камнями орден. В противоположность Хьюму он не носил портупеи с оружием, но Хьюм не сомневался в том, что в помещении спрятано множество устройств, способных предотвратить любое покушение.

Человек, вышедший из диска, говорил тихим, невыразительным голосом. Черные волосы у него над ушами были выбриты, а на макушке уложены в виде птичьего гнезда. Кожа, так же

как и у Хьюма, была очень смуглой, но это, как показалось пилоту, был не космический загар, а естественный, солнечный. Резкие черты лица, сильно выдающийся нос под скошенным лбом, за тяжелыми темными веками — горящие черные глаза.

— Итак… — Он вытянул обе руки, и положил ладони на поверхность стола, жест, который Хьюм безотчетно повторил. — У вас есть для меня предложение.

Но пилот не торопился с ответом. Театральное появление Васса произвело на него мало впечатления.

— У меня есть идея, — сказал он наконец.

— Идей много, — Васс откинулся в кресле, но руки со стола не убрал. — Но только одна из тысяч находит применение. Остальные не стоят того, чтобы ими заниматься.

— Верно, — тихо ответил Хьюм. — Но одна идея из тысячи может принести миллионы, если попадет к нужному человеку.

— И у вас есть такая идея?

— Да, — теперь Хьюм должен был вызвать у Васса полное доверие. Он уже обдумал все возможности. Васс был тем самым человеком, в котором он нуждался. Но Васс об этом не должен

знать.

— На Джумале? — снова спросил Васс. Его пристальный взгляд и это утверждение не входили в план Хьюма, и эффект был утрачен. Разузнать, что он только что вернулся с пограничной планеты, было не так уж сложно. Здесь не требовалось никаких особых способностей.

— Может быть.

— Я благодарю вас, космический охотник Хьюм. Мы оба люди долга, а теперь не время играть в словесные прятки. Или вы сделали находку, которая настолько важна, что моя Организация заинтересуется ей, или нет. А важна она или нет — предоставьте решать мне.

И вот пришло время все решать. Но у Васса был свой собственный кодекс. Хозяин обладал властью в своей противозаконной Организации, основанной на твердых правилах, и одним из этих правил было — всегда проявлять корректность в отношениях с партнерами. И благодаря этому Космический Патруль до сих пор не справился с Вассом, не заманил его в ловушку.

Потому что партнеры Васса никогда не предавали его. Если поступало дельное предложение, Васс входил в долю и всегда придерживался заключенного договора.

— Некто, претендующий на наследство линии Когана — этого хватит?

На лице Васса не появилось и тени удивления.

— И каким образом этот некто может оказаться полезным для нас?

Хьюм великолепно расслышал слово «нас».

Первый раунд он выиграл.

— Если мы сможем спасти этого «некто», можно потребовать вознаграждение.

— Правильно. Но подобную фигуру нельзя сочинить. Все права на вознаграждение будут тщательно проверены, и все фальшивые данные выплывут. Тот «некто» действительно попал в такое положение, что не откажется от любой помощи?

— Это зависит от того, кто он.

— «Некто», кого вы нашли на Джумале?

— Нет, — Хьюм медленно покачал головой. — На Джумале я нашел кое-что другое. Спасательный бот с «Ларго Дрифта» — целый и в хорошем состоянии. По-видимому, спасшиеся после катастрофы совершили на нем посадку.

— А доказательства того, что спасшиеся живы до сих пор, они у вас есть?

Хьюм пожал плечами.

— С тех пор прошло шесть местных лет. Там,

где находится бот, теперь лес. Нет, в настоящее время у меня нет доказательств.

— «Ларго Дрифт», — медленно повторил Васс, — среди прочих на его борту была миссис Тарли Коган-Броуди.

— Вместе со своим сыном, Ричем Броуди, которому в то время, когда исчез «Ларго Дрифт», было четырнадцать лет.

— Вы действительно совершили ценную находку, — из этого простого замечания Васса Хьюм сделал вывод — он победил. Его идея была принята и теперь рассматривалась самым изощренным умом по крайней мере пяти звездных систем, разлагалась на детали, о которых сам он никогда бы не подумал.

— Есть ли какая-нибудь вероятность того, что спасшиеся еще живы? — Васс перешел прямо к сути проблемы.

— Никаких доказательств, что пассажиры остались в живых, нет. Да, спасательный бот совершил посадку. Но вы же знаете, что спасательные боты полностью автоматизированы и через некоторое время после сигнала об аварии сами отчаливают от корабля. На борту бота могли быть люди, но я три месяца пробыл на Джумале — сопровождал исследовательскую команду

гильдии — и не обнаружил никаких следов потерпевших кораблекрушение.

— Итак, вы предлагаете…

— Я предлагаю выбрать Джумалу для проведения сафари. Спасательный бот может быть совершенно случайно обнаружен одним из его участников. Каждый знает историю, а согласно постановлению земного суда об этом случае было сообщено по всему сектору десять. Десять лет назад миссис Броуди и ее сын не представляли ни для кого никакого интереса. Сегодня же, когда им перепадает в наследство почти треть «Коган-Борс-Вазалити и К°», мы можем рассчитывать на то, что могут случиться другие находки, так или иначе связанные с «Ларго Дрифтом», которые произведут шум на всю Галактику.

— И как, по-вашему, мог выжить Броуди?

Хьюм покачал головой.

— Помимо прочего, о нем говорят, что он был достаточно разумен, чтобы изучить «Книгу для потерпевших кораблекрушение». Он мог вырасти в глуши этой отдаленной планеты. С женщиной дело сложнее.

— Вы совершенно правы, но нам понадобится очень ловкий человек.

— Я тоже так думаю, — глаза Хьюма встрети-

лись с глазами Васса. — Вам понадобится молодой человек нужного нам возраста и нужной внешности, а также климатическая установка.

Выражение лица Васса не изменилось, он ничем не выдал, что понял предложение Хьюма. Но когда встал, в его по-прежнему монотонном голосе появились новые нотки.

— Вы, кажется, все обдумали и все знаете?

— Я — человек, который прислушивается ко всему во всех мирах, — ответил Хьюм, — и если ушей моих достигает слух, я не всегда считаю его чистым вымыслом.

— Это верно. Как член гильдии, вы всегда интересовались источниками всех слухов, — произнес Васс. — Кажется, вы сами разработали не один проект.

— Я всегда ждал подобного случая, — ответил Хьюм.

— Ах да, «Коган-Борс-Вазалити и К°» хотела выместить на вас свое раздражение. Но я вижу, вы человек, который ничего так просто не забывает. Я вас понимаю, я, видите ли, тоже предрасположен к этому. Я не забываю своих врагов и не прощаю им ничего, даже если им кажется, что я простил им все.

Хьюм принял это предупреждение к сведению

— каждая сделка должна быть выгодной для обеих сторон. Васс на мгновение замолчал, словно ему понадобилось время на то, чтобы собраться с мыслями.

Затем он продолжил:

— Молодой человек с подходящей внешностью. У вас уже есть определенное представление, каким он должен быть?

— Я уже думал об этом, — но ничего больше Хьюм не сказал.

— Он должен иметь какие-то воспоминания о своем прошлом, понадобится некоторое время, чтобы подготовить их. Да, вы должны обеспечить нас записью, включающей все данные об этом мире на Джумале. О том, чтобы у него были воспоминания о его собственной семье, я позабочусь. Мои эксперты будут рады поработать над ним.

Эксперты-психотехники у Васса были; люди, переступавшие грань закона, присоединялись к Организации Васса. Там были и техники, которые достаточно опустились для того, чтобы разработать такой проект ради своего удовольствия. На мгновение в Хьюме что-то восстало против этого.

— Когда бы вы хотели начать?

— Сколько продлятся приготовления? — спро-

сил Хьюм Васса.

— Месяца три — четыре. Нужно навести кое-какие справки и подготовить материал. Может пройти даже месяцев шесть, прежде чем гильдия пошлет сафари на Джумалу, — Васс улыбнулся. — Это не должно вас беспокоить. Когда придет время сафари, клиенты у вас будут, клиенты, которые закажут гильдии именно это.

Хьюм знал, что так и случится. Влияние Васса достигало таких мест, где о нем самом никто не слышал. Да, он мог рассчитывать на то, что благородных клиентов будет достаточно для того, чтобы обнаружить Рича Броуди, когда для этого настанет время.

— Я могу найти нужного вам молодого человека уже сегодня вечером. Но куда мне прислать его?

— Вы уверены, что сможете сделать верный выбор?

— Он выполнит все наши требования. Возраст подходит, внешность тоже. Юноша, исчезновение которого никто не заметит, не имеющий никаких, родственников, никаких связей, и, если он исчезнет, никто не станет о нем беспокоиться.

— Очень хорошо. Возьмите его сейчас. Отправляйтесь туда, — Васс вытянул руку над крышкой

стола. На красном камне на несколько секунд вспыхнул адрес. Хьюм посмотрел на него, запомнил и кивнул. Это место было в городе при космопорте. Адрес, который можно было найти в любое время, не спрашивая никого о его местонахождении. Он встал.

— Пусть он будет там. А вы завтра придете вот куда, — добавил Васс, снова протянув руку над столом. На полированной поверхности появился другой адрес. — Там вы можете начать работу над вашей записью. Вам потребуется для этого некоторое время.

— Я готов. Кроме того, я должен еще подготовить сообщение для гильдии и получить в собственное распоряжение все свои заметки.

— Отлично, охотник Хьюм, я приветствую своего нового партнера, — правая рука Васса наконец поднялась со стола, — Нам должно повезти, если мы приложим к этому все свои усилия.

— Повезет, если мы приложим все свое желание, — сказал Хьюм.

— Очень хорошо сказано, охотник. Удача, как результат нашего желания.

«Звездопад» сильно отличался размерами от Дворца Наслаждений Главного города. Здесь тоже предлагались редчайшие запрещенные

удовольствия, потакающие всем порокам, но не настолько экзотические, как те, которыми торговал Васс. Клиенты здесь были из экипажей грузовых звездолетов, готовые просадить за один вечер жалование за целый рейс. Опьяняющие ароматы террас Васса были для них просто запахами, не более.

В тот вечер уже случились две дуэли со смертельным исходом. Офицер-механик с пограничного корабля настоял на том, чтобы решить спор с помощью смертельно опасного бича, сделанного из кожи летающей ящерицы с Фланго. Поединок не пережил ни один из дуэлянтов. Один из них был мертв, другой лежал при смерти. И еще: бывший солдат Космической Гвардии, с лицом, изуродованным шрамами, убил Звездного Торговца из своего излучателя.

Юноша, получивший задание завлечь жертву в глухой переулок, должен был оставить ее там. А теперь он медленно входил в ресторан. Лицо его имело болезненно-зеленый оттенок, руки были прижаты к животу.

Он был худ, почти истощен, тонкие скулы лица обтягивала бледная кожа. Ребра ясно просматривались под оранжевыми лохмотьями. Когда он прислонился спиной к грязной стене и повернул

голову вверх, к свету, волосы блеснули, как свежеочищенный каштан. Для работы, порученной ему, он действительно выглядел достаточно жалким и беззащитным.

— Эй ты, Лензор!

Юноша вздрогнул, словно тела его внезапно коснулось ледяное дыхание ветра. Глаза на худом лице были непропорционально велики и имели странный цвет — не зеленый и не голубой, а какой-то промежуточный.

— Эй, работа есть! Я не хочу, чтобы ты сидел здесь, как гость. Сделаешь, и я тебе заплачу, — солариен, стоящий возле него, говорил на космическом эсперанто без акцента, и странно было слышать слова, вылетающие из его желтого рта. Поросшая мехом рука сунула юноше в руку автометлу, и когтистый палец ткнул в том направлении, где, очевидно, надо было навести чистоту.

Вай Лензор старательно выпрямился, взял метлу и оскалил зубы в улыбке.

Кто-то пролил стакан, и дурманящая жидкость уже оставила на полу пятно, вывести которое было непросто. Но юноша все же взял бесполезную метлу и принялся за работу, засосав метлой по крайней мере часть жидкости. Испарения карло,

смешавшиеся с другими запахами в помещении, вызвали у него дурноту.

Он побледнел, работая в каком-то оцепенении, и не замечал человека, сидевшего в одиночестве в нише, пока его метла не наткнулась на одну из девиц. Та выругалась громким голосом на языке альтар-интар и отвесила ему пощечину.

Совершенно неожиданный удар отбросил его к открытой решетке у входа в нишу. Он попытался удержаться на ногах, когда чья-то рука схватила его. Он вздрогнул, попытался освободиться от хватки, но понял, что тот, кто схватил его, уже не отпустит.

Лензор поднял глаза. Человек был одет в форму матроса космического флота, а на том месте, где должен находиться значок компании, виднелось лишь темное пятно.

Итак, в настоящее время этот человек не состоял на службе у какой-либо компании. Но, хотя мундир был потерт и заляпан, сапоги с магнитными подковами поношены и нечищены, он чем-то отличался от остальных посетителей, ловивших сейчас кайф в «Звездопаде».

— Вы сердитесь на него? — птицеподобный бармен, привратник и вышибала «Звездопада», играя мускулами, протискивался через толпу. Си-

лу его не мог игнорировать никто, если только не упился до слепоты, глухоты и бесчувствия. — Его шестипалая рука, покрытая чешуей, потянулась к Лензору, и юноша непроизвольно отпрянул назад.

— Нет, оставьте его, — в голосе мужчины, сидящего в нише, прозвучали нотки, ясно показывавшие, что с обладателем этого голоса шутить не стоит. Потом голос снова зазвучал нормально, хотя и несколько замедленно. — Он похож на моего старого товарища по корабельной службе. Оставьте его. Я хочу обязательно выпить со своим старым другом.

Рука, поддерживающая юношу, слегка нажала и усадила его за столик в нише. Крепкая хватка никак не вязалась с голосом мужчины. Глаза вормианина переместились с посетителя «Звездопада» на этого жалкого уборщика, потом он усмехнулся и сказал прямо в ухо Вая:

— Если господин хочет, чтобы ты пил, пей!

Вай торопливо кивнул и приложил руку к губам. Он боялся, что желудок его сейчас взбунтуется. Он с опаской взглянул на вормианина. Только когда его серо-зеленая спина исчезла в дымных испарениях таверны, юноша осмелел, но теперь в руки ему сунули кружку.

— Пей!

Он хотел отказаться, но понял, что бесполезно, и ему понадобились обе руки, чтобы поднести кружку к губам. Вай с отвращением глотнул жгучую жидкость. Но действие ее оказалось совсем не таким, как он ожидал. Вместо того, чтобы вызвать дурноту, она прояснила голову, и он наконец-то смог расслабиться.

Когда кружка опустела почти наполовину, он осмелился поднять глаза на своего соседа. Нет, тот не был обычным матросом космического флота и вовсе не был так пьян, как хотел показаться вормианину. Сейчас он наблюдал за публикой, наполнявшей заведение, но Вай был убежден, что от него не ускользнуло ни одно движение, которое сделал сам Вай.

Вай опустошил кружку. Впервые за два месяца — с тех пор, как он стал ошиваться в этом заведении, с ним обращались по-человечески. Он был достаточно сообразителен, и ему стало ясно, что напиток, который он только что выпил, содержал некое возбуждающее средство. Но в данное мгновение ему это было совершенно безразлично. Любой напиток, который в течение нескольких секунд мог уничтожить весь страх, отчаяние и Позор, перенесенные им в «Звездопаде», стоил то-

го, чтобы его выпить. Почему чужак дал ему этот напиток, было загадкой, но в данное мгновение он был доволен, и ему не нужно было никаких объяснений.

Лензор снова ощутил, как рука незнакомца его подталкивает. Они вместе вышли на прохладный, показавшийся очень приятным, воздух улицы. Едва они прошли один квартал, как незнакомец остановился, но не отпустил своего пленника.

— Все сорок имен Дудора! — выругался он.

Лензор ждал, жадно вдыхая холодный утренний воздух. Самоуверенность, которую придал таинственный напиток, все еще не покидала его. В настоящее мгновение он знал только, что ничто не могло быть хуже того, что он пережил раньше, и ему захотелось терпеливо перенести все, что захочет от него странный посетитель.

Незнакомец нажал на кнопку вызова воздушного такси и подождал, пока городской глайдер не опустился перед ним.

Из кабины воздушного такси Вай видел, что они приближаются к столице, оставив позади себя чадный портовый город. Он подумал о том, что могло бы быть их целью — но ничего не могло ему этого подсказать. Потом машина опустилась

на посадочную платформу.

Чужак жестом велел Лензору пройти через дверь в короткий коридор и войти в комнату. Вай осторожно опустился в кресло, выдвинувшееся из стены, когда он приблизился к ней. Он мог лишь смутно представить себе помещение, обставленное с таким комфортом, и не помнил, видел ли он такое когда-нибудь на самом деле, или это было только порождением его буйной фантазии. Тех фантазий, которые Вай выдумал в своем тяжелом детстве, а потом он перенес их с собой на то место, где работал и которое потерял, потому что не смог приспособиться к тупому механическому труду оператора-вычислителя. Фантазии служили ему якорем и одновременно отдушиной до тех пор, пока он наконец не скатился на самое дно и не начал постоянно отираться в «Звездопаде».

Теперь, вжавшись в мягкий белый пластик кресла, он удивленно смотрел на маленькое трехмерное фото на стене напротив: крошечная сценка из жизни на другой планете, где животное, расчерченное черными и белыми полосами подкрадывалось к паре длинноногих коротокрылых птиц, которые кроваво-красными пятнами выделялись на фоне желтых кустов под бледно-фиолетовым небом. Он некоторое время

с удовольствием рассматривал это цветное великолепие и радовался чувству свободы и чудесам далекого мира, которые навевала эта сцена.

— Кто вы?

Неожиданный вопрос незнакомца вырвал его из мира мечтаний и напомнил не только о том, где он находится, но и о его затруднительном положении. Он облизал губы.

— Вай. Вай Лензор, — а потом добавил, — СК2-425.0611!

— Воспитанник государственного приюта, не так ли? — мужчина, нажал кнопку, заказал себе освежающий напиток и теперь медленно прихлебывал его. Но он не заказал второго стакана для Вая. — Родители?

Лензор покачал головой.

— Меня подобрали после эпидемии пятичасовой лихорадки. Они даже не стали регистрировать, потому что нас было очень много.

Незнакомец наблюдал за ним через край своего стакана. В глазах его был холод, нечто такое, от чего хотелось укрыться, хотя мгновение назад он чувствовал себя в полной безопасности. Теперь мужчина поставил стакан на стол и пересек комнату. Он провел рукой по подбородку и поднял голову юноши таким образом, что тот внезапно

почувствовал отвращение и страх. И все же внутренний голос говорил ему, что сопротивление доставит еще больше неприятностей.

— Землянин первого или, по крайней мере, второго поколения, — он говорил это скорее сам себе, чем Ваю. Наконец он отпустил голову юноши, но все еще стоял перед ним, глядя на него сверху вниз. Лензору хотелось вскочить, но он подавил этот импульс и приготовился выдержать взгляд незнакомца, если тот снова уставится на него.

— Нет., нет, ты не принадлежишь к обычному сброду. Я тебя в этом заверяю, — теперь он снова взглянул на Вая и вдруг вспомнил о том, что юноша может думать, обладает чувствами и тоже является личностью. — Хотите, я дам вам работу?

Лензор вжал руки в подлокотник кресла, пока не побелели костяшки пальцев.

— Какую… какую работу? — он одновременно и рассердился, и устыдился слабости своего голоса.

— У вас есть какие-нибудь сомнения? — чужак, казалось, счел это весьма забавным.

Лицо Вая покраснело, но одновременно он был удивлен тем, что мужчина в поношенной форме космофлота верно понял его колебания. Кто же из обычных побирушек «Звездопада» будет раз-

мышлять, получив такое предложение? Да и сам он, собственно, не понимал, что его смущает.

— Ничего нелегального, это я могу вам обещать, — мужчина поставил стакан в пустую нишу. — Я — звездный охотник.

Лензор моргнул. Происходящее казалось ему чудом. Чужак с нетерпением наблюдал за ним, ожидая какой-нибудь реакции.

— Вы можете даже взглянуть на мои документы, если хотите.

— Я вам уже верю, — Вай наконец снова обрел голос.

— Мне нужен именно такой человек, как вы.

Но это не может быть правдой! Нет, это невозможно. Он, Вай Лензор, приютский сирота… накипь портового города. Такого с ним еще не случалось, самое большее, такое могло привидеться только в мечтах, навеянных тяжелым дурманящим дымом, только не наяву. Это был сои, от которого он никак не мог пробудиться или, по крайней мере, не хотел.

— Вы готовы поступить ко мне на службу?

Вай попытался ухватиться за реальность, собрать вместе все свои пять чувств. Помощник звездного охотника! Десять сильных мужчин отдали бы много золота за один такой шанс.

Ледяная рука сомнения снова сжала его сердце. Ничтожеству из космопорта почти невозможно стать помощником охотника гильдии.

Казалось, чужак снова прочитал его мысли.

— Вот что, — внезапно сказал он, — мне тоже пришлось однажды взяться за грязное дело, и вот уже год, как я здесь. Вы мне кое-кого напоминаете, и перед этим кое-кем я остался в долгу. Я могу исполнить его, если помогу вам.

Уже почти угасшая надежда Вая вспыхнула с новой силой.

— Итак, вы принимаете мое предложение?

Вай отчаянно закивал.

— Да, да! — он все еще не мог поверить своему счастью.

Чужак снова нажал на кнопку и на этот раз протянул один из стаканов с освежающим напитком Лензору.

— Тогда выпьем, — его слова прозвучали как приказ.

Рас Хьюм взял пустой стакан из расслабившихся пальцев юноши. Все прошло отлично. До сих пор, казалось, счастье было на его стороне. Ему по-настоящему повезло, что он, начав поиски «наследника», три ночи назад зашел в «Звездопад». И Вай Лензор оказался лучше, чем он мог

надеяться. У юноши был нужный цвет кожи и такая несчастная судьба, что он проглотил первую же предложенную ему версию, теперь с ним будет легко поладить. Итак, как только он попадет в руки техников Васса, он превратится в Рича Броуди, наследника одной трети «Коган-Борс-Вазалити и К°».

— Пойдемте, — он потряс Вая за плечо. Юноша открыл глаза, но когда он поднялся, взгляд его был пуст. Хьюм посмотрел на свои часы, показывающие местное время Было очень, рано. Риск, на который он шел, выводя Лензора из дома был незначителен, если они выйдут вместе немедленно Он взял юношу за локоть и вывел его на посадочную площадку.

Воздушное такси уже ждало их Хьюм чувствовал себя как игрок, попавший в десятку, когда усадил юношу в глайдер заложил в автопилот маршрут следования и поднял машину в воздух.

На следующей улице он вместе со своим подопечным пере сел в другое воздушное такси и на этот раз указал настоящий маршрут к месту, указанному Вассом Сразу же после посадки он ввел Вая в маленькую прихожую с несколькими табличками, на которых значились имена и фамилии Его собственные отпечатки пальцев,

которые он оставил на столе в конференц зале Васса, были зарегистрированы и использованы как «Сезам откройся!» Под фамилией на табличке вспыхнул огонек, стена справа от него замерцала, и он внезапно увидел дверь, находящуюся перед ним Хьюм направил туда Вая и кивнул тому кто его ожидал Это был эвкорианин, который очевидно принадлежал к касте посыльных, и теперь он должен был принять Лензора.

Я возьму его, сэр, голос эвкорианина был таким же невыразительным, как и его лицо Стена снова замерцала, и дверь исчезла.

Хьюм провел рукой по бедру и ощутил, какой грубой была материя, из которой сшита форма матроса космофлота Когда он покинул прихожую, морщины раздумий резко обозначились на его лбу.

Глупо! Бродяга из самой грязной норы во всем космопорте. Вероятно, парнишка не прожил бы и года, если бы и дальше находился в таком окружении. В сущности, он сделал доброе дело, дав ему шанс на будущее, которое едва ли может присниться ему или кому-нибудь еще из миллиардов ему подобных Если бы Вай Лензор знал, что ему предстоит он, вероятно сам бы притащил Хьюма сюда Нет, конечно, этому юноше никогда

и в голову не приходили подобные мысли Ему еще никогда, не выпадала такая удача, никогда!

Для Вая предприятие не представляло почти никакого риска. Он должен провести на Джумале в одиночестве только один день. Это произойдет тогда, когда люди из Организации Васса высадят его там, и прибывшая группа Хьюма «найдет» его. Хьюм сам проследит, чтобы к тому времени его подготовили, обучили всему, что ему необходимо знать, и в этом ему поможет звездный охотник гильдии. Таким образом, Рич Броуди будет готов к тому, чтобы выжить в диких лесах Хьюм уже составил в уме письмо, которое ему понадобится, потом вы шел на улицу.

Голову разламывала тупая боль. Это было первое ощущение Не открывая глаз, он повернулся и ощутил на щеке что-то мягкое, приятный запах ударил ему в нос.

Он открыл глаза и взглянул на выкрошенную ветром скалу, темневшую на фоне безоблачного зелено-голубого неба. Казалось, что в его мозгу включилось какое-то реле.

Ну конечно, он с помощью приманки пытался выманить из норы хищника и поскользнулся. Рич Броуди повернулся и сначала попытался пошевелить головой, потом худой рукой, а потом

своей длинной ногой. Ни одна кость не была сломана. И все-таки — он наморщил лоб — эта потеря сознания…

Он подполз к небольшому ручью и погрузил голову по плечи в воду, чтобы как можно быстрее Прийти в себя. Он встряхнулся, и капли воды упали на грудь. Потом Рич осмотрел свое охотничье снаряжение.

На мгновение он остановился, ощупывая каждый клочок одежды; он помнил каждый час прошлого, заполненный борьбой, которая была необходима, чтобы получить материал для сумки, пояса и кусок шкуры для одежды. И все же у него было странное ощущение чего-то необычного, не имевшего ко всему этому никакого отношения.

Рич покачал головой и вытер рукой мокрое лицо. Все здесь принадлежало ему, каждая частица. Ему повезло, что у него оказалась «Настольная книга для потерпевших кораблекрушение», захваченная со спасательного бота, — она так помогла ему Этот мир ничем не угрожал человеку — если проявлять осторожность.

Он встал, ослабил сеть, сложил ее и взял в одну руку, а крепкое копье в другую. Позади шевельнулся куст, и, хотя ветер дул с противоположной

стороны, Рич замер и перехватил оружие. Чтобы, если будет необходимо, мгновенно воспользоваться сетью и копьем. Плеск воды заглушило ворчание.

Нечто ярко-красное, устремившееся к его горлу, запуталось в сети. Рич дважды ударил это существо, вдвое превосходившее его ростом. Водяная кошка, примерно годовалого возраста. Ее когти в смертной судороге вонзились в землю. Глаза, почти такого же цвета, как и мех, сверкали смертельной ненавистью.

Рича снова охватило ощущение, будто он увидел что-то чужое, совершенно неизвестное ему. И все же он уже много лет охотился на водяных кошек. К счастью, они жили поодиночке, редко оставляли свои угодья и ревниво защищали их от других кошек, и потому во время своих дальних переходов он встречал их сравнительно редко.

Юноша нагнулся, чтобы снова взять сеть. Потом он опустился на колени и сполоснул лицо. А затем напился, сложив ладони лодочкой и зачерпывая ими воду.

Рич пошатнулся и прижал ладони к вискам, чтобы хоть немного ослабить боль, которая грозила расколоть его череп. Он сидел в комнате и пил из стакана — и все это было похоже на стран-

ную картину, наложенную на реальные вещи — ручей, скалы, кусты Он сидел в темноте и пил из стакана — это было важно.

Резкая головная боль прогнала туманную картину. Он взглянул себе под ноги. Из песка под скалой выползли полчища иссиня-черных маленьких существ с твердыми тельцами, вооруженных вытянутыми конечностями; синие антенны, их органы осязания, дрожали над головами. Эти существа окружили мертвую кошку.

Рич начал яростно молотить вокруг себя и, спасаясь, бросился в воду. Два существа вцепились ему в лодыжку, больно оцарапав ее. Сплошной поток сине-черных уже принялся за труп, и через несколько минут от хищной кошки остались только дочиста обглоданные кости. Рич схватил копье и сеть и вместе с ними погрузился в воду, чтобы избавиться от нападающих. Потом он перешел ручей вброд, стараясь уйти как можно дальше от места, где убил кошку.

Немного позже между двумя скалами он вспугнул четвероногого зверя и убил его одним ударом своего копья. Ловко освежевав его, он осмотрел кожу. Был ли это очень грубый мех или чешуя? Им снова овладело то же странное чувство.

«Мне кажется, — думал он, поджаривая кусоч-

ки вкусного мяса, нанизанного на ветку, — что какая-то часть моего мозга очень хорошо знает, какого зверя я только что убил. И все же во мне есть какое-то другое „я“, которое этого не знает и с удовольствием рассматривает окружающий меня мир».

Он был Ричем Броуди и вместе с матерью путешествовал на борту «Ларго Дрифт».

Его память автоматически нарисовала образ стройной женщины с узким лицом и искусно уложенными черными волосами, в которых сверкали бесчисленные драгоценные камни. Тут было что-то не так, память подводила его. И голова начинала болеть сильнее, когда он пытался яснее припомнить то время. А потом спасательный бот и мужчина…

Пилот Тейт!

Тяжело раненный офицер. Он умер, когда спасательный бот совершил здесь посадку. Рич все еще хорошо помнил, как завалил камнями мертвое тело Тейта. Потом он остался один, один с «Настольной книгой для потерпевших кораблекрушение». Самое важное, чего он никогда не должен забывать, то, что его зовут Рич Броуди.

Он слизнул жир с пальцев. Ноющая боль в голове удручала его. Свернувшись клубочком на

песке, нагретом солнцем, он заснул.

Но спал ли он на самом деле? Глаза его снова открылись. Небо над ним теперь не было голубым, на нем читались признаки приближающегося вечера. Рич поднялся, его сердце забилось так часто, словно он бежал наперегонки с ветром, который свистел вокруг его почти обнаженного тела.

Что он здесь делает? И где он вообще находится?

Он почувствовал, что рот его пересох, а ладони мокры от пота. Он уселся на песок. Внезапно перед его мысленным взором возникла другая картина… Он сидел в комнате с незнакомым человеком, и они что-то пили, а перед этим он находился в каком-то другом помещении, освещенном ярким светом и наполненном мерзкими запахами.

Но он был Ричем Броуди, он был пассажиром, оказавшимся на борту спасательного бота. Он похоронил офицера корабля и выжил потому, что воспользовался спасательными средствами, оказавшимися в боте. Сегодня утром он охотился на хищника, выманив его из убежища при помощи веревки и приманки…

Руки Рича закрыли лицо, и он опустился на колени. Все было так, он мог доказать это — он мог

доказать! Там, позади него, была нора хищника, там, где-то на холме, он оставил свое сломанное копье. Если он сможет найти нору, то узнает, было ли все на самом деле.

Но ему снился очень реальный сон — именно так!

И почему ему все время снится это помещение, этот человек и этот стакан! Он из того места, залитого светом и пропитанного запахами, которые он так ненавидел.

Все это некогда было частью воспоминаний Рича Броуди.

До самых сумерек он шел вверх по реке — назад, к маленькому столбику, где он очутился после падения. Укрывшись в кустарнике, он пригнулся и прислушался к звукам чужой планеты и ее проснувшихся ночных обитателей, которые переняли эстафету у дневных.

Ему пришлось подавить приступ паники, когда стало ясно, что, хотя он и смог узнать некоторые звуки, но другие остались для него загадкой. Он впился зубами в костяшки пальцев, сжатых в кулак, и попытался внести ясность в свои мысли. Он тотчас же понял, что пронзительный крик издавала стая древесных существ с кожистыми крыльями, а происхождения хрюканья, доносив-

шегося от реки, он не мог узнать.

«Рич Броуди — „Ларго Дрифт“ — Тейт». — Он почувствовал на губах сладковатый привкус крови. Было похоже, что он стремился прокусить собственную губу, когда произнес для себя эти слова. Потом вскочил, но ноги его запутались, и он снова упал. Голова ударилась о выступающий корень.

Ничто осязаемое не могло добраться до него в этих кустах. Когда он выполз из своего убежища, чтобы осмотреться, то увидел, что тут лежало существо, которое не смог бы определить ни один представитель его расы. Ни вид, ни запах его не были знакомы, и это вызвало в нем какое-то чужеродное ощущение.

Он осторожно рассмотрел существо Потом испуганно отпрянул, чтобы послать сообщение Тут было нечто, о чем он сообщал, и оно представляло из себя такую прочную вещь, что ее не могла изменить даже пустыня. Это был единственный сигнал, подтверждающий давно полученный приказ.

Он снова установил связь и теперь тщетно пытался выполнить приказ. Где же ему найти крохотный выход, и где в чужом мозгу должен находиться этот мостик… его захватил хаос

впечатлений, которые, как защитная стена, налагались на опасное «я» чужака.

Вторгаясь в мозг спящего, он пытался найти какой-то образ, какое-то объяснение, не означавшее отступления. Но его вторжение, оставшееся незамеченным, разбудило в человеческом мозгу какой-то узел и проложило какой-то путь.

Рич очнулся, когда уже забрезжило утро. Он медленно рассортировал шумы, запахи и мысли. Там были помещение мужчина, страх, а тут был он, Рич Броуди, который уже в течение многих лет живет в этой глуши, для которой не существует даже карт. Теперь этот мир окружал его, он мог ощущать его ветер, слышать его звуки, чувствовать его вкус, осязать его. Это был не сон то, другое, было сном.

Так и должно быть!

Но он должен найти доказательства. Найти спасательный бот, след к которому он отыскал вчера, найти место, где он упал и должен был находиться до сих пор Там, позади, был склон, на который он должен был выйти Потом он должен найти нору, которую исследовал, когда на него свалился этот кошмар.

Может быть, он где-то упал, а потом, шатаясь, пошел дальше и упал во второй раз? Но какой-

то внутренний голос возражал этому Вчера он пришел в сознание именно здесь, но тут не было никакой норы!

Рич отвернулся от реки и дыхание его участилось Нет норы — тогда, может быть, нет никакого спасательного бота? Должен же быть какой-то след!

Там было одно увядшее растение, сломанное чем-то тяжелым. Он нагнулся, чтобы осмотреть листья. Здесь что-то произошло. Кто-то здесь прошел. Юноша пошел по следу. Его взгляд — взгляд охотника впился в почву.

Примерно через полчаса он нашел несколько странных полустертых следов на траве, которая была достаточно эластична, чтобы довольно долго сохранить их.

Рич знал, где он находился, но не знал, каким образом сюда попал. Перед его мысленным взором все четче вырисовывалась картина — тонкая ракета, корпус, когда-то серебристый, а теперь потускневший от ветра и дождя, стоял между деревьев И он нашел ее!

Что-то снова зашевелилось на самой границе его сознания Что-то ощупывало его, изучало. Лес тихо шептал, призывая Рич чувствовал иные мысли деревьев. Желание увидеть, что находи-

лось под их сенью, стало непереносимым.

Несколько секунд он был захвачен своими собственными проблемами. Намеки и влечения были заглушены.

Чем дальше удалялся Рич, размеренно шагая на восток, тем более отдаленными становились все эти события, подобно тому, как переключается реле, включая второй комплекс вложенных в него приказов.

Высоко над планетой Хьюм колдовал с экраном, и наконец на нем появилось изображение далекого континента с внутренними меридиональный морями. Они должны были сесть в западной части континента. Его климат и планетарная широта, так же, как и поверхность, подходили как нельзя лучше. Координаты места посадки давно уже были заложены в автоматику управления.

— Это Джумала.

Он не стал оглядываться, но хорошо знал, какое действие произвела картина на телеэкране в рубке управления корабля гильдии, на четырех пассажиров. Сейчас ему пришлось приложить немного усилий, чтобы унять нетерпение. Малейшая ошибка могла возбудить подозрение и, разрушить все их планы. Может быть, три

клиента, выбранные Вассом, и были в чем-то замешаны, но они, несомненно, не знали истины. Когда он сделает на Джумале свое открытие, они не должны ни о чем догадаться, чтобы не погубить все предприятие.

Четвертый человек, участвующий в экспедиции, в качестве носильщика, был агентом Васса, посланным на тот случай, если Хьюму взбредет в голову пойти на попятную.

Сумерки коснулись западных границ континента. Он должен был посадить корабль на расстоянии однодневного перехода от затерянного в джунглях посадочного бота. Краткая экскурсия в этом направлении была первой из намеченных целей его группы. Но преднамеренность находки не должна была бросаться в глаза, и было достаточно средств и путей, чтобы направить группу охотников в нужном для его собственных планов направлении…

Согласно плану, два дня назад их «потерпевший кораблекрушение» был высажен здесь и оставлен в этой местности с постгипнотическим приказом. В этом, конечно, имелся известный риск. Рискованно было оставлять его одного на дикой планете, вооруженного лишь примитивным оружием, которым он мог воспользоваться в случае

опасности, но избежать этого было нельзя.

Они совершили посадку — Хьюм позаботился о том, чтобы снаряжение экспедиции было распаковано. Тут были машины и аппаратура, обеспечивающая защиту и некоторый комфорт его клиентам. Он открыл последний вентиль куполообразной надувной палатки и критически наблюдал, как небольшой рулон пластика превращается в устойчивое при любой погоде сооружение с искусственной климатической установкой.

— Теперь вы можете войти, сэр, — сказал он, обращаясь к невысокому человеку, который огромными глазами любопытного ребенка рассматривал странный ландшафт.

Отлично, охотник. Эй, что это такое? — голос его прозвучал, довольно громко, и он указал на восток.

Хьюм посмотрел туда Конечно, существовала возможность, что «Броуди» видел их прибытие, пришел сюда и сберег им много времени, избавил от множества трудностей, сыграв свою роль ликующего и спасенного с потерпевшего аварию корабля.

Но взглянув в указанном направлении, он не увидел ничего, что могло бы привлечь внимание

Далекие горы были похожи на черно-голубые кулисы В их предгорьях и на низких холмах растительность была так густа, что сами они на таком расстоянии казались черными На плоской равнине преобладал зелено голубой цвет, который тянулся до самой реки Где то находился спасательный бот.

— Я ничего не вижу! — это прозвучало так раздраженно что маленький человек поглядел на него почти оскорбленно. Хьюм с трудом подавил улыбку.

— Что вы там увидели, мистер Старис? Здесь вообще нет никаких чрезмерно крупных животных.

— Это было не животное, охотник Скорее, блик света да, так, — снова заговорил мистер Старис.

Солнце, подумал Хьюм Может быть, оно отразилось от борта бота Он знал, что маленький космический корабль был так густо оплетен лианами, что почти не был виден. Но, конечно слой этой защитной маскировки мог быть нарушен. Если дело об стояло так, можно было удовлетворить любопытство Стариса.

Он идеально подходил для такой находки.

— Странно, — Хьюм вытащил свой полевой бинокль — Где вы это видели, сэр?

— Там, — в третий раз указал Старис.

Если он и в самом деле что-то видел, то теперь оно исчезло. Но блик находился в нужном направлении.

На пару секунд Хьюм забеспокоился до сих пор все шло так великолепно.

— Может быть, просто солнце, произнес он.

— Вы думаете, это просто блик света? Но блеск был очень ярким. И здесь нет никаких отражающих поверхностей, не так ли?

Да, все произошло слишком быстро. Может быть, Хьюму стоило удвоить предусмотрительность, но он решил, что эти люди и не подозревают о его осведомленности насчет существования спасательного бота. Если они найдут спасательный бот с «Ларго Дрифта», будет произведено детальное расследование. Троих своих клиентов он должен использовать как беспристрастных свидетелей.

— Нет, я тоже не представляю, что могло бы послужить отражающей поверхностью в этом первобытном лесу, сэр, — улыбнулся он — Но мы на охотничьей планете, и не все формы жизни здесь исследованы.

— Вы имеете в виду разумную туземную расу, — охотник Чембрисс, самый надменный из

всей группы, подошел к нему.

Хьюм покачал головой.

— Нет, сэр, только не на охотничьей планете. Такие вещи всегда проверяют, прежде чем открыть планету для сафари. Но птица или какое-нибудь другое существо с крыльями, может быть, имеет перья или чешую с металлическим отливом, которые и отразили свет солнца. При некоторых обстоятельствах они могут дать яркий блик. Такое уже было.

— Бессмыслица! — Чембрисс равнодушно махнул рукой, как человек, привыкший к тому, чтобы все его желания всегда осуществлялись. — Я прибыл сюда, чтобы подстрелить водяную кошку, и никто не может отговорить меня от этого. А вы в здешнем лесу не найдете абсолютно ничего.

— Мы распланируем время, — объяснил Хьюм. — У каждого из вас есть обусловленное контрактом время, чтобы добыть определенный трофей. Вашим трофеем будет водяная кошка, сэр. А вы, мистер Старис, хотите сделать трехмерный снимок этого кота-дракона. Мистер Яктизи может попытать счастья с удочкой. У каждого для этого есть один день. И кто знает, может быть, они добудут свой трофей во время охоты своих коллег.

— Вы совершенно правы, охотник, — кивнул

Яктизи. — А так как двое моих коллег решили охотиться на водяных кошек, мы должны направиться к реке.

Потребовалось два дня, чтобы подготовить экскурсию в лес. Хьюм хотел было запротестовать, но осторожность взяла верх. Он взглянул на своих клиентов, которые возились с чемоданами и рюкзаками, на доверенного агента Васса, чей взгляд блуждал между лесом и Старисом. «Может быть, этот малый действительно видел там что-нибудь?» — спросил себя Хьюм.

Лагерь был готов: поселок из семи куполов, образованных палатками, расположился неподалеку от корабля. Но, по крайней мере, клиенты не считали, что в обязанности охотника входит выполнение всех тяжелых работ. Все трое усердно помогали ему, а доверенный Васса спустился к реке и через некоторое время явился с полудюжиной выловленных и нанизанных на палку серебристых рыбешек, которых он собрался поджарить в автопечке.

Костер в лагере, собственно, не был нужен, разве только для того, чтобы установить дружескую атмосферу. И он всем доставил удовольствие. Хьюм нагнулся, чтобы подбросить топлива в огонь, и Старис пододвинул ему пару больших

веток.

— Вы говорите, охотник, что на планете, открытой для сафари, никогда не бывает разумных туземцев. Как может ваш отряд исследователей установить это с полной уверенностью, если он сам никогда не исследует планету? — голос его звучал педантично, но интерес был неподдельным.

— При помощи психодетекторов, — Хьюм, скрестив ноги, сидел перед костром, и его искусственная рука лежала на коленях. — Пятьдесят лет назад мы должны были проводить довольно длительные исследования, чтобы установить, свободен этот мир или нет. Сегодня мы доставляем приборы в особые исследовательские центры. Разумные существа обязательно проявляют какую-либо психическую активность, и наши приборы засекают ее.

— Великолепно! — Старис держал свои неуклюжие руки над пламенем с таким видом, будто не только ощущает тепло от горящего дерева, но огонь также дает ему защиту от темных ночных сил. — Итак, вы хотите сказать, что если разумные существа, как бы мало их ни было, обитают здесь, все равно вы сумеете их обнаружить и ни одно от вас не ускользнет?

Хьюм пожал плечами.

— Может, одно-два и ускользнут, — улыбнулся он. — Но до сих пор мы еще не обнаружили ни одной планеты такого типа, на которой обитали бы разумные существа.

Яктизи покачал головой.

— Вы правы, это очень интересно, — он был стройным мужчиной с редкими седыми волосами и темной кожей. Вероятно, в нем смешалась кровь многих человеческих рас. Глаза в глазницах сидели глубоко, так что при свете костра было трудно рассмотреть их выражение. — И у вас до сих пор не было ошибок?

— Мне о них неизвестно, — ответил Хьюм. На протяжении всей своей жизни он полагался на машины, подчинявшиеся человеку и, соответственно, созданные им, он полагался на них во всем. Он знал эффективность психодетекторов и видел их в действии. В штаб-квартире гильдии не имелось сведений о том, что они когда-нибудь ошибались, следовательно, он готов был считать их непогрешимыми.

— А подводная раса… Вы уверены, что ваши машины смогут обнаружить ее присутствие? — снова спросил Старис.

Хьюм рассмеялся.

— Во всяком случае, на Джумале ее нет, в этом вы можете быть уверены. Моря здесь маленькие и мелкие. Туземцы, которых детекторы не смогут засечь, должны обитать на большой глубине и никогда не появляться на суше. Итак, здесь нам не стоит бояться никаких неожиданностей. Гильдия не пойдет на риск.

— Вы так в этом уверены, — отметил Яктизи. — Но уже поздно, и я хочу пожелать вам доброй ночи, — он встал, чтобы отправиться в свою палатку.

— Да, действительно! — Старис взглянул на огонь и тоже встал. — Итак, завтра утром мы охотимся у реки?

— На водяных кошек, — кивнул Хьюм. Он учитывал нетерпеливость Чембрисса. Может быть, будет лучше, если он первым получит свой трофей.

Ровальд, связной Васса, ждал у огня, пока трое других не разошлись по своим палаткам.

— Завтра — берег реки? — спросил он.

— Да, мы не должны слишком торопиться.

— Верно, — Ровальд всегда говорил кратко, когда клиентов не было поблизости. — Только не затягивайте слишком надолго. Не забывайте, что наш парень бродит где-то здесь, поблизости. И, в

конце концов, он может погибнуть, прежде чем эти неуклюжие гуляки отыщут его.

— Это риск, на который мы шли с самого начала. Мы не должны вызывать никаких подозрений. Яктизи обладает очень острым умом, и Старис тоже не дурак. У Чембрисса в голове нет ничего, кроме его водяной кошки, но и он может доставить нам большие неприятности, если ему кто-нибудь что-нибудь расскажет.

— Но, если мы будем ждать слишком долго, хозяин может разгневаться. Васс не любит, когда что-нибудь идет не так.

Хьюм пошевелился. В отсветах лагерного костра лицо его казалось призрачным.

— Я тоже не люблю! — он произнес это очень тихо, но в голосе слышалась холодная угроза.

Однако Ровальда было не так-то легко запугать. Он усмехнулся: не спеши, не спеши. Тебе нужен был Васс, и вот я здесь, для контроля, чтобы все шло хорошо. Дело очень важное, и мы не хотим его провала. Я уже позаботился о том, чтобы все было в полном порядке!

Хьюм подошел к столбу, по обеим сторонам которого пробегали красные полоски пламени. Теперь весь лагерь: и корабль, и палатки — был окружен силовым полем: обычная защи-

та охотничьего лагеря на чужой планете, мера предосторожности, которую Хьюм принял чисто автоматически.

Он долго стоял около столба и через невидимый барьер глядел на черный лес. Ночь была темная, низко нависшие облака скрыли звезды, и это значило, что, вероятно, пойдет дождь. Но теперь было не время сетовать на погоду.

Где-то снаружи находился Броуди. Хьюм надеялся, что юноша уже давно добрался до лагеря, который с такой тщательностью для него создали. Спасательный бот и каменная могила выглядели так, словно находились тут уже много лет; все было отработано до мельчайших подробностей.

Может быть, такая тщательность не требуется, чтобы обмануть участников сафари. Но когда сообщение об их находке достигнет других миров, сюда прибудут новые люди, великолепные следопыты. Его собственное обучение, которому он был обязан гильдии, и способности техников Васса должны были помочь пройти все проверки.

Что же видел Старис? Отражение солнца от стабилизаторов спасательного бота? Хьюм медленно вернулся к костру и увидел., как Ровальд направился ко входу в корабль. Он улыбнулся. Действительно ли Васс думает, что он будет

настолько глуп и не поймет, что соглядатай находится в постоянной связи со своим работодателем? Теперь Ровальд сообщит, что они совершили посадку и что игра началась. Хьюм спросил себя, какими же окольными путями это сообщение дойдет до того, кому оно предназначалось?

Он потянулся, зевнул и пошел в свою палатку. Утром они должны найти для Чембрисса водяную кошку. Хьюм выбросил из головы мысли о Броуди и сосредоточился на том, как ему найти добычу для своих клиентов.

Лампочки в палатках гасли одна за другой. Внутри круга, огороженного силовым полем, спали люди. В середине ночи пошел дождь. Капли падали на крыши палаток, погасили последние искры костра.

Из ночи выползло нечто не призрачное, но и не материальное; совершенно чуждое пришельцам со звезд. Но барьер, предназначенный для того, чтобы защитить лагерь от хищников, был гораздо более надежен, чем даже было известно создателям. И нападавший ничего не мог поделать, одна сила наткнулась на другую. Потом «оно» отступило и исчезло так же незаметно, как и появилось.

Но это существо, лишенное разума в человеческом понимании, обладало способностью исследовать этот барьер. Силовое поле было исследовано и учтено. Теперь все было готово для второй попытки, поскольку первая оказалась неудачной. Когда эти пришельцы появились здесь впервые, сигнал разбудил Древнего Стража Долины.

Глубоко — в темноте леса, на склоне горы, что-то двигалось. Существа бормотали во сне, бессознательно восставая против приказа, которого они хотя и не понимали, но беспрекословно повиновались ему. Когда забрезжило утро, все войско собралось и снова пошло в наступление, но не на лагерь, а на того единственного, кто остался без защиты. На юношу, который спал в узкой норе между корнями дерева — дерева, которое не упало, когда спасательный бот совершил посадку.

Хьюму опять повезло. Когда забрезжило утро, дождь прекратился. Небо было затянуто облаками, но он считал, что облака должны разойтись. Яростный поток воды в реке поможет Чембриссу в его поисках. Обычно логово кошек располагались на берегу, но если уровень воды поднимался, они покидали их-. Если охотники пойдут вдоль реки, они легко найдут следы одной из водяных

кошек.

Охотники отправились в путь. Хьюм шел впереди, вплотную за ним следовал Чембрисс. Ровальд, следуя древней традиции, замыкал группу. Чембрисс взял с собой игольное ружье. Старис, несмотря на то, что слегка нервничал, шел без оружия и взял с собой только голографическую камеру, которая сейчас находилась у него в сумке, пристегнутая кожаным ремешком. Яктизи взял электроудочку, хотя Хьюм и обратил его внимание на то, что из-за быстрого течения рыбачить в глубоких местах нельзя.

Недалеко от лагеря они — наткнулись на четкие следы, которые могла оставить только лапа водяной кошки. Следы отпечатались так ясно, что Хьюм понял, — зверь должен находиться неподалеку от них. Отпечатки были глубокими, и расстояние — между ними достигало длины человеческой руки.

— Достаточно крупная! — довольно воскликнул Чембрисс. — И эти следы идут от реки!

Хьюм задумался. Водяные кошки с красным мехом хотя и вылезали из своих нор, но обычно по своей воле никогда не отходили так далеко от воды. Он поднялся на холм и осмотрел ровное пространство между рекой и далеким лесом.

Трава была достаточно высока, чтобы укрыть животное таких размеров. Там, впереди, были два куста. Она могла легко спрятаться там и ждать преследователей, но зачем ей это делать? Она не была ранена и не могла испугаться их, у нее не было никаких оснований прятаться в засаде.

Старис и Яктизи немного отстали, и Старис сделал снимок своей камерой. Ровальд остановился. Когда Хьюм махнул ему рукой, он вытащил пулевой пистолет. Каждое действие, которое противоречило повадкам животного, сразу же казалось охотнику подозрительным.

Хьюм спустился с холма и пошел по следам. Они становились все свежее и все еще вели к лесу. Еще раз махнув рукой, он последовал за Чембриссом. Тот тотчас же прислушался. Несмотря на все свое любопытство, Хьюм оставил следы и пошел в обход, пока не достиг позиции, с которой мог наблюдать за кустами. Никаких признаков животного, только следы, ведущие в лес. И если они пойдут по ним дальше, то быстро наткнутся на спасательный бот.

Он решил рискнуть. Ближайшее дерево находилось не более чем в двух метрах от него. Внезапно Чембрисс поднял руку и указал, в какой куст хочет выстрелить.

Но это бесформенное «нечто», едва различимое, на фоне растительности, не было водяной кошкой. Раздался высокий, внезапно оборвавшийся крик. Потом существо отползло назад и исчезло в кустах.

— Черт побери, что это было? — спросил Чембрисс.

— Не знаю, — ответил Хьюм, пожав плечами, и приблизился к спутникам, потом вытащил иглу от ружья Чембрисса из ствола дерева. — Но больше не стреляйте — хотя бы до тех пор, пока не будете точно знать, в кого вы палите.

Влага ночного дождя повисла на ветках и мелкими капельками оседала на лице Рича. Он лежал на толстой ветке и старался успокоить дыхание. Он все еще слышал эхо удивленного крика, который донесся до него со стороны людей, что шли по лесу к высоко вздымающемуся стабилизатору посадочного бота.

Он попытался понять, почему бежал от них. Это были представители его собственной расы, они избавят его от одиночества мира, где он был единственным человеком.

Но тот высокий человек, человек, который вел группу к прогалине, где находился спасательный бот… Рич дрожал, древесные иглы рвали его

кожу. Когда он увидел того человека, явь и сон снова смешались, и он ударился в паническое бегство. Это был человек из комнаты — человек со стаканом!

Когда колотье в груди улеглось, юноша смог связно обдумать все происшедшее. Сначала он не смог найти нору хищника. Потом — следы на почве, на том месте, где он упал, и спасательный бот — они были тут, как он и помнил. Но неподалеку от маленького корабля он обнаружил еще кое-что: лагерь с убежищем из лиан и ветвей, а в нем пожитки, которые, может быть, собрал кто-то, потерпевший кораблекрушение.

Тот высокий человек вернется — в этом Рич был уверен, но сейчас он слишком выдохся, чтобы бежать дальше. Да, ответ на все загадки был связан с этим человеком. Если он вернется на поляну, где находится бот, то рискует быть захваченным в плен — но он должен все узнать. Рич очень внимательно обследовал окрестности. Его следы отпечатались на мху под деревьями. Но, может быть, отсюда есть другой путь. Он осмотрел ветки соседних деревьев.

Нет, путь был только один. Рич вздрагивал, и на спине его выступал холодный пот, когда он вспугивал какого-нибудь древесного жителя. А

потом он установил, что на месте падения бота были и другие.

Он прижался к стволу дерева, когда увидел нечто другое, находившееся на деревьях над его головой. Он был уверен, что это существо, по крайней мере, таких же размеров, как и он сам, если оно смогло свернуться таким вот образом. Грозные когти существа подсказали ему, что оно может быть очень опасным противником.

Но оно не делало никаких попыток преследования, и у Рича вспыхнула надежда, что оно только охраняет свое убежище. Не спуская глаз со странного клубка, юноша медленно отступал, шаг за шагом, тщательно всматриваясь в чужое существо на тот случай, если оно вздумает покинуть свое место. Но оно не двигалось, и он осмелился опуститься на землю, чтобы обойти ствол, как вдруг услышал вверху какой-то звук. Рич посмотрел туда.

В жалком укрытии, где только что находился клубок, на который он недавно смотрел, теперь скрывалось другое существо! Это существо не пряталось в листве. У него были четыре конечности, длинные руки достигали согнутых колен, и по внешнему виду оно несколько напоминало человека — если бы человек мог иметь такой

густой мех. Голова его начиналась сразу же от плеч, словно у существа была очень короткая шея — или ее не было вовсе. Голова формой напоминала перевернутую грушу, с черенком между плечами. Глаза и нос находились на широкой части, а огромный рот дополнял эту карикатуру на человека.

Глаза существа были похожи на черные отверстия, и в них нельзя было различить ни зрачков, ни радужной оболочки, ни белков. Нос представлял собой совершенно круглую черную трубку, выступающую сантиметра на три. Существо выглядело гротескным, черным и жутким, но не делало ни одного враждебного движения. Оно не поворачивало головы, и Рич не знал, видит оно его или нет.

Но оно знало, что Рич был тут, в этом он был уверен. И оно ждало… Кого?

Секунды бежали одна за другой, и Рич начал думать, что оно ждало его. Он храбро ухватился за лиану и снова вскарабкался на дерево.

Минуту назад он обнаружил, что здесь находятся по меньшей мере два подобных существа, следящих за лагерем, и что линия их постов проходит между ним и поляной, где находился спасательный бот. Поэтому он отступил подаль-

ше в лес и начал высматривать окольный путь, который вывел бы его из окружения. Теперь ему хотелось присоединиться к людям своей расы, преследовавшим его, независимо от того, были они его возможными врагами или нет!

Между тем животные все плотнее окружали поляну. День уже клонился к вечеру, когда юноша спустился на несколько миль вниз по течению реки. Покинув лес, он больше не видел ни одного такого животного. Он надеялся, что они по своей воле не станут покидать деревьев, где могли укрыться в листве.

Рич выбрался на берег реки и заполз за куст, чтобы из этого укрытия наблюдать за прилегающей местностью. Тут находился космический корабль, нос которого был направлен в небо, а неподалеку от него были установлены несколько куполообразных палаток. В центре круга, образованного палатками, пылал костер, у которого сидели несколько мужчин.

Теперь, оставив позади себя лес и животных, Рич хотел подойти поближе, но все еще колебался, не решаясь покинуть свое убежище, подойти к костру и попросить выручить его из того положения, в которое он попал.

Человек, которого он искал, стоял возле костра;

он только что надел нечто вроде куртки, на груди которой был прикреплен маленький значок. Он взял игольное ружье. Судя по жестам, которые видел Рич, он хотел навязать свое решение остальным; но потом покачал головой и стал ходить между тенями. Один из мужчин следовал за ним, но когда они дошли до столбов, которые окружали палатки, то остановились, и один из них исчез в темноте. Рич пригнулся за кустом. Мужчина направился к реке. Узнали ли они о его присутствия здесь и хотели ли они найти его? Но действия этого человека, увы, были обычной подготовкой к патрулированию.

Охранник! Животное! Может, человек хотел выследить его? Но это ведь бессмысленно! Рич пропустил человека и следовал за ним, пока лагерь не остался так далеко позади, что другие не могли бы помешать ему. Мужчина расстегнул куртку.

Руки Рича сжались в кулаки. Он понял, что было реальностью, а что сном! Мужчина должен знать это, и он скажет ему!

Но он упустил его из поля зрения. Внезапно Рич услышал плеск воды неподалеку от своего убежища. Человек из лагеря решил переправиться по реке. Несмотря на всю свою осторожность, Рич

почти выдал себя, когда огибал куст, находившийся поблизости от воды. Он рос наполовину на берегу, наполовину в русле реки. В последнюю секунду тихий шорох подсказал ему, что человек взобрался на плавающий обломок дерева.

Ждал ли он его? Рич замер. Он был так поражен, что в первое мгновение ничего не мог понять. Потом до него дошло, что он видит силуэт чужака, который с каждым мгновением становился все четче и светлее. Его окружало бледно-голубое сияние. Шевельнулась тень руки, сияние замерцало и рассыпалось крошечными искорками.

Рич посмотрел на самого себя — теперь эти искорки двигались вокруг него, покрывали его руки, бедра и грудь. Он снова отступил в кусты, а искры все еще окружали его. Но теперь их сияние было недостаточно ярким, чтобы кто-нибудь смог увидеть его. Рич видел, как искры парили над кустами растениями, вокруг стволов деревьев. А вокруг чужака их рой был таким густым, словно его тело притягивало их как магнит Он все еще махал рукой, искры двигались, и было достаточно светло. Рич увидел, что пальцы другой руки чужака что-то делают с ящиком, который был укреплен у него на груди. Потом пальцы перестали манипулировать кнопками, и Рич осмелился

поднять голову. И услышал постепенно затихающий звук, не крик животного — а что?

Пальцы чужака снова забегали по кнопкам ящика. Может быть, таким образом чужак передавал кому-то сообщение? Рич наблюдал, как, повесив прибор на пояс и положив игольное ружье на сгиб руки, мужчина покинул берег реки и направился к лесу.

Рич вскочил, и губы его шевельнулись, чтобы предупредить чужака, но он не произнес ни звука. Вместо этого он медленной рысью побежал за ним.

Было еще достаточно времени, чтобы остановить чужака прежде чем он подвергнется опасности, ожидавшей его под деревьями.

Но чужак был осторожен, будто знал, что его ждет Он медленно крался в северном направлении, тщательно избегая кустов, встречающихся на пути.

Они двигались параллельно кромке леса и достигли второй реки, в которую впадала первая. На этом месте чужак залег между двух камней, и все указывало на то, что он намерен задержаться здесь на некоторое время. Рич нашел место, с которого он хорошо видел чужака. Крошечные искорки собрались в облачко и повисли над

камнями. Но Рич, предвидя это, спрятался за куст — аромат его листьев должен был удержать искры, которые теперь повисли туманным мерцающим облачком над его наблюдательным постом. И тут он заснул, а когда проснулся, уже наступил день и светило солнце. Он снова удивился, что-то здесь не так. Он видел зелено-голубое небо вместо четырех грязных стен.

Потом он вспомнил и испуганно вздрогнул, рассердившись на себя за то, что все проспал. След чужака нельзя было упускать. Тот не вернулся назад, как опасался Рич, а направился на восток. Какую цель преследовал этот мужчина? Может быть, он хотел пересечь лес, двигаясь вдоль русла реки?

Теперь Рич рассматривал эту проблему со своей точки зрения. Чужак с космического корабля не принял никаких мер чтобы скрыть свой след. Напротив, казалось, что он буквально старается оставить за собой цепочку хорошо различимых следов. Может, он предполагал, что Рич последует за ним и по какой-то причине уводил его подальше? Или он оставил за собой след, чтобы по нему кто-то другой нашел путь в лагерь?

Если он теперь и дальше будет следовать вдоль русла реки, то обязательно будет обнаружен. Рич

осмотрел берег поблизости. Маленькие группки невысоких деревьев и высоких кустов сменяли друг друга. Идеальное укрытие.

Едва он покинул свое укрытие, которым воспользовался для ночлега, как услышал крик водяной кошки. На кошку напал какой-то враг, и она была в ярости. Рич зигзагами побежал от куста к кусту. Когда он добежал до берега реки, шипение и крики невидимой кошки внезапно смолкли.

Человек из лагеря подвергся нападению с трех сторон — самой хищной водяной кошки и двух ее котят. Теперь три неподвижных красных тела вытянувшись лежали на песке, а чужак, тяжело дыша, опирался о скалу В то мгновение, когда Рич увидел его, он нагнулся, чтобы подобрать упавшее ружье, а потом оттолкнулся от скалы. И споткнулся. Подойдя к воде, он попал в другую ловушку Джумалы.

Подняв ногу для следующего шага, он ступил на скользкое место Человек упал лицом вперед, когда его нога попала в нору хищника. Испуганно вскрикнув, снова выронил свой прибор и замолотил руками. Он уже до колен, а потом и до бедер погрузился в зыбучий песок, тщательно укрывавший ловушку. Но при этом он все же

не потерял голову и сделал резкий бросок всем телом с одного места на другое, чтобы таким образом попытаться освободиться.

Рич встал и медленно, но решительно пошел к кромке воды. Мужчина, уже наполовину затянутый, лежал, выбросив руки в стороны и пытался ухватиться за какой-нибудь камень, достаточно большой для того, чтобы выдержать его вес, не сдвинувшись с места. После первого испуганного вскрика он больше не издал ни звука, но теперь глаза его расширились, а рот широко открылся.

Рич некоторое время совершенно равнодушно смотрел на него, потом протянул руку к игольному ружью. Он вырвал его у пленника. Мужчина взглянул на него, и выражение его лица изменилось, так как Рич не стал целиться в него.

— Я думаю, — голос Рича резко и как-то весело прозвучал для его собственного слуха, — теперь мы можем с вами поговорить обо всем, что произошло за это время.

Мужчина кивнул.

— Как хотите, Броуди.

— Рич Броуди? — Рич опустился на корточки возле мужчины.

Серые глаза на темно-коричневом лице чужака сверкали ярко и притягательно, и Рич увидел в

них нечто вроде триумфа.

— Вы нашли меня? — спросил он.

— Да.

— Почему?

— Мы нашли спасательный бот — нам хотелось знать, уцелел ли кто-нибудь после катастрофы.

Рич медленно покачал головой.

— Нет… вы знали, что я нахожусь здесь. Потому что вы сами доставили меня сюда! Теперь это выплыло наружу.

Но и на сей раз на лице мужчины не было видно никаких следов удивления.

— Вы знаете, — Рич нагнулся вперед, стараясь остаться вне досягаемости его рук, — я вспомнил себя — настоящего.

Теперь он заметил искру, вспыхнувшую в глазах чужака. Тот тихо спросил:

— Что вы вспомнили, Броуди?

— Достаточно, чтобы понять, что я не Броуди. Что я не прилетел сюда в спасательном боте и что я не строил лагерь на поляне.

Он протянул руку к рукоятке игольного ружья Какой бы мотив ни был для того, чтобы его передвигали, как шахматную фигуру в страшной игре, он знал, что это должно быть достаточно серьезно и опасно.

— На этот раз у вас нет стакана.

— Итак, вы действительно все помните, — человек все больше слабел Хорошо, нам не придется кардинально менять свои планы. У вас на Нахуатле нет ничего, ради чего вам стоило бы туда возвращаться; разве что вам очень понравился «Звездопад».

Голос его звучал холодно и презрительно.

— Если вы будете вместе с нами играть в нашу игру, вы получите для себя огромную выгоду, он замолчал, и взгляд его остановился на лице юноши.

Нахуатль. Рич задумался. Он был на Нахуатле, или в нем? Это планета? Город? Если верить чужаку и тому, что он вспомнил… Итак, это уже больше, чем обрывки воспоминаний.

— Вы высадили меня здесь, а потом пришли снова, чтобы найти меня. Зачем? Почему этот Рич Броуди так важен для вас?

— Почти миллиард кредитов! — мужчина с корабля откинулся на стенку ямы, раскинув руки в стороны, чтобы не погрузиться еще глубже. — Миллиард кредитов, — медленно повторил он.

Рич рассмеялся.

— Вы должны были придумать что-нибудь более правдоподобное.

— Ставки должны быть очень высокими, чтобы быть для вас выгодными, не правда ли? Вы полноправный Броуди, так сказать, нелегальный наследник по памяти.

Рич не произнес ни слова. Если они это ему когда-нибудь и говорили, все прошло мимо него, затерялось в лабиринте других вещей, которые были внесены в его мозг и запечатлены там. Но чужак не должен знать, что он не помнит.

— Вам нужен Броуди, чтобы получить миллиард кредитов. Но теперь у вас нет Броуди!

К его удивлению пленник в песчаной ловушке рассмеялся.

— У меня будет Броуди, если он будет мне нужен. Лучше подумайте о значительной доле этого миллиарда кредитов, юноша, подумайте о ней.

— Я думаю о ней.

— Думать в одиночку — не дело, знаете ли, — в голосе чужака впервые послышалось что-то похожее на возбуждение.

— Вы думаете, я нужен вам. Я так не считаю. Я не хочу быть шахматной фигурой, которую кто-то просто двигает по доске, знаете ли, — это выражение вызвало у него другие воспоминания: дымное, переполненное помещение; где на грязном столе шла игра — не искусственно созданное

воспоминание Броуди, а его собственное.

Рич встал и начал подниматься по откосу, но прежде чем достигнуть верха — оглянулся. Искореженный прибор все еще дымился там, куда чужак отбросил его. Теперь мужчина вытянул руки вперед, пытаясь дотянуться до камня, но ему не хватало всего пары сантиметров. На счастье, нора уже давно была пуста. Со временем ему удалось бы освободиться. Тем временем Рич обследовал окрестности в поисках убежища, где никто не мог бы обнаружить его, если он сам не захочет.

Ища, он попытался вспомнить больше и связать всю полученную от человека с Нахуатля информацию воедино. Итак, ему устроили «промывание мозгов», внушили фальшивые воспоминания, принадлежащие Ричу Броуди, наличие которого должно принести кому-то миллиард кредитов. Он не мог понять, что это была за игра, в которую в одиночестве играл этот космический бродяга, и кого он имел в виду, говоря «нас».

Миллиард кредитов! Сумма была фантастическая, а вся история была слишком невероятна.

Внезапно он почувствовал резкий укол. Рич вскрикнул и переступил с ноги на ногу. Он раздавил одно из крошечных, вооруженных че-

люстями существ. Он вовремя отскочил назад, прежде чем наступил на кучу их, окружившую какую-то падаль. Он взглянул на эту кучу чешуйчатых телец, яростно рвущих труп челюстями, и застонал.

Три мертвых водяных кошки лежали неподалеку от ловушки, в которую попал чужак. Приманка, чтобы привлечь хищных насекомых к пленнику. Пустой желудок Рича взбунтовался. Он отшатнулся и побежал. Надо надеяться, что было еще не слишком поздно.

Достигнув берега, он увидел, что чужак смог справиться с ремнем от ящика и теперь поспешно бросал его, стараясь зацепиться за ближайший валун и попытаться высвободить тело.

Рич подбежал, ухватился руками за пояс и уперся ногами в землю. С его помощью чужак выкарабкался из норы и, тяжело дыша, упал на землю. Рич схватил его за плечи и потащил подальше от трупов водяных кошек. Он уже увидел первых пожирателей падали, ползущих сюда.

Мужчина встал и взглянул на Рича, который отошел на пару шагов назад и теперь держал наготове игольное ружье.

— Теперь, может быть, пришла моя очередь задавать вопросы?

Потом он проследил за взглядом Рича. Труп одной из кошек шевелился, но не в последней судороге атонии, а под атакой насекомых.

— Спасибо, — чужак встал рядом с Ричем. — Меня зовут Рас Хьюм. Мне кажется, я до сих пор не представился.

— Это неважно. Во всяком случае, я не тот, кого вы ищете — я не Броуди.

Хьюм пожал плечами.

— Обдумайте все, Броуди, — обдумайте получше и пойдемте со мной в лагерь.

— Нет, — оборвал его Рич. — Вы идите своей дорогой, а я своей.

Мужчина рассмеялся.

— Не все так просто, юноша. Мы впутались в такое дело, из которого не так-то легко вылезти, это тебе не тумблер переключить, — он сделал один-два шага в сторону Рича. Юноша поднял ружье.

— Оставайтесь на месте! Вы во что-то впутались, Хьюм? Ну, хорошо, сами заварили кашу, сами — и расхлебывайте, а меня сюда впутывать нечего.

— Что вы будете делать? Спрячетесь в лесу?

— То, что я буду делать, это моя забота, Хьюм.

— Нет, и моя тоже. Я предупредил вас, юно-

ша, так сказать, беспокоясь о том, чтобы ночью вы... — он кивнул в направлении опушки. — В лесу есть нечто такое, чего не было здесь, пока отряд гильдии исследовал планету.

— Животные! — Рич шаг за шагом отступал назад, не спуская глаз с чужака. — Я видел их!

Хьюм был сильно взволнован.

— Как они выглядят?

Несмотря на желание как можно быстрее отделаться от Хьюма, Рич почувствовал, что он против воли со всеми подробностями отвечает на вопрос. Он понял, что хорошо помнит животное, которое скрывалось на дереве, а также другое, скрывшееся в листве, и множество других, которых он заметил в деревьях вокруг поляны.

— Никаких признаков разума, — Хьюм посмотрел на лес вдалеке. — Психодетектор не обнаружил здесь никаких разумных существ.

— Эти животные — вы их не знаете?

— Нет. Но то, что вы видели, мне очень не нравится. Броуди, мне хочется заключить с вами перемирие. Гильдия считает Джумалу открытой планетой, и все имеющиеся у нас сведения говорят о том же. Если это не так, — у нас будет очень много хлопот. Как звездный охотник я несу ответственность за тех трех штатских, которые

сейчас находятся в охотничьем лагере.

Здесь Хьюм был прав, неохотно отметил про себя Рич. Охотник, должно быть, все учел, поэтому он повернулся к юноше и добавил:

— Самое безопасное место — наш охотничий лагерь. Мы возвращаемся туда.

Но было уже поздно. Послышался металлический звон. Рич вздрогнул и снова взял ружье наизготовку. Светящийся шар величиной примерно с кулак отскочил от камня и закатился в лунку от следа, оставленного сапогом Хьюма. Потом в воздухе снова сверкнуло, и второй шар упал на землю.

Шары, казалось, появлялись из воздуха. Переливаясь всеми цветами радуги, они полукругом располагались перед обоими мужчинами. Рич нагнулся, но пальцы Хьюма схватили его за запястье и рванули прочь от шара.

— Не прикасайтесь к ним! — крикнул Хьюм. — И не смотрите на них! — он потащил Рича через пока еще не закрытый проход в их рядах.

Хьюм начал обходить насекомых, пожиравших трупы водяных кошек, не отпуская руки Рича. Позади них слышались звуки падения других шаров. Оглянувшись, Рич увидел, как один из них упал возле одного из трупов.

— Смотрите!

Шевелящийся ковер насекомых, покрывающий труп, перестал двигаться. Теперь сюда подкатились еще два шара, и пожиратели падали оставили свою добычу. Они собрались в стайку и потекли прочь. Среди них катились горящие красные шары, к которым в это время прибыло подкрепление.

Правая рука Хьюма поднялась, из узкого жерла его излучателя вылетела молния и ударила в один из шаров. Луч отразился от него и попал в стайку пожирателей падали. Их чешуйчатые тельца превратились в пепел. А шар покатился дальше, словно ничего не произошло.

— Быстрее! — рука Хьюма ударила по плечу Рича с такой силой, что у него перехватило дыхание. Оба бросились бежать.

— Что… что это за шары? — задыхаясь, спросил Рич.

— Я не знаю, но в любом случае они мне не нравятся. Если мы будем передвигаться по берегу реки, они окажутся между нами и лагерем.

— Они хотят окружить нас. Но это им не удастся. Посмотрите, там — впереди, где между камнями застрял ствол дерева? Бежим туда, и если нам удастся добраться до реки, входите в воду. Я не

верю, что эти штуки могут плавать, а если они утонут, я думаю, нам удастся ускользнуть.

Рич побежал, не выпуская из рук игольного ружья. Он пробежал по стволу дерева и спрыгнул в воду. Хьюм последовал за ним.

— Вниз по течению!

Рич огляделся. Одна фигура… две, три… Теперь все они были ясно видны, растительность больше не скрывала их. Животные наконец вышли из леса. Теперь они выпрямились и выстроились в ряд, медленно приближаясь к людям, их зеленый мех отсвечивал голубым под отвесно падающими яркими лучами солнца. Они появились мгновенно и бесшумно, и от них исходило нечто жуткое и угрожающее.

— Исчезаем отсюда как можно быстрее! — люди побежали, преследуемые по пятам молчаливой толпой зелено-голубых существ, которые все дальше и дальше оттесняли их от охотничьего лагеря к вздымавшимся вдали горам. Так же, как шары погнали пожирателей падали, оторвав их от пира, людей теперь гнали к какой-то неизвестной им цели.

Они больше не видели и не слышали шаров с тех пор, как появились эти животные. И достигнув изгиба реки, Хьюм и Рич остановились и

оглянулись.

— Мы можем уничтожить их с помощью игольного ружья и излучателя.

Охотник покачал головой.

— «Не убивать, — продекламировал он девиз своей гильдии, — пока не будет доказано, что это не разумные существа» Эти парни действуют методично, что может служить доказательством их разумности.

Наука о контакте и обращении с разумными существами входила в обучение членов гильдии. Несмотря на страшную игру, которая привела Хьюма на Джумалу, он все же выполнял устав гильдии, а Рич был готов предоставить решение ему.

Хьюм протянул юноше излучатель.

— Возьмите и прикрывайте огнем наше отступление, но не стреляйте, пока я не скажу. Понятно? — он подождал, пока Рич кивнет ему в ответ, а потом медленным и размеренным шагом направился к существам. Рука Хьюма поднялась ладонью вверх, и он обратился к ним на межзвездном эсперанто:

— Друг, — это было все, что Рич смог понять из его речи, донесшейся из прибора-контактера.

Темные фигуры замерли. Легкое волнение

пробежало по их шерсти на широких плечах и длинных мускулистых руках. Ни одна голова не сдвинулась, ни одна из мощных челюстей не шевельнулась, чтобы издать какой-нибудь звук.

Хьюм остановился. Молчание было угрожающим, от чужих существ исходило нечто угнетающее, ощущавшееся почти физически.

Несколько мгновений они так и стояли: человек и чужие существа. Потом Хьюм повернулся и стремительно вернулся назад. Рич отдал ему излучатель.

— Мы будем стрелять?

— Слишком поздно. Смотрите!

Ряд зелено-голубых существ спускался к реке. Не пять или шесть, а десятка два. Капли пота стекали по загорелому лицу охотника.

— Мы окружены — и нам остается идти только вперед.

— Но мы можем бороться с ними, — запротестовал Рич.

— Нет. Пойдем вперед!

Прошло некоторое время, пока Хьюм не нашел то, что искал. Островок посредине реки, совершенно лишенный растительности, просто поднимавшуюся над поверхностью воды скалу. На ее боках виднелись трещины, овражки и пе-

щерки, которые могли послужить им убежищем, если придется сражаться. Их невозможно было обнаружить раньше, потому что было далеко за полдень, и тени становились все длиннее и длиннее.

Но нападения не последовало, их, как стадо скота, гнали на северо-восток. Рича охватила паника, потому что он хорошо знал, что нельзя недооценивать неизвестного врага.

Молча переглянувшись, они вскарабкались на самую вершину островка и залегли на площадке, которая была не больше одного квадратного метра. Хьюм поднял бинокль к глазам и направил его на горы вдалеке, а не на ту дорогу, по которой они пришли сюда.

— Ничего, — Хьюм опустил бинокль и взглянул; на горы еще раз.

— Что вы ищете? — спросил Рич. Он был голоден, но не настолько, чтобы отважиться покинуть островок.

Хьюм улыбнулся.

— Я не знаю. Но они гонят нас в этом направлении.

— Подумайте, вы знаете эту планету, — произнес Рич. — Вы уже были здесь раньше.

— Я входил в исследовательский отряд, кото-

рый открыл для гильдии эту планету.

— Тогда вы должны были тщательно обследовать ее. Как же случилось, что вы ничего не знаете об этих существах? — он указал на преследователей.

— Есть вопросы, которые следовало бы задать кое-кому из наших экспертов, — ответил Хьюм, — Психодетектор не зарегистрировал здесь никакой разумной жизни.

— Никакой разумной жизни? — Рич: некоторое время: подумал, а потом высказал единственное возможное объяснение. — Ну, хорошо, тогда эта публика, должно быть, явилась извне. Может быть, какие-нибудь выходцы с другой планеты устроили здесь свою базу и не терпят возле нее чужого присутствия?

Хьюм задумчиво посмотрел на него.

— Нет, — и он замолчал. Усевшись, Хьюм извлек из своего пояса цилиндрический сосуд. Потом вытряхнул из него четыре таблетки и две из них протянул Ричу. Две других он положил себе в рот.

— Таблетки жизни… действуют двадцать четыре часа. — Таблетки, которые входили в обычный рацион всех исследовательских групп, конечно, были совершенно безвкусными. Рич, однако, про-

глотил их, и потом они снова спустились к самой поверхности реки. Охотник зачерпнул пригоршню воды из реки, вылил ее в углубление в камне и добавил туда щепотку очищающего порошка.

— Когда стемнеет, — сказал он, — может быть, нам удастся проскользнуть через их заслон?

— Вы так думаете?

Хьюм улыбнулся.

— Нет… но когда-нибудь нам тоже должно повезти. Кроме того, у меня нет ни малейшего желания идти туда, куда они нас гонят, — и взглянул на небо. — Мы будем сторожить и спать по очереди. Пока не стемнеет, нет ни малейшего смысла предпринимать что-нибудь, потому что наши друзья слишком активны. Хотите сторожить первым?

Когда Рич кивнул, Хьюм забрался в щель, как мышь в нору. Он тотчас же заснул, словно был в состоянии приказать своему сознанию выключиться. Рич пару раз взглянул на него, потом вскарабкался немного повыше, чтобы лучше видеть окружающее.

Животные все еще были на берегу. Их терпение поразило его уже тогда, когда он впервые увидел их в лесу. Ничто не двигалось, не слышно было ни звука. Они просто находились здесь и

наблюдали. И Рич не верил, что ночь притупит их бдительность.

Он откинулся назад и голой спиной почувствовал шероховатость скалы. В руке его было самое действенное оружие, из всех известных на пограничных мирах. Здесь, на своем посту, он мог одновременно наблюдать за врагом и размышлять.

Хьюм сначала высадил его здесь, снабдив памятью Рича Броуди, за что наградой должен был стать миллиард кредитов. Подготовить все это стоило огромных затрат, и награда была соответственной.

Так Рич Броуди оказался на Джумале, и Хьюм вместе со свидетелями прибыл сюда, чтобы найти его. Рич молча поздравил себя с таким логическим выводом. Рич Броуди, как потерпевший кораблекрушение, должен быть обнаружен на Джумале. Но все пошло не так, как запланировал Хьюм.

Рич был убежден в том, что не должен был знать, что на самом деле он не Броуди. В течение нескольких мгновений он спрашивал себя, почему его сознание функционирует не так, как было запланировано, но потом снова вернулся к проблеме отношений с Хьюмом.

Нет, звездный охотник, несомненно, ожидал найти здесь потерпевшего кораблекрушение, который не имел никакого понятия о своей двойной роли. А теперь еще эти существа, которых несколько месяцев тому назад люди гильдии не смогли обнаружить.

Рич почувствовал, как холодок пробежал по спине. Суть заговора Хьюма он еще как-то мог понять, но молчаливые существа были чем-то иным и представляли собой непосредственную и неотступную угрозу.

Рич медленно продвинулся вперед и взглянул на туман, клубящийся над рекой. Хотел бы он, чтобы все другие загадки разрешились так же легко, как загадка его появления на Джумале и его странных воспоминаний.

Туман представлял из себя дополнительную угрозу. Если он станет гуще, существа на берегу под его прикрытием могут подойти еще ближе. Игольное ружье хотя и было эффективным оружием, но его можно было использовать только против видимого противника. Если же он будет стрелять во врага вслепую, то быстро израсходует все заряды, а попадет ли в цель — весьма проблематично.

Но с другой стороны, они и сами могли восполь-

зоваться этим туманом для того, чтобы прикрыть свое отступление. Он хотел уже предложить это Хьюму, когда в их странном поединке с чужими существами появился новый фактор.

Внезапная вспышка… еще одна, потом еще… вспышки следовали вдоль течения реки. Теперь они приблизились к их острову. Они возникали словно из ничего, так же, как и во время первого появления шаров.

Шары и яркие вспышки на воде должны были быть как-то связаны друг с другом. И если они представляли для людей новую опасность… Рич тщательно прицелился и выстрелил в огонек, который задержался у края скалы в том месте, где русло реки снова сходилось. Внезапно он осознал, что шары движутся против течения, словно у них были моторчики.

Он выстрелил, но огонек остался на месте, рядом с ним внезапно появился другой. И тогда на скале что-то произошло. Так же, как раньше на суше от шаров бежали пожиратели падали, теперь на скале появились жители реки. И они карабкались вверх. Цвет огоньков изменился — сначала они были белыми, а теперь стали красно-оранжевыми.

Рич нащупал рукой щель в скале и обнаружил

там камень. И он со всей силой запустил им в огонек под ним. Ярко-красный взрыв света, и первый огонек исчез.

Где-то в камнях на берегу прозвучал резкий крик, и что-то по высокой дуге прыгнуло в воду. Теперь шлейф тумана закрыл от Рича огонек. Рич сполз со своего места и растолкал Хьюма.

Звездный охотник мгновенно проснулся — привычка, выработанная постоянным пребыванием на малоисследованных планетах окраин Галактики.

— Что?

Туман становился все гуще, но теперь на воде танцевало множество огоньков, они растекались по обе стороны острова, взяв его в кольцо. Внезапно прямо перед ними из воды появились темные фигуры и начали подниматься наверх по скале к крошечной площадке, где стояли два человека.

— Эти шары, думаю, теперь движутся по реке, — Рич нашел другой камень, снова тщательно прицелился и запустил его во второй огонек. — Игольное ружье на них никак не действует, — объяснил он. — А камни действуют, и я не знаю, почему.

Они обыскали трещины на скале, нашли несколько камней величиной с кулак. В это вре-

мя огоньки окружали остров все более плотной стеной. Внезапно Хьюм направил излучатель вниз. Выстрел разорвал мрак ночи.

С резким криком прямо перед ними от скалы отскочила темная тень. Отвратительный запах, к которому теперь примешивалась вонь горелой плоти, заставил их закашляться.

— Водяной паук! — объяснил Хьюм. — Если эти твари заберутся сюда и нападут на нас…

Он ощупал свой пояс, нашел что-то и бросил вниз. Внизу разлился ливень ярких искр.

В тех местах, где эти искры касались скалы, вспыхивали очень яркие языки пламени, освещающие кошмарных тварей, которые кишели у подножия острова.

Рич выстрелил из игольного ружья. Лучевой пистолет Хьюма бил без передышки. Животные выли и визжали или умирали беззвучно, но все еще пытались достигнуть вершины скалы. Некоторые из них были похожи на пожирателей падали огромных размеров, величиной с водяную кошку. Были тут и многочисленные покрытые мехом твари с двойными челюстями и кольцом фосфоресцирующих глаз. Казалось, что вся фауна Джумалы восстала против них.

— Огоньки должны исчезнуть, — сказал Хьюм.

Рич понял это. Именно огоньки нагнали из реки этих тварей. Если они исчезнут, большинство осаждавших остров существ, возможно, вернется обратно в свою стихию. Он отложил игольное ружье. Потом стал хватать камни, стараясь поразить как можно больше огоньков.

Хьюм стрелял в существ, которые карабкались к ним снизу, И только изредка прерывал стрельбу на уничтожение, чтобы снова бросить вниз световую бомбочку и осветить поле боя. На мгновение показалось, что водяные существа, вырванные из своей стихии, вот-вот сдадутся на милость победителя, но численность их, однако, намного превосходила защищавшихся, и этого нельзя было недооценивать.

Рич пробил обширную брешь в кольце огоньков. Но ему было видно, как снизу сквозь туман появлялись все новые и новые огоньки, занимая место уничтоженных. Может быть, они гнали сюда водяных обитателей издалека, чтобы усилить мощь атаки. И, кроме бреши, которую пробил Рич, скала была полностью окружена.

— Ага, — это был голос Хьюма. Его излучатель нашел цель прямо под площадкой. Усаженная когтями лапа уцепилась за обломок скалы, но сорвалась, и тварь свалилась в воду.

— Вверх! — приказал Хьюм. — Поднимаемся вверх!

Рич захватил с собой как можно больше камней и прижал их левой рукой к груди, потом они оба поспешно забрались на крошечную площадку на самом верху острова.

В сиянии световой бомбочки, брошенной охотником, они увидели, что большая часть скалы под ними была покрыта жуткими существами.

Там, куда попадал луч пистолета Хьюма, море животных буквально вскипало, живые пожирали мертвых и дрались из-за добычи.

— У меня осталась только одна световая бомба, — сказал Хьюм.

Еще одна световая бомба — и они останутся в темноте, а враг, скрывавшийся в тумане, подбирался все ближе и ближе.

— Видят ли они нас тут, наверху? — спросил Рич.

— Они — или те, кто гонит их сюда. Мы уже знаем, как они это делают.

— Вы думаете, что им и раньше приходилось делать так?

— Уверен. Спасательный бот там, позади нас, сел благополучно, и в то же время в его кладовых нет припасов.

— Они забрали их с собой, — предположил Рич.

— Нет. Может, здесь и совершили посадку потерпевшие кораблекрушение, но мы не нашли никаких их следов.

— Но ведь люди вашей гильдии были здесь и ничего этого не видели.

— Я знаю, — голос Хьюма звучал неуверенно. — Тогда здесь не было никаких следов. — Хьюм сжимал в руке какой-то предмет. — Последняя световая бомбочка!

— Что это? Там, на той стороне?

В темноте на берегу реки Рич заметил свет — но не тот свет, который испускали их преследователи.

Излучатель Хьюма поднялся вверх. Он ответил парой коротких выстрелов.

— В укрытие! — прозвучал над водой металлический голос.

Хьюм сложил руки рупором у рта и крикнул в ответ:

— Мы здесь, наверху — здесь нет укрытия!

— Тогда ложитесь — мы стреляем!

Они легли на живот и вжались в узкую площадку друг возле друга. Даже через плотно сомкнутые веки Рич увидел яркое солнце, созданное челове-

ком, которое вспыхнуло сначала слева от острова, потом справа, уничтожая тварей.

Даже шары должны были пострадать от жара подобного пламени. Осторожно поднявшись, Хьюм и Рич увидели внизу под собой горстку далеко разбросанных пожелтевших шаров.

Они все еще задыхались, кашляли и терли глаза, которые слезились от поднимавшегося вверх смрадного дыма.

— Над вами веревка, сброшенная с глайдера!

Голос доносился откуда-то сверху. Оттуда к ним спустился трос с привязанным к нему поясом, а другой разматывался у них на глазах.

Они одновременно схватили веревки и застегнули пояса.

— Поднимайте! — крикнул Хьюм. Тросы натянулись, и оба поднялись вверх, к все еще невидимому глайдеру.

Серые стены вокруг него испускали тусклый свет. Он лежал на спине в пустой палатке. Он должен попытаться встать, прежде чем придет Дарфу и поднимет его на ноги.

Вай моргнул. Это была даже не каморка в «Звездопаде», о чем ясно говорили его глаза и нос. Все, что его окружало, было гораздо чище и привлекательнее.

Он резко поднялся и удивленно огляделся. Единственной его одеждой была набедренная повязка, закрепленная широким поясом. На ногах у него были грубо сделанные сандалии, и ноги до самых бедер были покрыты бесчисленными царапинами, шрамами и затянувшимися ранками.

С трудом — казалось, дух его был так же утомлен, как и тело — он попытался все вспомнить. Он начал медленно связывать в своей памяти одну картину с другой.

Вчера ночью или вечером здесь заперли Рича Броуди. И это «здесь» было складским помещением на корабле, принадлежавшем некоему Вассу. И пилотом был человек Васса, который подобрал их на острове посредине реки, где к ним подкрадывались чудовища.

Их доставили к укрепленному лагерю Васса. Теперь он думал о своем весьма сомнительном будущем:, которое полностью зависело от их хозяина и человека по имени Хьюм.

Хьюм, звездный охотник, не выказал никакого удивления, когда Васс внезапно появился перед ними в свете прожекторов.

— Я вижу, вы были на охоте, — его взгляд переходил с одного на другого.

— Да, но это не важно.

— Не важно?! Что же тогда важно?

— Этот мир закрыт. Я должен послать, сообщение. Уберите отсюда моих штатских, прежде чем с ними что-нибудь случится.

— Я всегда считал, что миры, предназначенные для сафари, свободны, — возразил Васс.

— Но здесь все оказалось не так. Почему — я сам не знаю, но я должен сообщить об этом, и штатские должны…

— Не так быстро, — голос Васса звучал мягко. — Такое сообщение заинтересует Космический Патруль, не так ли?

— Конечно… — начал Хьюм, но внезапно осекся.

Васс улыбнулся.

— Вот видите, уже начались сложности. Мне не хочется давать объяснения, и вам, несомненно, тоже, друг мой, — нет, вы только подумайте, что может последовать за вашим сообщением.

— Если бы вы сами не прибыли на Джумалу, не было бы никаких затруднений, — самоуверенность Хьюма вернулась к нему, и он взял себя под контроль. — разве вас не удовлетворяют сообщения Ровальда?

— Я многим рискую, участвуя в этом предприятии, — ответил Васс. — Кроме того, всегда

полезно, если хозяин время от времени лично инспектирует работу своих людей. Это повышает результативность. И, кроме того, разве плохо, что я сам прибыл на Джумалу, охотник? Или вы предпочли бы навсегда остаться на том острове?

— Если ваш проект еще можно спасти, мы должны все тщательно пересмотреть. В данный момент мы ничего не будем предпринимать.

— Нет, Хьюм, ваши штатские давно уже заметили, что вы управляетесь со всем один.

— А если им будет грозить опасность? — снова спросил Хьюм. — Когда сообщение о нападении существ выйдет за пределы планеты, Космический Патруль сразу же появится здесь.

— Вы забываете о Ровальде, — напомнил ему Васс. — Вероятность того, что кто-то из штатских умеет обращаться с передатчиком и может послать сообщение, ничтожно мала. Ровальд позаботится о том, чтобы этого не произошло. Я вижу, вы захватили с собой и Броуди.

— Да.

— Нет! — в данный момент Ваю нечего было возразить. Как только взгляд Васса упал на него, ему стало ясно, что он совершил ошибку.

— Очень интересно, — заметил Васс со своей обычной обманчивой мягкостью. — Вы Рич Бро-

уди с «Ларго Дрифта», не так ли? Я думаю, что звездный охотник Хьюм объяснил вам, как мы заботимся о вашем благополучии, мистер Броуди.

— Я не Броуди, — произнеся эту опасную для себя истину он оказался достаточно благоразумным, чтобы остановиться.

— Весьма занимательно. Если вы не Броуди, то кто же вы тогда?

Вот так. Сейчас он не мог сказать Вассу, кто он такой, и не мог увязать свои расплывчатые воспоминания и хаотически мелькающие образы воедино и объяснить их.

— А вы, звездный охотник, змеиный взгляд Васса снова остановился на Хьюме, — вы можете объяснить все это?

Какой-то порыв, причину которого он никогда не смог бы объяснить, побудил Рича встать на защиту Хьюма.

— Это не его вина, — взорвался он. — Я внезапно вспомнил…

Хьюм рассмеялся.

— Да, Васс, ваши техники не так хороши, как вам представлялось. Мальчик поступил не так, как вы рассчитывали.

— Жалко. Но когда имеешь дело с людьми, всегда возможны ошибки. Пайк! — один из троих

подошел к ним. — Вы отведете молодого человека на корабль и позаботитесь о том, чтобы с ним ничего не случилось. Да, действительно, очень жаль. Теперь мы должны посмотреть, что еще можно спасти.

Потом Вая доставили на корабль, выдали ему космический рацион, а потом оставили наедине с его мыслями в пустом помещении.

Почему он оказался неописуемо глуп? Хозяин такого ранга, как Васс, не мог сам пойти в такой притон, как «Звездопад», но там, конечно, были его агенты. У него сохранились довольно четкие воспоминания об этом человеке и о его характере — жестокий, неумолимый и последовательный во всем.

Хотя шорох был еле слышен, но в герметически закрытой каюте не заметить его было нельзя. Этот шорох испугал Вая. Круглая дверь приоткрылась. Вай скорчился на полу. Единственным оружием, которое было в его распоряжении, является сосуд из-под космического рациона, который он держал в руках. Хьюм вошел внутрь и снова закрыл дверь. Он остановился, прижал ухо к стене. Очевидно, он к чему-то прислушивался.

— Вы идиот с прокисшими мозгами! — голос охотника был не громче обычного шепота. —

Могли бы вчера вечером…

Теперь слушайте внимательно. У нас осталась единственная возможность, и мы должны ею воспользоваться.

— Мы? — Вай был так удивлен, что чуть не вскрикнул.

— Да, мы! Проклятье, не так громко! Вообще-то я должен оставить вас здесь, чтобы вы научились держать язык за зубами. И если бы вы не были нам так нужны, я бы это и сделал. Если бы речь не шла о штатских…

Он вздрогнул и снова приложил ухо к стене. Немного послушав, он продолжил:

— Будьте внимательны, я не стану повторять еще раз. Примерно через пять минут сюда придет Пайк и принесет вам еду. Я оставлю дверь незапертой. На другой стороне коридора есть еще одна каютка, такая же, как эта. Постарайтесь спрятаться там. Когда он войдет сюда, заприте дверь снаружи. Понятно?

Вай кивнул.

— Потом постарайтесь пробраться к шлюзу. Вот, — он снял со своего плеча небольшую коробочку. — Это световая бомба. На островке вы видели, как она действует. Когда вы будете проходить мимо переносного ядерного реакто-

ра-обогревателя, бросьте ее туда. Вы должны добраться до силового поля, окружающего лагерь. Этот фейерверк отвлечет людей Васса. А вы тем временем бегите к глайдеру. Ясно?

— Да.

Глайдер — идеальное средство для бегства. Из лагеря, окруженного силовым полем, путь вверх был единственным открытым путем.

Хьюм серьезно посмотрел на него, прислушался еще раз, а потом ушел. Вай лихорадочно сосчитал до пяти и последовал за ним. Каюта напротив была открыта, как и сказал Хьюм. Вай скользнул в нее и стал ждать.

Он услышал, как приближается Пайк. Металлические подковы его сапог стучали по полу. В руках у него был сосуд с рационом. Он прижал его к себе, отодвигая засов каюты, где раньше был Вай.

Вай услышал удивленное восклицание, послужившее для него сигналом к действию. Кулак его со всей силой, на которую он был способен, вылетел вперед и ударил Пайка; тот влетел в каюту. Прежде чем он пришел в себя от испуга, Вай снова закрыл дверь и запер ее.

Юноша побежал по коридору к лестнице и с обезьяньей ловкостью спустился вниз, потом

остановился у шлюза и попытался сориентироваться. Глайдер находился слева от него, атомный реактор, окруженный людьми, — справа. Вай вышел наружу и вытер мокрые от пота ладони о бедра. Когда он бросит световую бомбочку, она не причинит особого вреда.

Он выбрал место на достаточном расстоянии от реактора и бросил в него бомбочку, чтобы ослепить столпившихся людей. Потом бросился на землю.

Вспыхнула яркая молния… крики… Вай подавил желание оглянуться и помчался к глайдеру. Он распахнул дверцу кабины и втиснулся позади пилотского кресла. Крики становились все громче — теперь он видел, как огненный язык метров десяти длиной, полыхнув, ударил в небо.

Через мгновение из стены пламени вынырнула черная фигура, подбежала к глайдеру, схватилась за поручни кабины и скользнула в кресло за пульт управления.

Пальцы Хьюма танцевали на рычажках и кнопках. Глайдер с такой скоростью устремился отвесно в темное ночное небо, что Вай почувствовал, как желудок его подкатился к горлу.

Яркий луч бластера ударил им вслед, но он был слишком коротким и вдобавок запоздал. Вай

услышал бормотание Хьюма, и глайдер сделал еще один прыжок вверх. Теперь охотник наконец заговорил.

— По крайней мере, полчаса…

— Охотничий лагерь?

— Да.

Подъем вверх прекратился, и глайдер с захватывающей дух скоростью перешел на горизонтальный полет. Впереди появились движущиеся огоньки.

Хьюм рванул рычаги управления. Машина снова совершила прыжок, поднявшись над движущимися огоньками. Но впереди, быстро приближаясь к глайдеру, уже танцевали новые огоньки.

— Встречный курс, — пробурчал Хьюм больше для себя, чем для своего партнера.

Машина снова ускорила полет, но внезапно равномерное гудение двигателя нарушилось, перешло в прерывистое стаккато отдельных тактов и смолкло совсем.

— Он остановился… выключился!

Охотник повел глайдер на снижение по пологой кривой, но вдруг шум двигателя послышался снова и опять стал равномерным.

— Мы должны лететь быстрее, чем они!

Но Вай боялся, что им снова придётся столкнуться с неизвестной чужой силой. Шары Так же, как раньше плыли против течения, теперь поднимались вверх. Враг преследовал их.

Что-то в сознании Хьюма не было готово это принять. Он все еще заставлял глайдер подниматься вверх, но против них всегда оказывались огоньки, которые сводили на нет все усилия мотора глайдера.

Вай не имел ни малейшего представления о том, где они сейчас находятся. Он подумал о том, что это неизвестно и Хьюму.

Хьюм включил интерком глайдера и поворачивал ручку настройки до тех пор, пока не принял сигналы автоматического маяка в охотничьем лагере. Палец его отбил кодовый знак на ключе прибора, потом охотник передал короткое сообщение.

— У Васса в охотничьем лагере есть свой человек, — объяснил он Ваю. — Он в такой же опасности, как и все остальные. Он не будет передавать никакого сообщения Космическому Патрулю, но должен установить силовое поле, чтобы защитить штатских. Если он поступит иначе, на него автоматически падет обвинение в убийстве, когда позднее гильдия будет рассле-

довать этот случай. Мое распоряжение теперь стало неотъемлемой частью архива корабля и не может быть оттуда изъято. Большего в настоящее мгновение я сделать не могу.

— Мы все еще рядом с горами или уже нет?

— Не знаю.

— Вы хорошо ориентируетесь на местности? — не отступал от него Вай.

Знания Хьюма теперь, вероятно, оставались их единственной надеждой.

— Я дважды пролетал здесь, но до сих пор ничего не видел.

— Но, может быть, там все же что-то есть?

— Во всяком случае, во время первой экспедиции мы ничего не заметили, — голос Хьюма звучал тихо и устало.

— Вы человек гильдии, вам уже приходилось иметь дело с чужим разумом.

— Гильдия не общается со вновь открытыми разумными расами. Это дело Космического Патруля. Мы вообще не должны садиться на планеты, на которых имеются неизвестные формы разумной жизни. Поэтому мы и должны об этом сообщить. При таких условиях нельзя проводить никаких сафари. Космический Патруль объявил Джумалу открытой планетой, и наша собствен-

ная экспедиция подтвердила их выводы.

— Но если кто-то совершил здесь посадку уже после вашего отлета?

— Я так не думаю. Кроме того, на орбите вокруг Джумалы у нас есть спутник контроля, он автоматически засекает каждый производящий посадку корабль и регистрирует его. Но никаких сообщений об этом в гильдию не поступало. Маленький корабль, такой, как у Васса, может проскользнуть незаметно, что Васс и сделал. Но для того, чтобы доставить сюда все эти существа и приборы, нужен тяжелый транспорт. Нет, мы имеем дело с туземцами. — Хьюм снова склонился над пультом управления и коснулся переключателя.

На пульте вспыхнула маленькая красная лампочка.

Итак, по крайней мере, они не врежутся в какую-нибудь скалу. Слабое утешение, если подумать о других опасностях, которые грозят им.

Хьюм весьма своевременно включил радар. Огоньки, окружающие их, мигали во все возрастающем темпе, и полет глайдера замедлялся все сильнее по мере того, как автоматика взяла на себя управление.

Руки Хьюма все еще лежали на рычагах управления, но это была простая формальность,

автопилот действовал в тысячу раз быстрее.

Они постепенно теряли высоту и должны были довольствоваться тем, что автопилот, следуя указаниям радара, решил, что этот курс наиболее безопасен для пассажиров глайдера. Теперь автопилот старался как можно быстрее совершить посадку.

Буквально в следующее мгновение глайдер — коснулся почвы Двигатель смолк.

— Вот так, — произнес Хьюм без особого воодушевления.

— И что теперь? — спросил Вай.

— Ждать!

— Ждать! Чего, во имя всех миров?

Хьюм бросил взгляд на часы, освещенные слабым светом кабины.

— До рассвета еще около часа если солнце здесь встает в то же время, что и на равнине Я не намерен спускаться вниз в такой темноте.

Может быть, Хьюм чувствовал, как трудно дается Ваю это вынужденное бездействие, а может быть, он действительно действовал чисто инстинктивно. Во всяком случае, концом большого пальца он подцепил дверцу небольшого шкафчика, вделанного в стенку, и стал распаковывать пакет с НЗ.

Они рассортировали замороженный НЗ, расфасовали его во множество маленьких пакетиков и рассовали их по карманам. Потом кое-как сделали для Вая накидку из шелка-паутины, легкого как перышко. Этим они занимались, пока небо не начало сереть, и окружающее не стало различимым. Темная листва горных растений прерывалась здесь сине-черными уступами, на одном из которых они и совершили посадку. Справа от них, метрах в двух, уступ круто обрывался, и край его был погребен под оползнем. Вверх, постепенно суживаясь, поднималась тропинка, и она казалась единственным выходом отсюда, потому что и впереди, и позади машины уступ тоже сходил на нет.

— Мы сможем снова взлететь? Вай надеялся, что ответ Хьюма будет утвердительным.

— Там, наверху!

Вай прижался спиной к скале и взглянул вверх. Примерно в Сотне метров над ними правильным кругом повисли светящиеся шары.

Хьюм осторожно подошел к краю каменного уступа и осмотрел в бинокль то, что находилось внизу.

— Пока еще ничего не видно.

Вай знал, что он имеет в виду. Шары были

над ними, но голубокожие животные или какие-нибудь другие существа, неизвестно откуда вызванные этими шарами, пока еще не появлялись.

Они закинули плечи свои рюкзаки и начали подъем. У Хьюма был лучевой пистолет, но Вай был безоружен, потому что по дороге он не успел прихватить с собой ничего, что могло хотя бы на время сойти за оружие. На островке он уничтожал шары с помощью камней, может быть, они послужат оружием и против голубых животных!

Он стал выискивать камни подходящего размера.

Уступ становился все уже, и теперь они касались плечами скальной стены. Когда они обогнули выступ, то потеряли глайдер из виду. Но шары все еще висели над ними.

— Мы все еще следуем в том направлении, куда они гонят нас, — задумчиво произнес Вай.

Хьюм опустился на четвереньки, настолько крутой теперь стала скальная тропинка. Когда они счастливо миновали это опасное место и сделали небольшую передышку, Вай взглянул на небо.

Теперь шаров больше не было видно!

— Может быть, мы уже пришли на то место или

почти достигли его? — спросил Хьюм.

— Куда?

Хьюм пожал плечами.

— Не имею никакого представления Кроме того, я тоже способен ошибаться.

Круто поднимающаяся в скалах тропинка вела к самой высокой точке утесов, вдоль которых — тянулся уступ. Достигнув верха, тропинка выровнялась и стала шире, так что идти по ней было удобно. Потом она нырнула в щель между двумя вздымающимися вверх скалами и снова начала спускаться вниз.

Необычно удобная дорожка, словно специально предназначенная для пешеходов, думал Вай. Они спустились в долину в центре которой, окруженное деревьями, блестело озеро Они сошли со скальной тропинки на мягкую почву.

Сандалия Вая ступила на круглый камень Он выкатился из черно-зеленой травы и перевернулся. В нем виднелись круглые дыры. Ухмылка человеческого черепа!

Хьюм опустился на колени и осторожно осмотрел траву поднял череп, с которого все еще свисали шейные и спинные позвонки. Они заканчивались резким изломом, который он тщательно изучил, прежде чем снова положить

череп на под стилку из мха.

Позвонки были перегрызены зубами.

Зеленая долина не менялась, она оставалась такой же, какой они увидели ее, выйдя из каменного ущелья. Но теперь им казалось, что за каждым кустом, за каждым деревом при таился враг.

Вай провел языком по губам и снова перевел взгляд на череп.

— Он сильно обветшал и обветрился, — медленно сказал Хьюм. — Должно быть, пролежал здесь не меньше года. Уцелевший после посадки спасательного бота? Но эта долина находилась от той поляны на расстоянии целого дня пути. — И — как он добрался сюда? Может быть, и мы добрались бы таким же способом, если бы не закрепились на островке посреди реки.

— Пригнанный насильно? Может быть, этого человека загнали сюда светящиеся шары или голубые звери?

— Зачем?

— Я могу высказать два предположения, — взгляд Хьюма скользнул по ближайшим деревьям. — Первое: они — кем бы они ни были — не хотят пускать на равнину никаких чужаков, поэтому они и гонят их в это место, где могут или

запереть их, или, по крайней мере, на некоторое время взять под наблюдение. А второе… — он помедлил.

— Пища… — Вай подождал, пока Хьюм переспросит его, но охотник только обернулся, и взгляд его послужил ответом юноше.

— Нам надо как можно быстрее исчезнуть отсюда. — Ваю потребовалась вся его энергия, чтобы подавить панику, охватившую его, и воспрепятствовать порыву, вновь толкающему его бежать к каменному ущелью. И он знал, что никакая сила в мире не заставит его идти дальше, в эту ужасную долину.

— Как? — прозвучал безнадежный голос Хьюма.

Внизу, у реки, они сражались с шарами при помощи камней. Вай готов был бороться с ними голыми руками, если от этого будет зависеть свобода. Хьюм, наверно, думал так же, потому что большими шагами начал отступать назад, под защиту скал.

Но выход был закрыт. Нога Хьюма, которая хотела сделать последний шаг на скальную тропинку, наткнулась на невидимое препятствие. Он отшатнулся назад и схватил Вая за плечо.

— Там что-то есть!

Юноша осторожно протянул руку. Его пальцы коснулись чего-то — но не твердого прозрачного препятствия, а скорее невидимого эластичного занавеса, который под нажимом немного поддался, а потом снова выпрямился.

Они вместе на ощупь попытались обследовать то, что им никак не удавалось увидеть. Каменное ущелье, приведшее их сюда, было закрыто преградой, через которую они не могли проникнуть и которую они не могли разрушить.

Хьюм попытался пробить ее излучателем, но увидел, что тонкий луч пламени скользнул вдоль невидимого барьера, не оказав на него никакого действия.

Хьюм убрал оружие в кобуру.

— Западня непробиваема.

— Может быть, отсюда есть какой-то другой выход? — но говоря это, Вай уже знал, что ошибается. Существа, захлопнувшие за ними западню, не оставили им никакой лазейки… Но пленники все же были людьми и не захотели сдаться просто так, без всякой борьбы, поэтому они снова двинулись в путь и на сей раз не к центру долины, а вдоль скал, опоясывающих ее.

Их все время задерживали кустарники и низкие деревья, они были вынуждены обходить их,

теряя время. Они отошли от входа в ущелье уже на несколько километров, когда Хьюм внезапно остановился и поднял руку. Вай прислушался, стараясь уловить звук, который потревожил его спутника.

В то мгновение, когда Вай сконцентрировал внимание на неизвестном звуке, он впервые заметил, что больше ничего не слышит.

На равнине были слышны гудение, стрекотание, визги, скрежет, голоса и звуки движения мириадов мелких живых существ, населяющих травяной покров. Здесь же кроме воя ветра и звона насекомых — ничего. Все живые существа, размерами превышающие мух Джумалы, очевидно, давно уже были изгнаны из этой долины или истреблены.

— Слева! — Хьюм повернулся.

Там была чаща, такая густая, что в ней могло скрываться огромное животное. Источник звука, вероятно, находился там.

Вай в отчаянии посмотрел на камни, которыми он намеревался воспользоваться в качестве оружия. Потом схватил длинный охотничий нож, который Хьюм носил в ножнах у себя на поясе. Тонкое стальное лезвие пятидесяти сантиметров длиной блеснуло в его руке.

Хьюм осторожно приблизился к кустам. Вай отстал от него на пару шагов, чего-то ожидая слева от себя. Охотник великолепно обращался с излучателем, что само собой разумелось для руководителя сафари. И Вай знал, как искусно он мог с ним управляться.

Он отвязал тюк, который нес на плечах, и бросил его.

Из чащи вылетело нечто красное и схватило подброшенную приманку. Хьюм выстрелил; в ответ на это послышался резкий вой водяной кошки. Но охотник стрелял великолепно. Пока Вай прилаживал свой тюк на место, Хьюм рассмотрел труп.

— Странно, — он поднял все еще подрагивающую переднюю лапу и одним движением перевернул животное.

Это был гигантский водяной кот, самец, превышающий размером всех представителей этого вида, которых Хьюм видел до сих пор. Он сразу же обратил внимание, что ребра животного выпирали сквозь облезлую шкуру, и кожа его плотно обтягивала череп. Водяной кот умирал от голода, и его нападение на двух человек, вероятно, было следствием предельного отчаяния. Голодный хищник в долине, в которой не было слышно

никаких птиц и мелких животных, в долине, которая была ловушкой.

— Никакого выхода, никакой еды. — Вай выложил обе мысли последовательно.

— Да. Враги заперты и можно наблюдать, как они убивают друг друга.

— Но зачем все это? — спросил Вай.

— Так проще всего.

— На равнине внизу есть еще множество водяных кошек. Нельзя же их всех пригнать сюда, чтобы они уничтожили друг друга. На это потребуются годы, нет, столетия.

— Может быть, это животное оказалось здесь случайно или оно было подчинено какому-то механизму и контролировалось им, — ответил Хьюм. — Я не верю, что ловушка создавалось только для того, чтобы уничтожать водяных кошек.

— Однако, предположим, что все это началось уже давно и что создателей ловушки давно уже здесь нет. Механизм все еще автоматически функционирует, но им больше не управляет разум. Такое объяснение возможно, не так ли?

— Процесс, который начинается автоматически, как только какой-нибудь корабль совершает посадку именно здесь, в определенном месте

на всей Джумале. А может быть, он начинается только тогда, когда посадку сопровождают какие-нибудь особые условия? Только почему ловушка не сработала, когда здесь совершил посадку исследовательский корабль Патруля? А мы сами пробыли здесь целый месяц — составляли карты, каталоги животного мира и не обнаружили никаких следов разумных существ.

— Тот мертвец… он здесь уже давно. А когда исчез «Ларго Дрифт»?

— Пять или шесть лет назад. Не помню точно.

Это началось с низкого жужжания, едва различимого в далеком вое ветра. Потом звук стал тоном выше, превратился в то стихающий, то усиливающийся крик, угрожающий порвать барабанные перепонки, извлекающий наружу все подспудные страхи, которые дремлют в каждом человеке, оказавшемся перед лицом неизвестной опасности.

Хьюм схватил Вая и с силой потащил в кустарник. Израненные колючками, исхлестанные ветвями, они стояли на маленькой прогалине. Охотник снова искусно сдвинул ветки, скрыв их присутствие. Через просветы в листве было видно то место, где лежал труп водяной кошки.

Внезапно вой оборвался. Вай опустился на чет-

вереньки, почувствовав дрожание почвы. Это было очень похоже на тяжелые шаги.

Не дуновение ли смерти привело сюда «это»? Или «оно» преследовало их? Хьюм тяжело дышал. Он достал излучатель из кобуры и прицелился в просвет между ветвями.

То, что появилось на поляне, могло быть двоюродным братом голубых чудовищ. Оно производило впечатление грубой силы, которой двигала плотоядная ярость.

Ростом оно было выше Хьюма, но шло низко пригнувшись. Голова его, лишенная даже подобия шеи, словно вырастала прямо из плеч. Воистину — ужасное чудовище. Из его верхней челюсти угрожающе выступали мощные клыки.

Типичный хищник, и к тому же голодный. Он схватил труп убитой людьми водяной кошки и жадно оторвал от него огромный кусок. Вай, в памяти которого всплыл перегрызенный позвоночник человеческого скелета, с трудом сдержал тошноту.

Когда чудовище закончило свой мерзкий обед, оно медленно повернуло огромную грушевидную голову в их сторону.

Вай увидел, как его трубкообразный нос зашевелился и надулся… Чудовище принюхалось.

Хьюм нажал на спусковую кнопку излучателя. Бесшумное огненное копье смертоносного луча ударило в самую середину огромной мощной груди чудовища. Монстр взревел и медленно отступил в заросли кустарника. Хьюм во второй раз выстрелил в него, на этот раз в голову, и голубая шерсть почернела.

Чудовище рухнуло, ломая кустарник и чуть была не задев их, и начало реветь и биться в конвульсиях. Люди покинули свое укрытие — узкий каменный мешок в скале. Ветви позади них все еще дрожали.

— Что это было? — с большим трудом произнес Вай.

— Может быть, странник. И, вероятно, не единственный здесь, — Хьюм провел пальцем по лучевому пистолету. В моем пистолете остался только один заряд — последний.

Вай повертел нож, который держал в руках, и попытался представить себе, что ему предстоит вступить в схватку с подобным чудовищем только с этим оружием. Но если здесь были другие «странники», они, услышав предсмертные вопли своего сородича, не будут торопиться сюда. Поэтому у людей имелось немного времени.

— Теперь мы будем придерживаться открытой

местности, и будет лучше, если мы заметим такое чудовище прежде, чем оно нападет на нас. И, кроме того, я должен найти укрытие для ночлега.

Они пошли вдоль крутого склона и наконец обнаружили место, где высохшая река некогда переходила в водопад. Пустое русло руки образовало навес, не пещеру, но, по крайней мере, что-то вроде крыши над головой. Они набрали ветвей и камней и соорудили из них что-то вроде баррикады, спрятавшись за которой, они подкрепились скудным пайком НЗ.

— Вода — в озере, там, внизу. Плохо только, что в засушливой местности вода есть только там, где охотники подстерегают свои жертвы. Озеро со всех сторон окружено деревья ми, а за деревьями всегда может таиться опасность.

— Может быть, нам удастся выбраться отсюда, прежде чем у нас кончится запас воды, — произнес Вай.

Хьюм уклончиво ответил:

— Человек некоторое время может жить на скудном пайке, а у нас есть питательные таблетки. Но без воды долго не протянешь. У нас остались только две фляги. Если растянуть их, этого хватит, может быть, дня на два, но не больше.

— Нам потребуется не больше одного дня, чтобы обойти всю котловину…

— И если мы выйдем наружу, в чем я сильно сомневаюсь, мы будем нуждаться в воде, чтобы продолжить путь. Там, внизу, есть нечто, и оно только и ждет, пока наша жажда не пересилит страх и осторожность.

Вай сделал нетерпеливое движение, и его плечо, скрытое навесом, коснулось каменной стены.

— Итак, вы не верите, что у нас есть какой-то шанс на спасение?

— Мы еще живы. А пока человек дышит, стоит на ногах и не сошел с ума, у него есть шанс, — Хьюм машинально потер свою искусственную руку, которая была так похожа на настоящую, не являясь ею, и которая изменила всю его дальнейшую жизнь. — Я часто попадал в подобные ситуации и до сих пор жив. Как мы выберемся отсюда, я, конечно, еще не знаю, но со временем мы это увидим.

— Я вижу только один выход — схватить тех парней, которые все это устроили, — произнес Вай.

Хьюм сухо усмехнулся.

— После меня, юноша, после меня. Но мне кажется, что нам нужно немного отдохнуть.

Вай выполз из-под каменного навеса, чувствуя себя совсем разбитым. Жар солнца, отраженный от скал, словно бичом стегал его по истощенному телу. Распухший язык ворочался во рту как камень. Он оцепенело уставился на колеблющуюся поверхность воды, окруженную смертельно опасным лесом.

Что же произошло? В первую ночь они улеглись спать под каменным навесом. Весь следующий день прошел для него словно в тумане. Потом они, должно быть, пошли дальше, хотя он ничего не мог вспомнить, кроме странного поведения Хьюма — глухого молчания, когда он, шатаясь, двинулся дальше, как серворобот, и бессвязного бормотания, из которого нельзя было разобрать ни единого слова. И его самого не оставляло чувство, что в последнее время в его воспоминаниях зияли какие-то пробелы.

Когда они наконец нашли эту пещеру и Хьюм свалился, все попытки Вая поднять его оказались безуспешны. Сколько они здесь пробыли, Вай не мог сказать. Он боялся остаться один. Если бы у них была вода, возможно, Хьюма удалось бы привести в сознание, но вся вода была израсходована до последней капли.

Ваю казалось, что он ощущает запах озера, что

каждое дуновение ветра, долетающего сюда со скал, приносит с собой этот манящий запах. Он связал Хьюма поясом, который снял со своего рюкзака, чтобы тот, когда снова придет в сознание, не смог уйти.

Вай нащупал нож Хьюма, который он с трудом прикрепил к срезанной ветке. С тех пор, как он избавился от тумана, окутавшего его мозг и в котором еще находился охотник, он сделал все, что было в его силах, чтобы предотвратить нападение хищников, которые могли оказаться поблизости. Он взял с собой лучевой пистолет Хьюма и твердо решил использовать последний заряд с наибольшей пользой.

Вода! Его распухшие губы двигались, выплевывая песок. Четыре пустые фляги из-под воды были прикреплены к измятой, обрезанной накидке и крепко прижаты к ребрам.

Теперь они или умрут, потому что скоро он слишком ослабеет, чтобы отважиться на вторую такую попытку — или выживут. Он подошел к первой группе кустов, спускавшихся вниз.

Ни один звук не нарушал задумчивого молчания долины. Он беспрепятственно достиг опушки леса. Им владела единственная мысль — как лучше осуществить задуманное. Он присел за

кустом, осмотрел лес и начал приводить в действие задуманный план. Животное, которое убил Хьюм, было слишком тяжелым, чтобы лазить по деревьям. Вес Вая был не так велик, чтобы сразу же исключить подобный способ передвижения.

Крепко привязав импровизированное копье и излучатель к поясу, Вай вскарабкался на первое дерево. Надежды на успех было мало, но по-другому защититься от нападения чудовищ он не мог. Огромный прыжок, заставивший сердце подкатиться к горлу, перенес его на следующую ветвь Потом ему повезло. Лианоподобное растение связывало эту ветвь с другим деревом.

Крепко вцепившись руками, потом снова балансируя, иногда переступая с ноги на ногу по толстой ветви, он медленно продвигался к озеру. Наконец он достиг прогалины.

Вцепившись обеими руками в широкую ветку, он нагнулся вперед, чтобы осмотреть узкую ленточку коричневой почвы внизу под ним — очевидно, тропинку, которой часто пользовались, судя по тому, как гладко была утоптана ее поверхность. Тропинку нужно пересечь, спустившись вниз, но тогда он оставит на ней свой след. Однако никакого другого пути не было. Вай еще раз проверил, хорошо ли закреплено оружие,

прежде чем спрыгнуть вниз. Как только сандалии коснулись земли, он побежал. Он достиг ближайшего дерева на другой стороне тропинки, и его руки коснулись шершавой коры.

Здесь больше не было лиан, но были крепкие, далеко простиравшиеся ветви. Он перепрыгивал с одной на другую, задерживаясь, чтобы перевести дух и прислушаться.

Мрачный полумрак леса пронзил солнечный луч. Вай достиг последнего ряда деревьев. Чтобы добраться до озера, он снова вынужден был спуститься вниз. Из леса вывалилось огромное упавшее дерево. Если он спустится на него и погрузит фляги в воду..

Тишина. Ни птиц, ни древесных ящериц или каких-нибудь других животных, ни рыб, которые нарушали бы зеркальную поверхность воды. Но его не оставляло ощущение присутствия жизни, враждебной жизни, с нетерпением поджидавшей его в глубине леса и под поверхностью воды.

Вай спрыгнул на ствол дерева, прошел по нему к озеру и лег на живот. Привязав к ремешку первую флягу, он из своего убежища опустил ее вниз.

Вода в озере была коричневой и прозрачной. Он увидел в глубине тени затонувших ветвей и

стволов.

И еще что-то.

В самой глубине ом различил прямую линию, каменный гребень, такой прямой, что он не мог быть природным образованием. Гребень под прямым углом стыковался со вторым. Вай нагнулся вниз, напрягая зрение, чтобы проследить продолжение этих образований. Он увидел два тонких выступа, которые, как два удилища, виднелись на поверхности воды. Там, внизу, было что-то… что-то, имеющее искусственное происхождение, и в нем, возможно, заключался ответ на все их вопросы. Но отважиться спуститься в озеро самому… он не должен этого делать! Если ему удастся вывести охотника из бессознательного состояния, он, может быть, найдет другое решение загадки.

Вай с лихорадочной поспешностью наполнил две фляжки, не спуская взгляда со странного сооружения на дне озера. Его удивлял светло-серый цвет этого образования, исчезавший в темной синеве воды. Может быть, на самом деле он был белым. Вай опустил последнюю, четвертую, фляжку.

Там, внизу, в выбеленном лесу мертвых ветвей и стволов, на некотором расстоянии от этих

странных стен, что-то двигалось, медленно проползали тени, частично скрытые завесой взбаламученного ила, так что Вай не мог разглядеть, что это такое. Но, чем бы оно ни было, оно приближалось к его фляжке.

Вай не хотел терять ни одной капли драгоценной воды. Один раз ему удалось беспрепятственно проделать путь от пещеры в скале до озера, но во второй раз ему могло и не повезти.

Медленно поднимающаяся тень превратилась в угрожающе нацеленное копье.

Вай выдернул фляжку из воды в то же мгновение, когда оттуда вынырнула бронированная голова на чешуйчатой шее, и широкий нос с щелкающим звуком ударился о ствол. Вай покрепче ухватился за одну из ветвей, а чудовище снова исчезло в волнах, оставив за собой след из пузырьков воздуха.

Вай помчался назад под защиту деревьев. Однако на этот раз не было ни рева, ни гула шагов в качестве предупреждения. Выросший словно из-под земли — по крайней мере, так представилось испуганному Ваю, — перед ним возник голубой монстр. Чтобы достигнуть дерева, дающего ему хотя бы относительную безопасность, он должен был проскочить мимо чудовища.

Но оно, казалось, обо всем догадалось, ибо стояло неподвижно и следило за его движениями.

Вай сорвал с плеча копье. Длина рукоятки, может быть, даст ему какой-то шанс, если удастся попасть острием в уязвимое — место. Но он хорошо знал как трудно убить такое чудовище.

Пасть монстра разверзлась в угрожающей гримасе. Вай увидел, как дрогнули мускулы на плечах. Чудовище сразу же устремилось вперед, и лапы, снабженные угрожающе острыми когтями, приготовились схватить его.

Теперь юношу ожидала неминуемая смерть. Он направил острие копья в грудь чудовища. Потом ударил и рванул копье в сторону, чтобы расширить глубокую рану, которую нанес врагу.

Копье вылетело у него из рук, когда за него схватились обе лапы. Потом чудовище вырвало копье из груди и переломило древко. Вай выстрелил из излучателя, прежде чем противник повернулся к нему, и увидел, как короткая шерсть потемнела.

Затем Вай со всех ног помчался к дереву.

Вбежав под его крону, он огляделся. Чудовище обеими лапами ощупывало обожженное место у себя на голове, и у Вая появилось несколько секунд времени. Он подпрыгнул и ухватился пальцами за нижнюю ветку. Он с силой отчаяния

подтянулся вверх и достиг следующего уровня ветвей, когда чудовище с яростным ревом промчалось внизу под ним.

Мощная грудь с такой силой ударилась о ствол, что Вай чуть не сорвался. Пока огромные лапы царапали ствол, Вай вскарабкался еще выше. Он пробрался к концу одной из ветвей и перепрыгнул на другое гигантское дерево. Потом, не обращая внимания на опасность и риск, помчался дальше, не имея никаких мыслей, кроме одной — как можно быстрее покинуть этот ужасный лес.

Судя по шуму, чудовище все еще пыталось свалить дерево, и Вай удивился его живучести, потому что рана, которую он нанес, давно бы убила любое другое животное, и он это знал. Могло ли чудовище проследить его на деревьях, и мог ли полный боли рев привлечь других его сородичей, Вай не знал, но в любом случае, каждая секунда преимущества, которую он выиграет, была очень важна.

Снова достигнув тропинки, он заколебался. Она вела в нужном направлении, и пешком он, конечно, мог бы продвигаться намного быстрее, чем по деревьям. Вай соскользнул вниз, спрыгнул на тропинку и побежал. Воздух со свистом

вырывался из легких, и он сомневался, сможет ли долго выдержать такой бег и карабканье с одного дерева на другое.

Яростный рев звучал все ближе и громче, в этом Вай был уверен. Теперь он слышал топот чудовища, мчавшегося следом. Но его преследователь был тяжелее его и к тому же ранен. Если Вай успеет достичь открытого пространства, он сможет укрыться за скалой и воспользоваться излучателем.

Деревья становились все реже. Вай собрал всю свою силу для последнего броска и, как стрела, выпущенная из лука, промчался между деревьями. Перед ним, вверх по ущелью, находились закрытые «врата». И слева к нему приближалось второе черно-синее чудовище.

Вай не мог вернуться назад, под защиту деревьев. Он свернул и помчался к каменным воротам. Когда он нагнулся за камнем, из леса выскочил его раненый преследователь. Какой-то инстинкт вел его по нужному следу.

Дрожа от усталости, Вай оперся рукой о скалу и вытянул перед собой излучатель. Примерно в двух метрах от юноши находилась обманчиво открытая щель «врат». Если он бросится туда, не швырнет ли его невидимый занавес прямо в

лапы врагов?

Он выстрелил из своего оружия в голову второго чудовища. Оно завизжало, подняло лапу, и когти его впились в раненого сородича. Тот с воплем бросился на своего мнимого врага, и началась неожиданно яростная схватка. Вай двигался вдоль скалы, чтобы добраться до пещеры, в которой находился Хьюм. Оба голубых монстра, казалось, были заняты только тем, чтобы прикончить друг друга.

Чудовище из леса пало мертвым, противник вцепился ему в горло и, как победитель, с триумфом урчал. Потом он поднял голову, чтобы взглянуть на Вая.

Чудовище не было готово к внезапному нападению. Оно казалось, воплощением грубой силы, но никак не проворства. Но ситуация могла стать угрожающей — соверши Вай ошибку, она могла стоить ему жизни. Он отпрыгнул назад, зная, что должен избежать нападения, потому что надежда победить чудовище в рукопашной схватке была равна нулю.

На долю секунды его охватило странное чувство. У него появилось ощущение, что он неудержимо мчится сквозь пространство, в котором действуют иные законы, чем в его собственном

мире. Потом он покатился по камням с другой стороны барьера, который до сих пор блокировал выход из долины.

Он поднялся. Отзвуки непонятного ощущения постепенно исчезали. Словно сквозь туман он увидел, как голубое чудовище остановилось и с хныканьем повернуло назад, но прежде чем оно достигло края леса, колени его подогнулись, оно упало мордой вниз и неподвижно замерло, как машина для убийства, в которой погасла последняя искра жизни.

Вай попытался осознать, что все-таки произошло. Он как-то проник через барьер, который превратил долину в ловушку. На мгновение мысль его отвлеклась от тайны освобождения. Потом он с опаской взглянул на путь, ведущий к свободе, ожидая, что со стороны равнины появятся светящиеся шары или голубые чудовища, которые загнали их сюда. Но там ничего не было.

Свобода! Он с трудом встал. Потом прицепил к поясу излучатель. Но ведь охотник в долине! Он все еще оставался там!

Вай провел по лбу дрожащими пальцами. Он прорвался сквозь барьер к свободе, но Хьюм все еще был там, безоружный, легкая добыча для лю-

бого животного, которое обнаружит его. Больной, без воды и без защиты, он был уже мертвецом, хотя сердце его все еще продолжало биться.

Упершись руками в скалу, Вай попытался идти, но не в сторону далекой равнины, а назад, в долину, ведомый только собственной волей и стараясь не слушать внутренний голос, возражавший против явного самоубийства. Достигнув двух гигантских скал, между которыми находилась завеса, он осторожно попытался нащупать ее, но никакого препятствия не было, завеса исчезла. Он мог вернуться назад, к Хьюму.

Все еще опираясь рукой о скалу, Вай, шатаясь, прошел через ворота — он снова был в долине. Он стоял на подгибающихся ногах и прислушивался. Но здесь снова была полная тишина, даже ветер не шелестел в листве деревьев и кустов. Осторожно ступая, Вай направился к пещере, в которой находился Хьюм. Смущение, заполнявшее его сознание, когда он очнулся, теперь полностью исчезло. Не считая физической усталости, тяжким грузом угнетавшей его, он снова чувствовал, что находится в полном порядке.

У входа в пещеру Хьюм старался освободиться от пут. Он уже сбросил веревки, которыми Вай связал его ноги, но запястья были все еще

связаны. Его изможденное, потное лицо было повернуто к солнцу, и по глазам было видно, что он пришел в себя и снова мыслил четко и ясно.

Вай нашел в себе силы пробежать пару шагов, разделяющих их. Он развязал веревки, стягивающие запястья Хьюма, и одновременно выложил ему радостную весть.

Барьер исчез, и они могут уйти отсюда.

Потом он взял одну из драгоценных фляг и влил часть ее содержимого в запекшийся рот Хьюма.

Затем они с трудом поднялись и направились к выходу из долины. Но когда «врата» были уже прямо перед ними, Хьюм вдруг вырвался и бросился туда; его отбросило, он упал на землю и остался лежать неподвижно. Потом он всхлипнул, обратив к небу лицо, не открывая глаз. Западня снова захлопнулась.

— Почему… почему? — Вай внезапно заметил, что Хьюм все время повторяет одно и то же слово и смотрит на лес.

— Расскажи мне еще раз, что произошло, и поточнее.

Вай медленно отвернулся. Хьюм сел, плечо его теперь опиралось о скалу. Искусственная рука, казалось, бесцельно двигалась взад и вперед, но на самом деле она ощупывала поверхность

невидимой завесы, которая снова закрыла путь к свободе. И выражение горячих глаз охотника, казалось, снова было нормальным и естественным.

Медленно, колеблясь, с долгими паузами между отдельными фразами, Вай рассказал охотнику о своей экскурсии к озеру, бегстве от чудовища и переходе через барьер, закрывающий «врата».

— Вы вернулись назад?

Вай покраснел. Ему совсем не хотелось говорить об этом. Вместо ответа он произнес:

— Если завеса однажды исчезла, она может исчезнуть и во второй раз.

Хьюм не согласился с этим, он потребовал от Вая, чтобы тот со всеми подробностями еще раз рассказал о своем сражении с раненым чудовищем.

— Ну, так, — произнес Хьюм, когда Вай закончил свой рассказ. Когда вы упали, вы не думали ни о какой завесе. Вы потеряли сознание, а потом ваш разум снова начал функционировать. Вы избавились от тумана в голове, в который мы оба все время были погружены.

Вай попытался вспомнить все происшедшее с ним и решил, что охотник был совершенно прав. У него была только одна цель — избежать

нападения чудовища, и мысли его в то мгновение заполнял только страх и отчаяние, желание бежать отсюда как можно быстрее. Но что все это могло значить?

Он осторожно подполз к тому месту, где лежал Хьюм, и где его рука скользила взад и вперед по завесе. Но он углубился в щель примерно сантиметров на двадцать. Там, где он рассчитывал встретить сопротивление невидимого барьера, не было ничего! Он повернулся к Хьюму.

— Проход открыт только для вас! — Хьюм снова повторил эти слова. Его глубоко посаженные глаза глядели на Вая без всякого выражения.

Вай встал, отступил на шаг по другую сторону завесы, которую рука Хьюма все еще ощущала как сопротивление какой-то невидимой субстанции. Но… почему Хьюм все еще в плену?

Охотник посмотрел на него. Взгляд его сверлил Вая.

— Идите быстрее… идите как можно быстрее!

Вместо того чтобы послушаться охотника, Вай опустился около него.

— Почему? — спросил он и внезапно понял, почему Он взглянул на Хьюма. Голова охотника была прислонена к каменной стене, глаза закрыты — у него был вид человека, решившего

отказаться от борьбы.

Вай поднял правую руку и сжал пальцы в кулак. Потом он ударил. Хьюм сжался и упал наземь, не оказав Ваю никакого сопротивления.

Да у того и самого уже не осталось сил, чтобы нести на себе такой груз. Вай пополз, волоча за собой тело охотника. И на сей раз, как он и надеялся, завеса не оказала ему никакого сопротивления. Хьюм в бессознательном состоянии смог пересечь барьер. Вай осторожно положил его на камни и брызгал ему в лицо драгоценной водой, пока тот снова не застонал, не забормотал и не положил ослабевшую руку себе на лицо.

Потом его серые глаза открылись, и он взглянул на Вая.

— Что?

— Мы оба преодолели барьер, оба! — юноша увидел, как Хьюм недоверчиво обернулся.

— Но как?

— Я вас ударил, — объяснил Вай.

— Ударили меня? И я, потеряв сознание, прошел через барьер, — голос Хьюма окреп. — Я хочу проверить это сам, — он откатился в сторону и стал ощупывать все вокруг себя. Но теперь руки его не нащупали барьера. Барьер исчез и для него.

— Если ты один раз преодолел барьер, ты сво-

боден, — с удовольствием произнес он. — Может быть, они никогда не рассчитывали на то, что кто-то сможет выбраться отсюда, — он выпрямился, приподнялся на руках и сел на землю.

Вай обернулся и взглянул на тропинку позади них. Расстояние между ними и охотничьим лагерем ставило перед ними новую проблему. Ни один из них не в силах был пройти пешком такой путь.

— Мы снаружи, но мы еще не, вернулись… еще нет, — произнес Хьюм, словно прочитав его мысли.

— Я — все обдумал; если мы открыли эту дверь… — начал Вай. — Глайдер!

Хьюм тотчас же понял, что имел в виду Вай.

— Да, если эти шары не висят в воздухе и не поджидают нас где-то поблизости.

— Может быть, они здесь только для того, чтобы загнать сюда жертву, а не для того, чтобы ее здесь удерживать, — они могли принять желаемое за действительность, убедили себя в правильности своей теории.

— Помогите мне, — Хьюм протянул руку, и Вай поднял его. Несмотря на слабость, разум охотника, по-видимому, был ясен. — Пойдемте.

Они вместе еще раз прошли через «врата», убе-

дившись, что барьер на самом деле исчез. Хьюм рассмеялся.

— Хотя первая дверь и открыта, следующая может оказаться запертой.

Вай усадил охотника возле «врат» и один вернулся в пещеру, чтобы забрать припасы, которые там еще остались. Когда он вернулся назад, они проглотили несколько таблеток и жадно запили их водой из озера. Потом, собрав силы, отправились в путь.

— Эта стена в озере, — внезапно произнес Хьюм, вы уверены, что она — искусственное сооружение?

— Она слишком прямая, чтобы быть естественной, да еще выступы на равных расстояниях друг от друга. Я, право, не могу себе представить, что это может быть естественным нагромождением камней.

— Нам нужно знать точно.

Вай подумал о нападении озерного обитателя.

— Я не стану туда нырять, — запротестовал он Хьюм улыбнулся.

— Не мы или, по крайней мере, не теперь. Но гильдия направит сюда экспедицию, — сказал он.

— На каких основаниях? — Вай поддерживал

Хьюма, помогая ему идти по каменной осыпи.

— Информация.

— Что?

— Кто-то или что-то манипулировало нашим сознанием, пока оно было затуманено. Или… — Хьюм внезапно остановился и взглянул на Вая. — У меня сложилось впечатление, что вы намного легче преодолеваете трудности, чем я. Так?

— Частично, — ответил Вай.

— Это подтверждает мою теорию. Часть моего сознания понимала, что происходит со мной, но была беспомощна, в то время как другая… — его улыбка внезапно исчезла, и голос стал резким, — Мысли мои были похищены и рассортированы таким образом, чтобы ими можно было воспользоваться.

Вай покачал головой.

— Со мной было не так. Я просто словно грезил наяву.

— Итак, «это» вывернуло меня наизнанку, вас же нет. Почему? Еще один пункт в нашем и без того солидном списке загадок.

— Может быть… может быть, техники Васса приняли предосторожности, чтобы со мной этого не случилось? — произнес Вай.

Хьюм кивнул.

— Может быть… вполне может быть. Пойдемте, — снова сказал он.

Вай обернулся и взглянул на откос позади. Хьюм уловил из леса новый сигнал тревоги? Вай не заметил там никакого движения. С такого расстояния озеро было похоже на драгоценный камень, под гладкой поверхностью которого могло скрываться все, что угодно. Хьюм уже сделал несколько шагов по направлению к выступу; он буквально побежал, словно чудовища из леса гнались за ним по пятам.

— Что же тогда? — спросил Вай, догоняя Хьюма.

— Скоро наступит ночь, — охотник был прав. Через некоторое время он добавил — Если мы доберемся до глайдера до захода солнца, мы, может быть, сможем вернуться на берег озера и сделать снимки, а там уже вернемся в лагерь.

Таблетки придали им новые силы, так что выбравшись из ущелья, они больше не ощущали слабости. Хьюм на мгновение заколебался, ощущая страх перед испытанием, которое им предстояло. Потом они двинулись по тропе и оказались снаружи.

Они достигли скального выступа и обнаружили свой глайдер там же, где и оставили. Давно ли они

покинули его, сказать было невозможно. Им казалось, что они пробыли в полубессознательном состоянии несколько дней, Вай осмотрел небо. Ни одного светящегося шара, вообще ничего.

Он влез на свое место позади кресла пилота и стал смотреть, как Хьюм со спокойствием и уверенностью человека, привыкшего к подобным действиям, проверял приборы и манипулировал рукоятками. И облегченно вздохнул, когда Хьюм кончил проверку.

— Все в порядке. Мы можем лететь в любое время.

Они снова огляделись, их тревожила мысль, что неумолимые загонщики могут появиться опять и помешать их бегству. Хьюм нажал на одну из кнопок на пульте управления, и они поднялись вертикально вверх, но не так быстро, как во время их безумного бегства из лагеря Васса.

Высоко над утесами они зависли и попытались осмотреть всю долину-ловушку. Хьюм передвинул пару рычажков, и глайдер медленно полетел к центру озера.

С высоты они заметили, что поверхность воды выглядела очень странно — озеро образовывало безукоризненный овал, что вряд ли могло быть создано природой. Хьюм снял с пояса несколько

круглых дисков и вставил их в щель на пульте управления. Потом он нажал еще одну кнопку и повел глайдер равномерными зигзагами над поверхностью озера.

Теперь они видели, что находится под поверхностью воды. Стена с острыми углами, которую Вай видел со ствола упавшего дерева, оказалась частью сооружения, находящегося на дне озера. Оно имело форму шестилучевой звезды, вписанной в овал, в центре которой виднелось черное пятно, но что это было, люди не смогли разобрать.

Глайдер описал последнюю кривую.

— Все. Теперь у нас есть множество снимков.

— Как вы думаете, что это такое?

— Создание разумных веществ, и очень старое. Эта долина образовалась не вчера, не месяцы назад и даже не годы. Мы спросим об этом у специалистов. А теперь — домой!

Он поднял глайдер над каменной стеной, окружавшей долину, и взял курс на северо-восток, где было ущелье, когда-то перекрытое барьером.

Покинув долину, он включил интерком и стал ловить сигналы маяка, чтобы сориентироваться по ним.

Странно, искатель скользил взад-вперед, но

в динамиках слышался только свист несущей частоты.

— Может быть, мы слишком далеко от берега и не можем поймать луч пеленга. Я только спрашиваю себя… — он нажал кнопку и перевел движок искателя еще дальше влево.

В динамике внезапно что-то щелкнуло, потом послышался писк морзянки. Вай не мог расшифровать его, но сила, интенсивность сигнала и скорость передачи выдавали страх и панику.

— Что это?

— Тревога! — ответил Хьюм, даже не взглянув на пульт управления.

— В охотничьем лагере?

— Нет, у Васса, — Хьюм несколько секунд, показавшихся Ваю вечностью, сидел неподвижно и смотрел на свои руки Автопилот вел глайдер по курсу, и Вай подумал, что скорость у них великовата и что роковая долина давно уже осталась позади.

Хьюм снова нажал на кнопку, и глайдер слегка отклонился влево, потом лег на другой курс. Охотник снова начал манипулировать с искателем интеркома. На сей раз он уловил серию желанных звуков, которые совершенно не походили на только что прозвучавшую морзянку. Хьюм

прислушался, но сигналы смолкли.

— В охотничьем лагере все в полном порядке.

— Но Васс в опасности. Это имеет отношение к нам? — спросил Вай.

— Все возможно, — медленно произнес Хьюм. Хотел бы он быть так же убежден, как и Вай. — Я единственный член гильдии на Джумале, а член гильдии несет ответственность за всех штатских, оказавшихся здесь.

— Но Васс не ваш клиент.

Хьюм покачал головой.

— Нет, он не клиент. Но он человек.

Так было во всей исследованной части Галактики — люди должны помогать друг другу. Вай хотел возразить, но его собственные чувства и представления о древних традициях воспрепятствовали этому. Васс был преступником, который наживался на страданиях и нищете людей не только лишь Солнечной системы. Но он также был человеком и тоже имел право на помощь, как любой другой.

Вай увидел, как Хьюм переключился на ручное управление, почувствовал, что глайдер снова изменил курс, а потом услышал настойчивое стаккато сигналов бедствия, и они опять помчались в том направлении.

— Автомат включен на полную мощность, — сказал Хьюм, приглушая звук в динамиках.

— У их лагеря было установлено силовое поле, и они знают о светящихся шарах и голубых животных. — Вай попытался представить себе, что же могло произойти там, на равнине. — Может быть, отказало силовое поле, а без глайдера они, конечно, не могут никуда улететь.

— Но они могут стартовать на своем космическом корабле.

— Васс впервые не завершит уже начатое дело, — Вай вспомнил. — О, это же самый лучший обманный маневр!

К его удивлению, Хьюм рассмеялся.

— Кажется, все пошло не так, а, Лензор? Да, миллиард кредитов, да, это мы все выдумали, но мы не знали, что в деле будет участвовать больше людей, чем мы предполагали. Я хотел бы только знать…

Но он не договорил, что бы ему хотелось знать, и через некоторое время бросил через плечо:

— Вы лучше немного отдохните, молодой человек. До посадки у нас еще есть время.

Вай заснул глубоко и без сновидений. Проснувшись от легкого прикосновения к плечу, он увидел в небе перед собой яркий луч света, хотя

вокруг лежала полная тьма Джумалы.

— Это предупреждение, — объяснил Хьюм, — и я не получил из лагеря никакого ответа, только постоянный сигнал о помощи. Если там, внизу, еще кто-то остался, он не может или не хочет ответить нам.

В свете луча они увидели нацеленный в небо острый нос космического корабля. Автопилот мягко посадил глайдер на ровной площадке, ярко освещенной прожектором, закрепленным на треноге. Треножник стоял на том месте, где в ночь их бегства находился ядерный реактор.

— Если только они не укрылись в корабле, а я не знаю, зачем им это делать, значит, они покинули лагерь, — Хьюм достал излучатель из кобуры.

Корабль казался таким же заброшенным, как и лагерь. Полный беспорядок на корабле и в его единственной пассажирской каюте свидетельствовал о том, что Васс и его люди покинули корабль в страшной спешке. Хьюм не коснулся передатчика, который всё время автоматически посылал в эфир сигналы бедствия.

— Что теперь? — спросил Вай, когда они завершили поиски.

— Сначала в лагерь сафари, потом — Патруль.

— Но, — Вай отложил коробку с пайком, ко-

торую нашел и теперь, терзаемый волчьим голодом, собирался опустошить, — если вызвать Космический Патруль, вы должны рассказать все, не так ли?

Хьюм вставлял в излучатель энергетические заряды.

— Патруль должен получить полный отчет, этого не избежать. Однако не стоит беспокоиться, — он захлопнул дверь кладовки. — У нас есть веские оправдания. Вы же, в конце концов, просто жертва.

— Я не думал об этом.

— Молодой человек, — Хьюм подбросил излучатель и снова перехватил его, — я вступил в это дело с открытыми глазами. Для чего — сейчас говорить не будем. Собственно… — он посмотрел мимо Вая на раскинувшийся неподалеку лагерь. — Вы знаете, я стал о многом задумываться, может быть, слишком поздно. Мы вызовем Патруль, и не потому, что Васс и его люди здесь и где-то там, снаружи, ждут помощи, а потому, что они люди и мы тоже, а также потому, что здесь есть нечто, уже погубившее нескольких человек.

— Скелет в долине! И похоже, что Васс и его люди движутся туда же, в горы!

— Сейчас мы постараемся как можно быстрее

вернуться в охотничий лагерь. Оттуда мы передадим сообщение для Патруля и постараемся отыскать Васса. Джумала находится в стороне от космических трасс. Патруль будет здесь не раньше завтрашнего утра, и можно надеяться, что до того времени нам удастся произвести тут небольшую разведку.

Вай не произнес ни слова, когда они снова забрались в глайдер. Как верно заметил Хьюм, события разворачивались слишком быстро. Несколько дней назад им владело единственное желание — рассчитаться с этим охотником, потребовать от него отчета, зачем он здесь находится, и вырвать у него компенсацию за то, что его сделали пешкой в чужой игре с непонятными ставками.

Теперь их общей целью стало найти Васса, вызвать патруль и разгадать тайну озера. Он попытался объяснить себе, почему он так думает, но не нашел ответа.

Глайдер оставил позади покинутый лагерь Васса и теперь медленно скользил над черным лесом по направлению к охотничьему лагерю. Так же беспрепятственно, как в свое время покинули долину, они теперь летели вперед, и светящиеся шары больше не докучали им.

Но они не исчезли — светящимся облачком зависли над ними, когда глайдер оставил за собой сумрачный лес и вылетел на открытое место. Облако светящихся шаров кружило над лагерем, словно гриф над падалью.

Хьюм направил глайдер прямо в облако, и на сей раз танцующие шары расступились перед ними. Вай взглянул вниз. Как только над горизонтом тонкой полоской света забрезжило утро, за пределами силового поля стали видны какие-то черные пятна, но пока было слишком темно, чтобы их рассмотреть. Светящиеся шары вверху, чудовища внизу — охотничий лагерь был окружен, он находился в осаде.

— У них была одна дорога — в горы, — Хьюм стоял среди палаток и смотрел на четверых мужчин: троих штатских и Ровальда. — Вы говорите, что прошло семь дней по местному времени с тех пор, как я ушел из лагеря. Следовательно, они могут быть в пути максимум пять дней. Итак, если это возможно, мы должны остановить их, прежде чем они достигнут долины.

— Фантастическая история, — на лице Чембрисса было выражение, свойственное людям, не терпящим, когда происходит что-то выходящее за рамки их собственных планов. — Нет, мы не

сомневаемся, охотник, что ваш рассказ соответствует истине. Эти чудища там, снаружи, лучшее тому доказательство. Но по вашим собственным словам, Васс — человек, стоящий вне закона, и высадился он на этой планете с преступной целью. Так ли вы уверены, что ему грозит опасность? Вы с молодым человеком, как вы сами утверждаете, были в самом центре враждебной территории и вернулись оттуда целы и невредимы.

— В результате счастливого стечения обстоятельств, которое, может быть, никогда больше не повторится, — Хьюм был терпелив, гораздо терпеливее, чем, вероятно, считал Ровальд. Рука того молнией скользнула за пояс, и он выхватил излучатель. Стоит лишь нажать на спуск, и ослепительная молния вырвется наружу.

— Приказываю — прекратить болтовню! Будем искать хозяина.

— Я займусь этим, но только после того, как предупрежу Патруль.

Теперь излучатель Ровальда был направлен на Хьюма.

— Патруль не примет участия в нашей игре, — сказал Рональд.

— С меня хватит, — бросил Яктизи, и в его голосе прозвучала такая властность, какой от него

никто не ожидал. И когда общее внимание переключилось на него, он перешел к действиям.

Ровальд вскрикнул, оружие вылетело из его руки, принявшей багровый оттенок. Яктизи изготовил удилище для второго удара. Но в этом не было необходимости. Вай поднял упавший излучатель.

— Теперь я отправлю сообщение Космическому Патрулю и попытаюсь отыскать Васса, — сказал Хьюм.

— Весьма разумно, — сухо похвалил его Яктизи. — Итак, вы считаете, что вы теперь невосприимчивы к неизвестным силам в долине?

— Мне так представляется.

— Тогда вы, конечно, должны идти.

— Зачем? — впервые за все время разговора вмешался Чембрисс. — Предположим, ваш иммунитет исчез. Предположим, что вы во второй раз попадете в эту ловушку и не сможете из нее выбраться. Вы, наш пилот, — хотите остаться здесь до конца своих дней?

— Этот человек тоже пилот, — охотник указал на Ровальда, который баюкал свою зашибленную руку.

— Да, но он тоже преступник, я ему не доверяю, — с апломбом заявил Чембрисс. — Охотник,

я требую, чтобы вы немедленно увезли нас с этой планеты и доставили в безопасное место! Я также заявляю, что подам на вас жалобу в гильдию. Охотничий мир, на котором мы сами стали добычей!

— Но, Чембрисс, — Старис не высказывал никаких чувств, кроме любопытства. — Быть здесь именно теперь! Нас ждет удача, которую нельзя купить ни за какие деньги. Трехмерка передаст рассказ о нас!

Хотя Ваю было не совсем ясно, о чем речь, но последнее замечание, казалось, придало Чембриссу иной настрой.

— Трехмерка, — повторил он, и раздражение его, похоже, почти полностью улеглось. — Да, конечно, это можно сказать, исторический случай.

Яктизи расслабился. Но по едва заметному дрожанию губ Вай понял, что тот вовсе не улыбается. И Старис тоже, кажется, понял, как нужно обращаться с Чембриссом. Этот невзрачный человек снова проявил инициативу и предложил Хьюму свои услуги.

— Я кое-что понимаю в аппаратуре связи, охотник. Я могу передать сообщение и позаботиться о связи, пока вы не вернетесь назад. Я сумею это сделать, — добавил он. — Будет очень неплохо,

если на связи будет верный человек.

Кончилось дело тем, что Старис направился в отсек связи, чтобы связаться с Космическим Патрулем. А Ровальда заперли в одной из кают корабля до прибытия представителей закона. Пока Хьюм с помощью Вая готовил глайдер для новой экспедиции, Яктизи подошел к ним.

— У вас есть план поисковой экспедиции?

— Мы полетим на север. Если они находятся в пути достаточно долго и достигли предгорий, может быть, мы увидим их, когда они будут карабкаться вверх по склону.

— Не думаете ли вы, что их тоже освободят после того как их… хм… обработают?

Хьюм покачал головой.

— Мистер Яктизи, я думаю, что мы тоже не будем свободны, если только не произойдет чуда.

— Да, если вы не расскажете нам все подробности!

Хьюм отложил излучатель, уже полностью заряженный.

Потом посмотрел на Яктизи.

— Кто вы? — голос охотника звучал тихо, но в нем слышалось нечто, чего Вай не смог распознать… нечто, похожее на угрожающие нотки.

Высокий, стройный штатский улыбался, впер-

вые за все время, насколько мог вспомнить Вай. Теперь он не выглядел столь важным и солидным, как раньше.

— Человек с разносторонними интересами, охотник… по крайней мере не в том смысле, в каком вы можете предположить.

Серые глаза встретились с карими и на мгновение уставились друг на друга.

— Я верю вам. Но я сказал правду.

— Я в этом не сомневался — вопрос только в том, всю ли правду вы мне сказали. Потом вы все равно должны будете рассказать мне больше — неужели вы еще не поняли?

— Иначе я и не предполагал, — Хьюм убрал излучатель под пульт управления глайдера. Яктизи снова улыбнулся, и на этот раз у Вая появилось ощущение, что улыбка относится и к нему.

Хьюм вообще отмолчался.

— Вот так, — кратко обратился он к своему спутнику. — Вы все еще хотите идти со мной?

— Если вы намереваетесь идти один — то в одиночку вам ничего не удастся сделать. Никому не удастся без помощника заниматься одновременно и Вассом с его людьми, и долиной.

Хьюм молчал. После возвращения в лагерь сафари он немного отдохнул, а Вая обеспечили

одеждой из корабельных запасов. Так что теперь на нем был мундир гильдии. Приобрел Вай и оружие. Он взял себе оружейный пояс Ровальда, и теперь у него тоже были излучатель и игольный пистолет. По крайней мере для спасательной экспедиции они были обеспечены всеми необходимыми средствами, которые можно было найти в лагере.

Сразу же после обеда глайдер поднялся в воздух, и собравшиеся над лагерем шары расступились перед ним. В рядах голубых чудовищ, давно окружавших лагерь, ничего не изменилось. Они терпеливо ждали, пока силовой барьер не будет снят или кто-то не отважится выйти за его пределы.

— Они глупы, — констатировал Вай.

— Нет, не глупы — они приспособлены только к определенным целям и действиям, — возразил Хьюм.

— И это значит, что разумные существа, кем бы они ни были и где бы они ни находились, не изменили своего приказа.

— Возможно. Я думаю, что в чудовищах и шарах заложено нечто вроде блока управления и программы — такой же, какая имеется у малых автоматов. К действиям в изменившейся ситуа-

ции они не подготовлены.

— Но те разумные существа, наверное, давно уже вымерли!

— Может быть, — затем Хьюм внезапно сменил тему разговора. — Но как же вы, собственно, оказались в «Звездопаде»?

Трудно было даже мысленно возвращаться на Нахуатль, когда Вай Лензор, шлявшийся по портовым клоакам, был совершенно другим человеком. Он рылся в воспоминаниях, все еще загроможденных обрывками памяти Рича Броуди.

— Я потерял работу, предоставленную государством, и не пошел бы туда, если б не помирал с голоду.

— Но почему вы лишились гарантированной работы? И не нашли другой?

— Если у тебя нет протекции, по службе продвинуться невозможно. Я действительно старался. Но сидеть целыми днями и ничего не делать, а только нажимать на кнопку, когда загорится лампочка… — Вай покачал головой. — Вы заметили, что я не уравновешен. Вот поэтому меня никуда и не брали. Еще один отказ — и меня отправили бы на промывку мозгов. Я предпочел стать портовым бродягой.

— Разве вы не думали о том, чтобы одолжить где-нибудь денег и попытаться еще раз?

Вай горько усмехнулся.

— Занять денег! Не смешите меня! Если ты обеспечен постоянной работой не больше двух месяцев в году, кто одолжит тебе деньги? — Конечно, я хотел… — он вспомнил бесконечные часы, которые провел в бюро по найму в лихорадочном ожидании своего шанса, шанса, который ему так и не выпал с того самого дня, когда он покинул государственный сиротский приют. — Нет, я мог выбирать только между промыванием мозгов, или… бродяжничеством.

— И вы предпочли бродяжничество?

— Так я все же мог оставаться собой, до тех пор, пока меня бы не услали промывать мозги.

— Но вы, как ни крутись, все же превратились в Рича Броуди.

— Нет… то есть да, на некоторое время. Но теперь я Вай Лензор, снова Вай Лензор.

— Да Также я думаю, что теперь вы никогда больше не будете нуждаться в деньгах. Вы можете потребовать компенсацию.

Вай молчал, однако Хьюм вовсе не шутил.

— Когда сюда прибудет Патруль, вы дадите показания для протокола. Я смогу подтвердить их.

— Вы этого не сделаете.

— Тут вы ошибаетесь, — тихо сказал Хьюм. Я еще на корабле продиктовал свои показания на пленку. Теперь наступает последнее действие драмы.

Вай наморщил лоб. Охотник, казалось, буквально сам напрашивался на наказание, промывание мозгов — так называлось это в народе и считалось самым тяжким преступлением, если не производилось государством.

Если зрительно представить треугольник, вершинами которого являются горная долина, лагерь Васса и лагерь сафари, то они летели теперь по диагонали, ведущей к предгорью, туда, куда, как они предполагали, чудовища и шары гнали Васса и его людей. Вай, следивший за лесом под глайдером, уже начал сомневаться, найдут ли они отряд Васса, прежде чем те достигнут «врат» долины.

Хьюм теперь вел глайдер зигзагами, и они, как зачарованные следили за каждым облаком, которое могло оказаться скоплением шаров. И Хьюму, и Ваю нужны были хоть какие-нибудь зацепки, чтобы напасть на след. Они уже достигли предгорий, когда Вай указал на двух голубых животных, мелкой рысью бежавших по узкой

тропе. Ни одно из них не обратило на глайдер никакого внимания.

— Может быть, это арьергард загонщиков? — произнес Хьюм.

Он поднял машину выше. Теперь они видели место, где растительность сходила на нет, и перед ними поднимались голые скалы. Но хотя они уже несколько минут висели неподвижно, внизу все еще ничего не было видно.

— Это ясный след, — Хьюм развернул глайдер. Теперь он отключил автопилот и перешел на ручное управление.

Полет по широкой кривой развеял их недоумение. Они увидели скрытое растительностью ущелье, сильно отличавшееся от того, по которому они поднимались к долине. Хьюм повел глайдер вдоль него.

Но если людей, которых они разыскивали, гнали под непроницаемым пологом ветвей и листвы, с воздуха их найти будет невозможно. Наконец, когда уже начало темнеть, независимо от желания Хьюма поиски пришлось прекратить.

— Мы будем ждать их у ворот? — спросил Вай.

— Думаю, так и придется поступить, — Хьюм осмотрелся. — Я думаю, завтра, еще до полудня, они будут там. Если они вообще доберутся туда. У

нас достаточно времени.

— Времени для чего? Времени, чтобы подготовиться к встрече с Вассом… или с чудовищами? Времени, которое можно посвятить дальнейшему исследованию загадочного озера?

— Вы думаете, что мы можем уничтожить установку в озере? — спросил Вай.

— Может быть, и сможем. Но мы должны сделать это только в случае крайней необходимости. Я бы с большим удовольствием перепоручил это дело Космическому Патрулю. Нет, мы лучше позаботимся о том, чтобы задержать Васса у «врат», и подождем прибытия Патруля.

Примерно часом позже Хьюм так стремительно, что захватывало дух, посадил глайдер на плоскую вершину одного из утесов, образовывавших одну из сторон таинственных «врат». Картина внизу не изменилась, за исключением того, что на том месте, где вчера лежали два трупа черно-голубых чудовищ, теперь о произошедшей трагедии свидетельствовали только дочиста обглоданные кости.

Когда солнце скрылось за вершинами гор, ночь темной стеной выступила из леса. Здесь темнело быстрее, чем на равнине.

— Вот! — Вай, наблюдавший за лесом, заметил

какое-то движение в кустах.

Четвероногое ревущее животное, каких они до сих пор еще не видели, рысью вылетело из кустарника.

— Олень Сайдена, — констатировал Хьюм. — Но как он оказался здесь, в горах?

Олень устремился к воротам и, когда достиг их, Вай увидел, что на его коричневой шкуре выступила белая пена. Розовый язык свисал из пасти, а бока тяжело вздымались.

— Его загнали! — Хьюм поднял камень и бросил, целясь в бок оленя.

Животное даже не вздрогнуло и, казалось, вообще не заметило удара. Олень тяжело побежал дальше и, пройдя через ворота, оказался в долине. Там он остановился, высоко закинул клиновидную голову, устремив вперед черные рога. Ноздри его раздулись, олень помедлил, а потом длинными прыжками устремился к озеру и пропал в лесу.

Вай и Хьюм бодрствовали всю ночь напролет, ведя наблюдение, но больше не заметил признаков жизни. Исчезнувший в лесу олень тоже больше не появлялся. Задолго до полудня внезапный звук заставил их вздрогнуть. Это был резкий крик, который мог вырваться и у человека. Хьюм

бросил Ваю излучатель, сам схватил другой, и оба устремились с каменного козырька вниз, к «вратам».

Васс не возглавлял своих людей, нет, он следовал за первой тройкой и сам, словно зверь, присоединился к своим загонщикам. Его люди шатались и спотыкались, они, похоже, до шли до полного истощения. Он же все еще шагал равномерно, по-видимому, полностью отдавая себе во всем отчем. И он был очень испуган.

Когда первый человек, с лицом, покрытым коркой из пота и крови, шатаясь, подошел к «вратам», Хьюм крикнул:

— Васс!

Хозяин остановился. Он даже не попытался сорвать с плеча излучатель, и голова его, круглая голова с зачесанными на манер петушиного гребня волосами, медленно склонилась набок.

— Стой, Васс, — это ловушка!

Люди Васса, шатаясь, побрели дальше. Вай вышел вперед, и Пайк, который шел впереди всех, вынужден был остановиться, чтобы не налететь на него.

— Вай! — предупредил Хьюм.

У юноши еще было время оглянуться. Хьюм, с окаменевшим лицом и безумно горящими глаза-

ми, поднял лучевой пистолет и прицелился.

Пайк оттолкнул Вая и метнулся к Хьюму. Потеряв равновесие и падая, Вай увидел, как Васс мчится к нему со скоростью, которой он от него никак не ожидал. Хозяин сделал прыжок, пригнулся, уклоняясь от выстрела охотника, и в руках у него внезапно оказался излучатель, который выронил Вай.

Потом рукоятка оружия Хьюма обрушилась на голову Пайка, все еще не оставлявшего попыток напасть на охотника. Пайк удивленно вскрикнул и упал навзничь на камни. Из раны на голове хлынула кровь.

Васс не смог замедлить скорость бега. Он налетел на своих людей, и последнее, что видел Вай, — молотящие во все стороны руки и ноги, быстро исчезающие в долине за «вратами». За скальной стеной снова послышался хриплый крик Васса.

Он лежал на скале и снова был спокоен, несмотря на стоны, раздиравшие его уши, и обжигающую боль в боку. Вай повернул голову и ощутил запах горелого мяса и жженого пластика. Он попытался осторожно пошевелиться и схватился руками за пояс. Какая-то доля его сознания еще сохраняла ясность — пальцы нащупали на поясе

небольшой пакетик. Он должен немедленно проглотить его содержимое, тогда боль пройдет, и он, может быть, снова погрузится в блаженное забытье.

Каким-то образом ему удалось достать пакетик из карманчика на поясе, и он начал осторожно передвигать его, пока наконец не сумел снять обертку. Таблетки выпали наружу, но три или четыре остались у него в руке. Он с трудом поднес их ко рту и легко проглотил даже без воды.

Вода… озеро! Он мгновенно вспомнил происшедшее и попытался нащупать флягу с водой, которую теперь всегда носил с собой. Потом пальцы случайно коснулись раны на руке, и жгучая боль пронзила его. Он застонал.

Таблетки подействовали. Но он не провалился в беспамятство. Пульсирующая боль в руке отступила куда-то вдаль, и он забыл о ней. Он оперся неповрежденной рукой о стену и попытался сесть.

Солнце отражалось от ствола излучателя, лежавшего между ним и неподвижной фигурой, под головой которой растеклась маленькая лужица крови. Видимо, Пайку все-таки удалось ранить Хьюма.

Вай подождал еще пару секунд и с трудом под-

полз к охотнику.

Он мучительно задыхался, но все же приблизился на расстояние, достаточное, чтобы коснуться охотника. Лицо Хьюма, правой щекой лежавшее в пыли, смешанной с кровью, было покрыто коркой из засохшей крови. Когда Вай коснулся его лба, голова Хьюма беспомощно откинулась в сторону. Другая часть лица была так измазана кровью и грязью, что Вай вообще не мог понять, насколько серьезно тот ранен.

Вай огляделся. Пайка нигде не было видно. Люди Васса унесли его с собой.

Здоровой рукой Вай с трудом дотянулся до пояса Хьюма. Он попытался извлечь оттуда таблетки. И когда это ему удалось, он попытался скормить их охотнику.

Внимательно осмотрев Хьюма, Вай установил, что кровь, по-видимому, текла из раны на виске, но череп не был поврежден. Чем Пайк ударил охотника, юноша не знал. Затем он достал еще пару таблеток из пакетика Хьюма и отправил их ему в рот. Он надеялся, что таблетки растворятся слюной, потому что глотать охотник не мог. Затем Вай прислонился к скале и стал ждать, пока охотник сможет говорить.

Отряд Васса, захватив с собой Пайка, ушел в

долину. Когда Вай огляделся, ища их, то не увидел никого. Они, наверное, пытались пробраться к озеру. Глайдер все еще стоял на вершине скалы, такой же недостижимый, как если бы находился на орбите планеты. Оставалась надежда на группу, которая должна прийти из охотничьего лагеря. Как только они совершили посадку на вершине скалы, Хьюм включил автоматический маяк, чтобы передать свои координаты Патрулю в том случае, если Старису удастся связаться с ним.

Губы Хьюма шевельнулись, разорвав засохшую маску из крови и песка, покрывавшую щеки и подбородок. Глаза его открылись, но тело было неподвижно.

— Хьюм... — Вай удивился, как слаб его собственный голос.

Голова охотника повернулась, глаза посмотрели на юношу, в них блеснула искра разума.

— Васс? — шепотом спросил Хьюм, и голос его был так же мучительно тих, как и голос Вая.

— Они там, — рука Вая указала на долину.

— Плохо? — Хьюм моргнул. — Настолько скверно? — он беспокоился не о своей ране, а о ране Вая. Тот, со своей стороны, смотрел вниз, в долину.

Благодаря какой-то случайности, может быть,

потому, что Пайк оттолкнул Вая в сторону, луч излучателя только задел его, пройдя между рукой и бедром, опалив их. Насколько обширен был ожог, он не знал и даже не хотел думать. Ему было достаточно того, что таблетки на некоторое время приглушили боль.

— Меня немного обожгло, — сказал он. — А у вас на голове рваная рана.

Хьюм поморщился.

— Вы можете подняться?

— Сейчас нет, — ответил он и в это мгновение понял, что ни один из них не сможет даже ползти.

Вай попытался встать, но снова опустился на место.

— Радиомаяк включен… он включен? — Хьюм словно понимал ход мыслей Вая. — Патруль извещен?

— Да, — Патруль извещен и прилетит, но когда? Через час, через день? Время теперь стало их самым страшным врагом. Они не говорили об этом, но оба отлично понимали.

— Игольный пистолет… — теперь взгляд Хьюма устремился в другую сторону, и его ослабевшая рука указала на оружие, валявшееся в пыли неподалеку.

— Они не вернутся назад, — сказал Вай. Оба хорошо понимали это. Васс и его люди попали в ловушку, и возможность, что они смогут вырваться, была ничтожно малой.

— Игольный пистолет! — повторил Хьюм тоном приказа и попытался сесть, но снова упал, издав сдавленный крик боли.

Вай с трудом приподнялся, кончиком сапога нащупал ремень оружия и подтащил его к себе. И начал бесцельно рассматривать его, но услышал голос Хьюма:

— Будь внимателен!

— Но они все там, в долине! — повторил Вай.

Глаза Хьюма снова закрылись.

— Осторожнее, может быть... — он замолчал. Вай положил руку на рукоятку пистолета.

— Хаа а!

Крик чудовища, такой же, какой они слышали в долине и раньше. Он донесся откуда-то из леса, окружавшего озеро. Вай поднял игольный пистолет и направил его ствол в сторону леса.

К этому реву примешался крик человека. Вай увидел, как зашевелились кусты, фигурка человека, из-за расстояния казавшаяся совсем маленькой, выползла из кустарника на четвереньках и упала. Снова рев чудовища, а потом

снова крик человека.

Вай увидел, как из-за деревьев выбежал другой человек, оборачиваясь в сторону невидимого преследователя. Вай заметил блик, отразившийся от чего-то металлического — несомненно, от ствола излучателя. Листья на деревьях потемнели, ниточка дыма вилась из черной дыры, прожженной лучом.

Человек все еще не двигался. Потом прошел, пятясь… мимо своего лежащего товарища и наконец оглянулся назад, на скалы, к которым он медленно, но неуклонно приближался. Он перестал палить по деревьям, и там, где он прошел, трепетали маленькие огоньки.

Два шага назад, три. Потом он повернулся и быстро пробежал еще немного, затем снова осмотрелся и преодолел несколько метров открытого пространства. Теперь Вай видел: это был Васс.

Еще несколько скачков, снова взгляд назад. Теперь он увидел своих врагов. Их было трое, и каждый из них был так же ужасен, как и те, с которыми Вай сражался на этом же самом месте. Один был ранен и с яростным ревом махал обожженной лапой.

Васс поднял излучатель и направил его дуло на ближайшего преследователя. Потом нажал

на спуск; на это ему понадобилось полсекунды, которые едва не стоили ему жизни, потому что чудовище сделало неожиданный прыжок, которого Вай так счастливо избежал.

Когтистая лапа вырвала полоску материи из куртки Васса и оставила на его коже длинный красный след. Он швырнул оружие в морду чудовища и устремился к «вратам».

Вай держал игольный пистолет на коленях, и был готов стрелять. Теперь он выстрелил. Затем увидел, как дротик впился в предплечье чудовища и затрепетал в ране. Оно остановилось, вырвало занозу из отравленного металла и согнуло ее. Вай выстрелил снова, не особенно целясь, но почувствовал большое удовлетворение, когда дротики попали в плечо, лапу и грудь чудовищ. Потом три синих груды мяса и костей упали, а человек все еще бежал к «вратам».

Васс на полной скорости налетел на невидимый барьер, его отбросило, и он рухнул на землю. Потом поднялся и снова направился к выходу из ущелья, который он видел, но которого на самом деле не было.

Вай закрыл глаза. Он очень ослабел, и ему хотелось спать. Возможно, сказывалось действие таблеток. Но он все-таки услышал крик человека,

перешедший в монотонный вой, человека, все еще старавшегося пробить невидимую стену, и Васс выл так до тех пор, пока не понял, что все его попытки прорваться через барьер тщетны.

— Мы получили сообщение от Раса Хьюма, звездного охотника гильдии, передававшееся автоматически. — Вай враждебно уставился на офицера в черно-серебристом мундире Космического Патруля, принадлежность которого к Внеземному Корпусу выдавала только маленькая зеленая нашивка.

— Тогда вы знаете нашу историю, — Вай не собирался ничего добавлять и не хотел давать никаких объяснений. Может быть, Хьюм будет реабилитирован. А сам он желал лишь идти своей дорогой, и как можно быстрее покинуть Джумалу, и еще — чтобы Хьюм тоже смог сделать это.

Он не видел охотника с тех пор, как глайдер Патруля опустился у «врат». Васса вытащили из долины — он превратился в отупевшее, безвольное существо, все еще находившееся под влиянием неведомой силы, устроившей ловушку. Насколько Ваю дали понять, хозяин все еще не пришел в сознание и, может быть, никогда больше не придет. И, если Хьюм не надиктовал на пленку никакого самообвинения, возмож-

но, ему удастся избежать наказания. Они могут подозревать его — но против него нет никаких доказательств.

— Итак, вы, как и прежде, отказываетесь давать показания? — офицер свирепо взглянул на него.

— Это мое право.

— У вас есть право на компенсацию — значительную компенсацию, Лензор.

Вай пожал плечами.

— Я не выдвигаю никаких требований и не дам никаких показаний, — повторил он.

И больше он не намеревался отвечать, уж слишком часто его допрашивали.

Его посещали уже второй раз за последние два дня, а он до сих пор был еще очень слаб. Может быть, следовало подчиниться велению рассудка и попросить, чтобы его отправили обратно на Нахуатль. Только это странное, необъяснимое желание хотя бы мельком увидеть Хьюма удерживало его от того, чтобы выдвинуть условие, которое они не вправе были отклонить.

— Я бы на вашем месте хорошенько подумал, — сказал чиновник.

— Неприкосновенность личности… — Вай сдержал улыбку. Впервые в своей полной разочарований жизни он мог произнести эти слова.

Он видел, как чиновник поджал губы, но все же оставил приказной тон и включил интерком.

— Он отказывается отвечать.

Вай ждал, что предпримет чиновник, ища предлога оборвать разговор. Вместо этого с офицера словно спала маска чиновника. Он вытащил из кармана сигареты, предложил Ваю одну, от которой тот, извинившись, отказался, и закурил сам. Потом дверь каюты отошла в сторону, и Вай чуть не выскочил из постели, когда вошел Хьюм, чья голова все еще была в бинтах, как в чалме.

Офицер указал рукой на Вая, словно был рад свалить свои проблемы на другого.

— Вы были совершенно правы. Делайте с ним что угодно.

Вай переводил взгляд с охотника на офицера. Почему Хьюм не арестован? Или служащие Космического Патруля не считали нужным держать его под арестом на борту космического корабля, откуда ему некуда было бежать? И все же охотник не выглядел пленником. Он плюхнулся в кресло и взял сигарету, от которой отказался Вай.

— Итак, вы отказались дать показания, — ухмыльнулся он.

— Вы отлично знаете, почему я не хочу этого делать! — Вай был так ошеломлен этим неожи-

данным поворотом событий, что в голосе его зазвучали слезы.

— Когда я думаю, сколько времени и усилий ухлопал, чтобы вынудить вас дать показания, мне кажется, что я в чем-то ошибся.

— Я должен дать показания вам? — повторил Вай.

Чиновник вынул изо рта дымящуюся сигарету.

— Расскажите ему все, Хьюм.

Но Вай уже понял. Жизнь в «Звездопаде», жизнь бродяги или обостряет мыслительные способности, или вовсе отнимает их.

— Западня? — спросил он.

— Западня, — подтвердил Хьюм. Потом он посмотрел на человека в мундире, словно хотел обратить на себя его внимание. — Я хочу рассказать тебе правду — сначала все было не совсем легально. У меня имелись все основания для того, чтобы любыми способами добиваться наследства Когана — но только не по финансовым мотивам, — он пошевелил пальцами искусственной руки. — Когда я нашел спасательный бот с «Ларго Дрифта» и увидел, какие здесь скрыты возможности, я пораскинул мозгами, у меня возник этот план. Но я человек гильдии и хочу остаться им. Итак, я связался со специалистами и рассказал

им всю историю. Из-за этого плана я и не хотел, чтобы мое открытие было зафиксировано.

— Когда он сообщил о спасательном боте Космическому Патрулю, то объяснил сразу, как можно устроить ловушку. Затем последовала цепная реакция: Патруль хотел отловить Васса. Но тот был слишком могуществен и коварен, чтобы его можно было так легко взять.

— Они решили, что моя идея — отличная приманка, которую Васс должен проглотить, а я должен был обо всем ему рассказать. Он, несомненно, провел собственное расследование, узнал, что у меня есть основания, чтобы сделать то, что я выдал ему за свой план, и он клюнул. Итак, я пошел к нему со своим предложением, и оно ему понравилось. План осуществился так, как я и рассчитывал. В качестве наблюдателя он приставил ко мне Ровальда. Но я не знал, что Яктизи не был тем, за кого себя выдавал.

Офицер Патруля усмехнулся.

— Исключительно в целях безопасности, — он выпустил колечко дыма. — Исключительно ради нее.

— Но вот чего мы не предусмотрели, так это сложностей с туземцами. Вас должны были найти как потерпевшего кораблекрушение, доставить в

центр, и как только Васс сунется в дело, Патруль прекратит надувательство. Теперь Васс у нас, и с вашими показаниями он от нас больше не ускользнет. Придется ему покаяться. Кроме того, возникла проблема с внеземным разумом, о которую специалисты еще обломают немало зубов. И нам действительно нужны ваши показания.

Вай из-под полуопущенных век смотрел на Хьюма.

— Итак, значит, вы их агент?

Хьюм покачал головой.

— Нет, я тот, кем я себя называю. Звездный охотник, которому случайно удалось узнать секрет, способный сломать шею одному из крупнейших преступников Галактики. У меня действительно много причин не любить клан Когана, но возможность прижать к ногтю Васса дает больше оснований для самоуважения.

— Компенсация — я правда могу претендовать на нее или это блеф?

— Вы по первому требованию получите компенсацию из имущества Васса. Он очень много денег вложил в легальные предприятия. Вы уже знаете, что сделаете со своей долей? — спросил офицер.

Хьюм только улыбнулся в ответ. Теперь он был

совсем не таким, каким Вай привык видеть его на Джумале.

— Цена обучения в гильдии — тысяча кредитов задатка, две тысячи за само обучение и, может быть, еще тысяча для покупки самого лучшего снаряжения, которое я способен представить. После этого у вас останутся свободными еще две-три тысячи кредитов…

— С чего вы так уверены, что я стремлюсь в вашу гильдию? — начал Вай и улыбнулся нелепости своего возражения, когда Хьюм произнес:

— Вообще-то нет. Но будет просто отлично, если вы это сделаете. Итак, берите микрофон. А нам с командиром, кажется, предстоит кое-что услышать. — Он встал. — Вы знаете, гильдия заявила права на это открытие. Может быть, мы видим нашу таинственную долину в последний раз, рекрут.

С этими словами он ушел, и Вай, который был рад, что может наконец избавиться от своего прошлого и устремиться к будущему, взял микрофон.